

Архимандрит Георгий
(Тертышников)

СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА,
ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО

МОСКВА
2008

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
*Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси*
АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

*Интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru*

Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. Изд. 2-е. — М., «ДАРЪ», 2008. — 640 с.

ISBN 978-5-485-00165-0

«Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского» представляет собой подборку наставлений святителя об основах Православной веры и духовной жизни. Симфония была составлена магистром богословия и доцентом МДА, членом Синодальной комиссии по канонизации святых архимандритом Георгием (Тертышниковым; † 1998).

ISBN 978-5-485-00165-0

© Издательство «ДАРЪ», 2008

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Господь судил так, что автор «Симфонии по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского», архимандрит Георгий (Тертышников), был призван в обители небесные в самом расцвете своего духовного творчества — он не успел подготовить свою рукопись к печати, поэтому окончательная редакция текста «Симфонии» осуществлялась издателями.

Источниками составленной архимандритом Георгием «Симфонии» послужили тексты писем богомудрого святителя, опубликованные в XIX столетии и переизданные в наши дни. Большая часть этих писем была адресована епископом Феофаном реальным лицам, которые обращались к нему за духовным советом и состояли с ним в многолетней переписке. Другую часть составляют духовные поучения на разные случаи, облеченные в форму писем. Слог Вышенского Затворника неповторим: он отражает красоту и богатство личности святителя, стяженный им дар рассуждения и его глубокое знание человека. Феофан Затворник писал письма, пастырски заботясь о духовной пользе собеседника, но при этом всегда сообразуясь с мерой его духовного возраста и возможностями. Сквозящую в каждом письме мудрость духовного слова, которое есть *меч духовный* (Еф. 6, 17), святитель обычно укрывал словом простым, обиходным для языка его адресата.

Чтобы передать особенный строй речи святителя Феофана, при подготовке к изданию «Симфонии» мы придерживались принципа, сочетающего, с одной стороны, верность оригиналу — в точном воспроизведении всех авторских слов и форм, с другой стороны, доступность книги современному читателю — в отказе от буквального воспроизведения текста по старым нормам литературного языка.

В соответствии с принципом публикации:

— орфография источников переведена в современную русскую в тех случаях, когда различия не несут смысловой и индивидуально-стилистической нагрузки (устранены вышедшие из употребления буквы, заменены устаревшие грамматические формы и т.п.);

— церковнославянские слова и выражения передаются в русской графике с сохранением грамматической формы источников;

— знаки препинания расставлены в соответствии с правилами современной русской пунктуации и с учетом авторской пунктуации;

— особенности употребления святителем Феофаном церковнославянских, иноязычных, диалектных и просторечных слов и выражений, а также библейских цитат сохраняются:

1) в тексте ссылки на книги Священного Писания даны только в тех случаях, когда они имеются в письмах святителя Феофана;

2) встречающиеся случаи свободного цитирования и переказа святителем Феофаном библейских текстов сохраняются;

3) цитирование Священного Писания по-церковнославянски или по-русски соответствует цитированию в издании писем святителя Феофана, на которые даются ссылки;

4) в сносках цитаты из Священного Писания даны издателем в синодальном переводе, Псалтирь — в переводе П. Юнгера, и даны ссылки, если они в тексте не приведены;

5) курсив отсылочного издания сохранен.

В «Симфонии» в конце каждой цитаты сделаны сокращенные ссылки на источники: первое число означает номер в списке источников, второе — номер страницы.

Для правильного понимания слов и выражений, которые могут вызвать трудности у современного читателя, составлен «Словарь малопонятных слов и выражений».

Мы выражаем глубокую благодарность преподавателям кафедры истории русского языка и общего языкознания и кафедры современного русского языка Рязанского государственного педагогического университета, осуществившим лингвистическую подготовку текста.

ОБ АВТОРЕ

«Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского»^{*} — книга известного своими богословскими работами^{**} архимандрита Георгия (Тертышникова), безвременно ушедшего от нас 2 октября 1998 года. «Симфония» — это плод труда всей жизни отца Георгия — магистра богословия и доцента Московской Духовной Академии, члена Синодальной комиссии по канонизации святых, более двадцати лет посвятившего изучению духовного наследия святителя Феофана, Затворника Вышенского^{***}. Архимандрит Георгий (в миру — Николай Иванович Тертышников) родился 22 июня 1941 года в селе Октябрьское Ипатовского района Ставропольского края.

С семи лет Николай стал посещать храм, позднее пел и читал на клиросе. Его стремление к Богу было предметом частых споров с отцом-атеистом и окружающими людьми. Но от своей веры и Церкви юный исповедник не отступил. Николай был живым, веселым мальчиком, учился всегда отлично. Несмотря на свою религиозность, которая была более чем инородной для соотечественников в стране воинствующего атеизма, богобоязненный отрок пользовался авторитетом и любовью у сверстников.

В 1959 году Николай окончил среднюю школу, а в 1962 году — с отличием фельдшерское отделение Ставропольского медицинского училища.

С 1962-го по 1964 год он проходил воинскую службу в госпитале Советской Армии в ГДР. С 1965 года Николай Тертышников учился на вечернем отделении Оренбургского медицинского института и работал в медицинском пункте железнодорожного техникума.

^{*} Начало «Симфонии» было опубликовано в журнале «Вышенский паломник» №№1–12 (Рязань, 1996–2001 гг.).

^{**} См. Приложение 3.

^{***} В 1999 году в издательстве «Правило веры» (Москва) вышла книга архимандрита Георгия (Тертышникова) «Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении».

Но не на поприще медицины суждено ему было послужить Богу — Господь призвал его быть врачом человеческих душ. В том же 1965 году, оставив светскую деятельность, Николай поступил в Московскую Духовную Семинарию, под кров преподобного Сергия.

Учился Николай с увлечением, в студенческой характеристике отмечено «прилежно», пел в семинарском хоре. Тихий, скромный, почтительный, он приобрел у окружавших его людей любовь и уважение. Склонность будущего отца Георгия к монашеству была для всех очевидна.

«Можно сказать, что с самого начала обучения в Семинарии у него имелась особая целеустремленность к достижению Царствия Небесного, которую раскрывает сочинение “Как я намереваюсь провести летние каникулы в текущем году”, написанное им в конце первого года обучения. Родившись на Северном Кавказе, Николай душой тянулся к древним православным святыням Грузии. В своем сочинении он писал: “Во время летних каникул я хочу поехать в Грузию и посетить те места, где подвизались многочисленные угодники Божии. Жизнь этих святых указывает христианам путь к Царству Небесному”. В конце Николай пишет: “После приезда из Грузии я хочу подробно познакомиться с трудами епископа Игнатия Брянчанинова”. Несомненно, это стремление объяснялось тем, что святитель Игнатий жил на Северном Кавказе, управляя Ставропольской епархией. Однако в процессе учебы в Духовной школе отца Георгия захватила другая тема — богословское и духовно-литературное наследие святителя Феофана, Затворника Вышенского. Эта тема стала основополагающей в его ученом творчестве, именно ей была посвящена кандидатская работа»*.

По Божьему Промыслу духовным руководителем отца Георгия стал выдающийся глинский** старец XX века — схииеримандрит Иоанн (Маслов; † 1991), который после закрытия обители в 1961 году преподавал в московских духовных шко-

* Макарий (Веретенников), архимандрит. «Некролог» // Вышенский паломник, 1998, № 8. С. 50–51.

** С XVII в. в течение четырех веков важное место среди православных обителей занимала Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Курской епархии. Она была одной из тех редких на Руси обителей, в которой старческое окормление было утверждено Уставом. Впоследствии Глинский устав, составленный по образцу Афонского, полностью или частично был заимствован многими русскими монастырями.

лах, где через отца Иоанна осуществлялась духовная преемственность традиций Глинской пустыни.

Еще будучи студентом Духовной Семинарии, Николай Тертышников вместе с архимандритом Иоанном (Масловым) посетил глинского старца схиархимандрита Андроника (Лукаша), который оказался на Кавказе после второго закрытия пустыни в 1961 году.

Следуя традициям старцев Глинской пустыни и мудрому руководству архимандрита Иоанна, еще в молодости приобрел отец Георгий мирное устройство души: он никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенной покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божьей; никто не слышал от него ни слова нетерпения, ни ропота, никто не видел его в унынии.

Чтобы понять духовное устройство отца Георгия, надо упомянуть о тех духоносных старцах, которые подвизались в Глинской пустыни после ее первого возобновления с 1942-го по 1961 год*. Периоды расцвета и упадка духовной жизни всегда были связаны с возрастанием или уменьшением роли духовного руководства. Возрождение старчества в Глинской пустыни обусловило такой подъем духовной жизни в обители, что слава о ней распространилась по всей стране.

Своим духовным расцветом и внешним благоустройством в послевоенные годы Глинская пустынь во многом обязана схиархимандриту Серафиму (Амелину)** — великому подвижнику и истинному последователю богомудрых настоятелей Глинской пустыни. При нем обитель прославилась святыми старцами — духовными руководителями иноков и мирян к вечному спасению. Ежедневное откровение помыслов, полное

* Здесь и далее использованы книги:

— *Иоанн (Маслов), схиархимандрит*. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI–XX веках. М., Издательский отдел Московского Патриархата, 1994;

— *Маслов Н.В.* Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). М., Издательство Московской Патриархии, 2000;

— Магистр богословия Московской Духовной Академии архимандрит Георгий (Тертышников) / Сост. прот. Сергей Правдолюбов. М., Святытель Киприанъ, 1998).

** Возобновителем Глинской пустыни в 1942 году был ее прежний настоятель — архимандрит Нектарий (Нуждин). Он восстановил обитель, собрал братию, вновь ввел истинно подвижнический Устав, учредил старчество. Почуствовав свой близкий исход, отец Нектарий передал управление монастырем свой близкий исход, отец Нектарий передал управление монастырем иеросхимонаху Серафиму (Амелину, впоследствии схиархимандриту).

отсечение своей воли и безусловное послушание были нормой жизни для глинских иноков.

Сам настоятель схиархимандрит Серафим был для всех примером святой жизни. Благоразумный и рассудительный, он и среди многих попечений умел жить как затворник, пребывая в умно-сердечной молитве, которая незримо ограждала братию от всех козней вражеских и осеняла миром Христовым жизнь обители, ее насельников и богомольцев. С братьями отец настоятель обращался как с родными детьми. Наставлял всегда коротко, четко и ясно. Слово его содержало высокое назидаение и отличалось особенной меткостью, так как ум отца Серафима, просветленный благодатью, ясно постигал истины Божии. Он всей душой любил эти истины, и когда говорил о них, то слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действительно и плодоносно.

Старец во всей полноте имел дар прозрения в тайники человеческих душ. Рядом с ним отлетало все ненужное, суетное и наносное. Человек становился самим собой, видел свои грехи и приходил к истинному раскаянию. Тогда старец с кротостью говорил два-три слова на пользу душе, и эти слова человек, как драгоценное сокровище, хранил незабвенно всю жизнь, благодаря за них Бога. Братия считали себя блаженными, что находятся в послушании у такого старца. Господь еще при жизни прославил Своего угодника явными чудесами.

Велик был духовный авторитет и известного своей святой многотрудной жизнью схиархимандрита Андроника (Лукаша). Отец Андроник так писал и говорил своим духовным чадам: «Помните великий день вашего пострига, помните обеты при постриге, данные нами... быть истинными монахами, вовеки не согрешите...» Душа отца Андроника, очищенная многими скорбями, была переполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духоносность и привлекала людей к старцу. После второго закрытия обители в 1961 году отец Андроник переселился в г. Тбилиси.

В Грузии отец Андроник продолжал свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме святого Александра Невского. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, устремились к нему со всех концов страны ищущие спасения. Тесна была духовная связь отца Андроника со всеми глинскими иноками, которые часто писали ему и приезжали. И отец Георгий (Тертышников) со своим духовным руководителем — архимандритом Иоанном (Масловым), бывшим иноком Глинской

пустыни*», — приезжал к нему на Кавказ, еще будучи студентом. «Сердце горело, когда ехали к старцу», — вспоминал отец Иоанн (Маслов).

Схиархимандрит Иоанн (Маслов), духовный руководитель отца Георгия, был зачислен в обитель в 1955 году. Глинская пустынь пребывала в ту пору в расцвете и давала обильные духовные плоды. Узы дружбы тесно связывали отца Иоанна и духоносного старца схиархимандрита Андроника (Лукаша) до самой кончины отца Андроника, а духовно-молитвенное общение их никогда не прекращалось. Отец Иоанн неоднократно ездил в Тбилиси к старцу Андронику.

С большой любовью рассказывает об архимандрите Иоанне (Маслове) митрополит Рязанский и Касимовский Симон, который в 1965–1972 годах был инспектором Московской Духовной Академии и Семинарии: «Отец Иоанн — человек очень высокой духовной жизни. Я видел в нем старца-наставника. Не было дня, чтобы я не советовался с ним. Слова его всегда сбывались, советы оказывались полезными. Отец Иоанн — воплощенная кротость, очень скромный, смиренный, во всем имел послушание. Никогда никому ни в чем не отказал. Все знали, что он всегда поможет. Безотказный пастырь... Часто мы вместе с ним читали правило ко Святому Причащению. Отец Иоанн очень любил молитву. Жил молитвой... С такими людьми легко служить, легко жить. Такие люди являются украшением Церкви. Отец Иоанн — соль земли, свеча, которую ставят на подсвечник, чтобы всем светила...»

Беседы с отцом Иоанном искали и епископы, и министры, и простые миряне. И для каждого у него находилось слово на пользу. Как в свое время к старцу Андронику в Глинскую пустынь, а позднее на Кавказ, так теперь к архимандриту Иоанну в Свято-Троице-Сергиеву Лавру потянулся народ Божий со всех концов России. Отцу Иоанну было тогда лишь 33 года, но он уже был духоносным старцем и мог окормлять огромную

* Бывшие иноки Глинской пустыни до начала 50-х годов составляли почти половину насельников вновь открытого монастыря. Благодаря их высокой духовной настроенности, верности древним традициям обители в Глинской пустыни строжайше соблюдались все монашеские обеты. Несмотря на то что почти две трети насельников были в те годы старше 60 лет, немощные телесно, но сильные духовно, они своей молитвенно-трудоуной иноческой жизнью восстановили и благоустроили Глинскую пустынь. Их высокая духовная целенаправленность была результатом старческого окормления.

российскую паству, к чему был подготовлен в Глинской пустыни. Вот лишь некоторые отзывы разных по характеру людей о беседе со старцем: «Когда старец слушает вас, то вы чувствуете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе»; «Батюшка все понимает без слов и гораздо глубже и лучше, чем я сам мог бы рассказать»; «Вся душа моя в его руках».

Преподавая в МДА, архимандрит Иоанн духовно окормлял в числе студентов и отца Георгия. Батюшка приучал каждого открывать свои мысли духовнику. В лекциях по пастырскому богословию отец Иоанн говорил: «Откровение помыслов старцу искореняет зло и предупреждает от грехопадений». Это дело — откровение помыслов старцу — издавна процветало в Глинской пустыни, и батюшка прививал его своим духовным детям. Лекции архимандрита Иоанна, обладая неотразимой внутренней благодатной силой, содержали и много конкретных практических советов, касающихся всех сторон жизни пастыря. По отзывам студентов, отец Иоанн умел посеять в их сердцах истинный дух пастырства — аскетический, самоотверженный, дышащий любовью.

С таким духовным руководителем восходил студент Николай Тертышников *от силы в силу* (Пс. 83, 8).

По окончании Московской Духовной Семинарии в 1969 году Николай Тертышников поступил в братство Свято-Троице-Сергиевой Лавры и 26 декабря того же года был пострижен в монашество тогдашним наместником, архимандритом Платоном (Лобанковым, впоследствии епископом Воронежским и Липецким), с именем Георгий — в честь великомученика Георгия Победоносца. Отец Георгий был прирожденным монахом, монахом по призванию. Невозможно было бы представить его в роли светского человека: так определенно и неуклонно направлено было все его существо к Богу. Добродетельные наклонности его души, при постоянном молитвенном подвиге, возрастали и укреплялись, — казалось, что духовная жизнь дается ему легко. Но кто знал, каких трудов это требовало?! Будучи насельником Троице-Сергиевой Лавры, отец Георгий исполнял различные послушания и ко всем ним относился ответственно и добросовестно.

«Я боюсь нарушить волю Божию», — часто можно было услышать из его уст. Особенным качеством его души было никогда ни в чем никого не осудить. Как ему это удавалось, можно было удивляться бесконечно.

14 января 1970 года митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (Извековым, впоследствии Патриархом Московским и всея Руси) монах Георгий был рукоположен в сан иеродиакона, а 14 июня 1970 года ректором Московской Духовной Академии епископом Дмитровским Филаретом — в сан иеромонаха.

Как истинный монах, отец Георгий был крайне нестяжателен. Одна из его духовных дочерей рассказывает, что батюшка как-то дал ей свои сапоги и попросил найти сапожника, чтобы их починить. Подошва у них вся износилась, осталась «как тоненькая бумажка, а внутри торчали гвозди». Редко соглашался батюшка, чтобы ему сшили что-то новое.

В 1973 году иеромонах Георгий (Тертышников) окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, присвоенной ему за сочинение на тему «Гомилетический элемент в эпистолярном наследии епископа Феофана Затворника», и был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре истории Русской Церкви.

В 1974 году им был написан стипендиатский отчет «Церковно-исторический материал в трудах историка Н.М. Карамзина». С 1973 по 1985 год отец Георгий преподавал в Московской Духовной Семинарии историю Русской Церкви, общую церковную историю и догматическое богословие.

В 1973 году иеромонах Георгий награжден наперсным крестом, в 1976 году возведен в сан игумена, в 1979 году награжден палицей, а в 1983 году — крестом с украшениями и медалью преподобного Сергия Радонежского I степени.

В 1985 году Учебным комитетом отец Георгий был направлен во Владимирскую епархию для прохождения пастырского служения.

28 августа 1988 года игумен Георгий (Тертышников) был возведен в сан архимандрита и награжден архиерейской грамотой архиепископа Владимирского и Суздальского Валентина (Мишука).

С 1 сентября 1988 года архимандрит Георгий (Тертышников) — преподаватель Московской Духовной Семинарии по догматическому богословию и катехизису, а затем — Московской Духовной Академии по гомилетике. Личные качества и прекрасная эрудиция отца Георгия делали его уроки живыми и интересными, дающими пищу уму и сердцу. Отец Георгий был педагогом старого образца и никогда не ставил знания выше душевной пользы человека, но, напротив, всячески старался

привить своим питомцам любовь ко всему духовному. Он часто напоминал, что хотя хорошо подготовленный пастырь, прошедший курс наук в Семинарии, может принести гораздо больше пользы Церкви, чем тот, кто этого образования не имеет, но настоящее богословское образование немислимо без подвига духовной жизни.

Учащиеся относились к отцу Георгию с большим уважением, даже почтением; видя в нем человека духовно опытного, многие приходили к нему на исповедь.

Один из воспитанников Семинарии вспоминает: «Когда я поступал в МДС, отец Георгий принимал экзамен по богослужебному уставу. Он мне тогда запомнился строгим, сосредоточенным. Некоторые абитуриенты говорили тогда: “Даже если мы и не поступим в Семинарию, отрадно, что мы встретились на экзамене с самим архимандритом Георгием (Тертышниковым)”. У нас на приходе его все знают по выступлениям на радио “Радонеж”, он там очень умирительно читает жития святых, проводит беседы».

Удивительно было, насколько бережно обращался батюшка с душой каждого своего ученика, да и всех окружавших его людей. Он умел исправить и даже смирить для душевной пользы так тактично, с такой любовью, без всякого раздражения, что человек не считал себя униженным и обиженным, но мог извлечь нужный урок. Если отец Георгий видел кого-то расстроенным, то всегда старался утешить, для чего даже хвалил за что-нибудь.

Рассказывают такой случай. Был среди учащихся Семинарии один, получивший хорошее светское образование и, видимо, по духовной неопытности гордившийся этим. Ответы его на уроках были, можно сказать, безупречны, но отец Георгий частенько ставил ему за них троечку, тогда как ответы менее блестящие, но более смиренные оценивались им в четыре и пять баллов. Возмущенный такой несправедливостью, ученик пошел к духовнику Лавры архимандриту Кириллу (Павлову) и сказал, что архимандрит Георгий воздвиг на него гонения. На что отец Кирилл спокойно ответил: «Ну если это отец Георгий, то гонения ненадолго».

20 апреля 1989 года архимандрит Георгий был назначен старшим помощником инспектора Московских Духовных Академии и Семинарии.

Среди начальствующих, наставников и преподавателей Академии отец Георгий пользовался большим уважением, к его

мнению прислушивались. На заседании Воспитательного совещания всегда, когда он говорил, слышался голос не только педагога, но и опытного духовника, а потому голос этот был весок.

Большое внимание уделял батюшка просветительской деятельности среди людей, еще ищущих Бога или недавно ставших на путь, ведущий к Нему.

На основании учения святых отцов и подвижников, а также своего личного опыта отец Георгий говорил, что христианское совершенство состоит в глубине смирения. Смирение — основное религиозное чувство, без которого нельзя познать истины, ибо смирение — это способность видеть истину. Пути к достижению смирения — почаще открывать свои немощи на исповеди, а также приучать себя к самоукорению.

26 марта 1990 года на открытом заседании Совета Московской Духовной Академии состоялась защита магистерской диссертации архимандрита Георгия «Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении». На выпускном Акте Московской Духовной Академии 1990 года ректор Академии вручил архимандриту Георгию магистерский крест и дипломы магистра богословия и доцента Московской Духовной Академии.

В июле 1990 года архимандрит Георгий был назначен ректором Тобольской Духовной Семинарии, а 27 октября того же года освобожден от ректорства «в связи с назначением на эту должность преосвященного епископа Тобольского Димитрия».

В сентябре 1992 года ректором МДА епископом Филаретом архимандрит Георгий приглашается на должность преподавателя Московской Духовной Семинарии и доцента Московской Духовной Академии.

Архимандрит Георгий участвовал в работе научных форумов в разных городах России. Так, например, в Рязани 17 января 1994 года по его инициативе и под его руководством прошли Чтения, посвященные святителю Феофану Затворнику. А 29 мая 1996 года на Всероссийской научно-практической конференции «Подготовка учителей к духовно-нравственному образованию и воспитанию учащихся» (Рязань) отец Георгий выступил с докладом «О действии Божественной благодати по творениям святителя Феофана». Выступления отца Георгия неизменно собирали большую аудиторию студентов и учителей. Сам облик батюшки, его неторопливая речь, то, о чем он говорил, были настолько необычны для светских людей, что вызывали неподдельный интерес. Весь зал, затаив дыхание, ловил каждое слово докладчика, которое благодатным зерном

падало в человеческое сердце. К концу доклада лица слушателей заметно просветлялись.

Отец Георгий, несомненно, принадлежал к числу тех редких избранников Божиих, которые, сочетав природные незаурядные способности ума с личным духовным подвигом, стали способными к ведению, осмыслению и изложению духовного опыта Церкви.

Библиография архимандрита Георгия с 1973-го по 1997 год охватывает 221 публикацию (Приложение 3).

Его большая церковно-научная богословская деятельность нашла отражение на страницах различных периодических изданий: «Журнала Московской Патриархии», журналов «Богословские труды», «Православная беседа», «Вышенский паломник», «Альфа и Омега», ЕККЛHСIА, *Stimme der Orthodoxie* (Берлин) и других.

Но самое значительное место в творчестве отца Георгия занимает изучение духовного наследия святителя Феофана Затворника, которому он посвятил более двадцати лет своей жизни. Архимандрит Георгий составил полную библиографию духовно-литературного наследия святителя Феофана, Затворника Вышенского.

Творения святителя Феофана привлекли внимание архимандрита Георгия еще в период становления его как монаха, богослова, наставника московских духовных школ. Его первой публикацией стала библиографическая статья в «Журнале Московской Патриархии», посвященная житию святителя Феофана, а кандидатское сочинение рассматривало гомилетические особенности эпистолярного наследия святителя. Несмотря на то что последующая преподавательская деятельность архимандрита Георгия затрагивала широкий круг вопросов истории Православной Церкви, духовное и литературное наследие святителя Феофана никогда не переставало интересоваться его; снова и снова возвращался отец Георгий к богословскому наследию святого архипастыря, находя в его трудах ответы на многие вопросы руководства в духовной жизни, осмысление самых сложных проблем, которые ставят перед человеком конкретные обстоятельства изменчивой жизни. Так постепенно сложилась главная тема научной деятельности архимандрита Георгия — богословское наследие святителя Феофана Затворника. Перу архимандрита Георгия принадлежит множество научных работ, исследований и монографий, посвященных святителю. Житие святого архипастыря стало для отца Георгия тем ориен-

тиром, по которому он сверял свои поступки. Вот как сам он пишет о святителе Феофане: «Святитель Феофан посвятил жизнь поискам пути к вечной жизни, в своих творениях он показал этот путь последующим поколениям... Творения и письма Вышенского Затворника — это не плод труда богослова-теоретика, а живой опыт деятельного подвижника, созидавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и Священного Предания Церкви».

Благодаря деятельному участию архимандрита Георгия в Рязанской епархии в 1996 году был создан журнал «Вышенский паломник», посвященный святителю Феофану и вместивший в себя духовно-просветительские труды отца Георгия о великом архипастыре.

Изучая духовное наследие святителя Феофана, архимандрит Георгий более двадцати лет работал в архивах Петербурга, Владимира и Тамбова. Результатом этих трудов была составленная им «Симфония» по творениям святителя, издание которой при жизни отца Георгия не было осуществлено.

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 5 октября 1994 года архимандрит Георгий (Тертышников) был назначен членом Синодальной комиссии по канонизации святых.

Трудами архимандрита Георгия были подготовлены материалы по канонизации святителя Феофана, Затворника Вышенского, совершившейся 6 июня 1988 года.

Архимандрит Георгий подготовил также материалы к канонизации преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей преподобного Сергия Радонежского; старца Варнавы Гефсиманского; архимандрита Антония (Медведева), причисленного к лику местных радонежских святых через две недели после смерти отца Георгия.

Богословские статьи и проповеди архимандрита Георгия были опубликованы в различных печатных изданиях:

— в журналах: «Журнал Московской Патриархии», «Богословские труды», «Москва», «Православная беседа», «Альфа и Омега» (Москва), «Путь Православия», «Троицкое слово» (Свято-Троице-Сергиева Лавра), *Stimme der Orthodoxie* (Берлин), *EKKLHSIA*, «Православний вісник» (Киев), «Рязанский церковный вестник», «Вышенский паломник» (Рязань), «Православное слово», «Сеятель» (Нижний Новгород), «Русь» (Ростов Великий);

— в газетах: «Русь Державная», «Православная Москва», «Лампада», «Русский вестник» (Москва), «Хотьковский вестник», «Просторы России» (Орел), «Литературный Иркутск», «Колокол» (Сергиев Посад), «Благовест» (Рязань).

Архимандрит Георгий участвовал в работе многих богословских конференций:

— в торжественном вечере «История и современная жизнь Троице-Сергиевой Лавры», посвященном 600-летию со дня блаженной кончины преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца (29 сентября 1992 года, Сергиев Посад);

— в конференции «Русский монастырь как центр духовной культуры» (6 декабря 1992 года, Москва);

— в Чтениях памяти святителя Феофана, Затворника Вышенского, к 100-летию со дня преставления (17 января 1994 года, Рязань);

— в Православных богословских чтениях «Богословское наследие святителя Феофана Затворника» (27 июня 1994 года, Владимир);

— в Международной конференции «Монашество и монастыри в России» (23 ноября 1994 года, Москва);

— во Всероссийской научно-практической конференции «Подготовка учителя к духовно-нравственному образованию и воспитанию учащихся» (29 мая 1996 года, Рязань);

— в Макарьевских чтениях «Почитание святых» (7 июня 1996 года, Можайск);

— в Питиримовских духовно-образовательных чтениях (30 октября 1996 года, Мичуринск).

С 1992-го по октябрь 1998 года архимандритом Георгием на православной радиостанции «Радонеж» были произнесены проповеди на различные темы, проведены беседы по библейской истории, а также об основах православной веры и нравственности по творениям святителя Феофана Затворника.

В 1995 году, по благословению священноначалия, отцом архимандритом были прочитаны лекции о русском монашестве для Центральной православной радиостанции Греции.

В этом же году архимандрит Георгий посетил святой град Иерусалим, монастыри и храмы Палестины.

В праздничные и воскресные дни архимандрит Георгий произносил проповеди в Свято-Троице-Сергиевой Лавре, в Московской Духовной Академии, в храмах Московского Кремля.

Бесценна научно-богословская деятельность отца Георгия в глазах Церкви, но не менее достойны внимания его труды как пастыря и духовника.

Руководство душ в деле спасения во все времена считалось труднейшей задачей, которая под силу лишь немногим, особо опытным в духовной жизни людям.

Отец Георгий хорошо понимал великую ответственность, но и великую пользу духовничества и любил повторять: «Спасение без духовника возможно, а духовное возрастание очень затруднительно».

Сам батюшка был духовником и отцом для своих чад в полном смысле этого слова. Побывав однажды у него на исповеди, невозможно было не прийти вновь. Ко всем необыкновенно внимательный, батюшка особенно старался опекать людей малоцерковных, делающих только первые шаги в Православии. Поисповедовав их (обычно перед Причастием), он просил приходиться на следующий день для беседы. Разговор с отцом Георгием, обладавшим даром слова и даром учительства, был очень интересным, содержательным, его отношение — внимательным и любовным. Все это привлекало людей и давало им возможность утвердиться в вере. Среди духовных чад отца Георгия были миряне и монахи, ученые и простецы, и каждому из них он мог дать то, что для того было полезно. «Меня поражало его знание человеческой души, — вспоминает один из духовных сыновей отца Георгия, — какая-то изящная рассудительность в обращении с людьми. Он умел “подобрать ключ” даже к закрытым для общения душам, согреть своим участием, иногда тактично вразумить». Во всяком человеке батюшка видел прежде всего образ Божий, и именно это было причиной его трепетного отношения к душе каждого. Такое его внутреннее расположение всегда чувствовалось во всех разговорах, в самой манере говорить, и люди тянулись к нему, стараясь отвечать тем же.

Хочется привести здесь один эпизод из жизни батюшки, характеризующий его как человека высокого пастырского духа. Рассказан он очевидцем, духовным сыном отца Георгия: «Когда я находился на исповеди у батюшки, в храм вошел человек, выглядевший как душевнобольной. Он стал неподалеку от места, где сидя принимал исповедь архимандрит Георгий, и принялся класть земные поклоны, целуя церковный пол. Потом, крестообразно вытянув руки, лег на живот, упершись левой ногой в батюшкин аналой. Для того чтобы пройти, людям приходилось переступать через распростертое на полу тело, кто-то

споткнулся. Искушение, да и только. Отец Георгий, указав на лежащего, шепотом говорит мне: “Спроси, как его зовут”. Я подошел, нагнулся и спросил. Батюшка поправил меня: “Нет, не так. Ты стань на колени возле него и, наклонившись, спроси. И передай ему от меня, чтобы он подвинулся”. Я послушался. Незнакомец слабым голосом назвал свое имя. На просьбу передвинуться он отполз немного в сторону. Проблему, связанную с передвижением мимо него, это никак не решило. Отец Георгий тогда через меня передает: “Скажи, что я тебя послал сказать ему, что у нас здесь не лежат. Пусть перележет туда, где люстра”. Молча выслушав меня, странный мужчина уполз туда, куда ему было сказано, при этом потревожив встретившихся на пути бабушек. Пока я называл на исповеди свои грехи, к батюшке подошла пожилая уборщица. Старушка возмутилась неуместностью долужегания. Она громко высказала отцу Георгию то, что думает по этому поводу. Вызвалась принять решительные меры. “Не трогайте этого человека, он смиренный, — попросил отец Георгий. — Он пришел в храм помолиться. Подумайте, если не в храм и не в монастырь, то куда же еще идти молиться?” После этих слов архимандрит Георгий встал и, подойдя к исповедующему иеромонаху, находящемуся рядом с новым месторасположением скорбно лежащего человека, спросил: “Отец (имя я не помню), скажите, где у нас в храме можно лежать? Наверное, за свечным ящиком?” Иеромонах с достоинством отвечал: “Да, отец Георгий, за ящиком”. Тогда батюшка склонился над унылой, распластанной на полу фигурой и, как будто даже извиняясь, произнес: “Пришло наше “начальство”. Оно недовольно, ругается на нас, не могли бы вы перелечь отсюда за ящик, у нас там лежат”. Такое обращение возымело свое действие. Мужчина поднялся на ноги и удалился. Взаимное согласие достигнуто. Отец Георгий для меня служил примером и остается таковым по сей день».

Но недолгое время суждено было прожить батюшке. На пятьдесят восьмом году, после непродолжительной болезни (последние три дня отец Георгий находился в больнице), он ушел из этого мира. Кончина его была христианской, непостыдной и мирной: незадолго перед ней его пособоровали братья Лавры, а за полчаса до смерти Господь сподобил батюшку приобщиться Святых Христовых Таин. 2 октября 1998 года перестало биться доброе, отзывчивое сердце пастыря и христианина. Отпевание архимандрита Георгия совершалось 4 октября в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры после поздней

литургии собором духовенства. Службу возглавлял ректор МДАиС преосвященный Евгений, епископ Верейский (ныне архиепископ), который в кратком слове рассказал о жизни батюшки, его заслугах и трудах на пользу Церкви. Было зачитано слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Выражаю вам, братии Лавры, профессорско-преподавательской корпорации, студентам московских духовных школ, глубокое соболезнование в связи с безвременной кончиной архимандрита Георгия, долголетнего насельника Лавры, наставника и педагога духовных школ, богослова, исследователя и ревностного проповедника слова Божия. Мы ценим труды покойного, которые он понес для Церкви Христовой. Мы молимся вместе со всеми, кто провожает его в путь всея земли, да упокоит Господь душу покойного служителя алтаря Господня в селениях праведных, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. Царствие Небесное и упокоение со праведными новопреставленному архимандриту Георгию». В телеграмме епископа Майкопского и Армавирского Филарета (Карагодина) архимандрит Георгий (Тертышников) назван одним из «лучших иноков Сергиевой Лавры».

Молящихся при отпевании присутствовало множество, но при этом не было никакой сутолоки и суеты. Атмосфера в храме была необычайно спокойной и умиротворенной. Проникновенно и слаженно пели хоры. Боль утраты смягчалась духовной радостью, какая бывает при смерти святых людей. Солнечный луч, проникнув в окна с южной стороны собора, в конце отпевания осенил гроб с телом батюшки. И было радостно, что и природа радуется еще одному праведнику, отходящему ко Господу.

Когда гроб с телом почившего был вынесен из Успенского собора, сотни людей следовали за ним под зауспокойный звон лаврских колоколов.

Казалось, что не в скорбный последний путь провожают они батюшку, а в небесные обители: так торжественно и глубоко звучало «Святой Боже».

На лаврском подворье, у стен храма Нерукотворного Образа в селе Деулино, обрело место покоя многотрудное тело дорогого батюшки отца Георгия.

Знаменательно, что последние написанные отцом Георгием строки были посвящены также святителю Феофану. Начатая рукопись осталась незавершенной и лежала на рабочем столе келии отца Георгия в день его кончины. Читая ее, невольно замечаешь, что размышления и чувства отца Георгия по поводу

отшествия в жизнь вечную великого наставника и учителя — святителя Феофана — очень близки нашим сегодняшним переживаниям, вызванным безвременной кончиной дорогого архимандрита Георгия. Вот выдержки из его последней работы: «Все, кто только знал о почившем святителе, для кого он был незаменимым руководителем, кто обязан был ему сокровищами ума, кто находил у него утешение в скорбях, ободрение и помощь в подвиге жизни, а таких много-много на святой Руси, — все они глубоко чувствуют свое сиротство, свою незаменимую потерю. Но это не обычная скорбь, скорбь, которая бывает у людей при утрате дорогого человека... Скорбь о разлуке с богомудрым архипастырем растворялась у всех его почитателей с духовной радостью, ибо они верили, что почивший святитель прославлен Господом за свои труды и подвиги и является ходатаем у Престола Божия за всех живущих на земле... Богомудрый учитель, великий подвижник, усердный молитвенник о нас, грешных, преосвященный епископ Феофан оставил свое земное житие на земле. Как верный раб, верим, теперь вошел в радость Господа; как победоносный воин Христов, он увенчан теперь неувядаемым венцом небесной славы. Для него, жившего во Христе и по заповедям Христовым, смерть есть действительно не лишение, а приобретение».

Будучи очень скромным в повседневной жизни, архимандрит Георгий был нелестным проповедником слова Божия. Его наставления останутся в благодарной памяти всех, кто его слушал и с ним общался. Вот некоторые из них.

«Что капля в сравнении с беспредельной пучиной, то настоящая жизнь в сравнении с жизнью будущего века».

«Братия и сестры! Дорожите *временем*, — наставляет нас святой апостол Павел, — *потому что дни лукавы**. Дорожите временем: оно дороже золота, им покупается блаженная вечность... Потому убоимся потерять хоть один день, зная, что он не возвратится».

«Последователь Христа должен все свои внутренние и внешние действия располагать по воле Божией, принося свою свободу в жертву Богу. Отличительная черта истинно христианской деятельности — делать шаги не иначе как уверившись, что на то есть воля Божия».

* Ср. Еф. 5, 16.

«Жизнь наша по справедливости считается странствованием, и мы, как странники, должны всегда молить Господа, чтобы Он указал нам истинный путь и помог беспрепятственно пройти поприще нашей жизни и достигнуть Царства Небесного».

«Каждый шаг в невидимой борьбе нашей должен быть ознаменован подвигом, страданием, окроплен потом усилия над собою. Состояние идущих к совершенству есть состояние борьбы — напряженной, непрестанной и болезненной. Это и называется шествием тесным путем, который ведет в жизнь вечную... Разленение и присвоение себе льгот суть гибель духовности в человеке. Их надо страшиться и избегать, как огня вечного».

«В жизни последователя Христа каждый день бывают минуты, когда он находится один, даже если он и не заботится об этом намеренно. Эти минуты необходимо использовать для духовного совершенствования».

«Если угодно Господу и не пагубно для человека, то дается ему и внешнее счастье, но внутреннее блаженство неотъемлемо от чистой и богоугодной жизни, которая при всех внешних лишениях и недостатках всякому приносит мир и радость».

«На крест преданности в волю Божию восходят уже совершеннейшие христиане, поэтому предание себя Господу есть верш совершенства христианского. Оно возникает по отсечении всех земных чувств и расположений».

«Земная жизнь человека должна быть непрерывной цепью добрых дел с той минуты, как он начинает осознавать себя в этом мире, и до той, как выйдет из него».

ЖИТИЕ СЯТТЕЛЯ ФЕОФАНА И ЕГО БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В жизни христианской Церкви в каждый известный период ее исторического существования выдвигались личности, которые являлись яркими носителями и выразителями высоких духовных стремлений и к авторитетному голосу которых прислушивались многие современники. Влияние этих духовных наставников в большинстве ограничивалось пределами своего Отечества и своего времени.

Но были и такие духовные светила, свет которых ярко сиял на всю тогдашнюю Вселенную и своим отблеском озарял всю последующую жизнь Церкви. Таковы, например, вселенские учителя и святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

Наша Русская Церковь, принявшая Православную веру от Вселенской Церкви, имела немало еще и своих Богом избранных учителей и руководителей.

Одним из таких наших святых отцов XIX столетия был епископ Феофан, Затворник Вышенский, причисленный к лику святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году.

Епископ Феофан, в миру Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 года в селе Чернавское Елецкого уезда Орловской губернии.

Его отец, Василий Тимофеевич Говоров, после окончания Орловской Семинарии был священником Владимирской церкви села Чернавское и всю жизнь отличался истинным благочестием. Как известный и почитаемый среди духовенства пастырь, он был назначен на важную и ответственную должность благочинного, которую исполнял в течение 30 лет, заслужив одобрение начальства, любовь и уважение подчиненных.

Мать будущего святителя, Татьяна Ивановна, происходила из священнической семьи. Она имела тихий, кроткий нрав и любвеобильное сердце.

Первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме. Благочестивые родители старались дать ему воспитание в духе христианской любви и церковности.

Уже в детстве у Георгия ярко проявились характерные черты личности: от отца он унаследовал живость и чистоту ума, от матери — нежное, любящее сердце, кротость, скромность и впечатлительность.

В 1823 году Георгий поступил в Ливенское Духовное Училище, смотрителем которого был настоятель Георгиевской церкви протоиерей Василий Скрябин. Нравственный и духовный климат в Училище был самый благоприятный.

Способный, хорошо подготовленный отрок Георгий легко прошел курс Духовного Училища и через шесть лет (в 1829 году) в числе лучших учеников был переведен в Орловскую Семинарию. Во главе ее стоял тогда архимандрит Исидор (Никольский) — будущий митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Преподавателями Семинарии были люди исключительно даровитые и усердные. Учителем словесности, например, был тогда иеромонах Платон (Городецкий), впоследствии митрополит Киевский и Галицкий; философские науки преподавал профессор Евфимий Андреевич Остромысленский, увлекавший юных семинаристов своими замечательными лекциями. Георгий Говоров с большим интересом изучал преподаваемые науки, но особенный интерес возбудили в нем уроки психологии.

В годы учебы, после паломничества в Задонский монастырь, где почивали мощи святителя Тихона Задонского, в то время еще не прославленного, у Георгия появилось необычайное, все более возрастающее благоговение к святителю Тихону Задонскому.

Отлично окончив Семинарию, в 1837 году Георгий Васильевич Говоров получает назначение в Киевскую Духовную Академию, которая в те годы находилась в расцвете научно-богословской мысли.

Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), прозванный за святость жизни «Филаретом благочестивым», уделял большое внимание развитию внутренней духовно-религиозной жизни студентов Академии. Это было благодатное время как по доброму нравственному направлению жизни Академии, так и по обилию талантов в профессорской корпорации. В Академии завершилось образование Георгия Говорова и ясно определилось общее направление его нравственной жизни.

В первые годы учебы Говорова ректором Академии был архимандрит Иннокентий (Борисов), впоследствии архиепископ Херсонский, знаменитый церковный проповедник, читавший лекции по богословским наукам.

Отец Иннокентий обладал необычайной способностью неотразимо влиять на всех окружающих и своих воспитанников. Как образцовый профессор и церковный вития, он своими вдохновенными импровизациями на тему учений святых отцов увлекал и приводил в восторг слушателей.

Инспектором Киевской Академии с 1838 года был архимандрит Димитрий (Муретов, скончался в 1883 году в сане архиепископа Херсонского), блиставший наряду с отцом Иннокентием силой мысли, красотой и глубиной изложения богословских наук. Его лекции по догматическому богословию, глубоко содержательные и проникнутые христианской любовью, производили сильное впечатление на слушателей. Это был глубоко благочестивый человек, отличавшийся весьма редким трудолюбием.

В то время Киевская Духовная Академия имела выдающихся наставников и воспитателей, которые сообщали студентам высочайшие истины христианской веры и благочестия в убедительной и доступной форме.

Особенно выделялся протоиерей Иоанн Скворцов, преподаватель истории философии и метафизики, который имел обширные познания в области философии, излагал в лекциях самое существенное и заботился о ясности, доступности и логичности преподаваемого материала.

Большое влияние на юношей имел в то время профессор красноречия Яков Кузьмич Амфитеатров, у которого студент Говоров учился глубокой христианской убежденности и ясности мысли.

В Киевской Академии студент Говоров продолжал успешно учиться. В профессорских ведомостях он аттестуется как студент, обладающий весьма хорошими способностями, отличающийся усердием и имеющий отличные успехи в науках. Любимыми предметами будущего архипастыря были предметы богословские, и в особенности Священное Писание и церковное красноречие.

При отличных успехах в науках студент Говоров обращал на себя внимание и своим поведением. Академическая инспекция в лице архимандрита Григория (Миткевича, скончался в 1881 году в сане архиепископа Калужского) и иеромонаха Иоанникия (Горского, скончался в 1887 году в сане архиепископа Варшавского) постоянно характеризовала его как человека «весьма скромного», «честного поведения», «отличаю-

щегося благонаравием, исправностью в отношении своих обязанностей и любовью к богослужению» и как «подающего пример другим» (1, с. 23)*.

Все эти добрые качества нравственного поведения студента Георгия Говорова предрекали ему путь к иноческой жизни, к которой, очевидно, он с юности себя готовил.

Благодатное влияние оказали на Георгия Киево-Печерская Лавра и другие киевские памятники Священной истории, которые были красноречивыми свидетелями подвигов русского иночества. Юный студент нередко посещал Киевскую Лавру, где переживал возвышенные религиозные настроения. Впечатления о подобных посещениях были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца жизни с восторгом вспоминал о них: «Киевская Лавра — неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чуешь, что зашел в другой мир».

В последний год учебы Георгий Говоров решил всецело посвятить себя служению Святой Церкви в иноческом чине. 1 октября 1840 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, он подал академическому начальству прошение о пострижении в монашество, в котором писал: «Имея постоянное усердие к занятию богословскими предметами и к уединенной жизни, я, чтобы соединить то и другое на предлежащем мне служении Церкви, положил обет посвятить жизнь свою монашескому званию» (3, с. 422).

15 февраля 1841 года с разрешения академического и высшего духовного начальства Георгий Говоров принял постриг с именем Феофан, что значит «Богом явленный», в честь преподобного Феофана Исповедника. Чин пострижения был совершен в Свято-Духовской церкви Киево-Братского монастыря ректором Академии архимандритом Иеремией (Соловьевым), который стал впоследствии архиепископом Нижегородским.

Вскоре после пострижения монах Феофан вместе со своим сокурсником монахом Макарием (Булгаковым, впоследствии митрополитом Московским) посетили духовника Киево-Печерской Лавры и Киевской Духовной Академии, известного своей примерной подвижнической жизнью и строгим благочестием иеромонаха Парфения, чтобы получить от него наставление и благословение на новую жизнь во Христе. «Вот вы, ученые монахи, — сказал прозорливый старец, — набравши себе

* В данной статье — ссылки на Библиографию Приложения 2.

правил, помните, что одно нужнее всего: молиться, и молиться непрестанно умом в сердце Богу, — вот чего добивайтесь» (4, с. 9).

Этот совет юные иноки приняли себе за правило и старались, каждый по мере своих сил и даров благодати, выполнять в течение всей жизни.

6 апреля 1841 года инок Феофан тем же ректором Академии Иеремией, в то время уже епископом Чигиринским, викарием киевского митрополита, в большом Успенском соборе Киево-Печерской Лавры был рукоположен в иеродиакона, а 1 июля — в иеромонаха. «Замечательно, — пишет один из жизнеописателей святителя Феофана, — что такой подвижник, как преосвященный Феофан, пострижен в монашество и рукоположен в первые две степени священства таким истинно богомудрым мужем, как преосвященный Иеремия! Так в жизни духовной один ярко горящий светильник горением Божественного света возжигает другие, новые светильники, да во время свое поставлены будут *на свещнице и светят всем, иже в храмине суть*^{*}» (5, с. 571).

Во время этой важной перемены в своей жизни иеромонах Феофан продолжал учебу в Академии и писал курсовое сочинение на тему «Обзорение подзаконной религии». Он успешно сдал выпускные экзамены, а курсовое сочинение в числе лучших было отослано на рассмотрение в Святейший Синод. Постоянный член Синода митрополит Московский Филарет (Дроздов), строгий ценитель богословских сочинений, своим мудрым и проницательным взором заметил даровитость и трудолюбие отца Феофана.

В 1841 году иеромонах Феофан в числе первых окончил Академию со степенью магистра. Началось время его служебной деятельности на учебно-воспитательном поприще.

27 августа 1841 года иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софиевского Духовного Училища, которое находилось под непосредственным наблюдением киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова).

Молодой ректор находился в добрых отношениях со своими прежними учителями и лаврскими иноками, особенно со старцем Парфением, которого почитал как отца.

* Ср.: ...на подсвечнике, и светит всем в доме (Мф. 5, 15). (Курсив в цитате наш. — *Изд.*)

Под руководством киевских старцев и опытных богословов иеромонах Феофан занялся изучением творений святых отцов, которое с этого времени стало делом всей его жизни. Но недолго трудился он в Киевском Училище: 7 декабря 1842 года он был назначен инспектором Новгородской Духовной Семинарии.

Три года будущий святитель пробыл в Новгороде. За это короткое время он успел проявить себя как талантливый воспитатель и прекрасный преподаватель науки о душе человеческой — психологии.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и незаурядные умственные способности иеромонаха Феофана, и потому 13 декабря 1844 года он был переведен в Петербургскую Духовную Академию на должность бакалавра по кафедре нравственного и пастырского богословия.

Верный своим педагогическим принципам, сознавая великую ответственность перед Богом в деле духовного воспитания юношества, иеромонах Феофан стремился действовать на будущих пастырей духом своей доброты и кротости. Свой взгляд на высоту духовно-педагогической христианской деятельности он выразил впоследствии следующими словами: «Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтоб впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых» (6, с. 64).

К преподаваемым предметам иеромонах Феофан относился с большим вниманием. Оставив философско-умозрительные методы работы, молодой богослов опирался на опыт аскетический и психологический.

1 февраля 1845 года иеромонах Феофан был назначен помощником инспектора Петербургской Духовной Академии, а с 20 мая по 4 августа 1846 года исполнял обязанности ее инспектора.

Иеромонах Феофан был глубоко предан важному делу христианского воспитания, однако его учебная работа по необходимости соединялась с административными и хозяйственными заботами, к которым никогда не лежала его душа, и поэтому внутренне он не был удовлетворен служебной деятельностью: его влекла уединенная монашеская жизнь. Дух его стремился в более сродную ему область иноческого жития и молитвенного общения с Богом. Вскоре представился случай к удовлетворению

духовных потребностей отца Феофана: 21 августа 1847 года по его собственному желанию он был назначен членом создаваемой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Во главе ее стоял архимандрит Порфирий (Успенский), прекрасный знаток Востока и известный церковный археолог. Кроме иеромонаха Феофана, сотрудниками Миссии были еще два студента, окончившие Петербургскую Семинарию, — Н. Крылов и П. Соловьев.

14 октября 1847 года Миссия в полном составе отбыла из Петербурга в Палестину.

Прибыв в Константинополь, члены Миссии посетили Вселенского Патриарха Анфима, который любезно встретил их, а 17 февраля 1848 года они благополучно прибыли в Иерусалим, где были радушно приняты блаженнейшим Патриархом Кириллом. Знакомясь с христианским Востоком на протяжении шести лет, члены Миссии посетили святые места Палестины, Египта и Сирии.

Пребывание на Востоке имело для иеромонаха Феофана большое духовное и нравственное значение. Посещая древние обители, он неутомимо изучал писания святых отцов по древним рукописям, знакомился с житиями древних подвижников и уставом восточных обителей и Святой Афонской Горы. Молодой аскет вошел в тесную духовную связь с афонскими старцами, которые оказали благотворное влияние на его духовную жизнь, а впоследствии способствовали изданию его сочинений.

Здесь, на Востоке, будущий святитель основательно изучил греческий и французский языки, познакомился с еврейским и арабским.

В 1853 году началась Крымская война, и в связи с этим 3 мая 1854 года члены Русской Духовной Миссии были отозваны в Россию. За свои труды в Миссии иеромонах Феофан был возведен в сан архимандрита и 12 апреля 1855 года назначен в Петербургскую Духовную Академию бакалавром по кафедре канонического права, а через полгода — на должность ректора Олонецкой Духовной Семинарии. В исполнении должности ректора Семинарии архимандриту Феофану предстояло много дел и хлопот. Олонецкая Духовная Семинария в это время была еще совершенно не устроена, даже не имела своего помещения. Архимандрит Феофан занимался организацией строительства здания для Семинарии. Однако главной заботой, отвечавшей

высоким стремлениям души его, было религиозно-нравственное воспитание учащихся.

В 1856 году, после окончания Крымской войны, архимандрит Феофан был назначен настоятелем посольской церкви в Константинополе. Выбор его на столь важный и ответственный пост был обусловлен, несомненно, тем обстоятельством, что архимандрит Феофан был хорошо знаком с православным Востоком и был вполне подготовлен к этой должности.

Константинопольская Церковь в это время переживала большие трудности в связи с политическим конфликтом между греками и болгарами. Русское правительство и Святейший Синод поручили архимандриту Феофану как знатоку Востока собрать сведения, которые могли бы осветить положение греко-болгарской распри. Он исполнил возложенную на него миссию и 9 марта 1857 года представил отчет, в котором писал об освободительном движении среди болгар и о состоянии Константинопольского Патриархата. Этот отчет имел впоследствии большое значение при обсуждении греко-болгарского конфликта Святейшим Синодом Русской Православной Церкви. Архимандритом Феофаном были созданы школы для обучения грамоте болгарских детей и взрослых. Своей симпатией к болгарскому народу, сочувствием к его законным требованиям, искренним желанием помочь ему архимандрит Феофан снижал себе большую любовь среди болгар.

За время пребывания в Константинополе будущий святитель еще более укрепил знание греческого языка, которое практически применил в последующих трудах. На православном Востоке он собрал множество драгоценных жемчужин святоотеческой, главным образом аскетической, письменности. Но недолго архимандриту Феофану пришлось пробыть в Константинополе: ему предназначалось новое, более ответственное поприще служения Церкви и Отечеству.

13 мая 1847 года указом Святейшего Синода архимандрит Феофан назначается на должность ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии, которую, подчиняясь водительству Промысла Божия, успешно возглавляет в течение двух лет.

Как ректор, архимандрит Феофан посещал лекции профессоров, присутствовал на экзаменах, следил за всем ходом учебного дела в Академии. Особое внимание он обращал на воспитательную работу во вверенной ему духовной школе.

На посту ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии отец Феофан усиленно занимался также редакторской и богословско-популяризаторской работой. Свои сочинения он публиковал главным образом в академическом журнале «Христианское чтение», который выходил тогда под его наблюдением.

Время ректорства архимандрита Феофана совпало с празднованием 50-летия открытия Санкт-Петербургской Духовной Академии.

За труды по подготовке и проведению юбилея, который отмечался 17 февраля 1859 года, Святейший Синод наградил архимандрита Феофана орденом святого князя Владимира III степени.

Недолго после этого события будущему святителю пришлось быть ректором. Всеблагодарному Промыслу Божию угодно было возвести его в сан епископа.

29 мая 1859 года состоялось наречение его во епископа Тамбовского и Шацкого. При наречении во епископа после торжественного исповедания веры архимандрит Феофан произнес речь. Сравнив свою жизнь и разнообразную деятельность с шаром, без грохота и шума катящимся туда и сюда, по направлению сообщаемых ему ударов, архимандрит Феофан выразил свою покорность воле Божией, свое смирение и недостойнство. В этом же слове, обращаясь к сонму архипастырей, он поведал, что имеет тайное желание высших подвигов добродетели. «Не скрываю, — сказал отец Феофан, — что не чуждо было бы тайным желанием сердца, если бы на мою долю выпало такое место, где бы я свободно мог предаться занятиям по сердцу» (7, с. 5–7).

1 июня в Троицком соборе Александро-Невской Лавры митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Григорием (Постниковым) с собором епископов была совершена епископская хиротония архимандрита Феофана.

Служение преосвященного Феофана в Тамбовской епархии продолжалось только четыре года. Но за это короткое время он необыкновенной кротостью своего характера, редкой деликатностью и участливым вниманием к нуждам пасомых успел сродниться со своей паствой и снискать всеобщую самую искреннюю любовь. Много забот и трудов пришлось понести владыке при управлении Тамбовской епархией, одной из самых обширных и многолюдных, и по делам внешнего управления, и в душепопечительном служении.

Епископ Феофан проявил себя как замечательный проповедник. Почти каждое богослужение он сопровождал пропо-

ведью, и слово его, шедшее от сердца и дышавшее глубоким убеждением, привлекало многочисленных слушателей. Плодом его ревностного проповедания явились два выпуска «Слов к тамбовской пастве» (всего 109 слов). «Глубокое знание всех движений сердца человеческого и его духовных потребностей, — писал профессор Московской Духовной Академии И.Н. Корсунский, — опытное знакомство с духовной жизнью, обширные познания в области и Священного Писания, и творений святоотеческих, и наук естественных, исторических и других, и иные высокие достоинства отличают слова преосвященного Феофана к тамбовской пастве при необыкновенной ясности, живости и простоте изложения, чрезвычайно сильное производившие впечатление на слушателей» (8, с. 107).

Святитель Феофан заботился о внешнем и внутреннем благоустройстве местных духовно-учебных заведений и об образовании простого народа. Он побудил начальство Тамбовской Семинарии произвести капитальный ремонт семинарского храма, содействовал открытию церковноприходских училищ, церковноприходских и воскресных школ, частных школ грамотности, при его участии открыто женское Епархиальное Училище с шестилетним сроком обучения.

Епископ Феофан заботился о повышении образовательного уровня духовенства. По его ходатайству перед Святейшим Синодом с 1 июля 1861 года стали выходить «Тамбовские епархиальные ведомости».

Оставляя лишь краткое время для сна, епископ Феофан все себя отдавал на служение своим пасомым. В дни скорби и мира он был любвеобильным отцом для всех.

При своих многочисленных и разнообразных делах и заботах по управлению Тамбовской епархией он находил время и для богословско-литературной деятельности. К этому времени относится его труд «Письма о христианской жизни», который заключает в себе целую систему христианского нравственного учения.

Во всей последующей жизни в святителе Феофане все больше пробуждалась склонность к уединению. Во время одной из поездок с целью обозрения храмов и монастырей своей епархии он посетил Вышенскую пустынь, которая понравилась ему строгим иноческим уставом и красотой местности. Назначая туда настоятелем эконома Архиерейского дома игумена Аркадия, владыка на прощание сказал ему пророчески: «Поезжайте, отец игумен, туда, а там, Бог даст, и я к вам приеду» (9, с. 51).

В 1861 году епископ Феофан пережил большую радость. По решению Святейшего Синода он принимал участие в торжестве открытия мощей святителя Тихона Задонского. Это событие произвело большое впечатление на тамбовского архипастыря и послужило как бы особым благодатным освящением его собственного служения.

Но недолго тамбовской пастве пришлось быть под управлением преосвященного Феофана. 22 июля 1863 года он был перемещен на древнюю, более обширную Владимирскую кафедру вместо уволенного на покой епископа Иустина. В синодальном докладе было сказано, что преосвященный Феофан «настоящим своим служением снискал потребную опытность для управления столь обширной паствой» (10, с. 176).

Непродолжительным было служение епископа Феофана и во Владимире, но и здесь он проявил себя ревностным архипастырем и успел заслужить всеобщее уважение и любовь.

Главным попечением заботливого архипастыря Владимирской епархии было спасение вверенных ему душ через назидание, посредством проповеди слова Божия. Он поучал народ с высоты церковного амвона и в храмах епархиального города, и объезжая грады и веси миллионной своей паствы.

За проповеднической — и в тесной связи с ней — следовала деятельность миссионерская, которая нашла в лице преосвященного Феофана весьма ревностного исполнителя. Епископ Феофан предпринял несколько путешествий в раскольнические центры епархии, где им был произнесен целый ряд проповедей, а в конце 1864 года было открыто в селе Мстера Вязниковского уезда Богоявленское православное братство.

Одним из предметов самых усердных забот епископа Феофана являлись также церковно-приходские школы и духовно-учебные заведения епархии. Он закончил начатую его предшественником постройку общежития для учеников Владимирской Духовной Семинарии, открыл училище для девиц духовного звания. С начала 1865 года по ходатайству святителя Феофана стали выходить «Владимирские епархиальные ведомости».

За усердную и плодотворную архипастырскую деятельность во благо Церкви преосвященный Феофан был награжден орденом святой Анны II степени (17 апреля 1857 года) и святой Анны I степени (19 апреля 1864 года).

Но обширная практическая деятельность по епархиальному управлению не была близка душе архипастыря. С юных лет он стремился к уединению и идеал монашества видел в совер-

шенном отречении от всех житейских забот. И вот теперь, после двадцатипятилетнего служения Церкви на различных поприщах, преосвященный Феофан нашел благовременным осуществить свое всегдашнее стремление.

Посоветовавшись со своим давним духовным руководителем митрополитом Исидором, он подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской епархии (в настоящее время это Свято-Успенский Вышенский женский монастырь в Рязанской епархии). Ходатайство владыки было удовлетворено, и он 17 июля 1866 года был освобожден от управления епархией и назначен настоятелем Вышенской пустыни, где проводил свою жизнь как ученый инок.

Но не возможностью покоя влекли к себе сердце владыки тихие монастырские стены — они звали его к себе на новый духовный подвиг. «Я ищущу покоя, — писал епископ Феофан митрополиту Исидору, — чтобы покойнее предаться занятиям желаемым, с тем неперменным намерением, чтобы был и плод трудов, и полезный, и нужный для Церкви Божией. Имею в мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить» (11, с. 11).

Епископ Феофан в Вышенскую пустынь прибыл в качестве ее настоятеля. Однако суетная должность нарушала его внутренний покой, и он скоро подал новое прошение — об освобождении от должности настоятеля. Святейший Синод удовлетворил эту просьбу. Долгожданное уединение, к которому так настойчиво стремился святитель, наконец, по милости Божией, пришло.

По своему внутреннему устройству Вышенская пустынь представляла собой мужской общежительный монастырь. Устав и обычай пустыни отличались большой строгостью.

Святитель Феофан до конца жизни чувствовал себя вполне счастливым на Выше. «Вышу можно променять, — говорил он, — только на Царство Небесное» (13, с. 5).

В первые шесть лет своего пребывания в Вышенской пустыни преосвященный Феофан не уединялся окончательно. Вместе с иноками обители он ходил ко всем церковным службам, а в воскресные и праздничные дни сам совершал литургию соборно с братией.

Внешняя обстановка вполне соответствовала духовным потребностям святителя-подвижника. Он охотно принимал посетителей — родных и почитателей, искавших его духовных советов, вразумлений и наставлений.

Святитель Феофан в начале своего пребывания в Вышенской пустыни испытывал борьбу с помыслами, которые внушали ему сожаление о раннем оставлении кафедры. В 1872 году после кончины митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова-Попова)* духовное начальство предложило епископу Феофану принять в управление Московскую епархию, в этом же году он получил предложение заседать в судном отделении Святейшего Синода. В 1879 году через Святейший Синод святителя Феофана приглашал в Японию архимандрит Николай (Касаткин)** . Но святитель Феофан отказался от всех этих предложений.

После пасхальных дней 1872 года он начал вести затворническую жизнь. Он прекратил всякие сношения с людьми, перестал ходить с братией на богослужение и затворился в отдельном флигеле. С этого времени он принимал к себе только настоятеля пустыни архимандрита Аркадия, духовника игумена Тихона и келейника отца Евлампия.

К этому времени епископ Феофан устроил в своих келиях малую церковь во имя Крещения Господня, в которой он служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а последние одиннадцать лет — ежедневно.

В богослужении и молитве, в подвигах телесных и духовных проходила большая часть затворнической жизни архипастыря.

В свободное от духовных подвигов время он занимался богословскими трудами, писал множество писем к разным лицам, обращавшимся к нему с недоуменными вопросами, с просьбами о помощи и наставлениях. Уйдя из мира и почти не встречаясь с людьми, епископ-затворник не переставал интересоваться жизнью Церкви и своего народа. Он выписывал многие журналы, выходившие в то время не только в России, но и за рубежом. В его кабинете была огромная библиотека. При написании своих произведений святитель использовал обширную литературу на русском и иностранных языках. Все прочитанное он молитвенно переживал, вынашивал, и постепенно из-под пера его выходили творения, равных которым по разнообразию тематики и глубине освещения вопроса нет среди произведений подвижников нового времени.

В подвиге духовно-литературного творчества святитель

* Канонизирован Русской Православной Церковью в 1977 году.

** Святой равноапостольный Николай, архиепископ Японии.

Феофан видел великое служение Церкви Божией. Об этом он говорит в одном из своих писем: «Писать — это служба Церкви нужная» (14, с. 11). Все Духовные Академии Русской Православной Церкви избрали святителя Феофана своим почетным членом, а Петербургская присвоила ему в 1890 году за многопользные богословские сочинения звание доктора богословия (15).

Свеча жизни святителя-затворника постепенно догорала, и он, сознавая это, спокойно ждал смерти.

6 января 1894 года около 4 часов дня епископ Феофан мирно скончался в день престольного праздника своего келейного храма Крещения Господня. Отпевание почившего святителя-затворника было совершено 11 января епископом Тамбовским Иеронимом при большом стечении духовенства и народа.

Всю земную жизнь святитель Феофан посвятил поискам пути вечной жизни, в своих творениях он показал этот путь и современникам своим, и последующим поколениям.

В обширных творениях святитель проявляет себя как замечательный экзегет, нравоучитель и богослов Русской Православной Церкви. Сочинения его можно разделить на три вида: нравоучительные, экзегетические и переводные.

Многообразны предметы и содержание творений Вышенского Затворника. Почти ни одна сторона духовной жизни не ускользнула от его глубокого, внимательного наблюдения. Но главная тема его творений — спасение во Христе.

Его богословские труды с замечательной полнотой и точностью отражают дух и характер святоотеческих аскетических воззрений, которые были предметом его тщательного, всестороннего изучения и постоянного, неослабевающего внимания. Епископ Феофан был «верным и типичным продолжателем святоотеческой традиции в аскетике и богословии» (16, с. 395).

Замечательно, что святоотеческие взгляды не просто были поняты и усвоены святителем Феофаном. Они всецело проникли в его мировоззрение, как бы растворились в нем и составили единое неразрывное целое. Отсюда и то огромное влияние, которое оказывали воззрения святителя на тех, кто с ними знакомился. Только человек, сам переживший, сам прошедший через горнило духовного опыта, сам причастный глубинам духовной жизни, может заговорить с людьми с такой вдохновенной, всепобедной силой, возбуждающей духовную энергию и готовность на подвиги, какой обладал епископ Феофан.

«В своих произведениях святитель Феофан, — по отзыву комиссии профессоров Петербургской Духовной Академии, —

выступает самостоятельным глубоким православным богословом-мыслителем созерцательного направления, таким богословом, у которого богословские православные понятия глубоко проникли через сознание, приняли оригинальную форму и получили своеобразную систему» (15, с. 2).

Он старается избегать формализма и схоластики, излагая свои мысли ясно и доступно для всех. «Все формальные термины нашей школьной науки, — пишет Патриарх Московский и Всея Руси Сергей (Страгородский), — в уме преосвященного Феофана получили самый жизненный смысл и самое богатое содержание» (17, с. 196).

Особую ценность представляют многочисленные печатные труды святителя по христианской нравственности; можно говорить о нем как о великом мыслителе, богомудром подвижнике, предлагающем для руководства другим учение святых отцов и личный опыт духовной жизни.

В своих произведениях преосвященный Феофан изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. По словам профессора протоиерея Георгия Флоровского, епископ Феофан «не строил системы ни догматической, ни нравоучительной. Он хотел только очертить образ христианской жизни, показать направление духовного пути, и в этом его несравненное историческое значение» (16, с. 400).

В его сочинениях излагаются также основы святоотеческой психологии. Обозревая душевные и духовные способности человека, святитель глубоко проникает в его внутренний мир. Это рассмотрение отличается замечательной силой и глубиной самонаблюдения. «Автор как бы опускается в темные, переплетающиеся лабиринты духа и, несмотря на слабый свет лампы, везде успевает отличать в них очень тонкие проявления нравственного начала» (15, с. 4).

Епископ Феофан в своих творениях с глубокой психологической проникновенностью осветил главные этапы духовного развития христианина. Основная мысль его нравоучения — идея богообщения, составляющая сущность христианской жизни. Творения его не только побуждают христианина к покаянию, исправлению и благодатному обновлению во Христе, но и показывают ему путь живого, реального общения с Богом. «Своими многочисленными вдохновенными писаниями, — говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский), — преосвященный Феофан учит нас внутренне-

му духовному общению с Богом. Он весь погружен в человека, в указание путей его таинственного общения с Богом под сенью Церкви» (18, с. 12).

У епископа Феофана почти нет трудов, носящих сугубо догматический характер. Но поскольку нравственное учение христианства стоит в неразрывной связи с христианскими догматами, то в его трудах мы находим раскрытие и догматического учения.

Особенность их — в четкости воззрений на самые трудные и ключевые пункты этой отрасли богословия. По свидетельству упомянутой комиссии профессоров Петербургской Духовной Академии, «в трудах епископа Феофана некоторые пункты догматического учения нашли не только полное и основательное раскрытие, но и такие формулы, каких православная отечественная догматика до этого не имела. В особенности это нужно сказать относительно истины участия всех Лиц Святой Троицы в различных моментах нашего спасения с преимущественным преобладанием одного из Лиц Святой Троицы в том или другом моменте нашего спасения» (15, с. 6).

Одно из важнейших дел жизненного подвига преосвященного Феофана — его замечательные труды по изъяснению Слова Божия, которые представляют собой ценный вклад в русскую библеистику.

В трудах выдающегося экзегета своего времени «внимательный читатель находит не только все нужное для полного и ясного понимания священного текста, но вместе с тем и глубоко продуманное и прочувствованное разъяснение множества разного рода догматических, в особенности же нравственных христианских истин, понятий, вопросов» (15, с. 6).

Неотделима от богословских трудов святителя и переводческая деятельность. Важнейшая из его переводных работ — «Добротолюбие» — посвящена, главным образом, духовной жизни великих учителей древнего христианского аскетизма. «Добротолюбие» представляет собой широкое, всестороннее изображение и истолкование различных аспектов духовной жизни — от самых простых и безыскусных наблюдений до высочайших, вдохновенных созерцаний, запечатленных с необыкновенной глубиной.

Особый вид литературных трудов преосвященного Феофана составляют его письма. Через свои одухотворенные письма святитель обильно проливает лучи Божественного света на

грешный мир. Эти письма, несомненно, имели важное значение для тех, кто их получал, были истинным руководством в их нравственной жизни. Они были великой отрадой и духовным утешением для многих душ в тяжелые, скорбные минуты. Письма святителя важны и тем, что в них вырисовывается его личность как учителя Церкви Христовой. Содержание писем крайне разнообразно, но основной тон их — нравоучительный. Они, как и книги, содержат ответы на один и тот же великий вопрос — о пути ко спасению. «Лучшее употребление дара писать, — учил епископ Феофан, — есть обращение его на вразумление и пробуждение грешников от усыпления» (6, с. 27).

Многие ревностные иноки, представители интеллигенции и простого, глубоко религиозного русского народа составляли большую духовную семью богомудрого архиепископа. Лучшие современники видели в нем истинного светильника христианства и всей душой стремились иметь с ним духовное общение, возможность для которого открывала переписка.

Всю свою земную жизнь святитель Феофан отдал на служение Богу и людям. Он принадлежал к числу тех людей, имя которых пользовалось широкой известностью и глубоко чтилось во всех концах православной России.

Как справедливо замечает святитель Феофан в одном из своих произведений, «умершие продолжают и на земле жить в памяти живущих через добрые дела свои» (19, с. 38). Добрые дела епископа Феофана — это, прежде всего, его многочисленные творения.

Есть дела и творения человеческие, называемые великими по их широкому и многообъемлющему значению, по их воздействию и влиянию на человечество, простирающиеся на отдаленные времена, пространства и поколения. Есть великие произведения ума и таланта в области науки, искусства и литературы, через которые воздвигаются их авторам и творцам «нерукотворные памятники». Но все эти произведения человеческой мудрости, поскольку служат лишь земным интересам и целям, ограничиваются соответствующей земной временной славой.

Произведения богоподобного человеческого духа могут простираться своим значением и влиянием на необъятное протяжение веков и поколений, выходить за пределы данной эпохи, даже удаляться своими последствиями в отдаленную и необъятную область неведомого будущего, уносить и увлекать туда вместе с собой души, умы и сердца других людей, находящихся в

них для себя духовную пищу, высшее руководство и удовлетворение своих существенных духовных потребностей и стремлений.

В год блаженной кончины епископа Феофана на страницах «Церковного вестника» было сказано, что «имя его, можно быть уверенным, не угаснет с его кончиной, а, напротив, с поднятием духовного самосознания в обществе будет приобретать все больше известности и славы как имя великого духовного просветителя, умевшего давать ответы на самые насущные вопросы духовной жизни» (20, с. 51–52).

Интерес к личности и творениям святителя Феофана не угасает и в наши дни. Об этом свидетельствует один из видных современных иерархов Русской Православной Церкви митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. «Труды епископа Феофана, — пишет он, — дают руководство к духовному устроению жизни. Они представляют собой ответ на множество проблем его духовных детей, которые вытекают из одного-единственного вопроса, который стал также названием одной из книг епископа Феофана: “Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?” Это основной жизненный вопрос во все времена, он стоит также и перед христианами наших дней» (21, с. 3).

В докладе постоянного члена Священного Синода митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, прочитанном на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси, говорится: «Епископ Феофан Затворник канонизирован как подвижник веры и благочестия, оказавший глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества. Своим молитвенным созерцательным подвигом, чистотою сердца, целомудрием и благочестием, сохраненным от юности, святитель Феофан стяжал дар опытного достижения святоотеческой аскезы.

Этот опыт он как богослов и экзегет изложил в своих многочисленных творениях, которые могут рассматриваться чадами церковными как практические пособия в деле христианского спасения» (22, с. 162).

Реки богомудрых советов и наставлений, потоки воды живой учения Христова истекли из сердца и уст святителя Феофана.

Это негненное сокровище, драгоценное наследие оставлено им сынам Церкви Православной.

Творения преосвященного Феофана преисполнены благодати Христовой, духовной силы, искренности, глубокой веры,

горячего желания спасения всякому человеку. Глубокий и неиссякаемый кладезь мудрости духовной представлял собой епископ Феофан, кладезь, из которого черпали и долго еще будут черпать люди, жаждущие религиозно-нравственного образования и просвещения. Недаром творения его именуются путеводной звездой для всех тружеников богословской науки и истинной христианской жизни.

Интерес к личности и творениям святителя Феофана проявляется и на Православном Востоке.

В «Религиозно-этической энциклопедии», изданной в Афинах на греческом языке в 1965 году, епископ Феофан именуется одним «из самых замечательных русских духовно-аскетических писателей XIX века» (23, с. 732).

В 1994 году в Фессалониках, в Греции, в «Православном Пчельнике», была издана книга «Жизнь и деятельность святителя Феофана, епископа Владимирского и Суздальского» (24).

Большой авторитет святителя в православном мире объясняется не только теоретическими достоинствами его учения, но и его практической пользой, проявившейся в плодотворном влиянии на людей. Под непосредственным воздействием его творений многие ревностно посвящали себя христианским подвигам.

Среди западных христиан, по свидетельству польского богослова Яна Прышмонта, постоянно растет интерес к духовным богатствам Православной Церкви (25, с. 211).

Проявляется интерес к святителю Феофану и в среде современной интеллигенции нашей страны. Об этом свидетельствует статья священника Афанасия Гумерова «Епископ Феофан (Говоров)» (26).

Статьи, посвященные жизни и деятельности святителя Феофана, были опубликованы: в «Журнале Московской Патриархии» (русский и английский язык); в «Богословских трудах» (Москва); в «Православном вестнике» (Киев, украинский язык); в «Голосе Православия» (Берлин, немецкий язык); в журнале «Москва»; в «Троицком слове» (Троице-Сергиева Лавра); в «Литературном Иркутске»; в «Православной Москве»; в журнале «Православная беседа» (Москва); в «Просторах России» (Орел); в «Русском вестнике»; в литературно-историческом журнале «Русь» (Ростов Великий); в журнале «Путь Православия» (Москва); в газетах «Благовест» (Рязань) и «Колокол» (Сергиев Посад) и в журнале «Вышенский паломник» (Рязань).

Творения епископа Феофана приобретают особую актуальность в наши дни, когда в тяжелом положении оказались многие стороны нашей общественной жизни, и первоначальная причина такого положения — духовное обнищание, поразившее наше общество. «Кризисы современного общества, — говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, — взаимосвязаны с нравственным кризисом, вследствие чего ответственность за нравственное воспитание лежит на всех нас, на всем нашем обществе» (27, с. 6).

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков) изложил задачи, стоящие перед христианами нашей Церкви: «В центре обновленной системы ценностей в нашей стране утверждается ныне человек. И именно каждой человеческой личности в отдельности предстоит осуществлять великие преобразования, начать с себя, с нравственного очищения, с обновления своего внутреннего «я», со стяжания мира в себе. Церковь призывает своих чад неленостно следовать христианским идеалам, охранять и укреплять нетленные духовные сокровища» (28, с. 5).

В творениях святителя Феофана современный человек, ищущий духовного возрождения, может найти ответы на многие вопросы своего бытия. Святитель предстает перед нами не только как аскет-подвижник Церкви Христовой, не только как досточтимый иерарх, но и как один из тех, о которых святой апостол Павел говорит, что они являются *как светила в мире* (Флп. 2, 15).

Рассмотрение богословского наследия епископа Феофана Затворника и его деятельности на всем пути священнослужения дает яркое представление о нем как об угоднике Божиим, всю жизнь боравшемся за чистоту Православия.

В данном сочинении благочестивому читателю предлагаются наставления святителя Феофана на разные темы из его эпистолярного наследия. О значимости такого рода сочинений изложил свое мнение высокопреосвященный Владимир, Митрополит Киевский и всея Украины:

«Вниманию православного читателя предлагаются выдержки из писем известного православного подвижника XIX века святителя Феофана, Затворника Вышенского (1815–1894).

С письмами к святителю Феофану обращались со всех концов России разные люди: сановники и простолюдины, ученые и малограмотные — все, кто нуждался в его мудром совете, опытным руководстве, в разрешении недоумений, в поиске утешения.

Предметом всех его писаний была духовная жизнь и спасение во Христе Иисусе.

Святитель Феофан — замечательный знаток святоотеческой аскетической письменности. Идеал христианской жизни, начертанный подвижниками древности, он проверил и воплотил собственным духовным опытом. Отсюда глубокое знание человеческой души, всех ее состояний, видение путей борьбы со грехом и восхождения к Богу. Все это выражено простым, ясным языком.

В изъяснении духовных истин святитель Феофан приспосабливается к понятиям и нравственному состоянию своих собеседников. Он всем хочет спасения, всех желает приобщить к неотразимой красоте и благостыне духовной жизни и святости.

В наше время, когда люди страдают от духовного голода от того, что питаются духовными суррогатами, тоска по настоящему, чистому, святому, возвышенному особенно явственна.

Прикосновение к чистому источнику христианского вдохновения, письмам святителя Феофана, — явление знаменательное и обнадеживающее» (29, с. 3–4).

СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА,
ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО

АНГЕЛЫ

1. Ангелы приносят всегда Богу жертву хвалы, а мы — сокрушения

И днем, вместо перебирания четок, старайтесь быть умно пред Богом, *молитвою Иисусовою*. Как Ангелы всегда пред лицом Бога, так и нам надо стараться. Они приносят жертву хвалы, а мы — сокрушения (1, с. 73)*.

2. Слова, слышанные вами в душе, Ангел Хранитель говорит

Слова, слышанные вами в душе, Ангел Хранитель говорит (3, с. 210).

3. Живое общение с Ангелами и святыми

Я уже писал вам, что внутренние внушения — от Ангела Хранителя и святых Божиих, к коим молитесь или чествование воздаете.

Так всегда бывает, что как наши сердечные молитвы тотчас слышатся святыми, так и их слово к нам тотчас отзывается в душе нашей, как бывает на телеграфах. Общение мира нашего с горним всегда есть и есть живое.

* Ссылки на источники творений святого Феофана — Приложение 1.

Попекитесь всегда блюсти святое настроение и всегда будете в общении живом со святыми Божиими.

Они видят нас — и или радуются, когда сердца наши в добром порядке, или печалются и скорбят, когда там худо (3, с. 218).

4. Имейте же обращение к святому Ангелу Хранителю вашему, и он будет вразумлять вас во всяком случае

Ангел ваш Хранитель, вас блюдуший, напоминает вам через совесть вашу об усердной молитве и о ярости невидимого врага вашего. Имейте же обращение к святому Ангелу Хранителю вашему, и он будет вразумлять вас во всяком случае (3, с. 245).

5. Небесная охрана

Так вот у вас там какие подвиги!..

Господь близ, охраняя всех нас. Враг хитер, но Ангел Божий сильнее его: махнет мечом, и все паутинные сплетения вражьи разлетятся как прах, возметаемый ветром — (4, с. 55–56).

6. Внутренние откровения через Ангела Хранителя

Пребывайте с Господом. Недавно я узнал от одной инокини, которая

внутри слышит иногда остепеняющий ее голос: «не забывай Господа» или «не скверни сердца пустыми речами и мыслями». Это ей Ангел Хранитель говорит. А у других это говорит своя совесть и свой страх Божий (4, с. 94).

К чему клонится то, что слышалось вам в сердце и уме, кто разгадает? Как это имело хорошее для вас действие, то надо производить это от Ангела Божия. Ангел Хранитель у каждого есть, и у вас есть. Он своим языком говорит с душою — одноестественною ему. След речи печатлется в сознании и сердце. Нечто подобное бывает со всяким, кто внимает себе. Но вообще такого рода действия надо принимать с большою осторожностью и недоверием. Помилуй Бог сделать неверный шаг. Бывает, что и враг указывает нечто, кажущееся правым; а он хочет сбить с пути, уклоняя надесно*. Внимать надо и не всему без разбора верить (4, с. 202–203).

7. Видимое явление Ангела ниже невидимого руководительного внушения

Св. Григорий Нисский, брат св. Василия Великого, как восставал против путешественниц! То же делал и Григорий Двоеслов, коего Преждеосвященную литургию имеем. И из подвижников сколько было не благоволивших к сему?! А вы все свое. Сидите в монастыре да в келии — се величайший подвиг. Места же святые обходите мысленно, как и де-

лаете, и поклоняйтесь умно Господу, явившему на них знамения Своего к нам благоволения. Это лучше телесного поклонения. И все умное, сердечное, духовное несравненно выше видимого. Даже видимое явление Ангела ниже ангельского невидимого руководительного внушения. Утверждайтесь же в келейном сидении и невыхождении из обители. Тут настоящая наука иночестваования. Молитва, чтение и рукоделье в келии да послушание в церкви, и все тут. Как просто и несложно! А в дороге чего не наберетесь? Чего не навидитесь и не наслушаетесь? (4, с. 209).

8. О записях внушений Ангела

Вы помянули... Ангел внушает, что и как. Завели бы тетрадку и записывали. Это небесные сокровища. И самим после прочитать будет утешительно и назидательно, и другие после читали бы не без пользы. Когда соберется сотня, можно отдать в редакцию — и получить отписки... И пойдет Божие по Божьему миру (6, с. 138).

9. О падших ангелах

Падший ангел был ли свободен? Уж конечно. В Писании, где говорится об Ангелах, везде говорится так, что нельзя не видеть, что говорящий о них признает их свободными.

Говорится еще, что Бог не пощадил ангелов согрешивших. Если не пощадил — признал их грешными произвольно. Они же именуются непокорившимися. Следовательно, имели свободу покориться. Ангелы,

* Малопонятные слова и выражения см. в Словаре — книга II, Приложение 2.

соблюдшие свой чин, свободны и пасть, но не захотят этого по причине обилия благ, вкушенных ими от покорности воле Божией. Падшие называются несоблюдшими своего чина, непокорившимися. Следовательно, им явно сказана была воля Божия определенная и определенное указание дел, подобно как Адаму в раю. А какое оно, не видно нигде (7, с. 110).

10. О средствах общения души с Ангелами и духовным миром

Удержите только в мысли, что душа имеет тончайшую оболочку и что эта оболочка такая же и у нашей души, как и у всех духов. Из этого вам нетрудно уже вывести заключение, что та всемирная тончайшая стихия, из которой эти оболочки и в которой витают все духи, есть посредница и для взаимного общения наших душ и духов тех.

Теперь оторвитесь от этого представления и перейдите вниманием к обычным между нами делам. Вы живете теперь в Москве, сидите в стенах своей квартиры, окружены отовсюду зданиями и, куда ни обратите очи свои, всюду встречаете препоны: многие предметы преграждают острозоркость и дальнозоркость очей ваших. Но если б вам подняться над Москвой на каком-нибудь шаре, вы увидели бы беспрепятственно не только ее всю, но и окрестности ее.

Если б вам еще повыше подняться, то вы и что есть дальше кругом увидели бы.

Усиль ваше зрение и подними вас еще выше и выше, вы можете уви-

деть С.-Петербург, Париж, Лондон и т.д.

Все сие потому, что зрение ваше стало острозорче и никаких ему нет помех видеть (9, с. 49).

Переходите теперь опять к святым Божиим. Та стихия, о коей речь, всюду проходит и никакой нигде помехи не встречает себе. Луч солнца проходит сквозь стекло, а та стихия — и сквозь стекло, и сквозь стены, и сквозь землю, и сквозь все. Но как она проходит сквозь все, так и те, которые витают в ней, могут проходить сквозь все, когда нужно (как Спаситель прошел в горницу, где были апостолы, *дверем затворенным**). Обитают они в определенном месте; но когда им повелевается или позволяется, тотчас переносятся куда нужно по той стихии и никаких преград не только не встречают, но и не видят. Когда нужно, переносятся; а когда нет такой нужды, на своем месте пребывая, видят по всем направлениям, что где есть и что где творится. И когда очи свои обращают на землю, то есть на нас, грешных, то ясно видят и нас... только не это грубое тело наше, до коего им дела нет, а видят самую душу нашу, как она есть, не непосредственно, а посредством оболочки души, сродной с их оболочкою и тою стихиею, в коей они живут, ибо состояние души верно отражается в ее оболочке (9, с. 49–50).

Извольте теперь вообразить: сидят двое и разговаривают, при этом душа каждого настроена своим

* ...когда двери были заперты (Ин. 20, 26). (Курсив наш. — Изд.)

образом. Каждый из них не видит, что на душе у другого по причине грубой занавески тела, за которою прячется душа; а Ангелы и святые, если обратят взор на них, увидят душу их как она есть и что в ней есть, ибо какова она и что в ней отражается в ее оболочке. Если в ней святые мысли и чувства, оболочка ее светла, и при каждом святом чувстве светла особым образом. А если мысли и чувства ее не совсем чисты, то и оболочка ее не светла и от каждого нечистого чувства своим образом помрачена, являясь то как туман, то как мрак ночи. Если б вы вознеслись на Небо и ангельское восприяли зрение, совлекшись, конечно, и этого тела, то, взглянув на землю, вы увидели бы вместо разнообразной массы людей некие тени светлые, полусветлые, туманные, мрачные; причем не дивно, что светло наряженные показались бы вам мрачными, если у них душа дурна, а одетые в рубище — светлыми, если их душа чиста. И вот такими-то видят нас небожители; и судя по тому, какими видят, радуются о нас или скорбят (9, с. 50–51).

11. Видение об Ангелах, исцеливших старца

Некто жил где-то далеко в пустыни. Заболели у него внутреннос-

ти: легкие ли, или сердце, или печень, или все вместе. Боль — хоть умирай. Людской помощи неоткуда ожидать, прибег к Богу со всеусильною молитвою. Услышал Господь. В одну ночь, заснувши, видит он такое видение. Пришли два Ангела с ножами, разрезали его, вынули больные части, вычистили их, вымыли и чем-то смазали. Затем все положили на свое место, sprыснули чем-то, и — все срослось, как будто и разрезов не было. Проснувшись, старец встал совсем здоровым, как будто никогда не болел, новеньким, будто юноша во цвете сил (9, с. 90).

12. Простота и смирение — два крила, быстролетность сообщающие

Записывал, помню, только один старец из древних... только не то, что у вас... а мысли, особенно резко печатлевшиеся в душе. Он записывал их угольком на стенках келии и прочитывал. Это, говорил, Ангел мне внушал. Это бы и вам можно сделать, но, думается, трудно самописаное отличать от внушенного. И лучше не делать и этого: чем проще жизнь, тем лучше. Простота и смирение — два крила, быстролетность сообщающие (5, с. 28).

БЛАГОДАРЕНИЕ

1. И за геенну можно благодарить Бога

Как святой отец благодарил (Бога) за геенну? По сознанию, сколь великое для нас благо в том, что Бог открыл нам о геенне. Если и зная, что есть геенна, мы так беспечно грешим, что было бы, если б не знали о том? Теперь все же иной грешит-грешит и призадумается (2, с. 213; 8, с. 96).

БЛАГОДАТЬ

1. Совершенство и успех в молитве Иисусовой зависит от благодати Божией

Это — что Бог дал или даст — иметь надо в цели, чтобы не смешать самодельщины с даром благодати (1, с. 18).

2. Благодать перерождает человека

Так мрачно все вокруг, если смотреть совне. На деле же есть светлое водительство Божие, которым Он всех и каждого ведет к последнему концу. Никто не забыт. Всех Отец есть Бог. Как несчастен род наш, когда для спасения его необходимо было, чтобы Сам Бог снизошел к не-

му, принял его естество и в этом естестве проложил ему путь восхождения туда, где Он Сам есть — одесную Отца? Что не все веруют, не умаляет значения веры. Надо смотреть на тех, которые искренно веруют, и на то, что им дается чрез веру. Вера христианская не система учения, а образ восстановления падшего в силу смерти Богочеловека, благодати Духа Святаго. Возьмите кого-либо из шедших вслед Господа и увидите, как он мало-помалу растет духом — и становится великим при всей невзрачности внешней. Вот о Серафим. Простой, неученый — до чего дошел? Неверам многоученным уста заграждал единым словом. Вот и сила. А жизнь его какова, а нрав? Так и всех переделывает благодать, которые предаются ей (1, с. 148).

3. О состояниях благодатного озарения

Состояние это не может равняться никакому естественному восторгу. Оно исключительное — и только прикосновением Господа к душе испытывается (1, с. 154).

4. Двойное действие благодати

Вы уже были призываемы путем рождения, Крещения и воспитания — и стояли на добром пути, но уклонились, поправ благодать

святого Крещения. Теперь снова призваны. Бойтесь опять отступить от Бога. Благодать двояко действует: совне, когда призывает, — и это всеобщая благодать, никто не исключен, ибо Господь всем хочет спастись и в разум истины прийти; когда кто, вняв призыванию, обращается, тогда благодать чрез Таинство Крещения или Покаяния внутрь вселяется и там созидает спасение или образует из стихий добра, естественных человеку, нового человека, наследника вечного Царствия Небесного, не властительно, а руково- дительно и помогательно, то есть указывая добро и помогая совершать его (1, с. 203–204).

5. О взаимодействии благодати и ревности

Всем хотящий спастись Господь буди вам помощник! Вы прописали некоторые неисправности в делании дела спасения. Присмотритесь, еще больше найдете. Извольте встрепетнуться, ибо дело идет о жизни и смерти. Главные производители жизни о Христе Иисусе суть *ревность*, горячая, энергичная, безжалостная к себе, яростно-сердитая на свою дурную сторону во всех ее проявлениях, без всякого снисхождения; и божественная *благодать*, привлекаемая и призываемая ревностью и всегда помогающая, когда ревность действует как следует...

Благодать Божия всегда готова и во всей силе; а ревность не всегда бывает исправна, не всегда бывает в должном напряжении, слабеет, близится к равнодушию, хладеет. В сем

состоянии человек походит на того, о ком в Апокалипсисе сказал Господь: *ни тепл еси, ни хладен**... и прибавил очень страшный приговор (1, с. 207–208).

По мере охлаждения ревности благодать отступает (1, с. 208).

6. Благодать всеобща... вина неспасения не на благодати, а на нехотении нашем

Благодатию никто не заделается; она дается всем грядущим к Господу; и Спаситель говорит, что Он пришел грешников спасти, а не праведных**... Благодать всем обща, только бери... и всем открыт доступ к ней — и все могут спасены быть, если захотят... Вина неспасения не на благодати, а на нехотении нашем (1, с. 224).

7. О действии благодати после обращения человека к Богу — в период рождения

Бог душе, обращающейся от греха на путь богоугождения, сначала дает вкусить всю сладость жизни сей новой. Но потом оставляет человека одного с его собственными силами. Благодать при сем или скрывает свое действие, или отступает. Делается сие затем, чтобы дать человеку поглубже убедиться, что он сам по себе один есть без благодати, — и навыв глубоко смиренствовать и пред собою, и пред Богом, и пред людьми (1, с. 226–227).

* Ср.: ...ты тепл, а не горяч и не холоден (Откр. 3, 16). (Курсив наш. — Изд.)

** См.: Мф. 9, 13.

8. *Ревность — плод благодати*

Ревность о спасении у вас есть. Она знаменуется заботою, вами выражаемою. Это значит, что жизнь духовная в вас теплится. Следует вам ее поддерживать, поддерживая ревность и разжигая ее. Когда будет равнование, будет жизнь, а жизнь никогда не стоит на одном, — следовательно, будет и преуспевание. Но замечать его нельзя, как не замечается рост детей, кои всегда на глазах.

Ревнование сие есть плод благодати. Господь призвал вас. Сие всегда исповедуйте с полным благодарением. Если призвал, то не бросит, только сами не отшатывайтесь от Него. Ибо не все от Господа, а есть часть и от нас. Что же от нас? Всеусильное действие в угождение Богу. Оно и будет, пока будет ревнование. Когда есть ревнование, оно свидетельствуется заботою о спасении жаркою (2, с. 85).

9. *Содействие благодати в духовной жизни: о внимании к Богу и постепенном освобождении духа от земных влечений при помощи благодати*

Терпение и постоянство в начале приведет наконец к искомому, и возрадуется!

Ведь немного нужно, и даже одно, как и Спаситель сказал. Мария сидела у ног Спасителя и смотрела Ему в глаза, слушая слово Его. Так надобно и нам устроиться. Господь везде есть, и везде можно присесть Ему. Вопрос в том, как.

Как пророк Давид, так и мы. *Предзрех*, говорит, *Господа пред мною выну, яко одесную мене есть** (Пс. 15, 8). И будем предзревать. Что мешает? Мешает не натиск внешних впечатлений, а непостоянство ума. Так у святых отцов писано. Ум все перебегает с предмета на предмет. Чем его привязать? Ничем нельзя, как чувством. Когда на сердце есть какое чувство, то оно и ум привязывает к предмету чувства. Следовательно, кто хочет привязать ум к Богу, так чтобы он непрестанно зрел Бога, надобно оживить чувство к Богу (2, с. 95–96).

Чувство к Богу нам естественно: оно составляет сущность духа высшей стороны нашего существа. Но по падении дух наш ослаб и подчинился душе; душа же — что Марфа, вся занята земным и житейским и жить без того не может. Как же быть? — Надо душу свою загубить, чтобы ожил дух, или ожить духом. Так и Господь повелел. Вопрос опять: как? Благодать Божия приходит и возбуждает дух. Дух начинает предъявлять свои требования и томить человека неудовлетворенностью: подай ему Бога... и с Богом его сочтай, тогда он замолчит, имея то, что ему потребно. Опять к тому же пришли: надо *предзреть Господа...* Начало у нас уже есть. Милосердый Бог благодатию Своею возбудил дух. Дух возбужден, но душа жива, она и мешает духу. Надо добивать душу. Тем, что дух возбужден, ей уже горло

* Всегда я видел Господа пред собою, ибо Он одесную меня.

перерезано; но она еще все дышит, живуча бо. Как добить душу, это долгая история. Будем на первый раз безжалостны к ней и ее требованиям, или проще: подрежем в себе сочувствия ко всему душевному, земному, житейскому, тварному и, напротив, постараемся образовать сочувствие ко всему духовному, невидимому, Божескому.

Не получая удовлетворения, душа будет истощаться и близить к смерти, а дух, получая насыщение, будет крепнуть, расти, приходиться в возраст. Вся сила дела сего в сочувствиях: подавлять одни... и восставлять другие. Подавление одних производится напряжением воли и энергиею духа, с призыванием многомогущего имени *Иисуса Христа*; а восстановление других производится перенесением сознания и внимания на предметы их. Сие есть молитва и богомыслие, или размышление о Божественных свойствах и делах. Кто долго стоит на солнце, телом согревается; так и кто о Боге и Божеском все думает, согревается в духе. Чем дальше, тем больше. Наконец загорится дух. Когда загорится, тогда не нужно никаких уроков и наставлений. Сам дух все уладит. Это состояние помазанных. Вот какой огонь возжечь пришел Господь на землю. Тогда все сердце будет занято Единым Богом, а за сердцем и ум. Вот дорога... Вы идете по ней. Дойдете. Не робейте!.. (2, с. 96–97).

Но ведь на бумаге-то так выходит коротко. Но дело не всегда скоро делается. К тому же мы представляем только труд, а дело совершает Сам Господь. Мы то же, что те, кото-

рые возят кирпичи, известку, песок, воду и прочее. Строит же другой Некто, присущий в нас со времени Крещения или Покаяния. А как строит, никому не рассказывает, даже тому, у кого строит. Только по окончании строения вводит Он в построенное самое лице человека... а этот только охает... дивясь, откуда что взялось, как из таких невзрачных материалов вышло такое дивное здание: и чисто, и светло, и прекрасно, и великолепно. Если верим, что так будет и в нас, будем с терпением ждать и дождемся. Однако ж, ожидая, не сложа руки сидеть, а напряженно делать все, что делать обязывает нас заповедь, по нашему внешнему положению и внутреннему состоянию (2, с. 97).

10. Поблажки себе и самоохотное развлечение отгоняют благодать

Поблажать себе не должно и самоохотно предаваться развлечениям, ибо такого рода поведение благодать Божию отгоняет. А ну-ка не воротится?! Ужас, как пойдет все кверху дном... Спаси вас, Господи, от беды сей!.. Обаче всякую нужду духовную, о коей болит сердце, предавать Господу, и Он поможет и уладит неладное (2, с. 99).

11. Дары Святого Духа, полученные при Крещении, развиваются при посредстве молитвы и подвигов

Благодать Духа Святого с нами с момента Крещения и Миропомазания. Молитвы церковные, домашние, труды подвижничества и доброделания развивают сей дар и дают ему простор действовать в нас. Луч-

пее к тому средство — сердечная молитва, которую и саму надо считать плодом Духа и вместе — привлекательницей Духа. В этом смысле и церковная о Духе Святом молитва имеет привлекательницу Духа (2, с. 211; 8, с. 95).

12. О взаимодействии благодати и ревности

«Господь призвал вас. Благодарение Господу! Но не ослабевайте делать и со своей стороны все потребное. Начал Господь в вас дело обновления духовного. Веруйте и уповайте, что *начный... и совершит** (Флп. 1, 6), если и ревность живую будете блюсти, и соответственных трудов опускать не будете (3, с. 24).

Ревность — дело благодати и свидетельство, что сия благодать неотступно в вас есть и производит благодатную жизнь...

Пока есть ревность, присуща и благодать Святого Духа. Она — огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова духовные — молитва... Как благодать коснется сердца, тотчас порождается обращение ума и сердца к Богу — семя молитвы.

Затем идет *богомыслие* (3, с. 24–25).

Благодать Божия внимание ума и сердца к Богу обращает и на Него держит. Как ум без действия не стоит, то, будучи к Богу обращаем, о Боге и думает.

Отсюда *память Божия* — присная спутница благодатного состояния... Память Божия праздной не бывает, но непременно вводит в со-

зерцание совершенств Божиих и Божиих дел: благодати, правды, творения, промышленности, искупления, Суда и воздаяния. Все сие в совокупности есть мир Божий или область духовная. Ревнующий неосходно пребывает в сей области. Таково уж свойство ревности. Отсюда обратно пребывание в сей области поддерживает и живит ревность. Желаете соблюсти ревность? Держите все прописанное настроение... По частям — это дрова духовные...

Имейте всегда под руками такие дрова, и как только заметите, что огонь ревности слабеет, берите какое-либо полено из своих духовных дров и подновляйте огонь духовный. И все добре пойдет.

Из совокупности таких духовных движений исходит *страх Божий*, благоговейное стояние пред Богом в сердце. Се страж и охрана благодатного состояния...

Вникните в сие, хорошенько обдумайте, вселите в сознание и сердце... и непрестанно оживляйте в себе... и живы будете...

Воскресли вы, как говорите... а тут будете всегда в состоянии только что воскресшего (3, с. 25).

13. После благодатных посещений надо быть готовым к встрече скорбей и искушений

Великой милости сподобились вы от Господа! Это вам одобрение прежних трудов и поощрение на большие. А может быть, еще и вот что: не подходят ли спереди искушения внутренние или скорби и тяготы внешние? Такова мысль св. Исаака. Ощутишь, говорит, особое действие

* начавший... будет совершать.

благодати. Смотри строго во все стороны, не отяготила бы какая напасть.

Но ближе скорбных напастей припадки самовосхваления... Собирайте тогда все из прежней жизни, чего по совести похвалить не можете, и завалите этим восстающие помыслы, как иной раз вспышку огня заваливают землю, чтобы не породился от малого большой пожар. За самовосхвалением и самоценом следуют греховные помыслы и движения и другое немалое. От этого всего спаси вас, Господи! (3, с. 227–228).

14. Благодатные внушения должны побуждать нас к смирению

Вот вам Бог послал напоминание о молитве. Благодарите Бога. Тут нет прелести, если вы сами не состроите ее в себе и не возмечтаете о себе нечто великое. И прежде вы получали свыше внушения, слышанные вами внутренним слухом вашим. Милость Божия! И тем больший ответ на вас лежит, если не преуспеете в сем.

Получив внушение, вы день, а иногда и больше бываете в отрешенном состоянии и настроении.

Другие не имеют этого и должны сами, как сумеют, восходить к такому состоянию, которое для всех обязательно.

Сравните теперь, что выше — без труда полученное или трудом и потом достигнутое?..

И получите из сего побуждение к смирению себя пред всеми (3, с. 230).

15. Без благодати Божией никаким другим способом ничего духовного приобрести нельзя

Сила не в словах молитвы Иисусовой, а в духовном настроении, страхе Божиим и преданности Богу и во всегдашнем внимании к Богу и Ему предстоянии умном.

Молитва Иисусова есть только пособие, а не самое существо дела. Положите себе жить в памяти Божией и ходить в присутствии Божиим, и это одно приведет вас к доброму концу. Все сие от благодати Божией. Без благодати Божией никаким другим способом ничего духовного приобрести нельзя.

Как уканет благодать в сердце, тогда все пойдет, как следует быть (5, с. 231).

16. Об отступлении благодати

Самоцен и отступление благодати всегда неразлучны. Господь отвращает очи Свои от зазнавшегося... А за отступлением благодати не всегда падение следует. Следует только охлаждение, нехорошие движения и неустойка против страстей, не в смысле падения в дела страстные, а в смысле смятения сердечного: например, скажет кто неприятное слово... и сердце загорится гневом и под. (6, с. 84).

17. Изречение преподобного Симеона Нового Богослова о благодати

Что говорит св. Симеон, что благодать заставляет забыть и презреть все земное и небесное, временное и вечное, то под этим разумеет все тварное, всякую тварь. Ибо когда благодать возгорится, тогда сердце

исполняется любовью к Богу, а любовь к Богу истинная делает, что для души ничего нет, кроме ее и Бога. Вот что говорит Симеон святой (8, с. 27).

18. Минуты высшего благодатного состояния духа

Состояние хорошее, которое испытали Вы, есть плод осенившей Вас благодати Божией. Оно дается всякому, кто искренно обращается к Господу. Так говорит о сем св. Макарий Египетский. И дается вначале — а потом скрывается. Господь дает только сим уразуметь, что есть, из чего трудиться и гнать вслед Его.

Состояние это не может равняться никакому естественному восторгу. Оно исключительно — и только прикосновением Господа к душе испытывается.

Заметили ли Вы место, где чувствовалось? Это надо хорошо заметить, чтоб потом быть в том месте вниманием.

Потрудитесь припомнить — и все там быть вниманием. Это в сердце. Продлить сие состояние не в нашей власти, но некое подобие ему производить трезвением, можно (8, с. 216).

19. Порядок возбуждения в спасаемом человеке добрых чувств от Духа Божия

Дух Божий сокровенно действует на дух наш и приводит его в движение. Пришедший в движение дух наш восставляет в себе естественное свое Боговедение, что Бог есть, все содержит и Мздовоздаятель есть. Сознание сего восставляет чувство все-

сторонней зависимости от Бога и оживляет страх Божий. То и другое растревоживает совесть — свидетельницу и судию дел наших и чувств, между коими редко что встречается такое, на что бы благоволительно воззрел Бог. Встревоженная совесть вместе со страхом Божиим и чувством всесторонней зависимости от Бога поставляют человека в чувство безвыходности своего положения: камо пойду? камо бегу? Но бежать некуда: пойман и в руках Бога — Судии и Воздаятеля. Чувствуется *гнев Божий с небесе на всякую неправду** (Рим. 1, 18).

Но тут приходит благовестие Евангелия и выводит из беды. Без Евангелия такое пробуждение духа нашего было бы пагубно, ибо неизбежно ввергало бы в отчаяние. Но благодать Божия так устроит, что истинное пробуждение духа и совершается, и сопутствуется Евангелием. Тому, у кого внутри образовалось вследствие пробуждения духа: *камо пойду? камо бегу?* — Евангелие возвещает: куда и зачем бежать? Иди под сень Креста — и спасешься. Сын Божий, воплотившись, умер на Кресте во очищение грехов наших. Веруй в сие — и получишь отпущение и милость Божию сретить. Апостолы всегда так и делали, проповедуя Евангелие. Растревожат, а потом говорят: веруй в распятого Господа — и спасен будешь. Так, св. Петр в первую проповедь, в день сошествия Святого Духа, встревожил и утратил иудеев до того, что они начали вопиять:

* ...гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков.

«Что же нам делать теперь? Куда деваться?» Он возблаговестил им тогда: *покайтесь, и да крестится кийждо вас во имя Господа Иисуса во оставление грехов** (Деян. 2, 38). Св. апостол Павел и Послание свое к римлянам расположил так, что сначала устроил всех, говоря: *открывается гнев Божий* (Рим. 1, 18), — и потом указал и прибежище всем в вере в Господа Иисуса Христа (Рим. 3, 22 и т.д.).

Когда кто в крайней беде находится и встретит указание на исход и прибежище, с какою ревностью хватается он за сие! Так и дух наш, вняв благовестию спасения в Господе, всею силою емлется за него с *благонадежием и готовностью* все сделать, лишь бы сделаться причастником евангельских благ. Такое настроение нашего духа делает его готовым к Богообщению, и благодать Святого Духа, действовавшая доселе совне, возбуждая, вселяется внутрь не непосредственно, а чрез посредство Таинства. Верующий кается, крестится и приемлет дар Святого Духа (см. Деян. 2, 38). Сие и есть действие Богообщения — живого и действительного. Так осязательно проявлялось сие действие во время первоначальной проповеди св. апостолов; так проявлялось оно и после них и проявляется доселе, когда все при сем с нашей стороны исполняется достождожно.

Не все совершает один Дух Божий. Требуется нечто и от нас, и это

* Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощания грехов.

нечто немаловажно. Дух Божий возбуждает, благовестие указывает, за что взяться. Сие от Бога. Но, сделав сие, Бог останавливается и ждет нашего произволения. Первыми действиями своими Бог как бы спрашивает: «Хочешь выйти из беды? Вот что делай». Момент сей самый важный. Склонится кто на указание — открывается вход дальнейшим действиям благодати, которая и вводит его потом в область спасенных. Не склонится — пресекает дальнейшие действия благодати и таковой остается в среде погибающих. Апостол Павел проповедует в Ареопаге. После проповеди св. Дионисий и еще кто-то идут вслед его и крестятся; а из прочих кто говорит: «Чему это учит суесловный сей?», а кто: «Приходи в другой раз, послушаем тебя». Бог никого не неволит спастись, а предлагает на выбор и только того, кто избереет спасение, спасает. Если б не требовалось наше произволение, Бог всех в одно мгновение сделал бы спасенными, ибо всем хочет спастись. Да тогда и совсем не было бы погибающих. А произволение наше не всегда разумно бывает, упорничает и Самому Богу не внимает. Вот и гибнем (9, с. 81–84).

20. Сокровенное действие благодати, получаемое нами в Таинстве Крещения

Благодать действует в нас с малолетства сокровенно. Ее подновляют в нас причащением Святых Таин Тела и Крови; среда же, в коей мы растем, если она верующая и благочестна, дает простор действию ее в нас чрез

христианское воспитание. И выходим мы из детства и отрочества при сих условиях совсем не то, чем выходят те, которые не крещены. Полагаю, что вам приятно воспринять мысль и веру, что вы облагодатствованы. И не отрицайтесь, а паче благодарите. Благодать сокровенно действует, но нередко она проторгается и въявь — в святых порывах и делах. Если будете почаще себя тереть, ходя в порядках христианских, чаще будете испытывать и действие благодати. Огонь есть в дереве, но скрыт. Станьте тереть дерево о дерево — пойдет дым, а потом и огонь покажется. В янтаре и сургуче есть электричество, но так оно не видно. Потрите, — и оно тотчас обнаружится притяжением каких-либо мелких частичек и даже искоркою. Вот и телеграф молчит, а как только машинка начнет производить трение, электричество тотчас пробуждается, и видите, как оно стремительно действует.

Так видите, облагодатствованная дочь Божия, за чем дело! Тереть себя надобно, ходя в порядках христианских, и благодать Божия будет непрестанно проявлять в вас свою живодейственность. Есть электрические солнца. Отчего? Возбуждено посредством известных аппаратов много электричества и держится в сем возбуждении. Желая стать и вам самосветящим солнцем под действием благодати, вам дарованной и в вас сущей. Вот и опять мы подошли к тому же — что не надо себя жалеть, а то резать, то тереть. Иначе ничего из нас с вами не выйдет в духовном

смысле, хоть мы и очень красивы будем на вид (9, с. 93–94).

21. О ревности и решимости жить по благодати

Очень обрадован вашим желанием переродиться. Вы рванулись желанием; но благослови, Господи, возвесть вам это желание до решимости, а потом решение свое произвести и в дело, которое по буквам не так сложно и длинно, а по существенному смыслу должно быть трудом целой жизни. Как дойти до решимости, об этом потолкуем после. Теперь я еще поговорю о том, что будет в конце. Сознанный светлый конец какого-либо начинания поддерживает в ответственном напряжении энергию сил к довершению его. Прошлый раз я писал вам, что надобно нам самоохотно дать благодати Божией, принятой нами в Крещении, простор, чтобы она, как закваска, проникла все существо наше во всех частях и частичках; потом прибавил, что со времени Крещения она тотчас начинает действовать и, если не встретит помехи, производит все возможное в душе одна, в чаянии, что, пришедши в возраст, душа и произволением своим изберет те заложенные уже благодатию начатки христианской богоугодной жизни. Когда, пришедши в возраст, станет кто своим сознанием и свободным избранием на сторону благодати, тогда она уже самого человека научает, как ладить с собою и все в себе предельвать, и не отстает от него, пока не доведет своего дела до конца, если человек не станет противиться тому своим произволением (9, с. 98–99).

Вы теперь стоите на том моменте жизни, когда предлежит вашему произволению и свободе выбор: стать ли на сторону благодати или на противоположную ей. Положим, что вы избрали первое и дошли трудом жизни до блаженного конца благодатной жизни. В каком, думаете, виде будет тогда созерцаться ваше внутреннее? — Как лучезарная звезда, всюду разливающая светлые лучи. Вот как это!

Помните, вы говорили, что не овладеваете с мыслями, а потом писали, будто я вас испортил своими речами, что прежде у вас все было лучше, а как стали всматриваться в себя по моему указанию, то видите одно неустройство: и мысли, и чувства, и желания — все идет вразброд, и привести их в какой-либо порядок сил нет. Вот вам решение, почему это так: *центра нет*. А центра нет, потому что вы своим сознанием и свободным избранием еще не решились, какую сторону принять. Благодать Божия доселе вводила в вас возможный порядок, и он в вас был и есть. Но отседа она не станет уже действовать одна, а будет ждать вашего решения. И если вы вашим избранием и решением не станете на сторону ее, то она и совсем отойдет от вас и оставит вас в руках произволения вашего.

Вы отторжены будете на противоположную сторону и, может быть, даже сердцем изберете ее; но не ждите, чтобы от этого направления умалился внутри вас беспорядок. Нет, там водворится еще большее смятение и растрепанность. Упорядочение внутри вас начнется лишь тогда, когда

вы станете на сторону благодати и порядка жизни в духе ее поставите неотложным законом своей жизни.

С того момента, как образуется в вас такое решение, образуется и центр внутри вас, и центр сильный, который все сущее в вас начнет стягивать к себе. В центре сем будет благодать, завладевшая вашим сознанием и свободой, или ваше сознание и свобода, сочетанные с благодатью. Это то же, что прежде названо воскрешением или восстановлением духа. К сему центру потом благодать Божия начнет стягивать все другие силы естества вашего, и душевные, и телесные, и заправлять всею их деятельностью, удерживая в них то, что есть доброго, и истребляя все недоброе (9, с. 99–100).

22. Внутренняя целесообразность. Просветление оболочки души под действием благодати. Разные степени этого просветления

Это стягивание всего к одному центру и направление всего к оному и есть внутреннее перерождение, которого вы с таким порывом возжелали. Когда завершится это перерождение, тогда уже все, и малое, и великое будет исходить из одного центра, и внутри водворится совершеннейшая гармония, и мир Божий, превосходящий всякий ум, осенит внутреннюю храмину естества вашего.

И Бог мира будет с вами! — Какое восхитительное и преблаженное состояние. Вы рванулись желанием к вещи, весьма достойной вашего желания (9, с. 100).

Когда душа состоит вне благодати, оболочка ее *или мрачна, как ночь темнейшая*, если кто поблажает страстям и им служит; *или сера, как неопределенный туман*, когда кто не слишком предан страстям, живет, однако ж, в суете. Под действием же благодати, вместе с тем как проникается ею душа, просветляется постепенно и оболочка ее, подобно тому, как обыкновенно разгуливается пасмурная погода. Когда душа вся проникается благодатию, тогда и оболочка ее вся становится ярко-светлою. Как внутреннее все в сем случае стянуто к единому, от которого исходят и все тамошние движения и действия, то и ярко-светлость оболочки представляется действием же благодати, исходящею из того же центра вслед за духовными действиями. Это и есть лучезарность. Внутреннее облагодатствованного блестит, как звезда, не духовным только, но и вещественным светом (9, с. 101).

Эта светозарность внутренняя у таких нередко прорывается и наружу и бывает видима для других. Бывши в С.-Петербурге в сороковых годах, я слышал об этом от неких и очень желал повидать то своими очами. Случилось мне принять к себе одного инока, в котором начали уже проявляться ощутительные действия благодати. Началась речь о духовных вещах. По мере того как входил он в себя и мысль его углублялась, лицо его все более и более светлело, а потом стало все бело, как снег, и глаза его искрились. И об отце Серафиме Саровском говорят, что он часто просветлялся, особенно

во время молитвы в церкви, видимо для всех. О подобных проявлениях есть много сказаний в отечниках. Об одном пишется, например, что лишь только он, став на молитву, поднял руки к небу, как из всех пальцев обеих его рук потекли пучки света на довольное пространство. О другом говорится, что ученик его пришел к нему зачем-то и постучался, — ответа не было. Он пригнулся посмотреть в скважину и увидел, что старец стоял весь в огне, как столп света. И много-много есть таких сказаний. И про святителя Тихона я еще маленький слышал нечто подобное. Преображение Господне, когда Он явился весь облистан светом одного происхождения с этим» (9, с. 101–102).

Лучезарность такая при переходе в другую жизнь обнаруживается уже сама собою естественно, ибо тогда спадает это грубое тело и не мешает ей быть видною для других. Я уже поминал вам, как св. Антоний Великий, сидя однажды и беседуя с учениками, устремил очи свои на небо и, посмотревши довольно, сказал: «Я видел столп света, восходящий от земли на небо. Это душа Аммония воспарила к Господу». Таких видений много записано. И то несомненно, что в Царство Небесное войдут только те, в которых благодать Божия, быв воспринята, начала свое действие в какой-либо мере, хотя и не успела проникнуть всего естества. Припомните притчу о десяти девах. Пять юродивых не вошли в чертог оттого, что не имели огня в светильниках. Это значит, что, приняв благодать, как и все, они не озаботились возгреть ее в себе и не

потрудились над собою, чтобы дать ей простор полно воздействовать в себе. Погасили благодать — света и не оказалось, ибо неоткуда ему произойти в нас, как от благодати.

Вообразите, как они были поражены, когда у самых дверей стояли и были отвергнуты, — и глас Жениха слышали, только не призывающий, а отгоняющий. Господи, помилуй! Прегорькая участь! Почаще возвращайте в мысли этот момент и всею заботою озабочивайтесь во что бы то ни стало достигнуть того, чтобы не повторилось и над вами нечто подобное (9, с. 102–103).

23. Объяснение свободной решимости жить по благодати притчами и примерами

У тех, которые, получив благодать, не дали ей действовать в себе, а заморили, на Суде Божиим сначала отнимут дар благодати, а потом ввергнут их в тьму кромешную. Это Спаситель открыл в притчах о мнасах. Всем рабам дано по мнасу: благодать всем равно дается. Но один на этот мнас приобрел других десять, другой — пять, третий — ничего: завернул, говорит, в платок и положил (см. Лк. 19, 11–21). Это значит, что первый больше всех потрудился над тем, чтобы проникнуться благодатию, второй — в половину против него, а третий пренебрег даром, нисколько не заботился взгреть в себе благодать. Награда потом воздана соответственно трудам по облагодатствованию или внутреннему просветлению себя под действием благодати. Последний ничего не сделал по сей части: у него

взяли и то, что так щедродательно вручено было вначале.

Видите, как дело-то идет и чем кончается?!

Мы, крещенные, все получили мнас — благодать Святого Духа. Сия благодать, как я уже поминал, сначала одна действует в нас, пока мы еще не пришли в возраст. Когда же приходим в возраст, то она, хотя также во всякое время готова действовать в нас, но не действует, а ожидает, пока мы свободно и самоохотно склонимся к ней, сами восхотим ее вседействия в нас и взыщем его. Как только взыщем, она тотчас начинает опять свое в нас дело, возбуждая, направляя и укрепляя нас. Проникновение нас благодатию спееется по мере взыскания нашего и труда по сему взысканию. А если не взыщем и не станем трудиться именно для сей цели и в сем смысле, то она не станет одна действовать в нас против воли нашей, как бы насильственно. Бог дал человеку свободу и не хочет нарушать ее, не хочет против воли входить в него и действовать в нем. Захочет человек сам себя предать действию Божию, самоохотно, тогда и Бог благодатию своею начинает действовать в нем. Если бы все зависело от Бога, то в одно мгновение все стали бы святы. Одно мгновение Божие — и все бы изменилось. Но таков уж закон, что человеку надо самому восхотеть и взыскать, — и тогда благодать уж не бросит его, лишь бы только он пребыл верен ей (9, с. 103–104).

Припомните притчу Спасителя о сокровище, сокрытом на поле, и о человеке, ищущем драгоценных би-

серов (см. Мф. 13, 44–46). Один увидел в поле десятину, на коей зарыто сокровище: пошел, все свое продал и купил десятину ту. Конечно, он вырыл потом сокровище и разбогател, хоть об этом не помянуто. Это поле или десятина есть душа наша; сокровище, сокрытое в ней, есть благодать, чрез святое Крещение в нее вложенная. Что увидел сокровище человек притчи — этим означает момент, когда сознает христианин, что в нем сокрыта такая драгоценность, ни с чем не сравнимая, — благодать Святого Духа. Продал все — это значит всем пожертвовал, что имел, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище — возбудить и привести въявь сокрытую в нем благодать.

Другой купец был, торговавший драгоценными камнями. Узнал он, что где-то есть алмаз, которому равного ничего нет, но которому цены в том месте, где он находился, не знали (это я от себя дополняю). Желая его приобрести, и этот тоже все свое продал и купил его. И, конечно, разбогател. — И этот драгоценный бисер есть образ благодати Божией, в нас сокрытой и неведомой нам, пока не сознаем того. Кто сознает, тот вместе убеждается, что ничего нет драгоценнее ее. Потому с полным самоотвержением все бросает и устремляется на возгреение и воспламенение в себе благодати.

Из этих притчей вы видите, что именно ожидается от нас. Ожидается, чтобы мы: 1) *сознали присутствие* в себе дара благодати; 2) *уразумели драгоценность ее* для нас, столь великую, что она дороже жиз-

ни, так что без нее и жизнь не жизнь; 3) *возжелали* всем желанием *усвоить себе* сию благодать, а себя — ей или, что то же, — проникнуться ею во всем своем естестве, просветиться и освятиться; 4) *решились* самым делом достигнуть сего; и затем 5) *привели сию решимость в исполнение*, оставя все или отрешив сердце свое от всего и все его предав вседействию Божией благодати. Когда совершатся в нас сии пять актов, тогда полагается начало внутреннему перерождению нашему, после которого, если неослабно будем продолжать действовать в том же духе, внутреннее перерождение и озарение будут возрастать — быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное — по самозабвению и самоотвержению.

Помните, что я говорил вам о той гувернантке, что круто поворотила*. Вот у нее все это совершилось. Начавши, она уже не озиралась вспять, а все дальше и дальше, выше и выше забирала. И дошла до огненного возгорания благодати. Благодать Божия не смотрит на то, каков кто был до возжелания ее, а ждет только этого возжелания. И тотчас начинает свое дело, как у Екатерины великомученицы чистой, так и у Марии Египетской, бывшей до того неисправною. Сколько есть текущих сим путем у нас в России, знатных и незнатных, и мужчин, и женщин, и вдовиц, и девиц?! Блаженные и преблаженные души! — Блаженный

* Почила уже матерью Магдалиной в Елецком женском монастыре. О ней — в «Страннике» за 1876 год (9, с. 106).

Августин долго был удерживаем в узах жизни не духовной, хотя знал и о духовной и желал ее. Что же помогло ему разорвать сии узы? Слышанный им рассказ о просиянии благодатию св. Антония Великого, человека неученого и из простого звания. Услышав это, он воззвал: се простецы упреждают нас, оставляя нас позади со всею нашею ученостью и всем значением среди людей. И с этой минуты переломил себя и с жаром пошел тем же путем, каким тек св. Антоний.

Мы же с вами как? Отнекиваться будем или отлагать день за днем?! Благослови вас, Господи, Своим просветительным благословением (9, с. 104–106).

24. Решимость жить по благодати не должна ограничиваться лишь желанием, а должна сопровождаться готовностью к трудам и борьбе, стремлениями непременно достигнуть желаемого. Необходимость терпения и постоянства в подвиге

Лучезарность души, которую проникнет Божия благодать — всю, как огонь железо, есть состояние привлекательное. Слыша о нем, всякий готов рвануться желанием достигнуть его. Предполагаю у вас подобный порыв. Но порыв хоть и означает, что душа умеет избирать лучшее, но не выражает всего, что по сему случаю требуется. Можно рвануться и стать, — из порыва ничего и не выйдет. Нет, не порыв один здесь нужен, а здоровое рассмотрение дела и образование решимости, твердой и неуклонной, при сознании всех трудов,

препятствий, неприятностей, кои ожидают впереди, с мужественным воодушевлением стоять против них до положения живота.

Взыскание того, чтобы проникла все наше существо Божия благодать, есть то же, что взыскание Царствия Божия, или возревнование о спасении души, или возлюбление и избрание единого на потребу. Разны именованья и выражения; дело же одно. Я взял такую сторону, которая нагляднее. Как ни назови, предмет сам по себе есть превозделеннейший, потому нельзя не желать его. Кого ни спроси: хочешь в рай, в Царство Небесное? — духом ответит: хочу-хочу. Но скажи ему потом: ну, так то и то делай, — и руки опустились. В рай хочется, а потрудиться ради того не всегда достает охоты. Я веду речь к тому, что не возжелать только надобно, но и твердую возыметь решимость непременно достигнуть возжеланного и начать самим делом труды по сему достижению. Чтобы нам яснее это было, расскажу вам все, как обыкновенно желания восходят до решимости (9, с. 107–108).

Много бывает предметов, о которых мы думаем, и дел, которые задумываем. Но подумаем-подумаем — и забываем. Это значит, что к ним душа не прилегла: душа не прилегла и память о них пропала. То памятно, к чему душа приляжет. Душа приляжет, я разумею — предмет нам понравился. Пусть понравился предмет — нам приятно о нем думать или держать его в мысли, представлять себе; но он может не возбуждать еще

желания иметь его, а если это дело, — сделать его. Говорим: хороша вещь или хорошо дело, — но нам-то что до них. Полюбоваться ими — любимся, но, чтобы потянуться за ними или к ним, не видим позыва. Чтобы пожелать чего, надобно, чтобы желаемое имело ближайшее к нам лично отношение, было бы для нас или полезно, или необходимо, или уж так понравилось, что без него скучно и горько жить. Когда в каком деле или какой вещи видятся такие стороны, то желания их мы удержать не можем; оно образуется неизбежно. Положим, возжелали: будто все уже этим и сделано? Нет еще. Мало ли желаний остается неисполненными от недостатка энергии или напряжения сил к исполнению их? Чтобы желание исполнилось, надо возвесть его в непремненное намерение или решимость, надо, чтобы душа так в себе сказала: во что бы то ни стало достану такую-то вещь или сделаю такое-то дело. Когда это слово произнесется в душе, то вслед за ним начинаются соображения, как привести в дело то, что решено: обдумание средств, придумание благоприятных обстоятельств времени и места, предугадывание препятствий и обозначение мер к устранению их и возможное обозрение всего хода дела с начала до конца. Когда все это обозначится в душе, она является вполне готовою на дело.

Все готово к делу, но дела-то еще нет: его надо начать, продолжать с постоянством, терпением и соответственным усердием, пока дойдет до конца. Все доселе прописанное по-

хоже на то, как у вас, например, лесопильная машина приготовлена к пилению: пары разведены, дерево подведено и все налажено как следует. Остается только пустить в ход — и работа началась. Это — *пустить в ход* — венец всех прежних приготовлений и будто ничего не прибавляет к деланию, а сделание дела все от него зависит. Точно так и в переходе желаний в решимость и дело, когда решимость созрела и все придумано к деланию, остается еще самонужнейший акт, в коем вся сила, — *начать делать*. Подумаешь, что же тут трудного, когда все уже готово? А между тем это самый трудный шаг. Все до решимости происходило внутри; теперь наше внутреннее дело — умное — должно вступить в среду событий и течь наряду с другими. Сделай только первый шаг, а там уже сама обстановка, в какую вступит начавший дело, начнет его подталкивать — делать и делать в начатом духе и порядке. Так вот вам вся процедура дела!

Говорю же сие для того, чтобы указать, что еще остается вам доделать в себе, чтобы желание, которым вы равнулись на дело Божие, перешло в дело. Чтобы ваше желание не было пустоцветом, надо довести его сначала до решимости — не быстролетной, а тяжеловесной, обдуманной, крепкой, разумной и, главное, — безвозвратной; а затем приступить и к делу. Первое все должно совершиться внутри собственным размышлением с молитвенным к Богу обращением о вразумлении и просветлении ума относительно этого столь необходимого го предмета (9, с. 108–110).

25. Очерк просветленного благодати внутреннего состояния словами Макария Великого. Способы возбуждать и усиливать решимость в доброй жизни

Если кто в мире богат и есть у него сокрытое сокровище, то на сие сокровище и богатство приобретает он все, что захочет. Так и те, которые обрели и имеют уже небесное сокровище (благодать), сим сокровищем приобретают себе всякую добродетель и тем же сокровищем присовокупляют себе еще большее небесное богатство. Апостол говорит: *имамы сокровище сие в скудельных сосудах** (2 Кор. 4, 7), то есть, будучи еще во плоти, сподобились обрести в себе оное сокровище — освящающую силу Духа.

Кто обрел и имеет в себе сие небесное сокровище Духа, тот неукоризненно и чисто совершает им всякую правду по заповедям и всякое делание добродетелей уж без понуждения и затруднения. Станем же умолять Бога, взывем и будем просить, чтобы и нам даровал сокровище Духа Своего и таким образом возмогли мы неукоризненно и чисто пребывать во всех заповедях Его, чисто и совершенно исполнять всякую правду.

Надлежит понуждать себя к тому, чтобы просить Господа, да сподобит обрести и приять небесное сокровище Духа и прийти в состояние без труда и легко совершать неукоризненно и чисто все заповеди Господни, которых прежде не могли испол-

нить и при всем усилении. Приобретается сие сокровище чрез усердное искание, веру и терпение в трудах по сему исканию. С сердечною болезнию и верою надлежит просить у Бога, чтобы дал нам обрести в сердцах своих богатство Его, в силе и действительности Духа.

Что бывает с теми, у которых благодать Божия начала ощутительно проявлять свои действия, св. Макарий изображает так: «Иногда бывают они обвеселены, как бы на царской трапезе, и радуются радостью и веселием неизглаголанном. В иной час бывают как невеста, божественным покоем упокоиваемая в сообществе со своим женихом. Иногда же, как бесплотные Ангелы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность. Иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упокоиваемые Духом, в упоении Божественными духовными тайнами. Иногда такую любовь разжигает их Дух, что, если бы можно было, вместили бы в сердце своем всякого человека, не отличая злого от доброго. Иногда в смиренномудрии Духа они столько уничижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда душа их упокоивается в некоем великом безмолвии, в тишине и мире; иногда умудряется благодатию в уразумении чего-либо, в неизреченной мудрости, в ведении того, чего невозможно изглаголать языком. Иногда же человек делается как один из обыкновенных».

Какое вожденное состояние! А вот и еще маленький очерк про-

* Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах.

светленного благодатию внутренне-го состояния.

«Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей, и, в неизреченном общении пришедши в единение и растворение с Духом Утешителем и сорастворяемая Духом, сама сподобится стать духом, тогда делается она вся светом, вся — оком, вся — радостью, вся — упокоением, вся — любовью, вся — милосердием, вся — благодатию и добротой».

Вот чего добивались и чего достигнуть старались святые подвижники! Согласитесь, что было и есть из-за чего трудиться. Но ведь доступ в эту область всем открыт. Это не заповедный луг или сад. Всем обетованы такие блага и задаток дан на стяжание их — благодать Святого Духа в Крещении и Миропомазании. За нами стоит только порыться в себе и достать сие сокровище. Клад в нашем саду: только лопату взять и начать рыть. С первых же ударов заступа начнет позвякивать серебро и золото. А там — глядь — вот и все сокровище. Радости тогда меры не будет.

Ну! За чем же теперь у нас с вами дело стоит?!

В прошлом письме я указал вам дорогу, какую доходят до решимости, но не помянул, вследствие каких особенно представлений возникает эта решимость и приходит в окончательное напряжение. Коротенько укажу теперь это главнейшее. И прелесть предмета возбуждает энергию, но тут возможно оставить дело до завтра. Когда же при сем ясно сознаны, с одной стороны, крайняя нужда и неизбежность, а с другой —

подручные способы, тогда решение совершается неудержимо. Вот вам пример. Иной сидяка сидит в комнате и не вызовешь его, но пусть он увидит, что пожар, откуда прыть возьмется: духом махнет вон. Точь-в-точь то же надо делать нам с собою и в случае нашей нерешимости надо зажечь беду вокруг себя, то есть убедить себя, что или так и так делай, или ты вечно погиб.

Как только вообразится сие в сознании, тотчас восстанет во всей силе вся наша нравственная энергия и повлечет неудержимо к делу. Как это сделать в отношении к предмету, о коем у нас речь, потрудитесь сами додуматься.

Помяну со своей стороны, что нынче-завтра смерть, а по смерти что? А ну-ка то, что было с рабом лукавым: возьмите у него мнас — дар благодати, а самого бросьте во тьму кромешную! Или то, что случилось с юродивыми девами: дверь запрется и услышите: не знаю, кто ты! Ведь то или другое, всеконечно, будет, если не возгреем в себе благодати и не просветимся ею. Поставьте себя в такое положение пояснее; и не думаю, чтобы устояла против сего ваша нерешительность, если она есть.

Еще древний мудрец изрек: *помни последняя твоя* и во веки не согрешишь* (Сир. 7, 39).

Потрудитесь представить сие пояснее и, однажды сознавши то ясно, не ослабляйте и не помрачайте сего сознания. В пособие себе возьмите книжку «*Востани спяй*» — и читайте. Она дана вам прежде.

* о конце твоём

Подручность средств есть второй момент, который при чувстве крайности придает мужества и благонадежия избыть от беды и тем окрыляет на дело. Тогда как не будь сего, чувство крайности неизбежной повергает в отчаяние. В приведенном примере, не будь двери свободной или открытого окна, захваченному пожаром остается одно — рвать на себе волосы. Так и в нашем примере, при решительной крайности, в коей воистину находимся (без благодати не избежать лишения Царства Небесного), не будь средств, подручных нам, по сознанию такой крайности оставалось бы только падать в отчаяние. Но, благодарение Господу, все уже готово для нас, чем можем избегать загробной неизбежной крайности, — все готово и у нас под руками есть, и даже в нас самих есть. Только и остается взяться за дело и действовать. Неужели при ведении всего сего еще будем мешкать и отлагать день ото дня?

...Всю речь свою я к тому лишь веду, чтобы вы вседушно избрали именно этот род жизни и самоохотно решились до конца так жить. Доселешняя ваша жизнь будто не ваша была. Так вас направили. Это очень благодетельно, но непрочно, если вы своим избранием не выберете сей именно жизни и не поставите ее для себя неотложным законом. Если не сделаете того теперь, увлечет вас злой дух светской жизни или из вас выйдет ни то ни се, как я уже поминал.

Подумайте, Господа ради, обо всем этом и поспешите установиться в ваших решениях (9, с. 110–115).

26. Необходимость благодати в духовной жизни

[Сперанский*:] «Благодать, возбуждающая столько теоретических споров, для чувства вещь простая. Она именно есть это присутствие Господа нашего внутри нас. *Без Мене ничего не можете* — это и есть принцип благодати. В этом-то смысле также апостолы и первые христиане называли Иисуса Христа просто Господом. Самое блистательное доказательство математической истины может ли сравниться в очевидности с действиями благодати, когда сердце раскрыто для нее покаянием?»

До зарождения внутренней жизни, или проявления осязательного действия благодати и богообщения, человек часто еще что-нибудь сам делает или напрягает к тому свои силы. Но измаявшись безуспешно в своих усилиях, он бросает наконец свою самостоятельность и вседушно предает себя вседействию благодати. Тогда посещает его Господь милостию Своею и возжигает в нем огонь внутренней духовной жизни. Что в этом великом перевороте его усилия ничего не значили, это знает он по опыту. После, более или менее частыми отступлениями, благодать Божия впечатлевает в него также опытное удостоверение, что и поддержание этого огня жизни не есть дело его собственных усилий. Затем, частое нахождение благих мыслей и

* Граф М.М. Сперанский был автором писем о духовной жизни, опубликованных в «Русском архиве» в январе 1870 года.

начинаний, частые осенения духа молитвенного, неведомо как и откуда находящего, тоже опытно дают ему убедиться, что и все доброе не иначе для него возможно, как от действия Божией благодати, всегда присущей ему по милости Господа, спасающего всех спасаемых. Он предает себя Господу, и Господь вседействует в нем. Опыт показывает, что тогда только и идет у него все успешно, когда он исполнен этим самопреданием. Он и не отступает от него и всячески блюдет (10, с. 119–121).

27. Отношение благодати к свободе

Теоретиков много занимает вопрос об отношении благодати к свободе. Для носящего благодать вопрос этот решен самим делом. Носящий благодать предает себя вседействию благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне и весь сосредоточен внутри. Забота у него теперь одна — быть всегда верным присущей в нем благодати. Неверность оскорбляет ее, — и она или отступает, или сокращает свое действие. Верность свою благодати или Господу человек свидетельствует тем, что ни в мыслях, ни в чувствах, ни в делах, ни в словах ничего не допускает такого, что сознает противным Господу, и, напротив, никакого дела и начинания не пропускает, не исполнив его, коль скоро сознает, что на то есть воля Божия, судя по течению его обстоятельств и по указанию внутренних влечений и мановений.

Это иногда требует много труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений; но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо после всякой такой жертвы он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве.

Этими актами верности благодати и возгревается дар благодати, в связи с молитвою, уже неотходною в то время (10, с. 121–122).

28. Сравнение действия благодати с действиями матери относительно ребенка

Заняло меня состояние вашего сердца после причастия Святых Таин. Ведь Святые Таины прообразованы манною. Она принимала вкус по нуждам каждого. Вот и причастие Святых Таин дало вам вкусить, что вам нужно. Теперь знает сердце ваше, что значит быть с Господом и что без Него. Как хорошо, когда Он близ и греет и услаждает! А что бывает с душою, когда Он отступит!

Приходит на мысль сравнение Маркария Египетского — действия благодати Божией с действием матери относительно своего ребенка. Когда ребенок забудется и от непрестанного нянченья матери забудет, как дорога ему мать, тогда мать оставляет его одного и сама прячется. Ребенок начинает кричать, увидев, что он один. Мать тут же снова берет его. Как крепко прижмется тогда он к груди матерней! А пред этим и в стороны смотрел, рассеивался, смеялся, забывая мать.

Вот так и с душою. Наше дело — все принимать и о всем благодарить.

Буди слава Господня во веки! (11, с. 10–11).

Вот каков ваш пост был в Великую Пятницу! Только напрасно вы нападаете на пост и так рассерчали на него, что уж никогда не будете так поститься. Как Бог даст. Может быть, неделю пропуститесь и ничего такого не случится.

Это Господь хотел вам показать, что вы такие одни — без осеняющей и покрывающей Его благодати. В это время Господь отступил немного от вас — не бросил, а отступил; вы остались одни со своими силами и со всем тем, что есть в вас. Такой закон у премудрой благодати Божией. Сначала обливает душу всякими утешениями и все легко, и, как одеждою какою, одеяно сердце теплотою, и ум — светлостью созерцания. Но тут близко искусительное помышление: ну, слава Богу... теперь, кажется, уж мы установились (у вас есть в письме это выражение), не то, что прежде... дело идет хорошо... *сердце не худо, да и ум нешто...* Что прежде было хорошо — это совсем не от ваших сил и трудов, а от Господа, по Его единой благости; вы же, верно, помечтали или понадеялись на себя или восчувствовали себя крепкими и безопасными. Господь снял с вас одежду благодати Своей, вы остались одни... все стало сухо, жестко и примрачно... т.е. Господь дал ответ на ваше помышление: «*На, посмотри, что твое сердце и что твой ум!*» Сердце злится, и ум не знает, о чем думает, и воля потеряла всякое усердие. Так вот вам урок Божий. Заучите его — и иначе

себя не знайте, как такую, каковы Вы были в тот день. Если бываете лучше, все то воздавайте Господу — и благодарите Его и со страхом вопийте: Господи, не отыми от меня покрова благодати Твоей; а себя все зрите такую, какою были в тот день. Благодать носит душу, как мать дитя свое. Когда дитя зашалится и вместо матери начнет засматриваться на другие вещи, тогда мать оставляет дитя одно — и скрывается. Заметив себя одно, дитя начинает кричать и звать мать... Мать опять приходит, берет дитя... и дитя еще крепче прижимается к груди матерней. Так делает и благодать. Когда душа зазнается и забудет думать, что носится и держится благодатию, благодать отступает... и оставляет душу одну... Зачем? — Затем, чтобы образумилась душа, восчувствовала беду отступления благодати и начала крепче льнуть к ней и искать ее. Такое отступление есть действие не гнева, а любви Божией вразумляющей и называется *отступлением поучительным* (11, с. 48–50).

29. Пятидесятница — Духа Божия веяние и осенение

Благословен еси, Христе Боже наш, и проч. Пятидесятницу празднуем. Духа Божия веяние и осенение да подаст вам Податель всяческих! Теплота Его да согревает сердце ваше паче и паче, пока возгорится огонь, опаляющий и поядающий! Буди! И будет, если приложите труд усердный и болезненный — к Богу припадание. Щедр бо и милостив Господь (11, с. 28).

30. О благодати Божией (видение старца)

Расскажу вам видение одного старца. Видел он поле широкое-широкое. По нему ходило множество людей разного рода. Ходили они по грязи, иной по колени и более, а думали, что ходят по цветам; сами были в лохмотьях, испачканные и уродливые, а думали, что они красавцы и в нарядах. Ни одного из них не было покойного, все в тревоге и хлопотах, в ладах или спорах и ссорах друг с другом... К востоку от них лежала поляна несколько возвышенная, покрытая травой и цветами, а им казавшаяся сухой, песчаной и каменистой. За сею поляною поднималась гора, прерываемая хребтами в разных направлениях, все выше и выше... Из-за горы виднелся необыкновенной красоты свет, ослепляющий и слепые очи открывающий. Лучи от сего света шли во множестве в шумную толпу, блуждавшую по грязному полю. В каждую голову упирал свой луч. Что же люди? Смотреть на свет из-за горы самим им и в голову не приходило. А что касается до лучей, то одни совсем не чуяли прикосновения их; иные, почувствовав беспокойный удар их, потирали только себе голову и, не поднимая головы, продолжали делать, что делали; иные поднимали голову и обращали взор назад, но тотчас опять закрывали очи и возвращались на прежнее. Некоторые, устремив очи свои по направлению луча, долго стояли в наблюдательном рассматривании света и любовались красотой его, но все стояли неподвижно на одном месте и наконец то от утом-

ления, то будучи столкнуты другими, опять начинали шагать по той же дороге, по которой шли прежде. Редкие-редкие, покоряясь возбуждению луча и указанию его, оставляли все, направляли шаги к цветистой поляне и шли потом все далее и далее к горе и по горе к свету, осиявшему их из-за горы. Смысл видения понятен сам собою!..

Видите ли, что никого не оставляет возбуждающая благодать; только сами люди пусть не упорничают (11, с. 107–108).

«Как различить, что есть действие благодати и что собственное желание пребывать в добре?»

Нет нужды и различать. Жизнь истинно христианская устроится взаимно — благодатию и своим желанием и свободой, так что благодать без свободного склонения воли ничего не сделает с нами, ни свое желание без укрепления благодатию не может иметь ни в чем успеха. Обе они сходятся в одном деле устроения христианского жития; а что в каждом деле принадлежит благодати и что своему желанию, это до тонкости различить трудно, да и нужды нет. Ведайте, что благодать никогда не насилует свободного произволения и никогда не оставляет его одного, без своей помощи, когда оно того достойно, имеет в том нужду и просит о том. Господь близ! Молитесь!

Есть жизнь безблагодатная, похожая на благодатную. Различие их — во внутреннем настроении сердца и крепости нравственной. Где та или другая — распознает одно око Божие. А нам на себя смотреть должно

и болезненно ко Господу звать: *о Господи, спаси же, о Господи, благопоспеши же!*.. Пустое любопытство лучше прочь гнать (11, с. 108–109).

БОГОМЫСЛИЕ

1. При молитве Иисусовой необходимо богомыслие

Молитва Иисусова есть хорошее к внутренней молитве средство, но сама по себе не внутренняя, а внешняя молитва. Которые навикают ей, хорошо очень делают. Но если на одной на ней останавливаются, а дальше нейдут, то они останавливаются на полдороге...

При молитве Иисусовой богомыслие все же необходимо: иначе это сухая пища. *Хорошо, у кого навязло на языке имя Иисусово.* Но можно при этом совсем не помнить о Господе и даже держать мысли, противные Ему. Следовательно, все зависит от сознательного и свободного к Богу обращения и труда держать себя в этом с рассуждением (1, с. 19).

2. Богомыслие — в том, чтобы уяснить Божественную истину, провести до чувства и вывести уроки для себя

Богомыслия не вижу, то есть мышления о Божественных истинах с выводами уроков для себя... *Богомыслие:* взять какую-либо божественную истину, уяснить ее в составе и основаниях, провести до чувства и вывести уроки для себя. Какие истины брать? Все, начиная с божественных свойств, проходя чрез творение, искупление и общее промышление

до Страшного Суда и вечной жизни. Это по катехизису. Брать одну. Стишки, которые падут на сердце при чтении, — лучший предмет для богомыслия (1, с. 205).

3. Ревность укрепляется богомыслием

Спасение содевать нам заповедано со страхом и трепетом, ибо посреди сетей ходим, идем по жердочке над бездною или по узенькой тропинке, по обеим сторонам которой — пропасти (1, с. 208–209).

Поспешите поджечь ревность, тогда все опять пойдет добре. Как? — Как оживляют онемевший член тела? Трением. Начинайте же тереть душу. Чем? — Всем, чем обычно упражняют себя люди благочестивые: богомыслием, усилением самоумерщвления или строгостью к себе, к плоти своей, наипаче же молитвою. Извольте пройти весь ряд Божественных истин с предвечного бытия Бога до конца и остановитесь на сем последнем, именно на своей смерти и последующем за тем решении, неизменном на вечные веки. Но остановитесь не голою мыслью, а с полным чувством и так, как бы все то самым делом совершилось над вами (1, с. 209).

Вот вы слегли на одр смертный, приходят Ангелы взять душу... Что скажут они? Подступят и бесы... и что будут вопить? Чем кончится их взаимное пререkanie? Начнется путь ко Престолу Судии — Бога (1, с. 209).

Надо пройти мытарства; соблазнительны бесы вытащат свои записи и начнут живописать деяния... Что

тут раскроется?.. Когда на грехи по-дущали, гладили нас по голове... и то ничего, и другое не важно, а тут начнут обличать и осуждать и рвать из рук Ангелов. Так до самого входа в судилище. И ничего нет страшнее этих мытарств. Ангелы защищают, но бывает, что нечем уже защитить. Св. Антоний Великий видел некоего страшного гиганта, простирившегося выше облаков, с простертыми руками по всему горизонту... Души умерших поднимались на Небо. Которые поднимались выше его рук, на тех он скрежетал зубами в досаде, а которые останавливались ниже рук, тех ударял рукою, и они ниспадали в бездну... Увы! И кто исчислит все имеющиеся встретиться тогда страхи! (1, с. 209).

А там Суд. Что скажем в оправдание или хоть в легкое извинение? Что будет, когда услышим: виновен... свяжите... и низриньте? Извольте это поглубже вселить в сердце и почаще припоминать... Если так будет, если есть вероятность, что вынесется приговор «виновен», то как беспечничать и предаваться послаблениям?.. (1, с. 209–210).

Очень много зла от мысли, что смерть за горами. Извольте приблизить ее и помните, что ей и из-за гор ничего не стоит прискочить... Вот вот подскочит и подкосит... Ах! Ах! Да уж ничто не поможет. Пересмотрите-ка все роды внезапных смертей и решите, какой из них не может повториться и над вами, сейчас же, когда вы читаете эти строки? От беспечности нет мысли возбудительнее, как мысль о внезапной смерти. Но ни одна мысль также не бывает

дальше от нас, как эта. Все тут враг — заслоняет смерть... Извольте побольше навязать узелков в напоминание о ней (1, с. 210).

4. Примеры богомыслия

Настоящее употребление в жизни богомыслия есть представление какой-либо истины веры с соответственными чувствами и намерениями, без движения рассуждения, как уже конченного однажды. У св. отцов оно называется созерцанием, что есть зрение умом истины с чувствами (1, с. 217).

Потрудитесь все истины пересмотреть... И каждую пересмотренную потом почаще созерцайте, чтоб не забылась. Когда пересмотрите все истины, тогда вам останется только созерцать их. Употребление созерцания таково: утром, тотчас по восстановлении полного сознания после сна, делайте общий их обзор, начиная предвечным бытием Бога Триипостасного и кончая Страшным Судом и вечною всех участию, не быстро и не длительно, но со вниманием. Можно это сделать по Символу веры. Вся совокупность сих истин есть строй мысленного, духовного, Божественного мира. Пересмотром их сознание вставляется в строй их и входит в духовный мир. Это в соответствие тому, как, проснувшись, входим мы в строй внешнего, окружающего нас мира и сознательно держим себя в нем: солнце и небо над нами, стихии и все твари наземные вокруг, равно как семья, соседи, государство, со всем, бывающим в них. Последнее невольно само собою совершается, а над первым надо

потрудиться, хоть это не слишком трудно. Сии два мира — созерцаемый мысленно и видимый вне — созная, в мысленном обретайте руководственные указания, как следует возвращаться в видимом. Это общее правило созерцания! (1, с. 217–218).

Частные: кончив мысленный обзор утром, надо остановиться на том предмете, который больше повлиял на чувство, и им оживлять дух молитвенный. Когда же этого нет, тогда оживлением духа молитвенного да будет общее благоговейное чувство ко всему строю духовного Божественного мира. Потрудитесь ни одного утра не оставлять без освежения своего внутреннего таким созерцанием богомысленным, как имеете обычай освежать свои покои впусканьем свежего утреннего воздуха; и потом весь день бывать в чувстве, что, кроме видимого, вас осеняет и окружает и невидимое, не без влияния (1, с. 218).

5. Богомыслие общее настроение направляет и обновляет, оно путь непрестанной молитвы

Богомыслие общее настроение направляет и обновляет. Хорошо всегда доводить его до конца, то есть ставить себя на Суде Божиим, как бы это было на деле, и затем вопить: Господи, помилуй! У отцов пишется: самое лучшее стояние во время молитвы есть стоять на Суде. Из богомыслия иной предмет ближе других приляжет к сердцу. Тогда на нем после окончания сего дела остановиться надо и им подольше попитать себя. Этим пролагается путь к непрестан-

ной молитве. Страх за будущее не худое дело (1, с. 227).

6. Богомыслие утреннее

Прямо спросонку бывает быстрый наплыв помышлений, и дел, и сочувствий. Надо это уничтожить и приобрести навык первомыслие свое Богу посвящать... Это производится богомыслием (1, с. 235).

7. Богомыслие устремляет к Богу все существо человека

Первый способ обучения души к частому обращению к Богу есть *богомыслие*, или благоговейное размышление о Божественных свойствах и действиях, размышление о благодати Божией, правосудии, премудрости, всемогуществе, вездесущии, всеведении, о творении и промышленности, об устройении спасения в Господе Иисусе Христе, о благодати и слове Божиим, о Святых Таинствах, о Царстве Небесном. О каком из этих предметов ни стань размышлять, размышление это непременно исполнит душу благоговейным чувством к Богу: оно прямо устремляет к Богу все существо человека и потому есть самое прямое средство к тому, чтобы приучить душу возноситься к Богу. Окончив молитвословие, особенно утром, сядь и начинай размышлять — ныне об одном, завтра о другом Божиим свойстве и действии и производи в душе соответственное тому расположение. Говори со св. Димитрием Ростовским: «Иди, святое богомыслие, и погрузимся в размышление о великих делах Божиих», — растрогивай тем свое сердце — и

начнешь изливать душу свою в молитве. Труда немного, а плода много. Нужны только желание и решимость. Стань, например, размышлять о благодати Божией — увидишь, что ты окружен милостями Божиими и телесно, и духовно, и падешь пред Богом в излипании чувств благодарности; стань размышлять о вездесущии Божиим — уразумеешь, что ты всюду пред Богом и Бог пред тобою, и не можешь не исполниться благоговейным страхом; стань рассуждать о правде Божией — уверишься, что ни одно худое дело не останется без наказания, и непременно положишь очистить все грехи свои сердечным сокрушением пред Богом и покаянием; стань размышлять о всеведении Божиим — познаешь, что ничто в тебе не сокрыто от ока Божия, и непременно положишь быть строгим к себе и внимательным во всем, чтобы как-нибудь не оскорбить Всевидящего Бога (2, с. 37–38).

Второй способ обучения души к частому обращению к Богу есть обращение всякого дела — большого и малого — во славу Божию. Ибо если положим себе за правило, по заповеди апостола (см. 1 Кор. 10, 31), все творить, даже есть и пить, во славу Божию, то непременно при каждом деле вспомним о Боге и вспомним не просто, а с опасением, как бы не поступить в каком случае неправо и не оскорбить Бога каким-либо делом. Это и заставит обращаться к Богу со страхом и молитвенно просить помощи и вразумления. А так как мы почти непрестанно что-нибудь делаем, то почти непрестанно будем мо-

литвенно обращаться к Богу и, следовательно, почти непрестанно будем проходить науку молитвенного в душе возношения к Богу. Так мы научим душу как можно чаще в продолжение дня обращаться к Богу (2, с. 38–39).

Третий способ обучения души к частому обращению к Богу есть частое в продолжение дня взывание из сердца к Богу краткими словами, судя по нуждам души и текущим делам. Начинаешь что — говори: «Господи, благослови!» Кончаешь дело — не языком только, но и чувством сердца говори: «Слава Тебе, Господи!» Страсть какая подыметя — говори: «Спаси, Господи, погибаю!» Находит тьма смутительных помышлений — взывай: «Изведи из темницы душу мою!» Предстоят неправо дела и грех влечет к ним — молись: «Настави мя, Господи, на путь» — или: «Не даждь во смятение ноги моя». Грехи подавляют и влекут в отчаяние — возопий мытаревым гласом: «Боже, милостив буди мне, грешному!» Или просто чаще говори: «Господи, помилуй! Владычице Богородице, спаси меня! Ангеле Божий, Хранителю мой святой, защити меня!» Или другим каким словом взывай. Только сколько можно чаще делай эти воззвания, всячески стараясь, чтобы они выходили из сердца, как бы выжатые из него. Когда будем так делать, будут у нас совершаться частые умные восхождения из сердца к Богу, частые обращения к Богу, частая молитва, а это учащение сообщит нам навык умного собеседования с Богом (2, с. 39–40).

8. Богомыслие научает душу часто обращаться к Богу в молитве

Итак, кроме молитвенного правила — научать душу молитвенно возноситься к Богу, — существуют три способа, вводящие в молитвенный дух. Это посвящать утром несколько времени на богомыслие, всякое дело обращать во славу Божию и часто обращаться к Богу с краткими воззваниями. Когда утром хорошо будет совершено богомыслие, оно оставит глубокое настроение к помышлению о Боге. Помышление о Боге заставит душу всякое действие свое — и внутреннее, и внешнее — осторожно содевать и во славу Божию обращать; а то и другое поставят душу в такое положение, что из нее часто будут исторгаться краткие молитвенные воззвания к Богу. Эти три богомыслия, творение всего во славу Божию и частые воззвания суть самые действительные орудия умной и сердечной молитвы. Всякое из них возносит душу к Богу. Кто положил упражняться в них, тот скоро приобретет навык полагать восхождения в сердце своем к Богу. Отторгшись от земли, душа вступит в свою область и будет сладостно обитать горе: здесь — сердечно и мысленно, а там и существенно сподобится пребывать пред лицом Бога (2, с. 40).

9. Помышление о Боге — дверь, чрез которую входит душа в деятельную жизнь

«Если все указанное будешь исполнять как должно, то жизнь твоя никак не может остаться одною внешнею, но всегда будет и внутрен-

нею; внутреннее будет проникать внешнее; но возможно, что внутреннего при сем не будет и жизнь твоя останется бездушною. Как избежать сего? Надо во всякое дело влагать сердце, и сердце богобоязненное. Чтобы сердце было в состоянии богобоязненности, надобно, чтобы его непрестанно осеняло помышление о Боге. Помышление о Боге будет дверь, чрез которую входит будет душа в деятельную жизнь (2, с. 55).

10. При богомыслии от какого-либо Таинства всегда упадет искорка в сердце

Говорите: «Нет времени почитать, чтоб возгреть дух»... Если навькнете делать дела свои как должно, то самое делание их будет возгревать и разжигать дух. Читать же для возгревания духа много не надо. Надо только прочитанное доводить до чувства. Как только это достигнете, и парение духа тотчас начнется. Даже вот что можно: как проснетесь, проходите мысленно все таинства веры нашей от творения мира до последнего Суда и вечной участи всех по Символу веры со вниманием, — от какого-либо Таинства всегда упадет искорка в сердце. Остановитесь на сем... И разогревайте себя тем весь день... Особенно во время молитвы позаботьтесь раздуть сию искорку... (4, с. 17).

11. Наставление об упражнении в богомыслии

Возьмите себе за правило прямо по пробуждении проходить умом все дела Божии... как мир создал, как о нем промышляет, как в рай по-

местил праотцев наших, как мы согрешили в них, как Бог благоволил устроить нам спасение чрез воплощение Сына Своего и Бога нашего, как приготовлял к явлению Его, как Он пришел, воплотился, пострадал, умер, воскрес, вознесся на Небо и Духа Святого послал, как сей Дух Церковь Божию устроил чрез апостолов и оградил ее заповедями, Таинствами и управлением, показав во всем этом для нас неложный путь к Царству Небесному... верно обетованному. И вечером то же делайте... и днем иной раз это поминайте и этим растревоживайте ревность свою. Нет лучшего к тому способа... (4, с. 74–75).

12. Богомыслие — самая естественная пища души

Представлять Христа Спасителя распятого или как вы проходите всю жизнь Его и молитесь Ему, соответственно воспоминаниям, — ничего. Хорошо так делать и разогревать тем душу свою. Это есть спасительное богомыслие — самая естественная пища души. Надобно душу питать истинами, назначив каждый день свое время для молитвенного углубления в христианские таинства.

Хорошо это делать утром. Разверните Евангелие, прочитайте мало что, прямее — дневное чтение, и углубляйтесь в то, пока прочитанное воспринято будет сердцем и исполнит — займет его. Читать можно и из Апостола, и из Псалтири, только всегда немного. Дело все в том, чтоб истина воспринята была сердцем, исполнила его и разогрела. Это

значит, что душа вкусила истину; если вкусила, то и поплатилась. Чтение книг спасительных — то своим чередом (4, с. 178).

13. Программа богомыслия и внутренних чувств христианина

«Вижу, что вы поняли, в чем дело молитвы. Извольте теперь и действовать так. Утром, как проснетесь, пройдите мысленно все Божественные истины по Символу веры: о единосущной Троице и беспредельных свойствах и совершенствах Божеских, всеведении, вездесущии, вседержительстве и пр., о творении, промышленности, воплощении Бога Слова во спасение и искупление наше, о Его страданиях, смерти, воскресении и вознесении... о сошествии Духа Святого, об основании Святой Церкви Божией чрез святых апостолов, о конце мира и Суде Божиим и о вечной участи каждого по делам его, о милости Божией к нам, что принадлежим единой истинной Церкви и надежду имеем чрез нее обетований Божиих сподобиться и здесь, и в смерти, и по смерти. Пересмотр этот породит чувство к Богу и соответственные сему чувству воззвания к Богу. Вот и молитва. Потом и во весь день старайтесь быть в таком чувстве, дома ли вы или в церкви, неисходно стоя в сердце пред Господом. Действенное всех других помышлений мысль о смерти, о Суде и о последнем решении вечной участи нашей. На сей мысли и держитесь дольше. От сего родится дух сокрушен и сердце будет сокрушенным и смиренным, коих никогда не унижает Бог. Вот вся программа дела

внутреннего. Будьте же таковы (5, с. 171–172).

14. Богомыслие согревает душу

Что нужно делать, чтобы не охладеть?

— То, что пред сим сказано. Как только заметите охлаждение, теребите душу, пока согреете. Господь близ, взывайте — и поможет. Приложите к сему богомыслие... то есть созерцание Таинств святой веры нашей. Каждое из них сильно излить много света и тепла... и согреетесь. Только не оставляйте холодности в душе, а все теребите ее, пока согреете. Можно чем-нибудь наказать себя... заставьте себя поголодать немного... немного посидеть в уединении, недоспать... поклонов побольше... Всего же больше сознания своей скудости... и слезного к Божией помощи прибегания (6, с. 49).

15. Зрение Господа пред собою

И у всех наших руководителей видим правило: *зреть Господа пред собою*. Это и как живописец смотрит на лицо, которое срисовывает, и как слуга на господина, чтобы не сделать чего неугодного ему. От первого ревность к подражанию разгорается, а от второго страх Божий приходит в силу (6, с. 65).

16. Посobie к богомыслию

Для того чтобы ум держался в богомыслии, соберите несколько кратких молитвенных воззваний, затвердите их с пониманием и чувством. Вот для примера:

1) 24 молитовки св. Златоуста, что находятся в молитвах на сон грядущим;

2) просительную ектению превратите в молитовки, так: *день весь свят, мирен и безгрешен даруй мне, Господи*; по сему же образцу и прочие слова ектении...

3) *из 50 псалма — до воздаждь ми радость спасения*. И повторяйте их мысленно... как только потреба — весь день и ночь... (6, с. 91–92).

17. Богомыслие — ключ к молитве непрестанной

Если можете быть неотходно с Господом, то другого чего и искать нечего. В этом все дело, да живот наш весь сокровенен будет со Христом в Боге. Имея теперь внешний покой, избавляетесь от целой половины препятствий к тому. Другая половина — внутри. И эта тотчас сама собою устраняется, коль скоро на сердце падет какое-либо чувство к Господу; и если такое чувство не отходит, то все, внутри мешающее быть с Господом, отступает само собою. Если б кто спросил: как всегда быть с Господом? — можно смело отвечать: имей чувство к Господу — и будешь с Господом. Я, кажется, вам об этом писал. А как чувство иметь? Думается, одно воспоминание о Господе уже приводит в движение чувство к Нему. Если к сему приложить помышление о том, что Он есть и что сделал и делает для нас, то не знаю, чье сердце останется нетронутым.

Потому очень праведно святые отцы почитают богомыслие, или созерцание свойств и действий Господа, ключом молитвы... и молитвы непрестанной. Потому что от сего чувство к Богу оживает... и с Господом соединяет (6, с. 178–179).

18. Значение богомыслия для молитвы

Что вы остаетесь с одною молитвою Иисусовою, это надо счесть хорошим положением. Но что действие от ней не то, что прежде, думается, зависит от того, что остаетесь с одним этим деланием.

Прилагайте богомыслие — и в начале, и в середине, и в конце или... как у вас это идет непрестанно... по часту, как изволите. Богомыслие есть углубленное размышление о домостроительстве спасения: или вообще, или о каком-либо одном предмете, входящем в состав его. Как проснетесь, тотчас обзрите все от сотворения до Второго Пришествия, Суда и решения участи всех. Это скоро... (6, с. 208–209).

И держите молитву, пока уберетесь. Потом берите один предмет и углубитесь в него, пока он обьет сердце... И так весь день... перемешивайте богомыслие с молитвою. Господь близок ко всем, призывающим Его (6, с. 209).

19. Необходимость богомыслия в духовной брани

Что вы не понимаете в приеме, каким следует истину проводить в сердце, поймете, когда испытаете. Вот как делать надо! Берите истину какую-либо и полнее уясните ее в сознании, как она исповедуется, и затем молитесь Господу, да напишет Он ее в сердце, как она исповедуется. Это дело простое! Молитвы из истины же составлять тоже не мудрено. Молитвы наши все и исходят из догматов. Пришел Господь на зем-

лю ради нашего спасения. Исповедуя сию истину, молитесь: *Господи! Как тогда, ходя по земле, исцелял Ты всякие недуги, прокаженных очищал, слепым давал прозрение, прииди теперь и ко мне, и просвети очи ума моего, и покажи грехов свои с меня.*

Так в отношении ко всякой истине. Когда все истины войдут в сердце, тогда всем сомнениям конец. Они сами будут отскакивать, как стрелы от того, кто покрыт латами (8, с. 220).

20. Значение богомыслия в духовной жизни

Памятовать надо о Боге. Надо довести сие до того, чтобы мысль о Боге сроднилась и срастворилась с умом и сердцем и с сознанием нашим. Чтобы утвердилась такая память и такая мысль, надо потрудиться над собою неленостно. Потрудитесь — Бог даст, достигнете сего; не потрудитесь — не достигнете. А не достигнете этого, ничего из вас и не выйдет, никакого успеха в духовной жизни не получите, да ее и совсем не будет, ибо это и есть духовная жизнь. Вот как это существенно важно!

Напрягаясь держать мысль о Боге, держите ее не голою, а соединяйте с нею и все известные вам понятия о Боге, Божеских свойствах и действиях, углубляя ум то в то, то в другое. Размышляйте больше о творении Божиим и промышленности, о воплощении Бога Слова и совершенном Им деле спасения нашего, о Его смерти, воскресении и вознесении на Небо, ниспослании Духа Святого,

устроении святой Церкви — хранительницы истины и благодати — и об уготовании обителей небесных для всех верующих в Царстве Небесном и для вас самих. Приложите размышление и о свойствах Божиих — неизреченной благодати, премудрости, всемогуществе, правде, вездесущи, вседержительстве, всеведении, всеблаженстве и величии. Все сие извольте обсуждать и во время молитвы, а лучше особо, при чтении. Когда обсудите все и ясно будете созерцать, то при мысли о Боге будете иметь не голую мысль, а мысль, сопровождаемую и привлекающую множество спасительных помышлений, действующих на сердце и возбуждающих энергию духа (9, с. 181–182).

Постарайтесь особенно уяснить, доведите себя до сознания великих Божиих милостей именно к вам и потом всегда благодарите за них Бога. Благодарите за то, что Он дал вам родиться на свет, родиться в среде христианского народа, от родителей благочестивых и потом получить такое хорошее воспитание. Благодарите и за то, что Он влагает в вас такие святые решения, какие вы постановили недавно и устроили еще поддержку силе решения. Просмотрите еще всю жизнь свою с начала, как стали помнить себя, и заметьте все случаи нечаянного избавления от беды и нечаянного получения радостей.

Много бед мы и не замечаем, потому что они минуют нас незаметно для нас. Но, обернувшись назад, не можем не увидеть, что там и там бы-

ла беда и миновала нас, а как миновала, сказать не можем. Усмотрите же в своей жизни такие случаи и исповедайте, что то была милость к вам Бога, возлюбившего вас.

Ведайте, что сокровенных к нам, к каждому из нас, милостей Божиих неисчетное множество, ибо все от Бога. Исповедайте же сии милости и благодарите Бога от всего сердца. Но если вникнете хорошо в ход жизни вашей, то найдете немало случаев и явной милости к вам Божией. Быть бы беде, но она миновала — не знаете как. Бог избавил. Исповедуйте сие и благодарите Бога, вас любящего.

И познание общих всем милостей согревает сердце, тем паче согреется оно от узрения милостей именно к вам. Любовь возжигает любовь. Восчувствовав, как любит вас Господь, не можете оставаться холодною к Нему: сердце само к Нему повлечется благодарением и любовью. Держите сердце под влиянием такого убеждения любви к вам Господа — и теплота сердечная скоро возрастет в пламень любви к Господу. Когда сие совершится, тогда вам не нужны будут никакие напоминания, чтобы памятовали о Боге, и никакие наставления, как в этом успеть. Любовь не дает и на минуту забыть любимого Господа. Се — предел. Извольте сие принять в уме и принять с убеждением. И затем к сему именно направлять весь труд, предприемлемый на утверждение в уме и сердце мысли о Боге (9, с. 183–184).

БОЛЕЗНИ

1. Жить или умереть — да будет, как Богу угодно

Желание пожить естественно живому. И тут нет греха. Но настоящее в этом отношении расположение есть: «Буди воля Божия!» Жить ли, умереть ли — да будет, как Богу угодно. Это расположение надо усилить и довести до того, чтоб оно не давало порождаться какому-либо относительно сего беспокойству (1, с. 28).

2. Покаяние и добрые чувства и расположения в сердце заменяют деяние добродетелей (у больного)

С чем явиться? Пред Бога лучше всего явиться с этим ничего неимением. Только бы все очищено было покаянием и в сердце были в движении чувства и расположения: и религиозные, и нравственные, особенно страх Божий сыновний, предание себя в волю Божию, упование на Его милосердие, смирение и подобные... В вашем состоянии (болезненном) воспроизведение таких чувств заменяет деяния добродетелей (1, с. 28).

3. Уныние — от немощи телесной

Бог никого не оставляет. У Него все дети. Нет пасынков. И тяжелые случайности и состояния — все на добро нам направляется. Если бы мы могли узреть это, не было бы ни в чем тяготы... Уповающего на Бога милость обыдет. Упование не посрамит (1, с. 30–31).

4. Предание всего на волю Божию — покой всех болящих

Предавшись же в волю Божию, уже не следует туда и сюда вляяться, а быть внутренне согласну на то, что подает Господь. В этом покой всех вообще, тем паче болящих. Где ни умереть, не все ли равно (1, с. 31)?

5. Болезни вместо епитимий идут

Болезни вместо епитимий идут. Терпите благодушно: они будут, как мыло у прачек. В церковь не ходите?.. (по болезни). Дома почаще взывайте к Богу! Что вы не можете, это не значит, что вы пасынок» (1, с. 32).

Все от Бога: и болезни, и здоровье, — и все, что от Бога, подается нам во спасение наше. Так и ты принимай свою болезнь и благодари за то Бога, что печется о спасении твоём. Чем именно посылаемое Богом служит во спасение, того можно не доискиваться, потому что и не узнаешь, может быть. Посылает Бог иное в наказание, как епитимию, иное в образумление, чтобы опомнился человек; иное — чтоб избавить от беды, в которую попал бы человек, если бы был здоров; иное — чтоб терпение показал человек и тем большую заслужил награду; иное — чтоб очистить от какой страсти, и для многих других причин... Ты же, когда вспомнишь о грехах, говори: «Слава Тебе, Господи, что наложил Ты на меня епитимию в наказание» (1, с. 41–42)!

6. Поминание страждущих и гонимых утешает в болезни

Терпите да терпите! И еще: благодушествуйте! Восставьте веру в

то, что все от Бога и все во благо нам, хоть мы ясно того не видим. К невидимому-то и потребна вера, а к видимому — к чему вера? Господь да утешит вас утешением внутренним — невидимым... Господь да уврачуе вас, и Матерь Его Премилосердная, и Ангел Хранитель. Поминайте страждущих и утешайтесь их терпением. Поминайте гонимых, мучимых и терсимых и их терпением воодушевляйтесь (1, с. 32).

7. Промысл Божий о судьбе болящего. Пример пирога и хозяйки

Господь близ нас, и Богоматерь, и Небо с скорыми помощниками объедают нас. А болеть все же болим и исхода не видим. Ужели это случайно?! Ужели они не видят?! И видят, и состраждут, и готовы помочь, и все же оставляют нас томиться. Если они — вся любовь, то все, конечно, допускают это не по неприязни. Если так, то что же это?! То же, что бывает между пирогом, жареным в печи, и хозяйкой. Дайте пирогу чувство, мысль и язык... Что бы он заговорил хозяйке?! — Матушка! Засадил ты меня сюда и жарюсь... Ни одной крупинки у меня не осталось нежаримой, все горит до нестерпимости... И то беда, что исхода не вижу и конца не чаю. Обращусь направо, обращусь налево, вперед, или взад, или кверху — отовсюду заперт и со всех сторон не прохладой, а жаром несет до нестерпимости. Что я тебе сделал? За что такая неприязнь... и пр. и пр... Дайте хозяйке уменье понимать речь пирога. Что бы ответила она ему?! — Какая тут неприязнь?! Я, напротив, о тебе

только и радею. Потерпи еще немного... и увидишь, какой ты у меня выйдешь красавец! Все наглядеться на тебя не наглядятся!.. А какой аромат от тебя пойдет по всему дому?.. Это диво дивное! Так потерпи еще чуточку и увидишь отраду. Пирогову речь вы прописали. Теперь переймите речь хозяйки и благодушно перейдите к ожиданию благодетельного исхода... Положите себя в руки Божии и ждите. Вы все же в руках Божиих, только двигаете руками и ногами... Перестаньте это делать и лежите спокойно (1, с. 33).

8. Господь везде есть; молясь в келии (не бывая в храме по болезни), сами храмом Божиим бываете

Великое будто дело, что приходится сидеть в келии, что в храме не бываете (не по лености, а по болезни). Когда молитесь, вы всякий раз храмом Божиим бываете (см. 2 Кор. 6, 16). Ибо Господь везде есть (1, с. 34).

9. Болезни приводят на путь спасения и заменяют внешний подвиг

Читайте почаще “Отче наш...” и “Богородице, Дево, радуйся...” Бог — Отец наш, а Богородица — Мать наша. ...Святые Таины — сосцы Ее, ибо они — плоть, от Нее заимствованная! Так и занимайте ум... Еще пусть лежит пред глазами развернутое Евангелие и Апостол. Прочитайте стихок и старайтесь всякое слово обратить в предмет рассуждения. Если Бог подаст мысль... запишите ее. Пусть лист лежит на столе... И другие добрые мысли записывайте (1, с. 34–35).

Лечиться же нет греха, хоть и от Бога болезнь, ибо и разум лечебный Бог дает, и лекарства Бог же создал. Потому, прибегая к лекарю и к лекарствам, не будешь прибегать к тому, что находится вне Божиих путей и учреждений. Вот заговоры — те не Божии, туда и нечего ходить (1, с. 42).

10. Молиться о выздоровлении нет греха, прибавляя «еще волиши, Господи!»

Молиться о выздоровлении нет греха. Но надо прибавлять: *еще волиши, Господи!* Полная покорность Господу, с покорным принятием посылаемого как блага, от Господа благого, и мир душе дает... и Господа умилоствует... И Он или оздравит, или утешением исполнит, несмотря на прискорбность положения (1, с. 37).

11. Лечить сестру или к святым прибегать — одно другому не мешает. Лекаря Бог сотворил, и лекарства суть Божии творения. Лекарь не сам лечит, а Бог чрез него лечит

Лечить сестру или к святым прибегать — одно другому не мешает. Лекаря Бог сотворил, и лекарства суть Божии творения. Лекарь не сам лечит, а Бог чрез него лечит. Бог внушает лекарю, и он прописывает настоящее лекарство. А когда Бог не помогает лекарю, не знаю, попадает ли кто из них тогда на настоящее лекарство... И ко святым угодникам прибегайте, и все делайте, что люди благочестивые делают в таких случаях (только знахарок не знайте)... Может быть, Бог судил ей быть та-

кою, потому что это для ней спасительно. И она во всю жизнь такою останется ради своего спасения. Или послал Бог сию болезнь на время, чтобы испытать веру ее и родителей ее. Бог один все сие ведает (1, с. 38–39).

12. От Бога все милость: хоть болезнь, хоть беда

Болезнь не покор и не есть знак отвержения Божия. Напротив, и это милость Божия. От Бога все милость: хоть болезнь, хоть беднота, хоть беда (1, с. 39).

13. Болезненное или здоровое состояние тела Бог посылает в видах спасения

Сестре — терпение и молитва, смиренная покорность Божью определению и жизнь чистая по заповедям. Болезненное или здоровое состояние тела Бог посылает в видах спасения. Если благоволит Бог ей исцеленной быть чрезвычайным способом, то Он это укажет... А так, только молиться... и молитва везде целебна (1, с. 40).

14. Благодушное терпение болезней — прямой путь в рай

Примите сию болезнь как Богом посланную во спасение вам. И будет, что, терпя благодушно свое болезненное состояние, вы идете прямым путем в рай... Путь туда и тесен, и прискорбен... Вот он и есть у вас: вы на нем. Смотрите не пропустите или, прощя, не проглядите спасения (1, с. 40).

Благодушествуйте же! Сходить в какое-либо святое место в чайнии

исцеления хорошо. Но не по своему гаданию, а когда будет какое указание. На колодезь *о Серафима* (Саровского) хорошо добратся... но если вера есть теплая (1, с. 41).

15. Нужно молиться (о холере), но и то верно, что Бог бережет береженого

Будем молиться и просить Господа о помиловании. Однако ж и то верно, что Бог бережет береженого. Есть книжки, где прописано, какие брать предосторожности, и в газетах писали. Читайте и исполняйте. Сырого не есть, воду кипяченую пить... (1, с. 66).

16. Болезнь от Господа — благо для души

Муж болен; конечно, это во благо ему и вам, ибо все от Господа, а что от Господа, то благо, как бы горько ни было... На свою часть берете, что болезнь мужа за ваши грехи. И сие добре! Добре и то, что помните о грешности и почитаете себя достойною наказания за нее. И апостол Павел во всю жизнь не забывал, что был гонитель Церкви, хоть трудами своими для Церкви мог загладить грехи десяти гонителей (1, с. 122).

17. Гнев Божий — в болезни — за нарушение обета, и прекращение ее — вследствие раскаяния

Гнев и милость над вами! Гнев — в болезни, посланной, очевидно, за нарушение обета, а милость — в прекращении сей болезни, в силу раскаяния и полного восстановления обета (1, с. 214).

Обычно узкий путь нам не нравится... Подай нам широту и простор. Не слышит разве Господь воплей сих? Слышит, но переменить домостроительства жизни нашей не хочет, потому что это было бы не к добру нам. Так устроилось положение наше, что только теснота держит нас в настоящем строе... Как только вступим в широту, расплываемся и гибнем. Вот и царит на земле теснота как наилучшая для нас обстановка. Апостольский ум видит вообще в тесноте и в особых стеснительных случаях отеческую к нам любовь Божию и о тех, кои в тесноте, судит как о близких к Богу сынах (1, с. 214).

18. Страстные суть бесноватые

Ведь все страстные суть бесноватые. Всякая страсть имеет своего беса, который чрез человека питает свою страсть или себя. Выгнать его — и опор страсти опадет. Тогда с тем, что естественно, например привычка... очень легко можно справиться (2, с. 3).

19. Она (болящая) — затворница без затвора

Болезнь прямо приводит к памяти смертной; но можно и без того ухитриться: прививать к мысли память о смерти (2, с. 81).

Хорошо вы сделали, что посетили болящую N... Конечно, тяжело ее состояние, но я полагаю, что оно необходимо для ее души. Она — затворница без затвора. Запирал ее Господь внутрь. И хотела бы быть в общении с другими, да не может. Вот и сиди одна с Единым Господом (2, с. 81).

20. Ободрение и наставление болящему

Умирать собираться надо каждый день и час и всегда быть в таких чувствах, в каких вы теперь. А кто собирается умирать, видит ли он близость смерти или нет, надо совесть очистить от всех дел неисправных (2, с. 190).

Какие плоды покаяния теперь? Кроме покаяния, теперь что другое уместно? Извольте каяться, сокрушаться и плакать. И обещайте, что если Бог даст здоровья, то непрестанно будете так плакать и сокрушаться и не допускать впредь ничего плохого: ни в мыслях, ни в словах, ни в делах. Вот и все (2, с. 190).

21. Поправляющемуся больному о предании себя в волю Божию и молитве

Очень рад, что здоровье ваше поправляется... Предайте все Господу: и жизнь свою, и смерть... Как Его святой воле угодно, так и да сотворит. Он и без такого решения сотворит как Ему угодно, но для вас большая разница вступить в сие Богом определенное решение с преданностью теплою, полною веры и упования, или без оной...

Когда так расположитесь, тогда и молитва ваша пойдет исправнее. Вам совсем не следует делать молитву, как пишется у некоторых отцов, то есть с напряжением внимания к сердцу и стеснением дыхания. Оставьте это. А навъкайте ходить в присутствии Божиим и памяти смертной, и это приведет к тому же (2, с. 191).

22. Наставление при болезни

В болезни учитесь смирению, терпению, благодушию и Бога благодарению. Что приходит нетерпеливость, это дело человеческое... Придет — отгонять надо. На то и чувство тяготы положения, чтоб было что терпеть. Если не чувствуется тягота, то и терпения нет. Но когда приходит чувство тяготы и сопровождается желанием ее сбросить, то тут ничего нет грешного. Это естественное чувство! Грех начинается, когда вследствие сего чувства душа поддается нетерпеливости и начинает склоняться к ропотливости. Пришло чувство — надо его прогнать, Бога же поблагодарить (2, с. 214–215; 8, с. 97).

23. И лекарь не мешает, и преданность Богу нужна

И лекарь не мешает, и преданность Богу нужна. То и другое пусть идет. Не попал — переменить лекарство. Молитесь, чтоб Господь его надумил. Если не надумляет, верно, лучше жить с больною головою (2, с. 216).

24. Больному юноше — о врачевании болезни и благословение в монастырь

Господь Милостивый да избавит вас от обдержажней болезни. Но от катара есть врачебные пособия. Употреблены ли они? И те пособия Божии суть.

Поступить вам в монастырь (юноше 18 л., слабому здоровьем) да благословит Господь (с согласия родителей) (2, с. 218).

25. *Благодушное терпение скорбей спасительно, и они составляют жизненный крест — ключ рая*

Ваше болезненное состояние другие, конечно, имеет причины. И вам в отношении его ничего другого предпринимать нет нужды, кроме как терпеть благодушно и благодарно, ибо все от Господа и все для существенного блага нам, именно в деле спасения. При благодушном терпении и молиться можно, чтоб Господь избавил от немощи, если то будет для вас спасительно (2, с. 225).

26. *Наставление тяжело болящему*

Молитва ко Господу да не пресекается на устах ваших.

Переселитесь умом и сердцем в другую жизнь и не спускайтесь оттуда в землю, в свету здешнего пребывания. Озираясь вспять и видя многое неисправное, оплакивайте то и, каясь пред Господом, прощения испрашивайте. За всякое благо — и духовное, и житейское — благодарение воздавайте Всещедрому Богу. Врата смерти зря всегда пред собою, питайте христианскую надежду и, ею отгоняя ужасность смерти, радуйтесь как вступающий в царские палаты (2, с. 236).

27. *Наставление выздоравливающему*

«Даруй, Господи, чтоб и до конца испарилась ваша болезнь. А что теперь получили, примите за начало... и благодарите Господа, и паче молитесь, да начавший сию милость и совершит ее. Сидя молитесь Господу коротенькими молитвами. Заучи-

те 24 молитовки св. Златоуста, что между молитвами на сон помещены, и повторяйте их раза по 3–5 каждую, и навькнете памяти Божией (2, с. 237).

28. *О больных, впавших в неверие*

Об Н. жалею. Даруй ему, Господи, здоровье, если оно спасительно; но всяко — да образумится. Уж, конечно, нечего высоко думать о тех, кои не веруют ни во что. Дух замер. Как успевают они его убить? Не постигаю. Ведь он есть часть нашего естества. Верно, уж время такое дурное. Моровое поветрие нашло на духовную жизнь. Буди воля Господня! (3, с. 71).

29. *Терпеливо переносящий болезни сподобляется части мучеников, которых Господь любит холить и украшать*

N.N. спаси, Господи! Я всегда ее поминаю на проскомидии. Давно страдает. Даруй, Господи, терпение. Выполаскивает Господь, чтобы белее была. А мучеников так еще подрумянивал Господь. Вот как Он любит Своих холить и украшать! (3, с. 78).

30. *Совет о пользовании болящей принадлежками*

Но молитва молитвою, а доктора докторами. И докторов Бог дал, и к ним обращаться Божия есть воля. Господь с Своею помощью приходит, когда естественных средств, Им же нам устроенных, оказывается недостаточно. Потому молиться — будем молиться, а естественных средств все

же пренебрегать не следует. Ищите и обрящите! (3, с. 97).

31. Утешение этой болящей

Верно, теперь вы уж съездили в Москву и воротились. Что Бог дал? Уразумел ли Захарьин, в чем сила? Если да — слава Богу! Если нет — что делать? Но все же не отчаивайтесь! Может быть, в Киеве найдется... Болезнь эта очень скрытная. И добраться до корня не дает...

Я не думаю, чтобы тут было что душевное или вражье. Нет, это одна из болезней, в которых жизненная сила встречает какую-то по временам задержку в своем движении. Отсюда обмороки.

Но что такое жизненная сила... уловить никто не уловил еще... И в этом причина неуспешности всякого лечения.

Но положите, что и совсем не найдется доктор, умудриться могущий вылечить, и тут не робейте. Потому что жизненная сила опять может взять силу... и исправить дело сама... Как и бывает, что припадки прекращаются сами собою.

Припадки, конечно, вещь неприятная, но ведь жить все же можно. Сто лет можно прожить... Плохое это утешение и для больной, и для вас... Но что же делать-то?! Бог — Владыка наш. Он судил так сему быть...

Как мы можем сказать, что эта болезнь не послана Господом для отращения какой-либо беды от болящей или от вас...

Течение жизни сокрыто от нас, и случайности ее бывают так непонятны, что нам ничего не остается, как взывать: «Буди воля Твоя, Господи!»

Ибо знаем, что от Господа идет всегда одно добро (3, с. 98–99).

32. Нужно слушаться доктора

Очень рад, что вы нашли наконец доктора, которому доверяете немощь дочери. Даруй, Господи, ей поправиться! Про Захарьина говорят, что он мастер своего дела. И можно не сомневаться, что он попал на настоящее место болезни, именно — в ненормальном состоянии крови, как вижу по рецепту. Теперь исполняйте только точно прописанное, а Бог даст, все пойдет добре! (3, с. 99).

33. Утешение при продолжении болезни

Вашей красавице все не легче... Очень жалею, но не допускаю ропотливых мыслей. Все от Бога, а Бог лучше нас знает, что кому пригодней... и на лекарей не серчайте. Они не сами лечат. А вылечивают, когда Бог благословит. У Бога же о болезненном и здоровом состоянии совсем другие мысли, чем у нас, и они отстоят от наших, как небо от земли.

Бывает, что Бог болезнью укрывает иных от беды, которой не миновать бы им, если бы они были здоровы. Вон Веру Алексеевну Бог укрывал болезнью от женихов. И ведь не к худу! Веруйте в Бога — и все перенесете добре (3, с. 100).

34. После благодатной помощи обращаться ли к доктору?

Колелетесь, ехать ли к Захарьину? Когда дочь ваша здорова и это, как веруете, помощь свт. Тихона, то к Захарьину ехать не следует.

Слыхали поговорку: после скобели топором? А вам владыка святой говорит: Бог поругаем не бывает. Это резон и высшего разряда, и сильнее. Слушайте своего владыку и войдите в силу веры его. Его путь надежнее (3, с. 101).

35. Средства врачевания, естественные и сверхъестественные, — все от Бога

Как я писал уже и теперь прописываю, что к лекарствам обращаться нет греха, ибо и лекарь Божий, и лекарства Божии, и рецепты Божии. Спросите у смиренных докторов. Они откровенно скажут, что не знают сами, как пишутся рецепты исцеляющие. Итак, если вы, уповая на Бога и от Него чая помощи, а не от доктора и лекарств, обращаетесь к естественным средствам врачевания, то тут нет греха. Когда Богом даны сии средства, то к ним и обращаться должно. Богу угодно было окружить нас, кроме естественных, и сверхъестественными средствами. И никому не закрыт доступ к сим источникам. Ключ к ним — вера. И Бог, когда хочет сим образом исцелить, Сам же влагает и силу веры и влечет туда, где благоволит дать исцеление. Мы слепы. И не зная, где сокрыто Богом для нас врачевание, ходим по всем Богом данным средствам: и естественным, и сверхъестественным... (3, с. 101)

36. Наставление о том, как следует молиться о болящей

Вы добре устроили молитвование о своей дочери. Два молебна на неделе да на проскомидии помин. Кажет-

ся бы, довольно. Но кто же тут болезненно молится? Бог внимает молитве, когда молятся болящею о чем-либо душою. Если никто не воздохнет от души, то молебен протретчат, а молитвы о болящей не будет. То же и проскомидия, то же и обедня. Только и есть тут ваша вера и надежда, знамение коих служат ваши заказы. Но сами вы бываете ли на молебнах? Если нет, то и ваша вера безмолвна... Вы заказали — но, дав деньги, чтоб другие молились, сами сбросили с плеч все заботы... Болящего о больной никого и нет. Служащим молебен и на ум не приходит поболеть пред Господом душою о тех, коих поминают на молебне... Да и где им на всех наболеться?!

Другое дело, когда вы сами на молебне или в церкви на Литургии, когда поминается Н. на проскомидии... Тогда ваше болезнование берется молитвою Церкви и быстрее возносится к Престолу Божию... и самую молитву Церкви делает болезнующею, хотя служащие и не болят...

Так видите, в чем сила!.. Бывайте на молебнах сами и болите душою о болящей... И дело будет. В церкви на Литургии болите во время проскомидии... и особенно когда после *Тебе поем* Богородичную поют песнь: *Достойно есть*... Тут поминаются снова за совершенную Жертвою живые и умершие... Обедня сильнее, чем поминовение только на проскомидии потому, что это выражает сильнейшее ваше соболезнование о болящей и с тем сильнейшую веру и надежду, что Господь не оставит вас Своею помощью... Где зака-

зять? В Задонске у св. Тихона... А если душа лежит к Киеву, в Киеве... Куда душа лежит, там и закажите...

Но, главное, сами болите о больной... И больше бедным помогайте... не тем только, которые ходят... Облегчите тяготимое бедностью семейство. Его молитва облегчит вашу тяготу сердечную... (3, с. 102–103)

37. Трубный глас за болящую

У вас на душе впереди всего стоит болезнь дочери. Болите о ней и болезненно взывайте ко Господу, и дочери то же внушите, и всем своим то же скажите. Тогда все молитвы о ней сторонние сольются с вашею и составят трубный глас, сильный привлечь внимание Господа... (3, с. 104)

38. Совет о головной боли

Головная боль в таком виде, как у N.N., прямее всего указывает на утомление головы углубленными соображениями. Но то же бывает и от других случайностей, например от незамеченной простуды или охлаждения спины и задней части головы. Последний случай, скоро захваченный, недолго беспокоит болью. Первый поглубже забирает, но и его бояться нечего. Надобно, однако ж, лекарей послушать. Надо дать голове отдых. Поехать бы куда-нибудь на месяц хоть, да просто покататься по чугункам без всякой цели. А дела поручить на это время — по каждой части — более смышленным и доверенным служащим, дав им полную инструкцию, сколько возможно определив возможные случайности. Я думаю, что это возможно

сделать. И ущербов бояться нечего. Поезжайте и вы с ним. Дом останется на руках матушки. Побейте бакулуши месяц, голова проветрится и окрепнет. Я не разгульную предлагаю... Молитесь Богу, читайте Евангелие, всю печаль возвергните на Господа... Если неудобен этот способ оздоровления — вот другой. Ведь не столько углубление умов томит голову, сколько крушит забота и томит сердце, а из сердца томление переходит в голову. Второй мой рецепт на это и направлен, именно — не томить сердца крушением и заботою, а всю печаль и заботу предать в руки Божии, так чтобы сердце оставалось совершенно свободно. Тогда голова, сколько ни углубляйся, все перенесет без изнеможения. В установлении такого настроения труд идет нравственный, с размышлением, которое оживляло бы упование на Бога. Извольте так сделать, N.N.

Можно оба эти плана совокупить. Бросить все и поехать кататься нельзя, не возложив всего упования на Бога... Живя в сем уповании исключительно целый месяц, душа укрепитя в нем. Затем, по возвращении, стоит только поддерживать его... и оно останется у вас на всю жизнь и всю жизнь будет облегчать тяготу забот... и не даст голове так утомляться, как теперь...» (3, с. 105–106)

39. О благодушном терпении болезни

«...Нам надо держать в мысли закон, по которому Господь размеряет участи наши на земле. Тут все от Господа — от мала до велика, и се есть средство в деле приготовления

к будущей жизни. Такой же смысл болезней и здоровья, таков смысл и болезни вашей N.

Ей на дороге к будущей блаженной жизни непременно, по Божию премудрому и благому суду, надо потерпеть, что терпит. Усвойте сие воззрение и ей то же самое внушите, и то, что есть тягостного в этой болезни, перестанет тяготить душу и успокоит ее. Вера — целительница души, упованием окрыленная и любовию согретая (3, с. 109).

40. Терпящие покорно горести и болезни состоят в чине мучеников

Здоровье ваше пошатнулось. Пошатнутое здоровье может пошатнуть и спасение, когда из уст болящего слышатся ропотные речи и возгласы нечаяния. Да поможет вам Бог избавиться от той и другой беды!..

Видите, куда я веду речь-то?! У вас прорываются такие речи, а речи, конечно, от чувств и помышлений, сии же последние такого суть рода, что при них дело спасения не в силе. Извольте внять сему и поправиться... (3, с. 113–114)

Здоровье и нездоровье в руках Божия промышления о нас суть средства к спасению, когда тем и другим пользуются в духе веры... Но они же и в пагубу ведут, когда относятся к ним своенравно. Что для вас особенно потребно — есть терпение благодушное и Богу покорное.

Как только покажется в вашей душе такое расположение, тотчас вы вступите на путь спасения — в рай. И смотрите тогда воодушевляйтесь!.. (3, с. 114)

Другая у вас боль от болезней дочери... Вот что вам скажу... Как вы уже все возможные средства перепробовали, то вам остается одно — помириться с этим горем и нести его с покорностью Богу, веруя, что эта болезнь необходима для спасения вашего и дочери вашей... а также и мужа ее...

Помирившись таким образом, и держите себя спокойно и то же спокойствие одолжите и дочери. Поминайте положение мучеников*, которые иногда, будучи измучены, оставляемы были в темнице на несколько лет — на 5, 10, 20. Но покорно терпели и благодушествовали, имея рай пред глазами... за терпение (3, с. 114).

41. Болезнь не всегда есть наказание Божие за грехи, но все — от Бога, к благу душевному

Что болезнь свою почитаете наказанием Божиим за грехи... это так бывает, хоть не всегда видится. Ибо все от Бога и все ко благу нашему — душевному и вечному (3, с. 125).

42. Немощи смиряют душу

Здоровье, Бог даст, воротится во всей силе... Потерпите. И Бога не забудьте благодарить, что смиряет душу вашу немощами. Чувство же, будто надоело, прогоняйте. Оно не угодно Богу. Потому что означает, что вы недовольны Божиими о вас распоряжениями... и указать Ему хотите. Причаститься Святых Таин позаботьтесь в этот пост. Господь да

* Терпящие покорно горести и болезни состоят в чине мучеников (3, с. 114).

посетит душу вашу и пребудет в ней (4, с. 78).

43. Уход за больными — благословенный труд

Потрудились над больными? Благословенный труд, ибо и тут приложимо утешительное слово: *болен бех и посетисте Мене**. За это и Господь посещает души милостивые и добротные к нуждающимся. И если увидит какую болящую, как тещу Петрову некогда, берет за руки — готовность покорствоваться Ему — и восстанавливает (4, с. 90).

44. Наставление болящей

Воодушевитесь! Весело смотрите в глаза болезни... Но мечтайте меньше... Пойдут в голове роиться разные пустяки... Браниться будете с кем попало... Все это в мыслях... Потом все пройдет (4, с. 113).

Благодушествуйте! Верно, вас что-нибудь опасное встретило бы в дороге. Вот Господь и посадил или положил вас дома... Благодарите Господа. А все-таки и молитесь, да благоволит оздороветь вам (4, с. 114).

Не успели вы написать, что оправились, как болезнь снова схватила. Очень жалею. Да даст вам Господь крепость переносить болезни и благодушествовать в тяжелом болезненном состоянии. Молитвою Иисусовою можно заменять все молитвословия. Выучили бы, если не выучили, 24 молитовки и почаству читайте их. Посредством их и размышленья о

духовных предметах поддерживаться будут, и молитва подогреться (4, с. 117).

Да возвратит вам Господь поскорее здравие. И храните его. А хлопоты по хозяйству переложите на другую голову; свою же берегите, пока все укрепится в вас во здравии (4, с. 117–118).

45. Всякая болезнь посылается от Бога во благо нам

Ваши мысли об отчаянном будто положении своем никуда не гожи. Это враг мутит. Кто может сказать, что будет? Один Бог. Но враг, богом себя нечестиво заявляя, всюду встречается с своим пророчеством лукавым и веру возмущает и покой от сердца отгоняет. Не слушайте его, а стойте в вере, что болезнь от Бога и во благо вам и, когда сделает свое дело, отойдет... и здоровы будете, и поработаете Господу в какой-либо обители (4, с. 114).

46. Болезнь учит смирению и покорности воле Божией

О том, что вы не оправились еще, очень жалею. Даруй вам, Господи, оздороветь совсем... Болезнь, впрочем, учит смирению и покорности воле Божией. Благодушествуйте и Бога за все благодарите в уверенности, что все к лучшему, хоть это не видно теперь. После увидите (4, с. 115).

47. Болящей о провозждении праздников

Празднуйте духом. Читать все, конечно, нельзя, но побольше обыкновенного почитать должно... Затем

* ...был болен, и вы посетили Меня (Мф. 25, 36).

помолиться, кроме молитвенного своего правила; потом думать и рассуждать о чем-нибудь духовном... Это займет довольно времени. А то, чтобы, упразднившись от всего, с одною мыслию о Боге побыть, сидя, или ходя, или стоя... это куда как хорошо. Думаю, впрочем, что немного поделатъ что-либо легкое, не как работу, а так, мимоходом — можно... (4, с. 115)

48. Наставление болящей о говении

Очень рад, что вам легче. Блудитесь, чтобы не раздражать опять боли. Относительно говенья не слушайте доктора, а только спросите: какая постная пища вам пригожа? Не спрашивайте, можно ли говеть, а прямо говорите: хочу говеть, какая пища? И что бы он ни говорил, не покоряйтесь! Мало ли пищей легких постных? Суп на миндальном молоке... Жидкая каша из каких-либо круп... манных, овсяных и др. Чай с тем же молоком — вечером. Да неделя — много ли? Вон наши монахи иные совсем всю неделю не едят... (4, с. 115–116)

49. Наставление болящей о пище

Спаси вас, Господи! Кушайте рыбу, когда немощны. Бог благословит.

Тут нет греха, когда делается по необходимости, а не по прихоти. А когда станете говеть, тогда воздержитесь, если будете крепки; а если нет, то воздержитесь день-другой пред самым Причастием; даже и без этого можно, когда немощь. Я писал тогда, полагая, что вы совсем оправились (4, с. 116).

50. Выздоровляющей об обновлении духовном

Очень рад, что наконец вы стали на ноги. Выздоровевший обыкновенно чувствует себя обновленным. Думаю, что и у вас было то же чувство. Надо сделать, чтоб это обновление телесное сопровождалось обновлением духовным.

Вам Бог дал или указал его в краткой молитве, которую вы творили тогда. Мне и пришло на ум подсказать вам: возьмитесь за одну коротенькую молитовку — и все ее творите... и за делом, и без дела, и ходя, и сидя — непрестанно. Сначала вы будете заставлять себя творить эту молитовку, а потом она сама будет читаться...

Только возьмитесь и без перерыва трудитесь...

Это молитва: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную*. Внимание же при этом держите не в голове и не на Небе, а в сердце, там, внутри, под левою грудью. Когда навькнете, то этим будете разгонять все смущающее и приывать мир на душу (4, с. 116–117).

51. Об уходе за болящим

Силы ваши хоть не совсем возвратились, однако ж их достаточно оказывается, чтоб ходить за болящим, не стоящим такого ухода. Но Господь милостивый не посмотрит на недостойнство болящего и к Себе отнесет уход сей. И потом утешение за то пошлет или полное оздоровление или награду должную отложит на будущий век (4, с. 118).

52. *Добрые плоды болезни*

Непокой духа и страсти портят кровь и существенно вредят здоровью.

Пост и вообще постническая жизнь — лучшее средство к хранению здоровья и процветанию его... (4, с. 154)

53. *Опасно разболевшейся — наставление о молитве, пище и поклонах*

Когда боль есть, можно ослабить немного, особенно *какао* пить ничего бы. Что не все кладете поклоны — ничего. Можете не записывать в штрафную книгу пропусков, а что записали, вычеркните. Исполняйте правило молчаливою молитвою Иисусовою. При этом, если можете класть поклоны, положите сколько по силам, а то так стойте. Если не можете стоять, сидите; если сидеть не можете, лежите. Умом только с Господом быть не переставайте (4, с. 237).

54. *Наставление о мужественном перенесении болезни*

За все благодарите Бога и за нездоровье благодарите. Мне со стороны легко так говорить, вам же на деле нелегко, может быть, так чувствовать. Всяко при слове о терпении и молюсь, да даст вам Господь благодушно перенести болезнь и научиться в ней чему-нибудь. Для чего связал вас Господь, кто угадает? Но то несомненно, что и это поупущено вам в видах споспешествования целям жизни, которую вы избрали и в которой хоть кое-как держать себя стараетесь. С этой стороны

можно и не пытаться более дела болезни вашей (4, с. 239).

Мужества же себе к благодушному терпению в минуты отяжеления страданий ищите, кроме сказанного, в воспоминании терпения всех святых, и особенно мучеников. Сколько и как терпели?! И вообразить трудно. Да и всем *многими скорбями подobaет внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22)*. И то, что обетовано Господом, называется венцом. Чего ради? Того ради, что туда нельзя взойти без страданий. Туда дорога одна — крест, произвольный или непроизвольный (4, с. 239).

55. *Утешение в скорби о душевно болящей*

В горестях благо скрыто под скорбию сердца, оттого не ощущается и не видится, хотя есть не думательно, а действительно. И у вас теперь оно есть и действует, как в N., так и в вас. Благодушествуйте же, смиренно веруя, что так есть и для вас, хоть не видно (4, с. 250).

Так вот и положите в уме своем и в сердце своем, что для N. по течению событий жизни вашей и ее, которых вы не видите и не знаете, необходимо было пресечь вкушение благ видимых — на время или навсегда. И Господь так устроил. Устроив или попустив ей тяжкую болезнь, Он прикрыл ее тем от всего, что могло нехорошо действовать на ее настроение. Пройдут опасности — здоровье возвратится. Не пройдут — так останется (4, с. 250–251).

* ...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.

56. Утешение скорбящей о болезни дочери

Какая вы мудреная?! Не поскорбеть, конечно, нельзя, но убиваться какой смысл? Что за беда, что заболела дочь? Поболит и оздоровеет. Ведь не все заболевающие умирают. С какой же стати вы провожаете на тот свет дочь, когда она только что заболела? Что ей стало хуже, обычный порядок болезней. Было хуже, а когда до вас доехал нарочный, ей уж лучше стало. А когда приедете туда, увидите, что она ходит по комнате.

Конечно, все мы в руках Божиих и смерть каждого может застать в каждую минуту.

У больного та особенность, что смерть, если ей суждено прийти, придет не внезапно. В этом отношении выгода у заболевшей от болезни. Она может подумать о себе и подготовиться к исходу по-христиански.

Вот об этом и надобно позаботиться теперь паче, нежели убивать себя гореванием.

Положим — самое большое — что умрет. Какая беда, что умрет? Разве она одна только подвергается сему? Ведь и мы же все умрем. Она — ныне, мы — завтра. Какая разница? Умрет ведь не она... Тело умрет, а душа жить будет. И ей без тела еще лучше будет, чем с телом. Вышедши из тела, к вам прилетит... и будет ласкать вас. Она будет говорить душе вашей: «Ах, мама, как мне хорошо! Бросай скорее землю и переходи ко мне». Она не будет в состоянии

понять вашу скорбь, когда ей лучше, а вы скорбите.

Так вот видите, что не только и по причине болезни, но даже по причине смерти, если бы она случилась, не следует убиваться. И извольте сейчас же встать, одушевиться и быть покойною... и всех тем утешить (5, с. 134–135).

57. Наставления заболевшей среди трудов для больного

Трудились много больного ради и свалились. Вам можно утешать себя тем, что не по своей вине свалились. Хоть А. и не стоит того, но Господь, по милости Своей и ради вашей материнской любви и терпения ради оскорбляющего вас, примет уход за ним как уход за Собою: *болен бех...* Даруй вам, Господи, оправиться... к тому времени, как весенний воздух установится... чтоб освежиться им и новую вдохнуть крепость (5, с. 156).

58. Молиться ли об избавлении от болезней?

Очень жалею, что немощь ваша все длится и еще расширяет свое владычество; даруй, Господи, вам избавиться от этой болести. Хотя у Господа, посылающего недуги, всегда имеется в виду наше благо, однако же мы не без соизволения Божия молимся об избавлении от них, как бы отвращаясь от блага, сим путем обещаемого. Ибо, может быть, и того чаем от нас при сем Господь, чтобы мы усерднее молились Ему. Тогда молитва наша совпадет с намерениями Божиими (6, с. 100).

59. *Благожелания и утешения болящей*

Главное желаю, чтоб здоровье ваше восстановилось вполне и затем не переставало быть исправным. Затем желаю, чтоб внутреннее ваше продолжало быть в таком же добром порядке, в каком вы его представляли в письмах...

И еще прибавлю: чтоб новый владыка, который не замедлит посетить обитель вашу, был к вам многомилостлив. Все сие получить вам, думаю, не будет не утешительно (6, с. 125).

А если все еще болеете — терпите. У одра болезни — молотьба. Чем больше ударов, тем больше зерен выбьется и тем богаче умолот. Потом надо зерно под жернова, затем муку в смешение теста и вскисание его, потом в виде хлебов в печь и, наконец, на трапезу Божию (6, с. 125).

Когда-нибудь надобно же отходить отсюда?.. Часом раньше или позже — разница невелика. Если теперь судит Господь позвать вас, покорно примите звание и грядите с миром.

Можно бы желать продления дней в видах преуспевания. Но основы милости прочные: там созреете, если недостаточно созрели. Ибо смерть не пресекает хода духовной жизни.

Переселитесь отсюда и мыслию, и сердцем — и будьте там неотходно, забывая все текущее (6, с. 126).

Про целебность артоса с богоявленскою водою и я слышал. Однако ж — буди воля Божия. А лекарств разве вы не употребляете?! И то, и другое можно употреблять — и Бо-

жеское, и человеческое... И в человеческих средствах действие целебное от Бога. По сей вере и человеческое переходит в Божеское... или Божеское приходит чрез человеческое (6, с. 128–129).

Приходит на мысль, что вам лучше бы еще пожить... Но буди воля Божия во всем, наипаче в сем деле. Кто весть, что породит находящий день? Если отойти предлежит вам, идите с миром. Если остаться, да даст вам Господь побыть здесь в вящшее убеление ризы души вашей к благонадежному вступлению потом в чертог Жениха небесного (6, с. 129–130).

Благодушие всякую напраслину превращает в задаток ублажения в будущем. И держитесь в этом тоне до конца. Тут убыток только кажущийся... на деле же — все прибыль, и самый верный, и богатый, богаче, чем ожидать можно. В терпении вашем стяжайте душу вашу многострадальную (6, с. 130–131).

Вашею немощию Господь прикрыл вас от чего-нибудь... что было бы гораздо тяжелее. Так мне подумалось.

Благодушествуйте, пока Господу угодно продержат вас в сей печи... (6, с. 131)

60. *Наставления выздоровевшей*

Оправились?! Слава Богу! Но того расположения и чаяния, что вот-вот смерть, не отлагайте... и вследствие того пребывайте в состоянии готовящейся поминутно отойти... Дай вам, Господи, еще потрудиться во славу Его (6, с. 131–132).

Что вы душою расстались уже со всеми вещами, добре... И не ворочайте их в душу... пусть вне, будто чужие (6, с. 132).

61. Не надо пренебрегать лечением

Ваше противление лекарским указаниям едва ли достойно похвалы... И лекаря, и лекарства Бог создал не затем, чтоб у нас они только существовали, но затем, чтоб ими пользовались больные. Все от Него; Он попускает поболеть, и Он же окружил способами врачевательными. Если есть долг блюсти Божий дар жизни, то и лечиться, когда есть болезнь. Можно не лечиться в ожидании, что Бог излечит, — но это очень смело. Можно не лечиться для упражнения в терпении, в преданности в волю Божию, — но это очень высоко, и при этом всякий *ох!* будет в вину, уместно же только одно благодарное радование... (6, с. 156)

62. Болезни иногда нужнее для спасения, чем здоровье

Я продолжаю пить глазолечебную воду. Только что получил новую и первый день употребляю ее... Тут примочка — большого градуса. Это, полагаю, самое лучшее средство. Но поможет ли? Желательно, а будет то, что Богу угодно... Есть болезни, на излечение коих Господь налагает запрет, когда видит, что болезнь нужнее для спасения, чем здоровье. Не могу сказать, чтоб это не имело места в отношении ко мне (6, с. 167).

63. Наставление болящей о домашнем поведении во время служб церковных

Свое домашнее молитвословие хорошо применять к церковным службам и при сем немножко читать, немножко молиться своею молитвою, но и все можно заменять своею молитвою умною, или Иисусовою, разве коротенькие какие молитовки проговаривая на память, как: «Се Жених грядет...», «День он страшный...» и подобные... А то и это лучше, когда без слов есть чувство к Господу, носящее упокоение в Боге. Тут можно целый день пролежать и не терять внутреннего уверения, что служба Божия не прекращается. Однако ж в те часы, в кои идет в церкви служба, лучше не лежать, а усестись на постели, прислонясь, если немощь одолевает, к стене, и так молиться умно и сердечно, с полным желанием и бодренностию духа (6, с. 210).

64. Лечиться нет греха

Что лечиться нет греха, об этом и вопроса не должно быть. Но что многие не пользовались этим средством по вере и для терпения, это не лишено цены. Надо только потом уж и терпеть благодушно, чтоб не впасть в ропот. Ропот уж грех. Кто не чувствует мужества, каковы мы все, грешные, то лучше прибегать к лекарям, все же помощи ожидая от Бога, ибо Он вразумляет лекарей (7, с. 47).

65. Врачества болезней — обычные и благодатные

Главное — что Бог не всегда хочет иждивать Свои необычайные сред-

ства, а окружил нас средствами обычными, которые тоже Его суть. К необычным переходят по истощении обычных. Конечно, и это не закон, ибо Бог независимый действует как Его святой воле угодно. Одна старушка из простых болела долго от простуды. Измучившись, плакать начала и после плача, в некоем вдохновении веры, велела внучке своей, маленькой девочке, подать лампадку, горевшую пред свт. Николаем, помазалась маслом — и встала здоровою. Это в нашей губернии (8, с. 18).

66. Совет о лечении

Мужу вашему надо спешить к докторам. Бывает катар... но бывает и ревматизм в легких и даже в сердце... Тут без лекаря беда. Или в Москву, или здесь с докторами толковать... Но в Москву, конечно, лучше и вернее (8, с. 25).

67. Благословение ехать лечиться

Господь да благословит путь ваш... и да пошлет Ангела Хранителя охранять, руководить и защищать вас. Помоги, Господи, и дочери вашей получить пользу от лечения. Пусть молится и просит Господа вразумить лекарей, чтобы и болезнь угадали, и лекарства должны придумали. Ибо Господь лечит. Лекаря — орудия (8, с. 31).

68. Мысли и чувства, приличествующие болящим

Бог послал болезнь. Благодарите Господа, потому что все, что от Господа бывает, — к добру. Если чувствуете и видите, что сами виноваты,

то начните с раскаяния и жаления пред Богом, что не поберегли дар здоровья, Им вам данный. А потом все же сведите к тому, что болезнь от Господа, ибо всякое стечение обстоятельств от Господа есть и случайно ничего не бывает. И вслед за сим опять благодарите Господа. Болезнь смиряет, умягчает душу и облегчает ее тяжесть обычную от многих забот (8, с. 61).

69. Наставление болящим

В болезни учитеесь смирению, терпению, благодушию и Богоблагодарению. Что приходит нетерпеливость, это дело человеческое. Придет — отгонять надо. На то и чувство тяготы положения, чтобы было что терпеть. Если не чувствуется тяготы, то и терпения нет. Но когда приходит чувство тяготы и сопровождается желанием ее сбросить, то тут ничего нет грешного. Это естественное чувство! Грех начнется, когда вследствие сего чувства душа поддастся нетерпеливости и начнет склоняться к ропотливости. Пришло чувство — надо его прогнать. Бога же поблагодарить (8, с. 97).

70. Лекарь и молитва

И лекарь не мешает, и преданность Богу нужна. То и другое пусть идет. Не попал — переменить лекарство. Молитесь, чтобы Господь его надоумил... Если не надоумит, верно, лучше для вас жить с больною головою. Благослови, Господи, вам поговорить в утешение и укрепление (8, с. 99).

Соседка ваша изнемогает под тяжестью болезни, да дарует ей Господь упокоение в воле Божией! Во

всех наших невзгодах не можем мы иного утешения находить, как в вере, что все случается по воле Божией. Воля же Божия ничего для нас не хочет, паче спасения нашего, и к сей цели направляет все мучающееся. Да вразумит ее Господь (8, с. 103–104).

Болящая ваша соседка да предаст участь свою в руки Божии и да успокоится на уверенности, что все от Господа и все во благо ей, видит ли она то или нет. Мы все у Господа родные чада. Нет у Него ни пасынков, ни падчериц. Что значит болезнь, в это лучше не углублять-

ся. Она означает милость Божию — не видную для нас, но тем не менее действительную (8, с. 105).

Черничка и другою заболела болезнию. А я думал, что теперь уже она совсем оправилась. Дай ей, Господи, благодушное терпение на претерпение немощи и трудов по выздоровлению (8, с. 106).

71. Лечиться молоком можно и в пост

Собираетесь молочничать! Добре! Да будет во здравие. Поелику это будет как курс лечения, то тут нет никакого греха, если нарушится пост (8, с. 130).

ВЕРА

1. Обращение к вере — великая милость Божия.

Верность вере есть жизнь в духе веры.

Через веру и Таинства соединяемся со Спасителем

Спасение души — главное. Но спасает души Спаситель, а не мы. Мы только веру свою, свою Ему преданность свидетельствуем, и Он уже по мере нашего к Нему прилепления подает нам все нужное ко спасению. Не думайте трудами что заслужить; заслуживайте вы верою, сокрушением и преданностью себя Богу. Делайте побольше добра, помогайте нуждающимся (1, с. 74).

Что Господь обратил вас к вере — великая милость. Стало быть, Он ожидает, что вы, получив дар веры, пребудете и верны вере. Верность вере есть жизнь в духе веры (1, с. 74).

Бог создал нас и образом Своим почтил, чтоб мы жили в Боге — были в живом с Ним союзе. В раю так и было. Падение прародителей расторгло сей союз. Но Бог пожалел нас и не хотел, чтоб мы были вне Его, оставались в отпадении, а благоволил изобрести способ воссоединения, который состоит в том, что Сын Божий и Бог пришел на землю и воплотил-

ся и в Своем лице соединил человечество с Божеством и чрез то всем нам дал возможность соединяться чрез Него с Богом. Те, которые веруют, крестятся и другие принимают Таинства, соединяются живо со Спасителем, а чрез Него и с Богом. И в этом спасение! Цель наша — жизнь в Боге, но к Богу нам нет иного пути, как Господь Иисус Христос. *Един есть Бог и Един ходатай Бога и человеков, Человек Христос Иисус** (1 Тим. 2, 5). Так надо веровать во Христа Спасителя, Таинство принимать, заповеди исполнять и все, что содержит и предписывает Святая Церковь. С Господом тот, кто с Церковью. Будьте так, не суетумдрствуя, и будете на спасительном пути (1, с. 74–75).

2. О борьбе с сомнениями в вере

Ради Господа, вас столь любящего, подавите сомнения. Этим принесете жертву Господу, за которую Он не останется в долгу. Сомнения на вас исходят от вашего ума. Подходит враг и всевает плевелы посреди пшеницы. Если это так есть, то какой смысл слушать врага, погибель нам

* ...един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус.

устроющего, и отдаляться от Господа, руку вам подающего во спасение? Смиритесь и молитесь. Господь близ — и смотрит (1, с. 148).

3. Упование на Господа не посрамит

Вам угрожает опасность остаться беспомощными?.. Хорошо делаете, что наперед подумываете о том скорбном времени.

И думайте, и наперед подыщите там, между своими, кто бы расположился помогать или все родные понемногу. Возверзите на Господа печаль свою, и Той попечется о вас. Упование на Господа не посрамит. Приискание и своих средств, при уповании на Бога, не умаляет силы упования, ибо сие искание должно совершаться с упованием. А между тем молитесь и молитесь. Больше этого ничего не имею вам сказать (2, с. 234).

4. Одобрение веры и упования на Господа

О себе самих и о потребностях ваших духовных вы ничего не упоминаете. Из этого я заключаю, что у вас все обстоит добре в ваших отношениях к Богу и к делу спасения. Слава Богу! Да продлит Господь милости Свои к вам. Вы же усугубьте веру свою в Него и упование непоколебимое (2, с. 234).

5. Необходимость покорной веры в непостижимое

Предопределения Божии, относительно ли отдельно каждого человека или относительно целых народов, суть сокровенные советы

Божии, для нас до ясности непостижимые. В том же, что непостижимо, тотчас надо заставляя ум свой подклоняться под иго веры или прибегать под кров веры. Несомненно, что помышления Божии от мыслей человеческих отстоят как небо от земли. Если не можем достать до неба рукою, чтобы осязать тамошние Божеские вещи, нечего и умом своим пялиться туда, чтобы осязательно познать, как что есть. Довольно знать, что так Бог сказал: *Божия никтоже весть, точию Дух Божий, живущий в Нем*. Нечего и братья за постижение того, что возвещается непостижимым (6, с. 61).

Ныне удержан нет от совопросничества. Все требуют доводить до ясного разумения. И слушать ничего не хотят... вынь да положь.

— Как Бог один и троичен?

— Как Бог Сын воплотился, будучи беспределен?

— Как Божия Матерь Приснодева?

— Как хлеб и вино — Тело и Кровь Господа?..

Да и все устройство нашей веры и Церкви таинственно... и все это подай и объясни... Умишко наш — комар, а все пищит! Спаситель сказал: *Никто не знает, что есть Сын, токмо Отец; и никто не знает, что есть Отец, токмо Сын**. То же и о Святом Духе разуметь должно. Зачем же и добиваться, как Бог един есть Отец, Сын и Святой Дух? Апостол говорит: *Велия благочестия*

* ...никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына (Мф. 11, 27).

тайна — *Бог явился во плоти**. Зачем же сюда лезть со своим мудрованием? То же и о всем надо смиренно подчиняться определениям веры, исшедшим из уст Божиих, хотя то и непостижимо для ума (6, с. 61–62).

В чем поклонение ума Богу? В покорном принятии глаголов Его яко истиннейших... Ныне мы верою ходим, а не видением. Стараться приближать к нашему пониманию тайны Божии с покорностью вере нет греха, но блаженнее те, кои не видя веруют. Я думаю, что вы в таком состоите настроении (6, с. 62).

6. Вера в бытие Бога и Его вседержительство есть неотъемлемая принадлежность духа

Всякий вновь рождающийся вступает в общество, имеющее веру. Вера общества становится его верою, как и все прочее. Но способность к вере и ее потребность для души не обществом набивается. Все одно, как и в отношении к познаниям: общество чрез воспитание предаёт новому члену своему добытые им познания, но не даёт ему способности познавать. Эта способность есть неотъемлемая принадлежность души. Так и вера в бытие Бога и Его вседержительство есть неотъемлемая принадлежность духа, которая с силою и обнаруживается у всякого, как только разовьются его способности. Общество передает только образ веры своей, а не самую верующую силу и потребность ее. Общество чрез воспитание набивает веру. А в обще-

ство-то откуда она зашла?! — Что ни входит в общество, все то выходит из души. Оно есть хранилище, как бы бассейн, куда стекает все, выходящее из души. Таким образом, в обществе есть вера, потому что она наперед есть в душе. Из души она вышла и оселась в обществе. Вера старше общества и семьи, а следовательно, и самого воспитания. Воспитание отдаёт новорожденному то, что прежде внесено в семью и общество из души.

Так извольте покрепче установить в уме убеждение, что воспитание развивает лишь то, что есть в природе человека, но ничего не влагает в него нового. Если оно развивает веру, то потому, что она в природе человека. Знать Бога и поклоняться Ему никто бы научить не мог, если бы в духе человека не лежало это неотложным законом. И вот видим, что во всем роде человеческом есть вера. У самых диких она есть, потому что без нее человек не человек. Если которые не верят из многоученых, то это не значит, что они шагнули далеко вперед или высоко махнули ввысь, а значит, что они выступили из природы человеческой — исказили себя и изуродовали, как бы кто глаза себе выколол или отрезал нос.

Если все имеют веру — следует, что норма жизни человеческой неотложно содержит и веру. Следовательно, кто не имеет веры, тот отступает от сей нормы и есть нравственный урод: такого ранга суть все неверы (9, с. 267–268).

Душа — существо духовное — не есть проявление другой какой силы,

* ...великая благочестия тайна: Бог явился во плоти (1 Тим. 3, 16).

как радуга, а есть самостоятельная, особная личность, свободноразумная, нормальное состояние которой есть жизнь в общении с Богом, почтившим ее в сотворении образом Своим. Потому это желательно, что в этом положении — основа веры и жизни. И потрудитесь прежде всего эту истину укоренить и укрепить в себе (8, с. 210).

Что у вас другие есть недостатки, что дивного, и у кого их нет? Но дух хулы и сомнений, надо полагать, есть главный. Ибо он мешает заняться другими. Хула и сомнения — то же, что когда почва под ногами колеблется: почувствовавший это тотчас падает от головокружения. Когда уже тут до другого чего? Вы этого-то потрудитесь одолеть и прогнать, тогда и прочие подадутся (8, с. 221–222).

7. Об отгнании сомнений. Образы молитв, укрепляющих веру в христианские догматы

Составьте молитву из догматов наших и ее чаще повторяйте, хоть в таком виде: “Слава Тебе, Боже наш, в Троице поклоняемый, Отче, Сыне и Душе Святой.

Слава Тебе, создавшему все Словом и о всем промышляющему.

Слава Тебе, почтившему нас образом Своим.

Слава Тебе, наставившему нас в падении нашем.

Слава Тебе, Сыне Божий, благоволившему воплотиться, пострадать, умереть, воскреснуть, воссесть одесную Отца и Духа Святаго нам ниспославшему.

Слава Тебе, Боже Душе Святой, Церковь Божию чрез апостолов устроившему и все языки в нее собравшему, и Небо святыми избранными населившему.

Слава Тебе, Боже, народ наш (русский) призвавшему в Царство Твое.

Слава Тебе, благоволившему мне родиться среди верующих.

Слава Тебе, многократно мне милости Своей являвшему...

Слава Тебе, путь покаяния и обращения мне устроившему.

Слава Тебе за все...”» (8, с. 218–219).

ВИДЕНИЯ (СНОВИДЕНИЯ)

1. Объяснение видения

Все, что рассказал, ничего худого не означает и не предвещает. Божия Матерь на милость Божию показывает; кресты призывают к терпению скорбей, и лишений, и подвигов; змеи и птицы — вражеские искушения и нападки... Это все встречает всякий инок на пути своем... (2, с. 235)

Что ты крест в видении не выпустил из рук... это указывает, что буря напастей ждет тебя... но, по милости Божией, ты устоишь (2, с. 235).

2. Замечательный случай с княгиней Ольхиной

Посмотрите, что было с княгиней! После удара она потеряла речь. Понимает все, а не говорит, бурлит только. Недели две-три пред сим была там в Питере гроза. Княгиня начала крайне беспокоиться и ужасать-

ся. Наконец, сказала: «Вот она!» — и начала молиться: «Помилуй меня, Господи!» — повторяя несколько раз. Затем свалилась в постель, начались небольшие корчи и напало нечто вроде беспамятства. Так и прошло сутки или более. Думали, конечно, так и доктора присудили... Но княгиня встала и начала ходить. Приехала сестра. Она сказала ей: «Слушай, Маша (Мария Сергеевна Ольхина). Когда я лежала, приходил

бес и нудил меня отречься от Христа, говоря, что Он мне не поможет. Я прокляла его и закричала: “Вон пошел!” Пришел Ангел Божий, хорошенький-хорошенький, и прогнал беса». Рассказав это, прибавила: «Смотри, ты мне все это запиши, как я тебе сказала». Это все говорила она четко, как обычно говорила, но потом речь опять пропала, и она бурлит только. Какая история (3, с. 67–68)!

ГОРДОСТЬ

1. Гордость — самая пагубная страсть, и тем пагубнее, что чиста совне. Гордость в чувствах, а не во внешнем положении

Гордость — самая пагубная страсть, и тем пагубнее, что чиста совне. Что вам старцы говорили про гордость еще в детстве, это значит, что Бог хочет, чтоб вы сами смирились, и готов дать смирение, если взыщете. Но в том, что вы теперь в высшем положении и богаче, не есть нарушение старческих слов. Гордость в чувствах, а не во внешнем положении. И великие цари есть смиреннейшие... Св. Давид из пастухов царь, а говорил: *аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей**... (1, с. 73)

2. Самоцен — скрытая гордость, проявляется неприятностью и досадой на укоряющего

Ведь есть или бывает у нас очень глубоко лежащий *самоцен*. Тогда слова означенные или подобные им язык или память читает... а на ду-

* Я же — червь, а не человек, поношение у людей и унижение в народе (Пс. 22, 7).

ше держит: «несмы, якоже прочие». И то дивно, что этого лукавства нашей души почти нельзя заметить. Так оно таится, пока уже Господь как-нибудь вызовет его наружу и покажет во всем безобразии. Самим нам нужно угадывать присутствие его разве из того, когда укорные речи других, в глаза или за глаза, отзываются неприятностью или досадою на говорящих. Извольте навести справки о себе, какова бывает душа в таких случаях. При этом большая бывает помеха от самооправдания (1, с. 125).

3. Самочувствие — чувство своего значения, его значение в духовной жизни и борьба с ним

Без забот и попечений как прожить? Но все в меру, а главное — с преданием себя в волю Божию. Вы все сами хотите устроить детей, а Богу ничего не предоставляете. А на деле надо все Богу отдать, не прекращая, конечно, и своего попечения, но не придавая ему и слишком много значения. Если Бог не благословит детей, то что вы одни сделаете? Да не станет ли Бог смотреть на них равнодушно по причине ваших забот? И выйдет, что вы хлопотами ничего не сделаете прочного и Бог не станет делать для них из-за вас. Вме-

сто добра выйдет худо. Уверьтесь в этом и этим умеряйте свою заботливость. Это враг вас мутит. Со всякою немощию душевною следует тотчас обращаться с молитвой к Господу, прося Его исцелить. Затем, употребляя и от вас зависящие средства и собственные усилия, ждите помощь свыше, и Господь в свой час пошлет помощь и исцелит. Без Господа никакое добро не укореняется в сердце (1, с. 127).

Раздражительность, гнев, нетерпение, суетливость — конечно, все это не добрые чада. Но хорошо уже то, что сознаете их недобротность. Поищите родителей их и придушите. Тогда чада сами собою пропадут. Посмотрите, нет ли у вас *самочувствия*, т.е. чувства своего значения или, отрицательно, отсутствия чувства, что вы ничто. Это самое сокровенное чувство, но оно всем ворочает в жизни. От него первое требование, чтобы все было по-нашему, и коль скоро этого не бывает, то на Бога ропщем, а на людей серчаем. От него же уверенность, что все сами можем сделать и устроить, пустивши в ход придуманные средства, ожидаем, что все так и будет, как придумали. От того, что дело начинаете без усердной молитвы, и продолжаете тоже, и кончаете опять ропотом, если что не по-нашему, и чувство самодовольства — если по-нашему. Бога во всем этом помышляете яко стороннее, а не действующее лицо. Так вот присмотритесь, нет ли сего, и если есть хоть не в большой мере, позаботьтесь восстановить чувство ничтожества своего во всех отноше-

ниях. И всегда Господа о том молитесь (1, с. 127–128).

4. Обидчивость — от самоцена. О борьбе с самоценом и его проявлении

Обидчивость — от *самоцена*, по коему признают и чувствуют себя стоящими немало; почему когда кто дерзает не воздать нам должного, кипитесь и замышляем отмщение...

Вы хорошо делаете, что не пропускаете этих чувств даром, но нехорошо, что оставляете иногда долго им в себе замедлять. Несколько дней враг воздымает у вас бурю отмщений. Постарайтесь так делать, чтобы, и минуты не пропуская, взяться за себя и разорить свой самоцен. Не смотрите на обидчика и обиду; тут вы найдете больше опоры обидчивости и мести, но выбросите это из головы и себя саму облеките во вретиче ничтожности. Апостол говорит, что льстит себе, кто думает, что он есть что-нибудь. Вот это «что-нибудь» и надо разорить и выбросить за окно. Придет чувство ничтожества, считайте себя достойным всякого унижения и оскорбления, и тогда обидчивость и мщение сами собой испарятся. Над уничтожением самоцена надо только однажды потрудиться... а потом уж с ним легко будет справиться, да он скоро и совсем замрет. Тогда и образуется в душе какая-то опора внутреннего мира! Самоцен когда есть, то не отношение только к людям возмущает, но помучает и отношения к Богу, — и лукав он, как бесы, и ловко прикрывается смиренными словами, заседая в сердце... Займитесь этим. Вы хорошо делаете,

что сокрушаетесь об этих чувствах и открываете их духовному отцу. Но, кажется, это вы делаете, когда сорвете на ком сердце чем-либо; но и одни чувства, если и не прорвутся наружу, открывать надо. Это в числе средств разорения самоцена. А самоцен всю жизнь губит, потому стоит потрудиться над уничтожением его. Затем я так много и пишу о нем (с. 140–141).

5. Нетерпеливость, обидчивость, немирность, уступчивость мыслям смущающим — следствие гордости

Вы исповедаете свой грех, что нетерпелива, обидчива, немирна, уступчива мыслям смущающим? Это очень нехорошо. Все от гордости. Если бы было смирение, ничего такого не было бы. Так извольте стараться, уверив себя, что вы ничего не стоите, никакого внимания и почести, что вы стоите не таких еще оскорблений не словом только, но и делом. Когда уверите себя в этом и восчувствуете свое ничтожество, тогда все будет проходить для вас мирно.

Относительно мыслей всяких держите такое правило: как только заметите, гоните прочь без всяких рассуждений и оставайтесь с мыслию об одном Господе Спасителе вездесущем и все видящем... Они и не будут смущать. Извольте сейчас же за это бороться (1, с. 145).

6. Самость — корень грехов

Самость — корень грехов. Отпадающий от Бога на чем другом может остановиться, как не на себе? И останавливается. Вот и самость. Может быть, и духу хулы дано так

сильно беспокоить вас по той причине, что есть самость с излишком. Так начинайте зараз и ее бороться (1, с. 153).

7. Раздражительность — от гордости

Ваша раздражительность, иногда капризная, пройдет, как только навыйкнете ходить в присутствии Божиим, под всевидящим оком Божиим. Она от гордости. Смирение прогонит ее, а также сознание, что вокруг себя должно распространять благодать (1, с. 248).

8. Предостережение от чувства праведности, вредящего молитве

Всего более надобно опасаться уклонения в праведность. Как только начнете уклоняться в нее, знайте, что криво шагать начали. Берите тогда себя за ноги и тащите немилосердно опять в грешность. Разумеется чувство праведности и чувство грешности. Господь того только принимает, кто приходит к Нему в чувстве грешности. От того же, кто приходит к Нему в чувстве праведности, Он отвращается. Он и пришел грешников спасать, а не праведников. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит (2, с. 102–103).

9. Как избежать самомнения

Что касается самомнения, то однажды навсегда примите за правило такие вопросы гнать без жалости, как только родятся. Это вражее порождение. Если остановитесь на вопросе сем, то враг тотчас же и решение даст: о, конечно, это... Ты ведь — молодец! Затем молодец подымется

на ходули, начнет мечтать о себе, а других ни во что ставить. И благодать отойдет. Но враг все будет держать его на мысли, что она с ним. И сие есть: *мнитья имети, тогда как ничего нет*. Святые отцы написали: «не мерять себя». А взять и решить тот вопрос значит приступить к измерению себя, насколько вырос. Так извольте от этого бегать как от огня (2, с. 179–180).

10. От самомнения совершается впадение в грехи

Самомнение шло вместе с *тщеславием*. Вдвоем они родили *леность*. Леность говорит: что нам? Уж мы ведь что стали? Нам можно и вольку себе дать... И пошла волька... Весь этот путь у вас прописан: «Леность одолела так, что ни на что смотреть не хочется». Уж коли хватило выше облак, то какая нужда себя нудить? «Тщеславие — служить ли стану, молиться или читать поучения — одолевает». Как нам с вами не тщеславиться? Молитву умную знаем. И ну ходить павлином. О.М. ... — чибис... Извольте себя так прозвать. Чибис — какая-то птица, гордо выступающая, но паршивая, неуклюжая, бессильная и трусливая. Вот и величайте себя так. То мы с вами на диване развалились, как миллионер духовный (леность), то с колокольни на всех смотреть стали, как на мелюзгу грошовую (тщеславие с гордостью). А тут как только показался враг, мы в кусты... или и того хуже: на, бери... И пальцем не шевельнули. И извольте теперь видеть, какой вы богатырь духовный и богач! Затем и попустил Господь

это падение, чтоб вы осязательно увидели, сколь ничтожны силы ваши и ваша твердость в добре. То, что было, надо считать настоящим падением (2, с. 183–184).

11. О самоугодии и саможалении

Саможаление, на которое вы жалуетесь, опасно и пагубно. Если поблажить себе придется по болезни, то это ничего. А если под предлогом болезни, то это худо. Тут видно *лукавство пред собою самим* — самое злое из всех лукавств.

Вы на саможаление, как видите, смотрите очень легко, почитая случаи уступки ему не важными действиями. Тут у вас большая ошибка. Случаи саможаления, точно, бывают ничтожные, но не ничтожно присутствие в душе сего саможаления. Ибо что оно значит? Значит, что самоугодие у нас с вами сильнее богоугождения. Положили мы то и то делать, сознав то нужным в деле устройства спасительной жизни и угодным потому Богу, а потом отказываемся от этого не почему другому, как потому, что этот отказ приятнее нам — телу или душе. Значит, в этот раз мы переходим от богоугождения к самоугодию. Совесть видит нашу неправость и беспокоит. Она права. Не следовало себя связывать: то и то буду делать в видах подвижничества, когда не было уверенности одолевать себя всякий раз. Например: положили не пить чаю, а потом выпили чашечку. И беспокоитесь. Дело не велико — выпить чашечку, но велико то, что совесть оскорблена и что допускаются дела, нарушающие прежние решения ваши. Этим

разоряется внутренний строй и образуется навык не внимать совести, когда она указывает должное. А тут... и бесстрашие придет, и совершенное равнодушие к богоугождению! Лучше не вязать себя правилами до мелочей, а иметь одно общее: всякий раз действовать наперекор требованиям самоугодия. И если допускать какую льготу телу, то не по поблажке ему, а по сознанию необходимости того для здоровья. Чай не пить хорошо и здорово. Но как в иных случаях он придает бодрости телу, то можно иногда выпить чашку. Так бы и следовало положить: буду по временам воздерживаться от чая. Потому что иногда это очень легко обходится. А то лучше всего такими дробностями себя не вязать. А общее держать: не делать угодия плоти; и в этом духе действовать, всякий раз составляя решения (2, с. 186–187).

Я чай выставил для примера, но так действовать надо и в отношении ко всему: к пище, ко сну, прогулке и отдыху и пр. Что мешает внутреннему строю, того ни под каким видом не допускать (2, с. 187).

Успеха, говорите, нет. И не будет, пока есть самоугодие и саможаление. Саможаление и самоугодие прямо свидетельствуют, что в сердце преобладает «я», а не Господь. Самолюбие и есть живущий в нас грех, от коего вся грешность и который делает грешным всего человека, с ног до головы, пока он имеет место в душе. А когда грешен весь человек, как придет к нему благодать? Не придет, как не пойдет пчела туда, где дым.

Присутствие самолюбия есть знак, что первое решение работать Господу сформировалось неполно и неудачно. Решение это имеет два конца: один — *да отвергнется себя*, второй — *да по Мне грядет**... Первый требует совершенного подавления эгоизма, или самолюбия, и, следовательно, недопущения самоугодия и саможаления — ни большого, ни малого. Следовательно, в ком они есть, у того решение было неполно.

Такое решение делает человека подобным тем лицам, о коих в Апокалипсисе говорится: *ни тепл, ни хладен***... ни то ни се... Спаситься хочется, а самопротивление не допускается. Нельзя Богу работать и мамоне (2, с. 187–188).

12. О средствах борьбы с саможалением

Что у вас (во внутреннем человеке), и тут тоже не борясь надо. Вы думали, что начал — и тотчас на третье небо... Надо прежде труды и поты подъять, потом уж начнут показываться плоды. Но условие неотложное — не жалеть себя. Не жалеть себя не значит горы на себя наваливать, а ту же обычную монастырскую жизнь тянуть, не допуская ослаблений ни в чем (2, с. 189).

Звонят к утрени. Саможаление говорит: полежи минутку... Не слушай — и се удар саможалению в голову. Стоя в церкви, чувствуешь позыв ноги распустишь, к стенке приклониться. Откажи и стой в струн-

* ...отвергнись себя... и следуй за Мной (Мф. 16, 24).

** ни холоден, ни горяч (Откр. 3, 15).

ку — се еще удар. Пришло на мысль: дай выйду проветрюсь; откажи — и еще удар. Пришел домой от утрени: дай лягу — не давай. Дай книжку лежа почитаю... не давай, сядь в струнку и читай. Так все, и что ни шаг, то будет удар саможалению (2, с. 189).

13. Как избавиться от обидчивости

Что-то мне показалось, что вы нянчитесь с собою, как с ребенком. Лучше всего, если совсем себя забудете и будете только иметь в мысли, как бы Бога не прогневать чем негодным Ему в мыслях, словах и делах. Если не поостережетесь и будете много обращать внимания на людские речи и взоры, то сделаете из себя (извините) недотрогу — чирей, самый чувствительный даже к движению воздуха, а не только к прикосновению (2, с. 206).

Смотрите в оба сами. Вот мера: кто смирен, тот не может видеть, чтоб кто-либо относился к нему ниже его достоинства; ибо он таким низким себя считает, что никто не может отнести к нему ниже того, как бы ни ухитрялся. В сем премудрость (2, с. 206).

14. Самоцен — чувство самое опасное

Милостивый Господь воззвал вас и поставил на добрую дорогу. Благодарение Господу! И то от Господа, что, выступив оттуда... добре держитесь в порядках жизни по Богу. Держитесь крепко: глаз не закрывайте, остро смотря сюду и сюду, ибо враг не дремлет. Он ведь от вас

не отстает, а тут же присматривает, нельзя ли как опять запутать вас, но благодать Божия покрывает вас и приступа не дает...

Как только благодать отступит за что-нибудь, он тотчас тут и начнет вертеть — избави вас, Господи! Вот вы уже и тщеславитесь, как написали. Это по вражьей части. Тщеславие — его поля ягода. И оно таково, что за него отходит благодать. Блюдитесь (3, с. 170)!

И чем вздумали тщеславиться?! Слезами! Слезы — плач о грехах. Когда придет тщеславие из-за слез, вы перенесите взор на грехи... и скажите душе своей: вишь, что нагородила! Есть тут чем тщеславиться?! Если искренно сие сделаете, то вместо тщеславия воспримете горькое сокрушение, которое всегда старайтесь иметь под слезами (3, с. 170–171).

Мне думается, что слезы держат вас в самочувствии или *самоценности*. Это чувство самое опасное. Трудитесь углублять чувство, что вы ничто. Грозит вам апостол: если кто думает, что он есть что-нибудь, тогда как есть ничто, то обольщает сам себя и истины нет в нем (3, с. 171).

15. Шаги по дороге гордости и средства борьбы с ней

Извольте паче всего остерегаться, как бы не попасть на дорогу к гордости и не застрять там. Первый шаг на сей дороге есть самоцен — скрытое чувство, что я нечто, а не ничто; второй — *самомяние или самочувствие* — чувство, что я не только нечто, но и нечто важное и пред людьми, и пред Богом... Потому всячески

старайтесь быть в искреннем чувстве полного самоуничтожения. Для того чаще приводите себе на память, какие были грешки или ошибки в прежней жизни, и осуждайте себя за них (3, с. 209).

16. Предупреждение от самоцена

Не забывайте блюсти себя от самоцена. Эта тоненькая змейка — и не заметишь, как проскользнет... и надмнет сердце... (3, с. 219).

Но смотрите... самоцен лукав, как бес. Да вразумит вас Господь! Вы пишете, что самоцена у вас нет потому, что душа ваша вся стремится славословить Господа и вы чувствуете, как ее тянет к Нему всем существом. Это весьма хорошее состояние, нормальное... *Чувство, что душу тянет к Господу*, есть сокровенная молитва, и оно одно может заменить молитвословия... Ибо оно-то и есть *непрестанная молитва* (3, с. 238)!

17. Хитрый бес самоцена

Господь не оставляет вас Своею милостию и осязательно дает вам ощущать Свое к вам благоволение в благодатных просветлениях ума и духовных утешениях. Как это особенно есть... то враг, всех губить старающийся, скорее вас заметит и начнет подстраивать свои козни. Потому блюдитесь паче всех. Всякий почти раз напоминаю вам: не ослабевайте в принятых деланиях, но при сем паче еще себе внимайте и не допускайте прокрасться к вам самоцену. Этот бес хитрее всех бесов и успевает пролезть в душу в самую незаметнейшую скважину. Засядет там и все сгубит (3, с. 240).

18. Немоци нрава Господь оставляет иногда для смирения

Желаете идти тесным путем — добре, добре! Храните сие желание и разжигайте его, чтобы оно укоренилось и стало непрерывной заботой и с соответствующими делами. Ищите и обряцете. Господь все даст. С своей стороны не оставляйте только сей заботы исканья и всячески избегайте упокоенья в себе. Потому что с этим в связи: «утолсте и забы Бога...» — не вещественно, а духовно. Вы же ведь стоите на добром пути. И слава Богу! Что бывают прорухи — это в порядке вещей. Вы только не нерадите об них и всякий раз, сознавши, сокрушайтесь и, исповедуя Господу немощь, молитесь избавить вас от нее. Немоци нрава Господь иной раз оставляет за нами для смирения. Не будь их, мы тотчас занесемся выше облак и ставим там престол свой. А в этом пагуба (4, с. 10).

19. О борьбе с сомнением

Второй недуг — сомнение — важнее. Ибо тут беда уже есть, а не будет. Для подавления сомнения читайте в «Невидимой брани». Там, кажется, есть об этом и пространно. Навыкайте, главное, все доброе относить к Господу как к причине... и Его благодарить...

Это начало смирения! Увеличьте его указанием себе... сколько ли есть в вас добра, сколько хочет от вас Господь и сколько сил к тому дал? Если по совести решите, увидите... что самое добро ваше будет обличать вас в неисправности. Все ли у вас исправно? Конечно, нет. Вот и

поминайте эти неисправности... они и закроют от глаз ваших исправности... и нечем будет повеличаться.

Что не пошли *в кумы* — ничего (4, с. 82).

20. Самоцен — первый враг в духовной жизни и причина прелести

Бойтесь прелести... Надо бояться... Но избегайте коренной прелести, и прочие места не будут иметь. Коренная прелесть есть *думать и, еще хуже, чувствовать, что я нечто, тогда как я ничто*. Я называю это *самоценом*. Вонмите сему и возьмите самоцен сей первым врагом своим. *Не давайте ему засесть внутри, иначе он сгубит вас...* Это апостольский урок: *мнящий себе быти что, ничтоже сый, сам себе прельщает* (4, с. 149–150).

21. Чувство праведности — признак уклонения от правильного пути в духовной жизни

Большая нам беда от чувства праведности. Зарубите себе на памяти, что, коль скоро придет сие чувство, хоть в слабой мере, значит, дело ваше пошло криво. Чем грешнейшею себя чувствовать будете, тем путь ваш правее. Но надо добиваться, чтоб чувство своей грешности как бы натурально исходило из глубины души, а не было навеваемо совне своим размышлением или сторонним словом (4, с. 179–180).

22. Из самомнения выходит трубление пред собою и осуждение других

Сдается мне, что у вас поминутно происходят в душе *суд и решение* над другими. Присмотритесь хоро-

шенько. Если это и не поминутно, а изредка, то и отсюда немалая беда.

Из *самомнения* выходят две вещи: *тубление* пред собою и *осуждение* других. Вот *злая тройка*, которая мчит в пагубу. Надо распрячь и сбить этих ярых коней. Тогда выйдет: тише едешь, дальше будешь. Смотрите, пожалуйста, получше за собою (4, с. 184–185).

23. Опасность в духовной жизни самомнения

Узнавши волю Божию, надо помолиться о помощи к совершению ее... Избави вас, Господи, от самонадеянности. Самим всеусильно напрягаться надо, но успешного совершения всегда чаять от Господа, помня слово Его: *без Мене не можете творити ничесоже**. Тут же надо опасаться, как бы не прокралась мысль и тем паче чувство: несмы, якоже прочии... И еще опасаться надо мечтательных надежд: о, теперь у меня пойдет все... так и так... чудо, как хорошо. Такие мечтания всегда оканчиваются посрамлением... Остерегаясь всего сего, так тецйте да *постигнете* (6, с. 60).

24. От самоцена самомнение и неурядицы внутри. Мерзок Господу всяк высокосердый

«Неурядица внутри». Вы верно определили, что она от *самоцена*. От самоцена самомнение; ради самомнения благодать отходит, ибо мерзок Господу всяк высокосердый. А без благодати что мы?! Вот и

* без Меня не можете делать ничего (Ин. 15,5).

неурядица. Она бич вразумляющий и не говоря говорит: остановись, куда ты заносишься, ничтожная тварь?! А вы еще спрашиваете: неужели смирению можно выучиться только чрез падения?! Слава Богу, что есть такие вразумительные отступления благодати! Если и при них самодовольничаем и высимся, что было бы без них (6, с. 80).

Неурядица внутри всегда от беспорядочности помышлений. Держите их на привязи, а чтобы успеть в этом... блюдите память Божию и память о смерти. Бог всюду есть и все видит... и видит все внутреннее ваше. Сходите с сею мыслию в сердце и блюдите движения, там бывающие, — одни принимайте, другие отравляйте (6, с. 80).

25. Самомнение — первый враг в жизни духовной

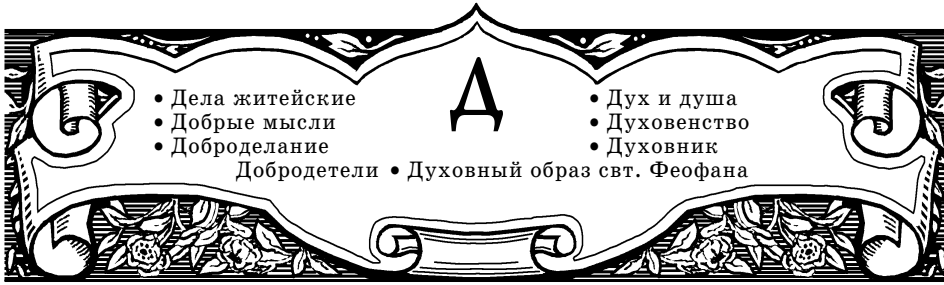
Поопаситесь самомнения. Оно — первый враг. Исправность наша пред Богом, еще только преднамеренная, уже порождает мысль о некоей особенностях нашей пред другими и даже пред собою прошедшим, тем паче когда успеем сделать что-либо на сем пути. Как только немного постойм мы в сей исправности, она кажется чем-то дивным — и мы начинаем мечтать о себе как о лицах совершенных, совершающих дивные дела. А это враг подуцает, чтобы возбудить самомнение.

Кто поддастся и впадет в сие самомнение, от того тотчас отходит благодать и оставляет его одного. Тогда враг схватывает его как беспомощную добычу (9, с. 168).

26. О борьбе с сомнениями

Считайте себя таким лицом, как то, которое испытывает внушения на какое-либо греховное дело или похоть злую. И научайтесь так же действовать в отношении к сомнениям, как тот действует в отношении к похотям. Первый прием для испытывающего злые влечения есть не считать внушения своим, а всеянным, положить разделение между собою и этим всеянным и, признав его чуждым, отнестись к нему не как к своему детищу, а как к вражескому порождению. Отсюда тотчас в душе не ослабляется только, но совсем отходит от нее понуждение делать по внушению испытываемому. Обычно полагают: своя природа требует — как не удовлетворить? Но кто сразу признал в родившемся пожелании чуждое детище, тому не это положение приходит на ум, а совсем другое. С вопросами обращается он к желанию и подвергает его анализу и критике. Этот самый простой прием рассеивает искушение: оно, как дым от ветра, исчезает. Вот это именно следует и вам делать при каждом сомнении (8, с. 206–207).

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

1. Дела житейские в существе неземного свойства

Спрашиваете: не погрешаете ли, продолжая нести иго начальствования? Нет. Вы обязаны нести его, пока начальство не скажет: довольно. Как оно не только не сказывает этого, а, напротив, налагает на вас новое дело, зная ваши немощи телесные, то вам совсем не след и на ум принимать вопроса: не следует ли оставить труды (1, с. 5)?

Внутреннему деланию цены нет, и ему ничто не должно быть предпочтительно, но и ради его оставить лежащие и налагаемые на вас труды можно бы в таком случае, когда бы труды сии мешали ему и разоряли его. А этого сказать нельзя. У вас теплится непрестанно молитва ко Господу. Не мешали же ей образоваться текущие дела? Надо полагать, что не помешают они, если прибавится к ним малая толика. Дела эти только на вид житейские, а в существе они неземного свойства. Потому, трудясь над ними, кажется, можно не быть отдаляемому от Господа. К тому же пребывание души с Господом, в чем все существо внутреннего делания, не от нас зависит. Господь посещает душу, она и быва-

ет с Ним, и играет пред Ним, и согревается Им. Как отойдет Господь, душа пустеет и совсем не в ее власти воротить к себе Благого Посетителя душ. Но отходит Господь, пытая душу; а бывает, что отходит, наказывая не за внешние дела, а за что-нибудь, душой внутри принятое. Когда отходит Господь, пытая душу, то, когда она закричит, Он скоро ворочается. А когда отходит, наказывая, то не скоро, пока не сознает душа греха, и не раскается, и не оплачет, и епитимии не понесет. Теперь, если вы оставите дело и тем пойдете против воли Господа, думаете ли, что Он останется с душой вашей? Если это будет грех пред Ним и Он прогневится, то отойдет и не воротится. И будет, что сделанное во благо внутреннего делания обратится во вред ему и даже на совершенное его уничтожение. Так, по моему, лучше тяните иго, пока хозяин против воли вашей не выпряжет (1, с. 5–6).

2. Нужно избегать осуждения, которое составляют не дела, а образ совершения их

Об одном надо позаботиться, чтоб все это меньше осуждало... полагаю, что возможно при всех хлопотах держать душу не суетящеюся. Ибо и

великие святые строились и хлопотали же? Афанасий Афонский и умер на строении. Стало, можно совмещать с внутреннею жизнью хлопоты строительные. Как? Извольте ухитряться сами.

Мне думается, надо себя так наладить, чтоб, не суетсяь, делать возможное... и, делая одно, не забегать вперед и не нахватывать в голову десятки других дел. Когда дело определено, то уже от него можно отвести внимание и держать его где должно, пока дело в ходу и идет к концу. Когда кончится и надо другое начинать, тогда его обдумывать... и, обдумавши и пустивши в ход, опять отвлекать от него внимание и держать его у себя дома. И так далее. Началась утренняя... Ну и пусть душа в утрени будет, не пускайте ее за церковь. После утрени надо обед заказать!.. Заказан — и конец... Так и все.

Осуечение составляют не дела, а образ совершения их. Когда одно дело делается, а сотни толпятся в голове... Надо те все прогнать, а одно делать, и притом руками делать, а умом быть в своем месте. Всяко чему учиться надо и, кажется, можно научиться (1, с. 20).

3. Телом делать обычные дела, а духом всегда быть с Господом

Житейские помыслы трудитесь улаживать. Ищите такого настроения, чтобы телом делать обычные дела, а духом всегда быть с Господом. Милостивый Господь дает беспечение, по которому все делается в свое время, но ничто не озабочивает

и не томит. Ищите, просите — и дастся (1, с. 155).

4. Нужды и заботы, которые разорительны для духовного строя, можно подсесть преданием себя в волю Божию; отделив суетность, можно поминутно творить волю Божию

Нужды и заботы действительно разорительны для духовного строя, но сию разрушительную их силу можно подсесть преданием себя в волю Божию. Это не то значит, что сложив руки сиди и жди, что Бог даст, но — придумывай способы и употребляй их в дело, успех же всего предоставь Божию устроению, не предрешая и не строя воздушных замков и стоя в готовности принять благодушно, что Богу угодно будет послать. Попечение иметь должно, а кручиниться и томить сердце до раздиранья его — грех, ибо тут нет веры, и упования, и покорности Богу (1, с. 244–245).

Дела службы не суетность, это Божии дела. Только делайте их всегда для Бога, а не для чего другого. Равно и по семейной жизни на вас лежит долг... Исполнять его не есть суетность. Только совершайте такие дела по сознанию, что волю Божию исполняете. Суетность — дела по удовлетворению страстей, также ненужные и бесполезные. Расчислите и отделите в жизни своей суетность от несуетности — и увидите, что и среди них можно поминутно волю Божию творить. Прибавьте: творить их во славу Божию. Вот и будете святой или святости ищущий (1, с. 247–248).

5. *Хлопоты не мешают благо- угождать Богу*

Писать вам или другому кому составляет для меня приятный отдых при однообразных всегда занятиях моих (1, с. 154).

6. *Как относиться к гостям*

Ш...ка хорошо делала, что не отменяла своего правила и в гостях. Навыкнет молиться и всю жизнь будет успешно противостоять всяким искушениям. Эта неподвижность, несмотря на изменение внешней обстановки, в правилах молитвенных — великое сокровище для ревнующих о духовной жизни (2, с. 160).

Вас гости рассеивали. Жалею вас. Но попробуйте принимать их как посланцев Божиих и заботу об их довольстве и удовольствии быть у вас [так ведите. — *Изд.*], как бы лично Самому Господу служили, — и будете всегда с Господом. Можно навык приобрести справлять все требуемое течением дел как службу Божию, ибо Бог везде и все видит и всякое обращение мысли к Нему не пропускает незамеченным (2, с. 160).

7. *Как вести себя при неприятностях с другими*

Наука проста, но трудно заучиваема. Именно в случаях неприятных, породивших неприятные против других чувства, не следует ни говорить, ни действовать. Надо наперед успокоиться и совершенно исторгнуть из сердца неприятность, чтобы и следа ее не было. Больше ничего не требуется. Тогда и речь, и дело пойдет ладно. Можно тогда и суро-

во, и строго говорить, даже бранчиво, и речь не произведет худого действия; ибо дух в ней будет не раздражительный, а мирный и любовный. Извольте теперь из того случая взять себе урок. Сядьте и посмотрите, что бы следовало вам подумать, чтоб изгладить неприятное чувство... и вперед по сему действуйте (2, с. 178).

Вы о тех отцах думаете худо. Это источник неприятных к ним чувств. Научитесь думать о них хорошо и возбудите в себе почтительные к ним чувства. Непременно сделайте это, доведите себя до такого к ним чувства, какое имеете к какому-либо уважаемому лицу, и сие чувство храните... и с ним ходите. Тогда никаких неприятностей не будет. Так ведь и должно вам быть расположенным. Какое вам дело до их поведения?! Начальство есть — и почитайте (2, с. 179).

8. *Как относиться к делам житейским, чтобы они не отвлекали, а совмещались со служением Богу*

Без дела как быть? Будет грешная праздность. И работать что-нибудь надо, и кое-какие по дому хлопоты исполнять. Это долг ваш. И внешних отношений пресечь нельзя. Надо держать их, и держать достойно. Это долг общежития человеческого. Но все такого рода дела и занятия можно и должно справлять так, чтобы они не отбивали мысли о Боге (9, с. 178–179).

Есть у нас поверье, и чуть ли не всеобщее, что коль скоро займешься чем-либо по дому или вне его, то уже выступаешь из области дел

Божеских и Богу угодных. Оттого когда породится желание жить богоугодно или зайдет речь о том, то обыкновенно с этим сопрягают мысль, что уж коли так, то беги из общества, беги из дома — в пустыню, в лес. Между тем и то, и другое не так. Дела житейские и общественные, от которых зависит стояние домов и обществ, суть Богом определенные дела, и исполнение их не есть отбегание в область небогоугодную, а есть хождение в делах Божеских.

Имея такое неправое поверье, все так уж и делают, что при житейском и общественном и заботы никакой не имеют о том, чтобы думать о Боге. Вижу, что это поверье и вами владеет. Извольте же отбросить его и убеждение возыметь, что все, что вы делаете по дому и вне, по делам общежития, как дочь, как сестра, как московка теперь, есть Божеское и Богу угодное. Ибо на все, сюда относящееся, есть особые заповеди. Заповедей же исполнение как будет негодно Богу? Своим поверьем вы точно делаете их негодными Богу, потому что исполняете их не с тем расположением, с каким хочет Бог, чтобы они были исполняемы. Божеские дела не по-Божьему у вас творятся. Они и пропадают даром, и еще от Бога ум отбивают.

Исправьте же это и отселе начинайте все такие дела делать с сознанием, что так делать — заповедь есть, и делайте их, яко заповедь Божию исполняюще. Когда вы так настроитесь, то ни одно дело житейское не отдалит вашей мысли от Бога, а, напротив, приблизит к Нему. Все мы рабы Божии. Каждому Он

назначил свое место и дело и смотрит, как кто исполняет его. Он везде есть. И за вами Он смотрит. Содержите сие в мысли и всякое дело делайте, как бы оно было поручено вам прямо от Бога, каково бы это дело ни было.

Так делайте дела по дому. А когда кто совне приходит или сами выходите вовне, держите в мысли в первом случае, что Бог вам послал то лицо и смотрит, по-Божьему ли вы его примете и к нему отнесетесь, а во втором — что Бог поручил вам дело вне дома и смотрит, так ли вы сделаете его, как Он хочет, чтоб вы его сделали.

Если настроитесь так, то ни домашнее, ни внемомовое — ничто не будет отвлекать ума вашего от Бога, а, напротив, будет держать при Нем, с соображением, как бы сделать дело, приятное Богу. Все будете делать со страхом Божиим, а сей страх будет поддерживать неотступное внимание к Богу (9, с. 179–180).

А то, какие дела, по семье и вне оной, угодны Богу, — это извольте уяснить хорошенько, взявши в руководство книжки, в которых излагаются должные здесь дела. Хорошенько уясните для того, чтобы в нынешних житейских и общественных порядках отделить от досто-должного все то, что внесено сюда суетностью, страстями, человекоугодием и мироугодием (9, с. 180).

Что всякое дело, сознанное досто-должным, надо делать со всем усердием, — это есть долг, огражденный страшным прещением: *проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением*. Но забота или многозаботли-

вость, точащая сердце и покоя ему не дающая, есть болезнь падшего, который взялся сам устроить свою судьбу и мечется во все стороны. Она разбивает мысли и даже на том деле, о котором хлопочет, не дает им сосредоточиться. Так вот, извольте вникнуть, и если найдете, что и вас одолевает иногда эта *забота*, потрудитесь прогнать ее и не давать ей хода. Усердие к делам имейте и, делая их со всем тщанием, успеха ожидайте от Бога, Ему посвящая и самое дело, как бы оно мало ни было, — а заботу подавляйте.

Сделайте так — и ваши занятия и дела житейские не будут вас отвлекать от Бога (9, с. 181).

9. Как обращать дела житейские и вещи на духовную пользу

Вы не помянули еще об одном, могущем отвлекать и действительно отвлекающем ум от Бога. Это то, что всякая вещь внешняя, действующая на чувства, обращает на себя внимание наше и покушается оторвать его от Бога. Но есть и здесь некоторый прием, при коем вещи видимые не отвлекать, а привлекать будут к Богу. Как же это? *Надобно вам все вещи, какие бывают у вас на глазах, перетолковать в духовном смысле*, и это перетолкование так набить в ум, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глаз видел вещь чувственную, а ум созерцал истину духовную. Например, видите вы пятна на белом платье и чувствуете, как неприятно и жалко это встретить. Перетолкуйте это на то, как жалко и неприятно должно быть Господу, Ангелам и святым видеть пятна греховные на

душе нашей, убеленной созданием по образу Божию, возрождением в купели Крещения или омытием в слезах Покаяния. Слышите вы, что малые дети, оставшись одни, поднимают беготню, шум и гам. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шум и гам в душе нашей, когда отходят от нее внимание к Богу со страхом Божиим. Обоняете вы запах розы или другой какой — и вам приятно, но, попав на течение дурного запаха, вы отвращаетесь и зажимаете нос. Перетолкуйте это так: всякая душа издает свой запах*: добрая — хороший, страстная — дурной. Ангелы Божии и святые, а нередко и земные праведники обоняют сей запах и о хорошем радуются, о дурном же скорбят. Это я говорю вам только для примера, а всякая вещь разные может порождать духовные мысли, у одного — одни, у другого — другие. Как найдете более для себя пригожим, так и перетолкуйте все, вас окружающее и могущее встретиться кроме того. Начинайте с дома и перетолкуйте все в нем: самый дом, стены, кровлю, фундамент, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочие вещи. Перейдите к жильцам и перетолкуйте родителей, детей, братьев и сестер, родных, слуг, приезжих и пр. Перетолкуйте и обычное течение жизни — вставание, здорованье, обед, работы, отлучки, возвращения, чаепитие, угощения, пение, день, ночь, сон и пр., и пр. В пособие себе возьмите опять же святителя Тихона. У него целых

* Апостол говорит: Мы благоухание Христово (2 Кор. 2, 15) (9, с. 185).

четыре книги таких перетолкований написано под именем: *Сокровище духовное, от мира собираемое*. Возьмите и почитайте. Почитавши и видя, как он это делает, навькнете и сами собою делать то же. А то и прямо усвойте себе его перетолкования (9, с. 184–186).

Если, может быть, прочтение тех книг покажется вам слишком долгим делом, то у него есть и сокращенное всего перетолкование под заглавием: *Случай и духовное от того рассуждение* (Т. 2). Тут он перетолковал 176 случаев, всякий коротко. И вам небольшого будет стоить труда пересмотреть их со вниманием, между тем они обнимают все, что вам понадобится перетолковать. Впрочем, как знаете, только непременно сделайте так, как вам предлагается.

Когда это сделаете, то всякая вещь будет для вас что книга святая или что статья в книге. Тогда и всякая вещь будет приводить вас к мысли о Боге, как и всякое занятие и дело. И будете вы ходить среди чувственного мира как в области духовной. Все вам будет говорить о Боге и поддерживать ваше внимание к Нему. Если всякий раз вы будете прилагать к сему напоминанию страх Божий и благоговейство пред Его величием, то каких вам еще нужно учителей и вразумителей?!

Но, конечно, нужны труд и напряжение, как умовое, так и сердечное. И не жалейте себя. Пожалеете себя — сгубите себя. Не пожалеете — спасете. Отбросьте вы то неправое действие, какое часто нападает, и едва ли не на всех, — что

на всякое дело мы не жалеем труда, а на дело спасения жалеем его. Думается нам, что тут стоит только подумать и захотеть — и все готово. А на деле не так бывает. Дело спасения — первое дело. Стало быть, и труднейшее. По важности дела и труд.

Трудитесь же, Господа ради! Вот-вот и плод увидите. А не станете трудиться — останетесь ни при чем и будете никуда негожая. Избави вас, Господи, от сего (9, с. 186–187)!

10. Как совмещать дела житейские со служением Богу

Праздники прошли. Теперь за дела. Житейским — за житейские, а отказавшимся от житейского — за небесные. Вы с Черничкою полужитейские и полумирские. Как по середине сей идти?! Друг миру — враг Богу. Стало, середины нет. А между тем без дел житейских и мирских жить нельзя. Как же быть? Надо одной стороны касаться только видимо без сердца. Какую сторону для сего избрать? Конечно, житейскую и мирскую. И она тогда по духу перестанет быть такою (8, с. 131–132).

11. Делая телом обычные дела, духом всегда надо быть с Господом

Житейские помыслы трудитесь улаживать. Ищите такого настроения, чтоб телом делать обычные дела, а духом всегда быть с Господом. Милостивый Господь дает беспечение, по которому все делается в свое время, но ничто не озабочивает и не томит. Ищите, просите — и дастся (8, с. 217).

12. О благоустройстве дел и хлопот житейских, неразрительных для духовной жизни

И то хорошо, что вы немножко смирить себя по внешнему быту решаетесь. Благопотребное дело! Приложите к сему так с сего времени повести дела свои, чтобы оставалось у вас время для молитвы и назидательного чтения. Самое лучшее время — утренние и вечерние часы... Если захотите, можете сие устроить. Положите также хлопотать о делах внешне, без внутренней хлопотливости и бурления мыслей и чувств. Когда так устроитесь, хлопоты ваши будут вас созидать, а не разорять (5, с. 81).

ДОБРЫЕ МЫСЛИ

1. Добрые мысли нужно записывать

Еще пусть лежит пред глазами развернутое Евангелие и Апостол. Прочитайте стишок — и старайтесь всякое слово обратить в предмет рассуждения. Если Бог подаст мысль... запишите ее. Пусть лист лежит на столе... И другие добрые мысли записывайте (1, с. 35).

Записи благотворны, но запоминания лучше... а делание соответственное еще лучше. А свои мысли добрые разве не приходят?... У всех приходят... Они Ангелом Хранителем внушаются, и их надобно записывать... Знаете ли вы сказание о некоем старце... что у него все стены келии были исписаны. Когда спросили его: что это? — он ответил: это мысли, какие Ангел Божий внушает

мне... В Елецком монастыре (Орл. губ.) не так давно подвизалась инокиня Магдалина... которая на бумажках небольших записывала приходящие мысли и приклеивала на местах видных по стенам... А вы тетрадку заведите и вписывайте, как вздумается. А рукоделие у вас идет, оно большая охрана от праздности (3, с. 237).

2. Добро, встречаемое в жизни, делать не только внешне, но и внутренне, чтобы мысли и чувства были благоудобны

Покаяние, конечно, у вас в действии. Что еще нужно? Уклоняться от грехов и делать всякое добро, встречаемое по течению жизни вашей, не телом только, а и душою и сердцем, не внешне только, но и внутренно, т.е. чтобы и мысли, и чувства всегда были богоудобны. Что еще, кроме доброй жизни?! Пророк говорит: *взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу**. Этим выражалась непрестанная память о Боге с непрестанною ревностью всем благоужодать Ему. Это же есть молитвенный строй — внутри (1, с. 137).

3. О записывании добрых мыслей при чтении Евангелия

Чтение Евангелия есть лучшее чтение. Да подаст вам Господь и благие помышления при каждом чтении... Вот о. Иоанн Кронштадтский записывал эти помышления и теперь издал... вышли две порядочные книги... И я однажды записывал...

* Тебя искало лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу (Пс. 26, 8).

Пришлось посоветовать одной уединеннице, чтобы записывала добрые мысли. Но когда отослал письмо, и думалось: ведь она не знает, что может разуметь под сим... дай для примера напишу несколько... и написал... Эти мысли напечатаны в книге: *Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни*, в самом конце — последнее письмо. Всех мыслей 162. Теперь они отпечатаны афонцами особо. Пришлю вам эту брошюрку. Пришлю также *Напоминание инокиням об иночестве*. Теперь дороги нет. Подождите немного (3, с. 93–94).

4. О выписках и записывании добрых мыслей

Вы делаете выписки — хорошо. Пришло мне на мысль спросить вас: приходят ли вам какие мысли при чтении или молитве, мысли добрые о порядках духовной жизни? Если приходят, заведите книжку или тетрадку и записывайте их тогда же, как приходят, не сочиняя, а выражая только то, что пришло. Кто-то из подвижников, забыл кто, никогда не пропускал их, а всегда записывал на стене угольком. Записывайте же. После иногда пробежать будете и тем освежать воспоминания добрые. Я разумею такие мысли, кои сами собою рождаются и внимание занимают и сердце шевелят, — мысли добрые, назидательные (4, с. 218).

5. Записывание добрых мыслей

Есть люди, кои мысли, выбиваемые словом Божиим из сердца, как искры выбиваются огнем из кремня, записывают на память в той ве-

ре, что это суть наставления, предлагаемые Ангелом Хранителем. И действительно, это так. В час нужный такие мысли будут насущным хлебом для души. И тот, кто не опускает их, делает то же, что тот, кто берегает денежку про черный день. У одного старца были исписаны все стены такими мыслями.

В монастыре святого Саввы близ Иерусалима есть много рукописных сборников отеческих изречений. Все они, можно сказать, такого происхождения (11, с. 789).

ДОБРОДЕЛАНИЕ. ДОБРОДЕТЕЛИ ХРИСТИАНСКИЕ

1. Заповеди — норма; практика — предлагающие случаи

Заповеди — норма; практика — предлагающие случаи: лучше не придумывать дел, а делать, какие представляются. Представляется одно сделать, а другого не сделать. То и другое редко обходится без борьбы с тем, что восстает внутри и что встречается вовне. Большая ошибка препоны или противления деланию считать невозможностью. *Не могу* не должно исходить из уст ревнителя. Ведение дел — великая премудрость дар Божий. О сем молиться надо (1, с. 206).

2. Без смирения и любви нет жизни духовной. Смирение приобретается делами смирения, любовь — делами любви

«Смирения и любви нет». Пока их не будет — и ничего духовного не

будет. Духовное зарождается и растет вместе с их зарождением и возрастанием. Они то же для души, что стеснение плоти для тела... Смирение приобретает делами смирения, любовь — делами любви. Извольте так делать (2, с. 183).

3. *Любовь и закон*

Любовь всем законам и добродетелям, не только евангельским, но и человеческим, гражданским, есть основа; следовательно, всякое действие, согласное с законом, согласно и с любовью, и всякая оценка действия, сообразная с законом или правосудная, сообразна и с любовью. Но любовь выше и шире закона. Есть действия любви, не определяемые законом положительным, а они немало не противозаконны; но действия, определяемые законом и не исполняемые лицом подзаконным, суть незаконны и любви противны, хотя бы они клонились к благу кого-либо. Особенно это имеет значение в смысле юридическом. Если судья оправдывает виновного против закона или наградит недостойного награды, то хотя и доброе, по-видимому, окажет дело виновному и недостойному, но больше сделает зла, чем добра, нарушив любовь к общему благу, власти и правилам.

Хвалится, скажете, *милость на суде...* Так, похвально поступлю я, если сумею оказать милость без нарушения правды суда; иначе милость мою стоит бить батогами. *Милость* должна *сретаться с истиною*. Словом, и основанием, и побуждением, и целью правосудия должна быть любовь. Не лучше ли всего ре-

шает этот спорный вопрос Крест Христов? Какая бесконечно великая там любовь, а вместе — какое бесконечно великое правосудие (2, с. 197–198; 5, с. 230–231)!

4. *Общие нравственные уроки*

Навыкайте ходить в присутствии Божиим, т.е. непрестанно памятовать о Боге Вездесущем и Всевидящем, и так держать себя в мыслях, чувствах и делах, как следует это пред очами Божиими. И это одно имейте занятие, пока сознание ваше не сольется с мыслью о Боге.

Если в этом успеете, тогда не потребуются для вас никакие сторонние наставления. Придет страх Божий и все начнет устраивать (3, с. 8).

5. *Рассуждение должно идти впереди чувства и хотения*

В книжке «Невидимая брань» есть особенная глава о том, что нехорошо впускать вперед чувство и хотение... а надо, чтобы впереди шло рассуждение (3, с. 232).

Всякие случаи, из ряду выходящие, сильно раздражают чувства и поднимают бурю помыслов; к сему принадлежат и новости... Ведь это незаметно?! Так, как только заметите, отодвиньте или сдвиньте с сердца все мятущее и потом рассуждением определите, стоит ли и в какой мере стоит толковать об этом, а затем так поступите, не поглажая языкоболлю. Говорить об этом иной раз заставляет тщеславие — высказать свое премудрое о случае суждение. Тут лучше совсем не говорить (3, с. 232).

6. Всякое дело Богу надо посвящать в самом зародыше

Вам Бог дал доброхотное сердце, которое бывает и у вас есть источник деятельной жизни по заповедям относительно ближних. Извольте законом иметь всякое дело Богу посвящать в самом его зародыше, к Богу обращать его во время производства его и у Бога просить сил на совершение его; потом, кончивши, и благодарение Ему же воздать за то... каюсь, если что проторглось покривившее дело или представляющее его пред очами Божиими в чем-либо недостаточным. Действуя так, вы, наконец, сим трудовым путем достигнете того, чего достигают от всего отрешающиеся пустынноики. А если не будете, то останетесь на одной степени с иудеями, не теперешними, а древними, кои жили по предписанной им норме (4, с. 4).

7. Цена пред Богом добрых дел зависит от внутренних изменений

Говорят вам, что вы до конца жизни должны служить ближнему. Против этого вы в свое оправдание говорите: послужила, довольно с меня, пусть другой кто вместо меня послужит. Неужели вы в самом деле хотите уволить себя от добродетели?! Но без него как же спасаться?! Я все не понимал и теперь не понимаю, как и от чего бежите вы, когда идете путем спасительным?! Находясь в таком положении, вам предлежит только так вести дела свои, чтоб они свободны были от всего, что отнимает у них цену пред Богом.

А это вы можете сделать, не двигаясь с места, потому что это сос-

тоит во внутренних изменениях (4, с. 14).

8. Благоугодное делание возгревает и разжигает дух жизни

Говорите: «Нет времени почитать, чтоб возгреть дух...» Если на выкнете делать дела свои как должно, то самое делание их будет возгревать и разжигать дух. Читать же для возгревания духа много не надо. Надо только прочитанное доводить до чувства. Как только этого достигнете — и парение духа тотчас начнется. Даже вот что можно: как проснетесь, проходите мысленно все таинства веры нашей от творения мира до последнего Суда и вечной участи всех, по Символу веры со вниманием; от какого-либо Таинства всегда упадет искорка в сердце. Остановитесь на сем... И разогревайте себя тем весь день... Особенно во время молитвы позаботьтесь раздуть сию искорку (4, с. 17).

9. Как любовь покрывает грехи

Любовь покрывает множество грехов (1 Пет. 4, 8). Эти слова стоят у апостола как побуждение к любви; потому покрытие грехов надо разуметь не того, кого любят, а того, кто любит. За любовь к другим Бог прощает грехи любящего. Равно в Иак. 5, 20: *обративший грешника... спасет душу... и покроет множество грехов...* — блага сии относятся к обратившему, а не к обращенному (6, с. 29).

10. Как узнавать и исполнять волю Божию

Как волю Божию узнавать? Многое в жизни определяется прямыми

заповедями. В таком случае нечего раздумывать, а прямо делать. Когда же бывает, что хотя заповедь Божия ясна, а приложение ее не ясно, тогда не избежать вопроса: как быть? Иногда это решается бывшими опытами своими, иногда — опытами других, иногда — спросом у живущих добре, иногда — наведениями и умозаключениями от известного из слова Божия, иногда — молитвою, по действию коей Бог полагает на сердце, как поступить. Последнее было бы надежнее всего. Но не всегда наше внутреннее таково, чтобы в нем ясно слышалось сердцем внушение Божие. У отцов есть правило: помолись до трех раз — и куда склонится сердце, так и делай. Узнавши волю Божию, надо помолиться о помощи к совершению ее (6, с. 59–60).

11. О блюдении сердца

Блюдите сердце. Господь ревнив и больше, нежели какой жених, не терпит, чтобы душа, давшая Ему слово принадлежать Ему, прилеплялась к чему-либо. Сердце *чисто* требуется, свободное от всего, связующего его в обычной жизни. За сердцем и мысли пойдут чистые или совсем будут стоять неподвижно на едином Господе. А далее и все намерения и предначинания будут чисты... И будет сердце райское. Ибо в рай вступят только чистые сердца (6, с. 73).

Любовь к Богу сродна естеству нашему. Полагаю, что она не совсем угасает даже в грешниках, действует в них, призывая их к покаянию, пока они не ожесточатся и не отча-

ются. Но собственно любовь зачинается с той минуты, когда вследствие покаяния зарождается решимость работать Господу не щадя живота своего. Начинающиеся вслед за тем труды богоугождения развивают ее все сильнее и сильнее, пока она не обратится в пламень и не обымет всего естества его. В этих степенях любви столько оттенков, что и перечислить их невозможно. Иной любит Бога, потому что имеет от Него много добра; иной любит Бога ради того, что чает от Него какого-либо добра; иной любит Бога ради того, что чает от Него всякого добра; иной любит Бога, потому что Он — Бог. Делом обнаруживается любовь так, что иной делает только частью для Бога, оставляя часть и для себя; другой все делает для Бога; а иной и себя, и все свое приносит в жертву Богу безусловно. Любить Бога как Бога с полным самопожертвованием, без всяких видов есть чистая любовь. Лествичник говорит о себе, что хотя бы и в ад послал его Бог, он и там так же неизменно будет любить Его всею душою. Очевидно, что чистая любовь есть венец совершенства в богоугождении и является в силе только в конце трудов, на сем пути подъемлемых. Вначале, при первых проявлениях Царствия Божиего в нас, ее и требовать нельзя: она может быть в цели, но не на деле; она воцаряется тогда, когда уже Бог поглощает все наше (10, с. 45–47).

12. Благоуспешность в делах подается всегдашней памятью о Боге

Господь всюду есть и все видит, что кто для Него собственно делает.

Он же всегда готов и с помощью ко всякому, кто прибегает к Нему за нею. Таким образом, если положить в сердце внимать всегда Господу, присущему вам и в вас, и все направлять на угождение Ему Единому, а затем со всяким недоумением, со всякою духовною нуждою к Нему обращаться с верою и полною Ему преданностию, то будьте уверены: все дела ваши, и внутренние, и внешние, пойдут самым благоуспешным образом. Великое дело сознать, что без Него ничего не можем; а еще более велико — с верою к Нему только прибегать, ожидая несомненно помощи (8, с. 3).

ДУХ И ДУША

1. О вкусе духовном и душевно-телесном

Не надо допускать вкушать сласти душевно-телесные. У нас два вкуса: один духовный, другой душевно-телесный. Они прогоняют друг друга. Когда есть вкушение духовного, все прочее — трава; а когда придется вкусить душевно-телесного, тогда умалется вкус к духовному. Из сего сами видите, что подобает делать, чтобы сохранить вкушение духовных благ (6, с. 49).

2. Связь души с телом и разъединение их смертью

Что же мудреного видите вы в словах Лествичника? Душа не от тела имеет бытие, а получает его вместе с телом и для того, чтобы жить с телом. А смерть придет разлучить их. И дивно, как душа будет жить

без тела, привыкши с телом жить. Разлучение души с телом есть наказание, и оно должно быть чувствительно (8, с. 5).

3. Душа и дух (по поводу возводимого обвинения в неправославии)

Если б я говорил, что у нас внутри душа, да и только, и потом прибавил, что она одинакового происхождения с душою животных, то следовало бы смутиться. А я говорю, что у нас внутри душа составляет низшую сторону тамошней внутренней жизни, а высшую составляет дух, иже от Бога, богоподобная, равноангельская сила, которая и составляет характеристическую черту человека. Следовательно, тут нечем смущаться, опасаясь низвесть человека в ряд животных. Обычно мы говорим: душа-душа. А по существу дела следовало бы говорить «душа-дух» или «дух-душа». Принимая слово «душа» яко *дух-душа*... я никак не скажу, что она одного происхождения с душою животных, ибо дух от Бога; а принимая ее отдельно от духа, говорю так (1, с. 97–98).

Когда Бог творил человека, то образовал прежде тело из персти. Это тело что было? Глиняная тетерька или живое тело? — Оно было живое тело, было животное в образе человека, с душою животною. Потом Бог вдунул в него дух Свой — и из животного стал человек — Ангел в образе человека. Как тогда было, так и теперь происходят люди. Души отраждаются от родителей или влагаются путем естественного рождения, а дух вдыхается Богом, Который везде есть (1, с. 98).

Св. отцы различают дух, душу и тело: Антоний Великий, Исаак Сирианин, Ефрем Сирианин и другие. Они не говорят, какого свойства суть души наши. Но, сопоставляя то, что пишет св. Антоний о родах живых тварей, навожу, что, по его разуму, душа наша одной природы с душою животных (1, с. 98–99).

4. Душа животного и человека; от- ношение духа к душе

Душа — существо духовное — не есть проявление другой какой силы, как радуга, а есть самостоятельная, особная личность, свободно-разумная, нормальное состояние которой есть жизнь в общении с Богом, почтившим ее в сотворении образом Своим (1, с. 160).

5. Естество души и Ангела не веще- ственно

Спор о душе. Вся книга моя направлена к доказанию, что естество души и Ангела не может быть вещественно. Но иное дело естество, иное — образ бытия. Кто не хочет принимать душу без оболочки, тот пусть допускает сию оболочку, но мимо естества души, которое должно быть духовно. Допустив оболочку — тонкую, эфирную, получит форму и останется доволен (2, с. 4).

6. Дух человека. Душа мира и жи- вотных

О мире я так думаю. Основа мира вещественного — атомы. Но атомы не все одинаковы: они разные, как разные стихии. Сами, однако ж, они ни движения, ни соединения взаимного иметь не имеют. Все произво-

дят действующие в них силы. Какие это силы? Я допускаю лестницу невещественных сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация, растения, животные производятся соответствующими невещественными силами, которые идут, возвышаясь постепенно. Субстракт всех сих сил — душа мира. Бог, создав сию душу невещественную, вложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится, выделяет их, по мановению и возбуждению Божию (2, с. 107–108).

Душа создана вместе со словом: *да будет свет!* Свет сей — эфир — есть оболочка души. Словами *да будет* творилось нечто новое... Во второй день — твердь. Когда Бог говорил: *да изведет земля...* то Ему внимала душа мира и исполняла повеленное. Она выделяла из себя всякого рода растительные души, которые и дали разнообразные растения и потом стали воспроизводить их по роду своему.

Тоже по слову Божию: *да изведет земля душу живу всякую*, — душа выделила души животных, которые и произвели разные роды животных. Когда надлежало сотворить человека, то не земле дается повеление: *да изведет*, а в тайне Пресвятой Троицы произносится: *«Сотворим...»* Тело особо творится из персти. Это было не мертвое тело, а живое с душою животного. В сию душу вдунут *дух* — Божий дух, предназначенный Бога знать, Бога чтить, Бога искать и вкушать и в Нем все свое довольство иметь и ни в чем, кроме Его. Сей дух, соединяясь с душою животного,

поднял ее над душою животных на целую стадию, и видим в человеке, что до известной степени у него все идет как у животных... до смысленности, а далее начинается ряд сил хоть душевного свойства, но выше души... рассудок, воля, вкус. Еще далее — страх Божий, совесть, недовольство тварным, стремление к Богу. Это совсем отрешенные от души проявления духовные. Можно еще между душою и духом поместить душевно-духовность: идеальничающий ум, перестраивающая все заново воля и творчество (в искусствах). Это гениальность с умовой, практической и художественной стороны.

Дух в душе или душа в духе. Это все естественные проявления. Они очень не в настоящем виде являются на опыте по причине расстройства сил в падении. Благодатные действия являют дух и духовность в настоящем их виде.

Души, низшие духа и человека, погружаются в душу мира. А душа человека не может туда погрузиться, но духом увлекается горé — это по смерти (2, с. 108–109).

Так вот где вашей химии источник. В некоей химической душе. В этой душе есть инстинктивно чуждый образ того, что надо сделать из стихий. Она их забирает и строит свое. В растении есть и химическая душа. Но она в услужении у души растительной. В животном есть они обе, но состоят в услужении у души животной. Или так: душа животных, умея действовать как животное, умеет и то производить, что свойственно душе растительной и химической. Равно растительная

душа, умея делать свое, умеет делать и химическое. Тут единство природы. Помнится мне, что у Шуберта в *Geschichte der Seele* — «История души» — подробно раскрываются сии положения. С этим удобно мирится и падение, и искупление (2, с. 109).

Правду вы говорите, что мы о материальном мире менее знаем, нежели о духовном. И не дает Бог и не даст, потому что это не нужно для нас. Мы всегда останемся в сем отношении на поверхности... Владение стихиями и силами, действующими на земле, будет расширяться; но это не ведение, а только умение пользоваться тем, что открывается само собою.

Суть дела навсегда сокрыта для нас (2, с. 109–110).

7. Сердце человека доступно лишь Господу

Сердцем распоряжаться никто не властен. Оно живет особою жизнью. Само по себе радуется, само по себе печалится. И тут с ним ничего не поделаешь. Только Владыка всяческих, все содержащий в деснице Своей, властен входить в него и влагать в него чувства, не соображаясь с натуральными течениями его изменений. Господь да умудрит вас во всем (2, с. 205).

8. Тело душевное и тело духовное

Спрашиваете, что разуметь у апостола под телом душевным и телом духовным? Прочитайте это место все и увидите, что разуметь должно. Это 1 Кор. 15, 40–45. Св. Павел рассуждает там о воскресении и о различной славе тел воскресших, а не о

душе. Сеется, говорит, *тело душевное*, не душа сеется, то есть полагается в землю, а тело; *восстает тело духовное*, не душа восстает, ибо она не умирает, а тело. Итак, здесь должно разуть под телом наше тело. На земле оно душевно, а по воскресении будет духовно. Почему оно так названо, толкуют разно. Святой Златоуст говорит, что оно на земле душевно, потому что оживляется только душою. А по воскресении будет духовно, потому что будет жилищем не одной души, но души, исполненной Духа. И на земле, говорит он, душа имеет Духа, но Он не всегда присущ ей, потому что отгоняется иногда нечистыми мыслями, чувствами и делами, а там Он преисполнит ее всю. Потом прибавляет св. Златоуст: а может быть, духовным оно названо по воскресении потому, что будет легче, тоньше, подвижнее (4, с. 238–239).

9. О жизни душевной, плотской и духовной

Вы когда-то писали, что прочитываете книжку «*Что есть духовная жизнь...*» Там изображено, что у нас три яруса жизни: духовная жизнь, душевная и плотская... Последние две эгоистичны. Первая требует самоотвержения и в начале, и в продолжении, и в каждом деле. Отчего душевная и плотская жизнь идет без особых жертв? — Оттого, что потребности их, их желания и предметы удовлетворения наглядны, осязательны... Привыкши к этой осязательности, мы становимся неподвижными к предметам отрешенным. К ним душа холодна, и тем па-

че — плоть... а к своим предметам они жарки, горят вожделением.

Однако же процедура желания одинакова и в духе, как и у них... Душа знает, что доставит ей тот или другой предмет, и тянется к нему, желая вкусить от него сласти... Перенесите это к духовному. Надо узреть и, хоть предположительно, увериться, что от того или другого духовного предмета или дела будет такое и такое благо, утешение, услаждение. Если благо сие было уже испытано хоть однажды, то тут уверенность будет не предположительная, а действительная, на опыте основанная. У вас, я полагаю, эта последняя есть. Извольте теперь становиться на это твердою ногою всякий раз, как одолевает лень, а это то же, что душевного и плотского хотите, а духовного — нет, и понапрягитесь немного восставить ощущение испытанного уже блага от духовного дела, от которого теперь отвлекает лень. Как только это успеете сделать, душа уступит, ибо она бессильна стоять против духа. Если вы припомните духовные ощущения, то не можете не сознать, что эти ощущения, как небо от земли, стоят выше душевно-телесных. По этому превосходству, уже испытанному, и слабый след духовного ощущения отталкивает всякое душевное и силен увлечь к себе сознание и произволение наше (6, с. 41–42).

Вы так изображаете, что у вас низшая сторона берет верх над высшею будто по какой-то необходимости...

Если берет, вы виноваты... оттого, что не делаете что должно или

ничего не делаете, чтобы она не взяла верх, а оставляете тещи вашим расположениям, как текут без управления (помните басню Крылова: Васька слушает и ест), и еще паче того, оставаясь своими произволениями на их стороне (6, с. 42–43).

Вот и возьмите в закон, как только нападет леность на духовное, восставлять ощущение блага от него и переходить на его сторону произволением, решительным, безжалостным к себе, в том убеждении, что иначе в Царствие и не попадешь. Требуется маленькая борьба, но к ней всякий способен (6, с. 43).

ДУХОВЕНСТВО

1. Добрые и худые вести о духовных наставниках

Сколько утешительно слышать, что пишете о преосв. Александре, столько или еще паче скорбно то, что заметили вы о наставниках духовных. Что будешь делать?! Всюду та же история. — Восстани! Вскую спиши, Господи! Но Господь видит — и кто положит меру Его долготерпению и кто прозрит планы Его мироправления, непостижимые (2, с. 6)?!

Наше дело — действовать по мере сил на созидание ближних, особенно заботясь себя держать и в добром исповедании, и в добрых правилах жизни. Общество, кажется, никогда не было свято в целом объеме. Из 12 ближайших — один предатель, другой пал отречением, прочие разбежались. Да и мы ли делаем дело Божие? Не Бог ли делает его

Сам в нас и чрез нас? Да предлагаем Ему себя или предаем в орудие, если Ему угодно что творить чрез нас (2, с. 6).

ДУХОВНИК

1. О праве иерея исповедовать послушников

Что вы исповедали послушников, в этом нет ничего грешного. В грамоте иереям по посвящении их означается, что ему дается власть исповедовать и разрешать кающихся, как все другое церковное совершать. Сия власть и вам дана в самом посвящении. Но употребление ее в монастыре подлжит монастырским уставам. В нашем монастыре кто у кого хочет исповедуется, хотя духовник есть определенный. Не лучше ли потихоньку спросить настоятеля (5, с. 181–182)?

2. Наставление о старчестве

Вы загадываете бросить *старчество*. О.Н. хорошо сказал вам — не отсылать никого от себя. Хорошо, что приходят и каются. И не отсылайте никого, хоть бы 70 раз седмицею кто приходил и каялся все в том же грехе. Всех принимайте радушно, отечески, как отец в притче. Не хмурьтесь, не принимайте строгой речи, жалеите и сокрушайтесь вместе с ними. Не укоряйте и не осуждайте, а считайте их больными и насилуемыми от врага. Воодушевляйте их на борьбу обещанием помилования и избавления от страсти, если строго станут держать себя и употреблять средства, какие вы

предлагаете. Против страсти похотной — пост и молитва и неотступная память Божия со страхом, что стрела правды Божией может поразить при самом деле греховном, и под. Хорош труд телесный до утомления... Но главное — твердая решимость противостоять греховным позывам.

Пословица есть: взялся за гуж — не говори, что не дюж — и несите сию братнюю тяготу, не пятесь назад (5, с. 186–187).

3. Об откровении помыслов, чтении книг и принятии ищущих старческого совета

Открывать помыслы, как вы знаете по опыту, весьма благотворно. Читать книги тоже хорошо; и это может при случае подать вразумление. Но там пишутся общие указания, а на частные случаи лучше искать прояснение у живого знатока дела... Пристращаться к чтению дурно. Это не ведет к добру и восстанавливает некую стену между сердцем и Богом. Развивается при сем любопытство и совопросничество пагубное.

Когда приходят к вам, нельзя же выгонять их палкою вон. Не за худом и не с худом приходят. Отказать им в слове, когда знаете, что сказать, так же худо, как не подать милостыню, когда есть из чего (5, с. 192).

4. С рукоположением дается право и возлагается обязанность отпустить грехи приходящих с покаянием

Рукоположенному во священника... самым рукоположением дается право и возлагается обязанность и

грехи отпускать всякому, приходящему с покаянием. Почему, если сие право и сия обязанность не ограничены особым предписанием рукополагавшего, самое сие отсутствие ограничительных предписаний оставляет право исповедать неприкосновенным в той силе, в какой оно должно быть по рукоположению. Так вам нечего смущаться, что случилось исповедовать приходящих. Будете грешить, если откажете кому (1, с. 22).

5. Всякий иеромонах может всех исповедовать

Всякий иеромонах всех исповедует. Ведь это не ныне началось, и не у вас только, а повсюду. Если б это было противозаконно, неужели не поднят бы был вопрос об этом где-либо (1, с. 22)?

6. Не надо менять духовника

Не переменяйте духовника... Хоть бы он лежал на смертном одре и был в памяти... и тогда можно исповедоваться и исповедание сие ни на йоту не теряет силы своей. Когда сам он не отказывается, зачем отходить от него? Поговорить? Да уж, чай, все десять раз переговорили... Теперь уж как вам, так и ему довольно по одному слову сказать. Так вы знаете друг друга. Когда же окажется нужда поговорить, тогда он не откажется сказать должное, хоть с роздыхом (1, с. 47).

7. Необходимость духовника для правильной духовной жизни

Все, что вы делаете, сами вы для себя придумали или наложил то

отец ваш духовный? — Пункт этот по виду малозначителен, по делу же очень значителен. Если сами, то у вас своя воля и, живя по сим порядкам, вы *себе угождаете*. Чрез это от дел ваших, вероятно, отдается не совсем приятный запах, ощутимый Ангелом вашим и святыми. Я не утверждаю, но это очень вероятно... и пишу о сем только для того, чтобы вы лучше вникли в себя и с помощью отца своего духовного определили себя точнее (1, с. 140).

8. Руководитель — столб на дороге, а дорогу надо проходить всякому самому

«Без руководителя нельзя», — написали вы. Руководитель — столб на дороге, а дорогу проходить надо всякому самому — и тоже смотреть и под ноги, и по сторонам. Старец Паисий Величковский... всю жизнь искал руководителя и не нашел. Но жил вдвоем-троем — и взаимным советом руководились (1, с. 222).

9. Не все дело в совете. Бог зачинает жизнь и руководит в ней

То правда, что без совета трудно, но и не все дело в совете. Бог зачинает жизнь, Бог и руководит в ней. К Нему надо потому прибегнуть и прибегать всегда и от Него ждать решения. Уже как Он решит и как решение Его дойдет до сердца, этого не разберешь, но то несомненно, что всякое дело, Ему угодное, от Него возбуждается и Им приводится в совершение. *Без Мене не можете творити ничесоже**, — говорит Господь

* ...без Меня не можете делать ничего.

(Ин. 15, 5). И так это и бывает. И никто из угождающих Ему сам собою угодного Ему не творит. Отношения наши к Богу все знаменуются молитвою. Все дело, стало быть, в молитве. На нее и налегайте (2, с. 84).

10. Должно держаться одного духовного советника

Вы напрасно писали ко мне. Следовало спросить у своего духовника, разумеется — о. Иоанна. Обращаться за советами то туда, то сюда не одобрительно. Всем советник, Богом определенный, — духовник, которым обычно бывает приходской священник (3, с. 3).

11. Ответ о выборе духовника

Духовника как я могу указать, не зная никого? Сами выберите. Если не решаетесь, то поступите, как апостолы при выборе апостола вместо испавшего Иуды: или жребием, или со знающими сих иереев потолкуйте (3, с. 5–6).

12. Настоящих руководителей ко спасению трудно найти; основное руководство ко спасению — слово Божие

Настоящего руководителя, как вы определяете его, не найдете... Старец Божий Паисий, полвека назад, искал всю жизнь руководителя... и не нашел... а порешил дело так: «Ищи руководство в слове Божием и в учениях св. отцов, особенно подвижников, в случае же недоумений спрашивай живых ревнителей о спасении»... или согласитесь вдвоем-троем — и общим советом решайте все свои вопросы... У Пре-

мудрого написано, что страх Божий учит всему доброму.

Испросите себе у Господа такого наставника. Слово Божие и отеческое будет просвещать вас, а совесть возьмет опеку на себя возбуждать к деятельности и поддерживать. Имейте под руками всегда и Слово Божие, и другие отеческие писания (3, с. 153).

13. Духовника лучше не перемениать

Духовник скорее может быть руководителем. И его лучше не перемениать (3, с. 157–158).

Старец-руководитель нужен для берущихся за великую внутреннюю жизнь. А обычная наша жизнь может обойтись советом одного духовника и даже еще кого-либо из внимательных братьев. Надо молиться Богу, идя к духовнику с вопросом, и просить Бога, чтобы вложил нужную мысль духовнику. Кто с верою это желает — получит желаемое (3, с. 182).

14. Совет о том, как поступить, когда духовник отказывается руководить

Ваш духовник отказывается руководить вас. Это добросовестно с его стороны. Уважьте его желание и взыщите руководителя... Но как он не желает, чтоб вы совсем от него отделились, то и с ним говорите о духовном, чему он всегда рад, как вы говорите... Духовные дела ведите по указаниям руководителя, а Исповедь и Причащение у него имейте (4, с. 148).

15. Когда нет духовного отца, надо руководствоваться святоотеческими книгами

В прежнем письме, на которое я не успел ответить, вы жалуетесь, что отца духовного не найдете никак. Что же делать? Оставайтесь одни с книгами и идите своим путем со страхом, осмотрительностью и смирением. Если что встретите недоуменное, спрашивайте. Я буду отвечать, как сумею, а не сумею — так и скажу. Ныне не найти настоящего руководителя, а говорителей много, писателей — еще больше, хоть те и другие не всегда попадают в такт. Из числа последних я не последний (4, с. 151).

16. Книги могут заменить руководителя, если присоединить к ним вопрошание старцев и братьев

Книги не окончательный учитель, но все же учитель. И они могут заменять руководителя, если присоединить к ним вопрошание старцев или братьев... Или если согласиться вдвоем или втроем. Двое или трое — единомысленные — сходятся и спрашивают друг друга и решают вместе, в чем бывает недоумение; и вам можно согласиться с какою сходною с вами женщиною и совещаться по руководству книг, живя хотя не вместе, а розно, в разных местах (4, с. 152).

17. Ответ на вопрос о перемене духовника. Духовник и советник

Первый вопрос — можно ли переменить духовника? Кабинетно отвечаю: кто же вяжет? Дело это — дело совести; пред кем раскрывается

душа, к тому и иди всяк. Видите, какое скорое и гладкое решение! А на деле, может быть, встретятся препятствия, тоже совестные, и немалые. Не перепрыгнешь, как ни разбегайся. Духовник многолетний брошен. Ведь этого не утаишь?! А заметивши, он почувствует, что его бьют по ланитам. Чья совесть потерпит это? Стало быть, и о перемене нечего помышлять.

Спрашивается: как же быть? Другой слаще говорит, и душа к нему льнет. Вот этого-то я и не умею решить. Разве вот как? Отделить духовника от советника. Тот, кто лучше говорит, пусть будет советник; а духовник — духовником. Сами извольте это дело порешить (4, с. 247).

ДУХОВНЫЙ ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

1. Смирение

Что же это вы меня спрашиваете? Я человек очень недалекий в духовном различении вещей и могу очень легко назвать черное белым и белое черным. Потому не смотрите на то, что напишу, как на доброе решение (1, с. 5).

2. Пишу вам по-книжному. У вас столько опытов! Из них выбирайте, что найдете пригожим

Что касается до правила, то относительно сего этак думаю: какое ни избери кто себе правило, всякое хорошо — коль скоро держит душу в благоговении пред Богом. Еще: читать молитвы и псалмы до расшеве-

ления души, а там самому молиться, излагая свои нужды, или без всего. «Боже, милостив буди...» Еще: иногда все время, назначенное для правила, можно провести в чтении одного псалма на память, составляя из всякого стиха свою молитву. Еще — иногда можно все правило провести в молитве Иисусовой с поклонами... А то из того, другого и третьего понемногу взять. Богу сердце нужно (см. Притч. 23, 26), и коль скоро оно благоговейно пред Ним стоит, то и довольно (1, с. 8–9).

Непрестанная молитва в сем и состоит, чтобы всегда благоговейно стоять пред Богом. А при этом правило есть только подтопка или подкинутые дров в печь (1, с. 9).

3. Когда зароят в могилу... тогда приходи кто хочет... и поклончик положи

Г. Ш...вым напишите, что это им сказал кто-то неправду (будто владыка принимает к себе)... Когда зароят в могилу... тогда приходи кто хочет... и поклончик положи. Похоронят не в церкви (1, с. 37).

4. Пересылка книг и просьба принять их как гостей с Выши

Вы что-то хотели сказать о себе и раздумали. Спешу уверить вас, что с моей стороны никакой помехи тому нет. Говорите все... Посылаю вам еще книжек и прошу принять их как гостей с Выши (1, с. 45).

5. Пожелание насладиться чтением и не иметь на душе ни одного обличка печали

Посылаю вам второй том Добротолубия. Все, в чем имеет нужду

всякий возревновавший и возжелавший исправить свое сердце, найдет здесь в разнообразных писаниях отеческих. Желаю вам насладиться чтением — читать и не дремать. Желаю, чтоб у вас на душе не было ни маленького облачка печального (1, с. 48).

6. Пожелание, чтоб «Евангельская История» охотно читалась и посева-ла семена в сердцах

Посылаю вам книгу, «Евангельскую Историю», сопровождая ее желанием, чтоб она охотно читалась и посевала спасительные семена в сердцах ваших (1, с. 48).

7. Невидимая брань ведет к тому, чтоб всегда в мире глубоко пребывать с Богом и людьми

Брань духовная... Брань, ведущая к тому, чтоб всегда в мире глубоко пребывать — и с Богом, и с людьми, и в себе самих мирствовать (1, с. 48–49).

8. Уверение в постоянном памятовании пред Богом

Но если вы подумали или подумаете, что я забыл вас, то это будет грешно. Всякий день поминаю вас, прося вам всякого благоденствия (1, с. 61).

9. Благодарение за поздравление с именинами

Благодарю вас за поздравление меня с именинами и ваши благожелания. Ваше поздравление мне было очень приятно, потому что видимо шло от доброго сердца. Спаси вас, Господи, за такое утешение (1, с. 64).

10. Желание святителя помогать словом

Я охотно готов отвечать и помогать вам словом, сколько разума достанет (1, с. 110).

Не умею понять, чего ради я отсрочил вам поступление в монастырь, ибо и я так же думаю, как и вы, что монастырь — лучшее место для содевания спасения, кто с разумом поступит в монастырь и разумно жить будет в нем (1, с. 110).

11. Молитва о детях

Молитва же моя всегда есть о детях. Я их любил и люблю как родных (1, с. 131).

12. Смиранный отзыв святителя Феофана о своем затворе

Далекий слух, пока добрался до вас, так обезобразился, что в нем и тени нет истины. Я, точно, не выхожу и к себе никого не принимаю. Но это творится не для другого чего, как чтобы меньше было помех для книжных занятий. Так выходит, что я книжник и больше ничего. Если припомните, что в Евангелии обычно стоит подле этого слова, которое язык мой не поворачивается произносить, ради того, что оно очень близко к делу, то с двумя сими терминами будете стоять у истины относительно меня. А вы, чай, уж и в святцы записали (1, с. 132).

13. В книгах святителя имеется все нужное для спасения

Просите дать вам молитвенное правило... Старайтесь всегда так держать свое внутреннее, чтобы оно всегда обращено было к Богу и всегда

пред лицом Его стояло и как бы от лица Его действовало, чтобы это делалось телом, вовне, в обычном ходе дел житейских (1, с. 137–138).

Вы читаете мои книжки... Там все подробно объяснено. Обсуждайте и к себе прилагайте (1, с. 138).

Прочитали «Путь ко спасению»? Добре... И еще прочитайте когда-нибудь. Тут все, что мною писалось, пишется и будет писаться. Это мои уроки студентам С.-Петербургской Академии. Конспект пересмотрен с о. архимандритом Игнатием Брянчаниновым и им одобрен (1, с. 222).

14. Смиренный отказ от духовного руководства и предложение помочь советом

Вашим руководителем и наставником и пастырем перестаньте меня называть. Ни для кого не берусь быть таким лицом; а когда спрашивает кто, сказываю, что представляется мне подходящим (1, с. 222).

Никому руководителем быть не берусь. А так поговорить о духовных вещах в виде совещаний — отчего не поговорить! Руководитель у вас есть — ваш духовный отец. Его Бог вам дал, к нему и обращайтесь и его во всем слушайтесь. Ради вашего ему послушания Бог по вере вашей будет внушать ему, что для вас наиболее пригодно. И я не отказываюсь сказать вам слово другое, но мое слово не то, что его. Его слово — заповедь, а мое — совет (1, с. 139).

15. Отзыв об эпистолярном творении

Главная [книга свт. Феофана. — *Изд.*] — «Путь ко спасению». Тут

представлена история всякого спасающегося христианина, от начала зарождения хр[истианской] жизни до конца. Извольте и ее прочитать со вниманием, чтоб увидеть, где вы стоите, что сделано и что осталось сделать и куда направляться. Не дивно, что по прочтении ее иные из порядков вашей жизни надо усилить, а иные поослабить, те — изменить. Другая подходящая к сей книга есть «*Что есть духовная жизнь*». И тут картина жизни спасающегося изображена полно. «*Письма к разным лицам*» только до 30 таковы, а потом пошли все к одной особе, образованной, энергичной, мудрой и верующей от всего сердца. Может быть, вы схожи с нею в характерах, и оттого письма к ней и к вам подходят (1, с. 139–140).

16. Мне очень утешительно знать, что ты счастлив

Худо, когда кто в семье своей не находит себе счастья. Если находишь, благодари Господа. Но постарайся, чтоб и всегда так было. Искусство одно: всякий день начинать так, как бы он был первый после свадьбы (1, с. 170).

17. Присылаемые книги я раздаю, кому считаю нужным

Ваш замысел сделать что-то по случаю посылки книг непригоден. Книг своих я не издаю и не продаю, а издатели присылают мне издаваемых книг некое количество для раздачи. Я и раздаю кому считаю нужным. Если будете исполнять, что признаете подходящим вам, и потом

положите поклон о многогрешном писателе — вот и все, что можно вам сделать (1, с. 222).

18. Отзыв об епископе Феофане Митрофана Корякина

Чсть имею уведомить редакцию, что на этих днях пришлю копии с последних писем почившего святителя... Все копии списываю собственноручно, делая сие по чувству благоговения и глубокого уважения к памяти почившего святителя, который с кончиною своею унес с собою в могилу все, что было самого драгоценного в моей жизни: наставника, руководителя, печальника и молитвенника, вся забота которого при жизни состояла в том, чтобы вырывать из когтей велиара погибающие души и вместе с Ангелами радоваться о каждом кающемся грешнике. Хотя трудно примириться с тою мыслию, что святитель покинул нас навеки, но утешение имеем в том сознании, что как здесь, на земле, он любил своих ближних, так же точно и там, в горних обителях, предстоя Престолу Всевышнего, возносит свои горячие молитвы за всех скорбящих, убогих и несчастных (1, с. 243–244).

19. Леность так обуяла, что испрaвиться уже не могу

Леность так обуяла, что испрaвиться уже не могу. А ведь эта сударыня одна не бывает. Она — запевальщица... и с нею хор (2, с. 10).

20. Я работаю, и очень много... [После Посланий] надо будет взять-

ся за Евангелия... Того, что нужно о Евангелиях, — и на том свете не кончить

Я работаю, и очень много. Спешу кончить толкование Посланий святого апостола Павла. Идет шестое — 1 Кор. Помолитесь, чтоб Господь помог это окончить. Это если кончу, Соборные Послания надо протолковать. А если те Бог поможет протолковать, надо будет взяться за Евангелия — и широкою рукою писать... Того, что нужно о Евангелиях, — и на том свете не кончить (2, с. 11).

21. Писать — это служба Церкви...

Писать — это служба Церкви или нет?! Если служба — подручная, а между тем Церкви нужная, то на что же искать или желать другой (2, с. 11)?

22. Желание писать так, чтоб всех призвать на путь спасения

Сколько раз приходится жалеть, что не умею так писать, чтобы всех затрагивать. Когда бы умел, составил бы такую книгу, что всякий читающий непременно решил бы начать содевать свое спасение. У нас большой недостаток в такого рода книгах. Нет у нас ни изложения догматов краткого, но полного и впечатлительного, ни нравственной жизни изображения, чтоб все было видно как на ладони (2, с. 18).

23. Укорение себя в лености

Благодарствую, что, несмотря на мою крайнюю леность, вы не оставляете меня вашим добрым расположением и памятью (2, с. 23).

24. Из затвора святитель Феофан неумоимо разливал благодатный свет истины. Отзыв о святителе Феофане (Тамбовские Епархиальные ведомости, 1895, № 32)

Из своего тихого затвора на Выше этот смиренный пастырь-старец неумоимо разливал благодатный свет истины Христовой, и сколько душ, жаждущих этого света, этой благодатной истины, напоены его словом, воистину благодатным (2, с. 41)!

25. Поминать святителя Феофана, который всю жизнь свою служил Всевышнему, спасительно. Отзыв о святителе Феофане тамбовской паствы

Есть за что поминать сего святителя, спасительно молиться за того, кто во всю свою праведную жизнь сердце свое вдавал утренневати ко Господу, пред Вышним умно молился, отверзая уста свои в молитвах, молениях и воздыханиях неизглаголанных, мирно воздевал преподобныя свои руце, принося Господу ежедневно бескровную Жертву о своих грехах и за всех ближних, коим всем желал и искал спасения.

Восхвалят разум вдававшего душу свою святителя Феофана в разумление о законе Вышняго («Начертание христианского нравоучения»), исследывающего сокровенный смысл Слова Божия (Толк. Пс. 33 и 118 апост. Посланий, мысли на каждый день по чтениям Слова Божия), изложившего премудрыя сказания древних святых мужей (Добротолюбие, 5 томов) и т.п. Не изгладится память сего учителя премудрого ни

из чьей памяти, любящей поучаться в законе Божиим (2, с. 73–74).

26. Начало уединенной жизни святителя

Нынешний пост я положил не показываться людям и к себе никого не принимать. Две недели прошли хоть не без нападков, но те легки были. Как налетела N.N. — и не знал, что делать. Насилу устоял, на волоске было мое упорство. Все-таки устоял. Хорошо ли, худо ли — на своем-таки остался. Но если Бог благословит так хорошо протерпеть до Пасхи, то и навсегда так будет. Или по крайней мере от Пасхи до Пасхи (3, с. 41).

27. Тайны внутренней жизни святителя: искушения против решимости на уединение и разрешение их

И мне стала приходиться мысль побывать в Киеве и даже что? — на Афоне. Но, верно, все это искушение. Мне не след разъезжать... И даже, кажется, самый лучший порядок жизни для меня тот, который теперь держу. Почему начинаю уже проговариваться в молитвах... дай, Господи, подольше посидеть, что-бы высидеться. Хорошо ведь, только иногда приходят порывы полететь куда-нибудь. Но потом это проходит — и опять берет верх желанье быть одному (3, с. 43).

28. Желание протолковать весь Новый Завет

Помолитесь поусерднее, чтобы Господь прогнал леность и дал желание продолжать толкование сие. Когда бы весь Новый Завет протол-

ковать... вот было бы хорошо-то! Но не мне, ленивцу, это загадывать и надеяться исполнить. Кое-что корпаю (3, с. 43).

29. Смиранный отзыв святителя Феофана о своем затворе и о самом себе

Меня смех берет, когда скажет кто, что я в затворе. Это совсем не то. У меня та же жизнь, только выходов и приемов нет. Затвор же настоящий — не есть, не пить, не спать, ничего не делать, только молиться... Я же говорю с Евдокимом, хожу по балкону и вижу всех, веду переписку... Ем, пью и сплю вдоволь. У меня простое уединенье на время. Собираюсь хоть пост провести, как настоящие затворники, но немощная плоть на попятную от этого (3, с. 43–44).

30. Отзыв святителя Феофана о себе, своих трудах и разных предметах

Развеличали меня красавицы затворником, а тут и духом затворническим не пахнет (3, с. 45).

Я здоров. Благодаренье Господу. Но леность обуяла... особенно молиться не хочется. Поклон-другой — да поскорее на боковую. Верно, нас, книжников, только могила исправит по этой части. Исправить-то она, конечно, исправит, да не поздно ли будет?

Но моя душа ожестелая и ухом просто не ведет. Будто ни в чем не была. Святая! Ой, ой, ой (3, с. 45)!

31. Об истолковании 118 псалма

В «Домашней беседе» в этот год будут помещаться помыслы на 118 псалом.

Первые тетради широко идут, так что по одному стиху будет на каждый номер. Отослано на полгода. А что далее Бог даст — увидим (3, с. 46).

32. Тревога за Русь Православную. Извещение о своих трудах и образе жизни

Если бросит Господь Русь Православную, то тогда уже пойдет все на выворот. И мне нередко сдается: уж не бросил ли Он ее? Слишком уже пустились мы вперед. И удержу нет. Впрочем, отчаяваться нечего. По истории то видно, что бывали времена и тяжелее, а потом прояснялось небо. Господи, помилуй нас (3, с. 48)!

Я, слава Богу, здоров! И кое-как корпаю устав св. Василия Великого. Строгонек! Если б по нему заставить монахов жить, разбежались бы (3, с. 48).

О. Митрофана я принял, делая пробу, можно ли иногда кого принять. Вижу, что нельзя. Надо тянуть до конца (3, с. 48).

33. По поводу объявления Турецкой войны

Се и война! Надо молиться и каяться... Ведь есть за что нас и покарать... А если есть, то надо со страхом и трепетом приступить к делу. Станем ниневитянами! Но, если б это сказал кто в проповеди или напечатал в газетах, никто бы, думаю, и ухом не повел. Вот до чего мы дошли?! Как же это тамбовцы-то? Ведь мало пожертвовали? Разве после еще прибавят? Вот Москва-то махнула (3, с. 50)?!

34. О своем навыкновении писать проповеди

С самого приезда доселе еще ни одной службы не было без проповеди... и слушают... Владыке вашему когда за проповедьми, когда всякий день служба?.. Да это свалишься. Укрепи его, Господи! Не думаю, что не может говорить (3, с. 54–55).

У нас вся беда от сборов писать. Помните, сначала я мало говорил... именно от того, что думалось: проповедь писать... — то же, что книгу сочинить. Так мы все думаем. Преосвящ. Серафим тогда и говорит мне: «Да что долго думать?.. Сел да и написал за один присест». Я никак не верил, чтобы можно было так. Потом как-то самому стало досадно, что не говорю проповедей... Пришел от всенощной и — ну писать, что напишется... Кажется, это была проповедь о любви к Богу. За обеднею с робостью начал говорить... Ничего... сошла с рук. Потом и в другой раз, то же и в третий, и пошло так. И все проповеди, что «Слова к тамбовской пастве», исключая 3–4, такого происхождения. Вечером после всенощной писаны... Это я затем рассказываю, что пока не придет Преосвященный к мысли писать за один присест — не ждите проповедей. Столкните его на эту колею. Увидите, как пойдет. Проповедничество всякое удовольствие доставляет (3, с. 55).

35. Труды по переводу писаний преподобного Антония Великого о монашестве (в переводе святителя Игнатия Брянчанинова)

Сижу теперь и перевожу писания св. Антония Великого, родоначаль-

ника монахов, чтобы потом сделать заключение, как он смотрел на монашество.

Ныне все расплзлись в понятиях. Монахи — свое, миряне — свое. Что-то нам скажет св. Антоний?! Я начал это еще с приезда на Вышу, да бросил, а теперь опять вздумалось.

Трудноват язык. Докончу ли? А много: 20 слов, 20 посланий, сколько наставлений!.. Целая книга!

У преосв. Игнатия в недавно изданной им книге собрания изречений... много взято из этих писаний. Жаль только, что он не в порядке их выбрал... а смешанно: то о том, то о другом (3, с. 60).

36. Жалобы святителя на леность

Что в церкви не бываете, не беспокойтесь. Для Бога всякая молитва от сердца равноценна, где бы она ни возносилась. Тут разницу делает только одна привычка. И к бесцерковной молитве можно привыкнуть. Меньше читайте по молитвенникам. Больше молитесь так, от себя... и с одним «Господи, помилуй» можно обойтись... Переведите службы на поклоны и посредством их удовлетворяйтесь. Так делали все пустычники и уединенники. И это лучше гораздо, чем читать. Совсем не читать — не обойдешься. Но кое-что на память, без книжки. Благослови, Господи (3, с. 61)!

Благодарствую за поклон преосв. Иосифа. Да помолится обо мне. Леность совсем меня обуяла. Что бы я мог наделать, если бы не она, трюкаянная. Теперь немного легче стала, как сказал о ней владыке Пла-

тону. Верно, он помолился. О, когда бы мне избавиться от нее (3, с. 61)?!

37. Мысли о сборнике из святых отцов

Из таких статей, как св. Максима, надо бы сборник составить и иметь всегда под руками. Это был бы локомотив духовный. Некогда! Вот уж управлюсь с посланиями. Тогда возьмусь именно сборник составлять из всех святых отцов. А вы молитесь, чтобы дожить до того (3, с. 62).

38. Духовник — носитель власти Господа Иисуса Христа

Священник при исповеди не есть представитель всех верных, а носитель (не представитель) власти Господа Иисуса Христа, разрешителя грехов наших. Власть взять и решить вручил Господь священству, которое и носит ее в том же полном значении, как она есть в Господе. Потому-то священник и говорит: «аз недостойный, *властию Его, мне данную*, прощаю и разрешаю (10, с. 105).

В Церкви же все заповеди от Господа; члены Церкви, не участвуя в законодательстве, не имеют и судной власти; не имея же ее, не могут иметь притязания и на представительство ее от своего лица. Не того ищет кающийся, чтобы другие христиане его простили и извинили, а того, чтобы Господь простил и не помянул более беззаконий его. Это и делает разрешение священника силою и властью Господа; оно изглаж-

дает грех отовсюду, где бы он ни означился (10, с. 105).

39. О необходимости руководителя в духовной жизни

У всех отцов, писавших руководства к духовной жизни, первым пунктом в правилах для вступающего во внутреннюю жизнь ставится: иметь духовного отца-руководителя и его слушаться. Приведу здесь одну-другую из их речей. Слова Симона Нового Богослова и Никифора Монаха об этом были уже приведены, а вот что говорит Григорий Синаит: «Без учителя самому успеть в умном делании невозможно. Что делаешь сам по себе, а не по совету предшествовавших, то рождает опасное самомнение. Если Сын Божий ничего не творил Сам о Себе, но как научил Его Отец, так творил, и Дух Святой не о Себе глаголал, то кто это такой между нами до толикой достиг высоты совершенства, что уже не требует никого иного, кто бы руководил его? Гордость это, а не добродетель! Такой уже в прелести состоит, то есть вступил на ложный путь уклонения к заблуждениям». А вот слова Каллиста Патриарха: «Прежде всего постыжись найти себе наставника и учителя не прелестного и, нашедши его, вполне отдайся ему, как отцу родному сын отцелюбивый, ходя по повелениям его неуклонно и на него смотря как на Самого Христа. Кто хочет жить сам, то есть самоугодно, без наставника, тот, по слову Лестничника, легко уклоняется в заблуждение и погибает, хотя бы он всю премудрость мира сего исчерпал. Не с

советом ходящие ходят будто в сонном мечтании; они много сеют, но пожинают очень мало и вместо пше-ницы — увы! — собирают плевелы» (10, с. 237–238).

И в деятельной жизни редко кто обойдется без преткновения, оставаясь с одним своим благоразумием. Но тут, по крайней мере, вред не так велик: одно дело, не так сделанное, если надобно, и переделать легко или в другой раз сделать его как следует. В умном же делании уклонение от правого пути дает свое направление всему внутреннему, которое не вдруг можно переменить. Одни из таких, как мы видели, запутываются в сетях воображения, другие останавливаются на умоголовном делании, или, по Симеону Новому Богослову, на первой и второй степени внимания и молитвы или умного делания. И когда они закрепнут в этом строе, то самый опытный и самый усердный наставник едва сможет, если только сможет еще, выбить их или выманить из этих тущоб, в какие они сами себя заключают, находя их крайне восхитительными (10, с. 238–239).

40. Усиленные труды по истолкованию Посланий

Посланий еще года на два станет самой усидчивой работы. Тем сборником слаще бы для меня заняться, но толкования нужнее. Наш старец преосв. Платон велел все бросить для толкований, и я бросил... и благоверную (леность) прогнал — и носа не жажет. Работа идет усиленная очень (3, с. 62).

41. Воспоминание о кончине своих родителей

Я не умею горевать об отходящих, когда уверен, что они отходят ко Господу. Как горевать о них, когда они радуются? Если они видят нас (а точно, видят), то как им неприятно видеть наши слезы! Сказать бы, что плачем о себе, что их теряем, и это неладно. Ибо они не перестают быть близкими к нам и добро делать нам, только невидимо вместо видимого. Они еще ближе становятся к нам. Ибо видимое бытие разделяется пространством, а невидимое сокращает разделение... так что вспомни о владыке (только сердечно — живую памятью), он тут и есть... Понимая так дело, я никогда не плачу и не горюю об умерших... Это со времени смерти батюшки и матушки. Они умерли чрез две недели друг от друга... Когда узнал об этом... какое налегло тяжелое и мрачное облако!.. Но в тот же момент пришли мысли немрачные и всю тьму разогнали... Утешился — и ни слезинки... Я верую, что это внушил Ангел Хранитель. С тех пор я делюсь этою верою со всеми (3, с. 66–67).

42. Результат Турецкой кампании

Ну, вот и войне конец! Турки рады или нос повесили? Пообщипали их порядком. Я думаю, что Конференция не будет перечить ничему... ибо сил нет. Крепко уж мы налегли на турку... не стащишь... Англичане, как шавки, бегают кругом и вякают без толку. И сраму им, сраму!.. Тоже ширятся! Слава Тебе, Господи! Это последняя война с турками. Разве начнут обижать болгар? Но,

кажется, болгаре так будут поставлены, что дадут и сами отпор. У них сила великая (3, с. 69)!

Вы боитесь войны новой?! Да, что-то будто собирается. Впрочем, ничего определенного. Как враг хитер! Ведь все рады, что христиане получают свободу. Но зачем это сделала Россия? И ну орать на чем свет стоит. Но пусть орут. Сделать им ничего не придется. И войны, вероятно, не будет. А крики будем все еще слышать, может быть, долго. Будем молиться, чтобы Господь устроил все, как Его святой воле угодно (3, с. 70).

43. Отзыв на мнение о назначении святителя в Японию

А Вышенского хотят в Японию проводить. Он отвечает: ехать не хочу, а полететь — полечу. Кто-то сидит и придумывает крылья. Так вот как только он выдумает, так сейчас куплю крылья и полечу. А ехать не хочу — не хочу (3, с. 74).

44. Отзыв о молитве Ионы Киевского и Иоанна Кронштадтского

Н. воротились с лекарствами. Что-то им Бог даст! Но я отказываюсь от [лечения] Вревского. Он за глаза не лечит, а я не могу ему показаться на глаза. Вот и расходимся! Если о. Иона Киевский вымолит или о. Иоанн Кронштадтский, к которому я писал... то и добре. А если грехи мои не дадут прохода к Господу молитве их, то буди воля Божия (3, с. 80)!

45. Об окончании 2-го тома Добротолюбия

Ныне только кончил второй том Добротолюбия. Пошлю афонцам

для переписи и печатания. Протянется это, однако ж, с полгода, если не более (3, с. 79).

46. Об окончании «Евангельской Истории»

Составлял «Евангельскую Историю» словами св. евангелистов, придумывая и причины, почему такой, а не другой должно дать порядок евангельским событиям. Кончил все и теперь переписываю (3, с. 80).

47. Труды по изданию «Евангельской Истории» и «Невидимой брани» и просмотр письменных трудов игуменьи Смарагды

Евангельскую историю» только что просмотрел в печати и отсылаю заметки опечаток. Недели чрез три получу экземпляры и пришлю вам... и прочим тамбовским и преосв. Иосифу. Преосв. Леонтию поручено было Святейшим Синодом пересмотреть и представить мнение. Я ему очень благодарен.

Афонцы возложили на меня послушание переложить на русский язык «Невидимую брань». Перелагаю понемногу. Книга аскетического свойства. Печатается в «Душеполезном чтении».

На днях получил из Иерусалима от какой-то игуменьи Смарагды ее письменные труды — переводы Добротолюбия и толкование некоторых слов Исаака Сирианина. Просит пересмотреть и сказать, можно ли печатать. Переводов нельзя печатать потому, что они деланы не с греческого, а со славянского. А толкования св. Исаака, может быть, можно печатать. Не расчухал еще. Думается,

что следовало бы печатать по тому одному, что автор — игумения и речь у ней твердая, со знанием дела (3, с. 83)!

Читаете «Невидимую брань» в «Душеполезном чтении»? На днях кончил. К половине года кончится печатанием. Она слишком перетушевана... и подлинника не узнал бы сам старец Никодим. Хотелось все пояснее сказать (3, с. 83–84).

48. О совете игумена Ионы относительно больного глаза

К о. игумену Ионе писал и получил ответ... и действую по его совету и верю, что если Господу угодно помиловать меня, то глаз мой окрепнет (3, с. 85).

49. Писать есть отрада свяителя

Преосв. Иосиф дивится, как пишу. Да ведь это — моя отрада. Что бы мне было делать, если бы не это? Вот теперь, после окончания Добролюбия, никак не найду предмета по душе и нередко скучаю от безделья... Может быть, порядком отдохнувши, нападу на что-нибудь... и займусь тем усердно (3, с. 89).

50. Отзыв о стихотворении Л.А. Мея «Слепорожденный» и о переложении стихами Книги Иова Ф.Н. Глинкой

Стихи «Слепорожденный» прекрасны, но истины в них нет. Прочитайте Евангелие от Иоанна гл. 9 — исцеление слепорожденного, о вифсаидском слепце Евангелие от Марка гл. 8, от 22 ст. до 26, Нагорная беседа Спасителя — от Матфея гл. 5, 6, 7... Эти три события — разные —

у Мея сбиты в одно... Местность изображена не палестинская, а пустыни Аравийской, которая ниже Палестины... Вы верно судите о стихе — прекрасный!.. Мей, верно, прекрасный человек, что много религиозных предметов касается... Года два назад читал я стихи Глинки — Иов. Пришло мне на мысль послать их к вам... Почитайте... Мне они очень нравились, и не отрываясь читал я их с начала до конца. Кажется, в них душа говорит. И можно подчас ответить ими душу (3, с. 95).

51. Предложение об операции больного глаза

Глаз мой не лучшает, но, думаю, и не худшает... Если сие верно, то это приписать подобает не воде барона, а молитвам о. Иоанна и о. Ионы, ибо я их просил именно о том, чтобы помрачение глаза остановилось. Но барон чает совсем победить врага и прогнать. Дай-то, Господи (3, с. 107)!

Очень вам благодарен за извещение об операции, счастливой и безболезненной. N.N. писали уже об этом... и я ответил, что утешение такое ко мне нейдет. Потому что срезавают бельмо наружное, а у меня бельмо внутри глаза. Тут не срезавают, а разрезают глаз и выпишивают пораженный член — хрусталик. Тут какая должна быть боль?! Эта боль очень меня страшила. И я из-за нее больше упирал ногами пред операциею. Но как вы сказали, что найден способ сделать глаз нечувствительным, то страху теперь уже нет места и я готов на операцию. Но не этот один страх меня удерживал от операции, а больше то, что

доктор московский, рассматривавший мой правый глаз, сказал, что у меня такой катаракт, который не доступен операции. Если это так и есть, то нечего и думать об операции, хотя она будет не только безболезненна, но и сладка... Одно еще остается — доктор рассматривал мой глаз, когда он только начинал засариваться. Возможно, что или доктор не совсем рассмотрел и ошибся, или что катаракт, созревши, переродился и стал допускающим операцию.

Потому надо оба глаза подвергнуть докторскому осмотру снова. Если доктор найдет операцию возможною, то есть допустимою, то я ее приму (3, с. 108).

52. Смиранный отзыв сЯтителЯ о своей молитвы о ближних

И я молюсь, но молитва моя не будет сильна, ибо я не имею дара молитвы, какой бывает у иных мужей Божиих, многогрешен будучи и не достигши в меру истинного покаяния (3, с. 152).

53. Ответ о руководстве ко спасению

Вы, кажется, хотите, чтоб я вас взял руководить. Не берусь никого руководить, но, когда кто спрашивает о чем — и я разумею дело добре, всегда с охотою отвечаю, и это вам обещаю (3, с. 153).

54. Я не берусь руководить, только сказываю, что придет на ум в ответ на вопрос

Вы были у N.N.; бывайте и еще и слушайте уроки его. Он человек опытный, а я не видал жизни, пото-

му могу сказать вам что-либо неподходящее. По сей причине я не берусь руководить, только сказываю, что придет на ум в ответ на вопросы. Духовник скорее может быть руководителем. И его лучше не переменять (3, с. 157–158).

55. Отзыв о словах и трудах отца Иоанна Кронштадского и смиренный отзыв сЯтителЯ о себе

Приношу вам глубокую благодарность за ваши слова и поучения, многоназидательные, простые и глубокие, краткие и полные, всеодерживающие без излишеств и словоизвитий. Благослови, Господи, ваши пастырские труды по всей их широте. Вам дана благодать не учить только, но и творить. Помогите вам, Господи, успешно служить братьям о Христе всяким дарованием, какое прияли вы от Господа (3, с. 166–167).

Вы трудитесь. А мне пришла пора сложить орудия... Вы — пастырь добрый, а я архипастырь негодный. Я думаю, что еще не было такого дурного архиерея, как я. Вот за грехи мои и лишен теперь сил: ослабел и телом, и еще паче духом. Назади ничего стоящего не видится, впереди ничто стоящее не чается. Остается одно: Боже, милостив буди мне, грешному! Дай, Господи, чтоб хоть этот вопль выходил из сердца.

Вы на карточке своей написали, что есте ученик мой. Мне бы желалось знать, когда это было и где. Может быть, я припомнил бы по чем-нибудь вас. На деле, впрочем, достаточнее знать, как вы есть. Всякой успешности желаю вам в делах ваших.

Прошу молитв о моем всеокаянстве (3, с. 167).

56. Отказ на просьбу о духовном руководстве

Вы предлагаете мне взять вас под свое руководство. Не могу и не понимаю этого дела. Оттого никогда не берусь руководить. Прошу извинить мой отказ. Он делается в пользу вам; ибо, не зная дела, я мог бы завести вас незнамо куда. Желая вам найти себе старца, но указать вам никого не могу. Господь да умудрит вас в деле спасения (3, с. 167–168).

57. В книжках (моих) вы найдете все, что бы мог я сказать вам

С удовольствием исполняю ваше желание и шлю вам несколько книжек, двое четок, два образка свмч. Пантелеимона... Ватка на них — одна от гроба Господня, другая — от мощей святителя Тихона.

В книжках вы найдете все, что бы мог я сказать вам...» (3, с. 181).

58. Радость святителя о добром устройении пишущей

Да воздаст вам Господь небесным утешением за утешение, какое доставили вы мне письмом вашим, в коем извещаете, что внутренняя молитва с вами, что Ангел ваш Хранитель неотступно присущ вам и что напоминания вам свыше о непресекаемости хранения умной молитвы не прекращаются. Чего вам еще желать? Разве того одного, чтобы дал вам Бог силу и разум усердно исполнять все, что в содевании спасения требуется от вас самих, от ваших усилий и трудов над собою (3, с. 220).

59. Родители святителя

Желаете поминать родителей моих! Благодарствую! Родитель мой — иерей Василий, а матушка — Татьяна (3, с. 239).

60. О книге Иоанна Кронштадтского

О. Иоанн Кронштадтский издает краткие изречения свои о вещах Божиих и о жизни духовной под заглавием «*Моя жизнь во Христе*». Если встретите их, читайте (3, с. 241).

61. О своем непринимании

Вы хорошо сделали, что не потянулись в наш монастырь, ибо по нездоровью я никого не принимаю (3, с. 252).

62. Разбор и оценка присланного Слова о покаянии

Позвольте прежде всего поблагодарить за доверие к моей немощи, с каким препровождаете ко мне Слово о покаянии. Исполняю желание ваше с особенным удовольствием, как продолжение общения, коему да благословит Господь не прекращаться.

Слово о покаянии прочитано мною не раз. Оно назидательно, особенно к концу, и читаться может не без пользы. Писавший указал душу покаяния — сокрушение о грехах, к которому очень часто обращается в слове. Но я не нахожу, чтобы предмет был осмотрен и изложен обстоятельно. Что до опытных указаний — ожидайте их от оптинских старцев. Беру сторону знательную.

В производстве покаяния совсем не помянуто о твердой решимости

не оскорблять более Господа грехом своим; о делах, противных прежним склонностям, помянуто коротко и вскользь; точка опоры покаявшегося — неприязнь ко греху и обет работать Господу вседушно, при помощи благодати, без чего шага не может он сделать на новом пути, — не выяснена.

Вообще, если взять все в совокупности, окажется много неопределенности и неполноты в понятиях о деле покаяния и Исповеди, в частях и порядке ее.

Сверх того, есть немало оговорок, могущих смущать немощные совести. Оставляю косвенно относящееся к делу (как, например, с. 6, будто Адам пал в надежде на помилование. В сей надежде может грешить только тот, кто не раз грешил и получал прощение. У Адама были другие искусительные мысли... и подобные места). Останавливаюсь на главном предмете. С. 15. «Скорбь должна быть сверхъестественная». — Следовательно, ее предписывать нельзя. А на с. 16 говорится, что кто не имеет такой скорби и при исповеди, тот возвращается домой с грехами своими. Очень строго. Сверхъестественность в деле покаяния стоит у него не на своем месте. Благодать Божия совне возбуждает грешника к покаянию. Ощувши сие побуждение, не должно отлагать, а тотчас покаяться, перестать грешить и обратиться к Господу Богу. Благодать назирает все дело и идет вслед за склонением воли. По разрешении благодать входит в сердце и обитает в нем. Так бывает. Но предписывать того, что от благодати, нельзя.

«Чувство скорби глубокое» надежнее, но нельзя сказать, чтобы ничего не имел, кто не имеет ее: чувство во многих случаях не зависит от нас. Иной неглубоко скорбит, но тверже решает не грешить больше. Иной в перси (твердо) бьет — и тотчас снова падает в грех, а другой просто скажет: дурно сделал я... и уже не возвращается на прежнее. Существо покаяния в пременении на лучшее. Все прочее — обстановка, предшествующая и последующая.

На с. 19 опять: сокрушение — дар, а укоряется, кто не приобретает его... Тут же в образец ставится подвижник, ежегодно исповедовавшийся... Ну! подвижник!!! Подвижник непрестанно кается. На с. 19 и ход покаяния изображен неточно.

Покаяние точно не дает богатства познания, которое должно приобретать трудами, но омрачение греховное в покаянии рассеивается, иначе и покаянию быть нельзя. То и располагает покаянию, что действием благодати открывается ясновидение себя, Бога и своей участи.

Черты образа Божия восстанавливаются как в Крещении, так и в Покаянии. Наклонности не уничтожаются, но корень их подсекается. Человек сознанием и ревностью переходит на сторону добра. Почему худое остается в нем, но перестает быть его собственностью? Оно ноша его, смирительная и искупительная.

И от наказания покаяние освобождает. В разрешении рукописание грехов раздирается. Человек объявляется невинным. За что же взыскивать? Меры исправления, Промыслом

посылаемые, не суть собственно наказание.

Будто полное изглаждение склонностей предоставлено нам самим... Куда нам? Аще не Господь — всуе (2, с. 242–244).

63. Одобрение ищущей спасения

Как восхитителен ваш аттестат: «Я такая скверная, такая нетерпеливая, смею роптать... Ничего не делаю, чтоб быть близкою Господу. Хуже меня не было никого и не будет». Особенно последнее многоценно. Если где-нибудь на свете ставят 100 баллов, то и вам следует поставить эту отметку.

Такие приговоры были бы очень бедственны, если б не было прописано: «Как хотелось сделаться хоть на чуточку получше».

Се наше дело — стремиться вперед к лучшему, а назад ничего не видеть достойного одобрения. И извольте по сей норме усовершенствовать свою нравственность. Будет успех непременно (4, с. 5).

64. Лучший образ памятования святителя

За то, что вы хоть не писали, но все же не преставали вспоминать о мне, благодарствую. Но попусту что вспоминать? Прошу вас поминать меня в молитве и ни о чем не молить Господа для меня, как чтоб Он дал мне дух покаяния и Своих заповедей добрым делателем явил меня, из грешных — грешного (4, с. 11).

65. Смирение и душепопечительность святителя Феофана

Очень вам благодарен, что, не смотря на мое неотвечание, вы все

же пишете. Хоть я ничего дельного не могу вам сказать, но мне всегда желательно знать, как обстоят дела ваши (4, с. 20).

66. Отзыв о Санкт-Петербургском митрополите Исидоре

У вас первые слова о смерти владыки митрополита Исидора, ожидаемой — и вслед за тем совершившейся. Да упокоит Господь душу его! Он всю жизнь блюл сердце свое мирным и в мире глубоко почил. Блажен путь! Как он мудро настроил и мудро вел свое внутреннее! По сим началам он мог говорить о себе: живу не к тому аз, но живет во мне Христос. Аминь (4, с. 39).

67. Как святитель писал проповеди

Особенность моих проповедей — и этих, и всех других — та, что они не сочиняемы. Обычно, бывало, вечером, после всенощной, выпью стакан чая, прочитаю Евангелие завтрашнее, потом Апостол... и какая мысль впадет и займет внимание и сердце, ту беру в тему... и проповедь там внутри уж сама собой строится. Час, полтора, много — два... и проповедь готова... утром прочитаешь, немножко подладишь. Иногда тему дают внешние обстоятельства, как бывало при посещениях монастырей... но производство все то же. Это писанные экспромты; как они не из головы шли, то и представляют подслащенное нечто. Вот посмотрим, как-то вам покажутся другие подобные же брошюры. Их будет шесть-семь; две-три — в два раза больше этой (4, с. 50–51).

68. Пример кротости святителя

Я удивляюсь вашему геройству... Как вы, такая больная, а пишете так, как здоровая из здоровых. Стану вам подражать... а то я такой неженка... блоха укусит — поднимаю крик на весь свет (4, с. 53).

69. Просмотр «Пути ко спасению»

Только что перечитал «Путь ко спасению». Все перезабыл, что тут писано, и читал все как чужое. Перечитывал для нового издания. Все остается без перемены; только урок свт. Иоанна Златоустого о воспитании относится к концу книги, а в середине между первым и вторым отделением он перерывает внимание (4, с. 55).

70. О сочинениях святителя Игнатия Брянчанинова

Теперь обращусь к прочему содержанию письма вашего.

О. Иларион Оптинский правду сказал о сочинениях прп. Игнатия, и мать игуменя хорошо делает, что помнит то и передает другим. Но с грехом у прп. Игнатия суть только «Слово о смерти» и «Прибавления к сему слову», кои составляют предмет критического обсуждения их в моей книжке «Душа и Ангел — не тело, а дух». В прочих же статьях я не заметил ничего подобным образом погрешительного.

У него только образ сочинения нехорош. Не знаю почему, но ни одна у него статья по прочтении ее не дает ясного понятия о предмете ее. Грех большой делают наши предержавшие церковные власти, что оставляют распространяться мнениям не-

правым в печатных книгах, не предписывая вырвать их оттуда. Читатели их и учатся думать, что и души, и Ангелы по существу вещественны (4, с. 57–58).

71. Об отце Иоанне Кронштадтском

О. Иоанн быстротечный... удивляюсь, как он выносит столько хлопот. И труд спасительный, и воздаяние многое. Спаси его, Господи (4, с. 63)!

О исцелении о. Иоанном княжны Барятинской еще кто-то писал ко мне... Очень сему рад. Слава Богу!.. Ибо тут дело Божие... и дело о Церкви во славу ее (4, с. 65).

72. О «Душеполезном чтении» и кончине архимандрита Григория

Душеполезное чтение» я получаю, это единственный журнал, где статьи не отуманиваются мудрованиями.

О. архимандрит Григорий, инспектор Московской Академии, сгорел. Его назначили в Константинополь. Поехал, доехал до Москвы и скончался (4, с. 65).

73. Отческое болезнование о руководимой

Ведь вы уже не маленькая! Может, верно, определять, что для вас полезно в духовном отношении. А чего не дорешите, к мамаше обращайтесь! Она для вас игуменя. Послушанием ей навывайте послушанию будущей начальнице. В этом имеете большое преимущество пред другими (4, с. 85).

74. Мысли об издании иноческих уставов и труды по изданию Добротолюбия

Посылаю матери Н. устав св. Пахомия. Этот устав, может быть, напечатается. Если леность позволит, я пересмотрю его и попрошу афонцев отпечатать его. Теперь мне некогда. Вот кончу 5-й том Добротолюбия. Тогда, может быть, и за уставы возьмусь... У меня и Василия Великого устав в порядок или общий обзор приведен. И этот, может быть, отпечатаем. Все зависит от благоволения царицы моей, лености. Третьего тома Добротолюбия опечатки заметил и отослал давно уже... Теперь они, верно, уже отпечатаны. И скоро надо ждать появления книги. Я пришлю матери Н... Пусть не хлопочет... 4-й том переписан. Перечитываю 5-й и конечный — кончаю переводить. Но, может быть, до конца поста протянется (4, с. 104–105).

75. Отзыв о преподобном Симеоне Новом Богослове

Хорошо вы сделали, что взяли снова прочитать св. Симеона. Это самый отрезвительный отец. «Стало быть, книги читает у вас шкап книжный», а вы только иногда посматриваете на них снаружи. Нет, вы все перечитывайте их одну за другою... В книгах Добротолюбия сколько добра? Перечитывайте же их. Это всегда новые книги (4, с. 124).

76. Отзыв о сочинениях отца Иоанна Кронштадтского

Хорошо, что мысли о. Иоанна так вас озаряют. Я назвал их утренним

весенним ветерком благоуханным. Прочитайте их не раз, а несколько раз, чтобы все высосать оттуда (4, с. 135).

77. Я большой грешник... так читающие помолятся и умилоствят Бога

Мне очень приятно слышать, что книги мои какую-нибудь пользу доставляют. Я большой грешник, а молиться ленив и на другие подвиги не падаю... так читающие помолятся и умилоствят Бога (4, с. 148).

78. Отзыв о трудах отца Иоанна Кронштадтского

Вон вышли книги, «Моя жизнь во Христе» озаглавлены, о. Иоанна Кронштадтского... одного сорта с моими. Но в них есть многое лучше написанное, чем у меня. Потому не излишне, если встретите их и прочитаете (4, с. 155).

79. Отзыв о письмах Георгия Затворника

Письма Георгия Затворника назидательны (4, с. 185).

80. Отзыв о письмах Макария Оптинского

Пишете, что вы все читали письма оптинского старца Макария. Благословенны книжки его. Глубокий веет в них дух смирения и навеивает его на всякого читающего. Перечитывайте почаще. Не мешает выписки сделать, чтоб в случае нужды подогреть дух смирения — из всех духов самонужнейший (4, с. 211).

81. Смиранный отзыв святителя о себе как о кабинетном богослове

А вы вне ищите того, что следует обретать внутри. Да еще обратились к такому человеку, который никакой опытности не имеет. Вы посудили о мне по книгам. Книги писаны кабинетно, таково и содержание их. Так и жизнь моя вся проходила и проходит; какие тут опыты? Мне и не следовало бы, по сознанию полной неопытности, начинать с вами беседу. Но подумалось: что ж? от нечего делать хоть потаракаем. Се — смысл, с каким начинается беседа.

Господь заповедал: просящему у тебя дай. Прóсите — даю. Господь милостив и не сказал: давай золото, серебро, камни дорогие — а что есть... И возьмите что есть. Уж не погневайтесь, если вместо белого хлеба окажется заплесневелая корка решетного с мякиною хлеба. Некто виноват. Обращались бы к тем, которые побогаче. Я той веры, что Москва богата богатыми духом. Все сие пишется для сокращения ваших ожиданий, незаконно расширяемых вашею добротою. Вот вам и доказательство моей многоопытности. Обоих ваших вопросов я не умею решить определенительно (4, с. 246–247).

82. Забота святителя о своих родных

Про родных моих вы ничего мне не сказали. Верно, и не узнали ничего. Меня занимают особенно две красавицы: одна учительница во втором пригоровительном классе, а другая учится еще, кажется, в пятом классе... И та и другая — молодо и зеле-

но. Господь да умудрит их и сохранит (6, с. 147).

83. Известие о возведении в степень доктора богословия

Если вы никому не скажете, то скажу вам новость, что Святейший Синод возвел меня на степень доктора богословия. Указа еще нет или диплома, но дело решено. Писал преосв. Леонтий. Я этому очень рад, хоть ума от этого не прибудет. Однако ж до времени — не увестъ о сем и шуйца ваша (6, с. 213).

Докторство мое долго тянулось. Но я ничего про то не знал. Потому не выказывал ни соизволения, ни несоизволения. В половине января получил письмо от одного С.-Петербургского протоиерея, что дело о сем подошло к концу. Потом преосв. Леонтий писал, что подписал синодский протокол. А с прошедшею почтою получил отношение Академического совета, а диплом — после.

Докторству очень рад, а прежде все Академии Духовные избрали меня в свои почетные члены... и мне это было как бы стороннее дело (7, с. 214–215).

Благодарю вас за поздравление меня с докторством. Вы не ошиблись, полагая, что это будет для меня делом, достойным поздравления. Немножко пофанфаронил я, немножко попарил выше облак. А потом спустился опять в обычную свою смиренную колею. Но где же это застряло мое докторство (7, с. 252–253)?

Совет Академии известил меня о возведении меня на степень доктора богословия, но диплом еще не

получен. Это докторство меня очень радует (7, с. 253).

84. Отзыв о немецких толкователях Священных книг

Теперь я заготовил себе толковников кучу — самых крутоголовых — просто немцев. И начинаю налаживаться на толкование. Взял первое Послание Петрово. Я вам скажу секрет... Уж какой это труд!!! Проповедку, как блин, спечешь. А тут пучишь-пучишь глаза-то — насилу увидишь что-нибудь. Немчурки же все сумасшедшие. Уж как они толкуют — из рук вон. Этакие мудровальщики! Брался я однажды за Псалтирь. Немчурки все исковеркали... а упираются на еврейский текст. И надо, стало, взяться за еврейщину... Немножко пошло на лад... И будет, чтоб только разобрат, куда гнуте и куда надо. Дело за небольшим. Библии-то еврейской и нет. И не знаю, куда обратиться. Там, кажется, есть у вас в Питере агент Библейского общества и лавка. Если точно есть, то, верно, и еврейская есть Библия. Купите, пожалуйста, и пришлите. Деньги вышлю (7, с. 14).

85. О своих проповедях

Очень вам благодарен за проповеди доставленные. С прошедшею почтою получил. Как будто они хорошели. Верно, ваше усердие к напечатанию придало им лишней красоты. Думается даже, что теперь так и не напишешь... Хоть все они писаны вечером под службу или даже утром пред обеднею. Давно уж не говорю проповедей. Расслаб. Теперь чувствую себя крепче и как бы не

начал опять говорить. Присылайте поскорее по транспорту. Может быть, потребуются (7, с. 19).

86. Занятия святителя английским языком и литературой

Еще прошение. Вы мой профессор по английскому языку — тем, что доставили мне самоучителя... весьма основательного. Теперь будете профессором литературы английской. Крайнюю нужду чувствую в толковниках Писания и церковных историках английских. Чается, что они степеннее и богобоязненнее немцев и глубже французов... Помогите мне в приобретении такого рода писаний. Разведайте, какие есть хорошие толкования Писания и хорошие Церковные истории на английском и какой есть там лучше богословский журнал, и скажите мне. Я закажу Л. Исакову выписать. Узнать вам — у Ивана Терентиевича Осинина, академического наставника... или нет ли там английских попов. Кажется, там есть в Питере некто Г. Мичел — секретарь английского посольства... Теперь не консул ли он?! Сдается, будто было помянуто о сем в газетах. Он был у меня во Владимире, и из речей его видно было, что он не чужд богословских понятий. Может быть, он знает. Всяко ухитритесь разведать (7, с. 20–21).

87. Ответ на приглашение на Афон

За предложение пантелеимоновцев благодарствую. Но ведь туда надо направляться святым, а грешить-то и на Выше удобно. Так какая нужда переселяться (7, с. 49)?

88. Об архимандрите Лаврентии

О батюшке отце Лаврентии я меньше всех знаю. В Академии я бывал у него часто, но об обстоятельствах его почти никогда речи не было... Обычно же каким вы его видели, таков он всегда. Главное в нем — безгневие. Образ кротости. Я ни однажды не видал его рассерженным. Иногда он станет будто сердито говорить, но тон речи всегда изменял ему и показывал, что это он надувается рассерчать, да не умеет.

В семинарии я его уже не застал или был во словесности, по-тогдашнему, и до богословов вниманием своим не возносился. В Академии он жил очень уединенно, никуда почти не хаживал. Все дома и дома. Когда какой праздник по товариществу, он скажет... «приду, приду»... а на другой день извинится: совсем собрался было, да помешали... Фраков терпеть не мог... все бранил их... и срамную басню про них выдумал.

Был большой постник... и в лице будто полон, а тела совсем почти нет. Живота нет: ввалился. Когда наденет фрак — и вышел, как доска, подчегарый... Подрясник и ряса все скрасили... И стал полный. Первую и последнюю недели — однажды только обедал в среду на первой... А на Страстной — в среду и четверг. И вообще яствия был скудного, хоть у них стол был общий. Жениться все собирался... Чай, невесты две выбирал. Нет, не удалось... Покойный владыка Филарет воротится, бывало, из Питера и при встрече скажет: «Ну, Макаров, приехал тебя постригать...» Шутя! И застриг-таки. Мы

часто в Лавру хаживали... По воскресеньям и праздникам...

Профессоры все относились к нему с уважением... Он был муж совета и утешения (7, с. 95–96).

89. Совет о молитве: обращаться к творениям епископа Игнатия Брянчанинова

Об умной молитве... Хорошо бы писать, да сил недостает. Это надо мужу-молитвеннику сделать. Вот пресвященный Игнатий писал. Пусть удовольствуются этим... А оптинский Макарий в одном письме очень неблагоприятно отнесся... к тем, кои цепляются за это дело с вычурными приемами. Стань правду говорить — надо похулить сии приемы... Но тогда проклянут... и со света сживут. Лучше молчать (7, с. 96–97).

90. К истории книжки «Что есть духовная жизнь»

У меня вот что есть недавно сматеренное: Письма о том, что есть духовная жизнь и как на нее наладиться. Числом 80, на 19 с небольшим шестилистовых тетрадях. Много толковано, но еще не все. Предполагаются еще две таких пачки. Вопрос: как их печатать? Думал послать в «Душеполезное Чтение» — затянется одна эта часть года на полтора. Думал в «Домашнюю Беседу». И там тоже. Приходится особо печатать. Как же? Самим? Или афонцам предложить? Пишу к Арсению. Как он вздумает...

Знаете ли, отчего Арсений упираться стал?... Когда-то я писал — соблазнить афонцев — напечатать не помню что. Он и думает, что, когда

предлагают ему печатать, соблазняют его. И отчуждается.

Письма эти, мне думается, не без интереса... Писаны к юной красавице. Издание должно быть безымянно. Так мы сталкивались с красавицею. Из действительно писанных писем тут малая частица. Большая же часть вновь составлена. Следующая часть вся вновь составлена будет, но сия будет писана после 2-й ч. Добротолюбия (7, с. 107).

91. Отказ от предлагаемой службы в Японии

Владыка ваш пишет к Тамбовскому, что о. Николай Японский просит предложить Вышенскому, не согласится ли он потрудиться в Японии. Вышенский отписал Тамбовскому, что не хочет: поясница грызет. Слепому куда ехать? А потом отписал то же и Питерскому (7, с. 118).

92. Значение книги *Жития святого Варлаама и Иоасафа-царевича для познания христианской веры и жизни*

Еще в Иерусалиме, в обители св. Саввы, видел я большую рукописную книгу: «Жизнь Варлаама-старца и Иоасафа-царевича». И все собирался прочитать — и не собрался. Дома, с тех пор как выписал святых отцев и встретил между писаниями св. Дамаскина сию книгу в печати, тоже все посматривал, чтоб прочитать, и не читал. На днях, имея нужду, по случаю беседы Ушинского о почитании иконы, посмотреть слова о сем св. Дамаскина, опять попал глазами на сию книгу и решил прочитать ее. И что же? Лучшей книги

для познания христианской веры и жизни в общем обзоре нет и едва ли может быть. Чего ради предпримется перевод или и имеется в виду издание с картинками. Это будет лучше всех катехизисов (7, с. 165–166)!

93. Похвала «Евангельской истории» отца Павла Матвеевского и указание нужных исправлений в порядке евангельских сказаний

Возвещаю вам радость велию. Просмотрел «Евангельскую историю» о. прот. Матвеевского и нашел ее не только удовлетворительною, но превосходною. Такой на всем свете нет. Внимательное рассмотрение деяний и словес Спасителя, благоговейный тон речи, богатство отеческих и церковных свидетельств составляют ее отличительные черты. Ни одна душа не будет читать ее без услаждения и назидания.

Се истину вам сказую (7, с. 220).

Однако ж, как вам известно, ни одно человеческое произведение не бывает без *но*. Ставлю и я *но*, только выражаю это так: кое-что вызывает секундантов.

1. В начале благовестия Господа в Капернауме, с. 295. Призвание рыбаей по Евангелиям Мф. 9, 1–8 и Мк. 2, 1–2 слито с чудною ловитвою рыб по Ев. Лк. 5, 17–26. Сказания сии, очевидно, не один и тот же имеют предмет. У св. Луки совсем и помину нет о призывании.

2. Слиты также Нагорные беседы евангелиста Матфея и евангелиста Луки. Они отличны. Надо их читать и толковать отдельно каждую. Только следует сознаться, что трудно определить с точностию место для бе-

сед по Евангелию от Луки. Можно, однако ж, гадательно предположить, что она могла быть предложена народу пред одним из чудных насыщенных народа в пустых местах. Писать же и толковать беседы надо одну после другой.

3. Очень обрадовался, что отдел у евангелиста Луки — с конца 9-й гл. до начала 18-й — не раскрыт и изложен весь подряд. Но секунданту поручается заявить, что некоторые места вырваны напрасно. Лк. 11, 9–32; 8, 18–21 и, кажется, еще есть. Уж если принято не раздроблять сего отдела, то незаконно делать для некоторых мест исключения. Все они могли быть повторены.

4. Возвращение 70 апостолов лучше ставить в конце последнего хождения Господа по Галилее, после притчи о мытаре и фарисее (ибо говорится, что они назначены идти впереди Господа). Если кто не хочет этого делать, то всячески, ставя сказание о сем в том месте, где оно стоит в ряду сказаний, оговорить, что по смыслу речи о 70-ти... сказанию сему следует стоять в конце описания последнего хождения Спасителя по Галилее.

5. Вообще о срединной части «Евангельской истории» следует заметить, что напрасно не обозначены пребывания Господа в Капернауме и хождения по Галилее. Ведь это истина, а не выдумка. Так и было. Это очень поддерживает внимание и способствует запоминанию.

6. На Тайной вечери указание предателя у евангелистов Матфея и Марка стоит прежде установления Таинства Тела и Крови, а в сей «Еван-

гельской истории» — после. Впрочем, в этом случае можно обойтись и без секундантов. За нее стоит евангелист Лука — церковные песни и отеческие мысли.

7. Прощальная беседа разорвана пополам. Одна половина — последняя — отложена на дорогу при переходе в сад Гефсиманский. Это значит заставлять Спасителя говорить понапрасну, ибо по дороге двое могут удобно говорить, а 12 — как? Беседы же великой важности, особенно молитва заключительная. То, что Спаситель сказал: *Встаньте, пойдем* — не резон разделять... Господь встал и опять начал беседу стоя; поговорил немножко... и молитву произнес. Может быть, Он только для сей молитвы и встал, а пред нею еще поговорил, приготовляя к ней. События: *Аз емь лоза** ... Будто для повода к сему слову нужен взгляд на виноградные лозы, чтобы увидеть, как надо выйти из дома... Но в самом Иерусалиме садов виноградных не было, а по выходе из города тотчас спуск в поток Кедронский — крутой, где не до беседы...

8. Отречения св. Петра представлены смутно. Хорошо, что все отречения описываются вместе, чтобы внимания не отвлекать от того, что скажется о Господе, и самое отречение представить яснее. Но нехорошо, что не выставлены определительно три отречения. В самом описании их показано 6. Как же три?! В моей «Евангельской истории» высказано предположительно: как три, когда в сказаниях евангелистов их более

* Ин. 15, 5

означается, каждое с особыми чертами, не позволяющими сливать их в одно? Отчего невозможно это предположение?! От того, что по нему выходит 9 отречений. Пусть 9, но они сведены в три. И причина показана. Но как 6–7 отречений о. протоиерея будут три — не видно. Припоминаю, что первая мысль у меня — о трех отречениях при 9 — родилась при чтении собора на Нестория. Говорится, что призывали его три раза. Но три ли раза говорили ему: иди, собор зовет? Три раза приходили за ним, а приглашали всякий раз не раз, и он отказывался не раз; пишется же все, что три раза приглашали.

И в житейском у нас быту бывает, что иной говорит: три раза просил кого-либо; между тем как он три раза ходил просить, а просил всякий раз не раз...

Сообразно с этими случаями у меня составилось предположение, что приступали к св. Петру три раза, а отрицался он не три раза вообще, но всякий раз по три.

Из сего можете усмотреть, что секундант по сему случаю очень уместен.

9. Погибель Иуды вставлена в средѹ сказаний о страдании Господа. У меня оно поставлено в конце событий в пятницу, чтоб не отвлекать внимания от страданий Господа. Но, по содержанию евангельского о сем сказания, это можно отнести к после-воскресению и даже к после-вознесению... Архиереи совещались, село купили и, кажется, уж хоронили странных. Могло ли все сие случиться в пятницу?!

Вот что сказалось по прочтении «Евангельской истории». Читалось скоро. Может быть, просмотрено и еще что-нибудь заслуживающее внимания секунданта... Прошу извинения. После скажу. Заметки сии ни на волосок не утихли от моего полного восхваления «Евангельской истории» о. прот. Матвеевского. Встретите его — поклон мой ему усердный. Восторгаюсь его трудом. Однако ж и желаю, чтоб он обратил внимание на мои заметки и исправил требующее исправления при следующих изданиях, коих желаю ему не два и три, а десятки (7, с. 220–224).

«Евангельская история» Матвеевского воистину такова, как я писал, но в печати то же сказать не собираюсь. Только благодаря Константина Петровича за книгу, похвалил добре... и прописал отступления от моего плана, при случае. Ему все подобает знать, чтобы сообразно с тем действовать (7, с. 225).

94. Молитвенная память

Я опять провинился пред вами: долго не писал. Но ведь я всегда поминаю вас не на проскомидии только, но и пред Бескровною Жертвою, по совершении Даров. И покоен бываю. Дело общения духовного совершено: к чему после сего чернильное воспоминание (7, с. 235–236)?

95. О «Письмах о духовной жизни»

Что написано в «Письмах о духовной жизни», то всеми исполнимо. Потому что в этом существо дела христианского (8, с. 80).

ЕВАНГЕЛИЕ

1. Прочитав стих из Евангелия и Апостола, нужно каждое слово обратить в предмет рассуждения

Пусть лежит пред глазами развернутое Евангелие и Апостол. Прочитайте стишок и старайтесь всякое слово обратить в предмет рассуждения. Если Бог подаст мысль... запишите ее (1, с. 35).

2. Читать дневное Евангелие после молитвы с размышлением

Дневное Евангелие читайте после молитвы, с размышлением и выводом для себя нужного (1, с. 72).

3. Евангелие можно читать сидя, не уменьшая благоговения

Евангелие читать сидя можно, но не умаляя благоговения. Сколько читать Псалтири? Сколько душе угодно (1, с. 113).

4. Читайте Евангелие, чтобы узнать, как нужно быть настроенным, и позаботиться исполнить это

Читайте Евангелие и Апостол и смотрите, как следует быть христианину настроену, и позаботьтесь так настроиться (1, с. 118).

5. Книжки для разъяснения недоумений, возникающих при чтении Евангелия, у нас нет

Книжки для разъяснения недоумений, рождающихся при чтении Евангелий, нет у нас. Толкование Евангелий краткое есть... преосв. Михаила Курского... Но оно не касается недоуменных вопросов (1, с. 229).

6. В Евангелии Дух Божий движется

Читайте более Священное Писание, наипаче Евангелие... Там Дух Божий движется и отгоняет духов богопротивных и богоборных» (2, с. 197).

7. Совесть надо просветить словом Божиим, из Евангелия почерпая правила для нее

Совесть да будет чистою всегда. Но совесть надо просветить словом Божиим, а то она часто беспокоит за то, за что не следует вступаться. Для того читать надо Евангелие и оттуда почерпнуть правила, какими потом должна руководиться совесть (2, с. 200).

8. О чтении Евангелия и записывании добрых мыслей

Чтение Евангелия есть лучшее чтение. Да подаст вам Господь и

благие помышления при каждом чтении... Вон о. Иоанн Кронштадтский записывал эти помышления и теперь издал... вышли две порядочные книги... И я однажды записывал... Пришлось посоветовать одной уединеннице, чтобы записывала добрые мысли (3, с. 93).

9. О чтении дневных Евангелия и Апостола

Требуется решение, как читать Евангелие и Апостол, по главе подряд или, как указывается в Церкви, по зачалам? Как вы уже привыкли читать по-церковному, то и продолжайте так... Постарайтесь... размышлять и запоминать (3, с. 153–154).

10. Мысли о лучшем способе изъяснения Евангелия

На Евангелие не толкование надобно писать, а размышления, чтобы каждое слово и каждое движение Господа было торжественным свидетельством Его Божества. Когда, Бог даст, начнем сию хвалебную песнь Господу, то ей конца не будет. О, когда бы хоть начало положить сему делу!

11. О чтении Евангелия

В Евангелии каждый день положено прочитывать одно зачало. Это

урок Святой Церкви чадам своим. Надо изучать... Утром, когда душа свободна от сторонних впечатлений, с молитвою о вразумлении принимайте вниманием в сию таинницу судов Божиих и смотрите, что речет чрез сие мертвое будто слово выну живой Господь (11, с. 102).

12. О духовном чтении

Читайте Евангелие и другие книжки духовные — каждое утро после молитвы. Если у вас есть свой уголок, то и не выходите из него, не почитавши и не помолившись. От этого будете иметь крепость духа и сердца (8, с. 152).

13. Чтение Евангелия и Апостола с размышлением — духовная трапеза

Прочитав Апостол, извлеките общую мысль и держите ее. Прочитав Евангелие, то же сделайте. К сему приложите следующее: если какой текст из Апостола или Евангелия займет особенно внимание, возьмите его в предмет рассуждения и обсуждайте его, извлекая из него назидательные мысли и ими питая душу, чрез провидение сих мыслей до чувства... Будет у вас трапеза Божия... или обед царский (6, с. 68).

ЖИЗНЬ ДУХОВНАЯ

1. Духовная жизнь — от Господа. Существо ее — пребывание души с Господом

К тому же пребывание души с Господом, в чем все существо внутреннего делания, не от нас зависит. Господь посещает душу — она и бывает с Ним, и играет пред Ним, и согревается Им. Как отойдет Господь, душа пустеет, и совсем не в ее власти воротить к себе Благого Посетителя душ. Но отходит Господь, пытая душу; а бывает, что отходит, наказывая не за внешние дела, а за что-нибудь душой внутри принятое. Когда отходит Господь, пытая душу, то, когда она закричит, Он скоро ворочается. А когда отходит, наказывая, то — не скоро, пока не сознает душа греха, и не раскается, и не оплачет, и епитимии не понесет. Теперь, если вы оставите дело и тем пойдете против воли Господа, думаете ли, что Он останется с душой вашей? Если это будет грех пред Ним и Он прогневится, то отойдет и не воротится. И будет, что сделанное во благо внутреннего делания обратится во вред ему и даже на совершенное его уничтожение. Так, по-моему, лучше тяните иго, пока хозяин против воли вашей не выпряжет (1, с. 6).

2. Дела житейские не земного свойства и не являются препятствием к внутренней жизни

У вас теплится непрестанно молитва ко Господу. Не мешали же ей образоваться текущие дела? Надо полагать, что не помешают они, если прибавится к ним малая толика. Дела эти только на вид житейские, а в существе они не земного свойства. Потому, трудясь над ними, кажется, можно не быть отдаляему от Господа (1, с. 5–6).

3. Цель наша — жизнь в Боге чрез Господа Иисуса Христа (исполняя заповеди, принимая Таинства и веря в Господа Иисуса Христа)

Цель наша — жизнь в Боге, но к Богу нам нет иного пути, как Господь Иисус Христос. *Един есть Бог и Един ходатай Бога и человеков, Человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5). Так надо веровать во Христа Спасителя, Таинство принимать, заповеди исполнять и все, что содержит и предписывает Святая Церковь. С Господом тот, кто с Церковью. Будьте так, не суетумдрствуя, и будете на спасенном пути (1, с. 74–75).

4. Забота житейская должна быть со всецелым упованием на Бога

Забота об имении? — Да как же быть-то? — Детей надо пристроить.

Без забот никого нет. Но есть мера заботам, и при том забота — со всецелым упованием на Бога. Держите эту заботу как послушание, налагаемое в монастырях на каждого. У св. Симеона Нового Богослова есть правило: «Держи совесть свою чистою пред Богом, людьми и пред вещами...» Вот и к ним есть цена совести... Молитесь — и Бог сохранит. С веселыми не знакомьтесь, а с богобоязненными... Соломон заключил Екклезиаста своего: *Бойся Бога и заповеди Его храни: яко сие всяк человек** (1, с. 75–76).

5. Всякую службу можно превратить в способность благоугождения Богу: внешнее исполнять в связи с внутренним

На чувство смотреть нечего. Главное — долг. Долг внешний — исправная служба. Но всякую службу можно превратить в способ благоугождения Богу или внешнее исполнять в связи со внутренним, освящая последним первое (1, с. 221).

То правда, что без совета трудно, но не все дело в совете. Бог зачинает жизнь, Бог и руководит в ней. К Нему надо потому прибегнуть и прибегать всегда и от Него ждать решения. Уже как Он решит и как решение Его дойдет до сердца, этого не разберешь, но то несомненно, что всякое дело, Ему угодное, от Него возбуждается и Им приводится в совершение. *Без Мене не можете творити ничесоже***, — говорит Гос-

подь (Ин. 15, 5) И так это и бывает. И никто из угождающих Ему сам собою угодного Ему не творит. Отношения наши к Богу все знаменуются молитвою. Все дело, стало быть, в молитве. На нее и налегайте (2, с. 84).

6. Духовные возбудители: безжалостность к себе, стояние пред Богом вниманием, память о смерти

Видите, что творит твердая решительность... самоотверженная? Труд не в труд. А в конце необычно утешительное состояние сердца. В основе лежала *безжалостность* к себе. Извольте возлюбить ее... и не отпускайте от себя... Безжалостность устрояет внутренний крест, а он дает сораспятие Христу Господу, за которое Господь тут же воздает и благом духовным... утешением и крепостию бодрою, готовою на всякий труд. В этом и средство к недопущению и прогнанию *вялости духа, сухости и безжизненности*... Идите всегда наперекор себе и не давайте себе покоя, особенно чрез телесное какое услаждение (1, с. 241–242).

Найдите также какое-либо дело из ряда подвижнических, которое было бы, однако ж, тяжеловато и соединено с затруднениями в исполнении... и наложите его на себя как закон неотложный... *хоть умри, а исполни*. Как это было бы благотворно для возбуждения духа (1, с. 242)!

Кроме этой безжалостности к себе, возбудителями духовными самыми сильными бывают *стояние* вниманием в присутствии Божиим и непрестанное чаяние: *вот-вот смерть* (1, с. 242).

* ...бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека (Еккл. 12, 13).

** без Меня не можете делать ничего

7. Бог зачинает жизнь и руководит в ней, и никто угодного Ему сам собою не творит

Без Мене не можете творити ничесоже, — говорит Господь (Ин. 15, 5). И так это и бывает. И никто из угождающих Ему сам собою угодного Ему не творит (2, с. 84).

8. Бог, находя сердце, не противящееся Ему, входит в него и обвеселяет (шар, заполняемый свежим воздухом)

Бог везде есть и, коль скоро находит сердце, не противящееся Ему, входит в него и обвеселяет его. Оно и радуется и, к Нему прилепляясь, отстать от Него не хочет. Вообразите себе шар пустой. Воздух там сперт и испортился. Если просверлить маленькую дырочку, то внешний воздух свежий, понемногу втесняясь внутрь, вытеснит прежний — попорченный. Если б дать шару чувство, он непременно отозвался бы: «Ах, как мне теперь хорошо!» То же и с нами. Сердце, заткнутое эгоизмом, портится внутри и дурно-дурно бывает. Обращаемся к Господу — дырочка в нем просверливается трудами по новой жизни, внутреннее нечистое выходит, на место же его входит другое — чистое. Это Божеская духовная стихия — Сам Господь. Чувствуя это, сердце радуется радостью жизни, почерпаемой от Господа. Господь именуется Посетителем душ... Когда посетит, душа играет (2, с. 87–88).

9. Производители духовной жизни

Безжалостность к себе, готовность на всякую услугу другим и предание себя всецело Господу, с мо-

литвенным в Нем пребыванием, — се производители жизни духовной (2, с. 177–178).

10. Закон духовной жизни — каждый день полагать начало, прежде забывая, кроме грехов

Успевае ли кто в жизни и насколько успевает, этого заметить не дается, потому что иначе всякий сам съедал бы себя с глаз. Неведение это держит в страхе и постоянно подновляет ревность, уверяя, что ничего еще не сделано и что, следовательно, надо начинать.

Снова начинать — такой закон духовной жизни. Каждый день надо считать первым днем жизни в страхе Божиим, заднее все забывая, кроме грехов, о коих всегда надо каяться (2, с. 202–203).

Трудности пути, препятствия, расслабление, уныние — все это случайности, которые приходят и отходят. На них нечего обращать внимание. Надо им противопоставлять убеждение, что цель впереди верна и что средства, кои нам даны, надежно ведут к ней. От этого все тревоги будут отходить, исполняя душу благонадежием (2, с. 203).

11. О непотыдном уповании и всегдашнем пребывании с Богом

Перемена в духе — наша общая участь. Терпеть надо, предавая участь свою в руки Божии. Об одном да будет забота, чтоб всегда с Господом быть. Во всех случаях прямо к Нему обращайтесь, Ему открывайте тяготы души своей и молитесь: да избавит, аще волит.

Отрады и утешения не суть окончательное свидетельство о добром

настроении. Главное — решимость и ревность Богу угождать, дух сокрушен и сердце сокрушено и смиренно, и предание себя в волю Божию. Когда сие есть — добре (2, с. 210).

12. Лучший способ противодействовать земным влечениям

Дух наш восстанавливается благодатию Божиею, в силе противостоять влечениям к земле со стороны души и тела. Он и восстановлен уже в христианах. Но невнимание к нему и к делу его делает то, что земное успевает увлекать нас и, как туманом, заслонять Небо. Лучший способ, как подкреплять дух наш в его борьбе с душою и телом при влечениях к земному, есть память об исходе и о последующем за ним Суде и предрешении участи нашей. Потрудитесь поставить себя в состояние умирающей сейчас и сейчас имеющей предстать на Суд и вместе с тем возбудить соответственные тому чувства — и смотрите, что будет? Полагаю, что все нити земные этим будут порваны и в сердце останется одно вопияние: «О, Господи! Спаси же!» Научите сему и Н... Ничто так не оживляет страха Божия со всеми плодами его, как поставление себя в сие состояние и восчувствование того.

Надо теревить свое сердце разными возбуждательными помышлениями. А так оставлять его — оно зарастет тернием и волчцами, нечувствием, нерадением и невниманием (2, с. 212–213).

13. Наставление об устройении храма своей души

Помоги вам, Господи, вместо рукотворенного храма в себе самой и

из себя самой устроить *храм духовный, святительство святое, чтоб приносить в нем Богу жертвы живы из сердца, благоприятныя Богу, Иисусом Христом** (1 Пет. 2, 5). Для сего не будет тогда нужды (и скорби по причине болезни) ходить... (в храм); ибо все совершаться будет без внешних движений... (лежи и молись вседушевно)...

Мы все и по назначению своему должны быть храмами, как учит св. ап. Павел: *не весте ли, яко храм Божий есте...* и не это только утверждает, но что и *Дух Божий живет в вас*** (1 Кор. 3, 16) (2, с. 238–239).

Миряне, суетясь, забывают сие или заглушают в себе, а иноки и инокини на то и вступают в особый род жизни, чтоб явить такое апостольское о нас определение. Вы же лично еще особенным образом призываетесь к тому: болезненным состоянием, в котором духовная молитва особенно должна развиваться. Зажмурьте глаза... и уму вашему нечего будет зреть, кроме Бога Вездесущего и Всевидящего... Вот и станете вы храмом, где обитает Бог... стены у сего храма вашего — терпение, престол — благодарное Богу сердце, песни — все религиозные чувства к Богу: вера, упование, преданность в святую волю Его и всякая молитва; регент в сем хоре — благоумный дух, слагающий песни

* ...устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом.

** Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

и выполняющий их в непрестанном богомыслии (2, с. 239).

14. Жизнь духовная не безусловно подлежит влиянию внешней обстановки

Духовная жизнь не безусловно подлежит влиянию внешней обстановки и может цвести во всяком месте и при всяких положениях, ибо она вся во внутреннем строе и пред внешним не преклоняет выи, а, напротив, властвует над ним и его направляет (3, с. 27).

15. Достигнуть Богообщения — цель наша и главное обетование Господне. Духовная жизнь имеет много препятствий — необходимы мужество и бодрость

Христианская жизнь встречает много препятствий с первых шагов, и чем дальше — тем больше. Вступающему в путь жизни сей надо вооружиться крепким мужеством, чтобы идти, не робея предлежащих борений с препонами (3, с. 165).

Извольте облечься в мужество и бодрость... и теките неуклонно, подражая св. апостолу Павлу, который говорил о себе: так теку, да постигну. И вы достигнете. Чего? — Увидеть Христа Господа, может быть, и не сподобитесь, ибо это не всеобще, но глубокого Богообщения достигнете, ибо это и есть цель наша, и главное обетование Господне (3, с. 164–165).

Кто мужественно борется со страстями, строго исполняя заповеди Господа, тот по мере успехов очищается сердцем и по мере чистоты сердца сближается с Господом, Который обетовал таковым: *к нему*

*прийдем и обитель у него сотворим** (3, с. 165).

16. Основные правила благонастроенности

Имейте в виду главное, именно — сердце благонастроенное ко Господу и ко всему, что требует от нас дело спасения.

Имейте всегда Господа пред очами ума вашего и держите себя во всем, как подобает держать себя пред Господом.

Страх Божий и благоговейность пред неописанным величием Его всегда держите и возгревайте в себе; а при нем — сердце сокрушенно и смиренно. Веру крепкую храните и упование несокрушимое. Смиряться пред всеми и других выше себя имейте. Молчание возлюбите и уединяйтесь, сколько возможно, чтоб быть в единении с Господом. Тогда Он Сам соделается для вас руководителем и учителем — и других таких лиц уже не потребует для вас (3, с. 169–170).

17. О духовной бдительности

Милостивый Господь воззвал вас и поставил на добрую дорогу. Благодарение Господу! И то от Господа, что, выступив оттуда... добре держитесь в порядках жизни по Богу. Держитесь крепко: глаз не закрывайте, остро смотря сюда и сюду, ибо враг не дремлет. Он ведь от вас не отстает, а тут же присматривает, нельзя ли как опять запутать вас, но благодать Божия покрывает вас и приступа не

* ...и Мы придем к нему и обитель у него сотворим (Ин. 14, 23).

дает... Как только благодать отступит за что-нибудь — он тотчас тут и начнет вертеть — избави вас, Господи!

И чем вздумали тщеславиться?! Слезами! Слезы — плач о грехах. Когда придет тщеславие из-за слез, вы перенесите взор на грехи... и скажите душе своей: вишь, что нагородила! Есть тут чем тщеславиться?! — Если искренно сие сделаете, то вместо тщеславия воспримете горькое сокрушение, которое и всегда старайтесь иметь под слезами (3, с. 170–171).

18. Отеческое вразумление и наставления о разных предметах по вопросам ревнующей о духовной жизни

Преодо мною ваши письма — от 17 августа, 23 сентября и 30 сентября... Целая куча! Все, что вы пишете о себе, не порождает никакого беспокойства на ваш счет... Слава Богу! Вы держите себя строго и ведете дела свои внимательно. Продолжайте так... и Божие благоволение не престанет осенять и охранять вас (3, с. 172).

Вот вы уже и тщеславитесь, как написали. Это по вражьей части. Тщеславие — его поля ягода. И оно таково, что за него отходит благодать. Блудитесь. Остепенились, обратились к Богу. Милость это Божия. Часто поминайте о ней или непрестанно держите в памяти и те обеты, какие тогда изрекали, и тщитесь блюсти их.

Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно... — главное.

Затем всесильное преутруждение себя в трудах молитвенных, постнических и послушнических...

Имейте себя насмертницею, держа в мысли: вот-вот смерть... сейчас, сию минуту, сие мгновение.

Нет лучшего средства держать ум в трезвении, как это (3, с. 172).

Из сердца же вопль пусть идет непрестанный к Господу: Господи, Иисусе Христе... и пр.

Вы писали, что ночью встаете и молитесь... Это очень хорошо... Молитесь с сокрушением и плачем... Вот когда плач и слезы пригожи... а в церкви слезы подавляйте и только дух сокрушен держите» (3, с. 172).

Трудиться в делах спасения — всячески трудитесь, но упование спасения все в Господе Спасителе полагайте. Этот пункт очень важен... Коль скоро упованием мало-мало отклонитесь от Господа, все дело тогда покривляется, ибо тогда Господь отступает, говоря как бы: ну и оставайся с тем, на что упование полагаешь. А это, что бы ни было, совершенно ничтожно (3, с. 172).

Освежайте свою голову благими помышлениями чрез чтение и размышление. Книжек у вас достаточно... А порядок тут всякий пригож... Но читайте больше Исихия, Авву Дорофея, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирианина, Варсонофия... да и все хороши. Много зараз не читайте (3, с. 172).

Не читайте затем, чтобы только прочесть, а чтобы освежить и попитать душу. Питается же она тем, что чрез внимание пройдет в сердце и его займет... Если при чтении и размышлении какая-либо мысль исторгнет вас из среды тварей и перенесет пред лице Господа... — закрывайте книгу и оставайтесь с сею мыслью... хоть

целый день... и более... Такая мысль есть один из поворотов *ключа*, который вручен вам во сне.

Другой поворот — дух сокрушен; *третий* — движения любви к Господу; *четвертый* — порывы самоотвержения или готовности все претерпеть, все перестрадать, только бы угодить Господу и спастись. Есть много и других поворотов ключа сего (3, с. 171–172).

Что помыслов не видите, это ничего не значит... Значит много, если при сем внимание ваше погружено в Господа. Ибо это главное, о чем заботиться должно... Как только откроете глаза после сна, тотчас к Господу устремляйте мысль и будьте с Ним... На сие и назначена молитва Иисусова. Домашнее правило и в церкви бывание — все к тому же надо направлять... и во время рукоделья тоже все с Господом следует быть (3, с. 174).

Сестра, что к вам ходит, но духа другого... пусть ходит, не отталкивайте ее, но иногда пригласите ее послушать книжку... и почитайте *Исихия*, или авву Дорофея, или что-либо еще (3, с. 174).

Вы помянули, что каждый выезд вас расстраивает духовно... и вам требуется время, чтобы собраться... Если эти выезды не необходимо нужны, то откажите себе в них. А когда нужда, то бывайте при этом сколько можно более внимательны к себе и к помыслам своим (3, с. 174).

Грехи под действием разрешения духовного отца тотчас прощаются. Но след их остается в душе, и он томит. По мере подвигов в противлении греховным позовам следы сии

изглаждаются, а вместе с тем и томление то умалется: когда изглядят-ся совсем следы — тогда и томлению конец. Душа будет в уверенности отпущения грехов. По сей-то причине дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно составляют основу чувств текущего путем спасения (3, с. 174–175).

«Чем дальше, тем более открывается во мне недостатков». Скажите: слава Богу! Это признак, что вы добре течете... Коль скоро начнут казаться помыслы, что вы хороши... знайте, что вы сбиваетесь с дороги... И попекитесь исправить. После хорошего дела — тщеславие, после дурного — нечаяние спасения... Это обычные приращения вражьи. Против первого выставляйте на вид свои грехи и погрешности. Против второго — уверенность, что нет греха, побеждающего Божье милосердие. Смерть Господа была ценою за все грехи, никакого исключения...

Вы заметили силу *благоговейности с молитвою* и извольте их держать и всячески подновлять и усиливать» (3, с. 175).

Движения и увлечения плотские, как уже прошедшие, слегка поминайте обще, без подробностей... только для того, чтобы смирять свой помысл... а то они тотчас оживут, как иссохшие под камнем черви от обрызгания их водою. Над умерщвлением сих движений надо потрудиться, ибо они имеют свою основу в естестве, потому живучи очень... пост сильный, постоянный, малоспание, утруднение тела... паче же молитвенное трезвление... достигают, наконец, того, что они стихают.

Заботы о сей части подвига... никогда не прекращайте (3, с. 175).

Желали бы знать: какая главная у вас страсть... На это припомню вам сказание об одном подвижнике, который предложил старцу своему подобный вопрос, именно: с какою страстию прежде бороться? — Старец ответил: «Борись с тою, которая сейчас тебя борет, — и некогда будет доискиваться, какая главная у тебя (3, с. 175–176).

Вы хорошо действуете, когда слышите, что иные укорно о вас думают или говорят или даже прямо в глаза вам то показывают. И продолжайте так!.. Первое — не выказывать оскорбления вовне, потом внутреннее чувство такое прогонять и заменять добрым чувством в отношении к тем лицам. И терпите в сем роде действований... Придет время — и все будете встречать с духом покойным.

И зависть!!! Как ей быть в духовном роде действований?! — Потому что в духовных порядках все всем доступно... Увидел кого превосходящим тебя в духовном отношении? Приложи труд, и ты тоже получить можешь. А в житейском быту не все всем доступно. Вот и берут завидки (3, с. 175).

19. У человека три жизни: духовная, душевная и телесная. Потребность духовной жизни Бог раскрывает и зовет к ней

По всему, что вы написали о себе, видно, что Бог зовет вас к монашеству и весь уж ваш склад и все думки туда направляются; вы не найдете, как и не находите, покоя в другом

образе жизни. Если же таково ваше призвание, то чем скорее его исполните, тем лучше. И о. Амвросий прямой вам дал совет. Ваши родные рассуждают по-житейски, а не по-духовному. Если следовать их речам, то никому в монахи или монахини идти не приходится и монашество выйдет некое заблуждение. А так рассуждать грешно. Господь его одобрил, апостолы установили, и Церковь признавала во все времена его богоугодность.

Родные ваши были бы правы, если б им говорили, что только и спасения, что в монашестве. А это никто не говорит. Говорят только, что лучший и удобнейший путь спасения есть монашество — жизнь в отречении от мира.

Прочитайте 1 Кор. 7, 25 и 9.

Цель человека не на земле, а в другой жизни. Если б на земле была, мы бы не умирали, а как умираем, то значит, что жизнь наша настоящая не на земле. Земная жизнь есть только приготовление к другой жизни, а о той жизни Господь сказал, что там не женятся, не посягают, то есть что там житейских, земных порядков не будет, а будет порядок ангельский. К нему и приспособлена монашеская жизнь (3, с. 195).

Есть у вас книжка «Что есть духовная жизнь и как в ней установиться»? В ней добре объяснено, что у человека есть три жизни — духовная, душевная и телесная. Первая обращена к Богу и Небу, вторая — к устройению земного быта, третья заботится о жизни тела. Редко бывает, чтоб все сии жизни раскрывались в одинаковой силе, но у одного преоб-

ладает одна, у другого другая, у третьего — третья. Выше всех духовная, потому что дух выше души и тела и потому что чрез нее человек ставится ближе к своей цели, то есть к Небу и Богу. Избираются ли такие жизни? — Не видно. Они сами течением жизни раскрываются и потом нудят человека жить по той или другой жизни (3, с. 195–196).

Духовной жизни потребность Бог раскрывает и зовет к ней. Так это у вас. Бога же слушать подобает паче, нежели людей... вам — родных (3, с. 196).

20. Свет и тьма в душе

Когда мы с Господом, то и Господь с нами. И светло все. В комнате, когда все окна открыты и солнце светит, светло-светло бывает. Но закройте одно окно — потемнеет, а когда все закроются — совсем темно станет. Так и с душою. Когда она вся всеми силами и чувствами обращена к Господу, в ней все светло, радостно и покойно. Когда же обратит на что-либо другое, кроме Господа, свое внимание и чувство, светлость сия умалается. Больше вещей занимают душу — большая тьма входит... А там и совсем темно. Мысли не столько омрачают, сколько чувства; однократное увлечение чувств — не столько, сколько пристрастие к чему-либо. Больше всего омрачает грех делом (3, с. 210).

21. Одобрение текущей добрым путем

У вас в душе, как вижу, все обстоит благополучно... И даруй вам, Господи, всегда неуклонно держать-

ся начатого пути. Благодать Божия осеняет вашу душу. Блюдите дар сей и сами блюдитесь, чтоб не оскорбить Духа Божия (3, с. 213).

22. Где душа внутри себя собравшись — там и место лучшее, светлое, преукрашенное

Поздравляю с окончанием кладбищенского храма. Да дарует Господь молитву всем молящимся в нем и да ниспосылает им просимые блага.

Ваши сны при сем очень назидательны. Их друг и хранитель ваш подал вам. Но вземлите! Эта милость свыше обязывает вас к сильнейшей ревности о спасении и к неусыпному попечению о сестрах.

Что долго остаетесь *в глуши*... Божие определение — и, конечно, во благо вам. Слышите, что поется: *на всяком месте владычества Божия благослови, душе моя, Господа*?*

Где душа внутри себя собравшись — там и место лучшее, светлое, преукрашенное. Вы предаете себя Господу, другого решения и искать не следует. Буди воля Божия — самое лучшее решение (3, с. 221–222).

23. Как судить об авторитете внутреннего чувства

Спрашиваете, можно ли слепо следовать внутреннему чувству? Апостол поминает о чувствах, обученных в рассуждении добра же и зла (Евр. 5, 14). Обучаются они долгим учением или опытом и тогда верно определяют, чему следовать должно, — внутреннее убеждение

* Пс. 102, 22

говорит им. Как вам это уже известно и опыт не обличает вашего чувства в ошибочности, то и делайте, как делали. У старцев пишется о сем, о рассуждении при сем и молитве. И это можно, но не всегда удобно. Есть у вас книга Варсонофия и Иоанна? Там много решается подобных вопросов. Просматривайте. Молитвою надо освящать и освещать всякий шаг (3, с. 222–223).

24. Как быть неразвлеченною при хлопотах

Господь одобряет ваше желание уединения, но времени не указывает. Надо ждать определенных указаний, а до того блюсти внутреннее безмолвие и продолжать усердно дела по благоустройству обители. Как блюсти внутреннюю неразвлеченность при хлопотах? Делать дела усердно, внимательно, постоянно и без попыхов. Всякое дело, какое предлежит вам делать, принимайте как самим Богом порученное и делайте его как Божие... Мысль и будет с Господом. Этому можно привыкнуть с помощью Божию (3, с. 228).

25. Надо не допускать и малых действий, обличаемых совестью

Вы писали, что допускаете некоторые действия не крупных разрядов, за которые потом обличает совесть. Этого, сколько сил есть, надо не допускать.

Покой совести есть первое условие мирных отношений к Богу, а эти последние составляют условия преуспевания духовного во внутренней жизни. Побеждать свои хотения, зная, что лучше им отказать, неже-

ли их послушаться, есть Богу приятная жертва, за которую Он воздаст внутренним утешением.

А опускать эти случаи к победе над собою — значит Богоугождение ставить ниже самоугождения. Когда враг вперед скажет вам: «Сделай такое и такое распоряжение», не слушайте его, а, отогнавши его неприязнию к нему и его урокам, продолжайте свою молитву, не прерываясь (3, с. 231).

26. Христианское обновление жизни

В смерти Его мы все умерли, и в воскресении — все воскресли. Блаже сих всякий причастником делается во св. Крещении, где умирает для одной жизни и оживает и воскресает для другой... Сею жизнью вам жить и в ней паче и паче утверждаться желаю вам. По Апостолу: как Христос воскрес и уже не умирает, так и мы в обновленной жизни ходить будем (3, с. 232–233).

27. Случай, осязательно показывающий попечение Божие

Утешительно видеть такое осязательное показание, что милостивый Господь очей Своих не сводит с вас! Ехали вы к благотворительнице обители, и лошади так испугались у вас; бежавших под гору, когда уже вы были под экипажем, Господь вдруг остановил, ибо необычно им так смиренно останавливаться в испуге. Без этого ни вас, ни кучера, ни экипажа, ни даже лошадей не было бы. И костей ничьих не собрали бы, и щепок от экипажа. Служили молебн? К Н. вы отнеслись хорошо, как раз, как мать. И доведите дело до

конца, и поставьте ее на ноги, чтобы потом прямо шла и смело шагала.

Но вы себя больше блюдите и заботливо держите в том строе внутреннем, к какому зовет и обязывает вас Господь Своими о вас внушениями и попечениями (3, с. 235).

28. Должно записывать особые случаи Божия внушения и попечения

Записываете ли вы то, что особенного испытываете? Я думаю, что записывать следует, чтобы по временам просматривать и, видя Божие о себе попечение, паче и паче ревновать о блюденнии и усовершенствовании того строя внутреннего, на которое Оно указывает... Сердцем в Господе быть (3, с. 235–236)!

29. Два пути присвоения Господу: деятельный и созерцательный (существенный). Как идти путем деятельным, не оставляя житейских забот

Теперь вам одно остается — Господу присвоиться и Его себе присвоить, иначе — стараться дойти до того, чтоб в сердце постоянно чувствовалось, что Господь ваш и вы Господни.

И мне думается, что течение жизни вашей к тому идет. Только внимание надо именно на это направить.

Есть два пути к тому, чтоб стать едино с Господом: деятельный и созерцательный. Первый — для христиан житейских, второй — для оставивших все житейское. В действии ни первый не бывает без второго, ни второй — без первого. И житейские [христиане. — *Изд.*] то есть должны в своей мере держать и созерцательный путь. И вот это есть ваша доля... вам нельзя напрягаться на созерца-

ние, как делают это отшельники, но и оставлять его не должно. Я писал вам: навикайте памятовать всегда о Господе и ходить пред лицом Его. Это созерцательная часть и есть. Но тогда как отшельник все другое гонит вон из внимания, вам надлежит, делая все житейское, так его делать, чтобы и Господа не забыть. Если вы потрудитесь так действовать, то в итоге то же получите, что и отшельник. Только в периоде вашего действия вы или мало, или почти ничего не будете видеть, что бы обещало такой плод. Редко-редко когда что проглянет, а большею частью — все труд и делание...

Теперь вопрос: как сделать, чтоб делательное трудничество вело к означенной цели (4, с. 6–7)?

«Бросить ваших дел житейских нельзя. Вы связаны в отношении к ним заповедями и, нарушая их или не исполняя, будете делать неудобное Господу. На все есть заповеди: на все отношения ваши к мужу и слугам, и к родным, и ко всем сторонним. Так уясните себе, как должны вы действовать по заповедям относительно всех и всего, и действуйте так... Это, конечно, будет занимать ваше внимание. Спрашивается, как же Господа при сем иметь во внимании? — Так: какое бы дело, большое или малое, вы ни делали, держите в уме, что его вам повелевает делать Сам Господь Вездесущий — и смотрите, как вы его сделаете. Так себя держа, вы и дело всякое будете делать со вниманием, и Господа будете помнить. В этом — весь секрет успешного для главной цели действия в вашем положении. Извольте

в это вникнуть и так наладиться. Когда так наладитесь, тогда и мысли перестанут блуждать туда и сюда...

У вас теперь отчего все не ладится? Думаю, оттого, что вы хотите помнить Господа, забывая о делах житейских. Но житейские дела лезут в сознание и память о Господе вытесняют. А вам следует наоборот: о житейских делах хлопотать, но как о Господнем поручении и как пред Господом.

Там у вас ни того, ни другого не выходит... а здесь то и другое будет исправно (4, с. 7).

30. О духовном обновлении

Кажется, я уже поздравлял вас с новосельем и пожелал вам всего хорошего в новом вашем жилье. Повторяю то же, не пиша вновь, и вы припомните то без чтения вновь тех же слов. Новое жилье — новые порядки... а за ними и строй внутренний новый. Это будет поновлением древней истины*. А эти кто такие? Те, кои совлеклись ветхого человека с деяниями его и облеклись в нового, созданного по Богу в правде и преподобии истины. Все сие читано и перечитано, говорено и переговорено. Но мне пришли слова сии на мысль при пожелании вам нового строя. У вас он уже давно есть, потому не совсем будет нов. Однако же для всех бывает нужда поновлять его. Икону потускневшую промывают — и она светлую становится. Но когда и краски попортятся, тогда перерисовывают, налагая краски хоть новые, но все такие же,

* Кто во Христе нова тварь (4, с. 20).

что были. То же и в духе бывает, когда переодеваются и одеваются по образу Создавшего (4, с. 20–21).

31. О переустройстве внутреннего человека

Какой мрачный вы написали портрет с себя или со своего внутреннего человека! Из рук вон! Снаружи все исправно, а в середине все разложилось. Надо в серединку впустить архитектора, чтобы он все тамошнее разорил, материалы гожие перечислил и поправил и потом все заново построил, все, начиная с фундамента и до кровли.

Кто архитектор? Господь Спаситель. Он Сам просится внутрь, стоит и толчет. Надо отворить Ему дверь. Ключ от двери сей — огненная ревность и безжалостное самоотвержение.

Кузница, где ключи эти делаются, — страшный страх за свою участь, если все внутри так останется, как есть теперь. Как только ключи изготовятся, они сами повернутся, отворят дверь — и се Господь-Создатель внутреннего храма. Тогда все пойдет спешно... и храмина внутренняя соизидется...

Тогда вместо краткой молитвы пойдет молитва непрестанная, вместо рассеянной — сосредоточенная, суетливость и многозаботливость отойдут и воцарится забота неукротимая о едином на потребу, частая и неуместная раздражительность заменится кротостью и энергиею, тихой и безмятежною (4, с. 25–26).

32. Разъяснение по духовной жизни

Желаю вам полного воскресения в духе. То, что вы испытывали в про-

шлый пост, — начатки этого воскресения. Господь посещал вас и мир водворял в духе. Это Он начинает обитель Себе строить в сердце вашем или только место осматривает и начертывает, где что строить, и фундамент начинает полагать. Извольте видеть в бывшем с вами, объятия Христа Спасителя, коими Он присволяет вас Себе. И радуйтесь, и благоговейте, и страх восприимите (4, с. 70–71)!

Ваш вопрос о выездах как родился? Если бывает свой, внутренний позыв, то это дурно. Душа изменяет Господу. За это вы ее пожурите. А если житейская к тому бывает нужда, то делайте так: отнекивайтесь до последней возможности... и когда уж видите, что далее нельзя, выезжайте куда-либо, где меньше мира и где меньше глаз, могущих вас сглазить. И никогда не выезжайте, долго не помолвившись, чтобы Господь избавил вас от очес призора и дал вам сил домой воротиться неотуманенною и незацепленною (4, с. 70–71).

33. Вредный воздух

Что это с вами?! Ваше благонастроение похоже на гомеопатические медикаменты. Мало-мало пройдет по комнате запах какой (например, камфоры и подобного) — и все пропало. Только что пахнуло на вас воздухом мирским... как у вас уже все духовное расстроилось. Извольте крепиться! И не давайте сердцу уходить к тому, что есть пустошь. А потом, когда чад весь пройдет... тогда съядьте и сообразите... отчего так непрочно все... Бог устроил вам такое стечение обстоятельств, чтобы вы

себя познали... и не думали о себе... много и высоко, а больше смирились и в смирении больше прибегали к молитве (4, с. 76–77).

34. О неразвлеченном исполнении работы

От увлечения работою надо отвыкать и привыкнуть работать как должно и не увлекаться. Принимайте всякую работу как Божие повеление; приступая к работе, молитесь об успешном окончании работы и, окончивши, благодарите Господа. Господь и будет неотходно в уме вашем, осеняя вашу работу. Вместо поклонов, отрывающих от работы, так делайте: увлечение бывает в самом начале работы. Здесь же, в начале, и прогоните его внутренним к Господу обращением и не приступайте к работе, пока не прогоните. То же самое делайте и когда увлечение опять появится... тут же за работою воззовите к Господу... и все взывайте, пока не отойдет оно... К поклонам обращайтесь, когда увлечение не слушается, не отходит (4, с. 80).

35. Как не развлекаться хлопотами

Хлопоты одолевают... Но хорошо, что замечаете то и стараетесь уничтожать следствия их, отзывающиеся в душе. Старайтесь не всею душою быть в хлопотах, но одними концами рук и ног и одною поверхностью глаз и ушей. Ум же и внимание с чувством держите на других предметах. Кажется, я вам писал почаще проходить умом все, яже о нас истины Божии. Делайте так — и ум окрепнет в единомыслии... а тогда и хлопоты будут нипочем (4, с. 86).

36. Руки за делом, а ум — на Небо

Се же добре, что вы, хлопоча о потребном, хлопочете и внутреннего делания не оставлять. Трудитесь и ищите; и Бог даст, что навькнете, как тут управляться с мыслями и чувствами. Еще Антоний Великий положил: руки за делом, а ум на Небе да будут! Сам он так делал и других всех тому учил. Если дает Господь утешение внутреннего миротворения и теплоты — благодарение. Это же и есть главное, чего искать следует... Иначе это называется *иметь чувства к Богу*. Самое великое дело... Тут и сила, все упорядочивающая (4, с. 88).

37. Домашние хлопоты надо обращать на угождение Богу

Не думайте, что все, что вы делаете по дому и хозяйству, есть суета. Нет, на это есть заповеди, и должное исполнение сих дел есть в числе дел, Богу угодных. Только исполняйте все как заповедь, как волю Божию, на вас наложенную. Пред всяким делом Бога призовите в помощь, в продолжение его к Богу обращайтесь о наставлении и по окончании возблагодарите Бога. И будет, что, хлопоча по хозяйству, вы будто молитвенное правило исполняете. Если при хлопотах мысли разбегаются, ворочайте их назад. И как только, кончив дела, останетесь одни, сядьте и молитвою Иисусовою соберитесь в себя. С верою сие совершая, всегда будете получать помощь в сем и успех (4, с. 92).

38. На гостей надо смотреть как на посланцев Божиих

На гостей смотрите как на посланцев Божиих и как таких старайтесь упокоить их по-христиански. Труда сего и хлопот не считайте напрасною потерей времени. Обратите это лицом к Богу... Он все видит и примет как служение Ему. Не забудьте подумать, чего ради это случилось и чего хочет от вас Бог, поставив вас в такое положение. Когда хлопоты слишком развлекут, не забывайте, как только улучите минуту, собираться внутрь с помощью коротенькой молитвы или прямо молясь, чтобы Господь утишил бурю сию (4, с. 93).

39. Домашнее поведение ревнующей о спасении

Читайте Евангелие и другие книжки духовные каждое утро после молитвы. Если у вас есть свой уголок, то и не выходите из него, не почитавши и не помолившись. От этого будете иметь крепость духа и сердца (4, с. 99).

«N. приехал. Опять болтать начнет. Не слушайте. Как только начнет он речь дурную, поднимайтесь и уходите, не говоря ни слова.

Внимайте себе, чтобы не запало в сердце ваше какое-либо помышление недоброе. Как покажется что такое, обращайтесь к Господу, прося прогнать, и прогонит (4, с. 99–100).

40. О познании меры своего совершенства

Какою видится ваша душа? Если вы не колеблетесь в вере и держите

на душе твердое желание и искание спасения, то, несомненно, душа ваша стоит на стороне света... И слава Богу! В какой же мере она просветилась, это нам угадать неудобно. И Господь не дает нам это увидеть оттого, что мы сейчас себя с глаз съедем, то есть, потщеславясь, лишимся света (4, с. 127).

41. О рассеянии от мирских впечатлений

Вы как будто немножко расшатались путешествием. Если да — плохая рекомендация! Но чаю, что у вас внутренний строй прочнее, нежели чтобы его могли расшатать такие пустяки, как поездка, и то, что случалось мимоходом видеть и слышать... Я виноват сам. И забыл напомнить, что впечатления, не согласные с принятым вами строем, следует тотчас изглаждать — тут же, как получены... не отлагая ни до вечера, ни тем паче на дальнейший срок. Дело это просто: сойти в сердце, где впечатление осталось, оттолкнуть его неблаговолением к нему — и в то же время молиться против него Господу. И быть так, пока пройдет... Это минута какая всего-то. Извольте это по крайней мере взять в правило и на все случаи, и большие и малые (4, с. 132–133).

42. Урок в день Преображения

Поздравляю и вас с праздником Преображения! — Смотрите на Спасителя и учитесь, как преображаться и самим от силы в силу... Он преобразился для нас, а Сам Он всегда в неприступном свете, которого во-

площение нимало не умалило. Поселите поглубже в себе страх Божий, и он, взяв в руки бразды правления вашего внутреннего человека, *устремит* вас вслед Господа для стяжания светлой славы, нам обетованной, *подгоняя* бичами смертной памяти и памяти Суда... на коем никакие извинения не приемлются в резон (4, с. 143).

43. Светская жизнь лишает свободы и преданных ей держит в тяжком рабстве

Вы говорите: «Еще вот что я вижу: что все впопыхах спешат, гонятся за чем-то, чтоб уловить, и никто ничего не успевает поймать. Случилось мне пройти людною улицею или местом — какая там суматоха и суета! Но смотрю потом: и в домах то же; то же, вероятно, и в душах у них. И ума не приложу, ужели так можно жить? И вот что еще вижу, что тут друг друга теснят, вяжут и тиранят; никто своей воли и свободы не имеет. Одеться не смей как хочешь; ступать не смей как хочешь; говорить тоже — и ничего не смей как хочешь. Все у них подчинено какому-то закону, который не знают, кем написан; всех он теснит, но никто сломать его не смеет. За то и сами делаются тиранами друг для друга. Посмей не послушать кого — горе. Я, например, пою, когда хочется петь, ведь это рай: и самой приятно, и слушающим. А тут хочешь, не хочешь — пой. Предлагается это очень вежливо, но отказать-то считается делом противозаконным. И поешь. Самой тягота невыносимая — чуть грудь не треснет, а надуваешься

показать, что поешь от души. Я замечала это и у других. Вот вам и свобода! А ведь снаружи посмотреть — все вольница. Вольница, спутанная по рукам и по ногам!! По этому поводу стала я присматриваться — да от души ли они делают и все прочее? И что же? Может быть, я ошибаюсь, но не увидела ничего, что было бы от души. Ласки напускные, готовность к услугам — тоже, взаимоуважение — тоже. Все напускное. За видимостью, гладкою и изящною, прячется совсем другая душа, которую, если б ее вытащить наружу, никто не нашел бы не только изящною, но и сносною. И выходит, что когда мы собираемся, то представляем собою сборище лицедеек и лицедеев. Комедия! И еще что мне дивно — это то, что от всех веет холодом. Как же это так?! Ведь все дружка дружке, кажется, душу готовы отдать, а кругом ходит холод».

Совершенно верно. К вашему описанию нечего и прибавлять. Все это давно уже замечено и указано в предосторожность. Еще Макарий Великий вот как изображал увиденную вами сумятицу и гоньбу за чем-то: «Чада века сего уподобляются пшенице, всыпанной в решето земли сей, и просеваются среди непостоянных помыслов мира сего, при непрерывном волнении земных дел, пожеланий и многосплетенных вещественных понятий. Сатана сотрясает души и решетом, то есть земными делами, просеивает весь грешный род человеческий. Со времени падения, как преступил Адам заповедь и подчинился лукавому князю, взявшему

над ним власть, непрерывными обольстительными и мятущимися помыслами всех сынов века сего просеивает и приводит он в столкновение в решете земли. Как пшеница в решете у просеивающего бьется и, взбрасываемая непрерывно, в нем переворачивается, так князь лукавства земными делами занимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, нечистым пожеланиям, земным и мирским связям, непрерывно пленяя весь грешный род Адамов. И Господь предсказал апостолам будущее на них восстание лукавого: *сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу. Аз же молихся Отцу Моему, да не оскудеет вера ваша** (Лк. 22, 31). Ибо сие слово и определение, изреченное Создателем Каину явно: *стения и трясыйся*, в тревоге, *будеши* на земле (Быт. 4, 12), служит втайне образом и подобием для всех грешников; потому что род Адамов, преступив заповедь и соделавшись грешным, принял на себя втайне сие подобие. Люди приводятся в колебание непостоянными помыслами боязни, страха, всякого смущения, пожеланиями, многообразными всякого рода удовольствиями. Князь мира сего волнует всякую душу, не рожденную от Бога, и, подобно пшенице, непрерывно вращающейся в решете, разнообразно волнует человеческие помыслы, всех приводя в колебания и уловляя мирскими обо-

* ...сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя.

льщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями (Бесед. 5; §1, 2).

Вот вам в придаток к вашему наблюдению! Вы заметили, что есть и бывает, а св. Макарий указал и причину того, и первое исходище. Этот взгляд на дело в том круге, о коем речь, не принимается, и речи о том заводить нельзя. Вас же прошу усвоить этот взгляд и всегда держать его в мысли. Он выражает суть дела и, будучи вами принят с убеждением, будет служить для вас ограждением от обаяний светской жизни (9, с. 9–11).

Со своей стороны прибавлю, что эта гоньба за чем-то и неудовлетворенность ничем зависят от того же, о чем я писал прошлый раз: именно от того, что таким образом жизни не все естество человеческое питается и не все потребности его удовлетворяются. Неудовлетворенная сторона, как голодная, требует пищи в утолении своей алчбы и жажды и гонит человека искать ее. Человек и бежит искать, но как он вращается все в том же круге, не удовлетворяющем голодающей стороны, то удовлетворения не бывает, голод и жажда не пресекаются, не прекращаются и требование пищи, не прекращается и гоньба. И никогда она не прекратится в живущих по духу мира. Враг же держит их в ослеплении, по коему они не замечают ошибки, что не тою дорогою бегут и не туда стремятся; и в этом мраке томит и душит эти души бедные. И так их отуманил враг, что и говорить им об их ошибочности не смей никто. Так и зарычат, как лютые звери. Не рыканье

ли это того льва, который всюду рыщет, *иский кого поглотити* (9, с. 11–12)?

Что касается других замеченных вами сторон светской (мирской) жизни, скажу только, что иначе ему и быть нельзя. Ибо *такая жизнь есть жизнь падшего человечества, которого исходная черта есть самолюбие или эгоизм*, себя ставящий целью, а все и всех — средством. Тут причина того, что всякий хочет навязать свои желанья на другого или связать его ими, что называли вы метко тиранством. Уж как ни скрашивает кто своих желаний, назади всего стоит эгоизм, желающий повернуть вас по-своему или сделать вас средством. Тут причина и лицедейства, суть которого есть напряженное ухищрение всячески прятать свои дурные стороны, не исправляя их, иначе пресечется влияние на других и, следовательно, пользование ими как средствами. Тут причина и того, что от всех холодом веет, ибо всякий замкнут в себе и не разливает лучей тепла жизни вокруг себя (9, с. 9–12).

Правда, вы, верно, встречаете несколько лиц с симпатичным строем сердца: так и льнут и берут прямо за сердце. Такое расположение есть остаток родственного чувства, с каким создан человек в отношении к другим; но оно тут состоит в услугах у эгоизма, который пользуется им как наилучшим средством к устройению своих дел (9, с. 13).

Теперь же скажу только: совсем вам отстать от всех, конечно, нельзя, но, сколько можно, отнекивайтесь входить в круг этой светской жизни, а когда втянут против воли, держите

себя так, как бы вас там не было: видя не видите и слыша не слышите. Видимое пусть проходит мимо глаз, и слышимое — мимо ушей. Внешне действуйте, как и все, будто нараспашку, но сердце свое берегите от сочувствий и увлечений. В этом главное — сердце берегите, и будете там только телом, а не душой, верно исполняя заповедь апостола: *да будут... требующии мира, яко не требующе** (1 Кор. 7, 31). Мир здесь то же значит, что у вас свет и светская жизнь. Вы будете требующая мира, то есть имеющая нужду соприкасаться светской жизни, но когда будете держать вдали от всего свое сердце, то будете яко не требующая такой жизни, то есть не по сочувствию и желанию в ней участвующая, а вынуждаема будучи настоящим своим положением (9, с. 14).

44. Три стороны человеческой жизни. Первая сторона: жизнь телесная, ее органы и потребности; нормальная и излишняя заботливость о теле

Тело наше состоит из разных органов, из коих каждый совершает свое отправление, существенно необходимое для жизни телесной. Главных органов три:

1) *желудок* с легкими, сердцем, артериями и венами, лимфатическими сосудами и множеством других сосудов, сосудцев и желез, служащих для разных отделений из крови и соков тела; отправление всех их — *питание* тела или плототворение;

2) *система мускулов и костей*, отправление коих есть *движение* внутри и вовне;

3) *система нервов*, центр коих — голова, спинной мозг и система ганглий — где-то под брюшную и грудную преградою, а разветвления проникают все тело; отправление ее — *чувствительность*.

Когда ход этих отправлений и взаимное их отношение в порядке, тело здорово и жизнь вне опасности; а когда этот порядок нарушается, тело заболевает и жизнь в опасности. Каждое отправление имеет свою потребность, которая дает себя живо чувствовать живущему, требуя удовлетворения.

Потребности желудочной, или питательной и плототворной, части суть *пища, питье, воздух, сон*; *потребность мускульно-костяной* части есть потребность *напрягать мускулы*, которую всякий чувствует, долго засидевшись, и прямо *потребность движения*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной части* — *приятное раздражение нервов* всего тела, как мерность тепла и холода и подобное, и *особенно приятное раздражение пяти наших чувств*, в которых нервная система вышла наружу для общения со внешним миром.

Все это, как видите, телесно; душе какое бы до всего этого дело? Но как она, по теснейшему сочетанию с телом, приняла его в свою личность, то своими считает и все потребности телесные. Оттого говорим: я хочу есть, пить, спать, хочу ходить, гулять, работать, хочу видеть разноцвет, слышать разноголосие, обонять разно-

* ...должны быть... пользующиеся миром сим, как не пользующиеся.

ухание и пр. Усвоив себе все потребности телесные, душа своим делом считает и удовлетворение их и хлопот о пище, питии, сне, одежде, крове и о всем прочем, всячески желая добиться того, чтоб тело было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованиями.

Это отношение души к телу, которое она держит не учась, а сама собою, по внутреннему некоему понуждению обнаруживается в ней вроде некоего инстинкта — *животолюбием, телолюбием, желанием покоить тело* и доставать все для того потребное. Совокупность всего этого и есть телесная сторона человеческой жизни. Но не все здесь одинаково телесно, или плотяно и чувственно. Крепко плотяно только питательная часть; но и она облагораживается приспособлением ее удовлетворения к потребностям и целям собственно душевным. Органы же движения и чувства служат более нуждам души, чем тела. А один орган, стоящий будто вне системы прочих органов, именно орган слова, — исключительно есть орган души, назначенный для служения ей одной (9, с. 15–17).

Телесная, плотская, чувственная — неодобрительная в нравственном отношении жизнь есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолюбием и телолюбием, поставляет главною для себя целию и заботою покой тела, или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных, — с забвением о душе и тем паче о духе. При этом каждая телесная потребность, естественно-простая, расплывается во множество

прививных потребностей чрез привычку и пристрастие к разным способам ее удовлетворения. Возьмите пищу или питье или одежду. Что, кажется, проще всего, сюда относящегося? А между тем сколько потребностей неотлучных: хоть умри, да подай! От того видим, что иные минуты не имеют свободной, бегая за нужным для удовлетворения их, при всем том, что десятки других лиц заняты для них тем же. У таких неизбежно должны голодать душа и дух, если они еще не совсем заглушены, забиты и погружены в чувственность.

Извольте о всем этом поразмыслить (9, с. 17–18).

45. Вторая сторона человеческой жизни: жизнь душевная и три главных ее отправления. Сторона мыслительная с ее видами. Знание и наука. Нормальная работа рассудка и пустое блуждание мыслей

Вы входили внутрь, войдемте туда снова. Смотрите, какое там множество и разнообразие действий и движений?! То одно, то другое то входит, то выходит, то принимается, то отвергается, делается и передельвается. Ибо душа приснодвижна и на одном стоять не в силах. Если мы станем смотреть в душу собообща, то ничего не разберем; надо действия ее распределить по родам и каждый род потом рассматривать особо. Да уж давно присмотрелись и распределили все действия души на три разряда — мыслей, желаний и чувств, назвав каждый особою стороною души — мыслительною, желательною и чувствующею. Возьмем

это разделение и начнем обозрывать каждую сторону (9, с. 18).

Страна мыслительная.

Если внутри нас видится смятение, то оно наибольший простор имеет в мыслях, желания же и чувства мнутся уже под действием мыслей. Но в разряде мыслей не все есть беспорядочное движение; есть в среде их ряд серьезных занятий. Они-то, собственно, и составляют настоящее дело жизни душевной со стороны мыслей. Вот эти занятия:

1. Как только заметили вы что-либо вовне посредством своих чувств или выслушали рассказ других о том, что они заметили своими чувствами, тотчас все то *воображение* воображает и *память* запоминает; и в душу ничто не может войти помимо воображения и памяти. Затем и последующая деятельность мыслительная опирается на воображение и память. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о том и думать не станешь. Бывает, что мысли прямо рождаются из души, но и они тотчас облачаются в образ. Так что мыслительная сторона души вся есть *образная*.

2. Но воображение и память добывают и хранят только материал для мыслей. Само движение мыслей исходит из души и ведется по законам ее. Припомните, как ваш меньшой брат, увидев какую-либо новую вещь, тотчас обращался к вам или другим с вопросами: «А что это? А кто это сделал? А из чего это?» — и не успокаивался, пока не решат ему всех этих вопросов и не удовлетворят его. Мыслительность души начинается именно с порождением сих

вопросов и рождает мысли в ответ на них или принимает готовые уже об этом мысли от других. Воображение и память не мыслят. Они — чернорабочие силы, подъяремные. Способность души, из которой исходят такие вопросы и к которой доискиваются и порождаются мысли в ответ на них, называется *рассудком*, которого дело рассуждать, обдумывать и находить требуемые решения. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у вас не делается без обдумывания и соображения. Всякую малость приходится обсуждать. Как бы мгновенно это ни делалось, но всюду входит соображение и идет по означенным прежде вопросам.

3. Когда вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль определенная устанавливается, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок ваш все роется, ища, что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и пр. Когда же найдете сами такое решение или, выслушав его от других, согласитесь с ним, обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное.

Это решение дает покой вашей мыслительности относительно занимавшего вас предмета. Тогда рассудок ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный — память, откуда по требованию нужды берется как пособие к решению других вопросов, как средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся таким образом понятий составляет образ ваших мыслей, который вы и обнаружива-

ете при всяком случае в речах своих. Это есть область вашего *знания*, добытого вами трудом мысленным. Чем больше у вас решено вопросов, тем больше определенных мыслей или понятий о вещах; чем больше таких понятий, тем шире круг вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у вас стоит рассудок, который своим *мыслительным* трудом добывает для вас определенные о вещах *понятия* или *познания*.

Не на всякий вопрос удается нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают-думают — и ничего определенного не придумают. Почему говорят: может быть так, а может быть этак? Это дает *мнения* и *предположения*, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся понятий. Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других позаимствует так много определенных о них мыслей и понятий, а нерешенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности и дает нам *науку* о тех предметах. Наука — венец мыслительной работы рассудка.

Все это я рассказываю вам затем, чтоб яснее вам было, в чем должна бы состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбно обсуждать не знакомое еще, чтобы

познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки; но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно, и должно. Вот этим и следовало быть у всех занято мыслительной силой. Сколько она добудет, это — судя по своей крепости; но она должна быть всегда занята серьезным делом обдумывания и обсуждения действительностей. Между тем что видим в нашей мысленной области? — Непрерывное движение образов и представлений без всякой определенной цели и порядка. Помышление за помышлением восстают и то идут в ряд, то поперечат друг другу, то забегают вперед, то возвращаются назад, то отбегают в сторону, ни на чем не останавливаясь. Это не рассуждение, а блуждание и рассеяние мыслей; следовательно, состояние совсем противоположное тому, чем бы следовало являться нашей мыслительной силе, — болезнь ее, столь внедренная в нее и общая всем, что вы ни одного не найдете человека, который бы мог постоянно вести серьезный труд мышления, не подвергаясь рассеянию и блужданию мыслей, отрывающих его от дела и увлекающих в разные стороны. Часто мы задумываемся: что это за состояние? — Вот что: мысль сходит в архив памяти и с помощью воображения перебирает там весь собравшийся хлам, переходя от истории к истории, по известным законам сцепления представлений, приплетая к бывалому небывалое, а нередко даже невозможное, пока не придет в себя и не возвратится к

действительности окружающей. Говорят: углубился. Углубился, но в пустоту, а не в серьезное обсуждение дела. Это есть то же, что сонное мечтание, — праздномыслие и пустомыслие. Понаблюдайте за собою — и увидите, что большая часть времени проходит у нас именно в таком пустомыслии и блуждании мыслей. Иной день (и не больше ли таких?) — ни одной серьезной мысли не вспадет на ум. Прошу обратить на это внимание и заняться решением вопроса: пристало ли так действовать разумной твари (9, с. 18–22)?

46. Желательная сторона душевной жизни. Правильное и беспорядочное состояние желательной области
Желательная сторона.

Действующая здесь сила есть воля, которая волит, желает приобрести, употребить или сделать, что находит полезным для себя или нужным или приятным, и не волит — не желает противного тому. Воления воли требуют соответственного дела, потому воля, прямее, есть деятельная сила, которой существенная потребность — жить и действовать. Она держит в своем заведывании все силы души и тела и все подручные способы, которые все и пускает в ход, когда нужно. В основе ее лежит ревность, или ретивость, — жажда дела, а возбуждателями стоят при ней *приятное, полезное и нужное*, которых когда нет, ревность спит и деятельные силы теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность. Ход раскрытия сей стороны душевной таков. В душе и теле есть

потребности, к которым привились и потребности житейские — семейные и общественные. Эти потребности сами по себе не дают определенного желания, а только нудят искать им удовлетворения. Когда удовлетворение потребности тем или другим способом дано однажды, то после того, вместе с пробуждением потребности, рождается и желание того, чем удовлетворена уже была потребность. Желание всегда имеет определенный предмет, удовлетворяющий потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому с пробуждением ее рождаются и разные желания — то того, то другого, то третьего предмета, могущего удовлетворить потребность. В раскрывшейся жизни человека потребностей за желаниями и не видно. Роятся в душе только сии последние и требуют удовлетворения, будто сами для себя. Что делать душе с сими желаниями? Ей предлежит *выбор*, какому предмету из возжеланных дать предпочтение. По выборе происходит *решение* — сделать, или достать, или употребить избранное. По решении делается подбор *средств* и определяется способ и порядок исполнения. За этим следует, наконец, дело в свое время и в своем месте. Всякое, даже самое маленькое дельце идет сим порядком. Это можете вы проверить на каком-либо своем деле. По навыку, иногда все эти действия совершаются мгновенно и за желанием тотчас следует дело. Выбор, решение и средства берутся тогда из прежних дел и особого производства не требуют.

В пожившем человеке все почти делается по навыку. Редко случается какое-либо предприятие или начинание, выходящее из обычного порядка дел и знаний. Так уж бывает, что сложившаяся жизнь требует ответственных себе дел. Как они повторяются часто, то естественно обращаются в навык, нрав, правило жизни и характер. Из совокупности всех такого рода навыков, правил и порядков устанавливается образ жизни известного лица, как из совокупности установившихся понятий составляется образ его мыслей и воззрений. Зная чей-либо образ жизни, можно угадывать, что думает он в то или другое время и как поступит он в известных обстоятельствах.

Заправителем деятельной жизни поставлено *благоразумие*, которое есть тот же рассудок, только состоящий на службе у воли. В мысленной области рассудок решает, как что есть из существующего, а в желательной и деятельной определяет, как что делать должно, чтоб верно было достигаемо то, что законно желательно. Когда навыкнет он определять это как следует, так что человек дела свои ведет всегда или большею частью с успехом, тогда ему справедливо приписывается *благоразумие* — умение с успехом вести дела, верно соображая средства с целями и дела — с внешними обстоятельствами. Из сказанного вам нетрудно будет вывести заключение о естественно-законной деятельности воли, которая, как видите, есть госпожа всех наших сил и всей жизни. Ее дело — определять образ, способ и меру удовлетворения желаний, порож-

даемых потребностями или их заменивших, чтоб жизнь текла достойно, доставляя покой и радость живущему. Есть у нас, как поминалось, потребности и желания — душевные, телесные, житейские и общественные. Не у всех они одинаково проявляются, потому что не у всех одинаково слагается жизнь, а у одного — так, у другого — иначе. Дело человека — определить, как в своем положении может и должен он удовлетворять свои потребности и желания, приладить подходящие к тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся норме свою жизнь со всеми делами ее и начинаниями — се есть задача желательной или деятельной стороны нашей жизни. Так бы следовало. Но вникните и рассмотрите, что бывает.

В мысленной стороне у нас бывает смятение, рассеяние и блуждание мыслей, а в желательной — непостоянство, беспорядочность и своеобразие желаний, а за ними и дел. Сколько времени проходит у нас в безделии и пустоделии: шатаемся туда-сюда, сами не зная для чего; делаем и переделываем, не умея дать здорового в том отчета; идут у нас начинание за начинанием и дело за делом, но из всего выходит только толкотня — суета. Зарождаются желания — и ничего с ними не поделаешь: давай и давай. И добро бы это однажды так, а то почти что ни час. Отчего это? Расплылась госпожа наша — воля. Посмотрите еще, сколько у нас есть пришлых возбудителей желаний: гнев, ненависть, зависть, скупость, тщеславие, гордость

и подобные. Источником желаний должны быть естественные потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а в этих всех что есть естественного? Они только расстраивают естество и все порядки жизни. Откуда же это варварское нашествие? — Оставлю это вам на рассуждение (9, с. 22–26).

47. *Сторона чувства — сердце. Важное значение сердца в жизни человека. Влияние страстей на сердце*

Сторона чувства — сердце.

Кто не знает, сколь великое значение имеет в жизни наше сердце? В сердце осаждаются все, что входит в душу совне и что вырабатывается ее мыслительною и деятельною стороною; чрез сердце же проходит и то все, что обнаруживается душою вовне. Потому оно и называется центром жизни.

Дело сердца — чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствует постоянно и неотступно *состояние души и тела*, а при этом и *разнообразные впечатления* от частных действий, душевных и телесных, от окружающих и встречаемых предметов, от внешнего положения и вообще от течения жизни, понуждая и нудя человека доставлять ему во всем этом приятное и отвращать неприятное. Здоровье и нездоровье тела, живость его и вялость, утомление и крепость, бодрость и дремота; затем, что увидено, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомнано и воображено, что обдуманно и обдумывается, что сделано, делается и предлежит сделать, что добыто и добывается, что

может и не может быть добыто, что благоприятствует нам или не благоприятствует, лица ли то, или стечение обстоятельств — все это отражается в сердце и раздражает его, приятно или неприятно. Судя по нему, ему и минуты нельзя бы быть в покое, а быть в непрерывном волнении и тревоге, подобно барометру пред бурю. Но причувствовалось и многое проходит у него без следа, как можете проверить теми случаями, что когда в первый раз случится нам быть где, то все нас занимает, а после второго и третьего раза — разве что?

Всякое воздействие на сердце производит в нем особое чувство, но для различения их в нашем языке нет слов. Мы выражаем свои чувства общими терминами: приятно — неприятно, нравится — не нравится, весело — скучно, радость — горе, скорбь — удовольствие, покой — беспокойство, досада — довольность, страх — надежда, антипатия — симпатия. Понаблюдайте за собою и найдете, что на сердце бывает то одно, то другое.

Но значение сердца к экономии нашей жизни не то только, чтоб страдательно состоять под впечатлениями и свидетельствовать об удовлетворительном или неудовлетворительном состоянии нашем; но и то, чтоб поддерживать энергию всех сил души и тела. Смотрите, как спешно делается дело, которое нравится, к которому лежит сердце! А пред тем, к которому не лежит сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Оттого умеющие собою править, встречая нужное дело, которое, однако ж,

не нравится сердцу, спешат найти в нем приятную сторону и тою, помилив с нею сердце, поддерживают в себе потребную для дела энергию. Ревность, движущая сила воли, из сердца исходит. То же и в умственной работе: предмет, павший на сердце, спешнее и всестороннее обсуждается. Мысли при этом роятся сами собою и труд, как бы он ни был долог, бывает не в труд.

Не все всем нравится, и не у всех ко всему одинаково лежит сердце, но у одних больше к одному, а у других больше к другому. Это выражается так: у всякого свой вкус. Зависит это частью от естественно-го предрасположения, частью — и не больше ли? — от первых впечатлений, от впечатлений воспитания и случайностей жизни. Но как бы ни образовались вкусы, они заставляют человека так устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношениями, какие указывает его вкус и с какими мирен он бывает, удовлетворяясь ими. Удовлетворение вкусов сердечных дает ему покой сладкий, который и составляет свою для всякого меру счастья. Ничто не тревожит: вот и счастье.

Если б человек всегда в мысленной части держался здравомыслия, а в деятельности — благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных его сердцу, и, следовательно, имел бы наибольшую долю счастья. Но, как указывалось, мысленная часть редко держит себя достойно, предаваясь мечтам и рассеянности, и деятельная уклоняется от своего нор-

мального направления, увлекаясь непостоянными желаниями, возбуждаемыми не потребностями естества, а пришлыми страстями. Оттого и сердце покоя не имеет и, пока те стороны находятся в таком состоянии, иметь его не может. Больше всего тиранят сердце страсти. Не будь страстей, встречались бы, конечно, неприятности, но они никогда не мучили бы так сердца, как мучат страсти. Как жжет сердце гнев! Как терзает его ненависть! Как точит злая зависть! Сколько тревог и мук причиняет неудовлетворенное или посрамленное тщеславие! Как давит скорбь, когда гонор страдает! — Да если построже рассмотреть, то найдем, что и все наши тревоги и боли сердца — от страстей. Эти злые страсти, когда удовлетворяемы бывают, дают радость, но кратковременную, а когда не бывают удовлетворяемы, а, напротив, встречают противное, то причиняют скорбь, продолжительную и несносную.

Таким образом, видно, что сердце наше, точно, есть корень и центр жизни. Оно, давая знать о хорошем или худом состоянии человека, возбуждает к деятельности прочие силы и послед деятельности их опять принимает в себя — на усиление или ослабление того чувства, коим определяется состояние человека. Казалось бы, что ему следовало бы отдать полную власть и над управлением жизнью, как это и бывает у многих-многих вполне, а у всех прочих понемногу. Казалось бы, так, и, может быть, по естеству оно имело именно такое назначение, но привзошли страсти и все помutilи. При них и

состояние наше указывается сердцем неверно, и впечатления бывают не таковы, каким следовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбуждения других сил направляются не в должную сторону. Потому теперь закон держать сердце в руках и подвергать чувства, вкусы и влечения его строгой критике. Когда очистится кто от страстей, пусть дает волю сердцу; но пока страсти в силе, давать волю сердцу — значит явно обречь себя на всякие неверные шаги. Хуже всего поступают те, которые и целию жизни поставляют сласти сердца и наслаждение, как говорят, жизнию. Так как сласти и наслаждения плотские и чувственные дают себя сильнее чувствовать, то такие лица всегда ниспадают в грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отделяет человека от прочих живых тварей.

Так вот вам душа и душевная жизнь со всех ее сторон! Я указывал нарочно, чему естественно следует быть на каждой стороне и чему не следует (9, с. 26–30).

48. Третья сторона человеческой жизни: жизнь духовная. Достоинство человека

Душа вся обращена исключительно на устройство нашего временного быта — земного. И познания ее все строятся только на основании того, что дает опыт, и деятельность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело.

Хоть и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гости суть, заходящие к ней из другой, высшей области, именно — области духа (9, с. 31).

Что же это за дух? — *Это та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его.* Все роды существ наземных извела, по повелению Божию, земля. Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая, хотя и сходна с душою животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее ее. Что она является такою в человеке, это зависит от сочетания ее с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочетавшись с нею, столько возвысил ее над всякою нечеловеческою душою. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, и то, что свойственно душе человека одуховленной, а выше еще — то, что свойственно собственно духу. Дух как сила, от Бога испедаемая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им. Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть:

1. *Страх Божий.* Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть верховное Существо, Бог, Который все сотворил, все содержит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят и Ему угождать должны, что Он есть

Судия и Мздовоздаятель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговействует пред Богом и исполнен страха Божия.

2. *Совесть*. Сознывая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном Символе веры, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благодати, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что неправо, что угодно Богу и что не угодно, что должно и чего не должно делать, — указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздаятель. Она есть естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе с страхом Божиим и действия совести.

3. *Жажда Бога*. Она выражается во всеобщем стремлении ко всеобщему благу и яснее видна тоже во всеобщем недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? — То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога испедавши, Бога он ищет, Его вкусить желает и, в живом с Ним пребывая союзе и сочетании, в Нем

успокаивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может. Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят; но, нашедши, бросают и снова начинают искать, чтоб и то, нашедши, также бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горе — к небесному! Не разъясню вам подробно всех этих проявлений духа, навожу только мысль вашу на его присутствие в нас и прошу вас побольше подумать об этом и довести себя до полного убеждения, что, точно, в нас дух. Ибо в нем отличительная черта человека. Душа человеческая делает нас мало чем выше животных, а дух являет нас мало чем умаленным и от Ангелов. Вы, конечно, знаете смысл ходящих у нас фраз: дух писателя, дух народа. Это совокупность отличительных черт — действительных, но некоторым образом идеальных, умом дознаваемых, неуловимых и неосязаемых. То же самое есть и дух человека; только дух писателя, например, видится идеально, а дух человека присущ в нем как живая сила, живыми и ощущаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии.

Из сказанного мне желательно было бы, чтоб вы вывели такое заключение: в ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством (9, с. 31–34).

49. Всеобщность веры в бытие Божие как проявление жизни

Спрашиваете: «Но как же это вы говорите, что у вас всех есть дух с означенными проявлениями; а между тем мало ли народов, не ведущих Бога?» Народы те не ведают, что есть истинный Бог, но что Он есть все исповедуют. Веруя, что есть Бог, и желая точнее определить, что Он есть, они заблуждались и называли Богом то, что не есть Бог: кто — солнце, кто — луну или звезды или другое что. Не все, однако ж, так грубо заблуждались. Когда Бог рассеял народы по лицу земли после столпотворения, то они все понесли с собою и преданные дотоле здравые понятия о Боге яко Духе невидимом, Творце, Промыслителе, Судии и Воздаятеле. Что Он есть Творец, Промыслитель, Воздаятель, это у всех сохранилось, а что Он есть Дух невестественный, это не все сохранили, но *изменили славу нетленного Бога в подобие образа тленна человека, и птиц, и четвероног, и гад** (Рим. 1, 23). *Они разумели Бога, то есть знали, что есть Бог, но не как Бога Его прославили*** (Рим. 1, 21). У восточных народов более возвышенные о Боге имеются понятия — у персов, индийцев — азиатских и американских. Греки и римляне измельчили, так сказать, Бога. Американские, например, индийцы называют Бога всемирным Духом — невидимым, всеобъемлю-

щим. Это очень высокое представление, и себе самому оставленный дух дальше этого идти не может. Азиатские индийцы более углублялись в постижение Бога; но, удержав понятие о Его невидимости, всемогуществе и вседействии, когда задумали точнее определить Его творческие и промыслительные действия, напутали много несостоятельного и написали много баснословных историй.

Так вот в каком смысле есть не ведущие Бога! А не в том, будто есть народы, не исповедующие бытия Бога. Какие-то путешественники дали свидетельство, будто встречали народы и народцы, которые совсем не знали Бога и не воздавали Ему поклонения. Верно в этом свидетельстве только то, что они не слышали исповедания веры и не видели поклонения Богу, но чтоб ни того, ни другого не было — для этого следовало им побольше пожить между теми народами. Беккер, в наши дни, целый месяц жил среди какого-то народа около озер, чрез которые течет Нил, и не видел богопочтения. Но, говорит, подошло новолуние смотрю: царь собирается куда-то, собираются и все старшины, готовят быка. Пришел определенный день — пошли на какой-то холмик и принесли быка в жертву. Уезжай я, говорит Беккер, днями двумя-тремя раньше, мог бы со всею искренностью свидетельствовать, что этот народ не чтит Бога.

Так совсем выбросьте из головы, будто есть не признающие бытия Божия. Есть некоторые ученые, которые думают обойтись без Бога и ведут об этом толки и речи и книги

* ...славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся.

** ...не прославили Его как Бога.

пишут, но когда язык и перо тачают у них такое пусторечие, сердце их же другое говорит. Они надуваются являть себя не верующими в Бога, но очень сомнительно, чтоб окончательно успевали в этом и пред своею совестью.

Ведая Бога, все и совесть являют, и чтут Бога, и молятся Ему, и чают будущей жизни, в коей каждому воздано будет по делам его. Сила, содержащая все такие верования и убеждения, есть дух. Положим же мы с вами, что в каждом человеке есть дух — высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, характеризующая человека и отличающая его от всех других живых тварей наземных. Можно сию силу ослаблять в разных степенях, можно криво истолковывать ее требования, но совсем ее заглушить или истребить нельзя. Она — неотъемлемая принадлежность нашего человеческого естества и у всякого проявляет себя своим образом (9, с. 34–36).

50. Воздействие духа на душу человека и происходящие отсюда явления в области мыслительной, деятельной (воле) и чувствительной (сердце)

Принимаюсь за то, что было преврано, именно: что привзошло в душу вследствие соединения ее с духом, иже от Бога? От этого вся душа преобразилась из животной, какова она по природе, стала человеческою, с теми силами и действиями, какие указаны выше. Но не об этом теперь речь. Пребывая такою, как описано, она обнаруживает сверх того выс-

шие стремления и восходит на одну степень выше, являясь душою одуховленною. Такие одуховления души видны во всех сторонах ее жизни — мысленной, деятельной и чувствующей (9, с. 37).

В мысленной части от действия духа является в душе стремление к идеальности. Собственно душевная мысленность вся опирается на опыт и наблюдение. Из того, что узнается сим путем раздробленно и без связи, она строит обобщения, делает наведения и добывает таким образом основные положения об известном круге вещей. На этом бы и стоять ей. Между тем она никогда не бывает этим довольна, но стремится выше, ища определить *значение каждого круга вещей* в общей совокупности творений. Например, что есть человек — это познается посредством наблюдений над ним, обобщений и наведений. Но, не довольствуясь этим, мы задаемся вопросом: «Что значит человек в общей совокупности творений?» Доискиваясь этого, иной решит: он есть возглавление и венец тварей; иной: он есть жрец — в той мысли, что голоса всех тварей, хвалящих Бога бессознательно, он собирает и возносит хвалу Всевышнему Творцу разумною песнию. Такого рода мысли и о всяком другом роде тварей, и о всей их совокупности породить имеет позыв душа. И порождает. Отвечают ли они делу или нет — это другой вопрос, но несомненно, что она имеет позыв искать их, ищет и порождает. Это и есть стремление к идеальности, ибо значение вещи есть ее идея. Это стремление обще всем. И те, которые не

дают цены никаким познаниям, кроме опытных, — и они не могут удержаться от того, чтобы не поидеальничать против воли, сами не замечая того. Языком отвергают идеи, а на деле их строят. Догадки, какие они принимают и без которых ни один круг познаний не обходится, суть низший класс идей.

Образ воззрения идеальный есть метафизика и настоящая философия, которые как были всегда, так всегда и будут в области познаний человеческих. Дух, всегда нам присутствующий как существенная сила, сам Бога созерцая яко Творца и Промыслителя, и душу манит в ту невидимую и беспредельную область. Может быть, духу, по его богоподобию, предназначено было и все вещи созерцать в Боге: и он созерцал бы, если б не падение. Но всячески и теперь тому, кто хочет созерцать все сущее идеально, следует исходить от Бога или от того символа, который Богом написан в духе. Мыслители, которые не так делают, уже по тому самому не суть философы. Не веря идеям, построенным душою на основании внушений духа, они несправедливо поступают, когда не верят тому, что составляет содержание духа, ибо то есть человеческое произведение, а это — Божеское (9, с. 37–38).

В *деятельной* части от действия духа является *желание* и *производство бескорыстных дел* или добродетелей или даже и выше — стремление стать добродетельною. Собственно, дело души в этой ее части (воле) есть устройство временного быта человека, да благо будет ему.

Исполняя это назначение, она все делает по тому убеждению, что делаемое или приятно, или полезно, или нужно для устрояемого ею быта. Между тем она этим не довольствуется, но выходит из этого круга и совершает дела и начинания совсем не потому, что они нужны, полезны и приятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь к ним со всею ревностью, несмотря на то что они ничего не дают для временного быта и даже неблагоприятны ему и ведены бывают за счет его. У иного такие стремления проявляются с такою силою, что он жертвует для них всем своим бытом, чтоб жить отрешенно от всего. Проявления такого рода стремлений повсюдны, даже и вне христианства. Откуда они? — Из духа. В совести начертана норма святой — доброй и праведной жизни. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, душа увлекается ее незримою красотой и величием и решается ввести ее в круг своих дел и своей жизни, преобразуя и ее по ее требованиям. И все сочувствуют такого рода стремлениям, хотя не все всецело предаются им; но ни одного нет человека, который бы по временам не посвящал своих трудов и своего достояния на дела в таком духе (9, с. 38–39).

В *чувствующей* части от действия духа является в душе *стремление и любовь к красоте* или, как обычно говорят, к изящному. Собственное дело сей части в душе — воспринимать чувством благоприятные или неблагоприятные свои состояния и воздействия совне, по мерке удовлетворения или неудовлетво-

рения душевно-телесных потребностей. Но видим в кругу чувств вместе с этими корыстными — назовем так — чувствами ряд чувств бескорыстных, возникающих совсем помимо удовлетворения или неудовлетворения потребностей, — чувств от услаждения красотой. Глаз не хочется оторвать от цветка и слуха отратить от пени, потому только, что то и другое прекрасно. Всякий упорядочивает и украшает свое жилище так или так, потому что — так красивее. Идем в прогулку и избираем место для того по тому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого наслаждение, доставляемое картинами живописи, произведениями ваяния, музыкою и пением, а и этого всего выше — наслаждение творениями поэтическими. Изящные произведения искусства услаждают не одною красотой внешней формы, но особенно красотой внутреннего содержания, красотой умно-созерцаемой, идеальной. Откуда такие явления в душе? Это гости из другой области — из области духа. Дух, Бога ведущий, естественно постигает красоту Божию и ею единою ищет наслаждаться. Хотя не может он определенно указать, что она есть, но, сокровенно нося в себе предначертание ее, определенно указывает, что она не есть, выражая сие показание тем, что не довольствуется ничем тварным. Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, и душа увлекается вслед ее и, постигая ее своим душевным образом, то в радо-

сти бросается на то, что в ее круге представляется ей отражением ее (дилетанты), то сама придумывает и производит вещи, в которых чаёт отразить ее, как она ей представилась (художники и артисты). Вот откуда эти гости — сладостные, отрешенные от всего чувственного чувства, возвышающие душу до духа и одухотворяющие ее! Замечу, что из искусственных произведений я отношу к сему классу только те, которых содержанием служит Божественная красота незримых Божественных вещей, а не те, которые хоть и красивы, но представляют тот же обычный душевно-телесный быт или те же наземные вещи, которые составляют всегдашнюю обстановку того быта. Не красоты только ищет душа, духом водимая, но выражения в прекрасных формах невидимого прекрасного мира, куда манит ее своим воздействием дух.

Так вот что дал душе дух, сочетан будучи с нею, и вот как душа является одуховленною (9, с. 39–41)!

51. Выводы из учения о трех сторонах человеческой жизни. Возможность перехода из одного состояния в другое и преобладание той или другой стороны жизни. Преобладание душевности или плотяности как греховное состояние. Господство духовной жизни как норма истинной жизни человека

Видите, сколько у нас сторон или, лучше, степеней жизни! Есть сторона и степень жизни духовная, есть духовно-душевная, есть собственно душевная, есть душевно-телесная (кажется, я не отделил ее как

следует. Сюда принадлежат наблюдения с воображением и памятью, желания из потребностей тела и чувства телесных состояний и впечатлений), есть — телесная. Пять ярусов, но лицо человека одно, и это одно лицо живет то тою, то другою, то третью жизнью и, судя по тому, какую жизнь живет, получает особый характер, отражающийся и в его воззрениях, и в его правилах, и в его чувствах, то есть оно бывает или духовным — с духовными воззрениями, правилами и чувствами, или душевным — с душевными понятиями, правилами и чувствами, или плотским — с плотскими мыслями, делами и чувствами. (Серединных состояний — душевно-духовного и душевно-телесного — не беру в счет, чтоб не дробиться слишком.) Не то сие означает, чтоб, когда человек бывает духовен, душевность и телесность не имели уже в нем места, но то, что тогда духовность у него бывает господствующею, подчиняя себе и проникая собою душевность и телесность; равно — не то, чтоб, когда человек бывает душевен, его духовность и телесность не существовали более, но то, что тогда душевность бывает господствующею, всем управляет и всему дает свой тон, и самую духовность облекает покровом душевности; также не то, чтоб, когда человек бывает плотян, его духовность и душевность исчезали, но то, что тогда все у него оплотняется и духовность и душевность плотяны бывают, подчинены плоти и ею поправлены и в рабстве у нее содержимы (9, с. 41–42).

Так как на какой бы степени ни находился человек, другие стороны его жизни остаются присущими в нем, то ни на одной степени он не бывает закабален так, чтобы уж и высвободиться не мог из сей кабалы, но всегда имеет возможность переходить с одной степени на другую, ослабив одну сторону своей жизни и усилив другую. Так и духовный человек может ниспасть в душевность и телесность, и плотяный — подняться до духовности, когда тот возлюбит душевное и плотское, а этот възыщет духовного. Человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием и вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу — вы погасите дух, и человек стал не человек (9, с. 42–43).

Но утверждая, что человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей, я не утверждаю вместе с сим, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли вниз идет он, или снизу вверх, или что эти движения могут совершаться в нем так же быстро и часто, как переходы из одной комнаты в другую, бывающие по несколько раз в день. Я хотел этим только сказать, что человек, себя сознающий и свободный, есть виновник своего состояния внутреннего и что если он, попав в такое состояние, которое одобрить нельзя, остается в нем, то сам виноват в том и ответен пред Богом и людьми.

Всякая из показанных степеней или проявлений нашей жизни натуральна в нас и, следовательно, не может быть неодобряема сама по себе.

Ненатурально и, следовательно, само по себе неодобрительно то состояние, в котором мысли блуждают, парят и бурлят, желания непостоянствуют, возбуждаемы будучи страстями, не натуральными нам, а пришлыми, и чувства сердца волнуются и мнутся по причине сих же страстей. Я нарочно оттенял эти неестественности внутри нас, говоря о душевной жизни, чтоб остановить на них ваше внимание. Нарочно и теперь поминаю об этом, чтоб тоже заставить вас получше вникнуть в это дело и отнестись к нему по его достоинству. Блуждание помыслов, непостоянство желаний страстных и тревоги сердца непрестанно беспокоят нас, не давая ни одного дела сделать как должно и всегда почти сбивая нас с пути. Это болезнь, хотя всеобщая и повсюдная, но не естественная, а нажитая нами произвольно. Враг знает, сколько она подручна ему, и, покушаясь искусить кого, прежде всего старается столкнуть его в этот омут, именно: сначала вводит в поток помыслов, под ними потом зажигает страстные пожелания, а этим и взволновывает сердце. Кто доведен до этого, у того искушение созрело. Если не опомнится, падает и, падши, увлекается в водоворот бурливых движений помыслов, пожеланий и чувств, иногда ненадолго, иногда надолго, а нередко и навсегда. Та жизнь, частичку которой, помните, вы испытали, вся проходит в этом водовороте и бывает, судя по кружкам, где бурливее, где потише, где поскромнее, где нараспашку — во всей своей наготе и срамоте. Но и помимо

этого редко кто бывает свободен от тех бурлений внутри. Нет-нет и прорвется. От блуждания же мыслей и представлений, не знаю, есть ли кто свободный? Так вот, эту болезнь нашу извольте заметить (да вы уже ее и заметили отчасти, жалуясь на неудержимость мыслей) — и, заметив, взяться за труд врачевания. Всяко не выпускайте из мысли, что внутри вас постоянно присуще нечто недоброе, что всегда готово сбить вас с должного и направить на недолжное (9, с. 43–44).

Что касается до душевности и телесности, то они сами по себе, как замечено уже, безгрешны, как естественные нам; но человек, сформировавшийся по душевности или, еще хуже, по плотяности, небезгрешен. Он виновен в том, что дал в себе господство тому, что не предназначено к господству и должно занимать подчиненное положение. И выходит, что хотя душевность естественна, быть душевным человеку неестественно; также и плотяность естественна, но быть плотяным человеку неестественно. Погрешность здесь в исключительном преобладании того, что должно состоять в подчинении. Но когда у кого господствует духовность, тогда хоть это будет его исключительным характером и настроением, он не погрешает, во-первых, потому, что духовность есть норма человеческой жизни и что, следовательно, бывая духовным, он есть настоящий человек, между тем как душевный и плотяный человек не есть настоящий человек; а во-вторых, потому, что, как ни будь кто духовен,

он не может не давать должного душевности и плотяности, только держит их нежирно и в подчинении духу. Пусть неширока у него душевность (в научных познаниях, искусствах и делах прочих) и крепко стеснена плотяность — все он настоящий полный человек. А душевный (многознающий, искусник, делец), а тем паче плотяный — не есть настоящий человек, как бы красным ни являлся он вовне. Он безголов. Отсюда простой человек, Бога боящийся, выше многообразованного и элегантного, но не имеющего в целях своих и стремления угождения Богу. По сему же судите и о произведениях литературы и искусств. Произведения, в коих все плотяно, из рук вон нехороши; но и те, в коих господствует душевность, не отвечают своему назначению, хотя они выше плотяных. Таков суд только о тех произведениях, кои чужды духовных элементов; те же, кои прямо относятся враждебно о всем духовном, то есть о Боге и вещах Божественных, прямо суть вражеские внушения и терпимы быть не должны. Из сего вы видите, что по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, а за ними и все свое внешнее, то есть жизнь семейную и общественную. Се норма! Я не прилагаю убеждения вам жить в духе и ему все подчинять, полагая, что если вы хорошо разобрали все сказанное, то решение жить так уже присуще в вас. Вы уже и высказали свое решительное желание стоять на уровне человеческой жизни, какую

быть она предназначена. Видите теперь, какую быть она предназначена, и, конечно, желаете явить ее тако. Да ведь вы и жили доселе в своем семействе и в кругу родных так, как изображено, то есть по духу, хоть и науки проходили, и хозяйство знаете, и в музыке и пении мастерица. Вам предлежит не заводить в себе духовность, а поддерживать ее и хранить, оберегая себя от влияний и влечений душевно-плотской жизни, в водовороты которой вы начали попадать. Об этом-то мы с вами и сговорились толковать. И, конечно, вы ждете поскорее решения: так как же быть-то (9, с. 44–46)?

52. Истинное счастье человека — жизнь по духу. Тончайшая оболочка души, служащая посредницею между ею и телом и средством общения душ между собою и с миром святых и Ангелов. Светлое и темное состояние оболочки души

Пока вы не в духе живете, не ждите счастья. Душевная и телесная жизнь при благоприятном течении дают что-то похожее будто на счастье, но это бывает мимолетный призрак счастья, скоро исчезающий. К тому же при них та бурливая среда, между душою и телом образующаяся и страстными помыслами, желаниями и чувствами возметаемая, всегда бывает сильна; а при ней, по причине яда страстей, возможно только опьянение, забывающее страдание, как бывает и от опиума, но не отсутствие страданий и болей сердца. Боли сердца составляют неотъемлемую принадлежность той жизни. Дух же витает за пределами всех

треволнений и туда уносит живущего в нем и, давая ему вкушать свои блага, всегда пребывающие, делает его истинно и прочно счастливым (9, с. 47–48).

Если вы не забыли, когда-то я заводил с вами речь о некоей тонкой-претонкой стихии, которая тоньше света. Зовут ее эфир. И пусть; не в имени дело, а в признании, что она есть. Я признаю, что такая тончайшая стихия есть, все проникает и всюду проходит, служа последнею гранью вещественного бытия. Полагаю при сем, что в этой стихии витают все блаженные духи — Ангелы и святые Божии, сами будучи облечены в некую одежду из этой же стихии. Из этой же стихии и оболочка души нашей (доразумевайте при сем слове и дух, который есть душа души нашей человеческой). Сама душа-дух невещественна, но оболочка ее — из этой тонкой невещественной стихии. Тело наше грубо, а та оболочка души тончайшая есть и служит посредницею между душою и телом. Через нее душа действует на тело и тело — на душу... Из этого вам нетрудно уже вывести заключение, что та всемирная тончайшая стихия, из которой эти оболочки и в которой витают все духи, есть посредница и для взаимного общения наших душ и духов тех (9, с. 48–49).

Та стихия, о коей речь, всюду проходит и никакой нигде помехи не встречает себе. Луч солнца проходит сквозь стекло, а та стихия — и сквозь стекло, и сквозь стены, и сквозь землю, и сквозь все. Но как она проходит сквозь все, так и те, которые витают в ней, могут прохо-

дить сквозь все, когда нужно (как Спаситель прошел в горницу, где были апостолы, дверем затворенным). Обитают они в определенном месте; но, когда им повелевается или позволяется, тотчас переносятся куда нужно по той стихии и никаких преград не только не встречают, но и не видят. Когда нужно, переносятся; а когда нет такой нужды, на своем месте пребывая, видят по всем направлениям, что где есть и что где творится. И когда очи свои обращают на землю, то есть на нас, грешных, то ясно видят и нас... только не это грубое тело наше, до коего им дела нет, а видят самую душу нашу, как она есть, не непосредственно, а посредством оболочки души, сродной с их оболочкою и тою стихиею, в коей они живут, ибо состояние души верно отражается в ее оболочке.

Извольте теперь вообразить: сидят двое и разговаривают; при этом душа каждого настроена своим образом. Каждый из них не видит, что на душе у другого по причине грубой занавески тела, за которою прячется душа; а Ангелы и святые, если обратят взор на них, увидят душу их как она есть и что в ней есть, ибо какова она и что в ней отражается в ее оболочке. Если в ней святые мысли и чувства, оболочка ее светла и при каждом святом чувстве светла особым образом. А если мысли и чувства ее не совсем чисты, то и оболочка ее не светла и от каждого нечистого чувства своим образом помрачена, являясь то как туман, то как мрак ночи. Если б вы вознеслись на Небо и ангельское восприяли зрение, со- влекшись, конечно, из этого тела, то,

взглянув на землю, вы увидели бы вместо разнообразной массы людей некие тени светлые, полусветлые, туманные, мрачные; причем не дивно, что светло наряженные показались бы вам мрачными, если у них душа дурна, а одетые в рубище — светлыми, если их душа чиста. И вот такими-то видят нас небожители; и, судя по тому, какими видят, радуются о нас или скорбят (9, с. 51).

53. Оболочка души бывает светлою или темною — соответственно внутреннему настроению (состоянию). Примеры. Потемненную оболочку видят бесы

Душа в оболочке своей точно принаем вид, соответственный ее внутреннему настроению. При жизни св. Андрея, Христа ради юродивого, был в Константинополе иерей (из неженатых), постник, уединенник, молитвенник. Все его чтили. Но встретился с ним св. Андрей и видит, что он одет каким-то темным туманом, а около шеи у него обвилась змея с надписью: «змея сребролюбия». Вот какова была душа его! А между тем этого никто не видал. Увидели просвещенные очи духовные св. Андрея. Но у небожителей они еще просвещеннее. Таким образом, тогда как нам думается, что никто нас не видит, каковы мы, нас видит несметное множество очей. Видите, сколько звезд на небе! Очей, на нас обращенных, еще больше (9, с. 51–52).

Кроме Ангелов и святых, видят нас невидимо для нас и темные силы. Только они, когда душа светла, не могут смотреть на нее, боясь, по-

добно нетопырям, света, а воззревают на нее лишь тогда, когда она по-мрачаться начинает. Они всюду стаями шмыгают и, как только заметят где потемненную душу, тотчас нападают на нее огулом и начинают вертеть ее туда и сюда помыслами, страстными желаниями и волнением чувств. Та область бурливая, о коей я говорил, что между душою и телом беззаконно устрояется, есть место, где бесы подседают к душе и начинают возметать ее, как прах ветром. Они покушаются подкрасться и к светлым душам, но бывают отражаемы и поражаемы, как стрелю, лучами света. В Антиохии был волхв Киприан. Один юноша просил его расположить к нему своим волхованием Иустину, прекрасную христианку, которую он хотел взять себе в жены, а она и смотреть на него не хотела. Киприан посылал к ней несколько раз состоящих у него на службе бесов, чтоб они по-своему расшевелили в ней любовь к юноше; но те подходили к ее жилищу, а внутрь войти не могли и, воротясь, сказывали, что оттуда — изнутри — их отражает и опалает свет, ибо та Иустина, как облаком каким, одета светом и им посмотреть на нее не удалось.

Вот лучший пример того, какою светлою бывает душа, когда она бывает христианка, чиста в совести своей и Господу преданна. При чистой совести страх Божий исполняет душу и хранит ее неприкосновенною. Тогда и Господь, Который везде есть и все исполняет, посещает душу ту и она вся становится светом и сияет как звездочка (9, с. 53–54).

54. Истинная цель жизни. Образ жизни соответственно цели

Цель жизни, точно, надо определенно знать. Но мудрено ли это? И не определена ли уже она? Общее положение такое, что как есть загробная жизнь, то цель настоящей жизни всей, без изъятия, должна быть там, а не здесь. Это положение всем ведомо и толковать об нем нечего, хоть о нем меньше всего помнят на деле. Но поставьте вы себе законом для жизни вашей всеми силами преследовать эту цель, сами увидите, какой свет разольется от того на временное ваше на земле пребывание и на дела ваши. Первое, что откроется, будет убеждение, что, следовательно, все здесь есть только средства для другой жизни. Относительно же средств один закон — употреблять их, пользоваться ими так, чтоб они вели к цели, а не отклоняли от нее и не поперечили ей. Вот вам и решение вашего недоумения: не знаю, что сделать со своею жизнью. Смотрите на Небо и всякий шаг вашей жизни так соразмеряйте, чтоб он был ступанием туда. Мне кажется, что это так просто и вместе так всеобъемлюще.

Спрашиваете: надо же что-нибудь делать? Конечно, надобно. И делайте, что попадется под руки в вашем кругу и в вашей обстановке — и верьте, что это есть и будет настоящее ваше дело, больше которого от вас и не требуется. Большое заблуждение в том, когда думают, будто для Неба, или — по-прогрессистски — для того, чтоб сделать и свой вклад в недра человечества, надо предпринять большие и громкие дела. Совсем нет.

Надобно только делать все по заповедям Господним. Что же именно? — Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни, чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающиеся. Это вот как. Участь каждого Бог устроит, и все течение жизни каждого — тоже дело Его всеблагото промышления, следовательно, и каждый момент, и каждая встреча. Возьмем пример: к вам приходит бедный; это Бог его привел. Что вам сделать надо? — Помочь. Бог, приведший к вам бедного, конечно, с желанием, чтоб вы поступили в отношении к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на вас, как вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтоб вы помогли. Поможете? Угодное Богу сделаете и сделаете шаг к последней цели — наследию Неба. Обобщите этот случай — выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надобно делать то, чего хочет Бог, чтоб мы сделали. А чего Он хочет — это мы верно знаем из предписанных нам заповедей. Помощи кто ищет? Помогите. Обидел кто? Простите. Сами обидели кого? Спешите испросить прощение и помириться. Похвалил кто? Не гордитесь. Побранил? Не сердитесь. Пришло время молитвы? Молитесь. Работать? Работайте, и пр., и пр. Если, все это обсудивши, положите вы так во всех случаях действовать, чтоб дела ваши угодны были Богу, быв совершаемы неуклонно по заповедям, то все задачи относительно вашей жизни решатся этим полно и удовлетворительно. Цель — блаженная жизнь за

гробом; средства — дела по заповедям, исполнения которых требуют все случаи жизни. Мне кажется, тут все ясно и просто; и нечего вам томить себя мудреными задачами. Надо выбросить из головы все планы о *многополезной, многообъятной, общечеловеческой деятельности*, какою бредят прогрессистки, и жизнь ваша будет созерцаться вложенною в покойные рамки и без шума ведущею к главной цели. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданного томимому жаждою, не забывает.

Скажите: «Но как же, образ жизни все же надобно избрать и определить!» — Да где же это нам с вами определить? Станем обдумывать, и пойдет путаница в голове. Лучше и надежнее всего — принять с покорностию, благодарностию и любовью то определение, какое изрекает Бог течением обстоятельств жизни (9, с. 58–60).

Вы теперь под кровом родителей. Чего лучше желать? Тепло, безопасно, привольно. И живите, не залетая мыслями вдаль и делая усердно все, что лежит на вас. «Но все же, подумайте, так навсегда оставаться нельзя, должна наконец начаться жизнь своя — особная. Тут как быть? И как об этом не подумать?» Вот вам лучшее об этом думание! Предайте себя в руки Божии и молитесь, чтобы Он устроил вас, как Он находит лучшим, чтобы ваша судьбина не мешала, а способствовала вам достигнуть блаженной жизни за гробом, не мечтая о блистательной участи. Так настроившись, ждите с терпением,

что наконец изречет о вас Бог. Изречет же Он стечением обстоятельств и волею родителей. Утвердившись в этих мыслях и успокоясь в Боге, живите, не строя пустых планов, и делайте дела, которые на вас лежат в отношении к родителям, братьям и сестрам, к другим родным и ко всем людям. Но никак не думайте, чтоб эта жизнь была пуста. Все, что вы ни будете делать в сем порядке, будет дело и, если делать будете с сознанием, что так следует по заповедям и что так хочет Бог, дело, Богу угодное. Так всякая малость (9, с. 60–61).

55. Богоугодная жизнь

Эту жизнь Бог нам дал, чтоб мы имели время приготовиться к той. Эта коротенькая, а та конца не имеет. Но хоть она коротенькая, а в продолжение ее можно заготовить провианту на целую вечность. Всякое доброе дело туда отходит как вклад небольшой; из всех таких вкладов составится общий капитал, проценты с которого и будут определять содержание вкладчика во всю вечность. Кто больше пошлет туда вкладов, того содержание будет богаче; кто меньше, того и содержание будет менее богато. Господь всякому воздаст по делам его.

Вот об этом и должна быть теперь у нас вся забота — чтоб побольше переслать туда вкладов. И забота эта не мудрена и не тяжела, как удостоверяет Сам Господь, говоря: *иго Мое благо и бремя Мое легко* есть (Мф. 11, 30). Я объяснял вам это применительно к смутившим вас мыслям,

чтоб отвезть скорбь вашу, будто живете без пользы и проживете всю жизнь без пользы, если так будете жить, как живете. Весь же строй христианской жизни таков: веруй в Бога, в Троице поклоняемого, спасающего нас в Господе Иисусе Христе благодатию Святого Духа и, принимая благодатные силы чрез Божественные Таинства Святой Церкви, живи по заповедям Евангелия, одушевляясь упованием, что Бог за малый посильный труд наш, ради веры в Господа Спасителя и послушания Ему, не лишит нас небесного. Это я нарочно прибавляю, чтоб вы видели, в каком духе должно творить дела нам — христианам сущим. Ибо иные говорят: делай-делай; а другие: веруй-веруй. Надо то и другое: веру сочетавать с делами и дела — с верою.

Но все же, главным образом, внимание должно быть сосредоточено на исполнении заповедей. Уже веруем, что еще? Твори заповеди, ибо *вера без дел мертва**. И благодарение Господу, что Ему угодно было ценность дел наших определять не их широтою и величиною, а внутренним нашим расположением при делании их, окружив между тем нас премножеством случаев к деланию дел по воле Его, так что, если внимаем себе, можем поминутно делать дела богоугодные. Для этого нет нужды ходить за море, как прогрессистки, а смотри около всякий день и час; на чем видишь печать заповеди, исполняй то неотложно, в том убеж-

дении, что такого, а не другого дела требует от тебя в этот час Сам Бог.

Потрудитесь и еще крепче установиться в такой мысли. Как только установитесь, начнет покой приливать к вашему сердцу от уверенности, что всякую минуту вы работаете Господу. Это начало все обнимает. Даже когда вам велят заштопать чулок меньшему брату и вы сделаете это ради заповеди Господней — слушаться и помогать, это будет причтено к сумме дел, Богу угодных. Так всякий шаг, всякое слово, даже движение и взгляд — все можно обратить в средство ходить в воле Божией и, следовательно, поминутно двигаться к последней цели (9, с. 61–63).

Прогрессистки имеют в виду все человечество и, по меньшей мере, весь свой народ огулом. Но ведь человечество или народ не существует как одно лицо, чтоб можно было что-нибудь для него сделать сейчас. Оно состоит из частных лиц: делая для одного, делаем в общую массу человечества. Если б каждый, не пучка глаз на общность человечества, делал возможное для того, кто у него пред глазами, то все люди в совокупности в каждый момент делали бы то, в чем нуждаются все нуждающиеся, и, удовлетворяя их нуждам, устроили бы благо всего человечества, сложенного из достаточных и недостаточных, из немощных и сильных (9, с. 63–64).

Вся беда от слишком широких кругозоров. А лучше, смиренно потупя очи, глядеть под ноги и разбирать, какой где сделать следует шаг. Это самый верный путь (9, с. 64).

* Иак. 2, 26

56. Значение духовных потребностей в ряду других сторон человеческой жизни. Единое на потребу. Господство духа — естественная гармония всех потребностей, могущих дать мир и покой. Всеобщая суета и крушение духа

Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то, другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает, а когда они не удовлетворяются, то, будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу*.

Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей пособствует, и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни — гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. И се — рай! Напротив, когда дух не удовлетворяется и сие единое на потребу забыто, тогда все другие потребности разбегаются в разные стороны и каждая требует своего, и как их куча, то голоса их, как шум на базаре, оглушают бедного человека и он мечется то туда, то сюда как угорелый за удовлетворением их. Но покоя никогда не имеет, потому что, когда одна удовлетворяется, другие не довольствуются тем и, не считая себя чем-либо ниже той, которая почтена удовлетворением, настойчиво требуют своего, как у матери, когда она накормит одного ре-

бенка, другие пять кричат. Оттого внутри у такого шум, гам, разволочка во все стороны и во всем беспорядочность. Тут же зарождается и та бурливая полоса, о коей была особая речь, и еще больше возмущает и обеспокоивает все внутреннее. Такой ничем не доволен, всегда в туге, то, утомившись, стоит, выпучив глаза и недоумевая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушение духа (9, с. 65–66)!

Вот откуда и рождается вопрос: так как же быть-то? Как сделать, чтоб духовная сторона была в нас преобладающею и, заправляя всем, вносила строй в жизнь нашу?

Скажу вам наперед, что этому вопросу не было бы места, если бы жизнь, свойственная нам, развивалась как следует. Ибо и телесные с душевными потребности так же естественны нам, как и духовные, и удовлетворение им само по себе не может вносить беспорядка и смятения в жизнь, как и удовлетворение духовным. Развивайся они все в строе и естественном взаимоподчинении — и жизнь человеческая текла бы прелесть как хорошо. Посадите семечко, поливайте, держите в должной теплоте, оно даст росток, ствол, лист и, наконец, цвет прелестный. Так было бы и с человеком. Раскрывайся он в естественном чине — будет всегда выходить прекрасный человек. Отчего же это мы ни себя, ни других не видим прекрасными? Отчего жизнь наша покривляется?

Припомните, что с вами было после того, как вы окунулись немножко в тот омут или ту бурливую жизнь. Ведь у вас внутри сильное

произошло смятение. Повторись это несколько раз, и вы, если не примете предосторожностей, вплететесь в тот же водоворот — и пойдет у вас жизнь, которая есть суета и крушение духа. Так нельзя ли нашей беспорядочности объяснять тем, что есть беспорядочные люди: мы увлекаемся ими и усваиваем себе их беспорядочность. Вы вот только теперь начали подвергаться влиянию этой беспорядочности, воспитание же ваше прошло под упорядочивающими влияниями благочестивого семейства вашего и ваших родных. А другие, у которых семья и родство живут бурливо и смятенно, с малства усваивают эту смятенность и в ней вырастают. Так вот, может быть, и причина, от которой покривляется наша жизнь от естественного течения и в нее входит неестественное смятение?

Нет, этим дело не объясняется, потому что остается и еще вопрос: а в этот круг людей как зашло смятение? Откуда оно в семействах и в обществе? Вовне человек бывает таков, каков внутри. Беспорядочность в семейство и общество вошла изнутри человека. Не будь ее внутри, не было бы ее и вовне. Теперь внешнее отдает обратно внутреннему то, что от него получило. И опять вопрос: внутрь-то же откуда оно зашло? И еще скажу: внешнее бурление воздействует внутрь и там себя воспроизводит, потому что зародыш его и предрасположение к нему есть уже внутри. Вы тогда были смятены и покоя не находили. Отчего? Вы умолчали, а я не сказал вам, потому что было не время. А теперь скажу. В те два дня, пустившись в бурли-

вую жизнь, вы увлекались, сердце ваше сочувствовало если не всему, то многому. От этих сочувствий бурление и смятение возникли и в вас. Пришедши в себя, вы увидели в себе новость. Совесть доложила вам, что эта новость — дело ваше, и дело недолжное, и начала вас за это казнить. Повинуясь сему голосу, вы тогда все хорошо обсудили и верно оценили ту жизнь. После сего, если вам еще придется попасть в эту сумятицу и вы, как не раз уже говорил я, будете держать сердце свое вдали, не давая ему воли, когда оно начнет рваться на сочувствия, то вы не будете испытывать испытанного томления. Но это я поминаю мимоходом. Речь же моя о том, откуда у вас, живших доселе в других порядках, это сочувствие к тому беспорядочному. Извольте разобрать и найдете, что оно у вас и прежде было внутри, оно было скрыто, а теперь вышло наружу. Внешние влияния не дают ничего нового, а только возбуждают то, что уже есть внутри.

Скажу вам пример. Я видел прокаженных. Дети их рождаются хорошенькими и растут совсем здоровыми. Но приходит время, проказа проявляется и у них, и они начинают быть как и родители их и как все другие прокаженные. Откуда она? Вышла изнутри! А туда откуда попала? Получена вместе с рождением.

Из сего вам немудрено будет сделать такое наведение, что если мы видим внутрь себя беспорядочность и смятение — мыслей, чувств, желаний, начинаний, дел — и кружимся в них, то это потому, что зародыш всего этого внесен в естество наше и

что этот зародыш беспорядочности, раскрываясь вместе с раскрытием наших сил и потребностей, вносит в них смятение и делает, таким образом, всю нашу жизнь смятенною и бурливою.

Извольте теперь рассудить, откуда этот зародыш. Говорю: извольте рассудить об этом, потому что иначе не сможем мы найти удовлетворительного ответа на несколько уже раз повторенный вопрос: как же быть? Кто хочет успешно врачевать болезнь, должен доискаться причины ее. Без того лечение не может иметь правильного течения и успеха (9, с. 66–69).

57. Первородный грех как источник внутреннего смятения и беспорядка. Возможность врачевания поврежденного грехом состояния человека

Хоть я писал вам рассудить и сам обещался потолковать о том, откуда в нас зародыш внутреннего смятения и беспорядочности, но ведь известно уж и вы знаете, откуда он. Стало быть, нечего и рассуждать, а только припомнить, как мы веруем о сем. Веруем, что такой зародыш не Творцом при сотворении человека вложен в естество наше, а привнесен после сотворения силою падения прародителей наших, которые, преступив заповедь, повредили и расстроили естество наше, которое расстроенным и поврежденным передали и потомству своему, т.е. всему роду человеческому. Так оно и перешло и к нам с вами и служит причиною того смятения и той беспорядочности внутри нас, от которых происходят

все беспорядки и вне — в частной каждого лица, семейной и общественной жизни. Почему эта беспорядочность, хотя получается нами в зародыше вместе с рождением, но не природна нам, не принадлежит к природе человеческой, не так существенна в ней, чтоб без нее человек был уже не человек, а, напротив, без нее человек и бывает настоящим человеком? Она есть болезнь наша; и только по устранении ее мы можем являться здоровыми в таком виде, в каком следует нам быть по естеству, как оно вышло из рук Творца. Припоминаю ваше желание стать на уровне достоинства человеческого. Уврачуйте в себе болезнь означенную — и станете такими.

Запомните, что внутреннее наше смятение и беспорядочность прирождены нам, но не природны, не состоят в природе нашей как существенная часть ее, а втеснились между природными частями и их расстраивают и в собственной каждой части деятельности, и в их взаимных отношениях. Если б это природно было, то не производило бы своим присутствием страдания и муки, какие мы от того испытываем. Что природно, то радость жизни составляет, а что противно природе, то ее томит и мучит. С другой стороны, если б это природно было, то, когда бы кто явился свободным и чистым от того, уж он не был бы человек. Но мы ведаем человека, который был совершенно чист от этого и все же был человек — настоящий человек. Ведаем также, что и все, которые облакаются в Него, получают власть очищать

себя, как и Он чист есть (1 Ин. 3, 3), и являться подобными Ему.

Запомните, говорю, что эта беспорядочность прирождена нам, но не природна, запомните и убеждение в том держите крепко. Убеждение это будет поддерживать у вас ревность к лечению сей болезни. Если она не природна, то, значит, есть возможность вылечить ее. Имея же сию надежду, кто не воодушевится и самым делом лечить себя? Естество наше в чистом виде достолюбезно. Сами Ангелы взирают на него с любовью и удивлением, когда оно является таковым. Нам ли не желать увидеть его таковым и притом не вне, в других, а в себе самих? Да ведь и все счастье наше и благобытие в том состоит, чтоб избавиться от сей болезни. Ибо, когда ее не будет, что помешает нам быть в блаженном состоянии и чувствовать себя таковыми? Напротив, если эта болезнь природна, то ее уж не вылечить. Так и останется она навсегда, сколько ни трудись над изгнанием ее. Прими эту мысль — и руки опустишь, говоря себе: так, верно, уж быть. А это и есть то пагубное нечаяние, в которое вложившись, предают себя студодеянию в делание всякой нечистоты (Еф. 4, 19).

И еще повторяю: держите убеждение, что не природна нам беспорядочность наша, и не слушайте тех, которые говорят: что тут толковать, так уж мы сотворены, ничего с собою не поделаешь. Не так мы сотворены и, если возьмемся за себя как следует, что-нибудь и сделаем с собою (9, с. 69–71).

58. Изъяснение расстройства, внесенного в природу человека грехом прародителей. Общение с Богом служило источником господства духа над душою и телом. Чрез нарушение заповедей человек отделился от Бога и потерял власть над душою и телом и подчинился господству страстей. Изображение человека по падению, терзаемого страстями

Что такое сделалось с нами вследствие преступления прародительского?! Природа наша осталась та же, части и силы естества нашего остались те же, с теми же законами и требованиями. Но *не туда направилось наше сознание со свободой*, чрез что возмутили взаимное соотношение наших частей и сил и, нарушив их первообразный строй, внесли расстройство в общую деятельность и жизнь человека, породив из себя особый класс разрушительных сил — страсти, не естественные нам, но возымевшие такую власть, что всеми силами нашими ворочают, как им угодно. Вот как все это случилось.

Бог создал человека для блаженства, и именно в нем, чрез живое с ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух, как уже поминалось. Существенное свойство духа — сознание и свобода, а существенные движения его суть исповедание Бога, Творца, Промыслителя и Воздаятеля, с чувством полной от Него зависимости, что все выражается в любительном к Богу воззревании, непрестанном к Нему внимании и благоговейном пред Ним страхе, с

желанием творить всегда угодное пред Ним, по указанию законоположницы — совести, и с отрешением от всего, чтоб Единого Бога вкушать и Им Единым жить и услаждаться.

Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнался и своевольничал, а затем, чтоб, сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душою и телом, а далее — и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь — не вкушать плодов от одного дерева, названного Им древом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю (9, с. 71–73).

Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, наустив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстителем представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, — станут как боги. Они поверили и вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не

зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно-преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от дерева затем, чтоб и они не сделались богами. Этому поверили. Но, поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. «Так вот Он какой — засело у них в сердце о Боге, — а мы думали, что Он такой благой. Ну, так мы сами себя устроим наперекор Ему». — Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злomu духу: выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему — и это не как летучая мысль, а как враждебное решение (9, с. 73–74).

Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное, с отращением неким и враждебным восстанием против. За это и Бог отступил от таких преступников — и живой союз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но, храня их и содер-

жа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог возвратился бы к ним, но они упорничали и при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему. Благодарение всемилостивому Богу, что Он хоть отступил от нас, но не бросил, устроив предивный способ к воссоединению нас с Собою (9, с. 74).

Что произошло внутри человека. — Вот что! — Дух был властен над душою и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресекалось живое общение с Богом, пресекался приток и Божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а чрез душевность — телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тот же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, — и быта более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое низращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже

видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристическою их чертою. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если б не страсти, а то страсти привзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассерченного бьет гнев, как лихорадка? Как завистливого источила зависть, что посинел, бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что он кости и кожа? — Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостию. Как только произнеслось внутри праотца: так я сам... так самость внедрилась в него — сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность — со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние.

Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими поработанный. Сами по себе эти потребности мерны и небурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, — это от того, что дух бушует в них, ибо у него по природе энергия безграничная. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек. Но

главная болезнь — страсти, пришлые тираны (9, с. 74–76).

59. Необходимость обновления и самоочищения

Некто жил где-то далеко в пустыни. Заболели у него внутренности: легкие ли, или сердце, или печень, или все вместе. Боль хоть умирай. Людской помощи неоткуда ожидать, прибег к Богу со всеусильною молитвою. Услышал Господь. В одну ночь, заснувши, видит он такое видение. Пришли два Ангела с ножами, разрезали его, вынули больные части, вычистили их, вымыли и чем-то смазали. Затем все положили на свое место, спрыснули чем-то, и — все срослось, как будто и разрезав не было. Проснувшись, старец встал совсем здоровым, как будто никогда не болел, новеньким, будто юноша во цвете сил. — Видите, чего вам желаю? Чтоб в вашей душе все было перечищено, больное и старое выброшено, все оздоровленное и обновленное поставлено на свое место и вспрыснуто живою водою. И станете новенькая, свеженькая, полная светлой, отрадной жизни.

Рассказывал я эту историйку одному из трудящихся над собою. Выслушав ее, он не хладно воззвал: «О, когда бы пришли Ангелы и сделали с душою моею то же, что сделали с телом того старца!» В этом воззвании слышались и молитва, и желание свалить на других то, что должно быть сделано своими трудами. Ибо и такое лукавство не чуждо нашему сердцу, что хорошими быть мы не прочь, но потрудиться ради того — руки опускаются. Душу перечищать

и исцелять не придут Ангелы. Бывают при этом и их указания и врачумления, но делать все надо самим. Даны все средства или орудия и лекарские инструменты. Бери сам и режь себя где нужно, без всякого жаления себя. Другой никто этого не может сделать. Сам Бог не входит во святилище души могуществом Своим, а благоволительно просит входа (9, с. 90–91).

60. Как поддерживать начавшееся стремление к духовной жизни

Вот и слава Богу! Пишете, что имеете сильное желание к Богу приближаться. Благослови, Господи! К чему же другому и речь всю я вел, как не к тому, чтобы оживить в вас сие желание. И страх Божий возгревайте в себе. Ведайте, что когда есть страх Божий, то, значит, дух ваш жив и благодать Божия действует в вас. Первое дело духа нашего — ведение Бога и страх Божий, и основной дар благодати Божией есть дух страха Божия. Он и начало, и продолжение, и завершение пути спасенного. Кто имеет страх Божий — живой и действенный, тот имеет в себе неистощимую силу, движущую на все богоугодное, и вместе — бодренного стража, охраняющего от вражеских нападений и от своих уклонений на распутья. Помогите вам, Господи, возгреть и потом всегда хранить в силе сей дух страха Божия!

Что вы утречком несколько времени посвящаете на чтение духовных книг, это очень добре. Но кто же это там у вас так неблаговолительно относится к этому?! Если бы так зарядить, чтобы только и было, что

чтение да молитва, конечно, это было бы нечто выдающееся из ряда; а так — немножко почитать и подумать, что тут особенного?! Сколько я знаю, все благочестивые и богобоязненные так делают...

Это чтение, вместе с предшествующею молитвою, душу скрепляет и дает ей силу на целый день. Лекаря говорят: натошак не выходи наружу. В отношении к душе это исполняется утреннею молитвою и чтением. Напитается ими душа и уже нетошею выходит на дела дня (9, с. 115–116).

61. Поверка жизни

У нас есть неусыпный страж — совесть. Что худо сделано, она никак не пропустит; и, как вы ей ни толкуйте, что то ничего, а это сойдет, она не престанет твердить все свое: что худо, то худо. И вот вам *первое дело*: прислушайтесь к совести и все те дела, которые обличает она, без всяких извинений признайте грешными и готовьтесь исповедать их.

Это можно бы назвать первым и последним делом, т.е. сознаться, что безответно виноваты в том, в чем обличает совесть, положив вперед избегать того, — и довольно бы, если бы можно было быть удостоверенными, что сама совесть во всем исправна. А то бывает, что иного она не заметит по какому-либо смятению, иное забудет по давности, а иного, может быть, и грехом не считает по неведению или неполному знанию обязательных для нас дел. Вот здесь то на подмогу совести и надобно обратиться к заповедям Божиим, в Слове Божиим изображенным, и, пе-

ресматривая их, допытываться, не сделано ли нами чего-либо против той или другой заповеди. При этом многое припомнится, что забылось, и многое помнимое в ином виде представится, нежели как мы о нем думали. Слово Божие уподобляется зеркалу. Как, смотрясь в зеркало, всякий видит, где пятно или порошок на лице или на платье, так и душа, читая Слово Божие и там численные заповеди рассматривая, не может не видеть, исправна ли она в тех заповедях или не исправна; совесть, просвещена будучи при сем словом живого Бога, тотчас скажет это ей нелицемерно. И вот вам *второе дело*. Перебирайте заповеди и смотрите, исполнены ли они вами или нет. Например, заповедь повелевает подавать милостыню всякий раз, как кто просит ее. И смотрите, всегда ли вы это делали или не всегда: отказывали иногда не по какой-либо уважительной причине, а просто — презрели нищего. Если окажется это, вот и замечайте: *грех*.

Заповедь говорит прощать всякому все, даже неприятное и обидное. И смотрите, были ли вы всегда уступчивы, не было ли споров, крупных разговоров и даже ссор. Если припомните, что бывало, замечайте и еще: *грех*, хоть совесть обычно ни во что ставит такие дела. Еще: должно на Бога все свое упование возлагать. Так ли у вас всегда было?! В обычном течении дел этого не заметишь, но, когда встречается нужда, это тотчас выходит наружу, тотчас видно бывает, на чем опирается душа: на Боге ли или на чем другом, забывая о Боге. То несомненно, что

и свои все способы надо употреблять, чтобы выпутаться из стеснительных обстоятельств, ибо и они от Бога, но окончательного успеха чаять лишь от Бога, почему к Нему обращаться с молитвою о помощи и, когда уладится дело, Его благодарить яко Единого Избавителя, не помяная о своих способах. Вот и смотрите, так ли вы действовали? Если не так, замечайте и еще: *грех*. Так поступайте со всякою заповедью и замечайте, какими делами против какой заповеди вы проступились. Этим способом подробнее переберете вы свои дела.

Но как это удобнее сделать? Учили вы катехизис? Там каждая заповедь истолкована и показано, какие добрые дела какую заповедью на нас налагаются и какие грехи запряцаются. Возьмите его и с помощью его пересматривайте дела свои...

Полагаю, вы в первый раз хотите заняться собою как следует и определить, что такое вы и что есть в вас. Потрудитесь же просмотреть себя хорошенько по этому указанию. После, в другие разы, уже не будет для вас так сложно это дело. А теперь потрудитесь (9, с. 127–129).

62. Проверка расположений сердца. Определение главного характера или духа своей жизни

Вторая сторона жизни — расположения, или настроения и склонности сердца.

Дела не дают еще о себе полного познания. Надо поглубже в себя войти и рассмотреть, каково сердце, — и на это больше обратить внимание, чем на дела. Может случиться, на-

пример, что иной окажется неподатливым (не поможет другому) случайно, хоть сердце имеет милостивое. Но тут же не подаст и другой — не по случайности какой, а потому, что страдает скупостью. На вид оба дела одинаковы, а по внутреннему настроению действующих между ними большая разность. Дела это единичные, в этот час и в этом месте действия; а расположения означают постоянные настроения сердца, коим и определяется характер и нрав человека и откуда исходят его наибольшие желания и направления его дел. Добрые из них называются добродетелями, а худые — пороками, порочными наклонностями и страстями.

Какие расположения в сердце должно иметь христианину, указывают изречения Христа Спасителя о блаженствах, именно: смирение, сокращение, кротость, правдолюбие и истиннолюбие, милостивость, чисто-сердечие, миролюбие и терпение. Св. апостол Павел следующие указывает христианские благорасположения сердца как плоды Духа Святого: *любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22, 23). В другом месте: *облецытесь, убо яко избранныи Божии, святии и возлюбленни, во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение; приемлюще друг друга, и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы. Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть союз совершенства. И мир Божий да водворяется в серд-*

*цах ваших, в онъже и звани бысте во едином теле, и благодарни бывайте** (Кол. 3, 12–15). Противоположные сим расположения суть пороки или страсти — источники всех худых дел, губящих нас. Главнейшие из них суть: гордость, тщеславие, своекорыстие, невоздержание, гнев, ненависть, зависть, леность, страсть к утехам чувственным, уныние, отчаяние. О них апостол законоположил, что христианам не только иметь их не должно, но даже чтобы и помину об них не было среди них: *ниже да именуются в вас* (Еф. 5, 3).

Видите, как строго! Так и извольте хорошенько посмотреть, нет ли каких-либо худых склонностей и страстей. Понемногу каждая из них бывает у всякого, но они не глубоки и не постоянны. А то у всякого есть одна главная страсть, около которой увиваются уже и все прочие. Вот эту-то паче всего и позаботьтесь отыскать. Хоть она не совсем еще явна, по молодости вашей, но всяко следы ее должны быть осязательны, если вникнете. Отыскав ее, и другие потом распределите, какая ближе к ней, какая — дальше. И уразумеете строй сердца своего. Приобретение драгоценное! Потому что когда вслед

* Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны.

за сим положите очищать себя от страстей и худых склонностей, то вам видно будет, куда направлять усилие и удары, именно — на главную свою страсть. Когда одолеете ее, то все другие разбегутся сами собою; как на войне, разбив главные силы врага, прочие приходится только гнать и добивать без труда. Дела исправить легко. Не делай — и все тут. А сердце переломить и исправить не вдруг-то можно. Предлежит борьба. В борьбе же, не зная, куда направлять удары, можно из сил выбиться, барахтаясь без толку, — и никакого не получить успеха. Потрудитесь же!

Третья сторона жизни есть дух жизни. Это самое главное и вместе самое мудреное дело. Недобрый дух бывает так лукав и так умеет маскировать себя личиною доброты и умеренности, что надо иметь самое острое духовное зрение, чтобы подметить его. Зато добрый дух явен, ибо он един и единичен, именно — жить для Бога, все отложив. Противоположный ему дух есть жить для себя (эгоизм). Этот дух очень часто, если не всегда, принимает побочное направление — жить для мира.

Так вот, если мы положим, что жить для кого-либо означает дух жизни, то вам немудрено будет определить дух своей жизни, определив, для кого вы живете или, как вы еще только начинаете жить, для кого больше желаете вы жить, к чему порываетесь сердцем своим, кому больше располагаетесь посвятить жизнь свою. К чему больше клонитесь, по свойству того определяйте и дух своей жизни, хотя он теперь у

вас только в зародыше или есть как птенец малосильный. Кто для Бога живет, того дух богобоязненный, Единому Богу угодить старающийся. Кто для себя только живет, у того дух жизни самоугодливый, эгоистический, своекорыстный или плотской. Кто для мира живет, у того дух миролюбивый или суетный. По сим чертам смотрите, какой дух в вас дышит.

Судя по тому, как рванулись вы желанием к Богу приближаться, надо полагать, что главный ваш дух — добрый, настоящий дух, как ему следует быть. Судя опять по тому, что вы так недружелюбно встретили светские порядки жизни, в коих дух мира, надо полагать, что этот дух не имеет у вас места и силы, хоть и может обуять вас, если не поостережетесь. Остается под сомнением, нет ли эгоистического духа. Мне думается, что есть, хоть не знаю, в какой силе. Пусть есть; но как вы рванулись желанием к Богу приближаться, к миру же у вас душа не лежит, то эгоистический ваш дух скоро испарится, если дадите простор разгораться более и более вашему сердцу желанием к Богу. Извольте принять сие во внимание.

Так видите, что вам предлежит сделать, и сделайте. С первого взгляда это кажется громадным делом, а в существе оно просто и легко. Помолясь Богу, возьмитесь — и все можете определить в один вечер. Не за море ходить, а разбирать то, что внутри у вас же. Однако ж не отлагайте сего до того вечера, после которого и Исповедь следует. Нет, теперь же и приступите к сему, с самого на-

чала говения. Исподволь все разузнаете основательнее и отчетливее. Трудно, может быть, будет только в этот раз. Но если потом начнете жить по влечению доброго духа вашего, то сама жизнь приведет вас еще к полнейшему самопознанию. Ибо отчего большею частию не знаем себя? Оттого, что живем спустя рукава (9, с. 129–133).

63. Пробудившаяся решимость быть исправным должна определиться ясно, как стремление во всем поступать сообразно с волею Божией. Мир и радость рабов Божиих. Предупреждение от неполной решимости жить по Богу. Тот, кто ни тепл, ни холоден, будет отвержен Богом. Равнодушный к делу богоугождения

Так вот положим, что вы, вставив себя в говетельную рамку, или внешний говетельный порядок, станете между тем разбирать себя строго по сделанным указаниям, чтобы, осмотревши все неисправности, положить потом быть во всем исправною. Это слово, *быть исправною*, надо хорошенько определить. В этом существе дела, не зная которого можно сделать большую ошибку, веря между тем, что дело делается право.

Положить быть исправною. Да теперь-то чем мы худы? Чем плохо поведение наше? Я думаю, и вы испытывали, что, приступая к Исповеди, не знаешь, что сказать, не видно, в чем грешны. Отчего бы вы думали это? — От неуяснения того, чем должна быть жизнь наша, и того, направляются ли к тому все дела наши и помышления. Как это не уяснено, то, смотря на свою жизнь вообще и

видя, что она, как и у всех, дурно-го, бросающегося в глаза, ничего не представляет, остаемся покойными в себе, говоря или только по секрету чувствуя: да чего же еще хотеть? Чтобы это и в вас не сказалося, в от-вращение того писано все, доселе пи-санное. И если вы поступите по ука-занному, то уже не повернется язык ваш сказать: чего же еще хотеть? Подержу ваше внимание и еще по-дольше на этом.

Дело, как уже не раз поминалось, вот в чем! Вся наша жизнь, во всех своих частностях и дробностях, дол-жна быть посвящена Богу. Закон об-щий таков: все, что ни делаешь, де-лай сообразно с волею Божию и в угодность Богу, в славу пресвятого имени Его*. Так уж и осматривать надо всякое представляющееся дело, сообразно ли оно с волею Божию, и делать его не иначе, как удостове-рившись, что оно точно сообразно с нею, и делать так, как угодно Богу, чтобы оно было делаяемо. Кто с такою осмотрительностью и с таким ясным сознанием угодности Богу делаемых им дел поступает всегда, тот вместе с тем не может не сознавать, что жизнь его идет верно, что хоть дела его не блестящи и не совершенны, но в них сознательно не допущено ниче-го, что бы оскорбляло Бога и не было Ему угодно. Это сознание исполняет сердце его тихим миром от спокойст-вия совести и тем духовным радова-нием, которое рождается от чувства, что он не чужой Богу и что хоть не

велик, не знатен и не виден, но раб Его есть, старающийся всячески угождать Ему и все усилия свои к тому направляющий и верующий, что и Бог Сам видит его таковым.

Нравственной нашей жизни у всех и следовало бы быть такою. Меж-ду тем на деле как большею частью бывает? Живем как живется. Это-го сознательного и самодеятельного направления всех своих дел, и боль-ших и малых, в угодность Богу не имеется в мысли и намерении. Дела у нас текут как попало, и что делается, делается большею частью по за-веденным порядкам, потому что и все так делают, без уверенности в их пригодности к главной цели жизни (9, с. 138–140).

Недавно я поминал вам о духе жизни, что он бывает или богобояз-ненный, или самолюбивый, или ми-ролюбивый. И забыл приписать сю-да еще и четвертый: *ни то ни се*, хоть мимоходом где-то указывал и на это*. Этим духом дышит не наи-большая ли часть людей? Они и про-тив Бога ничего, кажется, не имеют, но и Богу угождать преднамерен-ною целию не имеют. Пришлось, на-пример, сходить в церковь — схо-дил, а нет — и горя нет. И дома, когда молятся, поклон-другой — и конец. И довольны. Так и во всем Бо-жеском. Они не то, чтобы и эгоисты были заметные, но для защиты сво-их интересов, для того, чтобы уво-лечь себя от каких-либо самопо-жертвований, всегда найдут резон уклониться. Они и не миролюбцы слишком выдающиеся, но не прочь

* Это подробно раскрыто в брошюре еп. Феофана «Семь слов в Неделе, пригото-вительные к посту». М., 1902 (9, с. 139).

* Письмо XXVI (в конце) (9, с. 140).

и потешиться вместе с миром делами мира. Такого рода люди сплошь да рядом. Это, равнодушные к делу богоугождения и спасения: ни теплые, ни холодные. Бог отверщается от них и отвергает их (9, с. 140–141).

Оставим то, чем вы были. Удостоверяю вас, что если вы добросовестно исполните все, вам прописанное, то уже перестанете быть и в малом чем похожими на таковых, а начнете делать дела все на отбор хорошие и прехорошие. Не то, что особенность какая будет, но те же дела примут особый колорит, иную стать, иное благообразие и благочиние. Благослови, Господи! От всей души желаю вам этого. Положивши все вестí по воле Божией и начавши так вестí, вы непременно осенены будете миром внутренним, возымеете покойствие сердечное — ясное, теплое, отрадное, в коем рай душевный.

Но, чтобы это было, надо возыметь решимость на такую жизнь; чтоб решимость пришла, надо восчувствовать недоброту жизни, невнимательной к главному (ни то ни се), и восхитительное достоинство жизни внимательной. И этого мало. Надо сокрушаться, что хоть немного еще прожито времени, но все же есть в нем часть, прожитая попусту. Сокрушение сердца о своей неисправности пред Богом составляет опору решимости быть впредь исправною пред Ним. Обо всем этом позаботьтесь теперь. Помогите вам, Господи! Господь, устрояющий спасение всех спасаемых, имиже вест судьбами, да научит вас, как себя наладить на то, чтобы жизнь ваша не прошла да-

ром — ни то ни се, но была Богу угодна, спасение вам принесла и послужила путем к получению Царствия Небесного (9, с. 141–142)!

64. Исправление жизни состоит в переустройстве не внешних порядков, а в духе, с готовностью бороться с препятствиями. Разные способы, какими враг старается отклонить становящихся на путь истинной жизни

Итак, вы решились все сделать как должно. Благослови, Господи! Хороши все ваши замыслы о будущих новых порядках жизни. Но чтобы с жару вы не покривили сего дела, хоть это было бы и надесно*, спешу кое-что сказать вам в руководство.

Смотрите, перестраивая все, обращайтесь более внимание на внутреннее, чем на внешнее. Внешнее пока можно оставить, как оно есть, исключая того, что по самому существу своему вредно действует на сердце — осушает, разбивает мысли, набивает лишние желания и подобное.

Перестройка, конечно, должна коснуться и внешних порядков, но не столько в их форме, сколько в духе, с которым это делать надо. Если сделать так, то внешнее останется будто то же, за малыми исключениями, но дух будет во всем совсем другой. Выгода от не слишком резкого ломания внешних порядков та, что перемена ваша никому не будет бросаться в глаза.

* Уклонение может быть на десную сторону и на шуюю (направо и налево). Первое есть ревность не по разуму, второе — леность (9, с. 144).

Второе, что нужно иметь в мысли, вы уже имеете, именно — не думать, что загаданное легко придет в исполнение. Сколько помех и совне, и со-внутри! И вы хорошо делаете, что готовитесь вступить не на цветистый путь, а на борьбу. Так-так! Бороться готовьтесь и все просите Господа, чтобы даровал вам силы все выносить, что встретите неприязненного и мешающего. На себя не надейтесь. Все упование возложите на Господа, и помощь Его всегда будет с вами.

Но, готовясь бороться, не думайте, что всегда будете торжествовать. Часто придется только оттерпливаться, неся одну тяготу. Часто придется видеть, что при всем желании быть исправною прокрадываются и прорываются промахи. Ведайте наперед, что все это в порядке вещей. Встретится — не ужасайтесь. Теперь, заранее то предвидя, и не ожидайте впереди иного течения жизни, как среди всяких противлений, волнений и неудач.

Одним только запасайтесь — крепким мужеством ни на что не смотря стоять в начатом деле. Это одно теперь на всю жизнь должно быть положено и запечатлено обетом и твердою решимостию. А как пойдет жизнь, какие будут успехи и промахи, как встретят то другие — это все отдайте на волю Божию. Из опытов, замеченных в житиях святых, видно, что Господь разное ведет к совершенству тех, которые прилепляются к Нему теплою любовью и Ему посвящают жизнь свою. Попускает Он и врагу действовать неприязненно, не отдаляя, однако ж, при этом и Своей помогающей десницы. Все —

Бог. Но пути Его дивны и главное — сокровенны. Даже сам руководимый узревает их уже после, озираясь вспять. Как уместна потому всегдашняя молитва: *имиже веси судьбами, спаси мя!* А с молитвою — и предание себя в руки Божии — всецелое, безвозвратное.

И враг не будет дремать. Святые Божии заметили, что он на начинающих действует двояко: одним совсем не мешает и никакого противодействия не оказывает. Те, не встречая препон ни внутри, ни вовне и видя, что все идет так гладко, начинают мечтать, что вот-де мы как: вдруг всех врагов разогнали — и показаться не смеют. Как только эти мысли западут, тотчас и враг подоспеет и начнет развивать мечты тщеславные, от коих рождается самоуверенность и Божией помощи забвение, неискание и за то — лишение. Как только дело дойдет до сего, враг начнет уже тирански действовать — возбуждать недоброе внутри и сильные противления совне, — и бедный самоуверенник падает. Эти случаи нередки. И извольте принять сие на вид теперь же, когда соображаете, как устроиться в жизни, чтобы, когда начнете новую жизнь и пойдет все гладко, не возмечтать о себе, но увидеть в этом вражескую засаду самую опасную и усугублять опасливость и внимание к делу. Совершенство, мало-мальски видное, приходит после трудов и трудов, после годов и годов, а не с первых начатков и первых дней.

На других, напротив, враг с первых же дней нападает со всей силою

и стремительностью, так что начавший теряется. Куда ни обратится, все против: и в мыслях, и в чувствах, и вовне видится только одно такое, что идет поперек добрым намерениям, и ничего благоприятного. Делает это враг затем, чтобы устрашить новичка с первого раза и заставить его бросить свои благие намерения и возвратиться вспять — к жизни беспечной и невнимательной. Коль же скоро заметит, что новичок не поддается, а стоит на своем, тотчас сам отступает. Ибо мужественное стояние против врага заслуживает венцы труженикам, а он не хочет доставлять их. Так это имейте в виду, чтоб в случае сильного напора противностей сразу не сробеть, зная, что это уловка врага, которую он тотчас и бросит, как только заметит стойкость.

Вы очень хорошо делаете, что впереди не видите цветов. Это настоящее воззрение на дело. И готовность к стойкости. Однако же — спасайтесь (9, с. 144–147).

65. Предосторожности вступившему на истинный путь. Взыграние жизни весною. Отчего многие постившиеся не исправляются совершенно

Теперь укажу и две-три маленьких предосторожности.

Первая. Никогда не думать, что уже успели в чем-либо. Такова немощь наша, что мало-мальски что добренькое покажется внутри — тотчас кричим: вот оно, добились! Гоните такие мысли. Ибо доброе никогда не дается вдруг, а это враг внушает. Поддайся только этому внушению, тотчас энергия ослабеет — а тут

близко и опять нестроение. Чтобы не подпасть этой дурной мысли — всякий день, вставая, так себя настраивайте, как бы вы в первый еще раз начинали трудиться на этом пути.

Вторая. Ни под каким видом не позволять себе льгот. Пройдет день-другой в трудах самонаблюдения и самопринуждения, враг подойдет и начнет жужжать в уши: «Ну, будет, потрудились, дай теперь себе немного льготы». Это такое льстивое внушение, что и не подумаешь вдруг, что надо противостоять ему, а между тем оно такое злодейское, что только мало поддайся ему, как все внутри взбудоражится. Послабление себе есть то же, что маленькая дырочка в плотине. Только покажись эта дырочка, уж не удержишь плотины, ее непременно разнесет вода. То же внутри нас делает послабление: все размечет, так что восстановление себя надо будет опять начинать сызнова. Побойтесь же сего как самого злого, хоть и сладкоглаголивого врага. Два особенно случая предлежат, когда вам надлежит поопасаться этого. Это время Пасхи и весна. Ведь постом у нас все более или менее остепеняются. Отчего же потом не все выдерживают? Оттого, что льготы себе дают: кто в Пасху, кто после нее, весною. В Пасху думается: праздничное время, можно и вольку себе дать. Послушает кто — и разоряется в добрых настроениях. Ибо, давши себе волю, после уже не возвращается к стеснению себя и начинает по-старому творить волю плоти и помышлений.

Весна — время приятное, но сколько делает зла в нравственном отношении! Видали вы, как барашки,

когда выгоняют их на траву, прыгают, блеют, режутся? Отчего это? — Жизнь играет. Подобное взыграние жизни и люди все ощущают, не молодые только, но и старые. Тут ничего нет грешного. Это невинное чувство, но как пользуются этим люди — это не совсем бывает безгрешно. Радость жизни! Ощувив ее, надо Господа благодарить, что на земле, полной горя по грехам нашим, еще и радостям оставил Он место, чтобы мы не падали в отчаяние. А бывает что? Бога поблагодарить не благодарят, а пустятся на то, чтобы продлить эту радость, рассеиваются и возвращаются на старое. Радость эта или это взыграние жизни приятно, но оно совсем чувственно, телесно, и позывы от него появляются такие же — чувственные, телесные. Захочется смотреть на приятное для глаз, слышать приятное для слуха, обонять приятное для обоняния, подышать воздухом, проветряться приятным ветерком — вообще размножить приятные чувственные впечатления. Кто пойдет по этим позывам, тот не усидит внутри себя, а выйдет непременно вон; затем внимание к себе прекращается; мысли, чувства и желания опять начнут бурлить и вступать в прежнее нестроение. Мысль о Боге отойдет, и покой внутренний пропадет. Томимая совестью душа скажет: завтра не стану так поступать; но завтра опять то же, то же и послезавтра, а там — и руки опустились. Опять пойдет жизнь «как живет». Весь плод великопостных трудов в упорядочении души и пропадет. И это по той одной причине, что не поостереглись немного и не су-

мели отказать своим чувствам в некоторых приятностях, а при допущении иных не позаботились держать свое внутреннее в должном страхе и, увлекаясь внешним, оставляли его (внутреннее) без внимания (9, с. 161–164).

Вам уже приходила опасливая мысль: ну, как не устоишь?! Если, точно, не устоите, то возвратитесь ли к таким решительным намерениям — Бог весть. Но то ведайте, что, обратясь вспять, вы будете уже гораздо хуже, нежели каковы были, когда не начинали такой новой жизни. Спаситель подобные возвратные ниспадения в нестроение сравнивает с возвращением в покинутый было дом опять старого беса, но уже не одного, а с семью другими. И будут, заключил Он притчу Свою, человеку тому последняя горша первых. Господь да избавит вас от сего!

Прочитавши это, не скажите: ах, зачем я начинала. Нет, нет! Не мутите себя. Вы решились на достойное — на такой род жизни, при котором одним вы будете, как сначала возжелали, держать себя на уровне человеческого достоинства. Так не унижайте своего решения и Господа не оскорбляйте, будто Он оставит вас одну. Он в вас есть с благодатию Своею. Но если Господь в вас, кто против вас? (см. Рим. 8, 31). *Ибо болей есть, Иже в вас, нежели иже в мире** (1 Ин. 4, 4). К тому же внимательная к себе жизнь не такова, чтобы, лишая одних утешений, не давала взамен их ничего. Напротив, эта жизнь, с

* ...ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире.

памятию о Боге и следованием своей совести, сама в себе есть неистощимый источник радостей духовных, сравнительно с которыми земные радости — что полынь пред медом. Вам и лишать-то себя из внешнего придется немного. Все внутри должно происходить. Можно во всем участвовать и всему быть чужду. Внешне одно делается, а внутри происходит другое (9, с. 164–165).

66. Общие правила для стоящего на пути истинной жизни

Вы так решительно вступили на путь служения Господу. Благослови, Господи! Работайте же Господеви! Паче всего: 1. Поопаситесь *самоуверенности*. Оно первый враг. Исправность наша пред Богом, еще только преднамеренная, уже порождает мысль о некоей особенностях нашей пред другими и даже пред собою прошедшим, тем паче когда успеем сделать что-либо на сем пути. Как только немного постоим мы в сей исправности, она кажется чем-то дивным — и мы начинаем мечтать о себе как о лицах совершенных, совершающих дивные дела. А это враг подушает, чтобы возбудить самоуверенность. Кто поддастся и впадет в сие самоуверенность, от того тотчас отходит благодать и оставляет его одного. Тогда враг схватывает его, как беспомощную добычу.

2. *Страх и опасения* да не оставляют вас. Посреди сетей ходим. Враг никогда не искушает сразу очевидно худым, а обманывает более видимостями добра. Неопытный пойдет вслед приманки и попадает в руки

врага, как падает в яму прикрытую беспечно идущий по лесу зверь. Но, опасаясь, не теряйте мужества, ибо Господь близ.

3. Страх смерти и по смерти Суда и воздаяния да не отходит от вас. С утра вместе с тем, как восстанавливать будете память о Господе в сердце, позаботьтесь привязать к нему память и о сих последних. Затем и будьте с сим помышлением неотлучно весь день, как и с Господом, и, ко сну отходя, говорите: «Се ми гроб предлежит! Се ми смерть предстоит!» Увидите, каких охранителей найдете вы в них.

4. Нельзя вам совсем устранившись от общества. Но от вас зависит быть более в таком, в котором менее развлечений. И в этом, когда будете, внимания своего к Господу, близ и внутрь существу, и памяти смерти, готовой взять вас, не теряйте, сколько можете. Сердца своего не отдавайте под впечатления предлагающих приятностей от очей, слуха и других чувств. Жизнь в мире тем и нехороша, что слишком много набивает в душу вещей, лиц и дел, о которых воспоминание потом мутит душу. И молиться это не дает как следует. Средство против сего одно: как можно [более] беречь сердце от приятности впечатлений. Пусть все мимо вас идет и проходит, не входя в сердце.

5. Не бегайте, однако ж, людей и не угрюмничайте. В вашем положении это неудобно, да и пользы от этого вам не будет. Однако ж бывайте более с своими. У вас, верно, все порядки хороши. От них не отступай-

те, чтобы не выдать себя из ряда вон и не подвергнуться людскому пусторечию.

6. Духовные занятия: молитва, чтение и размышление — должны идти неопустительно каждый день. Что в какое время делать — сами приладьте. Пораньше вставайте и, прежде чем выходить к своим, пройдите все эти занятия, в какой мере успеете. Молитесь, однако ж, подольше. Свою кровную нужду выражайте Господу детским словом и с детским доверием, молитвы молитвенника перетрощая поклонами с краткими к Богу воззваниями. По молитве читайте с размышлением и все читаемое прилагайте к себе или додумывайтесь, как осуществить то в своей жизни. Я писал уже и еще повторяю: было бы много плодотворно, если бы вы каждое утро кратко записывали порождающиеся или размышлением добываемые мысли при чтении Евангелия и Апостола. Возьмитесь за этот труд и совершайте его в простоте, без всяких словоизвитий.

7. Трудясь всеусильно, всю печаль вашу об успехе возверзите на Господа. Уверенность в Боге — корень духовной жизни. Вдруг ничего не дастся, все придет в свое время. Все, что взыщите с верою, придет. А когда? — Когда Господу угодно будет подать. Терпите, твердо стоя в начатых порядках. Воодушевляйтесь надеждою, что придет день, когда воссияет в сердце свет обрадования и возвратит ему свободу от всех уз, и доставит легкость движения и возношения туда, куда повлекут добрые начертания духа. Будете парить тог-

да в области духовной, как птичка, выпущенная на свободу из клетки (9, с. 168–170).

67. Извлечения из поучений преподобного Пимена о богоугодной жизни, побеждении страстей и насаждении добродетелей

Начало пути Божия — покаяние и плач о грехах...

Увидел он женщину, которая сидела на могиле и горько плакала, и сказал: «Если бы явились здесь все удовольствия мира, не освободили бы души ее от скорби. Так должно всегда плакать и нам» (п. 26)*. В 27-м пункте то же обстоятельство рассказано подробнее и слова св. Пимена приведены в таком виде: «Уверю тебя, что если человек не умертвит всех вожделений плоти и не будет так плакать, то не может стать едино с Богом. Вся душа и жизнь этой женщины погрузились в скорбь». Покаявшийся и плачущий о грехах своих естественно удаляется от зла и творит благо. Зла делом совершать, пока таков, он не станет, но от худых помыслов свободен быть не может. Потому удаление его от зла исключительно почти состоит в борьбе с помыслами. На это вот что есть у св. Пимена.

Пришел один брат к авве Пимену и говорит ему: «Авва! У меня много помыслов, и я от них в опасности». Старец вывел его на воздух и сказал: «Раскрой свою пазуху и не выпускай ветра!» «Не могу этого сделать», —

* Пункты Достопамятных сказаний (9, с. 232).

отвечал брат. «Если сего не можешь сделать, — сказал старец, — то не можешь остановить и прилива помыслов. Но твое дело — противостоять им» (п. 28). Противостоять; но как? Во-первых — внимай себе и трезвись. Так один брат, сказав о себе, что, встречаясь с другими, развлекается и возвращается к себе уже не таким, каким вышел, спрашивал, как ему быть. Старец сказал ему: «Хочешь ли, возвращаясь к себе, находить себя таким, каким вышел? — Держи стражу над собою и дома, держи стражу и вне дома» (п. 137). «И вообще, — говаривал авва Пимен, — всего нужнее для нас трезвенный ум» (п. 135).

Как только, сторожа за собою, заметишь страстное, тотчас молись — и оно отойдет. Спрашивал брат авву Пимена о борьбе с восстающими помыслами, и старец ответил ему: «Это дело подобно тому, как если бы у человека с одной стороны был огонь, а с другой — чаша с водою. Когда начнет палить огонь, он берет воды из чаши и гасит огонь. Огонь — это внушения врага (страстные), а вода — усердная молитва к Богу» (п. 146).

Чтобы менее страдать от страстных помыслов, надобно удаляться поводов к возбуждению их. «Должно удаляться всего страстного», — говорил авва Пимен. «Человек, близкий к тому, что может породить страсть, подобен стоящему над глубокою пропастью, и враг человека легко низвергнуть его может в эту пропасть. Но удаляющийся от могущего возбудить страсть подобен стоящему далеко от пропасти. Пусть

враг повлечет его, чтобы низринуть в бездну, но, доколе будет влечь его с принуждением, он воззовет к Богу — и Бог поможет ему» (п. 59).

Главное — всячески ухитряйся не уступать помыслам. В поощрение к сему в сказаниях о св. Пимене читаем следующее. Брат спросил его: «Может ли человек удерживать всегда свои помыслы и ни в одном не уступать врагу?» И старец ответил: «Есть человек, который десять удерживает, а в одном уступает». Тот же брат спросил о том же авву Сисоя, и он сказал: «Действительно, есть человек, который ни в чем не уступает врагу» (п. 88, 89). И еще: авва Анувий спросил авву Пимена о нечистых помыслах, рождающихся в сердце человеческом, и о суетных пожеланиях. Авва Пимен ответил ему: *Еда прославится секира без секущего ею?** (Ис. 10, 15). Не подавай им руки — и они ничего не сделают.

Что же выйдет из такой неуступчивости? — Страсти замрут. Это вы сказал авва Пимен авве Исаяе, когда тот спросил его о нечистых помыслах, говоря: «Если сундук с платьем будет оставлен без попечения, то платье со временем истлеет; так и помыслы, если не будем исполнять их на самом деле, со временем исчезнут или как бы истлеют» (п. 20).

Авва Иосиф спросил авву Пимена о том же, и он сказал: «Если кто положит в кувшин змия и скорпиона и закроет его, то, конечно, гады со временем издохнут; так и худые помыслы, происходящие от демонов, за-

* Величается ли секира пред тем, кто рубит ею?

мрут, если с терпением будем противостоять им и не давать им пищи» (п. 21).

Но, удаляясь от зла таким безжалостным противлением страстным помыслам и пожеланиям, в то же время надо творить благо, насаждая в себе всякую добродетель. Тем и другим скоро очистится сердце.

И о насаждении добродетелей много уроков у св. Пимена. Вот главные. Приводит он изречение аввы Иоанна Колова, который говорил: «Я желаю, хотя в некоторой степени, иметь все добродетели» (п. 46). А далее и свой предлагает о сем урок, говоря: «Когда человек намерен строить дом, то собирает множество материалов и различного рода веществ, чтобы можно было ему поставить дом. Так и мы должны приобрести, хотя в некоторой степени, все добродетели» (п. 130).

Но есть добродетели источные и руководительные, на которые потому и надо устремить все свое старание. Их нередко указывает св. Пимен.

Вот: «хранение себя, внимание к самому себе и рассудительность — вот три добродетели, руководительницы души» (п. 35).

«Повергаться пред Богом, смиряться и отвергаться своей воли — вот работные орудия души!» (п. 36).

«В Писании сказано: *Аще будут сии трие мужие: Ное, Даниил и Иов, живу Аз, тии в правде своей спасутся, глаголет Господь**» (Иез. 14, 14, 20).

* ...и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, — то они праведностью своею спасли бы только свои души.

Ной изображает собою нестяжательность, Иов — терпение, Даниил — рассудительность. Если сии три добродетели есть в человеке, то Господь обитает в нем» (п. 60).

«Страх Божий, молитва и благотворение ближнему — вот три основания совершенства» (п. 160).

Авва Пимен заставляет мирянина сказать следующее: не умею говорить от Писания, а скажу вам притчу. Один человек сказал своему другу: «Я желаю видеть царя, пойдем со мною». Друг отвечал ему: «Пойду с тобою половину дороги». Сказал он и другому: «Пойди, проведи меня к царю». Он сказал: «Доведу тебя до царского дворца». Сказал он и третьему: «Пойдем со мною к царю». «Пойдем, — отвечал третий друг, — я доведу тебя до дворца, введу в него, скажу о тебе царю и представлю тебя ему». Спросили его: «Что значит эта притча?» Он ответил: «Первый друг есть подвижничество, которое доводит до истинного пути; второй — чистота, которая достигает до Небес, третий друг — милостыня, которая с дерзновением приводит к самому царю — Богу» (п. 109).

Когда, таким образом, с одной стороны — не дается уступки страстям, с другой — насаждаются добродетели, сердце мало-помалу умягчается (п. 182), согревается и приемлет в себя Божественный огонь, который только береги — и будешь безопасен. Авва Пимен говорит об этом: «Когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не может прикоснуться к нему; когда же простывает, тогда они садятся на него. То же

бывает и с душою: доколе она пребывает в духовном делании (горении духа к Богу), враг не может поразить ее» (п. 111)» (9, с. 232–237).

68. О возможности и необходимости духовной жизни для ревнителей благочестия среди житейской суеты

Граф Сперанский проходит духовную жизнь. Государственный человек, почти непрестанно занятый то административными учреждениями, то улучшением порядков государственной жизни, находил возможным умно и сердечно пребывать в Боге — всеправящем, вездесущем, всевидящем. Это приводит мне на память обычную отговорку, которою светские люди прикрывают свое нехотение потрудиться как следует над делом Божиим, делом своего спасения: «Где уж нам!» Сперанский обличает их фактически, и не он один, но и другие многие. Помнится, ту же отговорку обличал и старец Василий в своих предисловиях к статьям Добротолюбия об умном делании или молитве, помещенных в жизнеописании старца Паисия Нямецкого. «Смотри, — говорит, — какую высокую жизнь проходили люди, занятые по долгу внешними делами», — и перечисляет их. Таков был домоправитель-вельможа, о котором упоминает Симеон Новый Богослов в Слове о вере, помещенном в Добротолюбии; таков был патриарх Фотий, знакомый с сим делом до патриаршества, при трудах государственно-секретарства; таковы были и другие патриархи, у которых на руках лежало управление церковными делами, большею частью внешними,

довольно хлопотливое. Старец Василий, выставляя этих деятелей духовных среди внешних обязательных дел, имел в виду расположить ревнителей благочестия к тому же роду жизни, в свое время. Не удастся ли и нам с вами подвигнуть кого-либо на подобные же опыты, представив им картину духовной жизни, как ее живописует Сперанский в своих письмах, конечно, с собственного своего опыта (10, с. 5–7)?

69. Ложный путь к духовному совершенству у мистиков и учение святых отцов о многотрудности духовного подвига

Мистицизм и квиетизм суть болезненные порождения ложно направленной религиозности. Они явились и возможны были только на Западе, в отпадших от Святой Церкви христианских общинах, и преимущественно во время брожения умов, произведенного протестанством и Реформацией. Они искали доброго дела — живого общения с Богом, но не тем путем искали; а главное, надеялись своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, что надлежало ожидать от милости Божией и что надлежало принять как дар этой милости. В напряжениях этой самонадеянной самостоятельности разгоралось воображение и порождало мечтательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро показались и сочтены исполнившимися и цель трудов — достигнутою. Все это раскрашивалось самыми привлекательными красками и представлялось в образах прелестных, в мечтательных заоблачных созерцаниях.

Писания их завлекают, ибо говорят о дорогих сердцу предметах, но они только манят, а ничего не дают. Это отличительная черта всех их (10, с. 12–13).

Истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная (мистическая). Апостол Павел называет ее *животом сокровенным со Христом в Боге** (Кол. 3, 3); апостол Петр — *потаенным сердца человека*** (1 Пет. 3, 4); Сам Спаситель — *Царствием Божиим внутрь нас**** (Лк. 17, 21). Но в явлении своем она очень проста. Неведомо, как приходит Дух и возбуждает к покаянию. Совершив этот внутренний переворот, Он потом вооружает верующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководит в ней и помогает. Эта борьба есть у всякого, более или менее долгая и болезненная; она приводит к чистоте сердечной, ради которой верующий труженик удостоивается и яснейшего постижения истин Божиих, и сладчайшего ощущения — того и другого в таких чертах, какие точно определены в Евангелии и Писаниях апостольских. Это последнее является уже в конце долгих трудов и многих испытаний — как венец наградный (10, с. 13–14).

Истину можно сказать только по опыту, по вкушении только духовных благ самим делом; а мистики самими мечтами своими заграждают для себя настоящую туда дорогу.

* ...жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.

** ...сокровенный сердца человек.

*** ...Царствие Божие внутрь вас есть.

Напротив, в писаниях отеческих менее всего говорится об этих высших состояниях, а все о трудах покаяния, борьбы со страстями и разных при этом случаях (10, с. 14).

70. Поведение и признаки человека, в котором заглушено семя благодатно-духовной жизни, данной при Крещении. Христиане по имени

Все мы, православные христиане, получаем благодать возрождения в Таинстве Святого Крещения и благодатные дары Святого Духа в Таинстве Миропомазания. Это семя благодатно-духовной жизни во Христе Иисусе. В период воспитания следует развивать и его, наряду с развитием естественных сил человеческой природы, подобно тому, как св. Тимофею надлежало по заповеди св. апостола Павла *возгревать* в себе полученный им дар *с возложением рук священничества* (2 Тим. 1, 6; 1 Тим. 4, 14), иначе это семя заглохнет под гнетом злых движений и отправлений нашей жизни, как это и бывает нередко, если не большею частью.

Берите последний случай: семя благодатно-духовной жизни заглушено — и вы получите в человеке, возмужавшем или вступающем в жизнь, лицо без духа жизни о Христе Иисусе. Нерадение родителей и воспитателей раскрыть в нем начало и правила и требования сей жизни, а еще более недобрые примеры дома и вне, в старших и сверстниках, оставляют полный простор раскрытию в нем всех естественных недостатков поврежденного естества нашего. Но как раскрылся он, так потом начинает жить и действовать

под влиянием всех страстных наклонностей и недобрых привычек, особенно своих удельных, ибо не у всех все. Он гневлив, своекорыстен, сластолюбив, горд, завистлив, похотлив, своенравен и пр. Не то чтоб эти и подобные им страсти действовали в нем поминутно, а как только выпадает случай. Не то также, чтоб он был зазорной жизни: нет, наружно он бывает исправен и не позволит себе осрамиться пред другими дурнотою нрава: жить напоказ — главная его пружина. Не то, наконец, чтобы в нем не было ничего доброго: Создателем положено в естество наше много добра и мы, при всей испорченности нашей, не можем вконец истребить его, так что оно проглядывает и проглядывает. В нем смесь добра со злом, и перевес того или другого зависит от случайностей. Ныне рассердился, завтра перенес обиду; ныне обидел кого, завтра окажет услугу; ныне воздержался, завтра предается всему разгару утешной жизни и т.п. Он действует, как повлечет его свой нрав и сплетение внешних обстоятельств жизни, действует по движению душевно-телесных изменений и по течению окружающих событий, позволяя себе самоуправление настолько, насколько дает ему к тому сил его самолюбие. Неотлучный спутник его — отчуждение от всего Божественного и духовного, от Церкви, от лиц с христианским характером, от святых книг и бесед о святом, хоть случайно иногда и попадает туда, где хотя-нехотя соприкасается со всем этим. Забота о своем спасении и о своей за-

гробной участи никогда не посещает и не тревожит его. При всем том он приятный член общества, увлекательный собеседник, пользуется общим вниманием, уважением и славою. Только в нем ничего нет такого, что входит в состав жизни о Христе Иисусе (10, с. 16–18).

71. Признаки христиан с неполным воспитанием

Берите другой случай. Обращают внимание на христианское воспитание, но не доводят его до конца или оставляют без внимания существеннейшие и труднейшие стороны христианской жизни, останавливаясь на легчайших, видимых, внешних. Это недоконченное или не как следует направленное воспитание дает лица, которые тщательно соблюдают все установившиеся порядки благочестивой жизни, но мало обращают или и совсем не обращают внимания на внутренние движения сердца и на истинное преспеяние внутренней духовной жизни. Это не то, что лицемеры, которые намеренно так себя держат для своих особых целей: нет, они со всем усердием и любовью все исполняют и ограничиваются одним этим или преимущественно этим по незнанию лучшего, по неощущению недостаточности своего строя жизни. Они чужды смертных грехов, но за движениями помыслов сердечных не смотрят. Оттого иногда и посудят, и потщеславятся, и погордятся, и посерчают в чувстве правоты своего дела, увлекутся иногда красотой и утехами, иногда даже обидят в порывах неудо-

вольствия, поленятся молиться и в молитве расхищаются в помышлениях суетных и прочее подобное — и ничего им. Движения эти малозначительны для них. Сходили в церковь или дома помолились, подали милостыню, по заведенному порядку, исправили свои обычные дела — и совершенно довольны и покойны. А что при этом происходит в сердце, им мало заботы; между тем оно может *ковать злая* и тем отнимать всю цену у их исправной благочестивой жизни (10, с. 18–20).

72. Трудность и длительность продвижения к достижению цели и первые признаки прихождения внутрь Царствия Божия

Таким образом, кто-нибудь обращается от внешнего благочестия к внутреннему... при всей исправности, он не имеет покоя внутреннего; нет в нем того, что обетовано истинным христианам — *мира и радости о Дусе Святе** (Рим. 14, 17). Когда зародится в нем это беспокойное помышление, тогда беседа с знающими или книги растолковывают ему, в чем дело, и указывают существенный недостаток в строе его жизни, недостаток внимания к внутренним движениям и самоуправлению. Уразумевает он, что существо жизни христианской состоит в том, чтобы стать умом в сердце пред Богом в Господе Иисусе Христе благодатию Святого Духа и, оттуда управляя всеми движениями внутренними и всеми действиями внешними, все в

себе, и малое, и великое, обращать в служение Богу Триипостасному, пожершись Ему всецело сознанием и свободой (10, с. 21–22).

Уразумев это, он возлюбяет и, возлюбив, начинает ревновать о том, чтобы воспроизвести в себе такой строй жизни внутренней. О, когда бы для этого достаточно было одного желания и ревности! Задумал — и все бы явилось. Но на деле предлежит долгий и утомительный труд над собою, чтоб все упорядочить внутри себя по написанному. И что же выходит? — Цель видится светлая, желание достигнуть сильно, труд для того несетя неутомимо — и, однако ж, ничто не спеется. Все будто валится из рук, и, когда думается, что вот-вот то, что так желательно, оно оказывается не тем, что желательно, словно мираж воды жаждущему в пустыне. Долго или коротко бывает так — зависит от благодати Божией: иной годы, иной десятки годов проводит трудясь, пока успеет стать в сердце и получить искомое, потому что, при всем труде и искании, строй тот производится не одними нашими усилиями. Его подает Господь, но без искания и усилия не подает. Видит искание усердное и труд болезненный и томление жаждущего сердца — сжаливается и подает чаемое благо. Почему Он так делает — Ему единому ведомо, только без этого болезненного искания никто не доходит до того нормального строя. Это секрет духовной жизни... В сокровищницу Божию нельзя вводить, не испытав верности вводимого (10, с. 22–23).

* ...мир и радость во Святом Духе.

73. Об опасности чрезмерного увлечения богомыслием и богословием без практического внедрения в жизнь

Ищущий внутреннего Царствия Божия, или живого Богообщения, естественно думает все о Боге, с усилением обращая ум свой к Нему, о Нем только и читать ему хочется, о Нем и беседовать. Но эти одни занятия без других, о которых скажу после, не доведут до искомого. У мистиков это занятие одно выставляется на вид потому, что они теоретики, а не практики. Есть несколько излишества на этот предмет и в католических руководствах к духовной жизни, а это небезопасно. Оно приучает к легкоте, ибо легче умствовать, чем, например, молиться или внимать себе; располагает к самомнению, как работа ума, которому так сродно кичиться, и может совсем охладить к практике и, следовательно, остановить прочный успех, льстя успешностию в этом умовом деле. Посему-то здравые учителя остерегаются от этого и советуют не вдаваться слишком в это занятие, с ущербом для других. Таково учение епископа Диадокха. Вот его слова: «Для ума злострядательно долгое упражнение в молитве, ради тесноты и сосредоточенности, требуемых молитвою; в богословствовании же он с радостью вдается, ради простора и свободы, представляемой ему в этой области. Не должно позволять ему вступать на этот путь или паче меры воскрыляться на нем радостью» (10, с. 29–30).

74. Притча Господня о квасе: Царствие сначала сокровенно, а затем обнаруживается невольными влечения-

ми внутрь пред Бога, пока достигнет постоянного внедрения в сердце

Припомните теперь притчу Господню о квасе, скрытом в трех сатех муки. Квас не вдруг делается заметным, но несколько времени остается скрытым, потом уже являет заметные действия и наконец проникает все тесто. Так и Царствие в нас сначала сокровенно содержится, потом обнаруживается, наконец раскрывается или является в силе. Обнаруживается оно показанными невольными влечениями внутрь пред Бога. Тут душа не самовластна, а подлежит стороннему воздействию. Кто-то берет ее и вводит внутрь. Это Бог, благодать Духа Святого, Господь и Спаситель: как ни скажи, сила слова одна.

Бог показывает этим, что принимает душу и хочет властвовать ею и вместе приучает ее к Своему властвованию, показывая каково оно. Пока эти влечения не покажутся, а они показываются не вдруг, человек, по видимому, действует более сам, при скрытой помощи благодатной. Он напрягается вниманием и благонамерениями быть в себе, Бога помнить, отгонять пустомыслие и худомыслие и всякое дело богоугодно совершать, напрягается и трудится до утомления, но успеть в этом ему никак не удается: и мысли его расхищаются, и страстные движения одолевают его, и в делах оказываются нестроения и ошибки; все это оттого, что Бог еще не являет Своего властвования над душою. А как только показывается это (а показывается оно при сказанных влечениях), тотчас все внутри приходит в строй — знак, что Царь

тут. Пусть всякий припомнит, что бывает у него на душе, когда его привлечет внутрь или когда ему захочется помолиться самому, без молитвенника. Вот это и есть то, о чем у нас речь. Тут разумеется не необыкновенное какое состояние, а такое, какое обще всем и какое бывает у всех, не нерадящих о спасении. Только бывает оно в разных степенях силы и длительности, а в существе одно и то же, начиная с легких движений, скоро преходящих, до невозмутимых внутренних предстояний Богу, продолжающихся иногда целые часы. Бог тут сказывает: «Вот чего ищи!» Кто поймет звание и взыщет, у того влечения те станут учащаться и более длиться, пока достигнут постоянного и неизменного водворения в сердце. У святых подвижников относительно этого всюду предписывается один закон: не пропускать без внимания этого состояния и не расстроивать его не только чем-либо внешним, но даже и внутренним размышлением или какими-либо предприятиями, хотя бы они были и добрые. Даже когда это бывает во время молитвословия, велют прекращать последнее и стоять пред Богом так, полагая только поклоны малые и большие. Побудет так на душе — и отойдет. Тогда опять начнется блуждание мыслей и приращение страстных движений. Душа с Неба спускается опять на землю, из света — в сумрак, из легкого покоя — в многотрудное делание. Терпи и жди, пока опять придет это обнаружение Царствия Божия в сердце. Так будет до тех пор, пока Богу угодно будет закрепить это углубленное внутрипробывание навсегда и сде-

лать его неотходным и неизменным. Искание этого последнего и есть собственно искание Царствия Божия; появления же его — раскрытие Царствия (10, с. 36–39).

75. При появлении влечения внутрь прекращается своеличная деятельность. Отличие его от уныния:

а) при отсутствии благодатных влечений;

б) при пресыщении от чтения и размышления

Сказав, что «Царствие Божие обнаруживается», Сперанский продолжает: «Тогда, когда все размышления, все рассуждения о предметах небесных становятся сухими, скучными, безвкусными»... Нет, не так: то влечение не есть следствие этого безвкусия, а безвкусие есть следствие того влечения. Надобно сказать так: когда то влечение обнаружится, тогда прекращается всякая своеличная деятельность, умом ли или другими силами, и желания ее нет; разве только враг может подходить и на что-нибудь наводить, внушая, что то и то тебе надо сделать или обдумать, чтоб развить начинающееся доброе состояние (10, с. 39–40).

У Сперанского это выражено слишком сильно: «сухими, скучными, безвкусными», тогда как довольно было сказать: все прекращается и оставляется. Если эти слова Сперанского понять так, как они звучат, то они будут указывать на бывающие в духовной жизни остановки от сухости, безвкусия и скучности. Это припадки духа уныния — мучителя подвижников. Но тогда не бывает никаких благодатных влечений,

напротив, отсутствие их и бывает причиною уныния. Тут место только молчаливому терпению. Бывает также нечто похожее на это, когда кто долго читает со вниманием и углубленно размышляет о читаемом; душа насыщается тогда и читать более не хочет и требует утомленному вниманию отдыха в молитве. Само собою видно, что тут бывает влечение совсем не то, о котором идет речь: тут обычная потребность отдыха, обнаруживаемая утомленною душою, подобно тому, как обнаруживается она утомленным телом (10, с. 40–41).

76. Истинного христианина «един дух с Господом» (1 Кор. 6, 17). Не «Христос в нас рождается», а совершается облечение во Христа (Гал. 3, 27; Кол. 3, 10)

Не Христос в нас рождается, а мы возрождаемся по образу Христа; ибо возрождение наше в купели Крещения есть *обновление по образу Создавшего* (Кол. 3, 10), или *облечение во Христа* (Гал. 3, 27). Истинная жизнь человека, потерянная в падении, восстановлена и явлена в совершеннейшем виде в лице Иисуса Христа, Бога Слова воплощенного. Она в Нем в такой полноте, что все верующие почерпают в Нем себе истинную жизнь. Потому-то Он Сам Себя именует лозою, а всех верующих — ветвями на лозе, из лозы берущими жизненные соки.

У истинного христианина *един дух с Господом* (1 Кор. 6, 17). Так тесен союз! А между тем христианин есть сам по себе; он не исчезает во Христе Господе, а, пребывая отдельно особою, устрояет себя по образу

Христа. Производит это благодать Святого Духа, ниспосланного на землю по вознесении Христа Спасителя на Небеса и седении Его одесную Бога и Отца — и с того времени непрерывно пребывающего в Церкви и действующего в ней чрез Святые Таинства на освящение всего человечества. Такова наша духовная жизнь по источнику! Когда говорят: «Христос в нас рождается», то этим дается мысль, будто бы это производится в нас помимо нас, механически, а между тем действия благодати, обращенные на разумно-свободную тварь, не могут быть таковыми. Под ними всегда надобно доразумевать в человеке нравственно-свободные изменения ума и сердца. Эти изменения указаны пред сим, при объяснении, что есть Царствие Божие в нас.

В применении к началу жизни это будет воображение в себе Христа или преобразование своих настроений по свойствам Христа, чтоб было в нас самоотвержение Христово, терпение Христово, послушание Богу Христово, ум Христов — словом, все Христово (10, с. 41–43).

77. Период пождания: усиление ревности, уничтожение самонадеянности — «имиже веси судьбами, спаси мя», приобретение навыка богоугодной жизни, переход ревности внутрь. Значение Иисусовой молитвы для соединения ума с сердцем и прекращения брожения мыслей

Свет нисходит... Царствие Божие раскрывается — это то же, что у мореплавателей: берег! берег! Но это Царствие не приходит с усмотрением; нельзя рассчитывать: то и то сде-

лаю, так и так себя поставлю — и свет придет, и Царствие Божие раскроется. С нашей стороны, пожалуй, это так: исполняя все условия, входящие в приготовительные труды к проявлению Царствия в нас, упорствовать в ожидании его или, лучше сказать, со смиренным, постоянным, уповательным и умолительным терпением ждать, когда наконец угодно будет человеколюбивому Господу явить милость Свою к нам. Не вдруг дает Господь, а почему — Ему единому то ведомо. Жди с надеждою, ибо неложно обетование: *к нему приидем, и обитель у него сотворим** (Ин. 14, 23). Но да не будет ждание твое праздно. Господь ждет, пока, истощив все свои усилия, не видя успеха, во глубине сердца изречешь ты: «Имиже веси судьбами, спаси, Господи!» Но, чтоб истощить усилия, надобно усиливаться, или с усилием трудиться. Так уж положено, и по духу ревнующего так требуется. Решившись угождать Господу, он, не щадя себя, бросается на труды богоугождения и усталости не знает, и нет дела, на которое он не был бы готов тотчас: хочется ему отплатить за время, проведенное в нерадении. Полагаю, что и сама благодать наводит на этот порядок и дух действия. Но так только вначале...

Вначале и заметить нельзя, есть ли плод от трудов своих; со временем же, когда к порядкам богоугодной жизни приобретется навык и эта сторона не будет уже более требовать напряжения сил, дух ревности от

* Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

вне переходит внутрь, от дел — к мыслям, чувствам и намерениям. Иного на это наводит Сам Господь благодатию Своею; другому подсказывает добрый собеседник или руководитель.

Обращается внутрь ревнитель и что, думаете вы, здесь находит? — Непрестанное брожение мыслей, непрестанные страстные приражения, дебелость и холодность сердца, упорство и неподвижность на послушание, желание делать все по-своему — словом, находит у себя внутри снова все в очень дурном состоянии. Опять разгорается ревность, и труды обращаются уже на свою внутреннюю жизнь, на мысли и расположения сердца. В руководствах к внутренней духовной жизни он найдет, что надобно внимать себе, надобно наблюдать за движениями сердца, дабы не допустить ничего недоброго, надо Бога помнить и пр. Начинаются труд и усилия в этом направлении. Но мыслей не удержишь, как подвижного воздуха; дурных чувств и движений не можешь не пропустить, как дурного запаха от трупа гниющего; и к памятованию о Боге не поднимается ум, как намокшая и подмерзшая птица. Что же делать? — Говорят: терпи и трудись. Идет терпение и труд, а внутри все одно и то же. Попадется наконец кто-нибудь из знающих дело и растолковывает: оттого у тебя все нестройно внутри, что там качествует разложение сил; ум идет своим чередом, а сердце — своим. Надобно ум соединить с сердцем; тогда брожение мыслей прекратится и ты получишь руль для управления кораблем души,

рычаг, которым начнешь приводить в движение весь твой внутренний мир. Как же это? — Навыкни умом в сердце молиться: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» — и эта молитва, когда научишься совершать ее как следует или, лучше, когда она привьется к сердцу, приведет тебя к желаемому концу: она сочетает ум твой с сердцем, она уложит брожение мыслей и даст тебе силу править движениями твоей души (10, с. 51–54).

78. *Непрекращаемое влечение внутрь пред Бога есть водворение Царствия Божия внутрь нас и начало нового изменения во внутренней жизни, называемое одухотворением души и тела*

Изъявившему согласие дается ставление, как совершать сию молитву. Следовало бы тотчас начаться труду упражнения в ней, но наперед приходится победить свое неверие. Никто еще, кого не касалось это дело, сразу не верил, чтобы такое простое средство могло привести к таким важным целям, особенно в связи с некоторыми приемами, определяющими порядок производства этой молитвы. Но, наконец, надобно же что-нибудь предпринять. И вот хотя-нехотя, с полуверою и с полуневерием начинается труд навыкновения этому спасительному делу. Начатки плодов оживляют веру, вера усиливает труд и умножает плоды: дело спеется (10, с. 54–55).

В продолжение именно этого труда навыкновения умной молитве ко Господу учащаются, по милости Божией, те влечения внутрь пред Бо-

га, о которых была уже речь. А потом приходит и то, что это вовлечение внутрь укрепляется навсегда и внутрипробывание пред Богом становится непрекращаемым. Вот это и есть водворение Царствия Божия внутрь нас. Но, прибавим, это есть вместе с тем и начало для нового круга изменений во внутренней жизни, который прилично назвать одухотворением души и тела (10, с. 55–56).

В ходе сей жизни есть пространное поприще для упорства в ожидании. Все мается и мается бедная душа, ища и не обретая. Ожидать чего-нибудь от своих усилий и в ум уж не приходит. Давно уже исчезла всякая самоуверенность, и во глубине души только слышится: «имиже веши судьбами, спаси». Положение себя в руки Божии и чаяние всего от Его единой милости есть последний предел приготовления, готовности и годности к водворению Царствия Божия внутрь нас, которое, однако ж, всегда приходит не с усмотрением (см. Лк. 17, 20). Это состояние смиренного, без всяких притязаний, ожидания и есть *сумрак веры* (фраза мистиков), который сумрачен только по безвестности времени получения чаемого и искомого, тогда как предмет и основания ожидания совершенно ясны (10, с. 56).

79. *Царствие Божие есть ни с чем не сравнимое сокровище, изображенное в притче о человеке, который, нашедши в поле сокровище, продал все, что имел*

Полагаю, что у вас уже шевелится вопрос: да что же это за Царствие

Божие? На это отвечает вам далее Сперанский: «Никто не может ни описать его вам, ни дать о нем понятие: его чувствуешь, но оно не сообщаемо. Сам Иисус Христос описывает Царствие Божие лишь притчами и подобиями». Прибавим: то только всем ведомо, что это есть ни с чем не сравнимое драгоценное сокровище, не ожидаемое, а самым делом получаемое и обладаемое. Спаситель объясняет это притчею о человеке, который, нашедши на поле сокровище, обрадовался и в радости, никому не сказавши, распродал все, что имел, и купил поле то; и — другою — о купце, который, узнавши, что где-то есть драгоценная жемчужина, пошел, продал все, что имел, и купил жемчужину ту (Мф. 13, 44, 46). Можно, впрочем, в некоторой степени удовлетворить ваше любопытство, ибо что не определимо со стороны чувства, то может быть определяемо в чертах своего проявления (10, с. 56–57).

80. Царствие Божие наступает, когда Бог воцарится над нами; с психической точки зрения — когда ум сочетается с сердцем, сам срастворившись с памятью о Боге

Царствие Божие в нас есть, когда Бог воцаряется над нами, когда душа во глубине своей исповедует Бога своим Владыкою и покорствуется Ему всеми силами, и Бог владычно действует в ней и еже хотети и еже делати (Флп. 2, 13)*. С психической же точки зрения о Царствии Божиим должно сказать следующее: Царст-

вие Божие в нас зарождается, когда ум сочетается с сердцем, сам срастворившись с памятью о Боге. Человек тогда предает Господу как жертву, приятную Ему, свое сознание и свободу, а от Него получает власть над собою и силою, от Него получаемую, правит всем своим, внутренним и внешним, как бы от Его лица (10, с. 57–58).

81. Царствие Божие — это горение духа, свидетельствующее о зарождении внутренней жизни, и не только ум срастворяется с памятью о Боге, но и все существо наше духовное вступает в живое Богообщение: «Бог есть огонь». Теплота, зародившись в сердце, делается неотходною и держит при себе внимание ума — это представляет целостность нашего организма

Думаю, что и вам памятно, как в ответах старцев Варсонофия и Иоанна часто говорится о некоем огне, которому возгореться в душах учеников своих они желали всем желанием. Это говорят они о зарождении внутренней жизни, или о раскрытии Царствия Божия в нас. При этом центрируются все силы жизни человеческой воедино, как в фокус, и это отражается горением духа, или духовною теплотою; при этом не только ум срастворяется с памятью о Боге и проникается ею, но и все существо наше духовное вступает в живое Богообщение: *Бог... есть огонь* (Евр. 12, 29). И вот теплота и горение духа водворяются в нас с момента раскрытия в нас Царствия Божия. Эта черта осязательнее всех, доступнее для понятия и больше дает удобства к объяснению проявлений

* ...и хотение и действие.

духовной жизни. Известно, что когда человек в чувстве, тогда он весь сковывается тем чувством и готов и силен бывает беспрекословно делать все, к чему побуждает то чувство. Чувство походит на рычаг и руль в управлении своим внутренним. Его-то и добиваются, оно-то и дается. Что более всего озабочивает ищущего, так это внутреннее нестроение в мыслях и желаниях; вся его ревность обращена на то, как бы устранить это нестроение. К этому другого способа нет, как добыть это духовное чувство или теплоту сердечную, при памяти о Боге. Как только зародится эта теплота — мысли улягутся, внутренняя атмосфера станет ясна, станут видимы все зарождения добрых и недобрых движений души, и получится власть на отгнание последних. И на внешнее расходитя этот внутренний свет, и там дает он возможность отличать должное от недолжного, сообщая и крепость установиться в первом, несмотря ни на какие препятствия; словом, тогда начинается истинная, действенная духовная жизнь, которая доселе была только в искании, а если и проявлялась, то урывками. И при тех влечениях, о которых была речь, бывает теплота, но она прекращается с прекращением влечения. Здесь же теплота, зародившись в сердце, остается неотходною и неотходным держит при себе внимание ума. Когда ум в сердце — это и есть сочетание ума с сердцем, представляющее целостность нашего духовного организма.

Применительно к этому признаку — теплоте и горению духа — лег-

че понять, почему те или другие способности употребляются для достижения сего состояния или для приготовления к нему (10, с. 58–61).

82. Теплота духовная, способы к ее зарождению: 1) трение — труды подвижнические; 2) умная молитва к Богу (держание на солнце) — не менее трудный, но скорее приводящий к цели. Огонек есть свидетельство зарождения духовной жизни — воцарение Господа в нас

Припомните, как возбуждается теплота в физическом мире: трут дерево об дерево и получают теплоту и даже огонь; держат вещь на солнце — и она согревается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается. Способ к зарождению духовной теплоты похож на это. Трение — труды подвижничества; держание на солнце — умная молитва к Богу.

Труды подвижничества — это весь порядок богоугодной жизни. Перескажу его коротко. После того как в покаянии положено твердое намерение работать Господу и не оскорблять Его грехами, для успеха в этом и для дальнейшего движения по степеням совершенства христианской жизни требуется изменить внешний образ жизни и внешние свои отношения по требованию данного обета; связать тело правилами во всех его потребностях, особенно тех, которые больше дают подспорья страстям, благоразумным воздержанием, посильным бдением и трудом и отстранением раздражения чувств; занимать неопустительно все силы души, по духу начатой жизни: ум — душеспасительным

чтением, собеседованием и богомыслием, волю — благими делами и начинаниями в исполнении заповедей Божиих, а сердце — всяким видом молитвования, церковного и домашнего, для возбуждения и утверждения в нем святых чувств и сочувствия к небесному; старательно держать дух в страхе Божиим, в отрешении от земных благ и более всего — в покое со стороны совести. Так будут в постоянном трении и дух, и душа, и тело во всех силах и отправлениях, а чрез них и сердце — средоточие всех их. От этого оно само собою будет разогреваться все более и более, как идущий естественно разогревается от движения и напряжения сил. Трудрами подвижничества может загореться огонь и в сердце, но не скоро, если они оставляются одни: путь этот многопрепятствен. Потому-то исстари ревнители спасения, опытные в духовной жизни, не отступая от этих трудов, по Божию внушению, открыли и предали к употреблению всех другой способ для согретья сердца, и притом простейший и легчайший на вид, но не менее трудный к исполнению, только скорее приводящий к цели — это целесообразное совершение умной молитвы к Господу Спасителю. Оно состоит в следующем: стань умом и вниманием в сердце и, восставив убеждение, что Господь близ и внимает, взывай к Нему умиленно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного или грешную» — и делай это непрестанно: и в церкви, и дома, и на пути, и за делом, и за столом, и в постели, словом — с той минуты, как откроешь

глаза, до той, как закроешь их. Это будет точь-в-точь соответствовать держанию вещей на солнце, потому что тут есть держание себя пред лицом Господа, Который есть Солнце умного мира. Ведать надлежит, что плод от этой молитвы начинается тогда, когда она привьется к сердцу и углубится в него, а для этого надобно потрудиться над навыком совершать ее; для этого надобно отделять исключительно на нее известную часть времени утром и вечером. Когда все это будешь проходить с усердием, неленостно и неопустительно, — милостив Господь: затеплится огонек в сердце, который будет свидетельствовать о зарождении в средоточии естества нашего внутренней духовной жизни или о воцарении Господа в нас (10, с. 61–64).

83. Царствие Божие раскрывается, когда затеплится неотходный духовный огонь в сердце из отношения к Богу: внутрипробывание. Такой строй устанавливается каждодневно с минуты пробуждения, пока сон не смежит очи: а) прекращаются нестройные, возникающие в период искания; б) прекращается неуправляемое брожение мыслей; в) светлость во всем внутреннем: стоит одна память о Господе; г) недобрый помысл и чувство в самом зародыше встречают сопротивление; д) совесть всегда хранится чистою пред Господом; е) теплота непрестанная есть дух жизни

Отличительная черта состояния, когда раскрывается Царствие Божие внутрь, или, что то же, когда затепливается неотходный духовный огонь в сердце из отношения к Богу, есть

внутрипробывание. Сознание все сосредотачивается в сердце и стоит пред лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с соприущею готовностью весь живот свой посвящать на служение Ему Единому. Такой строй устанавливается каждодневно с минуты пробуждения от сна, держится весь день, при всех трудах и занятиях и не отходит, пока сон не смежит очи. Вместе с образованием такого строя прекращается все нестроение, которое чувствовалось внутри до этого момента, в период искания, в это переходное состояние томления, как называет его Сперанский...

Неудержимое брожение мыслей прекращается; атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоит одна мысль и память о Господе. Отсюда *светлость* во всем внутреннем. Все там ясно; всякое движение замечается и достойно оценивается при умном свете, исходящем от лица Господа созерцаемого. Вследствие сего всякий недобрый помысл и недоброе чувство, приражающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление и прогоняются. Тут исполняется то, что советует Филофей Синайский: «От утра стань у входа сердца и именем Иисусовым поражай подступающих врагов». Это прогнание недоброго может быть мгновенно, но может длиться часы, дни, месяцы и годы; между тем существо дела всегда одно: именно то, что ничто недоброе не допускается в сердце, а встречает решительный отпор с минуты сознания недоброты

его, и гнание его не прекращается, пока совершенно не упразднится от него сердце. Вслед за сим, что ни думается, что ни чувствуется, что ни желается, что ни говорится и ни делается, думается, чувствуется, желается, говорится и делается по точному сознанию, что все такое не оскорбляет неотступно созерцаемого Господа, благоугодно Ему и согласно с Его волею. Если же против воли и проскользнет что-либо противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистою пред Господом. В награду за весь такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Теплота молитвы непрестанная есть дух этой жизни, так что с прекращением сего тепления прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная (10, с. 80–83).

84. Период пождания (состояние искания) и признаки Царствия Божия — периода Богообщения, Боговселения

[Рассмотрим] свое новое состояние со стороны умовой, сердечной и деятельной...

Ум стоит в сердце пред Господом, в том убеждении или чувстве, что Он тут есть, видит, слышит и внимает. Возделывается это умным в сердце молитвенным обращением к Господу, пока это не станет преобладающим чувством; а оно становится таковым вместе с зарождением того

состояния, о котором идет речь. Вместе с этим туман внутренний рассеивается, и там становится все светло от Господа созерцаемого, Который есть свет

Пока не возделано это умное видение Господа в сердце — все ограничивается чтениями, воспроизводящими пред нами ту же истину под разными точками зрения, то есть обращаешься постоянно в том же кругу мыслей, верных по сущности, но бесплодных в своем приложении.

Сознав, в чем существо жизни христианской, и не находя ее в себе, ум начинает работать, чтоб добиться до того, читает, размышляет, беседует. При этом та истина, что жизнь зависит от сочетания с Господом, представляется в разных видах и обсуждается, но все еще остается далекою от сердца, еще не ощущается, оттого и плода не приносит. Мысли неудержимо бродят и колеблют нередко самые основания жизни. Главное, что в этом состоянии томит и тревожит, — это то, что все истины веры, будучи содержимы только познавательною стороною, подвержены в ней нападению недоразумений, сомнений и неверия. Только когда преобладающим чувством станет ощущение спасения в Господе (что бывает современно с зарождением состояния, о котором идет речь), истины святой веры начнут, одна за другою, переходить в сердце и, обращаясь в сок и кровь, отстранять наперед всякую возможность недоумений и сомнений. После сего можете слышать тысячи возражений — сердце не поколеблется, ибо оно ощуща-

ет, что все воистину так и есть, как исповедуется. До того же времени вот что бывает, как хорошо описывает далее Сперанский.

«Уверяешь себя, что все подвигаешься вперед, и, по естественному заблуждению, из разнообразия точек зрения заключаешь, что расширяешь и умножаешь свои сведения; между тем великие вопросы о воплощении, о страданиях, о смерти, о воскресении Иисуса Христа остаются неразрешенными, или стараешься согласовать их посредством аллегорических толкований и систем, более или менее остроумных, и, если в конце концов еще не находишься погруженным в сомнения, уверяешь себя, что ходишь в сумраке веры: это великое слово, дурно понятое и еще хуже приложенное, отвечает на все и успокаивает насчет всего».

Больше или меньше, но все испытывают это, особенно из тех, которые заняты науками и, следовательно, развивают в себе более познавательную сторону. Жалки все приемы для успокоения ума, придумываемые теми, которые вступают в область веры без смиренной покорности вере, с самонадеянною уверенностию все понять и уяснить! Недоумение за недоумением роится в уме, и сам же он спешит устранить их своими способами, но что ни придумывает — удовлетворения не встречает. И всегда будет так, пока сердце опытно не ощутит истинности всех истин святой веры. Тогда всем колебаниям и недоумениям конец, тогда душа успокаивается на лоне веры и свет Божий прочно озаряет все внутреннее...

То же у Сперанского и в отношении к чувству: он только намекнул на то, что бывает в этом состоянии, а больше говорит о нем, как оно бывает в состоянии предыдущем. В этом состоянии в сердце теплится молитва и дает силу отражать все суетные приражения. И в предыдущем состоянии была молитва (трудовая), но сердце почти постоянно было холодно и разве-разве когда подвигалось на теплую и усердную молитву. Теперь напротив — теплота молитвенная не отходит, а только кое-когда нападает охлаждение, которое скоро прогоняется терпеливым пребыванием в порядках и занятиях, возбуждающих чувство. Есть большая разница и в отношениях сердца к суетным и страстным приражениям — кто от них свободен! — но в предыдущем состоянии они входили в сердце, совосхищали его и будто силою брали сочувствие; оттого, хоть дел грешных не было и там, но сердце редко оставалось свободным от осквернения соуслаждением греховным. И теперь подходят те же приражения; но у входа сердца неотходно стоит страж — внимание — и именем Господа Иисуса отражает сих врагов. И только когда-то, когда враг воровски успевает заронить сласть такую, которая, впрочем, тотчас замечается, извергается и очищается покаянием до того, что и следа ее не остается. Таков обычный строй сердца в состоянии, о котором идет речь. Посмотрим теперь, что далее говорит Сперанский.

«Молитва становится кротче и горячее, или независимее, то есть из словесной она обращается в умную».

Да, это так и есть. Обращается не в умную только, но вместе и сердечную и становится умно-сердечною или сердечно-умною. Сердце молится — и ум держит во внимании и молитве. Но что пред этим сказано: «Внимательное прилежание к благочестивому чтению естественным образом производит изменение в молитве», то есть будто изменение в молитве происходит от внимательного чтения — это сюда нейдет. Благочестивое чтение в предыдущем состоянии предрасполагает к молитве или дает материал для нее, но в том состоянии молитва держится сама, исходя из всего внутреннего строя и держась на нем. Тут она все держит и всему дает движение и жизнь — и чтению, и рассуждению помыслов, и всякому благомыслию и благожеланию, ибо становится дыханием жизни духовной (10, с. 84–90).

Охлаждения бывают и в этот период неотходной теплоты сердца от внутрипребывания пред лицом Господа, но не характеризуют его. Они здесь случайны: тогда как в предыдущем состоянии, в переходном периоде искания, эти расхищения ума, блуждания помыслов, холодность или дебелисть сердца постоянны. Только в минуты благодатного влечения внутрь улегаются волны мыслей и умягчается немного сердце; но как только кончится это, опять начинается то же. И это до тех пор, пока не зародится настоящая внутренняя жизнь, первое благо которой есть неотходная теплота сердца и умирение помыслов. Испытывать это скорбно, но сил совладать с собою все же нет; и ничего не остается,

как, трудясь над собою по силе, терпеливо ждать, когда посетит Господь. Надежда получить от милостивого Господа искомое и держит в начатом пути, но уже никак не гордость. Гордость отгоняет благодать Божию и причиняет отступление помощи свыше, могущее сопровождаться гибельными последствиями. Гордость может еще держать в исправности внешнее поведение; но чтоб она располагала к трудам на стяжание внутреннего совершенства — никогда! Напротив, при первом шаге внутрь надо будет вооружиться на нее саму. А если этого не будет, то и успеха не будет, потому что гордость есть отрицание всякой помощи свыше; а без нее все наши усилия — ничто (10, с. 90–92).

При всем внутреннем убеждении, — говорится далее, — в обязанности смирения, на деле спотыкаешься на каждом шагу, и самый осторожный проводит жизнь скорее в том, что сознает свои падения, чем в том, что их избегает. Дорожишь всем, а между тем чувствуешь, что от всего следует отрешиться. Таким образом, относительно всех чувств, наиболее существенных для благочестия (говорю о молитве, о смирении и об отрешении), живешь почти в постоянном противоречии».

Обе эти черты — самомнение и дорожание всем — качеством в предыдущем состоянии, и не они одни, а и все прочие недобрые чувства и страсти живут в сердце, там спрятаны и из него выходят, когда искушают. Оттого и противоречие или постоянный разлад с собою; ум и сознание требуют одного, а сердце дер-

жит свое. В состоянии же благодати или ощутимого богообщения все страстное и неправое извергается из сердца: там вселяется благодатный огонь и начинает пережигать все наше естество из средоточия его. Дурные помыслы и страсти уже не из сердца исходят, а нападают совне и искушают, ища пробраться опять внутрь, но всегда бывают отражаемы. Что касается до указанных здесь чувств, то именно на совершенном их погашении и создается истинно духовная, внутренняя жизнь. Только тогда, когда невозвратно отходит всякая самонадеянность и самоуверенность, эти чада гордости, всякое дорожание чем-либо и всякая надежда на что-либо, кроме Бога, — только тогда и открывается доступ к нам Божию вседействию, возжигающему в сердце огонь жизни о Господе.

Вот что, наконец, говорится о *действиях*:

«Поведение вообще становится правильнее, совесть — чувствительнее; слабости представляются пороками, пороки — преступлениями».

Это решительно так. Неотходно стоя умом в сердце пред лицом Господа, человек всякое свое дело, и внутреннее и внешнее, со всеми соприкосновенностями, обсуждает так, чтоб оно вполне было угодно Господу зримому. Страх Божий — председатель в этом суде; рассуждение помыслов — делопроизводитель; совесть — судья, полагающий окончательное решение. Заседание этого внутреннего совета непрерывно. Потому-то у такого человека все дела совершаются не иначе, как по верному сознанию воли Божией на них —

велики ли они или малы. Ничто не делается как попало; внутри идет трезвенное и осмотрительное самоуправление. Господь, возобладавший сердцем, дает на то силу человеку. И он силен бывает не только противостоять внешним обстоятельствам, но и течению внутренних изменений и движений. Свойство Царствия Божия таково, что человек, возымевший Бога Царем своим, сам воцаряем бывает над собою и всю свою жизнь и все обращает в способ богоугождения. А до этого что бывает?

«Не углубляешься, — пишет далее Сперанский, — достаточно в сердце; признаешь себя за великого грешника, но в то же время говоришь себе: “таков человек”, и, обобщая таким образом свою испорченность, умаляешь ее хитрыми изворотами своего самолюбия, скрываешь ее от себя, и живительный огонь раскаяния лишь скользит по язве. Это самое плачевное заблуждение!»

Но как этому и быть иначе? Не установился внутри, ну и не видишь, что такое там делается и как делается. Там все течет само собою, без удержки и самовластного направления, а вслед за тем и вовсе вне так делается, как поведут обстоятельства. От такого механизма жизни неправости не замечаются, разве уж резкие какие и большие, как бревно; а не будучи замечаемы, не вызывают раскаяния и заботы об исправлении — и живет человек как живется. Хоть и положил он намерение жить как следует, да совладать-то с собою сил не имеет...

«Подведем, — говорит он, — итоги: мало света, беспрестанное про-

тиворечие в чувствах, много нечистоты в действиях; таково это состояние, которое я называю *состоянием томления*. Томление — истинное ему название, ибо чувствуешь себя неспособным отступить, слишком слабым, чтоб идти вперед, и, однако ж, несчастным, оставаясь на месте. Сидя около купели, проводишь года, восклицая: “Человека не имам”. О, когда придет спасение Израилево, чтоб бросить нас в эту живительную купель! Каким образом Он, принятый нами в сердце, дает нам томиться таким образом? Он внутри нас, но нас самих там нет. Итак, нужно нам туда вернуться. Довольно читать — нужно действовать; довольно глядеть, как ходят другие, — надобно ходить самому».

К этим прекрасным мыслям и внушениям нечего прибавить. Хочешь внутренней жизни — войди внутрь (10, с. 92–96).

85. *Говение: раскаяние, Исповедь, Причащение*

Как войти внутрь...

...[Сперанский] говорит об образе первого вступления в путь, ведущий к тому, таком образе, которым можно измерять шаги вперед на этом пути. Именно он говорит об удалении по временам от мира для того, чтобы поглубже заняться собою, об Исповеди и Причащении. Хоть эти три действия он называет тремя шагами, но в практике нашей Церкви это одно дело — *говение*.

Что за дивное у нас учреждение — это говение! Хочет не хочет человек, но глубже займется собою и усерднее

припадет ко Господу; а тут, неведомо как, у одного засеменяется решение исправить свою жизнь, у другого зарождается забота от внешней исправности перейти к внутренней, у третьего — возгорается огонь внутренней пред Богом жизни; далее — поддерживается и усиливается этот огонь строгим исполнением сего же учреждения во все положенные у нас посты и кроме их.

Сказав, что надо войти внутрь пред Господа, Сперанский определяет шаги туда. «Первый шаг, — говорит он, — состоит в том, чтобы войти в самого себя (удалаясь от мира); второй шаг есть раскаяние; третий — Причащение».

Иначе сказать: брось все дела на время, пересмотри всю свою жизнь, отвратись от всего худого, оплачь то, что следует оплакать, и, положив намерение ходить по заповедям непорочно, очисти себя покаянием; затем чашу спасения прими, чтоб искренне соединиться с Господом. Обновившись таким образом, ты с новыми силами опять вступишь в порядок своей жизни, на труды о спасении, соответственно степени твоего духовного преспеяния. Выносятся из этого чина говения не всеми одно: одни выносят решимость жить исправно, другие — ревность о внутренней жизни, третьи — огонь этой жизни или поддержание и усиление его...

«Удаление от мира. Быть одиноким* среди мира есть принадлежность существ совершенных, на ко-

торую мы не должны иметь притязания*. Периодические удаления необходимы. Посвятите одну-две недели на удаление, хочу сказать, на самое строгое одиночество**. Странность, приличия — все это вздор в сравнении со спасением***. Употребите это время единственно на то, чтоб рассматривать самого себя, без всякой примеси теоретических размышлений. Довольно вы размышляли, пора вам себя обсудить. Производите над собою следствие с трех главных точек: гражданской, нравственной и религиозной****.

* Утвердившиеся во внутренней жизни сильны на то, но прописываемое по временам удаление от мира, или уединение, и им необходимо (10, с. 99, сноска 2).

** У нас обычно говение ведется неделю или шесть дней — и достаточно. Временное удаление от мира требует прекращения житейских дел и сношений. У нас всего удобнее, особенно если говение предпринимается не в пост, наряду с другими, — удалиться в какую-либо благоустроенную обитель. Там легче забыть все и заняться только делом спасения: ибо для возгревания духа необходимы и церковная служба, и душеполезное чтение, и назидательная беседа. Строгое одиночество, даже временное, тому, кто еще не умеет править своим внутренним, бесполезно (10, с. 100, сноска 1).

*** Если говеть в посты, не будет никакой странности и не окажется никакого опущения приличий. К сожалению, обычай говеть в посты становится все более и более чуждым нашему обществу, особенно образованному. Это достойно сожаления, ибо обличает нерадение о спасении, а то и еще более — неверие (10, с. 100, сноска 2).

**** Рассматривать себя без пособия трудно, особенно на первый раз; надо иметь ▶

* Лучше: уединенным в себе, собранным в сердце (10, с. 90, сноска 1).

Недостаточно осудить себя в общих чертах — великая ошибка обыкновенных исповедей! — нужно спуститься до малейших подробностей, нужно иметь храбрость взглянуть в лицо всем безобразным формам своего беззакония*. Я слишком полагаюсь на благодать нашего Спасителя и на благодать, уже пребывающую в нас, чтоб не надеяться, что взгляд ваш не будет отведен изворотами самолюбия и что вы будете иметь достаточно сил, чтоб увидеть себя таковым, как вы есть**. Не выходите

из этого горнила прежде, чем когда вы убедитесь, что злодей, влекомый в темницу и терзаемый публичною казнью, есть некоторого рода святой* в сравнении с нами, людьми добра и внутреннего благочестия, которые имеем притязания** на благодать и на общение с Иисусом Христом (вы легко проникнитесь этою истиною, вместе горькою и спасительною). При этом разборе следует остерегаться одного камня претыкания: судя себя, не следует судить других, следует держаться своей

под руками книжку в руководство. Всего проще: возьми чин исповедания и просмотривай себя по нему. Кроме сего, читай Евангелие и Послания Апостольские там, где изображаются характеристические черты христианской жизни. Но поелику мы стоим на переходе к внутренней жизни, то всего пригоднее взять в руки отеческие писания об этом. Лучше всех в этом отношении Лествица св. Иоанна Лествичника (10, с. 100–101, сноска 3).

* Стороны рассматривания суть: 1) дела или факты; 2) лежащие под ними чувства и расположения, из коих каждое может быть выражаемо множеством фактов, иногда разнovidных; и 3) главное — общий дух всей жизни: кому служим, себе, миру или Богу. Когда обращаются только еще от греха к добродетели, тогда разбираются и в глаза более мечутся дела или факты; когда хотят перейти от внешней исправности к внутренней, тогда разбирают и отыскивают более чувства и расположения; а после сего стараются определить более общий дух жизни, дух самоотверженного, исключительного богоугождения. Но осматривать эти стороны должно всегда и всем (10, с. 101, сноска 1).

** Надобно усердно молить о сем Господа, прося у Него просвещения, чтоб увидеть себя. Как помогает в этом отношении от-

кровенная беседа со своим духовным отцом прежде самой Исповеди! Ее можно рекомендовать всякому, коль скоро есть возможность устроить ее (10, с. 101–102, сноска 2).

* Поменьше распалаять воображение. Ведь это поведет только к минутным движениям, как парламентские речи, хоть, конечно, сравнение и образы могут помочь в усмирении самолюбия и разогнании его обольщений. Главное, надобно позаботиться образовать глубокое и прочное чувство и убеждение в своем непотребстве и безответности пред Богом. Тут не будет времени определить есть ли кто грешнее. Надобно поставить председателями этого суда страх Божий с сознанием неумолимого правосудия Божия. Он разбудит и оживит совесть и с нею пройдет до разделения души же и духа, членов же и мозгов, то есть по всем исходищам и путям наших дел, и осудит самые сокровенные помышления сердца (10, с. 102, сноска 1).

** Не та фраза: не притязания, а самое дело. О всяком должно сказать, что он получил благодать возрождения в святом Крещении, печать дара Духа Святого в Миропомазании, получал не раз благодать разрешения от грехов в Таинстве Покаяния и благодать теснейшего общения с Господом в Таинстве Причащения. То-то ▶

личности и предоставлять все сравнения Тому, Кто ведает сердца*» (10, с. 97–103).

«Раскаяние**». Когда чувствуешь себя проникнутым, растерзанным в сознании своего беззакония, тогда понимаешь впервые, что такое раскаяние. *Сердце сокрушенное* не есть выражение метафорическое: это истинное и положительное ощущение; чувствуешь, как оно сокрушается, стирается в прах. Не бойтесь измять его; напротив того, разорвите его,

и обличительно, что не только естественные, но и все эти благодатные дары попираются грехом и грехолюбивыми расположениями (10, с. 102, сноска 2).

* Когда Бог дает сокрушение, тогда никто не придет на ум сторонний, кроме себя. Но чтобы сокрушение пришло, надобно тереть сердце. Трется оно молитвою. Надо много молиться: и в церкви, и дома; наибольшую часть говения надо посвящать молитве. Как многопомощно в этом отношении бдение или хоть умаление сна! (Достаточно вставать к утрени.) Оно даст умиление — преддверие сокрушения (10, с. 103, сноска 1).

** Это второе дело говения. Одно слово «раскаяние» не выражает его вполне. Надо разуместь при сем и Исповедь. Вернее было бы так и озаглавить. Первое дело — сознание себя кругом виновным и безответным пред Богом — производится помянутым уже судом над собою. Теперь к тому надобно приложить соответственные чувства раскаяния и силою чувств дойти до решимости вперед быть исправным во всем, в чем оказался теперь неисправным. Полное дело слагается из всех сих трех моментов. Самоиспытание и самоосуждение не полно без чувств сокрушения; а сии последние бесплодны без последующего решения являть себя вперед исправным (10, с. 103, сноска 2).

окончательно* свидетельствуя, так сказать, публично об этом внутреннем раскаянии, — хочу сказать, исповедуясь в церкви, то есть священнику, который в некотором роде есть представитель, уполномоченный всех наших верующих братьев, известных и неизвестных, видимых

* Истинное сокрушение Бог подает, и молить Его надобно о сем всеусердно, не переставая, однако ж, и своими усилиями вызывать сокрушительные чувства. Устыди себя пред людьми, Ангелами и святыми... подосадуй на себя за оплошность, поскорби за себя ради потерь, причиненных грехом, поболее, что оскорбил Бога, не перестававшего изливать на тебя Свой милости и тогда, как ты работал греху, устраши себя горькою участью, ожидающею тебя в будущем, и поплачь обо всем этом, если подаст Бог слезы. Сокрушение слагается из всех этих чувств, из коих каждое в настоящей силе то же для сердца, что удар молота для камня. Сокрушился? — Благо тебе. Но надобно же подумать и о том, чтоб поправить свое горькое состояние. Это производится решимостию не ходить более теми путями, которые довели до него. Все тут в двух словах: согрешил, не буду. Этот акт имеет иной смысл в первую Исповедь, когда отстают от греха и обращаются на путь добродетели; иной — в тот период, когда ищут внутренней жизни; и иной, когда она утверждается уже. Во втором много помогает этому делу повседневная Исповедь и откровение помыслов духовному отцу; в третьем, кроме сего, поминутное очищение себя сердечным покаянием, или непрерывное сокрушение и плач сердечный. Но во всех видах раскаяния надобно доходить до причин уклонения от правоты и придумывать, как чего избежать впредь, чтоб, когда будет произноситься: согрешил, не буду, ясно было, что и как будет делаться потом (10, с. 104, сноска 1).

и невидимых, живых и умерших, составляющих в смысле мистическом и истинном тело Иисуса Христа. Не боюсь утверждать, что внутреннее раскаяние, как бы оно ни было горячо, без этой форменной Исповеди (разве при неодолимых препятствиях) всегда будет не полно*» (10, с. 103–106).

«Причащение. В Причащении Иисус Христос истинно соединяется с нами. Он всегда в нас** (и это присутствие называется благодатию; вот истинный смысл этого выражения, столь мало известный книжникам нашего века), хотя мы Его и не ощущаем, но мы должны Его ощущать в себе; и для того, чтоб возбуждать или оживлять сие ощущение, и установлено Святое Причастие***.

* Слова «без форменной Исповеди» нехороши. Лучше бы так: без Таинства Исповеди, или без словесного исповедания грехов своих пред священником в Таинстве Покаяния. Без этого одно внутреннее раскаяние не только не полно, но и бесплодно; оно — пустоцвет. Благодать потеряна чрез грех; кающийся ищет возвращения ее. Когда священник произносит разрешение от всех грехов, то снова отверзается в нас дверь для входа благодати, которая тут же и исходит, и во многих случаях очень ощутительно. У многих тут же зарождается и настоящая внутренняя жизнь, и внутри-пребывание пред лицом Господа, зачавшись в этот момент, уже потом не прекращается (10, с. 106, сноска 1).

** Надобно приразумевать: пока мы не впадаем в смертные грехи и не болим беспечностью и нерадением о богоугодности и спасении. Ибо в этом случае Господь отходит и стоит уже вне и толчет, чтоб опять войти (10, с. 106, сноска 2).

*** Этого мало. Господь Сам говорит об этом сильнее: *Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете* ▶

Таким образом, Причащение есть дело существенное в христианской жизни, как в теле — принятие каждым малым членом кровяных частиц существенно в деле жизни его. Ощущение живого с Господом общения при этом может быть и не быть. Это в руках Господа: как Ему угодно, так и творит. Но в достойно причащающихся жизнь от Господа всегда приемлется и действует — сокровенно ли то или явно. Те, которые уверяют, что вследствие постоянного непрерывного общения они могут обойтись и без этого специального сочетания, заблуждаются глубоко. Ибо, во-первых, постоянное общение предполагает высокую степень святости — а кто будет достаточно смел, чтоб ее себе приписать? Далее, предположив даже, что существует это непрерывное общение, сие другое, нарочитое и символическое, общение лишь оживит и усилит его. Итак, оно во всяком случае чрезвычайно полезно и нужно*.

есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. (Ин. 6, 53, 56). (Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем.

* Слова «без специального сочетания» нехороши. Лучше так: без этого сочетания чрез богоучрежденное Таинство Тела и Крови. Равно не точно и «символическое общение»: тут не символ общения. Лучше бы и здесь сказать: общение чрез Таинство Тела и Крови Господних. Отказываться от Причащения, ссылаясь на присущее уже общение с Господом, могут только теоретики, а не практики. Кто са- ▶

Присовокупите к этим доводам, что ваша церковь представляет к этому упражнению столь великие удобства, что не пользоваться ими непростительно*. Было бы излишне предупреждать вас относительно другой опасности — сердечной сухости. Вам слишком хорошо известно, что кротость и горячность чувства не всегда суть верное ручательство в умножении благодати; напротив, она действует могущественнее при

мым делом достиг непрерывного общения с Господом и ощущает Его, тот сильнее еще, чем прежде, стремится к Таинству Причащения — и причащается, как только есть возможность. И это не потому только, что Причащение полезно или сладостно, а потому, что оно есть условие, без которого нет духовной жизни, ибо Господь Сам сказал: иначе живота не имате в себе (10, с. 107–108, сноска 2).

* Сперанский пишет к лютеранину о лютеранской церкви. В какой мере благодать Божия присуща этой церкви — не наше дело судить. Может быть, здесь приложимо слово Господа: по вере вашей буди вам. Насколько веруют, настолько и получают. Но что говорится об удобствах причащаться в этой церкви, то надобно бы выразить так: «И ваша церковь представляет удобства. В нашей Православной Церкви есть все удобства, но и ваша не лишена их вовсе». У нас церковь Божия всегда открыта и каждый день верующие приглашаются — со страхом Божиим и верою приступать к чапе Господней. Что не приступают или редко приступают не Церковь виновата, а сами нерадеющие о сем священнейшем деле. В обычное время, может быть, иной и не соберется как следует; но мы имеем четыре поста, назначенные на это. В эти времена очень удобно приготовиться к Святому Причастию, и причащаться можно в Рождественский пост дважды, а в Великий — и трижды, в Успенский — хоть один раз» (10, с. 108, сноска 1).

внутренних мучениях и крестах*» (10, с. 106–109).

86. После достижения состояния ощутительного Богообщения начинается новый период в духовной жизни, приводящий к верху совершенства — состоянию чистоты

Сперанский продолжает: «Возвращайтесь, о, возвращайтесь, любезный друг, к этим трем упражнениям**», и смею вас уверить от имени Того, Чья радость состоит в жизни и общении с людьми, что Он

* Сухость во время говения или, как обычнее бывает, вялость и безжизненность зависят от того, что не все исполняют, чего требует говение. Одни много умом работают, другие ограничиваются одним внешним чином говения. Надобно все исполнять: не удаляться только от мира, но и поститься, в церковь ходить и дома молиться, читать, размышлять, беседовать с кем-либо единомысленным. Переходя от одного к другому, говельщик будет постоянно оживляться и избежит сухости (10, с. 109, сноска 1).

** Так начинает свое приложение Сперанский. По-нашему, сказать бы так: устройте себе почаще говение, со всеми его принадлежностями, прекращением житейских дел или, в крайности, и без того, пощением, делами благотворения, хождением в церковь, домашними молитвами, благочестивыми размышлениями, чтением и беседами, особенно же умною молитвою. Но и промежуточное между говениями время надобно так проводить, чтоб недалеко отходить от порядков, соблюдаемых при говении. При таком только постоянстве самопринуждения и можно ожидать Божия посещения, поначалу, часто повторяемому св. Макарием: «Увидит Бог, что ты усердно желаешь и нудишь себя на то — и даст» (10, с. 110, сноска 1).

не замедлит явиться^{*}. Он придет излить свет Свой на ваш разум, очищать чувство ваше, руководить вашими действиями. Вы ощутите в себе силы, до сих пор вам неизвестные^{**}. Томления ваши рассеются, ибо Он придет *не в виде мысли, отвлеченного понятия, как испытывали вы доселе*, но столь же действительно, столь же физически^{***}, как

^{*} Ищущий усердно обретает, по слову Господа, но определенного срока тому назначить нельзя. Может статься, что десять говений исполнены будут как должно и годы пройдут в усиленных трудах над собою, а то, что ищется, все еще будет искомым. Но бывает, что оно подается скоро, даже иногда в тот момент, когда берется грешник с распутий греха. Как изволит Господь, так и бывает, хоть несомненно и то, что это устрояет Он по соображению с нами (10, с. 110, сноска 2).

^{**} Явится и придет не чувственно и видимо, а невидимо и духовно, но тем не менее действительно. Признаком того служит зарождение уже не прекращаемого горения сердца; причем ум, стоя в сердце, срастворяется с памятию о Господе, утверждается внутрипробывание и, вследствие того, замечается все, там происходящее, и угодное Богу принимается, а все греховное отвергается, и дела все ведутся по точному сознанию на них воли Божией; подается сила править всем течением своей жизни, и внутренней, и внешней, подается господство над собою. Человек обыкновенно есть более деемый, нежели действующий. Свободу действий получает он с ощутимым в сердце пришествием Господа. Тогда исполняется обетование: *если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (Ин. 8, 36). Вот что приносит Господь, а не что-либо необыкновенное!

^{***} Фраза, по обычному понятию о ней, не совсем идущая к делу. Лучше так: суще-

сегодня — восходящее солнце. Ибо когда раз раскроется пред нами зрелище духовного мира, невозможно не чувствовать солнца, им управляющего^{*}.

Но спрашиваю вас: что действительно — мир духовный или вещественный?^{**} Не говорю, чтобы все было сделано, как только достигнешь этого состояния ощутимого общения^{***}. О нет, остается еще сде-

ственно, то есть существом своим. Бог не есть идея, а существо живое, лично действующее, хотя все же невидимо и духовно (10, с. 111, сноска 2).

^{*} Планеты обращены к солнцу и им правятся в движении. И весь духовный мир, Ангелы и святые на Небе и люди, духовно живущие на земле, обращены к Господу Спасителю и Им хороводятся. Он центр, вокруг Которого все вращается, возглавитель всяческих, яже на Небеси и на земли (см. Еф. 1; 10) (10, с. 111–112, сноска 3).

^{**} Дивно, а так оно есть. Для людей духовных значение всего вещественного исчезает. Как ни огромен этот мир, но и он сознается ничтожным. У них сушим исповедуется только Бог — Сый, великий и дивный: всего прочего словно нет. У людей плотской жизни наоборот: мир духовный будто не существует, даже бытие Бога нередко стоит у них вопросом (10, с. 112, сноска 1).

^{***} Этим полагается только начало новой степени или нового периода христианской жизни. Отселе пойдет преобразование души и тела по духу жизни о Христе Иисусе, или их одухотворение. Возобладав над собою, человек начнет влагать в себя все истинное, святое и чистое и изгонять все ложное, греховное и плотское. И доселе он трудился над тем же, но минутно был окрадаем; от того, что успевал созидать он, — то тотчас почти было разоряемо. Теперь не то. Человек стал ▶

лать многое, чтоб достигнуть иного общения, которое уже неощутимо, но трансцендентально отрешено не только от всякого образа, но и от всякой мысли, общения, почти неизъяснимого словом, хотя весьма действительного*. Когда вы раз прочно утвердитесь в нем, тогда вы или не будете более нуждаться в моих советах (ибо Он поведет вас Сам), или, если Он еще захочет действовать чрез меня, то Он даст мне к тому способы и силы**. О, сколь великие

твердою ногою и, не поддаваясь противностям, ведет целесообразно свое созидание (10, с. 112, сноска 2).

* Состояние чистоты есть верх совершенства, и, достигнутое, оно пребывает постоянным. То же, о чем здесь речь идет, постоянным быть не может. Оно находит, временно возникая на почве чистоты. Это суть по временам подаваемые пленения в созерцание, о коих мы уже упоминали. Св. Исаак Сирианин не раз касается этого высшего состояния, которое, по словам его, дается достигшим чистоты. Он не говорит, что оно неощутимо, но что ум в нем не властен над собою. Доселе он властен был мыслям своим говорить: «приди и отойди», а тут не властен: стоит и созерцает. Хорошо некоторые из святых отцов определяли его пленением ума. Слово «трансцендентальный», может быть, и хорошо; но поелику оно придумано для означения совсем не таких предметов, то может сбивать с толку, поэтому, мне кажется, лучше бы ему не быть здесь (10, с. 113, сноска 1).

** Утвердиться можно только в состоянии ощутимого Богообщения и далее — в состоянии чистоты; но не в том, о коем упомянул он пред сим, ибо это не может быть постоянным, а подается по временам. Св. Макарий говорит, что если б оно стало постоянным, то нельзя было бы жить на земле с людьми. Что касается до ▶

вещи Он вам откроет! Внутренности ваши тогда буквально вострепещут от радости. Верьте мне, при нашей разлуке мы с вами питались лишь молоком. Совсем иной вкус имеет хлеб сильных, хотя он и составлен из тех же начал*.

Я теперь знаю довольно точно ваш образ жизни в свете и не скрываю от себя всех трудностей, с которыми придется вам бороться для того, чтоб предаться с последовательностью этим упражнениям**. Но подумайте, 1) что вы уже получили значительные задатки Святого Духа и

руководства и содействия с опытнейшими, то оно никогда не прекращалось, даже у достигших совершенства, ибо много у врага подсад и обольщений видимостию добра. Надо молить Господа, чтоб Он дал нам руководителя, знающего дело, и не лишал нас его до конца жизни (10, с. 114, сноска 1).

* Мир и радость о Дусе Святе обещаны тем, в сердце коих ощутительно действует благодать. Но это состояние тихое, хотя глубоко проникающее. Трепетные же обрадования, особенно сопровождаемые приятными движениями и в теле, небезопасны. За ними надобно смотреть строго и строго. Они могут быть и натуральные, могут быть — от врага. Опасны они потому, что выводят из укрепления, т.е. из сердца. О льстивых обещаниях каких-то дивных откровений мы уже говорили и теперь повторяем: никаких особых откровений не бывает здесь, а те же истины, открытые уже и известные, входят в сердце, вкушаются им и являются в новом свете, прежде неведомом (10, с. 114, сноска 2).

** Сперанский представляет побуждения противостоять неудобствам, какие встречает благочестие в порядках светской жизни. Что говорится здесь, то приложимо во все времена и ко всем ищущим ▶

что подобные отступничества, когда они упорны, не прощаются^{*}; 2) что все то, что теперь кажется вам обязательством, долгом признательности, удовольствием, приличием, чрез дватри месяца покажется почти смешным^{**}; 3) разве и на этом пути, как и на всяком другом, не нужны жертвы? и долго ли мы останемся ни холодными, ни теплыми? 4) всегда есть

Господа. Конечно, всегда бы лучше покруче взяться за труды искания, без всякого саможаления и без стеснения мнениями окружающих. Сделай это, вбей себя внутрь, положи основу, а потом веди уж это дело среди обычного порядка жизни, сколько это возможно. Но не у всех достает на это духа. Однако ж надобно решиться на жертвы; ибо то несомненно, что без изменения внешних порядков светской жизни делу благочестия спеяться нельзя; и притом, в какой мере делается уступка сим порядкам, в такой замедляется успех в искании Господа. Смотри всяк, чем благоразумнее пожертвовать (10, с. 115, сноска 1).

^{*} Уступки порядкам светской жизни с ущербом делу искания Господа, точно, не прощаются, особенно когда они происходят от поблажки себе, а не от разумных каких-либо причин. В духе погрешность, в духе же и наказание. Но надобно и различать случаи, чтоб не быть слишком строгим. Обязательно искать Господа всеусильно; обязательно исполнять все условия, без коих невозможно достижение искомого; но образ исполнения всего не может быть для всех одинаков, по разности обстоятельств каждого: тут все надобно предоставить благоразумию самого ищущего, только бы не крылось под этим титулом льстивое самоугодие и человекоугодие (10, с. 115–116, сноска 2).

^{**} Чрез два месяца — обещать нельзя, как не раз было говорено. Ищи с надеждою несомненною, но без определений (10, с. 116, сноска 1).

средства разделаться со светом и уклониться от него потихоньку и без разрыва^{*}» (10, с. 109–116).

87. О необходимости подвига и некоторых особенностях этого периода

«Во время ваших удалений от света в предотвращение рассеянности мыслей изберите себе чтение простое, например “Подражение”, или делайте переводы — словом, возьмитесь за упражнение, которое бы заняло ваш ум, не побуждая его к исследованию. Но главное, предавайтесь молитве и тщательному рассмотрению вашей прошлой жизни^{**}. В прочие времена посоветую вам подробное изучение Библии, не потому,

^{*} Когда есть ревность, она сама все изобретет, как что уладить, а когда нет ее, так и говорить нечего. Но и при ревности надо иметь довольно крепкое сердце, чтоб решиться противостоять среде, в коей вращаешься. Воодушевление на это придается чувством крайней опасности от уступок. Им следует запастись и приподнимать его, потому что как знать, когда придется выступать на борьбу (10, с. 116, сноска 2).

^{**} Главное — молитва не по молитвенникам, а своеобразная, лучше всего умно совершаемая молитва Иисусова с поклонами. Когда остановится движение молитвы, для подогревания ее возьмись за чтение. Надобно иметь книги, приспособленные к начатым упражнениям. Таковы те, кои говорят о внутренней жизни, о трезвении и молитве. «Подражение» — не первая из них. Лучше — Лествичник и св. Исаак Сириан, Варсонофий и Иоанн, в Добротолубии статьи Исихия, Филофея, Феопипта, Диодоха, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова. Не много читать; больше внимать и вкушать истины. Многотчение развлекает и охлаждает. Переводы совсем нейдут: это ра- ▶

чтоб истинный свет истекал из букв, нет, но чрез это посредством изливается он обыкновенно. Итак, надобно запастись этим материалом на время его действия. Утвердитесь в буквальном смысле, и Учитель в свое время раскроет вам смысл истинный... Начните с Ветхого Завета: это ступень необходимая, чтобы возвыситься до Нового. Но еще раз: никто не должен льститься мыслию, что он видит ясно, пока его не озарит свет свыше*» (10, с. 116–118).

бота осушающая. Что касается до исследования своей жизни, то оно, при обращении от порока к добродетели, составляет почти главное дело. Немало может оно занять и при обращении от внешней исправности к внутренней жизни. Но в последний период искания Господа своя жизнь будет довольно уже известна. Сиди и зывай: «Господи, имиже веси путями, устрой о мне благу вещь сию!» (10, с. 117, сноска 1).

* Для чтения что может быть лучше книг, содержащих Божественное Откровение? Но выраженные здесь понятия о смыслах Писания не наши, а взятые у мистиков. Мистики всюду видят таинства и самые простые евангельские сказания превращают в аллегории высоких идей, какие они сами сплетают. Буква для них ничто, и буквальный смысл не есть для них истинный смысл оттого, что прост; а им хитрить хочется. На самом же деле, буквальный смысл есть истинный смысл, от Духа Святого исходящий, и отступать от него при изучении Откровения позволяет только в крайней нужде. Если отступить от этого закона, то можно извратить все Божественное Писание по своему смыслению — и не останется у нас никакого критерия истины. Что дает озарение свыше? Оно дает не новое что-либо узреть помимо буквального смысла, а тот же самый смысл, печатлея его в сердце. Пока один ум трудится над уразумением Писа-

88. О «сумраке веры», видениях и ложном мистицизме и о необходимости опытного руководителя

Ходить в сумраке веры будет означать ходить в преданности в волю Божию. Вера, по патриарху Каллисту, двояка: одна теоретическая, которая верует в догматы; другая — деятельная, которая состоит в уверенности в Боге, в том, что Бог не оставит прилепившегося к Нему, но соблюдет его невредимо и, имиже вест судьбами, введет в Царство Свое вечное. Но в этом существе преданности в волю Божию и смиренной покорности Его распоряжениям относительно участи нашей. У патриарха Каллиста это выражено так: веру разумею ту, которая свидетельством ума утверждает сердце быть несомненным в извещении упования, отстоящем от всякого мнения (колебания) (10, с. 229–230).

У Сперанского мысль о видениях не согласна с учением отеческим. Отцы говорят, чтобы совсем не принимать видений, а Сперанский говорит: «Не прилепляться, но принимать их с благодарностию», и выставляет причину такую: «Это Дух

ния, до тех пор получаемые истины держатся в голове для умовых интересов, большею частью бесплодно для жизни. Озарение же свыше, печатлея эти истины в сердце и давая вкусить их, делает их направлятелями жизни, а опыты жизни еще полнее дают уразуметь силу их. При этом, так как всякая истина имеет свой круг понятий, то озарение вводит ум чрез сердце в созерцание всего этого круга. Это может казаться откровением чего-то нового, а оно вовсе не ново; оно то же самое, только видится полнее и яснее (10, с. 118–119, сноска 1).

Божий, но Дух, сквозящий вещество, еще недостаточно очищенное». Так решительно и без ограничений нельзя говорить о видениях. Не надо забывать, что есть видения — плод разгоряченного воображения и есть видения — прелесть бесовская. Благодатные видения очень редки и устроятся Духом Божиим в видах воспитания духовного. Таким образом, есть видения и от Духа Божия, но надо быть очень осторожным в различении их, ибо недалеко от себя имеем темного искусника, умеющего принимать вид ангела светлого. И сколько было неосторожных, погибших от неразборчивого доверия видениям (10, с. 230–231)!

89. О происхождении ложного мистицизма, с указанием, как избежать его

Истинно христианская жизнь есть жизнь сокровенная со Христом в Боге. Она таинственна и в зарождении, и в путях созревания, и в своем совершенстве. Потому не всякий мистицизм есть ложный. Ложный мистицизм происходит от уклонения с правого пути восхождения к Богообщению. Начало этого пути — покаяние. Покаявшийся исправляет все пути жизни своей и свою душу и тело во всех силах и отправлениях их, облагает правилами, исполнением которых убивается и изглаживается привившееся к ним зло, а воспитывается и укрепляется сродное им добро. Все это в совокупности составляет порядок богоугодной жизни. Регулятор всего — благоразумие с советом опытных. Они учреждают

все правила сообразно с характером лица и внешним его положением. Ходить в этих заведенных порядках составляет деятельную жизнь. Но поелику всем этим чают угождать Богу, то отношение к Богу неизбежно блюдетя во всех такого рода делах, — во всех такого рода делах общение ума и сердца к Богу должно составлять неотъемлемую часть, внутреннейшую душу их, условие их благоугодности. Если обращение ума и сердца к Богу есть молитва, то молитва составляет душу деятельной жизни в ее должном строе и направлении. Но молитва имеет и свою особую, исключительно ей принадлежащую часть в жизни, где она одна царствует. Это молитвенный подвиг. Начинается он усвоением чужих молитв, оставленных нам богомудрыми отцами; когда же таким образом воспитается дух молитвенный, молитва начинает восходить на степень молитвы своеличной, где она проходит новые степени, из которых первая есть молитва умная, вторая — умно-сердечная, третья — духовная, или созерцательная. Жизнь в Боге — целая жизнь; она же и существо молитвы. Следовательно, правый путь восхождения по степеням молитвы есть правый путь восхождения к богообщению, или, что то же, есть правый мистицизм. Уклонения от правого восхождения молитвы к совершенству есть вместе уклонение в ложный мистицизм. Нетрудно заметить место этому уклонению, или первую точку отправления в уклонение: это переход от словесной молитвы, по готовым молитвам, к молитве

своеличной, иначе, переход от внешнего молитвословия к внутреннему, умному. Удалить от этой точки заблуждение — будет значить удалить уклонение в ложный мистицизм. Уклонение в ложный мистицизм у отцов, подвижников трезвенных называется уклонением в прелесть.

Мы видели эти уклонения от правоты на пути движения от вне внутрь... Одни застревают на воображении, другие останавливаются на умоголовном делании. Истинный шаг делают те, которые, минуя эти станции, проходят до сердца и укрываются в нем. Но и здесь еще возможно заблуждение, потому что часть умно-сердечной молитвы есть самодельная, трудовая; а где мы, там всегда есть возможность падения в прелесть, точно так же, как и в грех. Безопасность начинается, когда утвердится в сердце чистая и непарительная молитва, которая есть знамение осенения сердца осязательною благодатию, ибо тут образуются чувства, обученные в рассуждении добра и зла. Итак, с самого начала движения от вне внутрь до сего блаженного момента возможно уклонение в ложный мистицизм. Как же избежать этого несчастья? У отцов для этого указывается один способ: не оставайся один, имей опытного советника и руководителя. Если нет его, сойдитесь двое-трое и руководитесь взаимно при свете отеческих писаний. Другого пути к избежанию заблуждений мистицизма я не знаю, кроме разве особого благодатного руководства, которого сподоблялись немногие избранные Божии. Но

это особенности, а мы говорим о путях жизни, общих всем (10, с. 231–235).

«Теперь посмотрим, что говорит об этом Сперанский.

«Откуда происходят заблуждения ложного мистицизма? От ревности по вере, не очищенной от самолюбия. Какое средство к сему очищению? Пост, строгое наблюдение за своими мыслями, сражение с чувствами, жизнь покаяния. Но все это есть деятельность моего же самого ума и сердца, которую должно умертвить, и хотя деятельность, без сомнения, похвальная, но все же — упражнение, все — развитие сил душевных, все — случай и повод к той же самой гордости и самолюбию. Следовательно, не отвергая деятельных путей, все остается заключить, что молитва, и молитва умная, есть единый путь совершенно безопасный. Видения, глубокие и, по-видимому, вдохновенные мысли — все суть мысли, все упражнения ума, а не прилепление, не онемение его в едином Боге».

Итак, когда утвердится молитва умная и дойдет до последней степени своего совершенства, на которой ум, прилепляясь к Богу, онемевает в единении с Ним (преисполняясь любви и преданности к Богу), тогда в этом огне сгорает самолюбие и вследствие того минует опасность от заблуждений. Совершенно так! Здесь, ради всецелой преданности Богу, уже Бог будет *и еже хотети, и еже деяти** (Флп. 2, 13). Но ведь это состояние является не вдруг, как только

* ...и хотение и действие.

захочешь его иметь. Надо прежде того пройти более или менее долгий путь; а на этом-то пути и рассеяны все распутия, от уклонения в которые без верного стороннего указания только особое чудо благодати Божией может спасти иного за крайне детскую простоту веры; а другим-то как же быть? Умная молитва, говорит, спасет, но умная молитва сама имеет крайнюю нужду в руководстве, пока она есть самоделательная или трудовая. В это-то время делания умной молитвы, не направляемого искусною рукою, большею частью и сбиваются с пути. Итак, высказанное Сперанским средство не полно и не надежно. Главная в нем ошибка в том, что человек оставляется один на этом примрачном и скрытном пути внутренней жизни, особенно при первых шагах по нему.

У всех отцов, писавших руководства к духовной жизни, первым пунктом в правилах для вступающего во внутреннюю жизнь ставится иметь духовного отца-руководителя и его слушаться... Вот что говорит Григорий Синаит: «Без учителя самому успеть в умном делании невозможно. Что делаешь сам по себе, а не по совету предупевших, то рождает опасное самомнение. Если Сын Божий ничего не творил Сам о Себе, но как научил Его Отец, так творил, и Дух Святой не о Себе глаголал, то кто это такой между нами до толикой достиг высоты совершенства, что уже не требует никого иного, кто бы руководил его? Гордость это, а не добродетель! Такой уже в прелести состоит, то есть вступил на

ложный путь уклонения к заблуждениям».

А вот слова Каллиста Патриарха: «Прежде всего попекись найти себе наставника и учителя не прелестного и, нашедши его, вполне отдайся ему, как отцу родному сын отцелюбивый, ходя по повелениям его неуклонно и на него взирая, как на Самого Христа. Кто хочет жить сам, то есть самоугодно, без наставника, тот, по слову Лествичника, легко уклоняется в заблуждение и погибает, хотя бы он всю премудрость мира своего исчерпал. Не с советом ходящие ходят будто в сонном мечтании; они много сеют, но пожинают очень мало и вместо пшеницы — увы! — собирают плевелы».

И в деятельной жизни редко кто обойдется без преткновения, оставаясь с одним своим благоразумием. Но тут, по крайней мере, вред не так велик: одно дело, не так сделанное, если надобно, и переделать легко или в другой раз сделать его как следует. В умном же делании уклонение от правого пути дает свое направление всему внутреннему, которое не вдруг можно переменить. Одни из таких, как мы видели, запутываются в сетях воображения, другие останавливаются на умоголовном делании, или, по Симеону Новому Богослову, на первой и второй степени внимания молитвы или умного делания. И когда они закрепнут в этом строе, то самый опытный и самый усердный наставник едва сможет, если только сможет еще, выбить их или выманить из этих трущоб, в какие они сами себя заключают, нахо-

дя их крайне восхитительными (10, с. 235–239).

90. О чтении Священного Писания, о существе жизни духовной, цели бытия мира и о безмолвии

«Изучения Писания, — пишет Сперанский, — тем способом, каким вы его производите, то есть развитие смыслов его не усилием разума, но одним молитвенным размышлением, есть, по моему мнению, после чистого созерцания упражнение самое святое и самое полезное». Определеннее это так надо сказать: чтобы питаться словом Божиим и питать им в себе духовную жизнь, надобно усвоить его вседушно. Для сего, приступая к чтению, поставь себя в присутствие Божие и испроси у Господа просвещения разума; затем, молитвенно открыв сердце свое к принятию истины, пойми размышлением и уясни содержание прочитанного; к понятному потом возбуди сочувствие или проведи его до сердца и полюби его; излюбленным восхоти воспользоваться в жизни или определи, в каких случаях твоей жизни могут найти приложение понятия и возлюбленные тобою истины, и прилагай их к делу. Это и будет усвоение Писания вседушное. Но надобно заметить, что смыслов Писания развивать нельзя. Смысл всякого места Писания истинный — один; многообразие уместно только в приложении его. Все, что может надумать благочестивый христианин по поводу известного места Писания в свое назидание, не следует непременно считать смыслом того места. Пото-

му фраза *развитие смыслов* неуместна. Ее надобно заменить так: развитие многообразных приложений обдумываемых мест Писания в свое назидание.

«Если бы мы, — продолжает Сперанский, — были свободны в выборе между различными дарами благодати, я бы остановился на этом и предпочел его всем видениям, даже самому дару пророчества, ибо он менее дает простора самолюбию и потому менее опасен и более согласен с христианским смирением. Постоянно чувствуешь себя на привязи, более страдательным, более подчиненным данному и установленному авторитету. Церковь тут, чтоб исправлять заблуждения по мере того, как мы в них впадаем. Но, предаваясь этому упражнению, нужно очень остерегаться того, чтоб не привязываться к толкованиям отдаленным».

Прекрасные правила! Дал бы Бог, чтобы и все умные и образованные люди им следовали! Но что далее следует, должно быть оговорено. Неужто смысл Писания меняется по мере духовного возраста читающего? Не смысл меняется, а его приложение или при пособии его прозрение в духовную область. Более сильный духом лучшие мысли извлекает в свое назидание из известного места или далее прозревает и скорее обзревает круг духовных предметов при пособии его, чем слабый; смысл же места все один (10, с. 239–242).

«Писание, — говорит Сперанский, — есть книга для поучения всех, приспособленная ко всем состояниям духовным. По мере того как

сменяются эти состояния, смысл его изменяется и, хотя сущность всегда одна и та же, *приложения разнообразятся до бесконечности**. Вот почему замечаем мы, что святые отцы давали одному и тому же месту разные объяснения, смотря по временам и степеням их духовной жизни и смотря по развитию учености».

Святые отцы не объяснения разные давали одному и тому же месту, а разнообразные делали им приложения в назидание наставляемых; смысл же мест признавали единым и неизменным. Под этим только условием единства понимания Писания богооткровенного они и суть отцы и учителя Церкви.

«Итак, не находите странным, если в течение ваших трудов вам случится иметь относительно тех же фактов иные взгляды, и всегда принимайте с благодарностью хлеб насущный, не привязываясь к одной форме предпочтительно пред другою. Нужно сохранять данную форму, пока она сама по себе держится; но если представится другая, более ясная, не следует упорно отвергать ее, потому единственно, что нами уже была принята другая форма. Систематическая последовательность, строгий порядок мыслей, столь восхваляемый в науках человеческих, тут не у места, ибо все тут дело чувства или, лучше, духовного роста».

Эти положения совсем противоположны тому, что сказано выше о чувстве связанности и подчиненнос-

ти данному авторитету при чтении и изучении Писания. «Не привязывайся, — говорит, — ни к какой форме понимания», — следовательно, ныне одно, завтра другое; и, стало быть, Писание не будет для нас представлять ничего твердого: почва под нами будет нетверда, текуча, колеблема.

«Представляя яснейший образ понимания, брось первый». Но ведь он только мне представился, а я не решитель смысла Божественного Писания — как же я могу так своеуравнивать? Лютеранам это в руки. У них закон не связываться никаким определенным толкованием, а всякий молодец на свой образец. Ревнуя же по истине православно, нельзя так позволять действовать ни себе, ни другим, ибо этим расшатывается весь авторитет Писания и открывается безграничный простор своемыслию.

«Среди многих вещей, — заключает Сперанский, — поистине прекрасных, два соображения в особенности поразили меня: объяснение народосчисления, предписанного Августом, и история избиения младенцев. Несомненно, что эти факты противоречат всему, что оставила нам наиболее достоверная история. Поэтому совершенно необходимо искать тут аллегорического смысла».

Сказано слишком скоро и слишком сильно. Поленился подумать и бросился в аллегорию. Так всегда делают мистики. Напротив, и древние, и новейшие толковники Писания, лица солидного образования, не находят этих событий противоречащими историческим данным и

* Вот это настоящая фраза! Но это не предлагает изменения или разнообразия смыслов (10, с. 242).

возникающие недоумения решают очень удовлетворительно для непредубежденных. Аллегория в этих и подобных случаях, если признать ее единственным способом пояснения, ослабляет значение Писания и подрывает веру в его непреложную истину. Что друг Сперанского придумал нечто хитрое — не дивно: это в духе лютеран, и особенно немцев. Но как Сперанский-то согласился с тем — вот это удивительно (10, с. 242–245)!

Последнее письмо Сперанского к Броневскому опять обращает внимание наше к молитве.

«Так... краткая молитва *Господи, помилуй!* есть действительно духовный магнетизм, и не без содействия благодати и истины Христовой пришло вам это сравнение. Закрытием мира чувственного совершается магнетизм душевный».

О человеке, повлиявшем на другого словом, говорят: намагнетизировал его. Умно-сердечная молитва ко Господу, утвердившись, увлекает и преобразует и душу, и тело и всякий раз, как бывает в силе, вводит ум в видение иного лучшего мира — духовного, отвлекая от всего (10, с. 245–246).

«Естественным рождением мы облакаемся в тело душевное: *быть первый человек Адам в душу живу*; возрождением мы облакаемся в тело духовное: *последний Адам в дух животворящ** (1 Кор. 15, 45)».

* ...первый человек Адам стал душею живущею; а последний Адам есть дух животворящий.

Рождаемся мы в состоянии повреждения, в купели Крещения возрождаемся благодатию о Господе Иисусе Христе для жизни новой, духовной. Повреждение состоит в том, что дух, отпадши от Бога, подпал под владычество души, а душа — под владычество тела. В возрождении восстанавливается сила духа и возвращается ему господство над душою, а чрез душу — и над телом. Жизнь возрожденного должна проходить в преобразовании души и тела по требованиям духа, или в одухотворении их (10, с. 246–247).

«Тайна искупления нашего состоит в предложении душевного в духовное, или, как некоторые святые отцы это называют, в преображении, а св. Павел еще выразительнее: в возглавлении всяческих во Христе; и это возглавление, или предложение, начинается в этой самой жизни, в этом самом мертвечном теле нашем, и совершается».

Существо жизни о Христе Иисусе, жизни духовной, состоит в предложении душевно-телесности в духовность, или в одухотворении души и тела. Момент, с которого начинается это одухотворение, есть зарождение в сердце неотходной теплой молитвы к Господу — знак сочетания его с Господом. Сердце — корень жизни и всех проявлений ее. Когда оно возобладано духом, тогда чрез него дух естественно начинает проникать в весь состав естества нашего и его одухотворять; тогда ум начинает насыщаться Божественною истиною, весь ею проникаясь, во всем ее объеме: воля — святыми настроениями и расположениями, всеми

добродетелями; сердце — святыми чувствами; вместе с тем и тело становится воздержно, трудолюбиво, живо, бодренно, целомудренно. Где все это есть, там падший является вполне восстановленным (10, с. 247–248).

«Бытие мира сего есть эпизода в великом деле Творения, эпизода необходимая, но не цель и конец поэмы. Она необходима потому, что духовность, свобода и возможность падения суть одно и то же».

Теперешний образ бытия мира, точно, есть эпизод. Его не было бы, если б не было падения. Но он не необходим, как не необходимо падение. Свобода тварная предполагает не одну возможность падения, но вместе — возможность и непадения; иначе она не была бы свобода. Стало быть, она отрицает необходимость падения, а с тем вместе — необходимость настоящего образа бытия мира. Что было бы, если б не было падения, мы не можем гадать, но было бы все не так, как есть. Ибо теперь все приспособлено к поднаказательному состоянию человека, который несет епитимию за падение. А тогда было бы все в соответствии состоянию ненарушимой верности воле Божией (9, с. 248–249).

«Обращаясь к духовной молитве, побеседую еще с вами о свойстве ее. По мере упражнения и навыка в ней открывается, что она как бы останавливает ход мысленной нашей душевной силы, — и на вопрос, о чем мы думали, когда сим образом молились, мы не находим в себе ответа, ибо действительно в это время мы не мыслим ни о чем, не представляем ничего и ничего не помним, ибо по-

мнить, представлять и мыслить есть дело души, а не духа».

Не одной мысленной силы ход останавливается умною молитвою, а всех. Если вникнуть в обычное состояние нашей души, то увидим, что в ней непрестанно мнутся мысли, рождаются одно за другим желания, а под ними обоими мятется сердце в чувствах, поминутно его тревожащих. Когда возродится в сердце умная молитва и придет в силу, до горения сердца, тогда весь этот ток душевных движений останавливается, как у кровотоковой — ток крови. И это не только во время молитвы, но и постоянно. Только в последнем случае прекращается не всякая их деятельность, а самовольное, ничем не сдерживаемое и не управляемое их движение. Напротив, начинается деятельность всех сил целесообразная, направляемая одними началами и к одному концу. Вместе с тем внутри устанавливается строй вместо предшествовавшего нестроения.

«Восточные отцы называют это состояние безмолвием, а западные — *suspension des facultés de l'âme*. И вот почему молитва эта называется духовною. Она-то есть молитва в духе и истине; а не то, что некоторые, впрочем, благочестивые люди под этим разумеют. Кратко: она состоит в отсутствии всего того, что называют каким-либо понятием, всего того, что не есть дух Христов, ибо дух ни понятий, ни слов не имеет».

Безмолвие у восточных отцов есть один из видов монашеской жизни — отшельнический, когда живет кто один или иногда вдвоем. Состояние

же молитвы умно-сердечной называют они трезвением, вниманием, сокровенным во Христе деланием и т.п. Опять встречается речь об отступлении всего, или о пустоте. Сперанский думает, будто во время умной молитвы сознание упирается в ничто или в пустоту, так что внутри ничего различить нельзя. Совсем не то: в это время останавливаются обычные душевные движения, но не действия духовные. Тут дух в силе, а он и сам по себе не пуст и предстоит Богу, Который есть все. Углубившись в предстоянии Богу, ум Бога созерцает, Ему поклоняется и Его Божии свойства и действия исповедует. Даже в состоянии пленения или восхищения ума в созерцание пленение это совершается всегда под влиянием определенного духовного предмета. Апостол Павел был восхищен, но не в пустоту, а видел там и слышал, только выразить того не мог или находил неуместным (10, с. 249–251).

91. О преданности воле Божией

Веруйте и глубоко в сердце содержите, что ничто без Бога не бывает, до самой малости. Все у Него рассчитано. Наш долг все обращать во спасение души и из всего извлекать себе пользу душевную. В этом вся наша мудрость. А как устроить себя, еще никто сам собою не ухитрился. Все как паутина. Плетет, плетет бедный человек; дунет ветер — и все разлетится. А как Господь соткет, так уж прочно. И тонко, да крепко, как канат. Блаженна душа, почившая на руках Божиих! Как младенец у груди матерней, покоится она под кровом Господа. Уразуметь, а паче вос-

чувствовать сие трудно. Господь да поможет вам! Болезненно к Богу припадающий не бывает забыт (11, с. 13).

92. Цель создания человека

Вы пишете: *Бог создал человека для общества*. Поправьте эту мысль: человек создан для общения с Богом. В этом цель его главная. Потому, когда отпал человек от Бога, Единородный Сын Божий благоволил низойти на землю, чтоб опять воссоединить его с Богом. Так значительно и необходимо сие общение с Богом! Но как для того, чтоб вступить в сие общение и укрепиться в нем, человеку нужно прожить коротенький момент на земле, а прожить ему здесь одному трудно, то на время дано ему расположение и к общественности — не как главное, а придаточное наряду с другими житейскими наклонностями. Всем им седалище в душе... Дух же не земен... Потому, когда он возьмет силу, то заглушает голос душевных потребностей и разрывает все держащие душу узы, которые для ней одной неразрешимы. Тогда человеку легко, просторно: он в своей стихии. Беда обществу, в коем общественность поставляется целью. Тогда передвигается центр и начинается смятение и неурядица.

Вы восхищались музыкою, но вы слишком возвеличили цену ее. Другая область музыки, и другая — молитвы. Потому переход от одной к другой может быть только случайный. Есть много призраков духовных вещей, кои кажутся, но не суть духовны. Вы говорите, что иногда так хорошо и легко, а иногда все

разлетится... Жизнь идет полосами... Да! отлетает что-то... Но мне думается, что это всегда по нашей вине. Господь близ есть. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит. Когда сие есть — и то есть. Как одеждою, тогда одеяна душа... а то — голая и на морозе. Что делать, человеки есмы немощные.

А, поняли!.. ревнив Господь! славы Моея, говорит, иному не дам. Господь требует исключительности решительной. Уклонение сердца — измена, и за нее — штраф. Чем долее кто пребывает в любви, тем сильнее укор уклоняющемуся сердцу. Всякое рассеяние, прилагание сердца к чему-либо, кроме Господа, — все идет в счет и наказуется (11, с. 13–14).

93. Теплота духа — от веяния благодати

Теплота духа — от веяния благодати. Но близ ее сидит наше самолюбие. От долготы блаженного сего состояния человек или трубить пред собою начнет, или присвоит себе сие благо, или понадеется слишком: «ну-де уж мы теперь, чай, установились». Когда произойдет сие внутри, Господь берет благодать Свою и оставляет человека одного. А у человека что есть? Вот и безвкусице ко всему духовному чувствуется, и тягота, и равнодушие... точь-в-точь, как в отворенное окошко, ушла вся теплота. Надобно топить; но дрова не в шуме мирском продаются, а хранятся в магазине Господнем. Отопри магазин, да и возьми... Всякому невозбранно доступ есть. Ключ — плач, покаяние, сокрушение или просто

терпеливый вопль к Господу, хоть без всякого вкуса, с самопринуждением... Тогда Господь опять воротит теплоту... И это называется отступлением благодати *поучительным* (11, с. 16–17).

94. Внимание к себе как необходимое условие духовной жизни

Хорошо, что вы каялись и просили у Господа прощения за помысл присвоения себе добра... Нет злее вещи! Помысл, схваченный при входе, как разбойник, и прогнанный, — еще не беда. Но когда от него отражение падет на сердце и оно усладится им, тогда крепко надо бить сие сердце за измену. Всему же причина — невнимание. Не заметит ум, как падет злая искра; а не замечает по развлечению. Хлопотать-таки хлопочите, но Господа не выпускайте из ума и уст. И припадать к Нему не забывайте. Пусть трудно: тем ценнее подвиг и тем скорее подается благодать. При добрых хлопотах напряжение быть с Господом много приносит пользы. Будем припадать и вопиять: Господи, помилуй! Эта небольшая теснота поучительна и спасительна... Есть Господь, все устрояющий. Он всякие развалины восстановит... А другое дело: не здесь конец... Плод жизни обнаружится за чертою жизни... Спаси нас, Господи, в тот страшный час; а здесь довольно одного слова: буди воля Твоя, Господи (11, с. 29–30)!

Эгоизм образуется от внешних подвигов без внимания к помыслам. Кто же начнет внимать себе истинно и установится в сем внимании, тот начнет поминутно получать от себя

самого самые убедительные уроки в смирении. Ибо тогда раскроется, сколько нечистоты лежит на дне сердца. Поминутно выходящие из сердца мысли, движения, желания — не всегда правые — дадут знать, что сердце есть не что иное, как гнойный струп, издающий отвратительный смрад. Ощущение сие глубоко западет в душу — и где тут до эгоизма? Путь внимания к себе есть путь истинного смирения, — и единственный к тому путь. Вот вы сами пишете: возникает противное добру. Откуда оно? Из души же. Стало, внутри души есть запас противного добру. Какую же надобно считать эту душу? Уж, конечно, не святою. Кто же делает одни внешние подвиги, а себе не внимает, тот как раз попадет в эгоизм. Положит сколько-нибудь поклонов, сидит и мечтает: ну, ныне мы потрудились. Видите, одолжили Бога. Или не поест досыта и думает: так и все святые, т.е. хоть в святцы пиши... и прочее сему подобное. Существенно необходимы внешние подвиги; но останавливаться на них одних — беда! Встречали ли вы у святых отцов выражение: деяние и разум, в которых они совмещают весь труд о спасении души? Это то же, что сказать: *подвиг и внимание* (11, с. 55–56).

95. О пребывании с Господом

Есть же люди, которые так устновились в Господе, что, несмотря ни на какие разволости, все пребывают с Господом. Крепость ли духа у них выше, собранность ли более сосредоточенна, или жар любви и сердечной теплоты обильнее! Будем мо-

литься, чтоб и нам Господь даровал сию благодать. А Он любобщителен. Усердие, труд, искание не отщепит. Сам прописал: *ищите и обрящите*. Поищем и обрящем (11, с. 30–31).

Живя между людьми, в сношениях нельзя, конечно, скоро; но можно. А тут и смерть недалеко. Хорошо умереть в состоянии искания, если не благословит Господь — в состоянии совершенства. И на том свете будет восход от низшего к высшему.

Но вот мы и забыли про тот свет: выбили его из головы хлопоты. Покаемся, отрясем усыпление развлечений, войдем в покой трезвенности — и все пойдет. Лучше бы, конечно, тянуть нить непрерывную; но что делать, когда рвется?! Опять скрутим и потянем ту же нить... Ведь жизнь-то наша вся есть прядение одного початка... Все мотается, мотается — и составляется большой клубок. На том свете весь размотают... Начнут строго рассматривать достоинство нити: по аршинам, четвертям, вершкам. А кто пряд, будет стоять и со страхом ожидать, что скажут наконец: хорошо или худо (11, с. 30–31).

96. Теплота сердечная — огонь, который Господь пришел вверещи на землю

В сердце — жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех, начинающих искать Господа. Тогда только и начало жизни, когда в сердце покажется сосредоточенная неугасимая теплота; а теплота легонькая весьма непрочна. Сначала Бог сотворил свет разлитый; а в четвертый

день сосредоточил его около солнца. Так и в духовной жизни: и при чтении, и при богомыслии, и при молитве, и в церкви, и при беседе бывает в сердце теплота, но какая-то легкая, навевная, а не привитая. Надобно, чтоб она сосредоточилась в сердце, привилась к нему, затлела и горела. Тогда любо. Се есть огонь, который Господь пришел воврещи на землю (11, с. 52–53).

97. В решительном намерении работать Господу до положения живота — корень жизни

В решительном намерении работать Господу до положения живота — корень жизни. Когда это есть — значит есть жизнь, а когда нет — жизни нет. При нем могут быть ошибки, уклонения, даже падения крепкие; но когда оно цело — все не беда еще. Упал кто — поднимется; зашибся — вылечится. Оно — нить, на которую нанизываются все доброты; но оно же и нож, которым отрезывается все недоброе. Храните сию сердечную ревность, посвящая себя Господу поминутно. А то, что по обстоятельствам иногда невольно бывают опущения, отступления, даже кривые шаги... что делать? — Только не оправдывайте себя в них. Осудите себя перед Господом, сокрушитесь и исповедайтесь Ему. И еще: никогда не допускайте себя до чего-либо произвольно, сознательно. Терпите Господа при всех разволоках, при всех помехах и неудобствах. Он видит все и правую мерою смерит, что вы. А нам, грешным, где догадаться, что мы? — Земля и пепел (11, с. 54).

98. Об исправлении греховной жизни

Когда человек бывает предан греху, тогда все силы души и все отправления тела работают сему греху, равно образ домашней жизни и внешних отношений бывает пропитан тем же духом. Теперь если по обращении грешник не оставит прежних своих занятий и прежнего порядка жизни, то они легко увлекут его на старое. Надобно все перестроить и всюду ввести новые порядки. Так — глаз привык смотреть на то, что питало грех, ухо слышать то, что льстило страсти, и прочие чувства тоже были орудиями порочных склонностей. Теперь надо, наоборот, сделать их орудиями правды. Пусть глаз видит вместо дурных картин изображение Страшного Суда или какой образ... Пусть ухо слушает церковное пение вместо соблазнительных песней и пр. Бывали тоже дружеские беседы, гулянья и прочее тому подобное... надо все это оставить и заменить другими способами взаимных отношений, например, хождением в церковь, беседами с людьми духовной жизни и пр. Была привычка ложиться и вставать тогда-то, стол держать такой-то, потому что тогда другие были нужды. Теперь всему сему надо дать другое время и другое содержание... Прежде охотно читались такие и такие книги. Теперь надо бросить их и взять в руки Слово Божие и писания отеческие... Таким образом, надо пройти по всему своему поведению и всем занятиям и везде положить правило делать то, чего требует дух новой жизни. Что пластырь на раны, то такого рода новые занятия для души, израненной гре-

хами и ищущей врачевания!.. Кто, оставаясь в прежних порядках, хочет очиститься от страстей, тот напрасною льстит себя надеждою. Отчего Мария Египетская не воротилась в Египет, чтоб поселиться в пустынях тамошних, а ушла в пустыню Заиорданскую? Оттого, что прежде чем дошла бы она до пустыни Египетской, должна была бы встретиться с прежними предметами и едва ли устояла бы против имевших произойти от того возбуждений греха... Так надо поступить и всякому. Положив доброе намерение исправиться, надо отбросить все прежнее и назначить себе новые порядки и правила. Этим порочные склонности и страсти стеснятся или положатся как бы под гнет (11, с. 110–111).

99. Трезвение и благорассмотрение

Написано у вас: два бдительных стража должен иметь воин Христов — *трезвение и благорассмотрение*. Трезвение — понятно. Но относительно благорассмотрения — как узнать, что встретится в продолжение дня и какие потому движения могут породиться в душе в продолжение дня при разных встречах? Всего, конечно, предугадать нельзя, но многое можно предвидеть, особенно тем, у которых дела дня идут более или менее определенным порядком. Идучи в какой-либо дом, можно наперед представлять, кого там придется встретить, о чем может быть речь и пр., и потому наверно полагать: тщеславие или гнев или другая какая страсть будет там возбуждаема и вследствие того готовиться к отпору. Пусть ничто пред-

полагавшееся и не встретится; и одно предположение нападения будет держать душу в бдительной осторожности, а это много значит. Иной может подумать, что тогда и придумает, как поступить, когда встретится то или другое. Конечно, так; но может случиться и то, что прежде чем возьмется он за соображение, сердце уже загорится страстию, и одолеть ее, может быть, уже не будет возможности. Последнее обстоятельство более всего и делает необходимым предварительное приготовление себя ко встрече разного рода случаев. Много испытавшие и во многих случаях оставшиеся победителями легко выдерживают себя, что бы ни встретилось, потому что по многоопытности они на все готовы; а начинающим лучше готовиться наперед. Для встречи непредвиденных случаев, выходящих из круга обычных дел, хорошо упражняться в умеренной мысленной брани. Именно: при спокойном состоянии души представлять себя под влиянием тех или других чувств и сердечных движений и тут же соображать, какой дать им отпор или как поворотить душу на добрый лад (11, с. 111–112).

100. Светский угар

Вы хотите покружиться, но не закружиться. Если будете слушать матушку, то, может быть, успеете в этом... Но сомнительно. Дух светской жизни действует как угар... Все входит и входит, не чуется... А потом вдруг — в глазах позеленеет... и об землю... и оглянуться не успеете, как закружитесь. Нет, соберитесь лучше и в свете быть, и быть

солидно... главное: не танцевать (6, с. 13).

Положите, что вы видите комнату, где есть скрытый угар, и порываетесь побыть в ней и пересмотреть, что там. Вам говорят: не ходи, там угар. А вы отвечаете: я ведь не хочу угореть. Пощадит ли вас угар, потому что вы говорите, что не хотите угореть?.. Светские развлечения — угар. И сами не учуете, как угорите (6, с. 16).

Припомните народное изречение: «Берегись первой чарки». Откуда оно родилось? Из опыта, что, выпивши одну чарку, трудно удержаться от другой... а там уж пошла разлитая. Такова власть чувственных удовольствий над нашим слабым сердцем! Водоворот и бурление светских развлечений такого же свойства (6, с. 15).

101. Три основных пункта в жизни духовной

Держите же так: всегда принадлежать Господу. Это многого требует: в мыслях всегда носить Господа; в сердце — всегда иметь чувство к Господу; в воле — все делаемое делать для Господа. *Три пункта*, но такие, которые все в себе совмещают, всю жизнь обнимают (6, с. 72).

102. Как устроится рай на земле

Зимние труды ваши в питании бедных благотворно действовали на вашу душу — и вы чувствовали себя сущюю в раю... Божиим раю, благодатном, в сердце носимом. Таков ведь и будущий рай — не совне навещающий блаженство, а внутри его

устроющий, как неистощимо бьющий ключ радостей и утешений.

...Да ведь я, кажется, писал вам о коротеньких молитвах. Они составляют настоящую молитву и идут прямо из сердца к Богу, и Бог внемлет им и благословляет их. Бог тогда в душе бывает присущ. Сделайте так, чтобы промежутки между сими воздыханиями все меньше и меньше становились... тогда воздыхания сольются в одну непрерывную молитву... и Бог будет присущ вам особым образом, а где Бог — там рай. Присоедините к сему размышление о Божественных таинствах веры. Сколько тепла и света разольется тогда внутри (6, с. 100–101)!

103. Человек в духе

«Подтянулась», — говорите вы. Прекрасно — и никогда совсем не опускайте рук... В нас ведь Господь положил все добродетели. Они тотчас и просятся наружу, как только мы бываем в таком настроении, о коем есть поговорка: «Ныне он в духе»... это то же, что готов на все доброе. А потом поднимется что-то внутри, налетает нечто совне... И человек бывает неузнаваем. Но и это можно стряхнуть, как какую накидку... Когда живо и сильно ревнование о своем спасении, блюдите сию драгоценность, ибо она дороже всего мира (6, с. 104).

104. Наставление о течении духовной жизни

Главное — установиться в сердце пред лицом Бога и стоять так неоступно. Когда это есть, тогда все прочее придет само собою. В черед

изменений духовных в сердце — самое лучшее есть *тяготение внутрь...* для сопребывания с Господом. Тогда все внешнее отходит: остается Бог в душе и душа в Боге... И се — настоящий монах и схимник (6, с. 121).

105. Опасность рассеяния

Воротились! Слава Богу, что было приятно... И еще милость — возвращение здоровья! Но худо, что рассеялись. Хоть вы сказали только, что не так сосредоточенны; но это очень много значит. Это значит, что вы вышли из своей колеи... Господа ради, поопаситесь и постарайтесь воротиться — и стать в чин свой. Выходить легко, но ворочаться трудно; а если надолго остаться наруже, то, пожалуй, в середку и не влезешь... уты, утолсте... Избави вас, Господи! А то и не впустят (6, с. 166–167).

106. О благоустройстве внутренней храмины

Хвáлите новое жильё: чисто, опрятно. Теперь и в середке тоже все таким же образом наладьте. Внешнее да напоминает и указывает на внутреннее. В каждом письме уже несколько времени вы повторяете: воротиться на старое, войти в свою колею. Что вы тут разумеете? Неужели там внутренняя храмина разорилась? Она построена не на песке. К тому же вы говорите, что молитва Иисусова в силе у вас... В какую же еще колею желаете вы вступить (6, с. 185)?!

107. Как с утра настроиться на добро

В первый момент по пробуждении от сна спешите сознать, что Бог с

высоты призирает на сынов человеческих *видети, аще есть разумевай и взыскай Его*. Потом на себя обратитесь, таковая ли вы, что Господь с удовольствием подольше остановит на вас взор Свой? К сему далее прикрепите другую мысль: попали ль вы в колею Божеского Промышления и по ней катится ли колесница жизни вашей, ибо все в воле Божией и ею все правится, и то только и прочно, что ею водится. У нас много своих путей, кои кажутся, но не суть путями воли Божией (6, с. 201).

108. Наставление о сохранении чистой совести

Совесьть да будет чиста всегда. Но совесьть надо просветить словом Божиим, а то она часто беспокоит за то, за что не следует вступаться. Для того читать надо Евангелие и оттуда почерпать правила, какими потом должна руководствоваться совесьть.

Вы — жена, вы — мать, вы — хозяйка. Обязанности по всем сим частям изображены в Писаниях апостольских. Просмотрите их — и возьмите на совесьть исполнять. Ибо сомнительно, чтобы спасение могло устроиться помимо исполнения обязанностей, которые налагаются званием и состоянием. Ибо как то и другое от Бога, то то и другое может быть обращено или на угождение Ему, если верно исполняется, или на оскорбление Его, если не исполняется (8, с. 3–4).

109. О борьбе с миром

Что с миром нельзя помирить Евангелие — это знал Господь, давая заповеди; но нигде не сказал, чтобы

можно было делать уступки миру. Уступка — измена Господу.

Надобно только различать явную заповедь от того, что не определено заповедию, а оставлено нам на свободу. В последнем случае меру уступки определяет благоразумие, которое иногда и требует сего.

Борьбы же прекращать не следует, а следует только изворачиваться в средствах. Одно не берет — другое придумать, паче же молиться Господу, чтобы и вразумлял, и силу давал (8, с. 7–8).

110. Об успехах в духовной жизни

Успевае ли кто в жизни и насколько успевае — этого заметить не даеся, потому что иначе всякий сам съедал бы себя с глаз. Неведение это держит в страхе и постоянно подновляет ревность, уверяя, что ничего еще не сделано и что, следовательно, надо снова начинать. Снова начинать — такой закон духовной жизни... Каждый день надо считать первым днем жизни в страхе Божием — заднее все забывая, кроме грехов, о коих всегда надо каяться (8, с. 8).

111. Единое на потребу

Единое на потребу надо водружить в уме и сердце: веру и жизнь по вере в уповании жизни вечной (8, с. 36)

112. Господь любит добровольно посвящающих себя духовной жизни

Если хочеш Господу себя посвящать, то незачем тебе водиться с миром, в котором нет духа Христова. Если же не хочеш — как хочеш.

Господь любит доброхотно к Нему идущих невест (8, с. 75).

113. Лучший способ предохранить себя от влечения к земному

«Дух наш восстанавливается благодатию Божиею — в силе противостоять влечениям к земле со стороны души и тела. Он и восстановлен уже в христианах. Но невнимание к нему и к делу его делает то, что земное успевае увлекать нас и, как туманом, заслонять Небо. Лучший способ, как подкреплять дух наш в его борьбе с душою и телом при влечениях к земному, есть память об исходе и о последующем за ним Суде и предрешении участи нашей. Потрудитесь поставить себя в состоянии умирающей, сей час и сей час имеющей предстать на Суд, и вместе с тем возбудить соответственные тому чувства — и смотрите: что будет? Полагаю, что все нити земные этим будут порваны — и в сердце останется одно вопияние: «О, Господи! Спаси же!» Научите сему и Черничку. Ничто так не оживляет страха Божия со всеми плодами его, как поставление себя в сие состояние и восчувствование того (8, с. 95–96).

114. О сретении Господа

Се начались Приготовительные к посту недели, и в самом начале — *Сретение*, которое очень знаменательно указывает, что желающие сретить Господа могут достигнуть сего не иначе, как постническими трудами — мытаревыми смиренномудрием, искренним раскаянием, по указанию блудного; памятию о Страшном Суде, плачем о падении во Адаме

и о своих собственных — и воплями: помилуй мя, Боже, помилуй мя (8, с. 99–100)!

115. О чувстве Воскресения

Сила Воскресения Христова невыразимо велика! Нам не понятие только светлое надо возыметь о нем — но и в сочувствие с Ним войти, ибо не для себя, а для нас воскрес Господь, нас совоскресил. Это совоскресение верою увидеть и радость от того возыметь даруй, Господи (8, с. 100).

116. Божий экзамен

Вы всегда свое делайте, а что встречается совне, то не от вас. Бог посылает, и Бог посылает это на экзамен. Пославши, смотрит, как вы поступите. Если умно и справедливо поступите, Он ставит вам лучшие баллы; а если иначе как — и баллы ставятся другие. Потом сделан будет свод баллов... И что окажется в итоге, по тому и аттестат вам выдан будет. Аттестат пишется не на бумаге, а на челе. На том свете привратники тотчас увидят, куда вам следует... «Вам не сюда» — скорбно будет услышать (8, с. 158).

117. Общие наставления о сохранении внимания к Богу и благоуспешном прохождении духовной жизни

Извольте содержать в мысли, что Учитель всякому добру один есть Господь, Спаситель наш. В час размышления или при поклонах внезапно появляться будут мысли спасительные, или руководительные, или пояснительные — надо их замечать и записывать. Если будете пре-

давать себя Господу вседушно, то Он Сам преподает или чрез Ангела Хранителя всю науку христианскую (8, с. 197–198).

Безжалостность к себе, готовность на всякую услугу другим и предание себя всецело Господу с молитвенным в нем пребыванием — се производители жизни духовной (8, с. 198).

118. Дорогое правило для избегания неприязненных отношений с ближними

В случаях неприятных, породивших неприятные против других чувства, не следует ни говорить, ни действовать. Надо наперед успокоиться — и совершенно исторгнуть из сердца неприятность, чтоб и следа ее не было. Больше ничего не требуется. Тогда и речь, и дело пойдут ладно. Можно тогда и сурово, и строго говорить, даже бранчиво — и речь не произведет худого действия, ибо дух в ней будет не раздражительный, а мирный и любовный. Извольте теперь из того случая взять себе урок. Сядьте и осмотрите, что бы следовало вам подумать, чтоб изгладить неприятное чувство... и вперед по сему действуйте.

Вы о тех... думаете худо. Это источник неприятных к ним чувств. Научитесь думать о них хорошо и возбудите в себе почтительные к ним чувства. Непременно сделайте это: доведите себя до такого к ним чувства, какое имеете к какому-либо уважаемому лицу, — и сие чувство храните... и с ним ходите. Тогда никаких неприятностей не будет. Так ведь и должно вам быть расположенным.

Какое вам дело до их поведения?! Начальство есть — и почитайте (8, с. 198–199).

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

1. Желание жить естественно живому. И тут нет греха. Но настоящее в этом отношении расположение есть: «буди воля Божия»

Желание пожить естественно живому. И тут нет греха. Но настоящее в этом отношении расположение есть: «буди воля Божия». Жить ли, умереть ли — да будет как Богу угодно. Это расположение надо усилить и довести до того, чтоб оно не давало порождаться какому-либо относительно сего беспокойству (1, с. 28).

2. О борьбе с житейскими хлопотами

То, что у вас времени недостает по причине хлопот и семейных и вне семейных дел, — тоже милость. Кому все некогда, тот не имеет, когда поскучать от праздности и безделья; не имеет вместе и опасности, какой подвергаются праздные. Одно только надо бы устроить, именно: душевную из-за того непокойность. И мне думается, что это удобно достигнуть, не гоняясь за многоделанием, а делая со всем вниманием лишь то, что предлагается сделать течением дел. В основу положить надо крепкую веру, что все случайности с нами идут от Господа; каждую из них Господь предлагает нам сделать, что требуется по Его заповедям в таких обстоятельствах, — и смотрит, как мы по-

ступим, угадаем ли волю Его и, угадавши, сделаем ли угодное Ему? Кто поймет сие во внимании, тот всегда одно только дело и будет иметь на душе, не томя себя другими. Сделав одно, за другое возьмется и т.д., до тех пор, пока сомкнет глаза, чтобы заснуть (1, с. 124).

3. Земля есть место, траур носящее

Что делать — когда на земле живем, которой обречено всегда быть в трауре и местом, траур носящим (2, с. 3).

4. О плавании в море житейском

В житейском море плавающим надобно кораблик свой беречь хорошенько и направлять его как следует, избегая мелей и подводных камней и столкновений разрушительных. Буря нападет — духа не надо терять и на маяк посматривать, чтоб поскорее в пристань спрятаться (2, с. 205–206; 8, с. 12–13).

5. Отрешиться мира — в нашей власти

В нашей ли власти отрешиться? — В нашей. Если захотим, все сможем. Ибо если захотим — взываем; взывав — взмолимся, взмолившись — помощь получим и с сею помощью все возможем. Так говорит апостол: *вся могу, о укрепляющем мя Христе Господе**... Но, конечно, не вяло надо просить и не кое-как надеяться, а то и другое сильно, глубоко, вседушно (2, с. 213).

* Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе (Флп. 4, 13).

6. Пути Промысла в земной участи каждого

Если верите Промыслу Божию, определяющему участь земную для всякого так, как ему удобнее спастись, то должны верить и тому, что вся ваша житейская обстановка есть самая пригожая вам для устройства вашего спасения. Сколько мне видится, она даст вам полную свободу заниматься своею душою. Это большое преимущество. Уверясь так, Бога благодарите за все: и приятное, и неприятное. Благодушно терпя неприятное, немножко приближаетесь к части мучеников. Зато, если роптать будете, не только от этой части далеки будете, еще и ответ дадите. Благодушествуйте же (2, с. 215; 8, с. 98).

7. Значение слов: мир, мирская жизнь, мирянин

Мнение, будто в мире нельзя спастись, верно, если жить по-мирски...

Но если в мире не жить по-мирски, то для спасения от сего беды нет. Сколько есть и было спасающихся в мире?! Отчего и вам не вступить в число их (2, с. 27)?

Мир — страсти, люди, живущие исключительно по страстям, и совокупность обычаев и порядков жизни, придуманных для удовлетворения страстей... Оставить все сие и есть оставить мир, хотя вокруг все живут по-мирски или пополам: то по-мирски, то не по-мирски — смешанно (3, с. 27).

Жизнь семейная и гражданская не сама по себе есть мирская, а бывает такую, когда в порядки такой жизни втесняются страсти и удов-

летворение их. На семейную и гражданскую жизнь есть заповеди. Если так завести эту жизнь, чтобы в ней господствовали заповеди с прогнанием всего страстного, тогда это будет не мирская, а святая жизнь, Богом благословенная (3, с. 28).

8. Сборы в дальний путь, откуда нет возврата

Вы собираетесь в дальний путь — туда, откуда нет возврата. Никому не миновать сего пути. Но как минута, когда прикажут вступить в него, не известна, а известно только, что она может настать каждое мгновение, то лучше всего думать, что вот-вот надо будет отправляться восвояси и всегда держать себя готовым к тому (3, с. 92).

9. Истинный покой и обманчивые надежды мирские

Так вы знаете настоящий покой!! Слава Богу!.. Так что же — за чем дело? И надо теперь в ту сторону тянуть, в которой он дается. Надо искать потерянный рай, чтобы потом воспеть обретенный. Там — существо дела... Все вне и кроме его пустошь... И недалеко все сие... вот-вот под руками... Восхотеть, однако ж, надо... и нелегко восхотеть. Помогите вам Матерь Божия и Ангел ваш Хранитель! А без сего все будет одно и то же... будете гоняться за чем-то и потом тосковать и досадовать... Опять гоняться и опять тосковать... Не помните ли, как в детстве хотелось иногда радугу догнать?.. Точь-в-точь так бывает и теперь... когда гоним за чем-то... Господь определенно сказал: вот чего ищите и вот что будет!

А прелесть лукавая заставляет искать *что-то* и обещает за это что-то... а выходит все *ничего*. Неужто так и оставаться?! Жаль, очень жаль!.. Ведь, отлично ведаю, что даётся на одной и что на другой стороне!.. Выбирать надо лучшее, постоянное, неизменное. Представлять случаю сей выбор стыдно. Душа сама должна избирать. На ней ведь и отчет за все, ей и честь... Никто, однако ж, другой, как Господь все производит и дает. Воздохните к Нему. Он близ есть. И к вам просится. Стучу, говорит, не отворит ли кто (3, с. 95–96)?

10. Обстоятельства жизни — от Бога, и то, что делать требуется вследствие обстоятельств, есть прямая воля Божия для лица, находящегося в них

Обстоятельства жизни — от Бога, и то, что делать требуется вследствие обстоятельств, есть прямая воля Божия для лица, которое находится в тех обстоятельствах, следовательно, неотложный для него закон и долг. Говорить потому или негласно чувствовать: хочу — делаю, хочу — нет — есть богоборство, а не Богу угождение. Приложите сие к себе. Обстоятельствами жизни вашей вы так устроились, что делать то, что вы делаете, стало характером жизни вашей. Как это не худое что, то в этом спасение ваше. Такое действие Бог вам дал во спасение ваше. Отступать от этого — значит Богу говорить: «Ты не так меня устроил, я сама лучше Тебя устроюсь»... Это ли есть Богу угождать? Будет вот что: это бросите, а к друго-

му образу жизни Божией не прилагаетесь. И останетесь, как рак на мели (4, с. 15–16).

11. О приготовлении к смерти

Надо прежде сочинить *добрый ответ на Судище Христовом по смерти*. Сочинить не мыслями, а делами и написать не на бумаге, а на естестве своем, на душе и теле, чтобы Господу и читать не надлежало, а взглянуть только и все увидеть. Позвольте мне задать вам задачу для решения: *какой ответ на Судище Христовом добрый и в чем он состоит?* Когда решите — напишите. Времени не назначается, хоть всю жизнь свою будете искать решения, только ни одного дня не пропускайте без думанья о сем, а если это мало, то ни одного часа (4, с. 21–22).

В вашем решении вопроса мысли хорошие, но они рисуют программу Суда... а вопрос о том, как оправдаться на Суде. Ибо это и есть добрый ответ. Только в конце изложена мысль подходящая, именно о покаянии. Святая Феодора добре отвечала, когда ее пытали. Ты то и то сделала. Она отвечала: да, сделала, но я каялась и получила разрешение. Вот самый добрый ответ. Сюда все наше внимание и должно быть обращено. Помнить надо, что есть два разрешения или два конца одного разрешения... одно стоит в начале, а другое — в конце. В начале — разрешение на Исповеди... в конце, когда все грешные расположения будут исторгнуты слезами, плоти умерщвлением, доброделанием и молитвою. Это разрешение естества от живущего в нас греха. Зрите и с ним

соображайтесь в заготовлении доброго ответа (4, с. 23–24).

12. Наставление вступающей во врата смерти

Так вот каково ваше положение! Никак мне не верилось, чтоб вы до того разболелись, что и умирать надо собираться. Буди воля Божия! Но мне думается, что болезнь ваша не к смерти. Поживите с нами! Молитесь, и мы будем молиться. Впрочем, Господь да устроит путь ваш к лучшему. Умирать вы давно собирались. Потому смерть не застанет вас врасплох.

И всем христианам переход в другую жизнь усопшен; но тем, которые побольше потрудились над собою Господа ради, дорога там прямее и беспрепятственнее. Пересмотрите, однако ж, все: слова, дела и помышления — построже, как самый придирчивый судья, и все, что найдете неисправным, сложите у Креста Господня. Затем, Господу предавшись, ждите, что речет Он о вас — еще ли маяться или на покой. Там, конечно, лучше. Какое сравнение! Когда придут страшиности за себя, сильнее предавайте себя в руки Господа, моля Его за веру восполнить недостающее в жизни и в делах. Милосердые объятия Его простерты ко всем, отходящим отселе. Да примет Он вас и обьмет, говоря: «Гряди, невеста моя, искренняя моя!» Даруй вам, Господи, сие! Память Божия да не отходит от вас. Теперь все прочь! Велите прочесть для вас житие святого Досифея, ученика аввы Дорофея. Святой Дорофей все его спрашивал: «Как молитва?» «Идет, — отвечал, — мо-

литвами твоими». Пусть она и у вас идет. Помогите вам, Матерь Божия (4, с. 241–242)!

13. Смерть есть великое о нас таинство

Неужели вы в самом деле отойдете? Мне это не верится. Поболите, думаю, и подыметесь. Но что же делать, если и отойдете? Переход из сей жизни не есть особенность. Сколько отходят каждый день и даже час? И за нами придет череда. Кто ныне, кто завтра — все одно. Не одно только, кто каким отходит. Осмотритесь, все ли готово? И если нечего больше готовить, предайте себя Господу (4, с. 243)!

Когда издали смотришь на час смертный, он иначе кажется, нежели как когда он подойдет. Живому и здоровому трудно восчувствовать себя отходящим. Смерть есть великое, еже о нас, таинство. Оно просветлено Христовою верою, но все есть нечто сокровенное. Когда придется проходить самым делом, тогда все уяснится. Страшиностями, однако ж, нечего себя томить. Господь прошел сею сению смертною, чтоб для нас сделать удобнейшим путь сей. Вслед Его и мы, проходя посреде сени смертныя, да не боимся зла, ибо Он с нами есть, когда мы с Ним бываем в жизни сей. Грех разлучает, но когда он очищен покаянием и сильным трудом, то сего средостения нет уже. Господь близ. Дерзайте убо (4, с. 243).

Вам, больным, пишу все о смерти; но не думаю этим навести на вас мрачные мысли. Ибо возможно со апостолом желать разрешиться,

чтоб со Христом быть (Флп. 1, 23). Это желание не чуждо вам. Указание же на близость достижения желаемого радует, а не уныние наводит (4, с. 243).

14. Беседа с умирающей. Последняя просьба и благословение

Сквозь скорбность прозревайте и на то, что сильно обрадовать. Обымите покрепче верою, что терпением стяжевается душа (Лк. 21, 19) и что скорби открывают вход в Царствие. Поминайте Господа, как Он был в саду Гефсиманском. Он томился в облегчение наших предсмертных страданий. Возьмем себе от Него и дух богопреданности: *обаце не якоже Аз хощу, но якоже Ты** (Мф. 26, 39). Буди же над вами и о вас воля Божия (4, с. 244)!

Часы каждого изочтены. Но тому, кто постоянно ждет своего часа, нет нужды в определительном указании, не последний ли он проживает час; ибо у него и без того всякий час есть последний. Кто силен сказать: *аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси*** (Пс. 22, 4)? — Тот, кто в жизни своей нудил себя и нудит еще постоянно быть с Господом. Для такой души и сени смертной нет. Одно мгновение — и она представляется во ину область света, полную всяких отрад. Тогда воспоется и песнь исповедания: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возве-*

*селиша душу мою** (Пс. 93, 19) (4, с. 245)!

Конечно, близость исхода, может быть, произведет содрогание. Мужайтесь и да крепится сердце ваше! Дерзайте, ибо Господь победил. Он же и каждого верующего являет победителем. Это несомненно. Враг же всегда тут подоспевает, чтоб если не погасить, то омрачить светлое чаяние. Подготовившийся крепкою верою сумеет не обратить на это внимания, в руки Господни предавая душу свою. Вот-вот Ангелы Божии придут и все омрачающее разгонят.

Не на безвестное течем (См. 1 Кор. 9, 26). Упование же не посрамляет (См. Рим. 5, 5). Если уж отойдете и улучите часть спасаемых — и о нас Бога молитесь, да даст нам покаяться и исправить жизнь свою.

Благословение Господне на вас и на путь, какой Его святой воле благоугодно определить для вас! Простите (4, с. 245).

15. Ответы на думы об устройстве своей земной жизни

Вы все гадаете об устройении себя. Бросьте думать, а только смотрите под ноги и около. Господний путь устроится незаметно — не с усмотрением, как хвалятся хвалящиеся благоразумием. Он приходит сам собою. Вступив в него, только дивиться будете, как все устроилось. Так и порешите...

Вы прописали сами решение: *для спокойствия родителей надо быть*

* ...впрочем не как Я хочу, но как Ты.

** Если я пойду среди тени смертной, не убоюсь зла, ибо Ты со мною.

* При умножении страданий моих в сердце моем, утешения Твои веселили душу мою.

здесь!!! Тут все решено... Се заповедь есть Божия. Нарушением заповеди еще никто в свете не загадывал угождать Богу. Чуете... Вы хотите удалить сие препятствие... Подождите... Оно само собою удалится. Тогда буди воля Божия. А до того времени думать и гадать — значит попусту тратить время (7, с. 17–18).

16. Суета светской жизни

Жизнь, которой частичку вы видели, имеет одуряющее свойство: так что и видят, что все это не то, а все тянутся — как привыкший к опиуму знает, что будет, как сумасшедший, а все принимает его или потому и принимает (9, с. 6).

17. Пустота и односторонность светской жизни

Дай Бог, чтоб такое отревающее от светской жизни и светских увеселений чувство навсегда сохранилось в вас. Но возможно и то, что слюбится. Как видно, вам нельзя не прикасаться к такой жизни. Во второй раз будет уж не так разрушительно и смутительно, в третий — еще меньше, а потом и ничего себе; как говорят про водочку: первая чарка — колом, вторая — соколом, а там уж — только подавай. Которым приходится зайти в табачную мастерскую — что испытывают? И глаза ест, и в носу точит, идохнуть нельзя. А которые трут-то, тем совсем ничего; да и эти свежие, постояв немного, уже не так жмурятся, чихают и перхают, а потом и совсем эти неудобства прекращаются. Смотрите, не случилось бы и с вами

подобного относительно так возмущивших покой ваш порядков жизни (9, с. 6–7)?

«Присматриваюсь и нахожу, что это не жизнь. Не умею этого объяснить, но утверждаюсь в мысли, что это не жизнь. Движения тут много, а жизни нет. Вон и моя швейня куда как хлопочет, но что в ней за жизнь?» Прекрасную мысль породила ваша светленькая головка. Теперь ваше положение я могу считать более надежным. Чувство одно непрочно; оно может измениться. Но когда в помощь к нему приходит основательная мысль, то оно упрочивается и собою опять упрочивает мысль. Вдвоем они похожи на крепость. Но чтоб эта крепость была крепче, надо вам понять, почему именно нет жизни в той жизни (9, с. 7).

Потому нет в той жизни жизни, что она не все стороны человеческой жизни занимает, питает, а только малую частичку, и притом такую, которая стоит на последнем месте или, вернее, на окраинах жизни, не касаясь центра ее (9, с. 7).

Жизнь человеческая многосложна и многосторонна. Есть в ней сторона телесная, есть душевная и есть духовная. Каждая имеет свои силы и потребности и свои способы упражнения их и удовлетворения. Только тогда как все силы наши бывают в движении и все потребности удовлетворяются, человек живет. А когда у него в движении только одна частичка сил и только одна частичка потребностей удовлетворяется, то эта жизнь не жизнь: все одно, как в вашей швейне, — движение должно

бывает только тогда, когда все части ее в ходу. Прекратись действие какой-либо части — машинка стала, не живет. Не живет и человек по-человечески, когда в нем не все в движении. Только в машинке прекращение ее жизни — движения — видимо видится, а в человеке бездействие в нем полной человеческой жизни, при действии одной какой стороны и удовлетворении немногих потребностей, совершается невидимо, хотя есть действительно, как действительно неподвижность сказанной машинки. Таков закон человеческой жизни! Приложим его к тому, о чем у нас речь. Какие силы там заняты и какие потребности удовлетворяются?

Заняты руки, ноги, язык, глаза, уши, обоняние, осязание, память, воображение, фантазия и сметливость, все в совокупности — самая низшая сторона человека, одинаковая у него с животными; и удовлетворяется только одна потребность животной жизни или, лучше, играющие сей жизни, какое действует и в молоденьких барашках с овечками, когда их выгоняют на зеленую поляну. Кроме этих сил, есть у человека еще два-три яруса их и еще главный их центр.

Судите же теперь, может ли такая жизнь быть жизнью? Чувство ваше сказало вам, что нет тут жизни. Указываю вам главную причину, почему нет.

Жить нам надобно так, как Бог создал нас, и когда кто не живет так, смело можно говорить, что он совсем не живет (9, с. 7–8).

18. О светских увеселениях

Теперь понемножку о прочем. «В прошлую зиму, — говорите, — до упаду навеселилась и, пришедши домой, благодарила Бога за веселье»... Отчего не повеселиться? И Господа надо благодарить за все. Но мне думается, что после увеселений лучше поступать так, как поступал Иов. Дети его веселились каждый вечер. А он утром приносил за них жертву Богу в очищение, говоря: не погрешили ль они в чем-нибудь... Вот и вам то же после веселия надо делать.

Во время развеселости мысли не знают, куда заносятся, и слова текут, как ручей дождевой, — куда попало, ибо нет русла. А ведь Господь близ и все видит — и все на счет берет... Потому после развеселости лучше молиться: прости мне, Господи, если нагрешила мыслями и словами (6, с. 12–13).

19. Тихое пристанище

Когда дела идут от сердца, тут жизнь живая... а когда она при сем посвящается Господу, тогда она божественна, ибо тогда Бог есть действующий в вас. Раздумываясь о себе и своей участи, вы решаете: буди воля Божия. Нет премудрее такого решения. Кто таков в сердце, тот — как в тихом пристанище, хотя пред глазами волнующееся море мира...

Держите на сем якоре ладью жизни вашей, и волны не потопят вас — брызги только покропят немного (6, с. 105).

20. Мир о мирском и хлопочет

Что в мире деется, тоже в порядке вещей. Мир на то и мир, чтобы толь-

ко о мирском хлопотать. Он свое дело делает, а нам надо делать свое. Мир внешний еще не так страшен, как мир внутренний, ибо он и туда залезает. И когда залезет — вот наша беда (8, с. 26)!

21. *Господь ставит каждого в житейскую обстановку, благоприятнейшую для спасения*

Если верите Промыслу Божию, определяющему участь земную для всякого так, как ему удобнее спастись, то должны верить и тому, что вся ваша житейская обстановка есть самая пригожая вам для устройства вашего спасения. Сколько мне видится, она дает вам полную свободу заниматься своею душой. Это большое преимущество! Уверясь так, Бога благодарите за все: и приятное, и неприятное. Благодушно терпя неприятное, немножко приближаетесь к части мучеников. Зато, если роптать будете, не только от этой части далеки будете — еще и ответ дадите (8, с. 98; 2, с. 215).

ЖИЗНЬ СЕМЕЙНАЯ

1. *Совершенства можно достигнуть и в семейной жизни, погашая и искореняя страсти*

Постриг тайный можно принять, но подождите. Совершенства можно достигнуть и среди семейной жизни... Надо только страсти погашать и искоренять. На сие все внимание и обратите (1, с. 139).

2. *Не прекращая своего попечения, возложить все на Промысл Божий*

Без забот и попечений как прожить? Но все в меру, а главное — с

преданием себя в волю Божию. Вы все сами хотите устроить детей, а Богу ничего не предоставляете. А на деле надо все Богу отдать, не прекращая, конечно, и своего попечения, но не придавая ему и слишком много значения. Если Бог не благословит детей, то что вы одни сделаете? Да не станет ли Бог смотреть на них равнодушно по причине ваших забот (1, с. 126–127)?

Со всякою немощию душевною следует тотчас обращаться с молитвой к Господу, прося Его исцелить. Затем, употребляя и от вас зависящие средства и собственные усилия, ждите помощь свыше, и Господь в свой час пошлет помощь и исцелит. Без Господа никакое добро не укореняется в сердце (1, с. 127).

3. *Скорбь об отлучении сына*

Ваше отлучение, изреченное сыну, было плодом ревности по Богу и любви к сыну, искавшей сим способом вразумить его. Какой же тут грех?! Другое дело — мысль о силе сего отлучения. Но где вы нашли, чтобы единоличное отлучение, как громко ни прокричи его, действительно отлучало от Церкви? Стало, и этого нечего тут видеть (1, с. 149–150)!

4. *Семья — это житейский крест для главы*

Семья — это житейский крест для главы! Терпи, покорствуя Господу, и, все со своей стороны делая, все предай в волю Божию (1, с. 228).

5. В семейной жизни исполнять дела по сознанию, что исполняется воля Божия

И по семейной жизни на вас лежит долг... Исполнять его не есть суетность. Только совершайте такие дела по сознанию, что волю Божию исполняете. Суетность — дела по удовлетворению страстей, также ненужные и бесполезные (1, с. 247).

6. Жена, мать, хозяйка — это ваши владения. Министры ваши — голова да руки с ногами и душа с силами. Кодекс законов — заповеди Евангелия... Смотрите построже за своими министрами

Жена, мать, хозяйка — это ваши владения. Министры ваши — голова да руки с ногами и душа с силами. Кодексы законов — заповеди Евангелия. Смотрите построже за своими министрами, а то они всегда готовы воспользоваться оплошностью предержащего... и все потянут в свою лишь пользу, а не на общее добро (2, с. 81).

7. Отрешение от всего сердцем для всех возможно, отрешение делом не есть достояние всех

Отрешение от всего сердцем для всех возможно и, как видно из Нагорной беседы Спасителя, для всех обязательно; но отрешение делом не есть достояние всех.

Высвободите сердце от любоимания. Довольно. Знаки сего подвига сии: если упования не имеется на свой достаток, если имеется готовность спокойно перенести, когда бы Господу угодно было все взять; если рука податлива на вспоможение

без остановок, идущих от сердца... и подобное. Когда это будет в искании и посильном подвиге — и довольно с нас! Вдруг с сердцем не сладить (2, с. 82).

8. Об удалении от шумного общества. Житейские хлопоты и дело спасения

Правду вы говорили, что трудно-вато среди шумного общества сохранять внимание к Богу и уберечься от слов и мыслей — то пустых, то и недобрых. Такой уж строй светской жизни. И ваше желание держаться подальше от этого шума очень естественно. Если вы оба сходитесь в этом желании, то что еще может помешать вам исполнить его? И Бог благословит (6, с. 104).

Мирные занятия дома — какое наслаждение! Тут только вы и будете настоящие господа. А там — рабы... и не сумеем сказать, чьи! То только видно, что ни временем не владеете, ни занятиями, ни собою. Все отнято, и вами помыкает кто-то, и притом с таким деспотизмом, что и воспротивиться нельзя. Кто это там такой князь?! Разберите, пожалуйста. Если попадете на истину, удостоверьтесь, как основательно бежать от света темного-темного (2, с. 83).

Вы семьяне. Вам нельзя не хлопотать о житейском. Это и не запрещено; напротив, повелено трудиться, чтоб иметь содержание и другим помогать. Надо только не томить себя заботою и, работая, всю надежду возложить на Бога, и все, что даст Бог излишнего, возвращать то Ему чрез бедных, как оброк господский (2, с. 83).

Ведь спастись не мудрено. Глаза только надо и энергию. Дело все просто. Мыслию с Богом будь и телом твори дела, кои лежат на тебе по заповеди. Вот и все! Много ли это (2, с. 83)?

9. Совершенное беспопечение не идет людям, связанным семейными узами и житейскими обязанностями

Держитесь Господа и заповедей Его, и все будет хорошо. Нельзя вам брать на себя то, что под силу только людям, от мира отрекшимся. Совершенное беспопечение — их дело; а вам дело и дела. Вы — муж, отец, владелец и другое можете быть еще что. Всякое из сих титулов налагает на вас обязанности, заповедями Божиими определенные. Исполнять их есть ваш труд во спасение. Так судил вам Бог. В сем и пребывайте!.. Об одной заботе, чтобы побуждения в делах были чисты. Все во славу Божию творите. Прочитывайте Евангелие и Послания и оттуда берите себе уроки (2, с. 98–99).

10. Наставление о воздействии на неверующего сына

У вас забота — сын. Что делать? Сатана все полчища свои напустил на Россию, потому что одна только она и есть держава, содержащая истину... И вот видим, какие шибкие имеет он среди нас успехи. Видим и, как действовать против сего, не знаем, и взяться за сие дело не умеем, и даже охоты не чувствуем... Головка горькая... В этом, однако ж, для вас нет утешения! Хоть наряду с другими гибнет сын, а все же нельзя матери не болеть о нем. Болите и мо-

литесь! Вот все, что могу вам сказать. Можно бы рассуждать с ним. Попробуйте... Только наедине, чтоб никого не было, и прямо к сердцу его обратитесь... Затем попытайте, какие основания он имеет к неверию? И тут же потихоньку разрушайте сии основания. Выпытывайте одно за другим и все разоряйте. У них ничего нет солидно-твердого, а так, ветер наваял, и держится дух такой... (лукавый)! Когда по разорении непрочных оснований неверия останется он ни при чем, тогда и свои основания предложите, а дотеле не выставляйте их, а только его разоряйте. И все молитесь. Бог поможет — и просветится душа его. Он прятал иконку, чтоб не видели. В этом нет укорного. Скажите ему, что и все может прятать... т.е. и Богу молиться, и в церковь ходить, пряча сие от других... А когда не удастся, пусть все внутренно делает, пусть в душе к Богу обращается и молится... И это настоящее будет, Богу угодное дело. И веру пусть блюдет. Пусть каждое утро и вечер Символ веры просматривает (2, с. 140–141).

11. Руководство для расположения сына к молитве

Вы говорите, что сын мало молится, т.е. мало и редко стоит на молитве и читает молитвы? Может быть, это неудобно по службе. Скажите ему, что можно молиться не стоячи на молитве, а внутри, в сердце обращаясь к Богу как к Отцу, Хранителю, Помощнику и всестороннему Попечителю... и то просить, то благодарить. Это же можно делать на всяком месте и во всякое время, и

наедине, и в сообществе. Да слышит, что говорит Господь: «сыне, даждь Ми сердце!» И пусть отдаст. Да хранит его Господь (2, с. 153)!

12. Матери — участницы мученичества

О сыне — горе! Болен. Я всегда твержу матерям, заботливым о чадах... Вы — участницы мученического подвига, ждите и венца такого (2, с. 159).

13. Брак не затворяет двери в Царство Небесное и не мешает христианину совершенству

Брачная жизнь не затворяет двери в Царство Небесное, может не мешать и в духе совершенствоваться. Не во внешних порядках дело, а во внутренних расположениях, чувствах и стремлениях. Их и поревнуйте всадить в сердце. Читайте Евангелие и Апостол и смотрите, как следует быть христианину настроену, и позаботьтесь так настроиться. Понемножку все придет и займет свое место. Главное — молитва. Она барометр духовной жизни. Непрестанно надо с Господом быть, ибо без Него ни в чем успеха не будет (1, с. 118).

14. Поздравление новобрачным

Поздравляю с совершением брака. Благослови, Господи, новобрачных, здоровья, мира и любви желаю (1, с. 47)!

15. Живущий в семье и спасается семейными добродетелями

Кто в семье живет, тому и спасение от семейных добродетелей. Но

ведь дело не в том, чтобы все представить в отличном виде, а чтобы сделать все зависящее. Коль скоро все сделано, нечего себя мучить. Конечно, и спустя рукава не следует действовать, но и томить себя не след, предоставляя все Господу (2, с. 200; 8, с. 6).

16. Жизнь семейная и гражданская может быть мирской и святой, богоугодной

Жизнь семейная и гражданская не сама по себе есть мирская, а бывает такую, когда в порядки такой жизни втесняются страсти и удовлетворение их. На семейную и гражданскую жизнь есть заповеди. Если так завести эту жизнь, чтоб в ней господствовали заповеди с прогнанием всего страстного, тогда это будет не мирская, а святая жизнь, Богом благословенная (3, с. 28).

17. О сыне, которому не дается наука

Коли нет успехов, то взять сына из школы — разумное дело... Благослови, Господи, сделать вам это... Есть много людей на свете... кои... дельцы дельцами... а наука не идет. Вопрос, какие лучше, научники или дельцы, еще не решен. А чтобы сходилась дело и наука в одном лице — это редкость. Об одном позаботьтесь, чтобы нрав у него выработался хороший и правила жизни добрые. Тут не мешает иной раз, кроме советов и увещания, и родительскую власть пустить в ход (3, с. 104).

18. Одобрение принятия сиротки на воспитание и наставление об уходе за нею

Взяли вы на себя хорошее и прехорошее дело — ходить за малюткою. Благослови, Господи, хождение ваше! Вы напрасно беспокоитесь, что иногда крик дитяти отрывает вас от молитвы, будто от дела Божия к делу, чуждому Бога. И то, и другое — Божие дело. Богу приятно, когда детки Его к Нему устремляют очи свои в молитве... но не менее Ему приятно, когда одни любимые детки заботливо спешат присмотреть за другими Его же детками. Так не смущаетесь. И молясь, дело Божие исправляйте и, за малюткою смотря, то же творите. И Бог одинаково умильно смотрит на вас и когда молитесь, и когда около малютки хлопочете. Куда как хорошо, что вы любите дитя. Любовь ваша прямо душу ее питает, и она не чувствует лишения матери. Пребудьте в этом расположении (4, с. 73–74).

19. О труде ухода за малюткою

О труде ухода за малюткою вы право рассуждаете, что она Богом вам поручена. И Господь воздаст вам. Да и сама малютка может отплатить. Когда подрастет, будет привязана к вам, как к матери... и потом будет вам послушницею... а вы старницею. Вот и сень будущего монастыря (4, с. 75)!

20. О привязанности к принятой сироте

Привязанность ваша к малютке не может зайти далеко... и если будет сильна, беды от этого нет. Дети

добрые — ангельского суть чина. Коли жаль будет оставить, с собой возьмите... Да что об этом думать... Смотрите проще на дело... Господа просите, чтоб держал сердце ваше в мере (4, с. 81–82).

21. О воспитании нравной сиротки

Очень жалею, что сиротка нравна... но пророчить худа от сего рано... Может быть, вдруг переменится... Но упорство обещает твердость воли... а эта черта не худая. Не ухитритесь ли так действовать на нее, чтобы она не замечала, что ей приказывают, а делала то, что хотите, будто от себя. Господь да умудрит вас (4, с. 87).

22. Наставление о кротком обращении с сироткой

Заступаюсь за сиротку... Не всегда штраф... Почаще уговаривание. Это мягче... и прочнее. Строгость непрестанная жестка и безотраднa. Поблажки, конечно, не следует допускать, но и строгость надо растворять теплотою любви... Я уверен, что у вас дело так и идет (4, с. 88).

23. Домашнее послушничество

Ведь вы тоже и дома состоите на послушании. Надобно матушку всячески упокоивать. Она игуменья, а вы послушница... ну, пожалуй, казначея, и послушною останется одна малютка (4, с. 132).

24. Совет о воспитании девочки

Девочку учить надо... Всякий раз, как прорвется худое, толкуйте ей, как это нехорошо, и прибавляйте,

что так мужички только делают. Кто ни увидит тебя, будет говорить: вот и барышня, а ничем не лучше мужичек... Иногда штрафуйте... не давая ей в этот день чего-либо, что она любит... Но никогда сердчания не выказывайте... чтобы видело дитя, что вы делаете это по любви одной (4, с. 133).

25. Наставление для утешения переживающих семейное горе

Вы скорбите... Это в порядке вещей. Господь в Гефсиманском саду — это Первосвященник, страждущий за грехи всего мира. Сей скорби и туги делается причастным и священник, принимая грехи своего прихода и сторонних, приходящих к нему. Таково уж его назначение (4, с. 252–253).

Другое дело — положение того семейства. Вы добре сделали, посоветовав не налегать укором. Этим ничего не успеешь. С совестью уж он управился. Привод «этой» — конец долгой борьбы, в которой он остался побежденным. Однако ж мне думается, что дело не останется так до конца. Она надоест ему, и он ее прогонит. Он охладет к ней — тут совесть опять подымет бунт. И, может быть, возьмет свое. Эту надежду пусть воодушевляются страждущие, присоединяя к ней усиленную молитву. Тут, конечно, враг вмешался, а его ничем не отгонишь, как молитвою. Утешение себе черпать научите их из той мысли, что они, терпя, делаются причастницами венца мученического. Лот был мученик, потому что, как уверяет

апостол, мучился душою, смотря на беззаконные дела горожан своих. Таково и этих страждущих положение (4, с. 253).

Пусть и на это горе смотрят как на всякое другое несчастье — смерти, болезни, гонения, пожары. Бог попускает, искушая их терпение. А «того» смиряет Господь. Теперь он гордынею обуюн; но когда пройдет туман и он оглянется на то, что нагородил, будет видеть себя самым униженным. Верно, он горд... и потребовалось такое срамное врачевство (4, с. 253).

Внушите также им... что главная наша забота — спасение души своей. Мешает ли безобразию того соделованию сего спасения? Никак. Если взглянуть с разумом на дело, увидят, что его можно обратить в пособие ко спасению. Пусть отчуждятся на время от чувства неприятности такого поведения и останутся на том, что это их делу может не мешать, пусть делают его, смиренно молясь о «том». Трудно! Что есть без труда?! Труднее всех жене. Но зато и награда будет ей больше, если благодушно перенесет сие горе (4, с. 254).

26. Наставление и воспитание детей

Детей вразумлять есть долг родителей, стало, и ваш. И бояться чего? Слово любовное никогда не раздражает. Командирское только никакого плода не производит. Чтобы детям благословил Господь избежать опасностей, надо молиться день и ночь (8, с. 9).

27. Почему иногда отчуждаются дети

Детей отчуждение дивно. Но посмотрите, не вы ли виноваты в том. Если вы то за чтением, то за рукоделием, а детьми мало занимаетесь, так что они не видят от вас ласки... то что дивного, что они отчуждаются от вас? Невестка на отместку! Вам нельзя одним спасать душу свою. Часть в этом неотложную имеет и попечение о детях, ласки к ним, материнская нежность, безмолвное вразумление (8, с. 23–24).

28. Ответ о суровости мужа

Муж ваш глубоко любит вас; суровость его только видимая. Такой бывает склад у людей. И не смотрите на это. Пусть он есть, как есть. И вы будьте, как есть. Бог свел вас: верно, вам так быть — есть наилучший быт на земле (8, с. 25).

29. Средства к укрощению деспота — мужа

Беличке только тяжело. Пусть ухитрится перехитрить. Мне думается, этого можно достигнуть, не давая заметить, что деспотство неприятно, и держа вид, что будто его выходки признаются состоящими в порядке вещей. Не встречая противодействия, деспотство все будет тише и тише... Наконец и совсем стихнет. Тогда обратно можно и его забрать в руки, не переменяя смиренного тона и держания себя. Начитанной никогда не надо возражать; а со всем соглашаться... будто учиться — хоть и явно, что несостоятельное утверждается (8, с. 69).

30. Как относиться к соседям

Мудрено вам сказать что-либо решительное относительно того, как быть с соседями. Закон для сего один: общиться с единомышленными, для взаимного себе поддержания в действовании на пути спасения. Поэтому, если случится отшатнуться от тех, кои мало думают о Боге и спасении, жалеть об этом нечего. Общение с ними останется только в житейских порядках... Но если достанет мужества, то и их надо принести в жертву... Сообразите с сими началами (8, с. 71–72).

31. Об отношении к провинившемуся мужу

О Беличке будем жалеть и молить Господа, чтоб Он воодушевил ее мужественно переносить случившееся. Муж мрачен: верно, пропустил порядком... Ну, теперь он на ус себе мотает и наперед зарок дает — так не поступать. Пусть она не точит его, а жалеет и воодушевляет, что-де авось все как-нибудь понемногу поправится. А станет точить — только разлад будет и неприятности, а толку не будет (8, с. 73).

32. Об отношении к черствому мужу и непослушным детям

О нелюбии мужа молитесь, да укротит его Господь. Что вы плакали, а он смеялся... тяжело, конечно. Но возьмите отсюда урок: вперед прятать сии драгоценности — слезы, никому не показывая их, подражая св. Давиду, который ночью омочал постель свою слезами.

И о детях молитесь. Господь силен исправить их. Говорить же им, как видите, — лучше не говорить, коли они такие стали. Разве когда заметите их готовность послушать (8, с. 81).

33. Огорчение от сына. О воспитании чужой малютки

Больнее всего — неуклюжий поступок сына. Думается, он не от злости, а от юной малосмысленности. Немножко погодя разъясните ему, что то, что он считает зависящим от вас, совсем не от вас происходит... И приложите, что вы более, нежели кто другой, желаете ему всякого довольства... Когда он уверится в том и другом, сердце его должно смягчиться. Тогда уместно будет сказать нечто и в назидание — словом не столько повелительным, сколько благожелательным.

Сиротку благослови, Господи, вам воспитать. А что труд — уж без этого что бывает? И Черничку благослови, Господи, пособить вам поудачнее (8, с. 81–82).

34. О наставлении молодежи

О сыне много слишком не тужите. Каков нрав, смотрите; а жизнь потом заставит перекреститься. Что любит стяжания, это еще не великая беда. Степеннее будет. Не иметь нельзя, ибо надо есть, пить, иметь кров и пр. Надежду только при имени на Бога возлагать надо — и часть уделять неимущим. Учите его по копейке давать бедному, хоть в воскресенье только. Начав с этого, и далее пойдет.

И молитвою не докучайте; можно надоесть. Советуйте ему хоть немного, да молиться утром и вечером, не читая никаких молитв, а так умно очи к Богу возводя. Вечером Бога поблагодарить за день, утром попросить о дне — своими словами, как знаешь, только бы делом. И этого довольно. Поклоны три–пять с такими мыслями. И днем иногда пусть обращается к Богу с краткою молитвою. «Господи, помилуй, благослови, Господи, помоги, Господи». Больше этого и не нужно. «Трудно ли это? — скажите ему. — Ну, так доставь мне утешение, что будешь делать так». Молодежь жить на земле и по-земному хочет. Ведь и нельзя без этого, потому что мы земны. Только не надо забывать, что на земле мы на время — и короткое; стало, хоть и земны, но не для земли получили бытие (8, с. 101).

35. Хозяйство — дар Божий

Хозяйство — не мудреная вещь. Скоро взглянитесь, и ничто уже не будет вас затруднять. Только не нерадите. Хозяйство и все, ему принадлежащее, есть дар Божий. Надо блюсти его и возделывать. Только в цели надо при сем иметь славу Божию. Свято соблюдайте... отделять часть неимущим — по силе, но не паче силы. И добре все пойдет (8, с. 119).

36. О воздействии на колеблющегося сына

С сыном, правду говорите, лучше не толковать о религиозных делах. Молитесь только усерднее... и

Господь помилует его, послав ему свет благодати, просвещающей и вразумляющей — и все колебания прогоняющей (8, с. 125).

37. Матери, горюющей о детях

Горюете о детях. На то вы мать, чтоб о детях горевать. Но приложите к гореванию молитву... И Господь устроит детей. Поминайте мать блж. Августина. Плакала-плакала, молилась-молилась! — и вы-

молила, и выплакала, что Августин опомнился и стал как следует быть (8, с. 225).

38. Молитва матери

Речь Илии приятно слышать. Помогите ему, Господи, привести в исполнение свое доброе намеренье. Приложите и свою к тому усердную молитву. Ничья молитва о детях так не доходна до Господа, как молитва матери (8, с. 228).

ИНОВЕРЦЫ-СЕКТАНТЫ

1. Об отношении христианина к молоканам в житейских обстоятельствах

Более других укорен поступок ваш с молоканом. Общение, которого вы боитесь, не житейское разумеется и не доброжелательное, а религиозное: не общиться в вере и Таинствах, и молитвах. За чем он приходил к вам, вы должны были помочь ему...

Мне думается, что вы хорошо делаете, если, встречаясь с теми лицами, будете ласково говорить с ними, как будто ничего не было. Можете сказать: «Я тогда немного вспылел, прошу извинить. Но это не значит, что я одобряю поступок ваш: вы дурно сделали...» (1, с. 222–223).

О молоканах теперешних надо судить снисходительнее. Зачинщики всему виной, а эти с молоком матери всасывают ересь (1, с. 228).

2. Редстоковщина похожа на молокан, только эта секта иноземная и дворянская

Господи, помилуй нас! До чего мы дожили? В Питере гласно и явно образуется сектаторская община — редстоковщина. Это что-то похожее на молоканство — только иноземное и дворянское. Вот и знайте. Свя-

щенников, вишь, и видеть не хотят, а не только слышать и следовать им. О сем подобает подумать. В Питере есть молодцы из иереев, которых совестно слушать, но есть и образцовые иереи. И всюду так. Увы и ах (2, с. 18)!

3. Пашков есть злейший молоканин и хлыст, у которого ни Церкви, ни Таинств, ни священства...

Посылаю вам десяток писем в С.-Петербург. Раздайте их старым знакомым... а то и по городу — недуховным, для которых, по вашему суду, бесполезно прочесть их. Это против Пашкова, который есть злейший молоканин и хлыст, у которого ни Церкви, ни Таинств, ни священства, ни молитвословий — ничего нет. Кайся, веруй в Господа и живи добре — и все тут. Прочее все — побоку. С этою проповедью он разъезжает всюду. И у себя дома собирает... и многих уже сбил с толку... Вот-вот объявит секту. Другая, побочная с ним, секта есть «апостольская община». И та в Питере имеет ход. Вот и знайте (2, с. 22).

4. Добрый отзыв о книге А.Д. Ушинского против штундистов и побуждение к продолжению борьбы со штундой

В последнем письме вы поминаете о книге Ушинского. Вы неспра-

ведливы к сей книге. Весь ее недостаток в том, что она не полно разбирает опровергаемые пункты. Но автор и не скрывает этого недостатка, а прямо сознается, что он плохой богослов, и издает книгу с тою целью, чтобы раздразнить могущих написать поплнее и побудить их приступить тотчас к сему делу. Укорять его в недостаточности опровержения потому совершенно нерезонно. Всем вам ответит он: *quod potui, feci, faciant meliora potentes.*

Его можно бы укорять в неправомыслии; но этого там нет. Я перечитывал рукопись и не видел ничего неправого и не нашел резона, почему бы мог сказать: не печатай.

Ваш приятель писал вам: «Перелистывал — и мне показалось кое-что неправое». — Какая ревность! О, неглижер!.. Вы же сами прописываете пророчество о возможном вреде от сей книги, именно — что теперь штундисты будут иметь печатное изложение своей веры. Не вижу, какой от сего вред. Если б у них не было сего изложения — другое дело. Но оно у них есть и, конечно, переписывается друг у друга. Ушинский от них получил тетради и списал для себя. Но в тетрадях оно ходит без опровержения, а в книге — с опровержением. Какое ни будь опровержение, но оно всегда будет оставлять след и производить колебание. Есть пункты, сильно опровергнутые... Кто поколеблется в нескольких пунктах, тот не может оставаться покойным и относительно всего прочего. Выходит польза, а не вред. Предполагаемый вами вред был бы возможен, если бы учение

косяковцев было все напечатано отдельно; но оно разумно разбито и пересыпано опровержениями.

Я не утверждаю, что книга удовлетворительна; но не могу думать, чтобы она была бесполезна. Она только оказывается бесполезною в отношении к вам, спящим иереям. Ушинский надеется, что разбудит вас. И ошибся. В этом виноват. Ему следовало знать вас лучше и не обманывать себя мечтами, что вы подхватите его запеванье в тот же тон. Вы же ему все отвечаете: шалишь, брат! Не на тех напал, чтоб мы поддались твоему разбуждению... поди прочь!.. Спать хотим...

Ну — что против этого скажете?! Вы как раз такими оказываетесь. И если хотите не оказаться такими, извольте сейчас же садиться и писать. И вот вам программа!

Ушинский написал книгу в опровержение мудрований штундистов. Но он положил только начало. Немало и еще надо прибавить к сказанному у него. Это — предисловие... Затем приступайте к положению всякого пункта особо...

Первый пункт штундистов так-то читается. Против него сказать вот что... Сказано дело; но не все досказано. Досказываю... И начинайте писать пункт за пунктом и всю книгу пополните... Вот это будет дело. Если одни ленитесь, возьмитесь вдвоем, втроем, вдесятером — только пополните книгу, и штунда будет разоблачена во всех подробностях. Смотрите ж, непременно это сделайте. Сроку вам дается один месяц; другой месяц на печатание; третий — вся Россия читает. Тогда я буду бить в ладони,

крича: «Молодцы! Вот так иереи!» (2, с. 24–26).

5. *Отзыв святителя Феофана о Льве Толстом**

Вы помянули, что многие переходят в иную веру, начитавшись сочинения Толстого. Диво! У этого Льва никакой веры нет. У него нет Бога, нет души, нет будущей жизни, а Господь Иисус Христос — простой человек. В его писаниях — хула на Бога, на Христа Господа, на Святую Церковь и ее Таинства. Он разрушитель царства истины, *враг Божий, слуга сатанин*, как написал сам св. апостол Павел волхву Еллиму, противившемуся его проповеди на острове Кипре (См. Деян. 13, 8–10). Этот бесов сын дерзнул написать новое евангелие, которое есть искажение Евангелия истинного. И за это он есть *проклятый апостольским проклятием*. Апостол святой Павел написал: кто новое евангелие будет проповедать, да будет проклят, *анафема* (Ср. Гал. 1, 8). И чтобы все закрепили это добре, в другой раз это подтвердил... (стих 9). В евангелии богохульника сего цитаты похожи

* В то время как наши интеллигенты с благоговением прислушиваются к каждому слову новоявленного лжепророка, графа Льва Николаевича Толстого, православные русские люди с глубочайшим вниманием следят за содержанием многого множества писем, появляющихся в духовных журналах, — писем, принадлежащих перу великого подвижника и светильника нашей Русской Церкви, в Бозе почившего святителя Феофана (2, с. 40–41). (Из предисловий к первым публикациям.)

на наши, например: Ин. 1, 1, а самый текст — другой. Посему он есть подделыватель бесчестнейший, лгун, обманщик.

Если дойдет до вас какая-либо из его бредней, с отвращением отвергайте... В наших духовных журналах он разобран до последних косточек и всесторонне обличен в безумии и злоумии. Но журналы духовные кто читает? А тетрадки Толстого ходят по рукам секретно и секретно распространяют ложь (2, с. 42–43; 2, 237–238).

6. *Ревность святителя о противодействии молоканам и просьба о доставлении изложения молоканского учения*

Докучаю вам покорнейшею просьбою. Дело такое. В Епархальных Тамбовских Ведомостях в 84 г. с № 15 начаты *ответы на письменное изложение учения молокан села Рыбного*, продолжены в 85 г... но так лениво, что дано всего 4 ответа. В 86 г. не дано ни одного ответа...

Скоро или не скоро пишутся ответы, это уж дело отвечающих... но мне желательно знать: 1. Как сделалось, что молокане дали письменное изложение, ибо в Ведомостях начаты ответы без всякого предисловия... 2. Не можете ли вы достать сие письменное изложение во всей его полноте?

Верно, оно есть у отвечающих. И если вы знаете, кто сии, то вам не трудно, думаю, достать их. Господа ради, достаньте и поскорее пришлите.

Нужда некая заставила меня посмотреть молоканство вдоль и попе-

рек, т.е. его историю и учение. История не совсем важное дело... а учение очень важное. Между тем пункты их учения как следует нигде не изложены. Пишутся только мысли, и большею частью своим, а не молоканским словом... Книжка, прп. Арсением составленная, дает, может быть, все пункты, но не подробно (2, с. 52).

Помещаемые в Ведомостях известия о молоканстве в разных селах сказывают только: того, и того, и того не принимают. Очень голословно.

Вот мне и дорого кажется изложение молокан рыбинских, хоть оно, может быть, не всеобщее в некоторых пунктах...

Господа ради, достаньте... и то узнайте, по какому поводу дано это изложение молоканами... Превеликое будет одолжение (2, с. 53).

7. Просьба дать сведения о пашковцах для обличения их

Буду ждать, что скажете о пашковцах; мне крайне нужно знать, на чем они опираются, что отстали от Церкви. Ваши немногие слова: «ревнуют просвещать народ и отвлекать его от суеверия (церковности) и идолопоклонства (иконопочитания)» — очень много говорят. Выходит: они молоканы, как я их взвеличал (2, с. 107).

8. О письмах святителя против Пашкова и об учреждаемом для обличения его обществе

Очень вам благодарен за сообщение относительно новоявленной чудотворной иконы «Козельщинской».

Какое сильное Бог послал опровержение пашковских мудрований!.. Мои письма против него Святейший Синод издал в большом количестве и раздает даром. И мне прислали очень довольно для той же цели. Полагаю, что около вас найдутся лица, которым бесполезно будет прочитывать их (2, с. 119).

9. Лютеранку помянуть в Церкви не следует

Еврейку-лютеранку надо предоставить воле Божией благой. В Церкви помянуть можно только принадлежащих Церкви. Как она не принадлежит Церкви, то и помянуть ее там не следует (2, с. 225).

10. Обратившемуся от заблуждений дается совет вразумлять других и посылаются книги, руководствующие к обличению штундистов и других сектантов

Благодарение Господу, высвободившему вас из сетей диавольских. Стойте теперь и мужественно противостойте всем вражиим приражениям. Благослови, Господи, и да будет Он вам всегдашним помощником!

Но и плод надо приносить. Какой? — Обстоятельства уже указали его вам (3, с. 22).

Просвещены быв благодатию Божией и узрев свет истины, трудитесь теперь над просвещением других, к вам обращающихся. Вам нет нужды далеко ходить за делом. Оно само дается вам в руки. Надо полагать, что на то есть воля Божия. Поэтому беритесь за дело сие, ничтоже сумняся.

В руководство шлю вам, что есть под руками. Письма в С. П. Б.* Они направлены против пашковцев. Но спорная сторона не была во внимании. Имелось в мысли только разъяснить, что у нас есть все потребное для спасения и нечего потому нам слушать всякого приходящего без разбора... Обозрение всего строя христианского тут полное... Но имеется нужда в разъяснении подробностей...

Вероучение штундистов. Книжка Ушинского Александра. Тут есть и то, что пригодно употреблять и для вразумления молокан.

Обличительное Богословие архим. Иннокентия, том 3 и 4... Тут дело идет прямо против протестантов... Но излагается научно... полагаю, что вы сумеете превратить голые речи сии в назидательные уроки.

Более всех полная, но менее всех удобопонимаемая и усвояемая книга... *Камень веры*. Писана, когда начали у нас прорываться протестантские мудрования... Эту после всех читайте (3, с. 22–23)

11. О вразумлении молокан

Меня очень порадовало то, что слово ваше так действенным оказалось на некоторых из молокан. Молитесь, чтобы Господь Сам вразумлял вас и как говорить, и как действовать на сих заблудших. Особенно молитесь, приступая к слову... и во время ведения речи... Ибо слово от сердца с Божиим благословением не может быть бесплодно (3, с. 25–26).

* Санкт-Петербург. — *Изд.*

12. Как поминать умерших в сектантстве родителей

Спрашиваете, как поминать умерших в сектантстве родителей ваших! В своей частной молитве поминайте их и молитесь о них, обращаясь к беспредельной милости Божией, и ей предавайте их участь. В Церкви же нечего их поминать. Церковь молится о чадах своих, да сохраняют веру свою и преуспевают в ней, о сущих же вне Церкви молится — обратить их к вере и присоединить к Церкви. Как обращение сие должно совершиться здесь, на земле, то и сила молитвы сей ограничивается пребыванием на земле тех, о коих идет молитва (3, с. 128–129).

13. О прохождении протестантов

Штунда не любит поститься. Да ведь она лютеранка, на кой ляд ее назвали штундою? Назвать надо «немецкая вера»... потому что немцами выдумана и недавно: немецкой вере всего сотни три лет... Она не первоначальная отступница. Первоначальная отступница — латинская вера: она отступила и с немцами, и с англичанами. Но потом немцы и англичане отступили от папы, когда тот завел некие нелепости в вере своей (4, с. 44).

14. О борьбе против лжеучителей

Ничего не слышу: какие у вас в Петербурге распоряжения о противодействии пашковцам, ирвингйцам, толстовцам?!

Эти язвы губят многих и в Петербурге, и везде. И следовало бы противопоставить им духовное воинствование. В С.-Петербурге много среди

духовенства отличных иереев и по образованию, и по нраву...

Сделать бы из них трубачей, и Иерихонские стены, конечно, пали бы в утешение верных сынов Израиля и во славу Божию.

...То правда, что каждый иерей должен быть самокомандным в деле защиты истины Божией и хранении своей паствы, но во многих случаях они не знают, что волки понемногу растаскивают овечек из стада (4, с. 56).

15. О бреднях Льва Толстого

Вы хорошо сделали, что отказались читать бредни Толстого, и не берите их в руки. Вон прочитайте, что у него писано... у этого Льва, рыкающего, кого поглотить. Я и забыл прописать, что Лев признает только Евангелие, и то в искаженном виде, как у него... Послания св. апостолов не признает, ни отцов и учителей Церкви... Все у него свой ум... Не берите в руки (4, с. 99).

16. О сочинениях неверов

С писаниями неверов лучше не знакомиться, даже чрез опровержение их. Мы уж причитались, и то бывает досадно, а иногда смутительно. Что ныне стали печатать? Всякую дрянь (4, с. 204).

17. Раскол держится крайним невежеством

Раскол держится крайним невежеством. Когда уяснятся условия спасения — уяснится и то, что все раскольнические догматы — не догматы, а пустошь! — И конец расколу (7, с. 92).

Молокан и штундистов напрасно причисляют к расколу. — Это наши протестанты (7, с. 92)!

18. Штундистская пропаганда В. Чичерина и просьба о ее пресечении

Слыхали про некоего Василия Чичерина — некогда советника французского посольства? Он богомол и наткнулся там на какую-то секту, увлекся — и стал даже нечто вроде ихнего попа. Его там приглашали остаться, но он отказался, сказав: у меня есть родная Россия, ее надобно просвещать. И вот, оставя службу, он теперь в России ревнует по своей секте. В чем его верования, не разберешь, но видно: не православные. В церковь не ходит, не причащается, от икон рыло воротит и подобное. Все с Евангелием или Новым Заветом. Штундист настоящий. Но дело-то не в том. Пусть себе как хочет. А вот в чем! Он уехал на войну — не воевать, а соблазнять православных. Шастать будет он по лазаретам. И как там больше всего можно встретить душ, расположенных слушать о спасении души, то он и надеется засеменить посредством сего свою секту. *Абаза* — главный распорядитель по больничной части, был вице-губернатором в Тамбове и приятель семейству Чичериных. Сестра Василия Чичерина — за Еммануилом Нарышкиным. Сей Еммануил с женою на свой счет (очень богат) поехал хлопотать о больных и о себе в Кишиневе (представлялся императрице). Так видите — *Абаза* с женою да Нарышкин с женою — наивлиятельнейшие лица по больницам. Под их покровительством

Василий Чичерин будет соблазнять православных, совращая их в свою секту, будет нырять по больницам... с Евангелием, злоупотребляя им на пагубу душ. Нрава он тихого и все о Спасителе толкует. Это не худо, но что отсюда выводит он — худо: ни церкви, ни Таинств, ни святых... а о монахах — не поминай... Теперь вам должно быть очевидно, что есть опасность для православных душ и есть из-за чего побеспокоиться. Что же сделать? Надо устроить, чтоб Василия Чичерина оттуда выпроводили, несмотря на то, что держит Евангелие в руках, — без всяких оговорок. Если известны вам лица, чрез которых можно действовать, так и скажите им, чтоб, осведомиться ли захотят о Чичерине или прямо распорядиться высылкою, действовали помимо Абазы и Нарышкина, и даже не обращаясь к ним по сему поводу (7, с. 102–104).

Хорошо ли вы наказали пр[еосвященному] Павлу, чтоб вел дело тайком от Нарышкина и Абазы?.. Нарышкина уж была у него, выманила у него денег: сначала 100 р., а потом еще 200... Она употребила их на дело, но пойдут они под именем ее собственных, хоть она и не скажет так никому. Но как никому не скажет, что столько-то пожертвовал преосв. Павел, а между тем будет и свои затрачивать, то и эти пойдут под ее собственными. Она такая вкрадчивая и так умеет водить за нос, что ее в Тамбове иначе не зовут, как лукавою. Сию сторону расписываю вот для чего! Если вы хоть мало намекнули преосв. Павлу, что писал к вам, то лукавая она непременно выманит у

него и он это ей скажет... Тогда как мне отбояриваться?! Но, может быть, этого не будет. Вероятно, у него был (у преосв. Павла) и сам еретик Василий — и вел сладкие речи; а может быть, и не был, потому что он всех нас считает то суеверами, то худоверами... дела не понимающими (7, с. 104–105).

19. Плевелы лорда Редстока

Красавица, которую вы видели в дороге, думаю, есть Нарышкина — прежде Чичерина. Она писала, сколь шибко растет Редстоково прельщенье — и все среди высших... Слушающие его совсем отпали от Церкви. Доведите о сем до сведения владыки. Если угодно, я доставлю выписки из писем ее (7, с. 118).

20. Хлопоты епископа Феофана о пресечении пропаганды Редстока. По делу о признании раскольнической иерархии

Дело не о том, чтоб дать раскольникам иерархию, а признать существующую у них. Это не Синод признает, а правительство. Для Синода же их иерархия все будет оставаться мирянскими чинами. Правительство спрашивает не о том, чтоб Синод признал ее, что невозможно, а о том, не будет ли пагубы от сего для православных. Это суть вопроса... Ответить можно и «да», и «нет», не нарушая Православия. Дело внешнее. Может быть от сего вред и может быть польза. Правительство поможет раскольническим архиереям забрать в руки мирян-раскольников... Ибо теперь они власти большой не имеют. А потом собьют архиереев в

Православие. Тогда за архиереями и миряне оправославятся. Теперь же действие на раскол идет враздробь. — Се польза! И вреда будет. На первых порах все полураскольники к ним пристанут. Может быть, и из сектантов раскольничьих иные к ним обратятся. Как это сразу обнаружится, то может ужаснуть. Но потом может пойти обратное действие. Пища это, балагурю. Мнение мое — *contr'*раскольнической иерархии. Потому я не принадлежу к маркьевской партии (7, с. 119–120).

21. Условия, благоприятствовавшие распространению влияния Редстока

(Из Приложения к письму святителя Феофана. — *Изд.*)

Дело в том, что у людей пустых образовался сильный христианский дух. Это влияние Редстока переменяло весь строй их жизни. Если бы его не было, то и они спали бы до сей поры, погруженные в пустоту мирскую. Духовенство как влияние не существует здесь. На днях граф Бобринский сказал: «Я был до 48 лет неверующим; только теперь уверовал, благодаря этому Редстоку» (7, с. 120).

Вы вот что подумайте: что если б не Редсток, то весь этот кружок, очень же увеличивающийся, погрязал бы до сего дня в пустоте. Лучшие и высшие семьи к нему примкнули. Движение религиозное большое. Противодействовать этому некому. Говорящие духом у нас скрыты. Книг никто не читает. Да и книга кого обратит? Живого слова духовного нет у нас, а потребность есть около кого-либо сильного группироваться,

позаимствовать силы. Бедная Россия! У пришельца Редстока должна искать пищи духовной. Рядом большой поток полнейшего неверия. Неужели не подыметься чей-либо голос в Православной Церкви?! Формы без духа, так уже давно нашими духовными выставляемые, никакого более не имеют действия... Не книг ученых нужно, а живого слова человека, который бы остановил этот поток, поднял бы голос, чтоб удержать в Православии лучшие силы нашего общества (7, с. 121).

22. Подробности о петербургской секте Редстока

(Из писем к епископу Феофану. — *Изд.*)

Но не могу не сознаться, что у этого кружка более христианского чувства, чем у наших постных богомольных барынь. И сама бы к ним примкнула, но формы протестантские и моления без креста, мне казалось, что я точно своей Церкви изменяю. И разговоры духовные, и чтения вместе с толкованиями — все это имеет большую прелесть; а потому многие примкнули к ним. Такого центра православного у нас нигде нет. Их учение ничего нового не говорит. Читают Евангелие и толкуют его; также и Апостол. О святых, конечно, и помина нет, также и о Богородице умалчивают. Псалмы переведены с английского и поются. Все вместе что-то очень хорошее христианское, но не в нашем православном духе. А может быть, это и все равно, лишь бы знали Христа и Ему работали. Один бы умный священник или архиерей, если б загорелось у

него сердце, начал бы ездить в эти собрания, где и народ начал уже являться, и тихонько, никого не осуждая, всю эту толпу направил бы на правый путь (7, с. 122–123).

23. Святитель Феофан о В.А. Пашкове

Изъял душу мою Пашков... Вот что узнаю из достовернейших источников, или уст. 1. Пашков с сестрою и дочерью разъезжают всюду и проповедуют... залезают даже в трущобы. По домам ездят по приглашению. В доме кн. Гагариной бывают собрания... приходит и простонародие. 2. Отпечатаны книжки с их зловерием, кои распространяются не хуже исаакиевской кафедры. В Москве о. Арсений показывал мне книжонку под заглавием (кажется) «Христос Спаситель» — и в ней фразу: «поп не отпустит тебе грехов на Исповеди... силы такой у него нет...» (мысль, а слова забыл). В середине, может быть, и другое что найдется дурное. Книжка разрешена цензурою. 3. Пашков говорит (или показывает), что имеет письменное разрешение — от Государя и митрополита, с приложением печатей — проповедовать Евангелие. Эта ложь сильно располагает в пользу его. 4. Недалеко от меня (говорит, кто пишет) живет бедный переплетчик. К нему ездит Пашков и учит... народ собирается. Увлекает. И я был. Какой-то городской пришел поглазеть, послушал — и бух на колени и ну молиться; то же было и с приставом. 5. Мои прачка и кухарка (пишет то же лицо) ходят его слушать каждый почти день... и увлечены. Чтоб откло-

нить их, я завел свои чтения... Слушали и сказали: и это хорошо, но там лучше. Мой священник узнал, что я собираю для чтения (ибо делал не раз и делаю)... и сделал мне смиренное замечание, что так не следует: опасно и еще что-то. 6. Пашков от увлеченных требует гласного пред ним произнесения слов веры, и это он называет исповеданием. Кажется (не совсем ясно написано), он таких исповедников записывает в свой каталог. Строю догадку: соберет какую-либо тысячу и потребует позволения составить с своими особое согласие (скоп) и свободно верить, как веруют...

Потрудитесь доложить о сем владыке... Что я писал, ни под каким видом не сказывайте, а скажите только, что это сведение петербургского происхождения, от очевидца достоверного. Мне думается, что владыке можно бы вызвать попов и сказать: 1. Учите в Церкви немолчно об устройении спасения. Пашков — лгун тем, что не все говорит... Говорит о покаянии и вере... а о благодати и Таинствах, о Церкви, об общении со святыми, о долге христианском и пр. не говорит: у него все делает вера... и отпущение грехов без Исповеди, и благодать без Таинств. А попы пусть полно все рассказывают. 2. Пусть попы заводят чтения по вечерам и собирают и у себя, и у других слушателей... и простых и бедных. Для чтения выбирать все то, что относится к общему строю веры. 3. Надо бы составить книжку о пути спасения... просто написанную и разбросать по городу — даром или по копейке...

Но без внимания оставлять дело не должно. Есть опасность. Извольте все сие выполнить во имя Господа. Но обо мне — ни гу-гу (7, с. 123–125).

Но то несомненно, что если оставить Пашкова на свободе действовать, то он образует секту — немецкое молоканство (7, с. 126).

Получаю новые сведения о проделках Пашкова. Опять поминается, что у него есть письменное позволение от Государя и митрополита. Ведь это плутня. А Н-лай В-вич сидит да бумагу форменную составлять собираются, документы дожидает и пр. Доложите ему, что на том свете достанется его милости два неполных за это. Надо передать те пункты митрополиту — и все тут. Если ему нужна деловая форменность, сам пусть добудет. А до ведения его должно довесть. Тут под Церковь, а там под Государя подкапывается. Горе (7, с. 128)!

Выражаю глубокую скорбь, что письмо ваше не получено, и сия скорбь тем скорбнее и глубже, что в письме том были помещены сведения о новом еретике, которых я жаждал, как жаждущий воды.

Покорнейшее прошение — повторите все прописанное, и наипаче, если знаете, какими словами он выражается. И я стану писать и писать. Писать вообще о протестантских бреднях нечего... Плода не будет. А писать, кладя в основу слова еретика, будет прямо в глаз... Так сядьте, пожалуйста, и напишите, как писали, — и даже пошире (7, с. 129).

Если можно, соберите изданные пашковцами книжки — и Священное Писание с подчерками и заметками.

Из них вернее можно царапнуть этого душерастителя (7, с. 130).

Присланный катехизис порадовал сначала, но когда стал всматриваться, оказалось, что он страдает большою неопределенностью. Стань опровергать — и будешь бороться с ветряными мельницами. Иереи Божии поручили бы кому половчее — поприслушаться и поточнее определить пункты (7, с. 130–131).

Шлите более пунктов. Книжки что пришлете — добре. Достаньте их молитвенник, о коем в статье «России» говорится («Россию» мне шлют). Мне приходит на мысль подобрать против них церковные песни, чтобы виднее было, как безумно сделано, что, оставя такие прекрасные и вдохновительные песни, избрали такую дрянь. Кстати, они церковные порядки хулят, а посмотрите, какие у них свои? Когда собираются на молитву, сидят на стульях, а большак их читает им что-либо. Когда придет в чувство, кричит: молитесь. И все соскакивают со стульев, становятся на колени и, опершись локтями на седалище стула, лицо прячут в ладони. Это значит, они зашлись в мыслях и молятся. Видите — нелепость! Мы стоим на молитве, кладем крестное знамение — орудие нашего спасения — и кладем поклон. А они з... отставляют...

Их надо звать *ротозеями*, за то что благодать хотят получить без Таинств: рот разинь — и довольно; *угорельями* — мычутся с проповедью и врут не зная что; *лежебоками* — никаких дел не нужно. Все сии пресветлые наименования надо пустить в ход. Потом картинку придумать

карикатурную и тоже пустить (7, с. 131–132).

Письмам против Пашкова не конец. Послал еще два. К ним неизбежно еще приложить одно или два (7, с. 133).

Знаете вы Т.? Кто это такой?! Он не очень православный. Если встретите его — хватайте за волосы и протащите его сквозь самый колючий терн, чтобы в конце таскания остались одни кости. Потом обложите его пластырями врачебными, чтобы новая выросла плоть и новый явился Т. — православный, добре вытертый (7, с. 133–134).

Новости о Пашкове пишут не старое ли? Уверяли, что он совсем переселился в Англию. Сия новость, будто он ратует, требует проверки. Проверите, скажите.

Как нелепо действовала против него наша духовная власть, из рук вон. 5 лет трубит — а ему ничего. Мне стало сдаваться: не изъявил ли как-либо митрополит согласие на его проповедь, будучи обманут льстивыми пашковскими речами о значении воплощенного домостроительства (7, с. 134–135)?

И Московская Академия отличается. Л. в грязь втоптал первые четыре Собора Вселенских, и, проведши в рассуждении своем ту мысль, что святая Церковь не имела истины, а искала ее... и находила чрез борьбу школ ученых или партий. Разрушительные мысли. Недавно там был магистерский диспут. Дело касалось 5-го Собора. Магистрант вывел в рассуждении, что 5-й Вселенский Собор право осудил 3 главы... Но в речи своей изволил возгласить:

не думайте, что я из уважения к Собору так решаю. Нет, так требует наука. Собор, выходит, — неважная инстанция. Главное — наука... т.е. разум и его соображения. Водворяют, выходит, неправославные начала. Куда же смотрят власти? Слово Божие подменили и сочинили, не по началам Православия, а тоже по науке. Наука потребовала. Вот и молчат, когда... эту науку выставляют вместо начала Православия. Не стыдитесь трубить о сем, где подобает (7, с. 135).

Что же это Пашков-то? Митрополит писал, что он уехал, другие писали, что выслан... и не воротится. Владыка, верно, не знает, что он только скрытнее стал действовать. Забежали бы к нему и сказали про Пашкова (7, с. 137).

Писать против Пашкова много можно. Придет охота — еще напишу. Писаное обнимает только общее. Надо бы к частностям перейти... Но с чего начать? Будем ждать толчка с его стороны [в письмах] или вдохновения. Попробуйте там, что разумеют эти отщепенцы, когда говорят: мы поставили целью избавить народ от *суеверия и идолопоклонства*. Так выразился Бобринский. Не найдете ли кого, кто бы нам разъяснил, что такое они разумеют под этими словами? Идолопоклонство, вероятно, почитание икон и святых. А суеврие что? Но на то и другое надо бы их слова... Даруй, Господи, Государю мысль засадить Пашкова, а пожалуй, и Бобринского в Суздальскую крепость (7, с. 141–142).

Ведь у меня большой был план: все протестанство понемногу разбра-

нить. Да вот вся писательская задорность пропала. Когда придет опять, еще настрочу что-нибудь... об иконопочитании надо... Молоканы и штундисты и Пашков много соблазняют, кривотолкуя поклонение им (7, с. 144).

Насилу дождался присылки писем от о. Васильева. От Никитина тоже получил давно... Два тюка получил — до 200. На почте еще 3 тюка. Стало быть, всех будет 400–500. Благодарствую. Теперь я их буду щедро рассылать в разные стороны. Тамбовцы, слышно, читают усердно... Мудрость в них — невелика. Но сведено под один обзор и поставлено на своем месте, что не худо действует на душу (7, с. 148).

На днях в «Московских Ведомостях» прописано, что Пашков и еще какой-то Гедеккер (кто? не апостольской ли общины голова?!) явились в Ригу с проповедью. Потом Пашков раздавал книгу «Путь ко спасению», в которой изложены его бредни. Мне пришлось в голову взять эту самую книжку и переладить на православную ногу... и пустить в ход... напечатав в конце предостережение: смотрите, православные, встретите книжку с тем же заглавием, но со штемпелем... не берите ее в руки... То не путь, а распутие (7, с. 159).

Ушинский пишет против штундистов, добыв пункты исповедания их веры. Пишет и ко мне, шлет на ревью. Хоть не полно, но все идет (7, с. 167).

Об одних иконах надо написать целую книгу. И не книгу, а книжищу... Иконы большое дают пособие

кривотолкам немцам, надо их *по носу* (7, с. 167).

24. Письма святителя Феофана против штундистов

Ушинский, прочитав письма в СПб.*, прислал мне свои тетради против штундистов, с которыми он лично знакомился и выведаль все их бредни. Пишет очень дельно. И я просил его продолжать. Просил и мне прислать пункты учения штундистов. Может быть, леность отойдет — и я что-нибудь напишу (7, с. 152).

25. О вероисповедании штундистов

Прислал Ушинский вероисповедания штундистов, двух толков, из коих одно похоже на реформаторство, а другое — духоборческое — квакерское. Я их списал. На первое кое-какие заметки сделал, как просил Ушинский (для него), а во втором ничего не разобрал: темна вода. И только что освободился от сей почти пустой работы. Впрочем, исповедание штундистов реформаторского толка — не пустое дело. Его ни у кого нет, кроме Ушинского и еще сенатора Половцева, который посылал к штундистам Ушинского, и этот доставил ему полный отчет о всем найденном, слышанном и виденном (7, с. 154).

26. О новом сектанте Пругавине

Вы поминаете о новой секте и в числе коноводов Пругавина. Этот Пругавин в «Голосе» писал неодобрительно против апостольской

* Санкт-Петербург. — Изд.

общины — ирвингиан. Мне и подумалось, что он православный. А он вот кто! Скажите о нем лишнее словечко... если вам сказал губернатор, то, конечно, он имел средства знать добре, что это за секта (7, с. 163).

27. О книге Льва Толстого «В чем моя вера?»

На днях один помещик рязанский, знакомый лишь письменно, учь большая... временно живет в С.-Петербурге, прислал мне рукопись Льва Толстого, башибузука... врага Божия и слуги дьявола... Заглавие: «В чем моя вера?» — 35 л., говорит: был я безбожником. Теперь принял учение Христа... Но и Христос у него не наш, и учение не нашего Христа Бога.

Он осчастливить хочет человечество... Вот проект счастливой жизни: 1. Не противься злу... пусть бьют, режут, грабят — терпи, но молчи... не защищайся... 2. Суды не нужны, ни полиция, ни войско. 3. Присяга преступна. 4. Воевать богопротивно... 5. Разводить не следует, даже и при прелюбодеянии супругов... Доказывает, криво толкуя слова Господа в Нагорной беседе — Мф. 5, 21–48, с большими натяжками.

В тоне речи непрестанно изрыгаются хулы на Церковь, которая у него иначе не называется, как извратительницей учения Христова.

Прежде этой статьи... (5 листов убористого письма без полей), — говорит, — я написал критику догматов и евангелие — свод Евангельского учения. Мне присылал список его евангелия Ушинский... Между ис-

тинными текстами вставлены искаженные переводы некоторых мест, а инде вставлены совсем свои... содержание же такое, что, прочитав его, я должен был решить: се бред белого-рячечного (7, с. 185–186).

Он не верит в Пресвятую Троицу... отвергает воплощенное домостроительство, Тайнства, Церковь, будущую жизнь... Христос его не Христос Господь, а какой-то резюме совершеннейшего человечества... или что-то в этом роде. Статья может иметь вредное влияние, и приславший мне писал, что в С.-Петербурге многие соблазняются, особенно из высшего круга барыни. Он литографирует свои статьи за границей, провозит их контрабандою... и распространяет секретно. Моя рукопись — список (7, с. 186).

28. Лев из бездны, нарушающий покой Спасителя

Писали из Москвы, будто писания оного Льва — из бездны — читаются нарасхват. Как у него богопротивных нелепостей — что ни строка, то посудите, сколько зла творит он. И все тайком. Сверх того, говорят, он открыл свой дом и дает доступ к себе всем — и всех просвещает. И никто ухом не ведет (7, с. 187).

Я не помню, писал ли я вам об его статьях. У меня теперь есть три: 1) «В чем моя вера?»; 2) «Евангелие» новое и 3) «Исповедь». В последней сказывается, как он дошел до настоящего положения... Все фанфаронство... В этих статьях он поминает о 4) своей критике церковной догматики. Еще некто извещал меня, что он еще выпустил статью 5) «Что

нам теперь делать»... Последних двух не могу достать. А очень желательно, особенно критику. В статьях, что у меня, видно, что он все догматы отвергает; но доказательств нет. Они, говорит, в означенной критике.

Сколько раз ни брался за перо, не пишется... Что же, так и оставить? Московский владыка читал евангелие... и должен бы что-нибудь предпринять. У них в Москве куча... ученых... Думаю, по ниточке разберут... А у меня многого недостает, чтоб писать веско. Надо рыться (7, с. 187–188).

Разбил мою голову башибузук Лев Толстой. Наболтал он кучу глупостей — а взялся у него не за что... Все почти бездоказательно... И к тому же он изволил заявить, что он все еще исправляет свои мысли... Это лазейка, при которой он спокойно может говорить: это у меня еще не решительная мысль...

Наконец, я получил малую надежду иметь критику наших догматов премудрого Льва. Одна красавица заявила себя знакомой его. Я просил ее выспросить на время у Льва критику ту. Он ответил: у меня только есть мой экземпляр, который мне нужен... Коли хошь, велю писать, но извольте денежки заплатить. Деньги посланы (он назначил) и ждётся переписанная критика... Что-то выйдет из этого (7, с. 188–189)?

Остроумова статьи читал... Ничего превосходного не видно пока, хоть дело говорится. Да тут и разойтись-то не над чем Остроумову. Проматривает он исповедь Льва рыкающего... В этой исповеди почти ничего

нет цепляющего истину православную. Только в конце будет немного, где он будет говорить, чего ради бросил православие... Общий вывод может быть делен: был безбожник и остался им... Лев из антихристового стада (7, с. 190).

Есть еще одна вещь, достойная печати. Может быть, за нее возьмусь. А то не дивно, что стану драться со Львом.

Я имею Львовых: «Исповедь», «Евангелие», «В чем моя вера», письмо к кому-то в СПб... Только в статье «В чем моя вера» — есть нечто опасное, не по солидности рассуждения... а по крику против Церкви... часто повторяемому, что она исказила учение Христово (7, с. 190–191).

В настоящее время меня занимает вопрос, писать ли против Толстого. Пишут уж, стало, можно не писать. Но пишут очень протяжно, и дело походит на басню Крылова «Кот и повар». Мне и приходит в голову: выбрать измышления Толстого все... и потом против них поставить исповедание веры святой Церкви... и пустить в ход. Это будет краткое обозрение вражеского стана и православного воинства. В предостережение... а то зло потихоньку распространяется, а оклика «берегись!» не слышно (7, с. 194).

Но что напечатано про Толстого, то заставляет удивиться, как доселе оставляют душегубствовать этому безумцу. Он зловреднее всех... ибо распространяет свое злоумие секретно (7, с. 206).

Атеисты... толстовщина! Где же это? Неужели около вас теперь,

в деревне? Господи, помилуй! Этот Толстой, у которого в писаниях один бред, имеет последователей?! Верно, Русь православная совсем оглупела. У него души нет, Бога нет, нет и другой жизни. Он не стыдясь изрыгает хулы на Божию Матерь, на Спасителя и всю веру Православную. Дерзнул и новое евангелие составить, не согласное с настоящим, и чрез то подпал под анафему апостольскую. Тексты цитируются по истинному Евангелию, а самые тексты иное говорят... подделыватель. Из всех наших пусто-смех он самый пустой и зловредный... Настоящий сын сатанин. Спаси Господь от него ваших теперешних благодетелей (7, с. 251).

29. Как пользоваться немецкими писателями

Вы нападаете на Запад. И я то же готов делать. На Западе ведь не все проломленные головы. Есть много смиренных писака-тружеников, не у католиков только, но и протестантов. Общехристианские истины у них излагаются добре. В этом можно пользоваться ими, но все же не с завязанными глазами. За нами водится этот грешок... Понравится писатель — и начнут его переводить... и уж все подряд и дуют... А у тех между добрыми приводятся и их неправославные воззрения. Вообще говоря, жаль смотреть, как у наших богословов... все немчура да немчура. Вот пошлет за это на нас Господь немчуру, чтоб она пушками и штыками выбила из головы всякое немецкое (неправославное) мудрование. Где же нам утешение?!

В вере, что Господь Сам блюдет Церковь Свою. А Он всемогущ (7, с. 209–210).

30. О католическом заблуждении

По виду у нас с римскими католиками много сходства: догматы те же, кроме новых, изобретенных ими о происхождении Святого Духа и — недавний — о непричастии Божией Матери первородному греху. У них также догмат и главенство папы. Таинства одни; но они у них почти все изменены в форме и разнятся ею не только от Восточной Церкви, но и от своих древних чиноположений. У них и вечерня, и утреня, и литургия, и другие молитвенные службы церковные, как и у нас. Но если рассмотреть, как все бездушно и даже бессмысленно! Когда проследить подробности, то явно всякому, как далеки они от истины. Лукавые пропагандеры смущают общим обзором, скрывая разности. Те же разности, кои слишком выдаются, они смягчают кривотолкованием. Например, у Гагарина... «У вас, — говорит он, — не определено соборно, как веровать о происхождении Святого Духа; потому для вас верование об исхождении Святого Духа и от Сына есть частное мнение, которое принимая, кто-нибудь никак не подлежит суду своей Церкви». Видите ли софизм? А разве постоянное верование Церкви, что Он не исходит от Сына, не есть голос Церкви? Когда не принят их догмат, разве этим не сказала вся Церковь, что не должно верить ему? А Собор, бывший при патриархе Фотии и папе Иоанне VIII, разве не анафематствовал принимающих исхождение

Святого Духа и от Сына? Потом все писания богословские на Востоке, все катехизисы что значат, как не выражение учения Православной Церкви? По всему сему верить, что Дух Святой исходит от Бога Отца, есть догмат обязательный, а верить по-латински, что Он исходит и от Сына, есть уклонение от Церкви, ересь. Утвердитесь против сего софизма.

Говорят еще: «Что мешает верить происхождению Святого Духа и от Сына? Это не уничтожает вашего догмата, а прибавляет к нему новую истину; знать же пять истин, конечно, лучше, нежели четыре». Каковы уловки! Хорошо к истине прибавить истину, а если ложь прибавляют, то искажают ее. Горечь, подлитая к меду, губит мед. Суд написан строгий тем, кои прибавят (11, с. 36–37).

Дух католичества земной. Церковь у них и по-ихнему есть политическая корпорация, человеческими силами и средствами поддерживаемая, каковы: инквизиция, индульгенции с видимою главою. Православная Церковь есть духовный союз всех во Иисусе Христе и чрез Него взаимно между собою. Церковь невидимо правится Господом и направляется к своему концу. У них ведет ее папа и куда?!... Господа ради, берегитесь духов сих лестчих и других охраняйте (11, с. 37–38).

Вот и нам приходит срок вступать в открытую полемику с Западом. Латины выну высят гордое око свое. Самообольщенная уверенность не дает им внимать истине. Простой смысл видит ложь и главенства их, и мнения о происхождении Святого Духа, и нового их догмата, и прочего

всего. Все сии новизны, по сознанию самих латин, сформировались с XI века. И в книге [иностранной, против Православной Церкви. — *Изд.*] это значит, только с кривотолком (11, с. 71).

31. Вредное влияние Запада

Театр есть вещь вовсе не христианская, и умен человек, который не бывает в нем. Мы его переняли у Запада. Западом и наказывал, и накажет нас Господь, а нам в толк не берется (11, с. 69).

Другая злая у нас вещь — наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но все неймет. Завязли в грязи западной по уши — и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим; и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Посли свет Твой и истину Твою (11, с. 69–70)!

32. Об английском «апостоле» из секты духоносцев

Спрашиваете, как думать об английском апостоле каком-то? (Редстоке). Но в ваших же словах есть и решение, как о нем думать. Он говорит, что Господь ему является и приказывает ему, что сделать и что говорить. Неужто не видите или у вас там не видят, что он обманщик? Если бы Господь ему являлся, то не послал бы его к нам, а к туркам, например, или другим каким неверам. Нашу веру Сам Господь многократно подтверждал и подтверждает чудесами, святыми мощами и явлениями Своими и святых Своих. Нас нечего учить. Напротив, ему самому

надо у нас поучиться. Апостол этот не общеправославной веры, а особой некоей, недавно появившейся. Недавно появилась там секта духоносцев. Кому-то пришло в голову, что в Церкви Христовой должно повторяться то же, что было на апостолах, т.е. чтобы Дух Святой видимо сходил и видимо действовал в верующих. Несколько лиц ему поверили — больше красавицы. Начали думать, как бы сего достигнуть. Думали-думали и надумали. Не зная как, они убедились, что Дух Святой точно в них действует, и других стали в том уверять. Повыдумали несколько темных чудес и стали разглашать всюду. Так понабралось около них немало легковверных. Они отделились от прочих, завели свои церковные порядки. И вот секта!

Из их-то среды и ваш апостол. Он все толкует о Святом Духе, что всякому непременно надобно быть исполнену благодати Его, чтобы спастись. Эта мысль совершенно верная. Я раскрывал ее вам в первых письмах. Но только и есть правды в его словах. Далее все ложь! Он кричит: веруй-веруй — и Дух Святой придет! Это главная его ложь! Вера, точно, есть неотложное условие к получению дара Духа Святого, но самое получение дара бывает не по одной вере, а по вере чрез Богоучрежденные Таинства. Так было и во времена апостолов. Вот случай! Св. Павел пришел в Ефес и, встретив там некоторых верующих, спросил их: приняли ли они Духа Святого? Те отвечали, что они не слышали даже, есть ли Дух Святой. Оказалось, что они

были крещены лишь крещением Иоанновым. Тогда св. Павел окрестил их Христовым Крещением; после же Крещения возложил на них руки, и они исполнились Духа Святого. Крещением они были обновлены, но не получили дара Святого Духа. Он сообщился им чрез апостольское возложение рук, а Крещение сделало их только способными к принятию дара и достойными того. Как с этими верующими было, так бывало и со всеми: и при апостолах, и после них. Так это и доселе бывает в Церкви Божией — именно через святое Миропомазание, которое апостолами же введено вместо возложения рук.

Мы все — крещенные и миропомазанные — имеем дар Святого Духа. Он у всех есть, но не у всех действен. Как достигнуть того, чтобы он стал действенным, изображено в моих первых письмах. Потрудитесь снова пересмотреть. Здесь прибавлю только, что иного пути к тому нет.

Обратитесь теперь к английскому апостолу и спросите, имеет ли он сам дар Святого Духа. Не имеет. Ибо у англичан нет Таинства Миропомазания, без которого, как без возложения рук апостольских, Дух Святой никогда не сходил и не сходит. У англичан только два Таинства: Крещение и Причащение, а Таинства Миропомазания нет. Нет, следовательно, в них и дара Святого Духа. Нет его и у сего апостола. Стало быть, он толкует о том, чего не знает, и проповедует о получении того, чего сам не имеет. В речах его вы не заметите и помина о том, как приемлется Дух Святой. Он толкует только о необхо-

димости иметь Его и потом взывает: веруй! Похоже на то: разинь рот — и Дух Святой влетит.

Как идет к сему апостолу слово Господа: врачу, исцелился сам* (9, с. 246–249).

33. Разложение протестантизма

У протестантов есть православные, но они все же протестанты. Какие это? Это те, которые придерживаются мудрования первых протестантов. Нынешние протестанты далеко отошли от первых — и чистых — протестантов, т.е. совершенно согласных с древними, теперь почти нет. У них столько сект, что не перечтешь. А все именуются протестантами. У них уже начинались толки, как бы объединить всех. Ничего не вышло. Образовалась только новая секта унионистов. Так вот: какие протестанты стараются держаться древних протестантов, те у них и православные, но все же протестанты (6, с. 98).

34. О взглядах и сочинениях Льва Толстого

Лев Толстой... где-то нахватался, как чаду, злых мыслей — и распространяет украдкой, в рукописях. Но в сих рукописях только бредни его содержатся, без всяких доказательств... Как у нас молодежь веры не знает, то легко увлекается сими бреднями по одному предположению, что-де такой писатель, верно, имеет основание так говорить... А у него самого в голове-то галки ночевали (8, с. 111).

* Врач! исцели Самого Себя (Лк. 4, 23)

Изумляет меня речь вашего сына о *Льве Толстом*.

Этот Лев до 81 года был безбожник. Тут надумал взяться за веру — и попал в глубины сатанины: Святой Троицы не исповедует; о Боге самое нелепое понятие; Господь Спаситель — простой сын человеческий; Церковь хулит; ни молитвы, ни Таинств и ничего церковного не нужно; и будущей жизни нет... От таких диких учений чего доброго ожидать? В нравственных правилах нет худого, но и доброго мало... Без веры как жить доброю жизнью?

Какие сочинения Толстого... разумет ваш сын? До 81 года писал только романы... А с того времени написал — «*Евангелие*», которое есть искажение истинного Евангелия; написал «*В чем моя вера?*». И тут все свои бредни поместил... Все бездоказательно... врет на чем свет стоит; написал «*Исповедь*»... как он скверно жил, как дошел до отчаяния и как уверовал во что-то, но совсем не в истину Божию...

Есть и еще что-то у него. Всюду бредни самые безалаберные... Не берите их в руки... Уж нет ли этих сочинений у вашего сына?! Яд настоящий для молодежи (8, с. 111–112).

Вы хорошо сделали, что отказались читать бредни Толстого. И не берите их в руки... Вон прочитайте, что у него писано... у этого Льва, рыкающего, кого поглотить. Я и забыл прописать, что Лев признает только Евангелие, и то в искаженном виде, как у него... Послания святых апостолов не признает, ни отцов и учителей Церкви... Все у него свой ум... Не берите в руки (8, с. 152).

35. Характеристика секты хлыстов

А хлысты ходят в церковь и все исполняют; равно и скопцы. Скопцы выродились из хлыстов. Хлысты ищут погасить похоть, какое погашение считается у них духовным воскресением прежде общего... На вид они изможденные, слюнявые. Говорят тихо, вкрадчиво. От них ничего узнать нельзя, потому что первый пункт у них — не открывать ничего про секту, хотя бы кожу сдирали. Потому и пытаться нечего. У них на собраниях делаются радения: кружатся, каждый особо или все, как в хороводах, и разные делают движения до утомления. Это разгорячает кровь, раздражает игру жизни, отзываются приятно. Это приятное состояние они называют нахождением Духа (накатил). А тут духовного ничего. И пляшущие приходят в приятное возбуждение. То же и у них — и больше ничего.

Что у них бывает свальный грех, это неверно; хоть в статьях посылаемых это говорится. Грех после, может быть, случается с иными, но никак не на собраниях, и вы не поминайте об этом...

Хлысты, от верчения пришедши в приятное возбуждение, иные в экстаз приходят. Кто словоохотлив — вскрикнет и начинает бурлить. Как у него ничего в уме нет, а есть только возбужденное состояние и желание высказаться, то он и бурлит, ничего определенного не высказывая. Другие же считают это все откровения Божиими (8, с. 174–175).

36. Наставление о собеседовании с хлыстами

При толковании с ними и при разъяснении своем больше говорите о том, как получается благодать и как благодать проявляется в силе. Получается чрез святые Таинства, не иначе, а явною становится в тех, которые умертвят страсти известными подвигами. (В Добротолюбии смотрите — выписки из св. Марка Подвижника.) Ясность сия состоит в особом разумении веры, в мирном устройении сердца, в углубленных молитвах, в самопожертвованиях во благо других, в терпении невозмутимом... так что смотрящие надивиться не могут. Отличительная черта наития Духа — мир глубокий и отрешенность от всего видимого — внутрь пред Бога. Тут пресекается всякое движение телесное и чувство употребления престаает, т.е. бывает все совершенно противоположно тому, что бывает у хлыстов...

Заходите и с другой стороны. У них Христос продолжает являться — в людях... Когда покажется им кто хорошим по-ихнему, они говорят: «Христос проявился»; и против этого направляйте речь...

Извольте действовать, как вас Бог вразумит. Только по признакам, вами указанным, ведайте, что это хлысты... или скопцы... на них и напирайте.

Не в церкви, а в беседе простой разберите их отдельные песни... Из книг Собеседника просмотрите статью о людях Божиих, из Кельсиева сборника — о скопцах... Сделайте нужные выметки — и возвратите книги по минованию надобности.

Поздравляю с протоиерейством. Благослови, Господи! Но если вы обратите хоть одного хлыста, то это будет равно архиерейству. Это самые упорные сектанты. Враг держит их в прелести их видимую исправность и теми льстивыми приятностями, которые добываются во время их кружения (8, с. 175–177).

ИСПОВЕДЬ-ПОКАЯНИЕ

1. Разрешенные и не повторенные грехи не помянутся на Суде

Разрешенные грехи и не повторенные не помянутся на Суде. В сем сила Таинства... Но повторять их (исповедовать) и в своей молитве, и пред духовником можно... подражая св. апостолу Павлу (см. 1 Тим. 1, 13, 15; 1 Кор. 15, 9; Гал. 1, 13) (1, с. 36).

2. Духовная немощь очищается Исповедью, а врачевание (немощи) доканчивается подвигом

Духовная немощь очищается Исповедью, в коей полагается и начало врачевания ее. Врачевание же самое продолжается... доканчивается потом подвигами против нее (немощи). Кончится врачевание, когда страсть станет противною и перестанет влещи. Пока сия процедура совершается, борющийся состоит в милости. Началовождя, хотя раны получает чувствительные, падает и встает. Милость сия отступает только тогда, когда пал кто и не встает — валяется. А если пал и тотчас встает и опять берется за оружие, чтоб противоборствовать, милость не отходит. Сим растворяйте совести своей горечь (1, с. 71).

3. Грех исповеданный и возненавиденный изглаждается из Книги жизни и не помянется на Суде

Грех исповеданный, орошенный, возненавиденный изглаждается из всех книг, в кои вписывается: из Книги правды Божией, из книги естества нашего, из книги соприкосновенностей наших с видимым и невидимым миром. Таким образом, он уже не помянется на Суде. Имея сие в виду, надо, не умаляя чувства грешности, провевать всегда при сем душу свою благонадежием спасения. Грехи наши Господь все вознес в теле Своем на древо и там рукописание их разодрал (1, с. 122–123).

4. Исповедью и верою усвоятся плоды искупительной жертвы Спасителя

Усвояем мы сие благо верою, сокрушенною Исповедью, трудами по изглаждению грехов и возненавидением их (1, с. 123).

5. Кающемуся и имеющему намерение не грешить Господь прощает все грехи, не помяиная его прежнего нечестия

Пока есть дыхание в ноздрях, упование спасения имеет место и может увенчаться успехом. Стоит только прийти к Спасителю. А Он грядущего к Нему никогда ижденет. Сколько бы ни было грехов и как бы велики они ни были, все простит Господь кающемуся и искренно положившему не поблажать более себе, а, напротив, стоять добре, хоть бы из-за того угрожала смерть. Если недостает такого упования на Спасителя, молиться надо Ему же — и подаст (1, с. 253).

Кто искренно раскаялся и разрешение получил от Господа чрез духовного отца в Тайнстве... и затем самым делом вступил на добрый путь и идет им, на того Господь благоволительно взирает, не помяная его прежнего нечестования (1, с. 253).

6. Кто искренно кается, того нужно разрешить с епитимьею сообразною. Исповедью и верою усваются плоды искупительной жертвы Спасителя

Кто искренно кается и дает обещание воздержаться от худого, тому отчего не разрешить — с епитимьею сообразною, которую можно бы совершить незаметно для других (2, с. 59–60)?

7. На Исповедь к монахам заставляет идти житейское отношение и чаяние лучшего назидания

Идти на Исповедь к монахам заставляет и житейское отношение, и, может быть, чаяние лучшего назидания. Да на что это дознавать?.. Пришел, кается... как оттолкнешь (2, с. 60)?

8. Говейте там, где вас ничто не может развлекать

Собираетесь поговорить и будто хотели бы на Вышу приехать. Хорошо это? Мне думается, что, приехавши на новое место, вы только кругом будете посматривать, удовлетворяя любопытство, а о говении и о том, чего ради оно предпринимается, совсем забудете. Говейте там, где вас ничто не может развлекать (2, с. 86–87).

9. Покаянный плач о грехах надо сохранить до конца жизни. Упорный грешник противен Богу. Приступать к Богу надо с мытаревым гласом. При покаянии необходима неприязнь ко греху

Тужить же и плакать до конца жизни о грехах совсем не излишне. Храните сей страх Божий и им себя оберегайте. Грешник упорный Богу противен, а грешник кающийся приятен Ему. Всегда и приступайте к Нему с мытаревым гласом, море грехов своих в бездну милости Его повергая. Когда есть неприязнь и отвращение к греху, с готовностью противиться ему хоть до положения живота, тогда Бог не видит того грешным. Так не смущайтесь!

Более же берегите свое внутреннее настроение и бежать тогда только собирайтесь, когда нельзя сохранить сего внутреннего. Его берегите, не развлекаясь и не охлаждаясь (1, с. 11).

10. Обличение впавшему в грехи и наставление об истинном покаянии. Цель епитимии

Очень прискорбное поскользнутие у вас произошло. Но кнут не мучка, а вперед наука. Произошло это от *самоmnения*, что-де мы хватили высоко, не то что те и те. Вот и хватили! *Самоmnение* шло вместе с *тщеславием*. Вдвоем они родили *леность*. Леность говорит: что нам? Уж мы ведь что стали? Нам можно и вольку себе дать... Весь этот путь у вас прописан: «Леность одолела так, что ни на что смотреть не хочется». Уж коли хватили выше облак, то какая нужда себя нудить? «Тщеславие —

служить ли стану, молиться или читать поучения — одолевает». Как нам с вами не тщеславиться? Молитву умную знаем. И ну ходить павлином. О.М. — чибис... Извольте себя так прозвать. Чибис — какая-то птица, гордо выступающая, но паршивая, неуклюжая, бессильная и трусливая. Вот и величайте себя так. То мы с вами на диване развалились, как миллионер духовный (леность), то с колокольни на всех смотреть стали как на мелюзгу грошовую (тщеславие с гордостью). А тут как только показался враг, мы в кусты... или и того хуже: на, бери... И пальцем не шевельнули. И извольте теперь видеть, какой вы богатырь духовный и богач! Затем и попустил Господь это падение, чтоб вы осязательно увидели, сколь ничтожны силы ваши и ваша твердость в добре. То, что было, надо считать настоящим падением (2, с. 183–184).

Внутри грех сделан. И кайтесь в нем, считая себя впадшим в блуд. Вы называете это несчастием. Истинно так; это похоже на пролом стены. Когда неприятель пробьет где-либо стену, город защищающую, тогда, хоть горожане заделают ее, место то нельзя почитать прочным, потому что заделка только прилеплена к стене и не глубоко с нею сцеплена бывает. Вы исповедались, добре. Пробоина заделана. Эта заделка свежая не прочна. Враг сбоку стоит и высматривает. Как только увидит какую оплошность, опять шархнет из своих бомб (2, с. 184).

Но пусть его шарахает. Можно сделать все покушения его бесплодными. Пробоину в стене, чтоб она

опять не слетела, подпирают сзади устоями и к месту тому побольше посылают солдатиков. Враг тогда, видя это, и совсем не покушается снова тут пробивать стену, а отходит в другое место. Вот и вам надо то же сделать. Подпорки сделать надо: это усиление стеснения плоти лишением сна, пищи, трудом, особенно каким-либо унижительным (вон снег разбрасывать и подобное). А солдатиков наслать — это побольше благих, отрезвляющих мыслей набрать в голову и их перебирать вниманием. Команду же над всем этим поручить надо ревности о спасении, с преданностью Богу, от Коего все-спасительная сила, с решимостью не поддаваться более такой блажи, хоть умереть. Извольте это непременно устроить (2, с. 184).

У Господа своя на всякого согрешившего налагается епитимия, которая состоит в том, что Он кающегося тотчас принимает в милость, но прежнего не ворочает ему тотчас, а ждет, как пойдет сокрушение и смирение. Если кто безжалостно помучает себя, то скоро возвращает, а если поблажку себе дает, то не скоро. Есть термин (предел), когда сие бывает. Душа услышит глас Господа: *«Отпущаются тебе греси твои»*. Вот вам программа. Извольте все сие иметь в мысли... и трудитесь. Паче в смирении и в вере и предании себя Господу держите себя. И все придет в свой чин (2, с. 185).

11. Наставление кающемуся о падении в плотский грех

И не расслабляйтесь. Враг не силен: *болгий есть Иже в вас...* но он

лукав и лестию одолевает и берет в плен... Бдите убо и молитесь. Смотрите на внутренний строй... Ибо без должного здесь строя все спасительное, совершенное вами (Исповедь и Причащение), может остаться одним внешним чином примирения без внутреннего живого общения. Свидетельство о бытии внутри должного строя представляют сокрушение сердечное и решимость твердая, как смерть, — не поблажать себе, и ревность сильная все требуемое совершать без саможаления (2, с. 221–222).

Плоть надо умучить голодом, малоспанием, трудом молитвенным, удалением от соблазнов и винопития. Бог примирился с вами... представьте документы мира — эту готовность все должное делать без жаления себя (2, с. 222).

Возьмите себя в руки, и Академия не помехой будет, а способствованием... Если же не возьмете себя в руки, то никакой монастырь не избавит вас. Устройте внутри себя строгий монастырь: себе внимайте и все недоброе, возникающее внутри, мысли ли, или сочувствия и желания — подавляйте сразу без малейшей уступки, а все доброе восставляйте и поддерживайте. Это вы можете, если желаете спастись, ибо сие желание и есть прогоняние всего худого и принятие доброго (2, с. 222).

Вы похожи на дом, потрясенный землетрясением. Хозяин — вы, увидев это, не опустили рук, не сказали: пропадай все... а решились восстановить его... Главное сделано; теперь надо доканчивать, отделать дом свой (2, с. 222).

Второй вопрос... о священстве. Древние соборные каноны не сохранившим целомудрия заперли дверь входа в священство. Но как Покаяние, строго совершенное и возвращающее первую чистоту, ставит прошедших сей курс в ряд способных нести труд сего служения в совершенстве, то иерархия, принимая сие во внимание, растворяла дверь входа. Так и ныне делается... Но нередко без уверенности в годности, а по предположению ее.

Как вам быть? Вы напрасно не предложили сего вопроса старцам в Глинской пустыни. Старцы те — о. игумен и духовник, как слышу, опытни и решили бы вам сие по-Божьему. Вы на меня возлагаете решение сего. Вот вам мое решение: пока не установитесь как должно внутри и не укрепитесь, ни монашества не принимайте, ни тем паче священства. Говорите, когда будут предлагать монашество: «Подожду и послужу немного... а потом». Этим отдалите и священство. Теперь же возьмитесь за суровые строгости, пока выгоните все похотное. Посмотрите, как моют белье... между другими приемами — жарят в печи, пересыпав золою... потом на реке полощут и бьют без жалости вальками и руками выжимают. Все подобное вам предлежит сделать с собою (2, с. 222–223).

В прежнее ваше восстание от сна греховного благодать ощутительно действовала в вас и не давала вам замечать трудов восстановления. Теперь будет иначе... Ваш собственный труд должен предшествовать, без сочувствия, деспотически, и благодать проявлять будет свое действие,

когда утомитесь от труда и не будете знать, что делать... Вы имеете епитимию. В точности исполняйте ее без опущения. И другое все подгоняйте к ней.

Я не могу вам определять подробности. Одно твержу: ...рвение неудержимое возьмите, и пусть оно вытекает из возненавидения плотских сластей как врагов безжалостных. Когда придет в силу сие возненавидение, тогда чуть покажется даже легкий помысл — как душа, яко лев, возрычит на него... и тот мгновенно убежит... Святой апостол Иаков пишет: противьтесь диаволу, и бежит от вас... противьтесь похотным восстаниям — и не одолеют. Эти противления и отпоры похотных восстаний будто незаметны, но они замечаются на Не-бе и тотчас привлекают венцы... Ни один отпор не оставляется без увенчания... Восприимите же мужество и ратуйте за себя (2, с. 223–224).

12. О переменной погоде на душе

Вы прописали что-то о себе мрачное, не определяя, что это. Полагаю, что это есть следствие обычной всем переменчивости, как и в природе бывает: то ясный день, то пасмурный и даже бурный с грозой.

Но вот вы поговели, исповедались и причастились, и покой душевный к вам возвратился. Даруй, Господи, чтобы он и пребыл в вас. Но как погода душевная у нас не бывает одинаковая, то теперь видите, куда обращаться следует, чтобы на горизонте вашей души засветило ясное солнышко, и поступайте так всякий раз (3, с. 28).

Чтобы Исповедь шла и совершалась более удовлетворительно, попробуйте записывать все, что лежит на совести, и, приступив к духовному отцу, попросите его пересказать ему все по записи... После сего, если он пожелает еще о чем-либо спросить вас, спросит или вы сами предложите ему это сделать. Действуя так, вы всегда будете отходить от аналоя, как скинувшая с себя все вяжущее из одежды (3, с. 28–29).

13. Ободрение и уверение в Божьем милосердии к кающимся и указание средств к укреплению веры и упования

Грехи ваши велики и очень велики. Но нет греха, побеждающего милосердие Божие. Прощение грехов дается не по нашим заслугам, а по милости человеколюбивого Бога, всегда готового прощать, как только кто обратится к Нему с раскаянием. И делает недостойным прощения не великость и множество грехов, а одна нераскаянность. Как только вы сокрушились и раскаялись, прощение уже присуждается вам на Небе, а в момент Исповедания сие небесное решение объявляется вам (3, с. 30).

Рукописание всех грехов всех людей Господь Спаситель вознес на теле Своем на Крест и там разордал его. Приложение к каждому сего действия беспредельного милосердия совершается в Таинстве Покаяния и бывает действительно. Получивший разрешение от духовного отца обезвиненным состоит пред лицом правды Божией (3, с. 30).

Слабость веры в сие и скудость упования помилования производятся врагом нашим. Грехи наши без

его внушения не бывают. Из них он устраивает между нами и Богом преграду. Раскаяние и Исповедь разоряют эту преграду. Зная силу сего Таинства, что оно уничтожает все его труды и хлопоты о погибели грешащих, он всячески старается пресекать плодотворность его — и или совсем от него отклоняет, или наводит неверие в силу его и безнадежие получить прощение чрез него. Ваше маловерие и безнадежие — его кознь. Вооружитесь против сего и прогоните врага и его внушения (3, с. 30–31).

Господь хочет всем спастися, следовательно, и вам. По устройении нашего спасения чрез воплощенное домостроительство у Господа теперь одно попечение — всех привлекать к Себе для дарования им спасения. И Он действительно влечет. Ни один грешник не бывает без сего. И вас влечет и зовет. Теперешняя ваша забота о спасении души что означает? Означает зов Господа: приди ко Мне обремененный, и Я упокою тебя! Забота сия — ваше ли дело? Нет! Это Господь всеял ее. Если же Он всеял, то можно ли сомневаться, что Он и даст вам спасение? Он побуждает вас искать прощения грехов у Него Самого, конечно, готов будучи и даровать сие прощение. Идите же к Нему с полною верою и не давайте врагу разорять вашу веру и упование спасения.

Святитель Тихон уверяет, что враг, когда склоняет на грех, внушает: не бойся, Бог милосерд, а когда доведет до греха, тогда мутит и крушит душу страхом, внушая: нет тебе спасения. Такими мыслями и другими подобными трудитесь восстав-

лять свою веру и упование спасения (3, с. 31).

Чаще приводите на память блудного сына. Не ждал отец, пока сын блудный дойдет до него, но вышел сам навстречу ему и, не дожидаясь слова его, заключил его в объятия свои. Только, выходит, у Бога и есть, что желания спасения всех, сюда направляются все попечения Божии. Отец Небесный уверяет: не хочу смерти грешника; Сын Божий одесную Отца что делает? — Выну ходатайствует о нас. А Дух Святой? — И Он тоже ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголаннными... Так вот как дело есть на Небе. А враг хочет уверить вас, что вам нет помилования и спасения у Бога, прогневанного вами. И вы верите ему... этой лжи его. Ибо у Бога и помышления нет о непомиловании, а есть одна мысль и одно желание — миловать и миловать... Приходи всякий (3, с. 31–32).

Надежду и веру нельзя иметь крепкими без дел и трудов по делу спасения. Извольте приложить сии деятельные труды, и вера с надеждою тотчас начнут оживать. Какие дела и труды?.. 1. Отвращение возыметь ко всем грехам — не делам только, но и к мыслям и сочувствиям к ним. 2. Определить себя на дела, противоположные им. Это вы сами для себя должны найти и установить. 3. Главное — плоти угодия бегать... Ее надо строго наказывать — умертвить. 4. Молитвенный чин установить домашний и церковный... 5. Внешние сношения упорядочить и бегать случаев, могущих возбуждать движения страстей (3, с. 32).

Догадываюсь, что у вас сильны гордость и непокоривость. Взыщите смирения и послушливости...

Держите память Божию и память смерти и не выпускайте из ума мысли, что Бог видит вас, вы под оком Его состоите, и блюдитесь от всего, не угодного Богу.

В помощь памятования о Боге и о деле спасения заучите на память 24 молитовки свт. Златоуста и чаще прочитывайте их. Они находятся в числе молитв на сон грядущим (3, с. 32).

Помните, что того, что потребно для спасения, никто для вас за вас сделать не может. Делать то должны сами вы. Помощь от Господа всегда готова; но она не приходит к тому, кто ничего не делает, а только к тому, кто делает, трудится, но до конца довести дела не может (3, с. 32–33).

14. Разъяснение о силе Таинства Покаяния и получаемого по Исповеди разрешения

Разрешение в Таинстве Покаяния есть настоящее разрешение, кто бы ни совершал его. Ибо слушает Исповедь Сам Господь ушами духовного отца и разрешает Он же устами духовника (3, с. 131–132).

15. Грехи прощаются после разрешения духовника, но оставляют следы и томление, которые изглаживаются подвигами

Грехи под действием разрешения духовного отца тотчас прощаются. Но след их остается в душе, и он томит. По мере подвигов в противлении греховным позывам следы сии

изглаждаются, а вместе с тем и томление то умалается. Когда изглаждаются совсем следы — тогда и томлению конец. Душа будет в уверенности отпущения грехов. По сей-то причине дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно составляют основу чувств текущего путем спасения (3, с. 174–175).

16. О записывании своих грехов

Замечаете также, что на Исповеди читаете написанные в тетради грехи... чего священники не любят... Если не любят, то и перестаньте это делать. Верно, вы пишете общие грехи... в которых кто не грешен? — А вы записывайте дела. Например, не пишите: я вздорлива, а запишите дело, в котором обнаружилась вздорливость... так: сестра сказала слово неприятное, я рассерчала, и побранились... И если поладили, прибавьте: поладили, слава Богу, или: насилу поладили... Еще: приглянулось мне лицо одного человека... и впечатление это осталось. Сознав, что это дурно, я стала бороться и изгладила впечатление (лиц не сказывать). Так и о всем (3, с. 177–178).

17. Наставление об Исповеди: говорить все, что есть на совести

На Исповеди не надо ограничиваться тем, что спрашивает духовник, а по ответе на его спросы и свои за собою замечания по делам совести высказать. Внушайте это и сестрам (3, с. 232).

18. Ежедневная вечерняя домашняя исповедь — путь к самопознанию

Хорошо это каждый день вечером приводить на память [грехи. —

Изд.] в виде домашней исповеди, о коей учит св. Димитрий Ростовский, особенно останавливаясь на том, что прорывалось в продолжение дня. Благослови, Господи, сие дело в вас и углуби. Се добрый путь к самопознанию (4, с. 18)!

19. Дороже чувств покаянных ничего на свете нет и быть не может

О себе пишете: «Я очень нехороша, очень дурна». Это очень хорошие речи. Даруй вам, Господи, и чувствовать так, и чрез то держать себя в чувствах покаянных, дороже которых ничего на свете нет и быть не может (4, с. 36).

20. О смущениях перед Исповедью

Все смущающее душу — от врага. И молитесь против него. Молитесь Господу Спасителю, Матери Божией, Ангелу Хранителю, да укрепят сердце ваше в несмущении. Можно утро и вечер класть поклона по три с молитвою к Ним, да удерживают душу вашу в покойном состоянии (4, с. 82–83).

Смущение на Исповеди отгоняйте тою мыслию, что исповедуетесь Господу, милостивому, вас любящему и ждущему, чтобы вы все Ему сказали. Священник — только свидетель. Что сказать на духу, о том дома наперед передумайте и проговорите все спокойно (4, с. 83).

21. Сон перед Исповедью

Ваш сон пред Исповедью спасителен был: иначе, кто знает, — не пошли ли бы вы исповедаться праведницею (4, с. 179).

Большая нам беда от чувства праведности. Зарубите себе на памяти,

что, коль скоро придет сие чувство, хоть в слабой мере, значит, дело ваше пошло криво. Чем грешнейшею себя чувствовать будете, тем путь ваш правее. Но надо добиваться, чтоб чувство своей грешности как бы натурально исходило из глубины души, а не было навеваемо совне своим размышлением или сторонним словом (4, с. 179–180).

22. Сокрушение сердечное — корень христианского расположения

Блаженно расположение ваше, что непрестанно ощущаете сокрушение сердечное. Это коренное христианское расположение. На него, как на ниточку бисер, нанизываются все Богу угодные чувства — и все подвиги потолику имеют цену, поколику из него исходят и им требуются и поддерживаются. Слава Тебе, Господи, что это так у вас есть. Подогревайте сие чувство, чем сумеете: размышлением, чтением, молитвою. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит* (4, с. 201).

23. Откровение помыслов и Исповедь (Таинство)

Различать надо простое *пересказание* всего бывшего на душе, что в монастырях — откровение помыслов, и *Исповедь* таинственную... Последняя требуется, когда что совесть тяготит. Предметно это определить нельзя: дело очень субъективное. Все прочее можно только пересказывать и совещаться... У св. Димитрия на это повседневная исповедь... и в молитвах на сон есть подобное. Впрочем, получать таинственное разрешение всегда для души лучше (4, с. 249).

24. Наставление о достождном говении. Поведение говеющего в церкви

Благослови же, Господи, поговеть вам как следует. Все, что вы загадываете, так и должно делать всякому говеющему. И попоститься, и в церковь походить, и поединиться, и почитать, и подумать, и собою заняться — все нужно. Но все эти дела надо направить к одной цели — достождному Причащению святых Христовых Таин.

Чтобы достождно причаститься, надо душу очистить покаянием. Чтобы покаяние совершить как должно — с сокрушением искренним и твердою решимостью не оскорблять более Господа — для этого назначаются все другие подвиги говенья: и хождение в церковь, и домашняя молитва, и пощение, и прочее все.

Первое в производстве покаяния есть — войти в себя. Не дают нам войти в себя и заняться собою житейские дела и заботы и мыслей блуждание по миру неудержимое. Потому говеющий на время говенья, сколько кому возможно, прекращает свои хлопоты и, вместо хождения по делам, домоседствует. Это пресеменение хлопот есть дело крайней важности в говении. Кто его не сделает, тот, наверное, проговееет кое-как. Вот и вам надо сделать то же. Как ни малы у вас хлопоты, но они есть и развлекают. Приступите же к говению, все отложите.

Положим, бросили все и сели в своей комнатке. Что же тут-то делать? И наедине можно просидеть попусту. Надо взять занятия, идущие к говению. Какие же? Молитву, чтение, размышление.

Молитва эта, кроме церковной. Та уже сама собою разумеется. Как молиться в церкви, знаете, конечно. Вот что, однако ж, примите во внимание! Ходить в церковь охотно, как в дом Божий — родной, не морщась и не скучая. Идти в церковь не затем, чтобы только простоять службу, а затем, чтобы от души помолиться — помолиться с теплотою сердечною, с изливанием пред Господом чувств сокрушения, смирения и благоговейного страха и с возношением усердных прошений о своих кровных духовных нуждах. Как в этом успеть, наперед надо сообразить и, в церковь пришедши, на то себя напрягать. Не пустым считать только то простояние на службе, в продолжение которого сердце согрелось и тепло к Богу взывало. Это главное. Слушать службу тоже надо и вслед за нею вести свои мысли и чувства. Разнообразие, к одному направленное, не развлекает, будет приятно держать внимание в напряжении питательном и созидательном. Вникать в то, что поется и читается, паче в ектении, ибо они суть сокращенное изложение всех наших нужд, с прошением о коих непостыдно обращаться к Богу (9, с. 119–120).

Но обычно мысли блуждают. Это от недостатка молитвенных чувств. Делайте, однако ж, с ними вот что: как только заметите, что мысли ушли из церкви, ворочайте их назад и сознательно мечтать или блуждать мыслями никогда себе не позволяйте — теперь, во время говенья, и во всякое другое время. Когда мысли незаметно для вас уходят, тут еще небольшой грех; но когда нарочно

станете шататься мыслями там и сям, стоя в церкви, тут уже грех.

Господь посреде сущих в церкви. Кто не о Господе здесь думает, а мечтает, тот походит на того, кто, пришедши к царю, чтобы просить его о чем-либо, стал бы кривляться и вертеться в присутствии его, не обращая на него внимания. Совсем не блуждать мыслями и при всем напряжении вашем, может быть, не удастся вам; но не позволять себе намеренно мечтать и можно, и должно. Относительно блуждания мыслей эти два правила и есть: 1) как только заметите сие блуждание, ворочайте мысли назад; и 2) сознательно не позволяйте мыслям шататься.

Средство против блуждания мыслей — внимание ума, внимание к тому, что Господь пред нами и мы пред Ним. В эту мысль надо вставить весь ум и не позволять ему отступать от сего. Внимание прикрепляется к Господу страхом Божиим и благоговением. От них приходит теплота сердечная, которая и стягивает внимание к Единому Господу.

Потрудитесь расшевелить сердце, и сами увидите, как оно скует помышления. Надо нудить себя. Без труда и напряжения умного не достигнете ничего духовного. Много помогают согреянию сердца поклоны. Их и кладите почаще — и поясные, и земные.

Дай, Господи, вам ощутить сладость пребывания в церкви, чтобы вы стремились туда, как стремятся в теплую комнату с холоду.

В говении главнейший производитель дела, для которого говеют, есть

пребывание в церкви достодолжное. Прочие дела суть подмоги и подспорья ему (9, с. 120–122).

25. Поведение говеющего дома

Говеющий только и знает, что церковь и дом. Пришли домой: что тут? — И тут надобно, сколько есть сил, благоговейное к Господу хранить обращение ума и сердца. В свою комнату прямо из церкви спешите и привет ей делайте несколькими поклонами, прося Господа благоговейно, с пользою душевною провести предлежащее время уединенного дома пребывания. Затем отдохнуть немного надо, посидевши.

Мыслям же все-таки блуждать не давайте, а говорите в себе, ни о чем не думавши, одно: Господи, помилуй! Господи, помилуй! Отдохнувши, какое-либо дело надо делать: или молиться, или рукодельничать. А какое когда — уже это сами себе определяйте. Нельзя все духовным заниматься: надо какое-либо нехлопотливое рукоделие иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена и ни читать, ни думать, ни Богу молиться не способна. А если те духовные занятия идут хорошо, то рукоделия можно не касаться. Оно назначается для наполнения времени, которое без него придется проводить в праздности, пагубнейшей и всегда, а тем паче во время говения.

Как дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить против обыкновенного правила молитвенного. Надо, надо. Но лучше, если вы прибавите не лишние чтения молитв, а подольше будете молиться без молитвенника, сами сво-

им словом изъясняя пред Господом свои кровные нужды духовные.

Читайте и утром, и вечером не более того, как и в обыкновенные дни; но пред началом молитвословия вашего и после него сами своею молитвою молитесь и в промежутки читаемых молитв вставляйте свою молитву, кладя поклоны — поясные и земные, и на колена становясь.

Докучайте Господу, Матери Божией и Ангелу Хранителю, в своем к Ним слове испрашивая все, что чувствуете для себя крайне нужным; молитесь, чтобы дали познать себя, а по познании вложили желание и снабдили силою исправить все неисправное, а паче чтобы исполнили сердце духом сокрушения и смирения, в коих жертва Богу, самая Ему угодная. Но слишком длинным и долгим правилом себя не вяжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны в продолжение дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умом же совсем не отступайте от Господа, на молитве ли стоите или другое что делаете.

После молитвы — чтение с размышлением. Читать надо не затем, чтобы память набивать разными сведениями и понятиями, а затем, чтобы получить назидание и уразуметь, как исполнить получше то, что нужно для нас в эти дни говения. Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положение доводить до чувства посредством долгого к нему внимания.

Что читать? Уж, конечно, только духовные книги. Из них ничего вам больше не посоветую, как писания

святителя Тихона. Есть книжка «*Востани спяй*» — выборка статей из святителя Тихона, располагающих к покаянию. Есть еще книжка о Покаянии и Причащении, проповеди на Великий пост и Приготовительные к нему недели. Я слышал, что она очень бывает пригожа в это время: в ней все говорится только о Покаянии и Причащении. Лучшего для вас чтения не нахожу...

Неспешное чтение с размышлением подходящих книг более всего сильно расшевелит душу. На него и налегайте. Утро после молитвы (утреня слушается с вечера) все на него отрядите, до самых часов. Оно и к церковной молитве подготовит. И после часов можно продолжать то же, когда охоты и внимания достает. Придет во время чтения молитвенное движение — вставайте и молитесь.

Читать вместе с кем или в одиночку? — В одиночку лучше. Потому что при этом удобнее собою заняться и приложить читаемое к себе. Размышление вставлять надо в чтение, а то одно оно уйдет в мечтание и не залучишь его.

Так почитали, подумали, поклонов положили, вот и все занятия, приличные говеющему дома. Но постоянно выдержать внимание в таком напряжении не всегда удается. Когда утомитесь, можно сесть поработать, как я уже поминал (9, с.122–124).

И то хорошо вы сказали, что поститься надо. Надо-надо, но не слишком. Вы и так мало кушаете. Надо же, чтобы была сила в церкви простоять и дома поклоны класть.

Но как найдете более удобным и себе подручным, так и сделайте. Надо только дать знать телу, что и оно виновато в том, что надо каяться и потому нести труды говения. И у сна надо отнять немножко и длительности, и покояности. Эта статья, кажется, потребует у вас жертвы. И не поленитесь ее принять как сумеете.

Всякого рода лишения уместны в эти дни.

А поговорить? — И поговорить можно, только не о пустяках, а все о том же. Вместо разговора назначьте лучше час совместного чтения — и читайте вместе. Вечером это очень было бы пригоже. Ничего не могло бы быть лучше, если бы кто из вас рассказывал назидательные истории, в коих проявлялась сила Покаяния и Причащения (9, с. 124–125).

26. Приготовление к Исповеди

Не принимайте пасмурного вида, не помрачайте лица своего. Все делайте с охотою, с добрым и радостным расположением духа. Так проводите время, как проводят его те, которым предстоит быть на пиру у царя. У этих только о том и мысли, и речи, как будет этот пир, как встретиться с царем, что сказать, как он приветит, как бы получше нарядиться и не ударить лицом в грязь и пр. Но вам предлежит несравненно лучшее и высшее — предлежит пир не у земного, но у небесного Царя. Если вы потрудитесь принарядиться и приготовиться так, что Царю понравится, то будете Им приласканы, получите то, чему цены нет, и обрадованы несказанно.

Вы сказали, что возьметесь говеть — так говеть! Благослови, Господи! Извольте же придумывать, как принарядиться. Старые платья все прочь, новенькие надо. Если что из старого окажется гожим, то вымыть, выгладить и представить все в таком виде, как бы это было совсем новое. Хочу этим сказать, что вам надобно пересмотреть себя: худое охудить и отбросить, а хорошее удержать, выправить и усовершенствовать. Войдемте же в себя самих и начнем перебирать, что есть в нас.

Вмешательство в это дело какого-либо стороннего лица неуместно и совсем невозможно. Войти в вас и разобрать дела вашей совести никто не может, кроме вас самих. И извольте это сделать сами. Я сделаю вам на этот случай только несколько указаний...

Чтобы себя хорошо рассмотреть, надо обратить внимание на три стороны нашей деятельной жизни: на *дела* — единичные действия, совершенные в такое-то время, в таком-то месте и при таких-то обстоятельствах; на *сердечные расположения* и характеристические наклонности, под делами скрытые; и на *общий дух* жизни.

Вся наша жизнь состоит из непрерывного ряда деяний: мыслей, слов, дел, одни другими сменяющихся и одни другие погоняющих. Пересмотреть все такие деяния (особо каждое) и определить их нравственную цену нет никакой возможности. Даже если бы вы вздумали перебрать и пересудить деяния свои, в один день совершенные, и этого не сможете сделать.

Человек — приснодвижное существо. Сколько передумает и переделает он от утра до вечера! Сколько же наделает он от Исповеди до Исповеди! Как же тут быть? Никакой нет нужды все перебирать и пересуждать особо. У нас есть неусыпный страж — *совесть*. Что худо сделано, она никак не пропустит; и как вы ей ни толкуйте, что то ничего, а это сойдет, она не престанет твердить все свое: что худо — то худо. И вот вам *первое дело*: прислушайтесь к совести и все те дела, которые отличает она, без всяких извинений признайте грешными и готовьтесь исповедать их...

...*Второе дело*. Перебирайте заповеди и смотрите, исполнены ли они вами или нет (9, с. 125–128).

27. Совершенное приготовление к Таинству Покаяния и Причащения. Чувства, необходимые кающемуся

Так какое же употребление сделать вам из добытого познания себя самой? Прежде всего надо осудить себя во всех своих неисправностях, без всяких отговорок и оправданий. Когда на Преждеосвященной литургии после «*Да исправится молитва моя*», поют «*Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, нещевати вины о гресех*», то тут внушается верующим молиться, чтобы Бог не попустил им с лукавою изворотливостию придумывать извинения во грехах. Кто придумывает такие извинения, от того не жди раскаяния; а у кого нет раскаяния, тот не возьмется и за самоисправление. Все дело, стало быть, за тем, чтобы осудить себя без жалости, до-

вести себя до того, чтобы в сердце искренно изреклось: виновата кругом.

Когда скажется в сердце: виновата, то надо приложить к сему страх осуждения Божия. Если совесть ваша вас осуждает, то и Бог не обезвинит. И Бог видит вас виноватою. Если такую видит, то и осуждает. Если осуждает, то присуждает и решение или определение достойного наказания. Ныне или завтра падает на вас сие наказание, и оно уже висит над вами, когда вы осуждены Богом.

Как же быть? И не знать бы было, как быть, если бы не милость Божия. Милостивый Бог дает нам надежду прощения вины, если сокрушенно раскаемся и положим твердое намерение избегать прежних грехов и не прогневать ими Бога. В этом существо покаяния.

Итак, не будьте холодною знательницею своих неисправностей, но сокрушайтесь о них и искренно жалеете, что они допущены. Сокрушение родит смиренную решимость избегать неисправностей; а знание одно, хоть и будет сопровождаться намерением остерегаться, но поведет к гордости, от коей избави вас, Господи!

Положивши избегать неисправностей, надо теперь же сообразить и постановить, как в этом успеть, чтобы с сей же минуты начать и действительное себя исправление. Рассерживались, например, от чего-либо — положите не сердчать более и определите, как удобнее наладить себя, чтобы не рассерживаться. Так и относительно всего другого теперь же наперед надо определить, как в каком случае поступить, чтобы не

оказаться опять неисправною. Чтобы удобнее это сделать, записывайте свои неисправности, как только будете узнавать их, и тут же приписывайте, как исправиться полагаете. Это будет ваша первая генеральная и вполне исправная Исповедь. Потрудитесь Господа ради так сделать. Увидите, какую власть потом вы возьмете над собою и как мощно начнете держать себя в руках, с сознанием пригодности такого, а не другого образа действия.

Сокрушаясь о грехах и полагая намерение не грешить, надо присоединить к сему и молитву к Господу усердную, чтобы подал помощь Свою на противостояние греху, и веровать, что Господь не оставит такую помощь. У христиан глубоко на сердце должно лежать то убеждение, что как грехи их, о коих они сокрушаются и кои исповедают с обещанием избегать их, прощаются им милосердным Господом ради крестной смерти Его, так в то же время и благодать Божия подается, в силу той же крестной смерти, во избежание грехов. Благодать сия нисходит на крепкую решимость не грешить и непоколебимую, светлую веру во Христа Спасителя.

Когда вы сие исполните, вот вы и готовы к Исповеди, а когда по Исповеди получите разрешение во грехах своих — будете готовы и к Святому Причащению. На ваше искреннее раскаяние и твердую решимость быть исправною придет Господь в Святых Тайнах Своих и вселится в вас и будет в вас и вы будете в Нем. О, велия и неизреченная милость Бога Всещедрого (9, с.133–135)!

28. Необходимая решимость говеющего посвятить себя Богу рассматривается как сознательное обновление обетов, данных за нас при Крещении

Начните понемногу и успеете все сделать как следует. Но если и не успеете все сделать, как бы хотелось, сделайте, как сможете. Господь не взыскателен на мелочи. Он ценит усердие и намерение. Ваше усилие всю себя пересмотреть и перестроить Он примет как дело, уже совершившееся, только не бросайте его, а имейте в виду продолжать и продолжать, пока доведете до конца. Главное же, т.е. решительное намерение всю себя посвятить Господу, вы непременно должны в себе возбудить, укрепить и установить однажды навсегда. В этом неотложное условие к получению благодати, подаваемой в Таинствах Покаяния и Святого Причащения (9, с. 142).

Вы прежде говели и делали все, что обычно делается в это время. Но теперь собираетесь это сделать основательнее, с сознанием дела. На этом опираясь, я толкую вам, что теперь стоит за вами, — стоит, *чтобы вы сами изрекли те обеты, которые даны за вас другими*. Тогда другие за вас отреклись сатаны и всех дел его и всего служения его (светской жизни), а теперь вы сами отрекитесь всего этого. Тогда те за вас уверяли, что сочетаетесь Христу и будете служить и поклоняться Ему, теперь вы сами от всей души и от всего сердца изреките это.

Войдите в сие убеждением и воспримите соответственные тому решимости. Господь буди вам помощник, и Матерь Божия, и Ангел Хранитель

ваш! Да осенит вас благодать Всесвятого Духа в Таинствах Исповеди и Святого Причащения, к которым приступите с таким благим расположением и решением (9, с. 143–144).

Извольте уяснить себе дело. Исповедающий есть только свидетель, приемлет же грехи Господь. Он же повелевает духовнику и разрешение во грехах давать исповедающемуся. Господь же весь милость. Он только ждет, чтобы кто исповедал грех свой, — и, как только скажет кто грехи, тотчас и прощение. Такого ли Господа бояться?

Отчасти эта страшливость происходит и оттого, что не уяснено, что именно должно сказать на духу. Но когда вы сделаете все по прописанному, то для вас ясно будет все. И страшиться нечего.

И оттого также эта страшливость, что редко исповедуемся. Если бы почаще исповедовались, не страшились бы так. Авось Бог даст, с этих пор чаще будете приступать к трапезе Господней и, следовательно, исповедаться (9, с. 151).

Вот что сделайте однако ж! Запишите все, что найдете нужным открыть на духу, и, пришедши к духовнику, расскажите все при помощи записки. Ведь настоящая Исповедь должна быть своя, т.е. сам исповедающийся должен рассказать, в чем грешен, а не дожидаться, что спросит духовник. Это у нас так завелось, и исповедь редко идет как следует. Исповедающий по необходимости много спрашивает лишнего, что не идет к исповедающемуся, а того, что нужно, случается и не спросит.

Так оно и проходит неисповеданное. Сказать самой, что лежит на совести, и без записки можно, если надеетесь припомнить все, только непременно сами все расскажите. Благослови вам, Господи, исповедаться с духом сокрушения и с твердою решимостью быть после во всем исправною, но без всякой страшливости. Она совсем лишняя и делу мешает (9, с.151–152).

Идите к Господу спокойно, хоть и с сокрушением сердца; идите, как в притче сын нехороший шел к отцу. Отец возвращающегося сына не бранил и не поносил, а объятия к нему простер и облобызал его. То же самое и для вас готово. Объятия Господни уже простерты к вам. Остается вам ринуться в них. И сотворите сие с благоговейною любовью (9, с. 152).

Главное в покаянии есть болезнь сердца о своей неисправности пред Господом и твердое намерение стараться вперед быть во всем исправною. Свое решение благоугождать Господу вы уже изъявили, и Господь, все видящий, конечно, уже принял. Но болезнь сердца о неисправностях есть ли? Потрудитесь возбудить. Как ни мало у вас грехов и как ни представляются они легкими, все же они грехи суть и под Божиим неблаговолением состоят. Пред людьми как стыдимся иногда по причине пустого неосторожного слова или движения! А тут Господь, и не пустое что, а грехи. Умудритесь из-за всего сокрушиться и поболеть пред Господом. После из этого сокрушения будет источаться крепость не вдаваться в неисправности (9, с.152–153).

Вы загадывали подробно пересмотреть все снова и переладить. Может быть, не успели все сделать или не так полно сделали, как загадывали; не смущайтесь тем. Господу дорого главное ваше намерение и решение быть во всем исправною пред Ним. Ради Него и прощение грехов, и возочищение благодати. И идите к Господу с этим твердым намерением быть исправною взамен всех неисправностей, познанных уже и имеющих быть познанными. Твердое намерение несите Господу неуклонно исполнять все, что теперь совесть обязательным для вас считает и что найдет таковым после, прочим всем не смущайтесь (9, с. 153).

Исповедаться лучше с вечера пред Причащением, чтобы ночь и утро посвятить уже вполне одним помышлениям о принятии Господа. Читайте в это время проповеди пред Святым Причастием в той книжке, что я вам дал. А то так сидите и думайте о Господе, молясь Ему в сердце: «Господи, как хочешь, так и устрой со мною и во мне, только не лиши меня общения Твоего». И все молитесь такою краткою молитвою, прилагая к ней и поклоны. Если отложите Исповедь до утра, то вечером мысль будет двоиться и выйдет нечто смятенное (9, с. 153).

Приступая к Святым Тайнам, приступайте в простоте сердца, с полною верою, что Господа приемлете в себя и с соответственным тому благоговейством. Чему быть на душе после сего, предоставьте сделать то Самому Господу. Многие наперед вождедевают получить от

Святого Причастия то и то, а потом, не видя того, смущаются и даже в вере в силу Таинства колеблются. А вина не в Таинстве, а в этих излишних догадках. Ничего себе не обещайте, а все предоставьте Господу, прося у Него одной милости — укрепить вас на всякое добро в угодность Ему. Плод Причащения чаще всего отзывается в сердце сладким миром; иногда приносит оно просвещение в мыслях и воодушевление в преданности Господу; иногда ничего почти не видно, но после в делах обнаруживается большая крепость и стойкость в обещанной исправности. Замечу и здесь, что плодов от Святого Причастия ощутительных не видим мы оттого, что редко причащаемся. Положите себе как можно чаще причащаться, и увидите плоды от сего Таинства утешительные (9, с. 153–154).

29. *Наставление о тщательной Исповеди*

Но что вы на Исповеди какого-то греха не сказали, это недобре сделано. Великое ли или малое, дело или слово, но коль скоро совесть говорит, что то — грех, надо очищать то Исповедью и Покаянием.

Сущность Таинства Покаяния состоит в разрешении сказанного греха. Грех не сказанный не разрешится и остается на душе — и с нею пойдет на тот свет. Будет черное пятно на белом платье тем заметнее. Хитроумие там не поможет. Надо сделать, как положено не людьми, а Самим Господом. Господь говорит: *глаголи ты беззакония твоя преж-*

*де, да оправдишиися** (Ис. 43, 26). И в утешение нам и облегчение сего, иногда не совсем легкого дела, законоположил: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси*** (Мф. 18, 18). Затвердите хорошенько и к сердцу примите, что все, не разрешенное на земле богоучрежденным порядком, остается не разрешенным и на Небе. И поспешите восполнить это опущение. Теперь вам надо, каюсь во грехе, пропущенном на Исповеди, каяться и в том, что вы заведомо пропустили (9, с. 241).

30. О слезах

Есть слезы от слабости сердца, от большой мягкости характера, от болезни, и насильно раздражают себя иные на плач, есть слезы и от благодати.

Цена слез не водою, текущею из глаз, определяется, а тем, что бывает на душе при них и после них. Не имея благодати слез, не берусь рассуждать о них, догадываюсь только, что благодатные слезы состоят в связи со многими изменениями в сердце. Главное — сердце должно тогда гореть в огне Суда Божия, но без боли и жжения, а с умилением, приносимым надеждою от Престола милосердного Бога, судящего грех и

* Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну. Припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться (Ис. 43, 25–26).

** что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе.

милующего грешника. Также думается мне, что слезы сии должны приходиться уже под конец трудов — не внешних, а трудов над очищением сердца, как последнее омытие или сполоскание души. Еще бывают они не час, не день и два, а годы. Так говорит св. Исаак Сирианин. Еще есть, говорят, какой-то плач сердца без слез, но так же ценный и сильный, как и слезы. Последний лучше для живущих с другими, кои могут видеть. Все же строит всех спасающий Господь (11, с. 3–4)!

31. Для Исповеди нужен навик и помощь Божья

Вы спрашиваете, что значит *зажечь беду вокруг себя?* Это глубокое чувство опасности своего положения — и опасности крайней, от коей нет иного спасения, как в Господе Иисусе Христе. Сие чувство и будет гнать нас к Господу, и заставит непрестанно вопиать: *помоги, защити!* Оно было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положением, которое упокоивает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении. Сыт — и что еще? Не память только грехов я разумел, а вообще чувство, что деваться некуда, кроме Господа (11, с. 6).

Вам нечего рассказывать на Исповеди? Это оттого, что вы праведны. Будем молиться, чтоб Господь сделал вас грешницею, то есть чтоб пришел к вам мытарев глас: *Боже, милостив буди мне, грешной!*

Молитесь: *даруй ми зрети моя прегрешения...* А между тем трудитесь

и навькайте ходить пред Господом. По мере навыка в сем начнете сходить со ступеней праведности к среде, где грешники... и когда вступите в число их, тогда и перечислить не сможете всех грехов. Не дело только есть грех, но и мысли, чувства и желания бывают грешные. Последние не видны, ибо нет ока, смотрящего в сердце: вот и праведность. Оку тому нельзя смотреть, когда его засыпают суетою, как пылью. Ходить пред Господом значит не отрываться от Него своего внимания — это цель. А немного подумать о Нем и бросить — это не то. Когда то придет, то Господь станет судить мысли и помышления. Вот и откроются грехи, и тут столько их будет, что беда (11, с. 6–7)!

32. О приготовлении к Исповеди

Ныне Неделя мытаря и фарисея! Звук трубы слышали. Готовиться надо на подвиг. Еще прозвучит однажды, и еще, и еще... И потом отворятся двери покаяния... Пойдем все и припадем к милосердому Господу. Объятия Отчи отверсты всем. Ринемся в них с дерзновением и исчезнем в беспредельном море милосердия Божия (11, с. 14–15).

После шума и развлечений душа, не совсем испорченная, тоскует. Сердце, томящееся от удушливости в чуждой атмосфере, собирает себя и жалуется Богу и самому человеку, что его терзают ни за что. Так, эта молитва — вопль больного о врачевании. Господь посылает сии минуты умиления после развлечений и даже во время их, чтоб напомнить человеку, что он неправо действует,

убивая понапрасну в суете время и губя душу (11, с. 15).

33. Грусть и покаяние

Вы чувствовали себя мрачною, отчужденною, грустили оттого, что не пришлось погулять на масленой. Да, это чувство самое натуральное, только не совсем правое, и за него надо побранить свою душу и сердце. Ведь быть отчужденными от мира есть заповедь. Стало быть, не худо, что вы отчужденными себя чувствовали. Прочитайте 64 слово Исаака Сириянина. Но зачем чувство сиротства и грусть? Разве мы отстаем от одного берега, а к другому не пристаем? Отчуждаемся мира, чтоб быть с Господом и святыми Его, т.е. оставляем одно общество недоброе и вступаем в другое... и оставляем именно затем, чтоб вступить в него.

Приступите к *Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тьмам Ангелов, торжеству, и церкви первородных на небесах написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю завета новаго Иисусу** (Евр. 12, 22–24). Видите, какое общество? А душа грустит и кричит: я сирота. Вот и бранить ее надобно: ...не забывай, не забывай... Оттого и грусть, что душа забыла, а от сердца отошло чувство общения. В подобные

* Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу.

минуты надобно оживлять память о мире духовном и шевелить сердце, чтоб возникло сочувствие. Не берет? В церковь Божию пойти... И это не берет? Терпеть, вопия к Богу о помощи бедному сердцу, а все-таки стоять на своем, т.е. не пускаться в разгул. Ибо бывает так, что в грусти иной скажет: пойти разгуляться немного... Сделай только однажды, тогда всякий день будет позыв к развлечению. А там и постоянный разгул. Вот выигрыш! Останется только помин — скучна эта дорога, тяжела, одинока (11, с. 23–24).

Отчего же это вы праведницею ходите на Исповедь? Конечно, вы не говорите: *несть, якоже прочие человецы...* это было бы уже слишком. Но общего чувства недостойнства мало. Можно как-нибудь добиться до того, чтоб сказать: и в том грешна, и в том грешна. Ведь говорите же: *согрешила словом, делом, помышлением.* Не бывает ли празднословия? Не бывает ли смеха? Не тратится ли время по пустякам? Не подано ли соблазна кому чем-либо? А помышления всегда ли хороши? Я думаю, если вникнуть в помыслы, то такая куча грехов наберется, что не подымешь. Надо стать у сердца и навязать замечать вытекающие из него мысли и чувства. Тогда и узрите, что за смрадная вещь наше доброе будто сердце. И придет тогда поминутное покаяние и исповедь Богу вездесущему и всезрящему. Помогите вам, Господи! В день Святого Причащения вам было грустно. Что же делать? И за то поблагодарите Господа. За все благодарите. Вот что нам надобно: *не мерять себя*, т.е. на сколь-

ко аршин поднялись от земли... лучше совсем забыть про эту меру. Одна пусть будет: *никуда не гожи* (11, с. 24–25).

Посмотрите у Макария Египетского правило: нудить себя надо на всякое доброе дело... *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е** (Мф. 11, 12). У нас ведь смесь добра со злом и против всякого добра есть свое зло... Надобно задушить последнее и воскресить первое. Как же это без труда-то сделать, когда с боку на бок перевернуться — и то надобно напряжение (11, с. 26–27)?

34. Покаяние гнев Божий утоляет

«Утешьтесь! Ведь *Господь не есть гнев наводяй на всяк день.* Сердце Божие широко-широко... У нас оно воробьиное. Что делать?.. *Претерпевый до конца спасен будет***, — сказал Господь; а не сказывает, когда и какой конец и что будет впереди, бурька или ураган. А как стоять, не придумаешь и, как другие стоят, не догадаешься. В руке Твои, Господи, предаем дух наш! Обаче разумевай, да разумеваем пути Божии. Покаяние все очищает и гнев Божий утоляет. Сердце сокрушено и смиренно Бог не уничтожит (11, с. 28–29).

35. О записывании грехов перед Исповедью

Для Исповеди записывать грехи — хорошее правило. Навязайте

* Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

** Претерпевший же до конца спасется (Мф. 10, 22).

вот чему: всякий раз, как прорвется недобрая мысль, чувство, желание, слово, дело... тотчас кайтесь Господу, вездесущему и всевидящему, с сокрушением и решением быть впредь осторожнее. Для этого надо внимать себе... то есть смотреть за тем, что происходит в душе... И все добре пойдет. После сего вечером нетрудно будет подвести итог, сколько наделано погрешений в продолжение дня (6, с. 48).

36. Наставление по поводу смущения краткой Исповедью

Священник на духу нехорошо поступил. Но и вам можно было попросить его подождать минутку. Однако ж не смущайтесь. Что не сказали, не есть утайка греха; потому Господь и те грехи не поставит так, чтоб следовало считать вас недостойно причастившеюся, ради вашего намерения исповедать все. В другой раз не поблажайте священнику... и расскажите все, расскажите и то, что хотели сказать и не могли (8, с. 157–158).

37. Господня епитимия провинившимся

У Господа своя на всякого провинившегося налагается епитимия, которая состоит в том, что Он кающегося тотчас принимает в милость, но прежнего не ворочает ему тотчас, а ждет, как пойдет сокрушение и смирение. Если безжалостно кто помучит себя, то скоро возвращает, а если поблажки себе даст, то не скоро. Вот вам программа. Извольте все сие иметь в мысли... и трудитесь... Паче в смирении и в вере и предании себя Господу держите себя. И все придет в свой чин. Камердинер провинился. Господин выгнал его и со двора согнал. Потом, когда он расплакался, господин сжалился над ним и принял в дом, но не в камердинеры, а сказал: «Живи пока на кухне. Я посмотрю, как-то у тебя дело пойдет... и тогда, может быть, опять возьму тебя в камердинеры». Вот в таком положении и вы. Извольте умудряться и взяться за дело (8, с. 205).

КНИГИ БОГОСЛУЖЕБНЫЕ

1. Темнота славянских церковных книг и нужда в их уяснении

Ушинский пишет, что в числе побуждений к отпадению в штунду со- вратившиеся выставляют, между прочим, то, что у нас в церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому, что само читаемое темно. Он пишет, что поставлен был в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не мог сказать: очень темно. Из Питера писали мне две барыни то же об этом... у Пашкова все понятно, у нас — ничего. *Ничего* — много; а что много непонятного — справедливо... Предержавшей власти следует об этом позаботиться... и уяснить богослужебные книги... оставляя, однако, язык славянский и чтения из Ветхого Завета на вечернях... перевод с 70 толковников... Заведите об этом речь (7, с. 155).

Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат, сидя в алтаре... Заставить бы их прочитать службы хоть бы на Богоявление (7, с. 155)!!!

2. Нужда в новом переводе богослужебных книг, Пролога и поучений

Богослужебные книги надо вновь перевести, чтоб все было понятно. Пашковцы кричат: у вас в церкви все непонятно; штундисты — тоже, да и из наших немало. Кто только станет вчитываться или вслушиваться, непременно кончает возгласом: да что ж это такое!.. Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется, сидя в алтаре. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это не по чему другому, как по причине отжившего век перевода. И надо уяснить перевод. Только *чтения* — Паремии — отнюдь не по Русской Библии уяснить, а по 70. Сейчас раскол. И я первый пойду (7, с. 158).

Как вы судите о Прологе?! Прелесть книга по назначению: краткие (а иногда и полные) жития святых дня... и несколько поучений и назидательных случаев... *А по языку...* никуда не гожи — хоть под лавку. Как отцы составили, так она и есть. И неудобочитаемо. *Надобно* и его по-русски... перевести и издать или по славяно-русски — слогом св. Димитрия, как и богослужебные книги (7, с. 158).

Есть *Книга кратких поучений*, сборник из святых отцов. Святые отцы уже все переведены на русский язык. А Синод все печатает их по старому,

непонятному переводу. Надо по-русски их собрать, изменив кое-где и пополнив (или совсем новый сборник составить по тому образцу. Там вся догматика и все нравоучение) (7, с. 158).

Обе эти книги, Пролог и краткие поучения, преназидательны... И их читают в церкви (у нас, по крайней мере)... часто ничего не поймешь (7, с. 159).

МАТЕРЬ БОЖИЯ

1. Ходатайство Богоматери. Особое участие Божией Матери в деле спасения мира

Так и в отношении к ходатайству. Одно ходатайство есть, и без него никакое другое ходатайство не сильно... Ходатайство Господа Спасителя. А побочных ходатаев может быть много, проводников того ходатайства... размножителей... Тут и Божия Матерь Ходатаица, действующая в силу ходатайства Сына Ее...

К тому же Господь Спаситель — Ходатай к Богу Отцу. А если Самого Спасителя прогневали, кто пред Ним походатайствует? Но прогневаем, ибо грехами кровь Его попираем. Вот тут Божия Матерь и есть... и говорим Ей: и Матернее Твое дерзновение употребляючи, моли...

Относительно Божией Матери извольте утвердиться вот в какой мысли... Устройство спасения чрез воплощение — Единого Бога дело. Твари тут не имели места. Но Божией Матери дана часть и в этом, ибо от Нее естество человеческое взято Богочеловеком. Это участие существенное, внутреннее. Потому Она — Высшая есть всех... и сила Ее пред Господом исключительная, особенная.

Сыновство Ей Богочеловека и Её Ему материнство пребывает доселе... И сила сего отношения пребывает... Такой Сын чего не сделает для такой Матери? И такая Матерь чего не испросит у такого Сына? Поэтому нам резонно говорить: все упование на Тя... буди Ходатаица (6, с. 3–5)!

2. Каким образом Божия Матерь есть Ходатаица, когда един Ходатай Христос Господь

Христос Господь Ходатай истинный — как примиритель человечества с Божеством. Он Своею смертию примирил нас с Богом и открыл чрез то доступ к нам всех милостей Божиих. Он есть совершитель воплощенного домостроительства спасения. Божия Матерь есть Ходатаица спасения как молитвенница. И Ангелы, и святые в этом отношении ходатаи, ибо молятся о нас. Но ни Божия Матерь, ни Ангелы, ни святые не суть производители и дарователи спасения. Они только ходатайствуют, чтобы образ спасения, Господом Спасителем для всех данный, был и к нам приложен и мы таким образом в силу его спаслись... Господь — Спаситель, все прочие — пособники дарования нам спасения (6, с. 5–6).

МИР ДУХОВНЫЙ

1. Разъяснение о семи духах и семи Ангелах Церквей

Ваши вопросы: *Что семь духов?* — Семь верховных Архангелов: Михаил, Гавриил, Рафаил... и пр.

Св. Гавриил к св. Захарии сказал: *Я один из предстоящих Богу** (Лк. 1, 19).

Что Ангелы семи Церквей? — Епископы, представители тех Церквей. Это видно из того, какие речи обращает к ним св. Иоанн. Светильники в сем видении означают Церкви (6, с. 49–50).

МОЛИТВА

1. Должно с утра установиться во внимании к Богу

Потрудитесь делать так: утром, на молитвенном своем правиле, потрудитесь так установиться вниманием пред Богом, чтобы потом и весь день быть пред Ним, что бы ни случилось делать. Если устроитесь так и станете с пророком предзреть Господа пред собою выну, с соответственными, конечно, тому и чувствами, — то и будете непрестанно молиться. И тогда не будет вам скучно (8, с. 4).

2. Молитвенная теплота не дается без труда. Желанная болячка в сердце

Иисусова ли или другая какая краткая молитва — дело хорошее, если навязнет на языке. Позаботь-

* ...я Гавриил, предстоящий пред Богом.

тесь только при этом не в голове быть вниманием, а в сердце и будьте так не во время только стояния на молитве, но и во всякое время. Потрудитесь образовать в сердце будто болячку какую... Труд постоянный скоро сделает это... Тут ничего нет особенного. Это натуральное дело (то, что болячка покажется). Но и от этого собранности более будет. А главное то, что Господь, видя труд, дарует потом и свою благодатную молитву. Тогда пойдут в сердце свои порядки (8, с. 14).

3. О скуке и неохоте молиться

Что вам пришлось все дома сидеть, это можно бы обратить в пользу для души. Если не обратили, сами виноваты, что время прошло скучновато. С Господом как скучать? И как даже желать каких-либо развлечений?

И не молитесь. Рассерчали, значит, на Господа... или самодовольство обуяло. Сыты! И не хотите просить (8, с. 38).

4. Семейная молитва и чтение

Картину вашей домашней общей молитвы надо бы нарисовать.

Хороша!

Дай вам, Господи, почаще ее составлять. На нее Ангелы смотрят и радуются.

Скучаете вечерами. Устроили бы чтения и рассказы. Кто встретит что хорошее, пусть предлагает: читите, прочитаю вам... и пусть прочтает получше, повоодушевленное. А рассказы лучше самим выдумывать хорошие, назидательные... и пройдет время занимательно (8, с. 52–53).

5. Недочитанное правило

Добре вы сделали, что причастились и малютку причастили. Что не прочитали молитвы — не извинительно, когда возможности не доставало. Опускание чтения всегда можно вознаграждать молитвенным к Богу обращением и, если можно, с поклонами, чтобы Бог благословил сие действие молитвы, с сокрушением и верою — главное, а чтение полученного есть только средство к тому (8, с. 80–81).

6. О молитве без поклонов

У вас самих если голова мешает класть поклоны, без поклонов молитесь: поклоны — принадлежность молитвы помогающая, а не самая молитва. Молитва — то, что ум и сердце имеют к Богу. Изредка кладите поклоны. Молясь же, то на ногах стойте, то на коленях. Если творите молитву Иисусову, то начните не с 3000, а с 1000 и даже 500 — и потом прибавляйте. Дальше 3000 не заходите. Разве потребность будет. Но лучше все за раз выполнять положенное число — и ночью. Днем же так вперемежку... не в счет почаству творить ту же молитовку (8, с. 92–93).

7. О надлежащем творении молитвы Иисусовой и о плодах ее

Если сердце ваше согревается при чтении обычных молитв, то этим способом и возгревайте сердечную к Богу теплоту. Молитва Иисусова, если ее механически творить, ничего не дает, как и всякая другая молитва, языком только проговариваемая.

Попробуйте при молитве Иисусовой поживее помыслить, что Господь Сам близ есть и предстоит душе вашей и внимает тому, что в ней происходит. В душе же при сем пробудите жажду спасения и уверенность, что, кроме Господа, неоткуда ожидать нам спасения. Затем и вопиите к Нему, мысленно пред собою зримо: Г.И.Х.С.Б.п.н. [Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. — *Изд.*] или: Милостивый Господи, спаси меня, имиже веси судьбами. Дело совсем не в словах, а в чувствах к Господу.

Духовное горение сердца к Господу есть любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу. Как Он весь есть любовь, то прикосновение Его к сердцу тотчас и возжигает любовь к Нему. А от любви — горение сердца к Нему. Вот это и должно быть предметом искания. Творение молитвы Иисусовой есть только орудие к тому или, лучше, только труд, показывающий сильное желание души обрести Господа.

На языке пусть будет молитва Иисусова, в уме — предзрение Господа пред собою, в сердце — жажда Бога или общения с Господом. Когда все сие будет постоянно, тогда Господь, видя, как нудите себя, подаст просимое (8, с. 93–94).

8. О ночной молитве лежа

Когда я писал вам ночью больше молиться, то разумел молитву пред сном; а когда просыпаетесь — и молитесь лежа, это не худое дело, а добрый замен пустых мечтаний, в промежутках сна. Хорошо знать на

память несколько псалмов, чтоб читать их в эту пору (8, с. 124).

9. За Богом молитва никогда не пропадает

Молитва никогда не пропадет даром, исполняет ли Господь прошение или нет. По неведению мы часто просим бесполезного и вредного. Не исполняя этого, Бог за труд молитвенный подаст другое что, незаметно для нас самих. Потому речь: «Вот и Богу молитесь — а что получили?» — бестолкова. Молящийся просит блага себе, указывая на него. Видя, что просимое не поведет к благу, Бог не исполняет прошения и этим творит благо, ибо, если бы исполнил, худо было бы просителю (8, с. 146).

10. Важное препятствие к восприимчивости молитвенной помощи

Успеха, говорите, нет. И не будет, пока есть самоугодие и саможаление. Саможаление и самоугодие прямо свидетельствуют, что в сердце преобладает *я*, а не Господь. Самолюбие и есть живущий в нас грех, от коего вся грешность и который делает грешным всего человека — с ног до головы, пока он имеет место в душе. А когда грешен весь человек, как придет к нему благодать? Не придет, как не пойдет пчела туда, где дым (8, с. 190).

Присутствие самолюбия есть знак, что первое решение работать Господу сформировалось неполно и неудачно. Решение это имеет два конца: один — *да отвержется себя...* и второй — *да по Мне грядет*. Пер-

вый требует совершенного подавления эгоизма или самолюбия и, следовательно, недопущения самоугодия и саможаления: ни большого, ни малого. Следовательно, в ком они есть, у того решение было не полно.

Такое решение делает человека подобным тем лицам, о коих в Апокалипсисе говорится: *ни тепл, ни хладен...* ни то ни се. Спасть хочется, а самопротивления не допускается... Нельзя Богу работать и мамоне (8, с. 190–191).

Пишете, чтоб я помолился об избавлении вас от самоугодия. Об этом что молиться? Бог не услышит. Он слышит молитву только о тех, которые не самоугодничают. И самого человека — всякого Бог слышит только тогда, когда он не страдает сими первородными дочерьми греха. За несаможаление и несамоугодие только и подает Господь благодать и преуспевание. Самих же их не подает, а требует, чтобы их сам человек возымел — как задаток, что ему стоит оказать милость (8, с. 191).

11. Средства достигнуть умной молитвы

Захотели учиться умной молитве. Добре! А прежде-то какая же у вас была молитва?! Молитва по существу своему есть действие умное, и если вы не молились умно, то и совсем не молились. А я вам скажу, что никого нет, кто бы не молился умно. Все умно молятся. Все, когда молятся, мысленно Бога представляют присущим и Ему изрекают свои потребности. Хоть и читают молитвы, все стараются мысленно к Богу возно-

ситься. Если что следует сказать, так это то, что делают это не совершенно, не непрерывно даже и во время молитвословия, и главное — без чувств. Таким образом, ваше желание будет: как дойти до совершенства в молитве, умно к Богу возносимой? — Ответ на это: *ищите и обрящите* (8, с. 194–195).

Как выучились вы писать?! Трудом писания с желанием писать исправно по образцам. Делайте так и в молитве — и выучитесь. Сама не придет: учиться надо.

1. Навыкайте ходить в присутствии Божиим, пред очами Божиими с соответственными тому чувствами.

2. Как только свобода — кладите поклоны в чувствах сокрушения и смирения.

3. Читайте книги все о молитве и размышляйте о ней.

4. Паче же всеми силами старайтесь церковное богослужение проводить в памяти Божией, а затем и домашнее правило.

Тереть надо душу — и согреться.

Теплота когда придет, тогда и мысли улягутся — и молитва станет чиста. Все же от благодати Божией. Почему и надо молиться Господу, чтоб дал молитву (8, с. 195).

12. Не должно себя вязать особыми правилами

Дать вам правило не умею. Да на что правило?! Одно то данное исполняйте — и все тут. К тому прибавить только: мало-мало что расстраивает и ослабляет действие внимания к Богу — удалять то без жалости. Делать же только то, что способствует удержанию его и укреплению. К се-

му направлять и чтение, и размышление, и поклоны...

Коль скоро одно занятие не питает молитвы, оставить его надо и взять другое. Например, развернули книгу и стали читать — нейдет. Оставьте ее, берите другую. Если та нейдет, берите третью... Если и эта нейдет, бросьте чтение и кладите поклоны или размышляйте. Надо иметь не развлекающее внимания рукоделие. Египтяне древние весь день сидели за рукоделием, не бросая его даже и тогда, когда кто-либо приходил. По временам только клали поклоны. Главную же молитву совершали ночью. У одного написано: помолись с вечера два часа, потом поспи шесть часов, а там встань и молись до света...

Правила нужны для поступающих в монастырь, чтоб они навыкали деланиям или занятиям монашеским. Потом же, когда они дойдут до внутренних неких ощущений и особенно до сердечной теплоты, правила и им не строго нужны. Вообще к правилам не следует пристращаться, а быть свободну в отношении к ним, одно имея в намерении, как бы внимание к Богу благоговейное не отходило...

В принятии пищи — немного оскудить питание, равно и у сна отнимать кое-что. Как что — сами смотрите. Не нужно вязать себя, а свободно действовать: иногда так, иногда иначе, одно имея в виду — плоти угодия не творить и ни в чем не самоугодничать. И спать или бодрствовать тоже разное можно, имея одну меру: не засыпаться крепко (8, с. 195–197).

13. Средства к поддержанию духовной теплоты

Теплота сердечная, о коей вы пишете, — хорошее состояние. И надо ее блюсти и поддерживать. Когда ослабеет, возгревать — так, как вы делаете: собираться посильнее внутрь и к Господу взывать. Чтоб не отходила, надо избегать рассеяния мыслей и впечатлений на чувства, несогласных с сим состоянием, избегать, чтоб сердце не прилегло к чему-либо видимому (не худому только, но вообще ко всему) и никакая забота не поглощала всего внимания. Внимание к Богу да будет неотходное и напряжение тела неослабное — в струнку, как солдат в строю. Главное же — Господа молить, да продлит сию милость (8, с. 199–200).

14. Признаки и способ приобретения благодатной теплоты в сердце

Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное. Тут бывает то же, что с кровоточивою. У той стал ток крови, а тут оттанавливается ток помыслов. Что же нужно? Держа свою натуральную теплоту, ни во что ее вменять, а только приготовлением неким к Божией теплоте почитать; затем болеть о скудности Божиего действия в сердце и в болезни молить Господа непрестанно: милостив буди! — Не отврати лица Твоего! — Просвети лице Твое! К этому усугубить лишения телесные... в пище, сне, труде и подобном. Все же дело предать в руки Божии (8, с. 201–202).

15. Молитва — болезненное к Богу припадание в сокрушении и смирении

Молитва — болезненное к Богу припадание в сокрушении и смирении. Она может быть, говорят, и без поклонов. Например, по нужде, в присутствии других, на пути; большею же частью она неразлучна с поклонами.

Поклоны — след внутренней молитвы (11, с. 7).

16. О молитве

Один Господь есть победитель всех наших немощей, а воспрять Его силу можно только молитвою. Она есть источник всего и всякого преуспеяния. Ею испрашивается и приобретает *хождение пред Господом*. Действие сие очень просто. Стоять умно пред Богом, как стоят пред Государем, в благоговейном страхе, не отрывая от Него очей ума — в этом все. Совесть чистая пред Господом и людьми есть условие к тому. И внешний порядок жизни надобно приспособить, чтоб не было развлечений. В церковь Божью ходить; читать писания отцов о внимании и трезвении; бегать покоя телесного, утрудить немного плоть, но Господа ради. Паче же всего Господа молить, чтоб даровал сию силу. С навыком ходить пред Богом начнется перечистка сердца, чувств, желаний, помышлений; а до того времени в душе великая сумятица... Бывала ли у вас молитва теплая, при коей все убегало из внимания, а оставался только Господь и вопль к Нему из сердца?.. Если бывала, то это состояние есть непрестанное состояние ходящих пред Богом. Понемногу и степенями

доходят... и степеням тем конца нет, но доходят ревнующие о преуспеянии духовном. Только с ревностью взяться надобно. Трудитесь и не ослабевайте, а в суету что пользы пускаться?! Одною рукою строить, а другою разорять что пользы? Один труд — и не впрок. Господь да вразумит вас, молитесь (11, с. 8)!

Слава Тебе, Господи! Как я обрадовался вашей тревоге из-за молитвы. Это Ангел Хранитель ваш вас растревожил, чтоб вы узнали, что надобно молиться и читаючи. Ведь в молитвах наших нет многоглаголанья. Там все одно пишется: Господи, помилуй, — только в разных оборотах, немощи ради нашей. Куда нам за Макарием Египетским! В благодатных состояниях, какие он с собственного опыта изображает, и на свет бы не взглянул, забился бы куда-нибудь в угол и млея там от умиления в огне Божиим и в свете. Только любовь к братьям вызывала его, чтоб одного вразумить, другого утешить. Как же он дошел до этого? Ужели взялся прямо за краткую молитву? Нет, не достается даром молитва. Святые Божии точно краткою молитвою молились, а лучше сказать, молитвою без слов. Но это не потому, чтоб не хотели читать молитв, а потому, что внутренняя сила молитвы связывала язык и они стояли пред Богом и стояли подолгу, по ночам и по дням, не сходя с места, не утомляясь и не чувствуя потребности сна и пищи...

Если, подражая им, станем держаться их правила не говорить много (в молитве), то должны подражать и примеру их — стоять долго с

краткою молитвою. Где же нам простоять? Когда есть много молитв, еще-таки постоим; коль же скоро молитвенника нет в руках, то поклон, другой, да и довольно.

Чтоб заманить и продержать нас на молитве, попечительная о нас мать наша Церковь и установила нам прочитывать со вниманием и сокрушением разные молитвы. Но у ней же для преуспевающих в духовной жизни есть правило, что, коль скоро в молитве сердце согреется и не захочет слов, прекращать чтение и молиться сердцем. Это и есть зачало молитвы.

Когда Господь пошлет и вам такую молитву, дорожите ею и прекращайте чтение, только заметьте, что связание языка должно идти изнутри, не затем, чтоб прекратить молитву, а чтоб только молиться с глубокою собранною теплотою Богу, сокрушенно и смиренно припадая и воздыхая о своем всеокаянстве. Мы теперь молитвою своею еще как бы одолжение делаем Богу. Надобно добиться, чтоб она сознавалась ничтожною, потом — грешною; потом, на молитве, самим быть грешными и стоять на ней как на суде. Бог ведь всегда есть Судия наш, но душа не хорошо сознает это и смелость себе дает являться пред Него праведною. Господь милосерд, терпит: только бы хоть такую, да приходила (11, с. 8–10).

Молитва точно есть главное дело. Она и есть путь наш к Богу; все прочее — вспомогательные к тому средства. Скажу только, что небольшое приготовление нужно чинить перед молитвованием. Не вдруг к

Господу приступайте; надобно принарядиться духовно, как делают, когда идут к царю; хоть немного подумать пред тем и о себе, и о Боге. Кто мы и кто Тот, с Коем хотим беседовать? Что нам нужно и по какому праву смеем просить себе нужного? И подобное сему. Главное же наперед поставить себя самоуничиженно в присутствие Божие и говорить как бы в уши Его, просто, по-детски. Как хорошо творить поклоны, как хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов и держа все их в некоем напряжении (11, с. 11–12).

Сейчас развернул св. Исаака Сирианова — сего единственного учителя трезвенной жизни. Где бы вы ни были, возите с собою эту книгу. Начал читать, и первые строки — как раз, что нужно вам. Смотрите, какая похвала зрящим выну Господа в сердце (Слово 8): *«У кого помышления всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы. Кто ежечасно назирает за своею душою, у того сердце возвеличится откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе духовную зарю. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутри сердца своего»*.

Вот о. Серафим всю жизнь стоял пред Господом и горел, как свечка. Так и все другие. А разве они не были люди? И предназначение их разве другое, чем наше? *Живот ваш сокровен есть со Христом в Боге** (Кол. 3,

3). Это о всех сказал апостол. И не говорит, что должен быть сокровенен, а уж *есть* сокровен, чтоб показать, что то и христианин, что всем существом своим сокрылся в Боге, чрез Господа нашего Иисуса Христа. А слово апостола: *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17) — к кому относится?.. К избранникам только или ко всем без изъятия? — Да! Ко всем... Стало, и исполнять надо сию заповедь (11, с. 27–28).

Господь да укрепит вас в усердии — молиться и молиться. Молитесь не потому, что приятно, а потому, что должно. Более всего навывкайте молитве Иисусовой. Пусть так навязнет на языке, чтоб он сознательно и бессознательно твердил ее. Это не вдруг. Вы, думаю, и не брались еще за сей труд. Он тяжел на первый раз. Но победите себя. Помогите вам, Господи (11, с. 31–32)!

Труд молитвенный вот в чем состоит: умом в сердце пред Господом зреть выну Господа, ходить пред лицом Его, возносясь к Нему и падая пред Ним в самоуничижении непрестанно: и сидя, и ходя, и беседуя. Трудно? Да, нелегко. За то и называется сие трудом молитвенным. А иные говорят, что легко... И как услышат о сем, тотчас подумают: ах, да это ничего, я так буду делать. Не нужно ни поклонов, ни чтения молитв, ни хождения в церковь, ни другого какого труда телесного при молитве. Ум и сердце — они в моих руках. Ими и буду молиться. Добрый час! — Вот и начинают. Но ум разбегается и мечтает, сердце блаженничает — и ничего не выходит. Нет. При труде доброделания необходим

*...жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.

труд подвига молитвенного, телесно совершаемого со вниманием, с умом и сердцем. И Бог, видя труд сей, даст молитву сердечную, легкую, сладостную, все улаживающую. Воодушевитесь терпением и понудьте себя на труд. То, что вы говорите о разлении тела, это у Исаака Сириянина называется *покоем тела*, и ему он много зла приписывает. Оно так и есть. Видали ли вы электрическую машину? Если цепь от цилиндра проведена к земле, то, сколько ни верти колесо, электричество не будет ощутительно — все будет уходить в землю. Такой же враг и покой тела.

Прогоните его. Рассердитесь на тело и помучьте его немного. Помолитесь о сем — и Господь поможет. А зла в этом покое много (11, с. 33–34).

Ваше время только то, когда вы у себя в комнате. Его потрудитесь распределить так, чтоб оно все принадлежало Господу, утренние часы особенно... от просонок до 12 ч. Тут поместите вашу утреннюю молитву. Лишь проснетесь, вставайте. Не жалейте тела. Если оно блажить хочет, рассердитесь и сгоните себя с кровати. Хорошо, если б сейчас же и на молитву, чтоб все думали, что вы еще спите. Вы уже знаете, что поклоны умиляют. Да, поклоны — весьма важное дело. Ими надо начинать — три, пять, десять... пока посогреется сердце; ибо спросонок оно всегда бывает вяло и холодно. Потом прочтите утренние молитвы неспешно, со вниманием, зря Господа пред собою, чтение сопровождайте поклонами поясными или земными,

смотря по движению сердца; но чем чаще, тем лучше... Заключите чтение опять поклонами, моля Господа о том, в чем чувствуете нужду, пока насытится сердце. Число поклонов, ежели нужно, определите себе сами, а то так, сколько душе угодно... хоть сотню. По совершении молитвословия хорошо несколько времени провести в богомыслии или в творении молитвы Иисусовой. Сядьте — или стоя и ходя — и говорите: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя... Говорите сию молитву побольше раз... уж не менее сотни. Потом и днем, сколько можно чаще, творите сию молитву. И к иконе днем-то хорошо почаще подходить и класть поклоны по усердию: пять, десять и более, с молитвою: Господи, помилуй, Боже, милостив буди... вот и все. И пред сном такой же порядок, т.е. несколько поклонов вначале, молитвы на сон грядущим, несколько поклонов опять и по крайней мере сотню молитв Иисусовых. Как хорошо ходить в церковь для воспитания духа молитвенного!

Все это знаете... Устройте же себя бывать чаще в церкви за обеднею или вечернею или как можете. Если б всякий день и все службы бывать в церкви, то скорее бы разверзся источник молитвы сердечной... Бывайте, по крайней мере, по возможности. К сему молитвенному труду надобно приложить *чтение* слова Божия и святых отцов. Хорошо читать каждый день дневное Евангелие и дневной Апостол. И сделайте так утром, после молитвы Иисусовой. Но читайте с размышлением, углубляясь в силу слов и, сколько

можно, доводя до сердца. Хорошо, когда какое место займет всю душу. С ним можно ходить весь день, держа его в памяти (11, с. 34–35).

А навязло ли вам на язык имя — сладчайшее имя — Господа? Надо добиться до того, чтоб оно само читалось. Хоть и мысль забежит куда... а, опомнясь, найдет на языке то же имя... Добивайтесь до сего. И на сердце еще теплее будет. Вот и рай — на земле, но небесный! А другого чего искать? Смерть неверная придет и глаза закроет, и руки свяжет, и ноги подкосит, и червякам отдаст. Какая немилосердная! А ведь и не узнаешь, как подкрадется... Но потом что! Там уже расчет короток! Душа бедная, голая, одна-одинехонька — всю насквозь видно... И сама себя видит, все другие ее видят... а спрятаться и убежать некуда. Вот нужда и теснота! Поминайте час сей и минуту сию. И Господь поможет вам подготовиться к ней и с дерзновением предстать пред Господа и сказать: подвигом добрым подвизалась. Покаяние Господь нам дал как умывальницу небесную. Оно всю душу вычищает, как снег белу делает. Станем плакать и сокрушаться. Грехов много, добра нет. Что сотворим? Господи, помилуй! «Всякаго ответа недоумеюще, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим, помилуй нас!» Как сладок Господу глас сей из уст и сердца грешника! Станем в ряд грешников. Небо проходит глас их сокрушенный и Господа оттуда сводит на землю. Вопль нераскаянных на суд низводит Господа, как Содом, а вопль кающихся грешников — на милость, как Ниневия... И беда нам, когда

мысль попадет на самоправедность... Какая злая сия мысль! Как она убивает душу! Точно зловредная роса на нежный цветок или страшно холодный ветер, который все окостенева-ет. То ли дело грешнику кающемуся. Объятия Отчи отверсты ему. *Пад на выю, облобыза его.* Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. Давайте так делать. Когда вкусим сладости покаяния, иной и не похочем (11, с. 42–43).

Вот вы начинаете учиться ловить мух. Хорошо. Разумею осуждение. Только мало сказать, надо пожалеть, сокрушиться и со страхом, как на Суде, исповедать Господу греховный помысл. Так и во всяком случае. В сем непрестанное раскаяние, которое есть главное дело внимающих себе. Когда нападают недобрые помыслы, надобно отвращать от них око ума и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их. Но когда помысл пошевелит сердце и сие лукавое мало-мало усладится им, тогда надобно бранить себя и умолять Господа о помиловании и бить себя до тех пор, пока в сердце родится противоположное чувство: например, вместо осуждения — возвеличение другого или, по крайней мере, сердечное чувство почтения к нему. Самохваление и осуждение — две самые обычные у нас вещи. Лукавое сердце — само дрянь-дряню, а все трубит: «несмы, якоже прочие». И сколько оттенков этого, что перечислить нельзя. Трудитесь усерднее над укреплением себя во внимании ума и увидите, что за сокровище наше сердце. Делайте так: с утра поглубже утвердитесь в помышлении о Господе, станьте пред

Ним умом во время молитвы; и потом весь день напрягайтесь не отступать от Него, взявши в пособие сладчайшее имя Его. Делаете ли что, говорите с кем, идете, сидите, кушаете — ум все с Господом да будет. Забудетесь — и опять воротитесь ко Господу и себя побраните с сокрушением... и все так... в этом подвиг внимания.

Тогда, при свете Господа, ни один помысл не укроется и оценка им будет верная, разлетятся все благовидности. А между тем душа будет все крепче и крепче прилепляться к невидимому и становиться сильнее (11, с. 43–44).

Правило свое все же надо исправлять как следует... и если во время его припадет теплота и свяжет язык, оставить чтение... Но когда есть теплота легкая, которая поддерживается только чтением, тогда надобно все читать не останавливаясь. Также чтение подвижнических книг для укрепления себя во внимании есть необходимое условие, но только чтение книг о трезвении, внимании и молитве. Другие книги развлекают (11, с. 44–45).

Вы думаете, что напрасно трудитесь над молитвою Иисусовою, приходят такие мысли. Но не думаете ли вы, что в словах вся сила? Слова — пособия немощному уму, который неохотно стоит на одном месте и на одном предмете. А существо сего дела — умное стояние пред лицом Господа, со страхом и трепетом, непрестанное, неотходное, сопровождаемое теплотою сердца, стягивающею воедино все мысли и чувства и расположения. Когда у вас тепло на

сердце, есть благоговение, ум зрит Господа, это и есть существо дела... облеките в форму слова это состояние и будет: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! И обратно, когда нет того состояния, сия молитва будет воспроизводить его: только со вниманием, с мыслию и с сознанием надобно произносить ее. Читать без сознания какая польза? Ведь это не заговор какой. Вам приятнее молитва Богородице — читайте ее... или «Отче наш»... или другой стишок, который держит ум в порядке. И отцы так делали, не все одну молитву творили. У Иоанникия Великого было: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой...» А потом, всеми признана молитва Иисусова — по чину Марии, у ног Спасителя приседающе, в чем единое на потребу (11, с. 45).

Ну, слава Богу, что вы начали учить урок. Благослови, Господи, славы ради имени Его святого. Трудно вначале, и кажется какою-то нелепостию, вычурностию, и сколько невыгодных мыслей о сем деле! Главное — *надо стать умом в сердце пред Господом* и стоять пред Ним неотходно и день и ночь до конца жизни. Употребите небольшой труд. Длительность изучения урока и долга, и коротка, смотря по вере и усердию.

Не ослабевайте. Будет и подозрение к советуемому, и неблаговоление к самому делу молитвы: хула на нее, изнеможение, желание бросить — именно потому, что мудрено. Опасно! Не слушайте, держите свое дело. Враг паче всего всевает хулы на сию молитву. Ибо тогда огонь палит

его и отгоняет. Ему приступа нет к тому лицу, в сердце которого внедрена молитва Иисусова.

Сладчайшее имя Господа, непрестанно звучащее и глаголющееся в сердце, даже без вашего ведома будет бить его. Ибо бывает так, что душа — по небрежению и неразумию — забудется и замечается, но, опомнясь и возвратясь к себе, находит, что в сердце поется одно и то же: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!

Ваша мысль о поведении себя в прах пред Господом есть сердцевина сего делания. Будьте так непрестанно — и все тут. *На молитве надо стоять, как на Страшном Суде.* — Так! В струнку! Это и есть не допускать *вольновыжжений и покоя телу не давать.* Всякий покой телу — ущерб для души. После все сами узнаете... Только положите мерюю — теплое припадание к Богу. В сем блаженство. Все, что мешает, считайте врагом (11, с. 58–59).

Но идеже есть Господь одесную Бога седа... там умом просидеть по-требно и нам.

Сейчас невзначай развернул жизнь отца Серафима в том месте, где помещена *душеспасительная повесть*, а пред сею статью и о *молитве Иисусовой*. Как хорошо то и другое! Потрудитесь прочитать и читать. Тут весь курс, все указано. Господь да благословит труд ваш, пока вещественный, чтоб перейти к умному; навывайте же считать узелки в четках, только с приговором (11, с. 79)!

Что вам сказать о молитве? Не молиться ведь нельзя. Потрудите себя на молитве, сколько сможете.

Можно остаться с одними поклонами, без чтения молитв, и сидя в молитве пребывать можно, когда есть слабость, да и всегда от Господа не отступать умом должно. Помогите вам, Господи! Делайте, как сможете, только без труда молитвенного не позволяйте себе быть. Для чтения вам — святой Исаак Сирианин. Хорошо, что он есть у вас. Там все есть, только внимайте (11, с. 95)!

Спасайтесь! Вы уже по опыту знаете, что все, что говорила вам N.N., есть чистая ложь. И поклоны не пустое, и акафисты немало значат. Расскажу вам один случай. Покойный Феофан, настоятель Кирилловский, едуци из Петербурга, остановился ночевать. Там собирались его уколотить. Послушник заметил то и сказал старцу, и старец видел признаки, что так есть. Не смотря, однако ж, на то, благонадежно зажег он свечку и начал читать акафист Божией Матери — всегдашнее его правило. И половины не прочитал, как начали стучаться в окно какие-то проезжие — обоз будто, и кричат: «Отец архимандрит! Поедем вместе, веселее будет. Запрягай, мы подождем». Наскоро запрягли, выехали и поехали. Когда проехали за черту опасности, обоз пропал, и о. архимандрит доехал благополучно до своей обители. Так вот акафист-то не напрасно читан.

Мудрствовать станем — на всякой малости станем в тупик, а в простоте сердца принимать все правила спасительно. Все святые Божии, Богу угодившие, как много били поклонов — и числа им не было, и сколько молитв читали? Они все пребывали в

молитвенном труде и спаслися тем. Что ж N.N. разиня рот хочет принять благодать, как квакеры и молokane, кои говорят: «Церковь в ребрах, а не в бревнах»? Ведь без сего чина молитвенного и подвижнического человек, как на ветре, будет стоять или еще больше — как голый на морозе. А ходя в сем чине, он как одет в теплую и безопасную одежду. Вы все это знаете. Стало быть, нечего колебаться пустыми речами. Касательно того, что было, не могу ничего сказать; примите это как указание от Матери Божией, что путь, коим идете, верен. Подобные знамения или указания даются не святым, а тем, кои ищут спасения и имеют нужду во вразумлении.

Сами видите, что это весьма благо временно. И возблагодарите Пречистую Владычицу, столько снисшедшую к вашей немощи, чтоб рассеять ваше сомнение. Так и думайте, что вам, немощным и колеблемым, нужно было вразумление — оно и дано, а выситься тут нечем. Возблагодарим Пречистую Попечительницу нашу и восплачем, что делаем Ей труд своими колебаниями до того, что Ей нужно то и то делать для нас.

А путь начатый — не пустое, и дело ваше безуспешно. Враг заволакивает все и шумит. Стойте, мужайтесь, крепитесь!

Ваша холодность и сухость — от чего и давно ли? Терпите и с терпением нудьте себя то на молитву, то на чтение, а лучше — на плач, что ничего нет и никуда не гожи.

Тревога души вашей, думаю, от рассеяния. Соберетесь — успокойтесь (11, с. 95–97).

17. Значение трезвения

Удивляюсь и не догадаюсь, что такое с вами было. Благодарение Господу, что прошло. Будем молиться, чтоб не повторялось. Его мрачность, князь века, добирается до вас, пробует, с какой стороны можно сбить с ног. Искушений вокруг много. Подбегите под кров Матери Божией и святых Божиих! Искушений никому не избежать, но можно избежать падений! Самому нельзя, а с Богом и помощью небесною. Она готова, окружает всякого, только надо не разделять себя от ней, не отгонять ее. Отгоняется она страстными помыслами, чувствами и желаниями.

В сердце смотрит Господь, и какво оно к Нему, таков и Он к нему! Затем, неизбежный закон для всех ищущих Господа — внимать себе, или вести внутренне бодренную и трезвенную жизнь. У вас есть Добролюбие? Посмотрите там Исихия, Филофея Синаита, Феоплпта и еще Диодоха, епископа Фотики, все — о трезвении. С помощью их поймете, что такое трезвение, бдение духовное и бодренность. Есть поговорка: тишина такая, что муха пролетит — слышно... Так у трезвенного все тихо в душе; как свеча, горит возношение сердца к Богу непрерывно. Чуть что стороннее, сейчас видит и прогоняет; и опять покой... и так далее...

Вот этого надобно добиваться. Делайте так. Знакомо вам место молитвы или место сердца, тепло молящегося? Там, где бывает тепло во время молитвы, станьте вниманием и будьте там и не желайте выходить; но будьте не одни, а с мыслию о Господе, сущем и в вас; пекитесь при сем

о едином — сохранить непотухаемою сию теплоту ко Господу. Это главное!

Когда начнете сей внутренний по-двиг, тогда дело научит вас само, как сие делать, что помогает ему и что мешает. Возьмитесь за это. Только тогда, как теплота установится, начинается внутреннее очищение.

Когда отделяется чистый металл от руды? — Когда раскалится руда... Так и здесь... А до того все — не то что ничто, но и не что-нибудь дельное, прочное. Так вот вам и урок! Выучите и скажите, что будет с вами и в вас! Когда будете стоять в сердце с мыслию о Господе, тогда ум постоит-постоит и уморится и начнет влиять туда и сюда: как бы убежать. Тогда дайте ему сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа, т.е. молитву Иисусову, и пусть твердит. Но помните, что страх Божий наперед должен освежать воздух сердца и во все время освежать и очищать... Есть внутреннее благоговейное и уничтоженное к Богу припадание, обращающее человека в пыль и прах пред Господом... Сие творите... И будет у нас так: утром, с первого сознания страхом освежать все внутри... молитва затем согреет... молитва Иисусова с внутренним к Господу припаданием продлит сию теплоту... и слава Богу! Но добиваться надобно до сего. Не вдруг то; не то, что вязать иглою: посмотрел — и знаешь. Весьма помощно к сохранению теплоты утреннее чтение и из него — та мысль, которая прикует внимание и, как лучом, падет на сердце и осветит все внутри. Ее чаще потом поминать надо и вращать в уме. Можно и пра-

вилом положить: коль скоро встретится такая мысль при чтении, прекращать чтение. Врагов сему делу много, сами увидите... главнейшие — глаза, уши и движение с языком, т.е. многовидение, многослышание, многоглаголание, вольнодвижение. Как пронести стакан воды отстоявшейся, чтоб не возмутилась? — Чуть-чуть шагать надобно... Но все сами увидите, когда начнете дело. Только начните, а то вам беда будет. Собьетесь с толку. Искушение вас постигло от тщеславных мыслей и внутреннего самодовольства и самохвальства! Вот и возражение: как можно? Уж я ли не смиренна? — Подождите! Потрудитесь делать так, как прописано... И тогда что окажется, то и есть... А теперь что говорить? Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает как следует. Похвалы, как я уже писал, то же, что ногу подставить бегущему... тотчас споткнется... и нос разбит... а у иного и дух вон... Боже упаси! Ну, уморил я вас! Но это урок... Уже как хотите, а трудитесь, если хотите добра себе и любите Господа... Трудитесь. Лишь чуточку окажете успех, тотчас и леньность вся пройдет.

Развернул Исаака Сирианина и напал на главу, которую и вам прочитать и усвоить всю сполна не худо. Вся жизнь наша, и внутренняя, и внешняя, изъяснена. Это слово 47 (11, с. 39–40).

Но какие это около вас начались призраки? Меня страх берет из-за них. Потрудитесь погашать память о них. Сколько подобным образом попались в сети вражии, и из подвиж-

ников, всеми уважаемых! Беда. Долго ли запутаться? Одному нужно было что-то найти в келии, а темнотой было — явился огонек и указал вещь. С этого началось, а дошло до вознесения себя выше Господа Иисуса Христа и кончилось сумасшествием. Посмотрите в Лавсаике, сколько примеров! Затем, у отцов прописано строгое правило: не верь чудесностям — какому-либо свету и пр. Греха не будет, если из опасения не поверим истинному явлению; но беды много, если поверим ложному. Ибо тогда уже враг вцепится и потянет все кверху и кверху — и оттуда сбросит. Помолитесь, чтоб никаких около вас чудесностей не было. Для вас они не нужны. Они нужны там, где нет веры. А вам на что они? Молитесь Господу, чтоб отвел память о том. А сказывайте всегда. — Избави вас, Господи! Все внешнее в жизни духовной весьма неважно. В сердце все дело. Что касается до урока о памяти Божией, надобно потрудиться. Вы говорите: уж начинать ли? Разве это на произвол оставляется? Нет. Это дело неизбежное (11, с. 56–57).

Бог везде, и душа наша вся пред Ним насквозь. Надобно и сознанием своим стоять пред Ним. Как все Ангелы и святые зрят Его и очей своих от Него не отрывают, так и нам, в теле еще сущим, надобно зреть Его. Как солнце держит планеты и водит их за собою, так весь духовный мир, стало, и наши души должны держаться Бога и водиться Им. И это не час или два, а непрестанно, с минуты пробуждения до самого забвения во сне.

Вдруг поставить себя в это состояние нельзя. Нужен подвиг. Вот оно и требуется теперь. Возьмитесь! Бояться нечего. Для пояснения дела читайте в Добротолубии статьи о трезвении. Вниманием надо стать над сердцем. Надобно из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышление о Боге в голове, а сам Бог как бы вне — и выходит, что это работа внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся покойно и все будут мястись, как снег или толкашки комарей летние. По мере вхождения вниманием в сердце мысли начнут улегаться, а потом и совсем улягутся — и станет атмосфера души чистая-чистая. Тогда и муха пролетит — заметите, а до того все тьма-тьмущая.

Начало плода — сосредоточенная и непрестанная теплота в сердце. И все тут. Только фамилиарность с Господом надо оставить. Страх великий потребен. Как пред царем в струнку стоят великие вельможи, так пусть и душа будет пред Богом (11, с. 57–58).

Что неприличное положение тела пред лицом царя, то неисправные мысли души пред Богом; а забвение о Боге хоть на минуту — то же, что стать спиной к царю.

Вы когда-то сказали, что ревность есть в духовных подвигах. Есть, и великая! Узрите сами. Страхом пропитайте душу вашу. Он не болезнен, а освежителен. Он есть начало, но и во всю дорогу не оставляет, только все чище и чище становится. Уединение да чтение — два крыла в сем занятии. Но начинайте — и узрите сами все. Что помогает и что разоряет, откроется сейчас.

Но надо уже и строго исполнять узнанное. Совесть вступит в свои права и начнет журить. Слушайтесь. Сколько придирок будет! Исполняйте. После все уравнивается и пойдет гладко. Помогите вам, Господи! Ангел Хранитель да осенит вас! Покров Владычицы буди на вас (11, с. 58).

18. О правиле молитвенном и непрестанной молитве

«Правило молитвенное есть безопасная ограда молитвы... Молитва есть внутреннее дело, а правило молитвенное — внешнее.

Но как без тела человек — не полный человек, так и без правила молитвенного молитва не полна. То и другое надо иметь и по силе исполнять...

Что значит *непрестанно молиться*? — Быть непрестанно в молитвенном настроении. Молитвенное настроение есть мысль о Боге и чувство к Богу совместно. Мысль о Боге — мысль о Его вездесущии, что Он везде есть, все видит и все содержит. Чувство к Богу — страх Божий, любовь к Богу, ревностное желание всем угождать Ему одному с таким же желанием избегать всего Ему неугодного и, главное, предание себя в Его святую волю беспрекословно и принятие всего случаемогося как от руки Его непосредственно. Чувство к Богу может иметь место при всех наших делах, занятиях и обстоятельствах, если оно не ищется только, но уже водружено в сердце (6, с. 20–21).

19. Об охлаждениях и борьбе с ними

Охлаждения, о коих говорите, бывают или от утомления душевного,

или оттого, что душа слишком много напиталась тем, что есть душевное (смотрите в книге «*Что есть духовная жизнь*» о сем), или оттого, что слишком много дано телу покоя и всякого довольства, или от сомнения и других страстей, волновавших и занимавших душу. Все такое противно духовной жизни, в коей царица — молитва, засаривает и заграждает ключ молитвенный. Но бывает и по Божию попущению, и по отстранению благодати. Когда у вас горит душа усердием, это есть действие благодати, Божия к душе прикосновения. Бывает, что, когда долго длится, душа думать станет, какая она мастерица молиться, забывая, что живость молитвенного движения есть не ее дело, а дело благодати Божией, присущей нам. За такое думание благодать отходит и оставляет душу одну... а она сама по себе неподвижна на духовное... вот и охлаждение, и лень... Как же быть? Главное — стараться устранять причины такого состояния. И затем действовать так, как вы действуете, — исполнять правило, несмотря на разлечение, стараясь и мысли собирать, и чувства к Богу воспроизводить. За терпение и смирение благодать воротится... и тотчас разгонит разлечение, как ветер разгоняет мглу (6, с. 22–23).

20. Корень молитвы — память (смертная) Божия с теплою верою и чувством к Богу

Корень молитвы — память Божия с теплою верою и чувством к Богу. Возбуждать это в вашей власти и долг ваш есть. С самого про-

буждения старайтесь это восставить в себе в силе. — Как? Размышлением о таинствах веры и спасения. Когда спите, вас будто нет. А когда пробуждаетесь, снова начинаете быть, вступаете в область сознательного существования и в общение со всем сущим и бывающим. Все же сущее и бывающее есть Царство Божие. Первый поклон ваш — Царю царствующих, с сознанием, что все от Него, Им держится и направляется: как общее, так и до малейшего частного. Тут и вы имеете во внимании, и настоящий момент существования вашего свыше определен.

Поставьте себя на эту точку и определите, что потому требуется от вас с твердою решимостью не отступать от того. Я думаю, что если вы так поступите, то быть не может, чтобы душа ваша оставалась пустою и вляялась в неопределенных помышлениях и чувствах...

Я вам указываю всеобъемлющий рецепт. Сокращение его — в памяти Божией, памяти смертной и в страхе Божиим. Когда сии укоренятся в сердце, и молитва, и все прочее пойдет добре. Не нерадите о деле Божием (6, с. 28–29)!

21. О поддержании усердия к молитве

Одно замечу: смотрите, как бы дело молитвы не сошло на *нет*. То, как вы теперь молитесь... есть прямое дело произволения. Душа его — желание усердное. Это усердие всегда должно возгревать пред молитвою, иначе и молитвы не будет. А вы сознаетесь: молюсь иногда лениво, без охоты. Это нейдет к роду молит-

вы вашей. Потрудитесь не допускать сего. Дело в ваших руках. Иначе вот что может случиться... ныне неохота, завтра неохота... а потом и совсем молитве конец. Этому поопаситесь... и нудьте себя на охотную молитву (6, с. 47–48).

22. Коротенькая молитва — пособие к воспитанию непрестанного памятования Господа

Жалею, что вам не удастся коротенькая молитовка. Вы изберите одну более общеупотребительную: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Ее все и твердите, и навькнете... Введите ее в свое молитвенное правило — утреннее и вечернее. Повторяйте ее несколько раз пред молитвословием и после него. Повторяйте ее по 5–10 и более раз... А то 33 раза — по числу лет пребывания Господа Спасителя на земле. Но не забывайте, что не в словах сила, а в мысли и чувстве. Коротенькая молитва — пособие, а дело — непрестанное памятование Господа, или хождение в чувствах присутствия Его, с благоговением. Когда бы это всегда было в нас, то и слов не нужно бы. Но как нас сбивает многомыслие и масса впечатлений, то для отбоя их и советуется навьк творить коротенькую молитовку... Когда язык навькнет, она все будет читаться сама собой... и ворочать назад блуждающие мысли (6, с. 51–52).

23. Назначение краткой молитвы и непрестанная молитва

Что вы не умеете сладить с короткою молитовкою — ничего. Придет

со временем. Частые ваши обращения к Богу во время дня при всяком деле и после дела, — очень хорошее дело. Это часть общего правила — *ходить пред Богом*. То же назначение имеют и коротенькие молитвы... В них священным словом выражается то, что вы выражаете своим. Другое же высшее назначение короткой молитовки есть *углубление мысли и чувства к Богу* (6, с. 55).

«Долго молиться не умею». А как же апостол заповедал: *непрестанно молитесь**?! Память о Боге со страхом Божиим, любовь к Богу с упованием и преданность в волю Богу составляют внутреннюю религиозную жизнь... У кого она в движении... тот всегда с Богом... И ему не скучно молиться долго-долго. У вас есть зародыш сего в том, как вы при всяком случае обращаетесь к Богу за помощью и потом благодарите. Развивайте сие... шире и шире (6, с. 56).

24. Краткие молитвы — подкладка угольков в самовар

Коротенькие молитовки в механическое дело обращаются не от свойства их, а от ослабления внимания к ним и содержанию. Если будете хранить внимание и проговаривать сии молитовки с мыслию и чувством, они не обратятся в механическое дело, а будут как подкладка угольков в самовар. Навыкните приносить молитовки свт. Златоуста. Они станут тогда как струны на гуслях. Тогда перейдете к одной: Госпо-

ди, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя (6, с. 69–70).

25. Необходимость правила

Молитовки краткие именно те, кои вы указали. Они все обнимают, только подумать о них надо, а потом... на одном все остановится. Чин молитвы... все же надо иметь, потому что на нас положиться нельзя... Хорошо-хорошо — а потом все разлетится, и душа остается пустою. Так делает Господь, чтобы душа не зазналась и помнила, что она ничто. Теперь вы в блаженном настроении. Это, может быть, долго протянется. Ибо одна память о сем будет снова развешивать душу (6, с. 73).

26. Чувство негодности и употребление кратких молитв

Потрудитесь породить и утвердить в себе мысль о своей *никуда не годности* и грешности, кои гнев Божий воздвигают против вас.

И когда приступаете к молитве, не иначе являетесь пред лице Божие, как такую грешною, *никуда не гожею* и подгневною... Коль скоро воспримете в чувство такое свое состояние, не можете удержаться от вопияния: о, Господи, спаси же, о, Господи, благопоспеши! Отчего плохо идет молитва? Оттого, что не чувствуется нужда в Боге... И сами-де управимся со всеми делами и нуждами?! Молитесь о том, чтобы Бог дал вам такие чувства (6, с. 81).

Предлагаю вам коротенькую молитву творить не одну, а набрать их несколько и потом употреблять утро и вечер — и на дню иной раз. На пер-

* 1 Фес. 5, 17.

вом месте поставьте: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную... Затем: 24 молитовки свт. Златоуста... (в молитвах на сон); далее: *Помилуй мя, Боже до Воздаждь ми радость спасения...* — и пр. Наконец, обратите в молитовки возглашения просительной ектении: День сей (или вечер, или ночь)... свят, мирен и безгрешен даруй, Господи... Ангела мирна... Прощение и оставление грехов даруй, Господи... и пр... 6 молитв. Если будет охота, выбирайте из псалмов молитвенные и покаянные воззвания (6, с. 82).

27. Степень значения чувства к Богу

Исключительный отдавать чувствую вес — не право, но и то не право, на чем вы остановились — на твердости намерения держаться единого на потребу. И то, и другое надо с прибавкою еще третьего — яснозрения дела спасения. Сии три, когда бывают в соразмерной силе, порождают и поддерживают быстрое течение путем спасения. И нельзя сказать, какое из сих действий значительнее. Чувство к Богу влечет, ревность течет, а ясноведение дела дорого указывает (6, с. 92).

Молитвы — вопль к Богу из сердца; как тут обойтись без чувства? И у Премудрого Бог глашает: сыне, даждь ми сердце. Доброе настроение сердца отзывается тихим радостнотворным чувством, подобным чувству здравия. Когда я применял к вам слова: *помяни, откуда ниспала еси...* разумел не падение в грех —

избави, Господи, — а прежнее мирное настроение сравнительно с описанным вами — бурным и неукротимым (6, с. 93).

28. Духовное устроение при молитве Иисусовой

Как приятно было прочитать, что пустота душевная потянула вас к молитве и вы обратились к самой хорошей — к молитве Иисусовой, и начали творить ее с таким успехом. Благослови, Господи, преуспеть вам в ней, и притом так, чтобы уже ничто не могло отвлечь вас от нее (6, с. 102).

Спрашиваете, что нужно. Как вы творите ее, так хорошо. Припомните и так делайте. Одно напомню, что вниманием надо сойти в сердце и стать там пред лицом Господа, вездесущего — и в вас, и всевидящего — и в вас... Вот как вы помышляли — горé — к Престолу Бога, а долу — к себе, грешной (6, с. 102–103).

29. Журчащий ручеек и надежный сторож

Вспомнили вы молитовку краткую... Добре сказал вам иерей Божий, что не надобно забывать сие. Трудитесь не прерывать ее — и она так утвердится, что сама будет повторяться, и будет у вас *ручеек журчать*, как выражался старец Парфений Киево-Печерский. А из древних некто сказал: как когда воры, подошедши к дому, чтобы прокрасться в него для кражи, услышат, что там внутри говорит кто-нибудь, не решаются пролезть в него, так, когда

враги наши подкрадываются к душе, чтобы обокрасть ее, и слышат, что там журчит маленькая молитовка, то ходят около, а в середку боятся идти (6, с. 105–106).

30. Латинские взгляды на молитву

Латиняне умную молитву не по нашему понимают. Она у них — богомыслие, заключаемое молитвою... А это хотя очень плодотворное упражнение, но не есть молитва... Молитва — особое упражнение от богомыслия (6, с. 115).

31. Молитва и труд — два течения в одной реке

Из-за хлопот за Дунею вы правило не полно исполняете. Об этом не следует беспокоиться. Хлопоты эти заменят правило, ибо то и другое — одного рода труд, одному Хозяину работа, Ему угодная. Когда молитва внутри цела и держится при самых делах, то молитвы и труд — два течения в одной реке, в одном русле и в одну сторону. Можно также сказать, что тут деяние и разум идут вместе (6, с. 145–146).

32. Замена служб молитвою Иисусовой

Все наши 7 дневных служб переложите на молитву Иисусову с поклонами. Образчик для сего возьмите в Следованной Псалтири, в конце очертания правил на каждый день — келейных... Там за каждую службу определено число молитв Иисусовых и число поклонов; их там два ряда... один для ленивых, другой — для усердных. Вам бы следовало взять последний... Но как вы немощны, то

можно избрать средний или больше немного среднего... и извольте себе написать... сколько молитв — 1) за полунощницу; 2) за утреню; 3) за первый час... и другие часы — 3, 6, 9; 4) за обедницу; 5) за вечерню; 6) за повечерие; 7) за правило на него. Главное — *число* молитв... поклоны... можно оставить на произвол — поясные и земные... Делать молитву... стоя... на коленях и сидя, если уморитесь (6, с. 169–170).

33. Молитва всегда служит выражением нашего отношения к Богу

В своем ли чине молитва? Молитва всегда служит выражением отношения нашего к Богу. Когда молитва хороша — тепла, усердна, внимательна, тогда и отношение наше к Богу хорошо. Тогда и все хорошо. Потрудитесь подтянуть молитву, если она слаба стала (6, с. 177–178).

34. Средства к оживлению чувства к Богу

Если можете быть неотходно с Господом, то другого чего и искать нечего. В этом все дело, да живот наш весь сокровенен будет со Христом в Боге. Имея теперь внешний покой, избавляетесь от целой половины препятствий к тому. Другая половина — внутри.

И эта тотчас сама собою устраняется, коль скоро на сердце падет какое-либо чувство к Господу; и если такое чувство не отходит, то все внутри, мешающее быть с Господом, отступает само собою. Если б кто спросил, как всегда быть с Господом, можно смело отвечать: имей чувство к Гос-

поду — и будешь с Господом. Я, кажется, вам об этом писал. А как чувство иметь? — Думается, одно воспоминание о Господе уже приводит в движение чувство к Нему. Если к сему приложить помышление о том, что Он есть и что сделал и делает для нас, то не знаю, чье сердце останется нетронутым. Потому очень праведно святые отцы почитают богомыслие, или созерцание свойств и действий Господа, ключом молитвы... и молитвы непрестанной.

Потому что от сего чувство к Богу оживает... и с Господом соединяет (6, с. 178–179).

35. Появление влечения внутрь — проявление настоящего молитвенного духа, которое должно стать постоянным, и тогда довершится раскрытие Царствия Божия

[Сперанский:] «Царство Божие, в нас заключающееся (иными словами, внутреннее слово, или созерцательная молитва, или чистая любовь), обнаруживается лишь тогда, когда все размышления, все рассуждения о предметах небесных становятся сухими, скучными, безвкусными и когда, однако ж, в глубине души ощущаешь более или менее сильное влечение к занятию Божественным. Тогда следует оставить молитву умную (размышления, рефлексии, рассуждения о Боге) и постоянно привыкать к тому, чтобы находиться в общении с Богом, помимо всяких образов, всякого размышления, всякого ощутительного движения мысли. Тогда кажется, что все молчит; не думаешь ни о чем; ум и память меркнут и не представляют

ничего определенного; одна воля кротко держится за представление о Боге — представление, которое кажется неопределенным, потому что оно безусловно и не опирается ни на чем в особенности».

Но о раскрытии Царствия Божия внутрь у Сперанского речь в следующем отделении, это же о чем? О проявляющихся по временам в душе, самоусиленно и самотрудно ищущей Бога, невольных, глубоких и неудержимых влечениях к Богу. Понятнее будет, если скажем: о том, что бывает с душою, и как нам надобно держать себя, когда крепко захочется помолиться или когда потянет на молитву. Это испытывают все в большей или меньшей степени и на переходе от самотрудного искания к живому богообщению, и по достижении его. Состояние это похоже на то, в каком бывает человек, когда о чем-либо задумывается. Задумавшийся уходит внутрь себя и сосредотачивается в своей душе, не обращая внимания на свою внешнюю обстановку, на лица, вещи и события. То же и здесь: только там — дело ума, а здесь — дело сердца. Находит влечение к Богу, душа собирается в себя и становится пред лице Бога и или изливает пред Ним свои надежды и болезни сердечные, как Анна, мать Самуилова, или славословит Его, как Пресвятая Дева Мария, или стоит пред Ним в изумлении, как часто стоял святой апостол Павел. Тут все свои действия, мысли, намерения прекращаются, и все внешнее отходит от внимания. Душе самой не хочется заниматься ничем посторонним. Бывает это и в церкви, и дома

на молитвенном правиле или при чтении и размышлении; может быть даже во время каких-либо внешних занятий и среди общества. Но во всех случаях оно не зависит от произвола. Однажды испытавший это влечение может помнить о нем, желать повторения его, напрягаться к нему; но сам своим усилием не привлечет его: оно находит. Произволу остается одно: когда найдет, не позволяй себе расстраивать его, а попейсь, сколько сил есть, дать ему простор побольше побыть в тебе. Можно назвать это проявлениями настоящего молитвенного духа или ощущениями приближения Божия, которые в руках благодати, руководящей ревнителя о спасении, суть воспитательные приемы. В них предуказывается, чего надобно искать и домогаться; и вместе свидетельствуется, что труды искания, доселе подъятые, не пропадают даром, и тем возгревается ревность к неутомимейшему исканию. Душе говорится этим: «Видишь, что есть из-за чего трудиться, трудись же!» И как это случается обычно после крутых актов самоотвержения, выражающихся в особых произвольных лишениях, или в делах благотворения, или занятиях благочестия, сопровождаемых внутри актами положения себя в руки Божии, или предания себя Божью попечению и Божью водительству, то и внушается собирать побольше таких актов, и дело искания быстрее придет к концу. Конец же искания тот, чтоб это временное состояние сделалось постоянным, не в том, конечно, виде, но в том же су-

ществе дела. Когда это придет, тогда в душе совершится раскрытие Царствия Божия (10, с. 31–34).

36. Молитва: а) молитвословная; б) умно-сердечная (деятельная и самодвижущаяся). Самодвижущаяся современна влечениям внутрь, и когда они становятся постоянными, и молитва становится непрестанной и переходит в созерцание

Созерцательная молитва и числительная любовь рано помянуты. Те влечения внутрь пред Бога суть преддверие созерцательной молитвы, но не самая созерцательная молитва. Молитва имеет разные степени. Сначала она есть только молитвословная молитва; но вместе с нею должна идти, ею разогреваться и поддерживаться молитва ума и сердца. Умно-сердечная молитва получает затем самостоятельность и является то деятельною, напрягаемою своими усилиями, то самодвижною, находящею. В последнем виде она есть то же, что показанные влечения: бывает современна им и из них развивается. Когда потом состояние, в котором бывает душа во время тех влечений, станет постоянным, тогда умно-сердечная молитва становится непрестанно действующею. При этом прежние временные влечения перерождаются в состояния созерцания, при которых и из которых тогда раскрывается и созерцательная молитва (10, с. 43–44).

37. Отличие созерцания от влечения внутрь. Созерцание — пленение ума духовным предметом, так что

внешнее забывается (старец во время созерцания на Голгофе)

Созерцание есть пленение ума и всего созерцания каким-либо духовным предметом столь сильное, что все внешнее забывается, выходит из сознания: ум и сознание уходят в предмет созерцаемый, так что их уже будто нет в нас. Вот пример: беседовал старец с учениками и остановился, стал как бы забывшись. Когда потом он пришел в себя, ученики спросили его: где он был? «Я был, — сказал он, — на Голгофе, пред распятым Господом, там, где была у ног Его Мария Магдалина». Но это созерцание было только умовое. Созерцательная молитва подходит на это, по забвению всего и пленению в невидимый мир. Еще пример: старец приготовил себе трапезу в обычный час и стал помолиться; но восхищен был в созерцательную молитву и простоял в ней до следующего дня, когда пришел в себя. Отличительною чертою созерцательной молитвы св. Исаак Сирианин поставляет именно выпадение из сознания всего окружающего и пленение в горний мир. По свидетельству его, ум до сего времени владеет собою, а когда вступит в созерцание или в созерцательную молитву, тогда уже никакой власти над собою не имеет. Этим они отличаются от показанных влечений внутрь, о которых идет речь и в которых человек хоть не обращает внимания на все окружающее, но не совсем забывает его; оно не уходит из его сознания; и хотя подлежит действию внешнему, но владеет собою и сколько может

помочь продлению того состояния, столько же может и расстроить его (10, с. 44–45).

38. Умная молитва и богомыслие: их различие

Умная молитва состоит в том, чтобы умом в сердце предстоять пред Богом: или просто, или с изъявлением прошений, благодарения и славословия. Тут не время заниматься рассуждениями: всему свой черед. Когда приходит то влечение внутрь, тогда умная молитва является в силе и в настоящем своем виде, а до этой минуты она есть только искомая; здесь же имеется делом. Потому размышления, рефлексии и рассуждения, равно как и все другие самодействия, действительно надобно оставлять и подавлять, если бы они зарождались во время проявления влечения внутрь, но не умную молитву. Ее не только не должно оставлять, а всячески поддерживая, чтобы то состояние, доброе и многополезное, продлилось как можно долее. А потом, когда и пройдет то состояние, всячески напрягаться умом, не отступать от Бога, удерживая память о Нем даже и при обычных занятиях; иначе сказать: стараться ходить в присутствии Божиим. У Сперанского об этом... говорится так: «Постоянно привыкать к тому, чтобы находиться в общении с Богом, помимо всяких образов, всякого размышления, всякого ощутительного движения мысли». Вот это настоящие выражения. В этом именно и состоит существо умной молитвы, или умом в сердце предстояния пред Богом (10, с. 47–49).

Умная молитва бывает в двух состояниях: она есть или *трудовая*, когда человек сам напрягается на нее, или *самодвижная*, когда она сама собою стоит и действует. Последнее бывает во время помянутого влечения, а первое должно составлять постоянный наш труд. Хоть он сам по себе не бывает успешен, ибо мысли все расхищаются, но, свидетельствуя о нашем желании и усилии иметь постоянную молитву, привлекает милость Господню — и Бог за этот труд подает по временам то влечение внутрь, при котором умная молитва является в настоящем своем виде. И только в эту пору ей принадлежит то, о чем далее пишет Сперанский: «Тогда кажется, что все в душе молчит; не думаешь ни о чем; ум и память меркнут и не представляют ничего определенного: одна воля крепко держится за представление о Боге». Эти слова точны, а что следует далее, то неточно: «Представление, которое кажется неопределенным, потому что оно безусловно и что оно не опирается ни на что в особенности». В умном предстоянии Богу, трудовом и самодвижном, надобно быть в том убеждении, что Бог вездесущий есть и в нас, зрит нас и внимает нам. Это убеждение, утвердившись, дает возможность устранить образность при умном предстоянии Богу. Но это убеждение надобно набить себе, всячески очищая его от образов, на которые так падка мысль наша, чем бы она ни была занята (10, с. 49–50).

Вот что должно быть! Слова «представление о Боге» сюда не идут, потому что представление без

образа не бывает; вместо него надобно поставить: предстояние Богу в убеждении, что Он невидимо присутствует нам и внимает нам. «Представление, — говорит Сперанский, — о Боге кажется неопределенным». — Нет, не так: когда мы приобретем ясные понятия о Боге чрез познание Его Божественных свойств и действий, открытых нам, тогда мысль о Боге никогда не может быть неопределенною, тогда Бог созерцается нами всегда под каким-либо определенно известным нам свойством Его. И это признак истинного отношения к Богу и отличие от мечтательного к Нему устремления. В этой фразе есть маленькая частичка туманной мистики, страждущей неопределительностью (10, с. 50–51).

39. Молитва есть движение воздуха духовного в сердце и первое дело в нравственно-религиозной жизни

Когда возгнетут огонь, нужно движение воздуха, чтоб раздуть его; точно так же, когда возгнетется огонь благодати в сердце, нужна молитва, которая есть своего рода движение воздуха духовного в сердце. Что такое эта молитва? Непрестанное обращение ума к Господу в сердце или непрестанное предстояние Господу умом в сердце, с воззваниями к Нему или без воззваний, с одними чувствами преданности и сокрушенным припадением к Нему в сердце. В этом действии или, скорее, настроении — главное средство к поддержанию внутренней теплоты и всего внутреннего порядка, к прогнанию худых и пустых мыслей, к утверждению мыслей и начинаний добрых.

Приходят мысли и начинания добрые — он углубляется в молитву, и, смотря по тому — укрепляются ли они в молитве или исчезают, он узнает, угодны ли они или неуютны Богу. Приходят мысли худые или начинается что-либо тревожить душу — он опять углубляется в молитву, не обращая внимания на происходящее в нем, — и все исчезает. Таким образом, умная молитва ставится в нем главным двигателем и правителем духовной жизни. Не дивно потому, что все наставления в писаниях отеческих преимущественно направлены к тому, чтоб научить умно молиться Господу как следует.

Молитва есть первое дело в нравственно-религиозной жизни. Корень этой жизни составляет сознательно-свободное отношение к Богу, которое заправляет потом всем. Поприще, где раскрывается и является в действии это отношение, есть *молитва*, как *взаимнообщение* есть поприще, где раскрываются наши нравственные отношения к себе подобным, и *подвижничество* — поприще, где раскрывается нравственное отношение к самим себе. Каково наше отношение к Богу, таково и молитва; и какова молитва, таково и отношение наше к Богу. А так как отношения эти неодинаковы, то неодинаков и образ молитвы (10, с. 122–124).

40. Всякому чину людей, или всякой степени приближения к Богу, — своя молитва и свои для нее правила

Иначе относится к Богу нерадящий о спасении, иначе тот, кто отстал от греха и ревнует о добродете-

ли, но еще не вошел внутрь себя и работает Господу внешне; иначе, наконец, тот, кто вошел внутрь и носит в себе Господа и предстоит Ему.

Первый как о жизни нерадит, так нерадит и о молитве и совершает ее в церкви, дома по заведенному только обычаю, без внимания и чувства.

Второй много читает молитв и часто ходит в церковь, стараясь вместе с тем и внимание соблюдать, и чувства иметь соответственно читаемым молитвам, хоть это ему очень редко удается.

Третий, сосредоточась весь внутрь, умно предстоит Господу и неразвлеченно молится Ему в сердце, без долгих молитвословий, хоть и при долгих стояниях на молитве, дома и в церкви.

Отнимите у второго молитвословие — вы отнимете у него всякую молитву; навяжите третьему молитвословие — вы погасите в нем молитву ветром многословия. Всякому чину людей, или всякой степени приближения к Богу, — своя молитва и свои для нее правила.

Как дорого при этом опытное указание и как много может повредить самочинное распоряжение!

Как только обратится кто от греха к добродетели, тотчас начнет ревновать о приближении к Богу. И обращение его произвел страх Божий, и обращен он затем, чтоб исправною жизнью угодить Богу, присвоиться Ему и Его себе присвоить. Труды в этом духе суть шаги его на пути приближения к Богу. Поприще, на котором раскрывается это восхождение к Богу, как уже сказано, есть молитва. На нее и налегает сразу покающийся

и положивший не поблажать более дурным привычкам, а прилежаться добрым нравам (10, с. 124–126)!

41. О молитве по молитвенникам и своеличной молитве — молитве Иисусовой

Нельзя такому сказать с первого раза: «Молись сам». Он этого не сможет, как не сможет, например, говорить по-французски не учившийся тому. И молитве надо учиться, надо приобрести навык к молитвенным оборотам мыслей и движениям чувств по чужим молитвам, как учатся иностранным языкам по печатным разговорам. Для этого у нас есть молитвенники для домашнего употребления и совершаются чины молитвенные в церковном богослужении.

Через посредство их и надо сначала навикать к молитве. Закон здесь такой: внимай молитвам, и читаемым, и поемым, и напрягайся чувствовать так, как выражено в тех молитвах. Надобно, однако ж, с благоразумием делать выбор молитвам. Относительно церковных молитвословий выбор неуместен: тут все для всех, и ты хорошо сделаешь, если сколько можно чаще станешь бывать в церкви, а каждый день и на всех богослужениях — еще лучше. Для молитвы же домашней выбор и уместен, и многозначаш. Тут правило: не выбирай много молитвословий, акафистов и канонов; возьми небольшое правило, лучше всего удовольствуйся известными утренними и вечерними молитвами; только просмотри их хорошенько на свободе, обдумай и прочувствуй и потом совершай их,

неспешно, с полным вниманием, воспроизводя благоговейные мысли и чувства, в них выраженные, кладя при этом и в начале, и в промежутках, и в конце побольше поклонов и земных, и поясных.

По мере того как станешь навикать молиться как следует по чужим молитвам, начнут у тебя возбуждаться и свои молитвенные к Богу обращения и воззвания. Никогда не пропускай без внимания этих проявляющихся в душе твоей восхождений к Богу, но всякий раз, как они возбудятся, остановись и молись своею молитвою.

Не думай, что, молясь так, делаешь ущерб молитве, — нет, тут-то ты и молишься как следует, и эта молитва доходнее до Бога. Потому-то есть и правило, всеми преподаваемое: в церкви ли, дома ли душа твоя сама захочет помолиться своим, а не чужим словом — дай ей свободу, пусть молится, хоть всю службу сама промолится, а дома от правила молитвенного отстанет и не успеет совершить его (10, с. 126–128).

Тот и другой образ молитвы — по молитвенникам, со вниманием и ответственными благоговейными мыслями и чувствами или без них, своим словом, приятны Богу. Ему неприятно только, когда кто читает молитвы дома или в церкви, стоит на службе без внимания: язык читает или ухо слушает, а мысли бродят не зная где. Тут совсем нет и молитвы. Но молитва не читательная, а своеличная ближе к существу дела и многоплоднее. Посему советуется не всегда ждать, пока захочется самому помолиться, но заставлять себя

принудительно так молиться, и не только во время церковной службы и домашнего молитвословия, но и во всякое время (10, с. 128).

Для навыка в этом самопринудительном молитвенном труде опытные молитвенники избрали одну молитву к Господу Спасителю и установили правила, как ее совершать, чтобы с помощью ее развить в себе своеобразную молитву. Об этом говорили мы прежде. Дело это просто; стань умом в сердце пред Господом и молись Ему: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Так дома пред молитвословием, в промежутках молитвословия и в конце, так и в церкви, так и весь день, чтоб все моменты дня наполнить молитвою (10, с. 128–129).

Эта спасительная молитва сначала обыкновенно бывает трудовая, делательная. Но если не поленился кто потрудиться над нею, она станет и самодвижною, сама будет твориться, словно ручеек, журчащий в сердце*.

Это благо великое, и потрудиться стоит, чтоб достигнуть его. Трудники, преуспевшие в молитве, указывают для этого небольшой труд или немноготрудное упражнение молитвенное, именно — прежде или после молитвенного правила, утреннего или вечернего, а то и днем, определи несколько времени на совершение этой одной молитвы и совершай ее

так: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься вниманием в сердце пред Господом, воздвигнув убеждение, что Он тут и внимает тебе, и зывай к Нему: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — и клади поклоны, если есть охота, поясные и земные. Так делай четверть часа, полчаса, больше или меньше, как тебе удобнее.

Чем усерднее потрудишься, тем скорее молитва эта привьется к сердцу. Лучше взяться за дело поревностнее и не отступать, пока не достигнешь желаемого или пока молитва эта не начнет сама двигаться в сердце; после того только поддерживай. Та теплота сердечная или горение духа о коих прежде было говорено, приходят именно этим путем. Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце и тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается и горение ее становится непрерывным, вместе с тем как молитва Иисусова займет все сердце и станет движущеюся. Оттого получившие зарождение совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, определяя ею свое молитвенное правило*. Успех в сем деле зависит от веры, с какою берутся за это упражнение, от меры усердия в продолжении и правильности совершения его (10, с. 129–131).

* Слова старца Парфения, киевского схимника. Пишущий сам слышал их вместе с Д.И. Макаровым, ныне архимандритом Лаврентием (10, с. 129, сноска 1).

* Указание, как делать это, есть в Следованной Псалтири, там, где означает, какие молитвы совершать каждый день готовящимся ко Святому Причащению (10, с. 131, сноска 1).

42. Появление сердечной молитвы современно появлению сердечной теплоты

Молитва умная переходит в молитву сердечную или умно-сердечную. Появление ее современно зарождению сердечной теплоты. Другой молитвы уже нет в обычном течении духовной жизни. Умно-сердечная молитва может глубоко внедриться в сердце и быть в этом случае без слов и мыслей, состоя в одном предстоянии Богу и благоговейно-любовном к Нему припадании. Тут она то же, что влечение внутрь пред Бога на молитву или нахождение духа молитвенного. Но все это еще не созерцательная молитва, которая есть высшее состояние молитвенное, по временам являющееся в избранных Божиих (10, с. 132, сноска 2).

43. Молитва Иисусова не талисман, сила ее от веры в Господа и глубоко с Ним сочетания сердца и ума

Молитва Иисусова не талисман какой. Сила ее от веры в Господа и глубокого с Ним сочетания сердца и ума. При таких расположениях призываемое имя Господа оказывается многодейственным. Одно повторение слов ничего не значит (10, с. 133, сноска 3).

44. Степени молитвы обуславливаются природными дарованиями

Читательная молитва по молитвеннику, коль скоро она совершается с соответственными мыслями и чувствами, есть настоящая молитва, способная привлекать и все дары, обетованные молитве. Иные целый век молятся только по молитвенни-

кам в простоте сердца, и Бог не лишает их Своих милостей. И степени молитвы обуславливаются природными дарованиями.

Высшие степени молитвы требуют сильного ума (10, с. 134, сноска 2).

45. О видениях во время молитвы — истинных и ложных

Сперанский говорит о случайных уклонениях в деле внутренней духовной жизни, которые испытывал его друг. Сперанский предостерегает его и убеждает пресечь эти неправости, пока они не окрепли, — убеждает и общим рассуждением о власти нашей над проявлениями духа, и наставлениями старцев о способах возгревания жизни в духе, и собственным опытом.

Речь идет о видениях в теле, бывающих во время углубления в умно-сердечную молитву у тех, кои не следуют при этом установленным правилам благоразумия.

О видениях кратко: «Вспомните, что Тереза и другие святые молили об избавлении от видений. Как бы ни были они отрешены от земного, как бы ни были духовны, к ним всегда примешиваются некоторые формы».

У редкого из святых подвижников, писавших о духовной жизни, вы не встретите предостережений насчет этих видений или привидений. Не все их испытывают. У иных не бывает их никогда; другие имеют к ним особое предрасположение. Но не природа виновата, а неправость действий самих подвергающихся им лиц.

В естественном порядке, или строе, наших сил на переходе от вне внутри стоит воображение.

Надо благополучно миновать его, чтоб благополучно попасть на настоящее место внутри. По неосторожности можно застрять на нем и, оставаясь там, быть уверенными, что вошли внутрь, тогда как это только внешнее преддверие, *двор языков*. Да это бы еще ничего; но этому состоянию всегда почти сопутствует самопрельщение, а из него развивается визионерство с его пагубными последствиями.

Очерчу вам это состояние со слов Симеона Нового Богослова в его статьях о трех образах молитвы*.

Известно, что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя в должное отношение к Богу. Совершается это и обнаруживается в молитве. Она есть путь восхождения к Богу, и ее степени суть степени приближения нашего духа к Богу. Самый простой закон для молитвы — ничего не воображать, а, собравшись умом в сердце, стать в убеждение, что Бог близ, видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благоснисхождении к нам. Между тем иные вот что делают во время молитвы: «Предстоя на молитве, возводят на небо очи и ум и воображают в уме своем Божественные советы, небесные блага, чины святых Ангелов и обители святых — словом, все, что говорится в Писании об этих предметах особенно

образно, вызывают их из памяти и перебирают воображением во время молитвы, стараясь разительностью сих представлений и воображений потрясти свое чувство, в чем иногда и успевают: разблажают свое сердце к желанию Божественного, умиляются и плачут». Представлять предметы Божественные под теми образами, как они представляются в Писании, ничего нет худого и опасного: мы и рассуждать о них иначе не можем, как облекая понятия в образы, — но не должно никогда думать, что и на деле так есть, как эти образы являются, и тем более останавливаться на этих образах во время молитвы. Во время благочестивых размышлений или при богомыслии это уместно, но во время молитвы — нет. Образы держат внимание вовне, как бы они священны ни были, а во время молитвы вниманию надо быть внутри, в сердце: сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной молитвы. И поелику молитва есть путь восхождения к Богу, то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути. Значит, употребляющие означенный воображательный образ держания себя во время молитвы на первых же порах сами себе устраивают препоны к делу, за которое взялись с такою ревностью.

Но в этой неправости начала есть только начало беды, которое наводит на нечто худшее и опаснейшее. Так как это парение или летание ума в небесных областях легко и, по связи сердца с воображением, тотчас оставляет след влияния своего в разблужении чувств, то занимающийся так

* Добротолюбие. Ч. 1, с. 62 (10, с. 142, сноска 1).

тотчас начинает мечтать об успешности своего дела и своем совершенстве. «У такого, — говорит св. Симеон, — мало-помалу кичится сердце, ибо он воображает, что совершаемое им и происходящее в нем бывает от Божественной благодати к утешению его. Почему он и молит Бога, чтоб дал ему и всегда быть в таком состоянии; а оно не есть доброе состояние, а прелесть».

Таким образом, у него путь к преспеянию пресекается в самом начале, ибо искомое считается достигнутым, тогда как достижение его еще не начато. Посему-то такой человек «никогда не может прийти в разум и достигнуть добродетели или бесстрастия».

Далее — самомнение еще более разгорячает воображение, и оно быстро рисует новые картины, вставляя в свои мечтания личность мечтающего и представляя ее всегда в привлекательном виде, в близости к Богу, Ангелам и святым. Чем более он так мечтает, тем более укореняется в нем убеждение, что он, точно, уже друг Неба и небожителей, достойный осязательного с ними сближения и особых откровений. На этой степени начинается визионерство — и как естественная болезнь душевная, и, более того, как дело врага, который не дремлет*.

«Таким образом многие прельстились, видя свет и сияние очами те-

лесными, обоняя благоухание обонянием своим, слыша гласы ушами своими и т.п. Иные из них повреждались в уме и переходили с места на место, как помешанные. Иные, приняв беса, являвшегося им в образе светлого ангела, до того утверждались в прелести, что до конца оставались неисправимыми и не принимали совета ни от одного брата; иные, по внушению бесовскому, сами себя убивали, низвергались в стремнины, удавливались. И кто может исчислить все прельщения, в какие ввергал таковых враг!

Если не всякий из держащихся такого образа молитвы терпит вред, то это только из тех, которые живут в обителях с другими братьями. Но все же они проводят жизнь без всякого успеха».

Вот на какое уклонение от прямого пути в труде молитвенном указывает Сперанский, когда предостерегает друга своего от увлечения видениями! Видения бывают и истинные. Опытные умеют их различать от порождений своего воображения и привидений бесовских, но как на деле людей неопытных более, чем опытных, и к тому же враг слишком хитер, то поставлено вообще законом не принимать никаких видений и не доверяться им.

«Внимай себе тщательно, рачитель Божиего дела, — пишет другой наставник в духовной жизни*, — и разумно совершай дело свое. Если увидишь свет или огонь вне себя

* Мистики почти все были в этом состоянии. Стоит прочесть несколько страниц из их писаний, чтоб удостовериться в этом. В нем была и Тереза (10, с. 145–146, сноска 1).

* Григорий Синаит. Добротолубие. Ч. 1, с. 129 — на обороте (10, с. 147, сноска 1).

или внутри или образ какой — Христа, например, или ангела, или иного кого, — не принимай того, чтоб не потерпеть вреда. И уму своему не попускай строить в тебе такие образы: это внешнее дело и ведет к прелести. И если заметишь, что будто тянет кто ум твой к таким внешним воображениям, — не поддавайся, держась внутрь и совершая дело внимания к Богу без всяких образов (10, с. 140–147).

Другое предостережение Сперанского другу своему касается каких-то необыкновенных изменений в теле во время молитвы. Эти изменения или движения бывают разнообразны и не столько опасны, сколько причудливы. Иной, например, сильно вздыхает, или вскрикивает, или делает жесты, руки и глаза поднимает быстро к небу, или падает ниц стремительно, или искривляет черты лица и т.п. Эти движения и в домашней молитве не хороши, а тем более когда стоит кто в церкви. Они могут начинаться и не нарочно, от движения внутренних чувств, но потом мало-помалу можно к ним привыкнуть и производить их уже и без внутренних чувств, иногда для того, не поможет ли это возобновиться внутренним чувствам, а иногда с тем, чтобы показать, что у нас эти чувства не прекращаются. Не прекрати такой привычки — может образоваться фиглярство, да и без того дело это нестройно (10, с. 147–148).

Но могут быть в теле раздражения более внутренние, и именно во время умного делания или внимания себе в сердце. Во время навыка умной в сердце молитвы ко Господу,

вместе с собиранием внимания в сердце, советуют стеснять несколько дыхание и сводить к груди напряжение мышц, считая это не существенною необходимостью, а приспособлением тела к умному деланию. И само по себе, по связи души с телом, умное напряжение должно воздействовать на сердце, а тем более при сказанном приспособлении. Оно показывается вскоре в крови, а от крови переходит на нервы. Раздражение, происходящее при этом, приятно, и неопытными, каковы почти все начинающие, может быть и бывает почитаемо следствием, необходимо следующим за действием благодати в сердце. Этого мнения довольно, чтоб не только не отклонять, но и усугублять сказанное раздражение. Тут ничего пока нет худого и опасного, кроме того неправого мнения, что это есть действие благодати. Но что далее выходит? У крепотелых все тем и ограничивается, и последующие опыты вразумляют их, что это дело просто и естественно и высшего происхождения ему приписывать нет оснований. Но есть слаботелые, нервные, у которых упомянутое раздражение входит глубже в нервы и начинает отражаться в мускулах; происходят легкие движения, тоже приятные, которые, усиливаясь, переходят в заметные трясения. Если не остановить этого на первых порах, трясение начнет сопровождать каждое углубление умной молитвы в сердце, а окрепши и углубившись, начнет в некоторых личностях переходить в конвульсии, падения вроде обмороков с пеною изо рта и скрежетанием зубов.

И вот трясущиеся и конвульсивные молеельщики!

На Западе были и есть целые общества таких молеельщиков. Молитва при этом идет своим чередом или может идти и быть очень углубленной, а трясения, конвульсии и даже падения — тоже своим чередом*. Где доходят до этого по неведению и простоте, там, может быть, это неукоризненно-нравственно, если только не держаться того мнения, будто тут проявляется особое действие благодати. Но иные склонны к причудливостям, увлекаются только подражанием и приучают себя к самотрясениям и без молитвенных углублений; это жертвы глупости человеческой и пустого желания занимать собою праздных зрителей. Полагаю, впрочем, что у нас все такого рода явления, и извинительные, крайне редки, и упоминать бы об них не следовало при речах об умной молитве, дабы не охладить усердия к этой молитве, возбудив опасения. Пришлось к слову, и сообщается только к сведению (10, с. 148–151).

Такие-то или подобные сим изменения в теле начали, должно быть, показываться у друга Сперанского во время молитвы. Он и пишет к нему, убеждая пресечь это в самом начале, чтоб оно не обратилось в навязчивый недобрый. Сперанский сначала внушает ему, что это совершенно в

его власти. «Никогда не следует, — пишет он, — позволять себе погружаться слишком глубоко в созерцание*, когда находишься при людях, даже в церкви. В особенности не следует допускать, чтобы внутреннее чувство распространялось на тело и оказывало на него воздействие**.

Чрез это приобретаешь дурные духовные привычки, последствия которых часто опасны. И не думайте говорить мне, что от этого нельзя воздержаться или что это значило бы противиться действию Духа Святого».

Во-первых, от этого можно всегда воздержаться, ибо всегда можно спуститься с высоты созерцания, постепенно переводя внимание на молитву умную или сосредоточивая оную на смысле молитв Церкви***. Это уклонение нисколько не препят-

* Не то слово. Просто в молитву умносердечную, и притом не самодвижную, а трудовую, своими усилиями делаемую (10, с. 151, сноска 1).

** У наших опытных старцев только одно означает предостережение, именно: когда при делании умной молитвы начнет подходить теплота блажная, снизу, от почек, тогда ее надобно отбивать; когда же теплота зарождается, ниспадая сверху и трезвенная, такой не трогать — пусть ее (10, с. 152, сноска 1).

*** У Сперанского созерцание то же, что умная молитва; умною же молитвою он называет богомыслие или рассуждение о духовных предметах. Не то, что с высоты созерцания спускаться, а ослабить несколько самодельное напряжение души и тела и стоять в молитве умной в сердце с простотою дитяти, стоящего пред своим отцом (10, с. 152, сноска 2).

* Я объясняю таким образом необыкновенные состояния тела у Василиска — человека строгой жизни и великого молитвенника. О том, что с ним бывало во время молитвы, ходит по рукам рукопись (10, с. 150, сноска 1).

ствуует действию Духа Святого и нисколько Его не ограничивает: изменяет лишь направление этого действия (10, с. 151–152).

Предпослав это общее положение, Сперанский доказывает его правилами, какие св. Павел дал Коринфской Церкви относительно употребления благодатных даров, именно дара языков. Этот случай точно доказывает, что человек может и должен править своими внутренними движениями, даже благодатными, и цель Сперанского достигнута. Но его взгляд на событие в Коринфской Церкви и на слова апостола Павла неверен. Его нельзя не оговорить.

«Учение св. Павла, — пишет Сперанский, — на этот счет положительно. Прочтите со вниманием 14-ю главу Первого Послания к Коринфянам. Тут речь идет об известной форме действия Святого Духа, которой верующие этой церкви добивались предпочтительно пред всеми другими; состояла она в том, чтобы говорить чужими языками (это некоторого рода исступление или экстаз, действительно обнаруживающийся употреблением языков, неизвестных тем самим, которые на них говорят). И что же? Он воспрещает этот дар, хоть и сам причисляет его к истинным дарам Духа Святого, и возбраняет его единственно по неудобству пользоваться им в церкви, в которой он может произвести смятение. Он советует им приберечь этот дар для их одиноких упражнений, а в церкви пользоваться лишь даром пророчества. Более того, он даже воспрещает им пророчествовать иначе, как

соблюдая порядок очереди, и предупреждает все возражения, которые вы могли бы мне сделать, изрекая великое слово, что самые духи пророчества подчинены пророкам».

Вы видите, что этою речью сильно доказывается, что человек может править собою даже в то время, когда состоит под действием благодати. Но вместе не трудно заметить, что тут допущены положения, с которыми нельзя согласиться.

Во-первых, неверно, будто говорившие на чужих языках находились в это время в умоисступлении или экстазе и говорили, сами не понимая своей речи. В умоисступлении теряется сознание и своего «я», и всего окружающего, а при обнаружении дара языков этого не было. Говорившие на них сознавали, кому говорят и о чем говорят. Ошибка состояла в том, что увлекались движением сего дара и говорили, зная, что те, кому говорят, не понимают их. Когда пишет св. Павел правила для говорящих языками, значит, он считает их способными править собою во время движения сего дара, в умоисступлении же или экстазе править собою нельзя. К тому же во всей этой главе дар языков ставится наряду с даром пророчества; пророчество же в том виде, как оно проявлялось в первенствующей Церкви, не ставило пророчествующих в умоисступление, стало быть, не делал этого и дар языков. И то неверно, будто языки оставались неизвестными тем, которые на них говорили; иначе они не понимали бы, что говорят. Ибо св. Павел пишет, что говорящий на незнакомом языке себя

назидает (См. 1 Кор. 14, 4) — как же он назидал бы себя, если б не понимал языка? Неверно, наконец, и то, будто апостол запрещает дар по неудобству употребления его в церкви и советует приберечь его для одиноких упражнений, пользуясь в церкви только даром пророчества. Св. Павел заповедует совсем противное. *Ревнуйте*, — говорит он, — *о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками* (1 Кор. 14, 39); только бы то, что говорилось, изъясняемо было на понятном языке (См. 1 Кор. 14, 27, 28).

Видно, что св. Павел не всякое вообще употребление сего дара считал неудобным в церкви, а только употребление его без истолкования. Что касается до того, чтобы приберегать этот дар для одиноких упражнений, о том и помину нет (10, с. 152–156).

Второе убеждение для друга своего — пресекать непорядочные изменения в теле — берет Сперанский из примера святых старцев-подвижников. Он пишет: «Вслед за этим великим авторитетом идут все примеры, вся практика святых созерцательных. Неизменное их учение об этом предмете состоит в том, что при людях никогда не следует позволять, чтобы внутреннее чувство разливалось наружу... Не только по сущности, но и по форме полезно, достойно истинного смирения следовать доброй практике и здравому преданию истинных наших отцов духовных».

И это убедительно. При собраниях в церкви было законом ничем не особиться от других: как все стоят и держат себя, так стой и держи себя и ты. Арсений Великий однажды вздох-

нул в церкви, не заметив, что перед ним близко стоит другой. Он поклонился ему и сказал: «Прости, брат; я еще не начинал быть монахом» (10, с. 156–157).

46. Примеры из Добротолюбия: как подвижники возбуждали дух молитвенный

Как возгревали в себе дух молитвенный и утверждались в молитве подвижники, отцы и учителя наши?

Главное, чего они искали, состояло в том, дабы сердце горело к единому Господу беспрестанно. Бог требует сердца, потому что в нем исходище жизни. Где сердце, там сознание, внимание и ум, там вся душа. Когда сердце в Боге, тогда и вся душа в Боге, и предстоит человек в непрестанном поклонении Ему духом и истиною.

Это главное иным доставалось скоро и легко. Милость Божия! Как глубоко потрясал их страх Божий, как скоро оживала совесть во всей своей силе, как стремительно возжигалась ревность держать себя пред Господом чисто и непорочно, как скоро труд богоугождения раздувал этот огонек и превращал его в пламень! Это серафимские души, пламенные, быстродвижные, многодеятельные (10, с. 157–158).

Но у других все идет вяло. Строй ли их естественный такой, или другие о них намерения Божии, только сердце их не скоро согревается. Казалось бы, они уж навыкли всем делам благочестия и жизнь у них идет праведно, а нет — на сердце все не то, чему бы следовало быть. Так бывает не только с мирянами, но и с живущи-

ми в обителях, и даже с отшельниками. Бог вразумил, и труженики трезвения установили особый способ привития к сердцу неисходной молитвы ко Господу, согревающей сердце. Мы об этом поминали не раз. Опыт оправдал этот прием успехом, и он стал почти повсюден, и все, которые проходят его как следует, успевают (10, с. 158–159).

Делаю теперь выписки из Добролюбия. На первом месте поставлю опыт согревания сердца, описанный Симеоном Новым Богословом в Слове его о вере*.

Был в Константинополе юноша лет двадцати, благообразный телом, но еще более душою и сердцем. Познакомился он с некоторым мужем святым, иноком одной из константинопольских обителей, и, открыв ему все тайны сердца своего, сказал, что усердно хочет спастись и великое имеет желание оставить мир и сделаться иноком. Честный старец одобрил это намерение, преподал ему нужные наставления и дал прочитать книгу слов св. Марка подвижника**. Юноша принял эту книгу, как из рук Божиих, в полной уверенности, что получит от нее великую себе пользу, и, пришедши домой, тотчас принялся читать ее с благоговейным вниманием, прочитал всю трижды и четырежды и после все еще не выпускал ее из рук. Он напитался из нее духовною пищею и все

еще хотел питаться. Однако ж из всего, содержащегося в книге той, он избрал себе в руководство три только главы, которые и положил исполнять со всем вниманием, неопустительно.

Первая: если желаешь исцеления душе твоей, всяким хранением храни совесть свою чистою, чтоб она ни в чем не обличала тебя, и, какие бы дела ни внушала она тебе делать, делай их не тяготясь — и получишь пользу.

Вторая: ищущий и чающий получить действие Святого Духа прежде исполнения заповедей Божиих подобен купленному рабу, который просит у господина своего себе свободы в тот самый час, как тот еще только расплачивается за него.

Третья: кто молится только устами и не стяжал еще разума духовного и не умеет молиться умно, тот подобен слепому, который вопиял: *Сыне Давидов, помилуй мя!* Кто же стяжал разум духовный и молится умно, тот подобен тому же слепцу, но уже исцеленному от слепоты, когда он, получив просвещение очей своих, увидел Господа и уже не именовал Его Сыном Давидовым, а исповедал Сыном Божиим и поклонился Ему как подобало.

Эти три главы по душе были юноше тому, и он принял извещение в сердце своем, что несомненно получит великую пользу, если будет внимать своей совести, что насладится дарами Духа Святого и получит силу от Него, если будет хранить заповеди, и что по дару Духа Святого сподобится того, что отверзнутся очи его и он узрит Господа. Упование увидеть неизреченную красоту Господню

* Добролюбие. Ч. 1, с. 76 (10, с. 159, сноска 1).

** В Добролюбии есть их несколько, все же Слова изданы в русском переводе особою книжкою (10, с. 160, сноска 1).

уязвило сердце его любовью к ней, и он возымел великое желание узреть ее. И однако ж он ничего особенного не делал, а только всякий вечер, отходя ко сну, не прежде возлегал на одр, как совершив молитву и поклоны, как заповедал ему старец тот. Так прошло несколько времени (10, с. 159–162).

В один вечер, когда исполнял он старцево молитвенное правило, совесть сказала ему: «Сотвори и еще другую такую же молитву и другие поклоны, говоря: “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!” — многократно, сколько сможешь». Он охотно внял совести и усердно исполнил, что она внушила ему, веруя, что Сам Бог говорил ему чрез совесть. С того времени он уже никогда не возлегал на одр свой прежде, чем не исполнит всего, о чем говорила ему совесть, что он может то исполнить. Это одно и мог он делать, ибо на нем лежало управление дома одного вельможи, и днем он не имел свободного для молитвы времени; только вечером всегда уже молился он столько, сколько заставляла его совесть.

Мало-помалу начало согреваться сердце юноши и очи источать слезы умиления, творил он частые коленопреклонения, воссылал молитвы и к Богоматери, с воздыханиями и болезнию сердечною. Помышляя, что предстоит пред Господом, он мысленно припадал к пречистым ногам Его и со слезами умиления умолял Его умилосердиться над ним, как над слепым, и даровать свет умным очам его. День ото дня росла и светлела молитва его и, углубляясь, длилась иногда до полуночи. Неподвиж-

но стоял он тогда, как столп какой, и очей своих не обращал туда и сюда, чтоб видеть что-нибудь, а стоял с великим страхом и трепетом, не дремля, не тяготясь, не унывая (10, с. 162–163).

В один вечер, когда молился он по обычаю и в уме своем говорил мысленно: «Боже! милостив буди мне, грешному!» — внезапно осенил его умный свет Божественный. Будучи пленен таким видением, юноша забыл себя и не понимал, на земле ли он или на воздухе; весь мир исчез пред ним, и сам он весь изменился, быв проникнут тем Божественным действием и исполнен слез и радости неизреченной, которая не отходила от него и тогда, когда он пришел в себя. Всю эту ночь не спал он; сон и на ум не приходил ему от сладости духовной, наполнявшей сердце его. После этого сладость умиления уже не отходила от сердца его и отгоняла от него всякий мирской и плотской помысл; он стал ко всем вещам бесчувствен до того, что сон и пища не приходили ему на ум, и он проводил в посте и бдениях многие дни.

Дивно и достохвально, что двадцатилетний юноша, озабоченный делами житейскими и мирскими и кроме их ни о чем высшем не помышлявший, а только малое нечто слышавший от старца и те три слова усвоивший из душеспасительной книги, малым тем подвигом, который нес с искреннею верою и упованием, в короткое время достиг такого совершенства духовного, что пленен был в видение умное, сподобился Божественного просвещения и вкусил

сладости духовной, облегчившей ему весь последующий путь жизни! Так-то, ни юность не вредит, когда она исполнена страха и вожделения Божественного, и жизнь среди мира в самом шумном городе не помешает нам творить заповеди Божии и преуспеть в жизни духовной, если только имеем усердие (10, с. 163–165).

Выразить нельзя, сколько назидания источает опыт сей! А вот и другой, бывший с иноком, но удобо-подражаемый для всех. Григорий Синаит спросил авву Максима Кавсокаливита (это на Афоне): держит ли он умную молитву? Тот отвечал: «Не скрою от тебя, честный отче, милости, явленной мне Богоматерию. От юности имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и молился Ей со слезами, да даст мне благодать умной сей молитвы. Однажды, пришедши в храм по обычаю, с большим усердием и с обильнейшими слезами помолился я Ей об этом и, когда потом приступил со страхом приложиться к иконе, изображавшей Божественный лик Ее, вдруг ощутил теплоту, впадшую в перси мои и в сердце, которая не пала, но услаждала и орошала, и к умилению подвигала душу мою. С этой минуты ум мой начал непрестанно поучаться в молитве и сердце услаждаться памятию Господа моего Иисуса и Богоматери; и никогда уж эта молитва не оскудевала в сердце моем. Я желал тогда безмолвия и уходил в пустынные места, чтоб сподобляться явленнейшего и богатейшего плода молитвы — восхищения ума ко Господу». Блаженный Григорий спросил: «А что бы-

вает с душою, когда приходит это восхищение?» Старец отвечал: «Когда благодать Святого Духа придет в молитве и пленит ум, тогда перестает молитва*, потому что ум бывает тогда обладаем пришествием Святого Духа и не может простирать сил своих, но бывает празден и покоряется только Духу Святому, Который, как изволит, изводит его или в невещественный воздух Божественный**, или в другое иступительное зрение***, или Божественную беседу. Утешитель Дух Святой каждому по достоинству подает утешение, как и в какой мере хочет; Он не показывает ему что-либо обычное, но тайно научает тому, чего он прежде не видал и не воображал никогда»****.

Этот опыт указывает, кажется, на самый надежный способ стяжания теплой молитвы — самую молитву. Он говорит: молись о молитве — и Дающий молитву молящемуся даст и тебе молитву просимую. Я хотел бы привести здесь, как выраженное этим фактом с силою изъяснено нравоучительным словом в беседах Макария Великого, но опасаясь наскучить. Скажу только общую об этом мысль сего отца, которую не раз повторял он своим ученикам: «Нудь себя на молитву, и Господь,

* Делательная, нашими усилиями творимая (10, с. 166, сноска 1).

** В созерцание Божества (10, с. 166, сноска 2).

*** Пленение в созерцание Божественных свойств и действий Промышления и Искупления (10, с. 166, сноска 3).

**** Добротолюбие. Ч. 1, с. 130 (10, с. 167, сноска 1).

видя усердие, с каким домогаешься видя молитвы, даст тебе молитву».

Но не могу удержаться, чтоб не привести здесь пример молитвенника, который представляет св. Исаак Сирианин в 10-м слове своем. «В один день, — пишет он, — пришел я в келию к одному брату и, по болезни своей, прилег у него, чтоб он походил за мною ради Бога, так как знакомых у меня там никого не было. И видел я, как этот брат совершал свою молитву. Довольно времени он стихословил (читал Псалтирь нараспев) и вдруг оставлял правило, падал на лицо свое и до ста или более раз, с горячностью, какую возжигала в сердце его благодать, ударял головою в землю. После сего он вставал, лобызал крест Владычный и снова повергался на лицо свое. И такой обычай соблюдал он всю жизнь, так что невозможно исчислить множества его коленопреклонений. Раз двадцать со страхом и горячностью, с любовью, растворенною благоговением, лобызал он крест и опять начинал стихословие; а иной раз от великого возгорения помыслов, распалывших его горячностью своею, когда не в силах был вынести разжжение того пламени, препобеждаемый радостью, вскрикивал, будучи не в силах удержаться. Поутру же, после первого часа, когда садился он за чтение, то делался подобен человеку плененному и в продолжение каждой читаемой им главы не раз падал на лицо свое и на многих стихах воздевал руки свои к небу и славословил Бога».

Из приведенных опытов можно вывести весьма верное заключение,

что у кого есть усердие молиться, того нечего учить, как усовершенствоваться в молитве.

Самый труд молитвенный, с терпением продолжаемый, доведет его и до высших степеней молитвы (10, с. 165–169).

Но что делать немощным, вялым и особенно тем, которые прежде чем дошли до разума, какова должна быть молитва, успели затвердеть во внешней формальности и охладели в навыковении порядкам уставного молитвословия? — Им остается еще прибежище — художественное делание умной молитвы, молитвы ко Господу. И не для них ли преимущественно и изобретено это художественное делание, или, иначе, искусственное привитие к сердцу умной молитвы Иисусовой?

Как бы то ни было, я изображу это искусство во всей его подробности, не оставляя ничего из касающегося до того в поучениях святых отцов-подвижников (10, с. 169).

47. О трех образах молитвы святого Симеона Нового Богослова

«Художество» Симеон Новый Богослов описывает в своем Слове о трех образах молитвы.

Первый образ молитвы, неправый, указан уже мною — это мечтательная молитва.

Второй, тоже неправый, или неполный, приведу здесь как переход к третьему, который есть настоящий образ молитвы. Поясню немного, откуда такая градация.

Первый неправый способ молитвы зависит от того, что иные действуют в ней преимущественно воображени-

ем и фантазией. Эти силы составляют первую инстанцию в движении от вне внутрь, которую следовало бы миновать, а вместо того останавливаются на ней.

Вторую инстанцию на пути внутрь представляет рассудок, разум, ум, вообще рассуждающая и мыслящая сила. Следует и ее миновать и вместе с нею сойти в сердце.

Когда же останавливаются на ней, то происходит второй неправый образ молитвы, отличительная черта которого та, что *ум, оставаясь в голове, сам собою все в душе хочет уладить и всем управить*, но из трудов его ничего не выходит. Он за всем гоняется, но ничего одолеть не может и только терпит поражения. Это состояние бедного ума очень полно изображено у Нового Богослова.

«Второй образ внимания и молитвы, — говорит он, — состоит в том, когда кто собирает ум свой в себе, отвлекая его от всего чувственного, и хранит чувства свои (особенно зрение и слух, уединяясь сколько можно и устраняясь от случаев к раздражению их), и собирает помыслы свои, чтоб они не скитались по суетным вещам мира сего (а они все свое: возвратишь — а они убегут; опять возвратишь — опять убегут, и так без конца), и иногда истязует помыслы свои (обсуждает критически, по началам христианской нравственности), иногда внимает словесам молитвы (во время, свободное от молитвословия, гоняется за помыслами, а на правиле внимает словам молитвы; но и это безуспешно), которую читает», — (а между тем как происходит это брожение в голове, сердце

идет своим чередом; его никто не блюдет, и на него набегают заботы и страстные движения; тогда и ум себя забывает и убегает к предметам забот и страстей, и разве уж когда-то когда опомнится), — «собирает снова к себе все помыслы, плененные от диавола и превращенные в суетливые и грешные. Но в иной раз с великим трудом и самопринуждением приходит в самого себя: это тогда, когда бывает он пленен и увлечен какою-либо страстию. Имея такой подвиг и такую брань в себе, никогда не может он быть мирен, и хоть минуты не имеет свободной от труда, но венца правды не получает.

Такой подобен человеку, ведущему брань со врагами своими во тьме ночной: он слышит голоса врагов и раны от них принимает, а их самих не видит и не знает, кто они, откуда пришли, как и чего ради борют его. В этом жалком положении держит его тьма, качествующая в уме его, и буря, волнующая помыслы его. И не может он никогда ни освободиться от врагов своих мысленных, ни воспрепятствовать им, чтоб не поражали его; и что еще дивнее, остается уверенным, что он как должно внимает себе, — то есть, что состоит в чине настоящих трезвенников. — Оттого окрадается тщеславием и нередко в гордости охуждает других и презирает; себя же, по самомнению, считает достойным быть пастырем овец и путеводствовать их, уподобляясь на деле слепцу, покушающемуся водить иных слепцов.

Вот второй образ молитвы, его прилично назвать *умно-головным*, в противоположность третьему,

умно-сердечному или сердечно-умному. — Всякому, ищущему спасения, надобно его понять и различить, чтоб не остановиться на нем по неведению и не потерпеть вреда, который он причиняет. Впрочем, этот второй образ лучше первого, как ночь лунная лучше ночи безлунной и мрачной (10, с. 170–173).

Приложу к этому несколько слов... старца Василия-схимонаха — спостника и друга Паисия Нямецкого.

«Как можно одним ограждением внешних чувств хранить ум нерасхищенным, когда помыслы его сами собою растекаются и парят на вещи чувственные? Если не можно, то нужна настоят уму в час молитвы бежать внутрь до сердца и стоять там глухим и немым для всех помыслов. Кто внешне только удаляется от зрения, слышания и глаголения, тот мало получает пользы.

Затвори ум свой во внутренней клети сердца — и тогда насладишься покоем от злых помыслов и вкусишь радости духовной, приносимой умною молитвою и вниманием сердечным».

Св. Исихий говорит: «Не может ум наш победить мечтание бесовское сам собою токмо, и да не надеется когда-либо сего. Посему блюдись, да не вознесешься по примеру древнего Израиля — и предан будешь и ты мысленным врагам. Тот, будучи избавлен Богом всяческих от египтян, помощником себе вздумал возыметь идола перстного. Под идолом перстным разумей немощный наш разум, который, пока молит Иисуса Христа против лукавых духов, удобно их от-

гоняет; а когда на себя бессмысленно понадеется, падает падением дивным и разбивается» (10, с. 173–175).

Теперь опять продолжает Симеон Новый Богослов: «Третий образ внимания и молитвы есть вещь во истину преславная и неудобоизъяснимая, даже невероятная, пока кто не испытает ее делом. И в наши времена не у весьма многих найдешь ты его. Тут нет того, чтобы ум свой занимать воображениями небесных вещей или, держа ум в голове только, гоняться безуспешно за помыслами, оставляя сердце быть пораженным, когда и как придется. Что ж это такое?

Приготовлением к этому образу молитвы служит совершенное послушание духовному отцу своему, сопровождаемое беспопечением и хранением совести своей чистою пред Богом, пред своим духовным отцом, пред всеми людьми и в отношении ко всем вещам. Пред Богом хранить совесть свою чистою значит не делать ничего, о чем знаешь, что оно неприятно и неудобно Богу; хранить совесть свою чистою пред духовным отцом значит ничего — ни больше, ни меньше — не делать против заповеданного им; к иным людям хранить совесть свою чистою значит не делать им ничего, чего не хочешь, чтоб они делали тебе; к вещам хранить чистою совесть значит беречься злоупотребления, но все употреблять надлежащим образом: пищу, питье, одежду и пр. Коротко: все должен ты делать как пред лицом Бога, чтобы совесть отнюдь ни в чем не обличала тебя, что ты нехорошо сделал то или это (10, с. 175–176).

Устраиваясь так, приступай к прохождению третьего образа внимания и молитвы, который состоит в следующем: ум во время молитвы да пребывает неисходно внутрь сердца и оттуда, то есть из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу, — в этом существе дела. — Когда вкусит он потом из среды сердца, яко благ Господь, и усладится тем, тогда не станет уже более исходить из места сердечного, говоря, как некогда апостол Петр: *добро есть нам zde бытии**; но будет всегда зреть внутрь сердца и там пребывать, вымышляя образ некий (ухищряясь) прогонять все помыслы, всеваемые туда врагом.

Тем, которые не изведали еще этого спасительного делания, кажется оно весьма трудным и стеснительным; те же, которые вкусили сладость его и наслаждаются ею во глубине сердца своего, взывают с апостолом Павлом: *кто ны разлучит от любви Божия?**** (Рим. 8, 35).

«Святые отцы наши, слыша слово Господа, что от сердца исходят помышления злые: убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татбы, лжесвидетельства, хулы — и сквернят человека, слыша также заповедь Его очищать *внутреннее стекляницы, да будет и внешнее чисто*, оставили всякое иное дело и всю ревность свою, весь подвиг свой обратили на хранение сердца, наверно зная, что этим деланием удобно стяжать и всякую другую добродетель; а без него не успеют ни в одной. Это делание не-

которые из отцов назвали безмолвием сердечным, иные — вниманием, иные — трезвением, иные — хранением ума. Они все упражнялись в нем и оставили насчет его подробные наставления. Кто хочет знать о том, пусть читает слова Марка Подвижника, Иоанна Лествичника, преподобного Исихия, Филофея Синайского, аввы Исаии, Варсонофия и других (10, с. 176–178).

Вот как надобно проходить эти делания! Но не забудь о стяжании наперед приготовительных распоряжений, о которых я поминал тебе. Их три: *первое* — беспопечение о всякой вещи, благословной и неблагословной; *второе* — совесть чистая во всем, так, чтоб она ни в чем тебя не обличала; и *третье* — беспристрастие совершенное, чтоб сердце твое не было привязано ни к чему мирскому.

Эти приготовительные расположения утвердив наперед в сердце, приступай к тому деланию, как я тебе укажу (10, с. 178).

Затворив двери келии, сядь в безмолвном месте, в углу, прилепи к персям браду твою, стесни несколько и дыхание твое; затем, отвлекши ум от всякой привременной и суетной вещи, низведи его в сердце, туда же обращая и чувственные очи, и, внимая ему, держи там ум свой: где сердце твое, там совершенно да будет и ум твой. Сначала там встретишь ты тьму и жесткость; но потом, если будешь продолжать дело такого внимания день и ночь, обретешь непрестанное веселие. Ум, подвизаясь в этом, найдет место сердечное и тогда скоро увидит там то, чего

* хорошо нам здесь быть (Мф. 17, 4).

** Кто отлучит нас от любви Божией.

никогда не видал и не ведал, — увидит себя светлым, исполненным благоразумия и рассуждения, и оттоле впредь, откуда бы ни возник и ни явился какой помысл, прежде чем войдет он в сердце и изобразится в нем, будет он отгонять его оттуда и истреблять именем Иисусовым, говоря: “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!” Прочее же, что обычно бывает при этом, узнаешь после, с помощью Божиею, сам, своим опытом, посредством внимания ума твоего, держа в сердце Иисуса, то есть означенную молитву: “Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!”

При этом не забывай следующее мудрое наставление св. Лествичника. Он изображает путь восхождения нашего к Богу под видом лестницы о четырех ступенях. Одни, говорит он, укрощают страсти; другие поют, то есть молятся устами своими; третьи упражняются в умной молитве; четвертые, наконец, восходят в видения. Хотящие восходить по сим четырем ступеням не могут начинать сверху, а должны начать снизу — и, ступив на первую ступень, с ней уже восходят на другую, потом на третью и после всего — уже на четвертую. Этим путем всякий может взойти на Небо. Сначала надобно подвизаться в укрощении и умалении страстей; потом упражняться в псалмопении, то есть навикнуть молиться устно; далее молиться умно и, наконец, получить возможность восходить в видения.

Первое есть дело новоначальных, второе — возрастающих в преуспевании, третье — достигших до конца

преуспевания, а четвертое — совершенных».

Я извлек теперь все из Симеона Нового Богослова о художественном прохождении умной молитвы. Вы видите, что телесные при этом положения и приемы не составляют главного дела, они не больше, как приспособления (10, с. 175–180).

48. Учение о молитве преподобного Григория Синаита

Следовало бы нам, — пишет св. Григорий Синаит, — принявшим духа жизни о Христе Иисусе, числою в сердце молитвою херувимски беседовать с Господом; но мы, не разумея величия, чести и славы благодати возрождения и не заботясь о том, чтобы возрасти духовно чрез исполнение заповедей, востечь до состояния умного созерцания, предаемся нерадению, чрез что впадаем в страстные навьики и, таким образом, низвергаемся в бездну нечувствия и мрака. Бывает и то, что мы даже мало помним, есть ли Бог; а каковы мы должны быть как чада Божии по благодати, о том нередко и совсем не знаем. Веруем, но верою недействительною и по обновлении духом в Крещении не перестаем жить плотски. Если иногда, покаявшись, и начинаем исполнять заповеди, то исполняем их только внешне, а не духовно и до того отвыкаем от духовной жизни, что проявления ее в других кажутся нам неправостями и заблуждениями.

Так до самой смерти пребываем мы мертвыми духом, живя и действуя не о Христе и не соответствуя то-

му определению, что рожденное от Духа должно быть духовно (10, с. 181–182).

Между тем принятое нами о Христе Иисусе во святом Крещении не истребляется, а только зарывается, как некое сокровище, в землю. И благоразумие, и благодарность требуют позаботиться о том, чтобы открыть его и привести в явность. К этому ведут следующие способы: *во-первых*, дар этот открывается многотрудным исполнением заповедей, так что поколику исполняем заповеди, потоплику дар сей обнаруживает свою светлость и свой блеск; *во-вторых*, приходит он в явление и раскрывается непрестанным призыванием Господа Иисуса, или, что то же, непрестанною памятию о Боге. И первое средство могущественно, но второе могущественнее, так что и первое от него получает полную свою силу. Посему, если искренно хотим раскрыть сокрытое в нас семя благодатное, то поспешим скорее навыкнуть сему последнему сердечному упражнению и иметь всегда в сердце это одно дело молитвы, безвидно и невоображенно, пока оно согреет сердце наше и распалит его до неизреченной любви ко Господу (10, с. 182–183).

Действие этой молитвы в сердце бывает двояким образом: иногда ум предваряет, прилепляясь к Господу в сердце непрестанною памятию; иногда действие молитвы, само подвигшись предварительно огнем веселия, привлекает ум в сердце и привязывает его к призыванию Господа Иисуса и благоговейному Ему

предстоянию, — первая молитва есть трудовая, вторая самодвижная. В первом случае действие молитвы начинается открываться по умалении страстей исполнением заповедей, теплотою сердечною, вследствие усиленного призывания Господа Иисуса; во втором — Дух привлекает ум к сердцу и водружает его там в глубине, удерживая от обычного скитания. И тогда он не бывает уже как пленник, отводимый из Иерусалима к ассириянам, а, напротив, совершает переселение из Вавилона в Сион, взывая с пророком: *Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе, и Тебе воздастся молитва во Иерусалиме*. От этих двух видов молитвы и ум бывает то деятельным, то созерцательным; деянием он, с помощью Божию, побеждает страсти, а созерцанием Бога зрит, сколько это доступно человеку (10, с. 183–184).

Деятельная умно-сердечная молитва совершается так: сядь на седалище в одну пядь, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его в нем; потом, болезненно преклонившись и боля персями, раменами и выею (от напряжения мышц), взывай умно-сердечно: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» Удерживай при этом и дыхание, не дерзостно дыши, потому что это может развевать мысли. Если увидишь, что возникают помыслы, не внимай им, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые. Держа дыхание сколько тебе возможно, заключаю ум в сердце и призывая Господа Иисуса часто и терпеливо, ты скоро сокрушишь и истребишь

их, поражая невидимо Божественным именем. Св. Лествичник говорит: “Иисусовым именем бей ратников; крепче этого орудия нет другого ни на небе, ни на земле”.

Когда в таком труде изнеможет ум, возболзнуют тело и сердце от напряженного водружения частого призывания Господа Иисуса, так что это делание перестанет согревать и возвеселять, чем поддерживается усердие и терпение подвижников в этом труде, — тогда встань и пой, один или с учеником твоим, или упражняйся в размышлении о каком-либо месте Писания или в памяти о смерти или займись чтением или рукоделием, или другим чем, чтоб потрудить тело свое.

Это писано для безмолвника. Другим следует сказать применительно к сему так: тогда встань и берись за обычные дела свои со страхом Божиим и вниманием к себе, не пропускай, однако ж, обычных при этом духовных упражнений — чтением и размышлением (10, с. 185–186).

«Когда возьмешься за это дело, тогда тебе прилично читать только такие книги, в которых излагается учение о внутренней жизни, о трезвении и молитве, именно: Лествицу, слова Исаака Сирианина, аскетические писания Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Исихия, Филофея Синайского и другие подобные писания. Писания иного рода все оставь до времени, не ради того, чтоб они были нехороши, а ради того, что тебе неблагоприятно ими заниматься при настоящем твоём настроении и стремлении: они могут отводить ум твой от молитвы. Чи-

тай немного, но с углублением и усвоением. Этим ум, укрепясь, исполняется силою трезвенно и бодренно молиться. Многочтение (и тем паче чтение посторонних книг) расслабляет и омрачает ум и делает его бессильным и рассеянным в молитве.

Что касается до дел твоих, то внемли себе и поминутно назиравай за намерениями и целями твоими, точно определяя, куда они клонятся, — Бога ли ради и самого добра и душевного спасения делаешь ты все, что делаешь, чтоб не быть тебе окрадену без ведома и не оказаться по виду только богоугодником, в душе же — человекоугодником. Враг покушается окрасть всякое дело, чтоб оно было не по Богу совершаемо. Но пусть он неослабно ратует и бесстыдно наступает — ты держи искреннее намерение богоугождения твердым и неизменным и не будешь окраден. Хоть иногда мысль невольно и попадет к иным целям при ослаблении внимания — это извиняется и прощается ради того единого главного намерения и стремления сердца, которое зрит Всемогущий.

Надобно знать, что верный признак доброты подвига и вместе условие преуспеяния чрез него есть приболзненность. Неболзненно шествующий не получит плода. Болзнь сердечная и телесный труд приводят в явление дар Духа Святого, подаваемый всякому верующему во святом Крещении, который нашим нерадением об исполнении заповедей погребается в страстях, по неизреченной же милости Божией опять воскрешается в Покаянии. Не отступай же от трудов из-за болзненности их, чтоб

не быть тебе осуждену за бесплодие и не услышать: *возьмите от него талант*.

Всякий подвиг, телесный или душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е** (Мф. 11, 12)».

Многие много лет неболезненно трудились и трудятся, но ради безболезненности этой были и суть чужды чистоты и непричастны Духа Святого как отвергшие лютость болезней. В небрежении и расслаблении делающие трудятся будто и много, но никакого не пожинают плода по причине безболезненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши от постных трудов, и если мы не водрузим в сердце болезненных чувств сокрушения и не возболзуем, как рождающая, то не возможем родить дух спасения на земле сердца нашего.

Самые слова молитвы иногда все говорили: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!” — иногда половину: “Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!” Последнее удобнее начинающему по причине младенчества ума его. Говори их или в уме только, или и звуком голоса.

Ума никто удержать не может, если не Дух. Поползнувшись в падении, ум удалился от Бога и водится всюду, как пленник. Не может он опять установиться, если не покорится Богу и если, соединившись с Ним опять, не будет Им удержива-

ем в молитве. Когда придет действие молитвы, тогда оно удержит его у себя с веселием и не попустит ему быть пленяему в расхищение.

Когда нападают помыслы и отвлекают от молитвы, сам своим оружием не борись с ними; но, вместо всякого оружия, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо — и отбежит. Не терпя теплоты сердечной, от молитвы исходящей, они, как огнем палимые, разбегутся. Бог наш есть *огнь, поядая* злобу. Скорый на помощь, Он тотчас сотворит отмщение усердно вопиющим к Нему день и ночь.

Если недостаточно будет одного этого внутреннего взыскания, встань и, подражая Моисею, воздвигни руки и очи твои на небо — и Бог поразит врагов твоих (10, с. 186–190).

Это действие призывания Бога на помыслы изображено Иоанном Коловом в следующем сравнении: «Я, — говорит он, — подобен человеку, который сидит под большим деревом и видит, что к нему приближается множество зверей и змей. Если он не может стоять против них, влезает на дерево — и спасается. Так и я: сижу в своей келье и вижу злые помыслы, восстающие на меня; когда у меня недостает сил против них, прибегаю к Богу посредством молитвы — и спасаюсь от врага».

Не оставляй и молитвословия. В отношении к нему не все одинаково действуют: иные держат большое молитвенное правило, иные совсем оставляют молитвенник, молясь Господу одною умною молитвой. Ты же избери средину: не набирай много молитв, ибо отсюда смущение, но и вовсе не оставляй их, на случай немощи и

* Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

расслабления. Если видишь, что молитва действует в тебе и не перестает сама двигаться в сердце твоём, не оставляй ее и не берись за молитвенник.

Это значило бы, оставив Бога внутри, выйти оттуда и извне простирать к Нему беседу. Тем, которые еще не имеют действия молитвы, надо много молитвословить, и даже без меры, чтоб непрестанно быть в этом многомолитвии и разномолитвии, пока от такого приболезненного труда молитвенного разогреется сердце и начнется в нем действие молитвы.

Кто же вкусит, наконец, этой благодати, тому надобно молитвословить в меру, а больше пребывать в умной молитве, как заповедали отцы. В случае расслабления надо молитвословить или прочитывать отеческие писания. Употребление весел излишне, когда ветер надул паруса: они нужны тогда, когда падет ветер и ладья остановится.

Великое орудие имеет на врагов тот, кто в молитве держит плач сокрушенный, чтоб не впасть в самомнение от радости, подаваемой молитвою.

Хранящий эту радостно-печаль избегнет всякого вреда. Настоящая непрелестная молитва та, в которой теплота с молитвою Иисусовою влагает огонь в землю сердца нашего и попалает страсти, как терние. Она веселием и миром осеняет душу и приходит не от десныя или шуия страны, ни даже свыше, но прозябает в сердце, как источник воды от животворящего Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда немечтательным. С нею не бойся ничего, ибо Тот, Кто сказал:

*дерзайте: Аз есмь, не бойтесь**, — Сам с нами. Кто, настроившись так, живет праведно и непорочно, чужд человекоугодия и высокомерия, тот устоит и не потерпит никакого вреда, хотя бы весь бесовский полк поднялся против него и навел на него бесчисленные искушения».

Дело молитвы, как видите, преподобным Григорием разъяснено подробнее в некоторых частях. Но что касается до положения при сем тела, им ничего особенного не прибавлено (10, с. 190–192).

49. Учение о молитве Никифора-монаха

Вы, — пишет в Добротолюбии Никифор, монах, — которые желаете огонь небесный воспринять сердечно, в чувстве, и опытно познать, что есть Царствие Небесное, внутрь вас сущее, приидите, я поведаю вам науку небесного жития или, лучше, искусство, которое без труда вводит делателя своего в пристанище бесстрастия. Чрез падение мы вышли вовне — возвратимся же к себе, отвращаясь внешнего. С Богом примирение и сроднение невозможно для нас, если мы наперед не возвратимся к себе и не войдем внутрь отвне. Потому-то отторгать себя от уз суетных, мирских забот и внутрь нас сущее царствие устроить и хранить есть предивное дело. Итак, подражая отцам нашим, взыщем сокрытое внутрь сердец наших сокровище и, обретши его, будем крепко держать, делая и храня.

* ободритесь; это Я, не бойтесь (Мф. 14, 27; Мк. 6, 50)

Приведу теперь свидетельства святых отцов и учителей наших о том, что истинно христианская жизнь есть жизнь внутренняя, а не внешняя (10, с. 193–194).

Брат спросил авву Агафона: “Что вернее — телесный труд или хранение сердца?” На это старец отвечал: “Человек подобен дереву; труд телесный — листья, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию, всякое древо, не творящее доброго плода, отсекаемо бывает и в огонь вметаемо, то очевидно, что мы должны все попечение свое обратить на плод, то есть на хранение сердца. Впрочем, для нас нужно и листовое одеяние и украшение, то есть труд телесный”.

Св. Иоанн Лествичник говорит: “Заключай дверь келии от тела, дверь языка — от вещаний и внутреннюю дверь — от духов лукавых. Сидя на высоте (то есть утвердив внимание над сердцем), наблюдай, если ты искусен, и смотри, как, когда, какие и в каком числе подходят тати, чтоб войти в виноградник сердца твоего и покрасть грозди. Утрудившись, надзиратель (то есть внимающий сердцу), встав, помолится, потом опять садится и мужественно берется за то же дело (то есть за блюдение сердца)” (10, с. 193–194).

Св. Макарий Великий учит: “Главное дело подвижника состоит в том, чтобы, вошедши в сердце свое, сотворить брань с сатаною, возненавидеть его и, противоборствуя помыслам его, ратовать на него”.

Св. Исаак Сирианин пишет: “Потщись войти во внутреннюю сокровищницу твою, и узришь сокровище

небесное. Лествица в царство оное сокрыта внутри тебя, то есть в сердце твоем. Итак, омой себя от греха и соберись в сердце твое: там обретешь ты степени, по которым можешь восходить (в горняя, к совершенству в духе)”.

Вот изречения Карпафия (верно, Иоанна Карпафского): “Многий подвиг и труд потребен в молитвах, чтобы обрести несмущенное состояние мыслей — другое некое Небо сердечное, где живет Христос, как говорит апостол: *или не весте, яко Христос живет в вас, разве точию чим неискусни есте**” (2 Кор. 13, 5).

Вот слова Симеона Нового Богослова: С тех пор, как человек изгнан из рая и отлучился от Бога, диавол с бесами получил свободу день и ночь невидимо колебать мысленную силу всякого человека. Оградиться от сего уму не иначе возможно, как всегдашнюю памятью о Боге. У кого впечатлется в сердце память о Боге, тот может удержать от брожения и свою мысленную силу**.

Видите ли, что, кроме внешних подвигов, есть и внутреннее делание, состоящее во внимании ума и хранении сердца.

Объясню теперь, в чем состоит это делание и как ему навикнуть.

Это великое из великих делание все почти перенимают от других чрез научение. Очень редкие ненаученно

* Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть.

** Никифор приводит и другие многие свидетельства. Их для краткости оставляем: и этих достаточно (10, с. 196, сноска 1).

получают его прямо от Бога, теплоты ради веры их. Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Если же нет такого наставника, то, призвав Бога на помощь, в сокрушении сердца и слезах, делай, что я тебе скажу.

Известно, что дыхание, которым дышим, чрез легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь и, собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом снизойти в самое сердце и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему хотелось. Держа же его там, не оставляй его праздным, но дай ему эти священные глаголы: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!”, и пусть он повторяет их непрестанно день и ночь. Попекись навыкнуть этому внутрипробыванию и блюди, чтоб ум твой не скоро выходил оттуда, ибо вначале он очень будет унывать от заключения внутрь и тесноты. Зато, когда навыкнет, не станет уже носиться по внешним вещам: ему там будет весело и радостно пребывать. Как человек, возвращающийся с чужой стороны в свой дом, сам себя не помнит от радости, увидев опять жену и детей, так и ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизреченной радости и веселия. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, воздай благодарение Богу, прославь Его и держись этого делания всегда: оно научит тебя тому, о чем ты и не думал. Если же и, много потрудившись, ты не сможешь войти в страны сердца тем способом, который я тебе показал, то делай, что я тебе

еще скажу, и с Божиею помощью найдешь искомое.

Известно, что словесность всякого человека (внутреннее слово, слово, каким беседуем с собою) есть в персях его, ибо там, внутрь персей, когда молчат уста, говорим мы с собою и совещаемся, там молитвы творим (когда на память читаем их) и псалмопение, там ведем всякую другую беседу с собою.

Этой-то словесности, отняв от нее всякий помысл, и дай говорить непрестанно: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!” И понудь себя, вместо всякой иной речи, это одно всегда вопить внутри. Прдержись терпеливо в этом делании только несколько времени, и тебе откроется чрез это вход в сердце, без всякого сомнения, как и мы сами опытом это дознали.

Вместе с этим многожелательным и радостным вниманием придет к тебе и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир, долготерпение, кротость и пр.».

Вот и старец Никифор другим путем, но все к тому же приходит — к сосредоточению ума в сердце и непрестанному там взыванию к Господу.

Относительно того, как держать при навыкновении этому деланию тело, находим у него ту особенность, что он научает находить сердце путем дыхания. Этим он отвечает будто на вопрос неведущих, где сердце. Дыши в себя, как бы говорит он, и где остановится дыхание, там и сердце, там и стой вниманием и умом. Другая особенность та, что он советует тем, которые затруднились бы

действовать предыдущим способом, умно говорить молитву там, где орган слова — в начале гортани или при входе ее в полость груди. Но этим не определяется окончательно место внимания и молитвы, а только указывается как переходный пункт (10, с. 195–199).

50. Учение о молитве святого Каллиста, патриарха Цареградского, и Игнатия, сотаинника его

Начало жизни по Богу есть ревность и всеусердное тщание жить по спасительным заповедям Христовым; конец же — явление в совершенстве того, что вообразено в нас Божественною благодатию в Крещении, или, что то же, отложивши ветхого человека с деяниями и похотьми его, облещися в нового, духовного, то есть в Господа Иисуса Христа, как говорит божественный Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос** (Гал. 4, 19).

“Когда мы крещаемся, — говорит св. Златоуст, — тогда душа наша паде солнца сияет, очищаемая Святым Духом. Как серебро чистое, лежащее против солнечных лучей, и само лучи испускает, не по естеству своему, но по причине осияния его солнцем, так и душа, очищаемая в Крещении, принимает лучи от славы Духа и сама внутренно является славною. Но, увь! слава сия, неизреченная и страшная, один или два дня пребывает в нас, а потом мы погашаем ее,

* Дети мои, для которых я снова в мучах рождения, доколе не изобразится в вас Христос!

наводя бурю житейских попечений и страстных дел”.

В Божественных ложеснах, то есть в священной купели, туне принимаем мы совершенную Божественную благодать. Если после того мы скрываем ее под тьмою житейских попечений и страстей, то можем опять восстановить и возочистить ее покаянием и исполнением Божиих заповедей и узреть ее преестественную светлость. Это бывает по мере веры каждого и теплоты усердия жить по вере, наипаче же по благоволению Господа Иисуса Христа.

Св. Марк говорит: “Христос, совершен Бог сый, совершенную даровал крестившимся благодать Святого Духа, которая никакого приложения от нас не требует; открывается же она в нас и явно творится по мере исполнения заповедей, пока достигнем в меру возраста исполнения Христова” (10, с. 200–201).

Итак, поелику начало и корень спасительного действия есть то, чтобы жить по заповедям Господа, а конец и плод — чтоб восстановить дарованную нам исперва Крещением совершенную благодать Духа, которая в нас есть (ибо нераскаянны дарования Божии), но погребена страстями и снова открывается исполнением Божиих заповедей, то подобает нам возревновать об исполнении сих заповедей, чтобы сущее в нас дарование Духа возочистить и узреть яснее.

Наперсник Господа Иоанн говорит, что соблюдающий заповеди Господни с Господом пребывает и Господь с ним. Сам же Господь еще полнее это излагает: *имей заповеди*

*Моя, говорит Он, и соблюдай их, той есть любяй Мя; а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим; и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам. Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим** (Ин. 14, 21, 23).

Это точное исполнение спасительных заповедей невозможно для нас без Господа Иисуса Христа, как Сам Он говорит: *без Мене не можете творити ничесоже***, и как исповедал апостол, что *ни о едином же ином спасение: Он для нас путь, истина и жизнь****. Посему-то славные наставники наши и учителя, с живущим в них Всесвятым Духом, премудро поучают нас: прежде всякого другого дела Господу молиться и от Него без сомнения просить себе милости, и всесвятое и сладчайшее имя Его непрестанно иметь и носить всегда и в сердце, и в уме, и в устах; с ним непрестанно жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить. Ибо как в то время, когда нет в нас такого призвания, стекается на нас все худое и пагубное, так и в то время, когда оно в нас есть, все сопротивное отгоняется, ничто благое не оскудевает и ничего не бывает, чего не могли бы мы испол-

нить, как Сам Господь сказал: *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног** (Ин. 15, 5).

Итак, сознавши немощь свою и все упование свое возложив на Господа, заповеди же возлюбив до готовности скорее положить живот, чем нарушить какую-либо из них, все тщание свое обрати на то, чтобы навыкнуть и утвердиться в этом непрестанном призывании спасительного имени Господня, разрушительного для всякого зла и созидательного для всякого добра. Чтб успособить этот труд, святые отцы указали особое некое делание, назвав его художеством и даже художеством художеств.

Предложу здесь предивного Никифора естественное художество о входе внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собиранию мыслей**.

Правило его следующее: сядь в уединенном месте и, собрав ум, введи его путем дыхания в сердце и, установившись там вниманием, зывай непрестанно: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”. Так делай до тех пор, пока к сердцу привьется это призывание и станет непрерывным.

И все святые отцы так учили. Свт. Златоуст учит: “Молю вас, братие, никогда не переставать исполнять правило молитвы сей”.

В другом месте: “Должно всякому, ест ли он, пьет ли, сидит ли, слу-

* Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам... кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

**...без меня не можете делать ничего (Ин. 15, 5).

*** путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6)

*...кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода.

** Оно приводится слово в слово, как прежде уже указано. Здесь только сокращается (10, с. 204, сноска 1).

жит ли, путем шествует ли, или другое что делает, непрестанно вопить: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”, да имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердечную, смирит змия пагубного, душу же спасет и оживотворит. Пребудь же непрестанно в призывании имени Господа Иисуса, чтобы сердце поглотило Господа Иисуса и Господь — сердце и стали сии два во едино.

И еще: “Не отлучайте сердца вашего от Бога, но храните в нем всегда память Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа водрузится внутрь сердца, и ни о чем другом не помышляйте, как только о том, чтоб возвеличился в вас Христос”. Св. Лествичник также учит: “Иисусова память да соединится с дыханием твоим”. И св. Исихий пишет: “Если хочешь покрыть стыдом помыслы и беспрепятственно трезвиться сердцем, молитва ко Господу Иисусу да прилепится к дыханию твоему, и в немного дней увидишь желание свое исполненным”.

“Ведомо да будет, что если мы научим ум свой вместе с дыханием сходить в сердце, то заметим также, что, сходя туда, он единичен и наг бывает, держась одной памяти и призывания Господа нашего Иисуса Христа; напротив, исходя оттуда и простираясь на внешние предметы, и нехотя разделяется на многие представления и воспоминания. Для сохранения этой-то простоты и единичности ума и заповедано опытными в сем деле отцами, чтобы тот, кто возревновал приобрести навык трезвиться

умом в сердце, сидел в безмолвном и несветлом месте, а особенно в начале этого доброго подвига. Ибо видение внешних предметов естественно бывает причиною рассеяния мыслей; когда же безмолвная и темная храмина скрывает от нас внешнее, мысль перестает развлекаться и удобнее собирается в себя, как говорит Василий Великий: «Ум, не простираемый чувствами на мир, к себе возвращается».

Заметь тщательно, что существо этого подвига состоит в единомысленном сердечном, чистом и непарительном призывании с верою Господа нашего Христа, а не в этом одном схождении до сердца путем дыхания и сидении в безмолвном и темном месте. Все это и подобное изобретено отцами не для другого чего, как ради того, что в этом они видели некое пособие к собиранию мыслей и возвращению их к себе от обычного парения. От навыка же быть собранным и внимать себе рождается уже и навык чисто и непарительно молиться умом в сердце.

Ведай и то, что все эти приспособительные положения тела предписываются, определяются подробными правилами и считаются нужными, пока мы не стяжали еще чистой и непарительной в сердце молитвы. Когда же благоволением и благодатью Господа нашего Иисуса Христа достигнешь сего, тогда, оставив многие и различные делания, с единым Господом пребудешь соединенным паче слова в чистой и непарительной молитве сердечной (не нуждаясь крепко в тех приспособлениях).

Редкие, однако ж, и едва один из тысячи сподобляются достигнуть в это устроение благодатию Христовою; а чтоб еще дальше пройти и сподобиться духовной молитвы и предвкусить тайны будущего века, едва в родех и родех обретается кто достойным того. Итак, хочешь ли самым делом сподобиться жизни о Христе Иисусе — потщись достигнуть того, чтобы во всякое время и всякий час и при всяком деле чисто и непарительно молиться Господу в сердце, чтобы таким образом с возраста младенца возмог ты dospеть в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Не забудь при этом, что, когда по временам будет приходить тебе самоохотная, чистая молитва, ты ни под каким видом не должен разорять ее своими правилами молитвенными. Так учит Филимон: “Ночью ли, днем ли сподобит тебя Господь чистую и непарительную ощутить в себе молитву, оставь тогда правила свои и, сколько есть сил, простирайся прилепляться к Господу Богу, и Он просветит сердце твое в делании духовном. Когда же сподобишься неотходного пребывания молитвы в сердце, как говорит Исаак Сирианин, тогда достиг ты конца всех добродетелей и стал жилищем Святого Духа; тогда не перестанет молитва, сидишь ли или ходишь, ешь или пьешь, или другое что делаешь; даже в глубоком сне молитвенные благовония восходить будут из сердца без труда; если и умолкнет оно во сне, но внутри тайно всегда священнодействоваться будет, не переставая” (10, с. 200–209).

51. Значение искусственных приемов при совершенствовании умной сердечной молитвы

Этим и ограничим наши выписки из Добротолюбия. Во всех почти статьях этой книги говорится об умном предстоянии Господу. Я взял только тех учителей, которые упоминают и о телесных при этом приемах или некотором искусственном приспособлении себя к тому. Об этом и говорят только эти четверо.

Все они считают полезным и до времени нужным это телесное приспособление, но существо дела полагают не в нем. Все их внимание обращено на то, чтобы дать руководство к успешнейшему навыку в делании умной молитвы или на самое это умное Господу в сердце предстояние, в котором существо дела. Не чуждо будет смысла их предписаний сказать: как хочешь держи себя, только успевай приобрести это последнее. Мы же предлагаем тебе такие положения тела, какие сами держали и от которых получили пользу. Есть, однако ж, между этими телесными деланиями и такие, которые как бы срастаются с умною молитвою и никогда от нее не отходят. Необходимо вниманием стоять в сердце, необходимо тело все держать в бодренном напряжении мышц и вниманию своему не позволять поддаваться и увлекаться внешними впечатлениями чувств. Эти условия, в какой форме хочешь и можешь, в такой и исполняй. Темное и уединенное место считается нужным для отстранения внешних впечатлений; но, если ты можешь отвлекать себя от этих впе-

чатлений и среди множества их, оставайся где хочешь. Сидеть на малом стульце, стеснить дыхание, болеть раменами, выею, персями советуется ради того, чтобы поставить в бодренное направление тело; но, если ты можешь как-нибудь иначе это исполнить или делать это одним внутренним напряжением мышц, делай, как находишь удобнее, только не распускай членов тела. Сведением ума в сердце путем дыхания указывается на тот случай, если ты не знаешь, где остановиться вниманием или где сердце; а если ты и без этого знаешь, как найти сердце, делай как знаешь, только установись в сердце. Указывается призывать Господа сими словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!», но ты можешь и эти слова сокращать и изменять или заменять другими, даже без слов умно предстоять Господу; ибо не в словах сила, а в настроении ума и сердца. Зная, однако ж, это все, не должен ты пренебрегать сказанным положением тела. Всячески телу надобно же дать какое-либо положение; но если опыт показал, что такие и такие положения тела очень пригодны к деланию умной молитвы и успеху в ней, то какая нужда отступать от них или изобретать новые? Тем более что по приобретении успеха в молитве они сами собою отстранятся в некоторых чертах, как отнимаются подмости, когда отстроен бывает дом (10, с. 209–211).

52. О созерцательной молитве и уклонениях при совершении молитвы

Вот что говорит Сперанский:

«1. Для того чтобы вступить в созерцание, они ищут одиночества, то есть самого удаленного угла своей комнаты».

Это справедливо. Но надобно вставить это действие в ряд других их действий, чтоб понять его значение.

Вот порядок жизни безмолвников, по Каллисту и Игнатию. «По захождении солнца, призвав на помощь возлюбленного и всесильного Господа, сядь на стульце в безмолвной и несветлой келии своей и, собрав ум от обычного скитания вовне, входи путем дыхания внутрь сердца, держа молитву: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!” — совводя слова молитвы этой некоторым образом с дыханием внутрь.

С молитвою имей и память о смерти, Суде и воздаянии и, считая себя более всех людей грешным, понудь себя прийти в умиление, плач и слезы, в которых и будь, пока сами пройдут. Сиди, таким образом молясь и внимая сказанным предметам, *час один*. Потом, встав, пой со вниманием малое повечерие и, седши, опять держи молитву, чистую и непарительную, без всякого помысла и мечтания, со многим трезвением — *полчаса*. Наконец, знаменовав знамением Честного Креста себя и одр свой, посиди на нем, помышляя о скоротечности настоящей жизни, о суетности благ земных, о внезапном всех долге смерти и о том, как провел ты день сей; испросив затем прощение во всех грехах, возляжь на одр, держа и молитву, по заповеди старцев: Иисусова память да спит с тобою, — и сосни часов пять или шесть. Восстав от сна, прославь Бога

и, призвав Его заступление, начни первее первое дело, то есть молись в сердце, как показано, чисто и непорочно, *до часа* единого; потом пой полунощницу. Если же ты не утвердился еще хорошо в безмолвии или другое что мешает, пой прежде полунощницу со вниманием и разумом, а после сядь и помолись чисто и непарительно в сердце, как сказано, час *один* или как поможет тебе благих Податель. Потом, встав, пой разумно шестопсалмие, 50-й псалом и канон какой хочешь. После сего опять сядь бодренно и помолись *пол-часа*; встав затем, пропой хвалитны, славословие, первый час и отпуст.

От утра до обеда, возложив всего себя на Бога, сколько сил есть понудь себя пребыть в молитве, чистой, сердечной и непарительной, и в чтении. Читай положенное в Псалтири, Апостол, Евангелие и писания отеческие. Потом, пропев обычные часы, приступи к трапезе. После обеда читай довольно долго отеческие писания о трезвении; после поспи один час и, вставши, займись рукодельем, держа и молитву. И опять, седши, помолись чисто и непарительно, пока придет вечер; когда же придет вечер, пропой обычную вечерню».

Из этого очерка деннонощных занятий безмолвника видно, что сидение на стульце в уголку своей келии с умною молитвою ко Господу входило в их молитвенное правило и значалось совсем не для того, чтоб восходить чрез то к созерцанию, а чтобы собрать мысли, углубиться в себя, согреть сердце и приобрести навык чисто и непарительно молить-

ся. Что касается до созерцания, то ни у одного из отцов не находим, чтобы в него можно было вступать самим и, следовательно, делать что-либо и с своей стороны для вступления в него. Созерцание, по словам их, давалось именно тем, которые успевали уже очистить сердце свое совершенно и глубоко соединялись с Господом. Из тысячи один успевает стяжать чистую молитву; а молитву духовную или, что то же, созерцательную, в родех и родех едва один оказывается имеющим (10, с. 212–215).

«Там, — продолжает Сперанский, — они принимают положение, наиболее удобное, то есть просто садятся, скрещивают руки под грудью и устремляют взоры на какую-либо часть своего тела, и именно, на пупок (отсюда даже произошло одно из наименований, даваемых им). Опыт доказал им все выгоды такого положения, охраняющего их в одно время и от сна, и от развлеченія наружным светом; но они остерегаются закрывать глаза; они остаются неподвижны».

Откуда все это взято? Я извлек все, что есть у святых отцов о положении тела во время умной молитвы.

Всякому видно, что там одно, а здесь другое. О положении рук не находим никакого указания. Относительно очей встречаем только у Симеона Нового Богослова, что их надобно обращать, тоже вслед за умом, к сердцу; но это внутренний акт, совершаемый только напряжением. Глаза или закрываются, или, раскрытые, остаются ничего не видящими, ибо внимание отвлечено

все от вне внутрь и не следит за видимым или слышимым. Не встречаем также, чтобы при этом имелся во внимании пупок в каком-либо отношении. Правда, у новейших наставников, как, например, в предисловиях старца Василия, спостника Паисия Величковского, в отеческих писаниях о трезвении поминается о той части тела, но совсем в другом смысле. Там именно укоряются те, которые, не зная, где сердце, в котором заповедуется устанавливаться вниманием, низводят ум до этой части тела или до чресл. Вот его слова: «Подобает в самом начале обучать ум в час молитвы стоять сверху сердца и зреть в глубину его, а не на половине сбоку или на конце снизу... Некоторые по крайнему неразумию, лучше же сказать, не зная, что есть верх или среда сердца и что есть половина и что конец его, начинают действовать молитву снизу на конце сердца, при чреслах. Другие же, недугуя последним неразумием и грубостию, не ведают ниже самого того места сердечного, под левым сосцом и боком сущаго, но мняще тое посреде пупа чревного быти, дерзают — увы, их прелести! — там действовать умом молитву. Подобает же, как сказано, творити умом внимание и молитву посреде сердца сверху от сосца, а не на половине от персей и не снизу чресл^{*}».

Откуда же взял свою мысль Сперанский? Или из латинских и французских книг, или, вероятнее, из ходячих речей. В его время некоторая

часть высшего общества ревновала о духовной жизни, другая смеялась над этим и выдумывала насчет занятий их разные басни. В числе их и это смотренье на пуп, и ругательное от того название.

«Они, — пишет далее Сперанский, — начинают с “Господи, помилуй”, но у них, как и у нас, это скоро прекращается. Огонь, раз возжженный, горит сам собою, и никому не известно, чем он питается. В этом и состоит тайна. Находишь вновь “Господи, помилуй!” в мыслях своих лишь в ту минуту, когда придешь в себя».

Слова молитвы этой суть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» или: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Огонь, о котором упоминается, возгорается не скоро, а после заметных трудов, когда возгорится теплота в сердце, постоянно усиливающаяся и воспламеняющаяся во время умной молитвы.

Углубленная молитва ко Господу возбуждает теплоту. У опытных отцов строго различаются теплота телесная, простая, бывающая вследствие сосредоточения сил к сердцу вниманием и напряжением, теплота телесная, похотная, тут же иногда прививающаяся и поддерживаемая врагом, и теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двух родов: естественная, вследствие соединения ума с сердцем, и благодатная.

Различать каждую из них научает опыт. Теплота эта сладостна, и поддерживать ее желательно как ради самой этой сладости, так и ради того, что она сообщает благонастроение всему внутреннему. Но кто

* Жизнь старца Паисия. С. 93 (10, с. 218, сноска 1).

усиливается поддерживать и усиливать эту теплоту за одну сладость, тот разовьет в себе сластолюбие духовное.

Посему-то трезвенники напрягаются, минуя эту сладость, устанавливаясь в одном предстоянии Господу с полной Ему преданностью, как бы в руки Ему полагая себя; на сладость же, от теплоты исходящую, не опираются и внимания к ней не приковывают. Но возможно к ней прилепиться вниманием и, в ней упокоясь, как в теплом покое или одежде, ее одну поддерживать, не простирая мысли выше. Мистики дальше этого не шли; у них это состояние и считалось высшим: тут было совершенное безмыслие, погруженное в какую-то пустоту. Таково состояние созерцания мистиков. В нем ничего нет общего с состоянием созерцания, бывшего у великих отцов-трезвенников. Сперанский говорит: «Приходишь в себя и находишь “Господи, помилуй”».

Приходят в себя и после того, как крепко задумываются, и после указанного пред сим погружения в безмыслие; но приходят в себя и после молитвенного восхищения в истинное созерцание, в котором не владеют собою. А так как эти последние состояния редки и даются немногим, то можно с основательностью полагать, что Сперанский не его разумеет и не его испытывал со своим другом.

«Они (безмолвники), — пишет Сперанский, — остаются в этом состоянии не сколько они хотят, но пока оно длится. Продолжительность его различна; бывали случаи, что

оно длилось более двух дней сряду, без пищи и пития».

Эти черты идут к состоянию пленения в созерцание. До некоторой степени нечто подобное возможно и у духовных сластолюбцев, и у погружающихся в пустоту мистиков. Я, впрочем, не знаю опытов двухдневной длительности молитвенного созерцания. опыты, как оно длилось с вечера до утра, записаны у отцов.

«Тут они видят иногда то, что они называют светом Фавора (технический термин, посвященный единственно видениям этого рода). Не знаю, что это такое, но знаю положительно, что видение это гораздо чище, гораздо духовнее наших обыкновенных видений. Оно совершенно невыразимо словами; наши же более или менее определены; следовательно, степени хотя истинной, но гораздо низшей, чем это видение, различающееся, быть может, лишь одною ступенью от собственно так называемого лицезрения Божия» (10, с. 216–221).

В Добротолюбии нет помина о фаворском свете. Спор о нем возник при Григории Паламе, но трудно определить, в чем было существо дела. Относительно видений света или лица какого — у всех отцов, писания которых вошли в состав Добротолюбия, один закон: не принимать.

О каких это своих видениях упоминает Сперанский? Есть видения — порождение разгоряченного воображения, есть видения — призраки вражеские, и есть видения, подаваемые Богом.

Истинны одни последние, и все они одного достоинства — Божест-

венного. Доспевшим в мужа совершенна Господь дает сердцем ощутить и умом предзреть чаемые в будущем веке неизреченные блага. Для выражения их точно у нас нет слов. Что же касается до лицезрения Божия, то в будущем обетовано лицезрение Христа Спасителя, Бога воплощенного.

Зрение Триипостасного Бога недоступно для тварей в Его лице или естестве, а только в явлениях и откровениях, Ему угодных и сносных для тварей.

«Не смею описать вам столько же достоверно способа, которым они держатся (как себя держат) в церкви; но из их учения я имею повод заключить, что они ограничиваются молитвою умною, позволяя себе погружаться в бездну созерцания лишь настолько, чтобы, так сказать, одною ногою стоять в общении со всеми верующими, которые не все созерцатели. Верно, что они никогда не позволяли себе ни трясуний, ни экстазов — вещей, говорю вам, порядка низшего, которые мы можем и должны подавлять; а если б они взяли над нами верх, то следует настоятельно молить Господа об их прекращении. Ибо представьте себе, что если б в церкви было много созерцателей, возбужденных таким образом, — что это было бы, как если не собрание трясунов (истинно беснующихся)? Это вопрос св. Павла в вышеупомянутой главе».

На Западе много было подобных явлений. Церковь Божия православная во все времена представляла образцы великих святых и высоких молитвенников; но в ней не было и

нет этих уродливых порождений самодельного разгорячения крови. Бывали проявления чрезвычайных действий благодати в избранных Божиих, но они всегда были мирны и, миром осеняя тех, которые испытывали эти действия, распространяли и вокруг мир.

Потому-то тем, которые идут верным путем умного делания, нечего опасаться каких-либо внезапных возбуждений и движений в теле. Благодать, осеяющая и руководящая их, не допустит до того.

Им можно сказать: «В собрании ли вы церковном или дома молитесь, углубляйтесь в молитву, сколько это зависит от вас».

Как держали себя молитвенники трезвенные в церкви — на это есть указания. Один из отцов говорит: «Когда найдешь, где сердце, и навывкнешь собираться в нем, тогда уже будешь совершать там и молитвословие, и богомыслие, и чтение, и всякое другое духовное упражнение».

У другого читаем: «Если поёшь с учеником, то он пусть читает псалмы, а ты, сердцу внимая и молясь, блюди себя и силою молитвы отгоняй все помышления, исходящие из сердца твоего: и вещественные, и умные».

Судя по тому, можно догадываться, что во время служб церковных они вместе с другими неразвлеченно молились Господу, и песням внимая, и Господу умно предстоя. Опять упоминается о созерцании, что ему предаваться нельзя; и опять видно, что у Сперанского оно означает самодельное углубление в молитву

умную или, скорее, в пустоту безмыслия (как у мистиков), которое может простирается до самозабвения.

«Стану ли, — продолжает Сперанский, — говорить вам о собственном жалком опыте рядом с этими великими примерами? Это так ничтожно. В Перми я испытывал некоторое время нечто подобное тому, что испытываете вы, но это было непродолжительно. С тех пор форма моего созерцания (понимать надо — самоуглубления в молитву умную) всегда была великою пустотою, отсутствием всякого образа и всякой мысли. Это, полагаю, то же, что и у вас. Но плоды этого состояния сводятся просто к великому спокойствию в течение дня, к некоторого рода сладости, постоянной, хотя и не сильной. Это относительно чувств; что же до просвещения разума, то замечается некоторая легкость в понимании известных мест Евангелия и неожиданное разумение некоторых черт в жизни Господа нашего; в церкви благоговение иногда значительное, чаще состояние созерцания, менее глубокого, менее молчаливого, чем когда я один, что вполне позволяет мне следить за службою и в точности соблюдать все принятые у нас обычаи. Не думайте, чтобы я хотел сузить все действия Духа Святого и свести их к этой одной форме, — о, нет; я убежден, что действия Его бесчисленны и в своих степенях, и в вещественных приложениях (не в проявлениях ли видимых?); но прошу, умоляю вас не предаваться ощутительному разлитию духа по вашему телу, в особенности в церк-

ви. В ней тело должно находиться в качестве глухонемого слуги: оно недостойно принимать тут какое-либо участие, разве в случае, если бы вам было совершенно невозможно удерживать потока благодати. Так, например, при этом исцелении, которое я считаю, безусловно, чудесным и за которое вместе с вами благодарю Господа».

Все, что сказал о себе Сперанский, содержит самые обыкновенные признаки, сопровождающие внедрение умной молитвы ко Господу в сердце, самоделательной, трудовой. Приятную теплоту в сердце всякий испытывает, кому прилучится усердно помолиться. Навыкшие же умной молитве и восприявшие ее чувством сердца испытывают ее постоянно. У всех святых теплота эта ставится первым плодом привития к сердцу умной молитвы ко Господу. Надобно, впрочем, знать, что проявления сей теплоты не все одинакового достоинства. Старец Василий, спостник Паисия, пишет об этом, со слов патриарха Каллиста, следующее: «Первое приходит теплота от почек, яко опоясующи тыя, и та мнится быти прелесть; но это не есть прелесть, а дело естества, как прямое следствие подвига того. Но если кто станет считать это делом благодати, а не естества, то это будет прелесть. Этого, каково бы оно ни было, подвижающийся не должен любить, но отражать, и если при этом ум нисходит в блудные помыслы, прелесть есть во истину; если же тело все от сердца растеплевается, ум же пребывает чистым и бесстрастным и как бы при-

лепленным к внутреннейшей глубине сердца, сие есть воистину действие благодати, а не прелести». Из этого видно, что не ко всякому разлиту духа по телу должно неблагоприятно относиться. Когда углубится в сердце молитва и осенит его теплотою, тогда ум всегда бывает собран и присущ в себе, от того быстропонятлив и сообразителен. С этого времени все истины откровения начинают входить в сердце, каждая в свое время, будто внезапно, в виде озарения. Только одна черта из высказанных Сперанским кажется неистинною или неистинно выраженою. «Форма, — говорит он, — созерцания моего всегда была пустою, отсутствием всякого образа и всякой мысли». Такое совершенное безмыслие чуждо святым отцам. Они внушали все оставить, но затем, чтоб быть соединенными с Господом. Они стояли во время умной молитвы и всем советовали стоять в том убеждении, что Господь близ и внимает, то есть предстоять умно Господу и взывать к Нему: *взыска Тебе лице мое*, как поет пророк, *лица Твоего, Господи, взыщу*. Когда говорят они, что надобно прогнать всякую мысль, то всегда прибавляли: гнать всякую стороннюю мысль (10, с. 221–228).

53. Совершенство в молитве возможно только в истинной Церкви

Бог, Промыслитель всяческих, внимает молитвам всех, по мере их усердия, ибо для Него нет ни одной твари брошенной или забытой, тем паче твари разумной, обращающейся к Нему как умеет. Но нельзя допу-

стить, чтобы все религии были равны и одинаково вели исповедников своих к истинному совершенству. К истинному совершенству в духе ведет одна вера христианская, потому что подает благодать возрождающую, очищающую и совершающую; все другие религии безблагодатны (10, с. 252).

МЫТАРСТВА

1. Мытарств никто миновать не может

Мытарств никто миновать не может. Они лежат по дороге на Небо, но иные души проходят их, как молния.

2. У кого очистится сердце, того не задержат на мытарствах

Главная цель всей жизни христиан... всех трудов и подвигов и куда потому должно направлять сии подвиги... именно очищение сердца *от страстей*... У кого очистится сердце, того не задержат на мытарствах... Спасайтесь (3, с. 131)!

3. Повествование о мытарствах отрезвляет, умиляет и к Богу обращает

Вот вы читали повествование о мытарствах. Где найдете что подобное? И сладостно, и назидательно. В Четьи-Минеех вся почти церковная история и вся она такого свойства. Отрезвляет, умиляет и к Богу обращает (11, с. 81).

МОНАШЕСТВУЮЩИМ

1. Перемещение в другую обитель разорительно для внутреннего строя

Вам угрожает опасность быть перемещенною в другую обитель. Хотя это почетно, но будет разорительно для вашего внутреннего строя (3, с. 210–211).

2. Где Божие назначение, там и помощь Божия

Однако же и то несомненно верно, что где Божие назначение, там и помощь Божия. А где Божия помощь, там и все будет идти исправно. Потому вам лучше вот как расположиться: не иметь пристрастия к месту, а лишь о том заботиться, чтоб как следует вести дела, к каким обязывает место... и об этом одном молиться и на это одно просить помощи у Господа. Оставят на этом месте или переведут, постарайтесь быть без смущения, успокоиваясь в воле Божией. И теперь так настройтесь. Ибо в этом камень твердый под ногами (3, с. 211).

3. Распоряжение начальства о нас должно понимать как от руки Божией

Поставьте себя в чувстве равного подъяремному животному, которое, запрягут ли его в водовозку или в изящный кабриолет, везет спокойно, не думая об изяществе или безобразии везомого. Если назначат на новое место, назначат потому, что Богу так угодно... И примите как от руки Господней... и уверены будьте, что давший вам сие новое место даст и силу действовать

в нем как следует... только не мечтайте о себе, смиряйтесь паче, дело свое духовное не ослабляйте и трудов по нем не умаляйте. От внешних блюдитесь.

Тогда место укажет, как действовать. Мудрость и мужество да подаст вам Бог... мудрость, чтоб видеть, как следует поступать, а мужество, чтоб, не жалея ни себя, ни других, делать как следует (3, с. 214).

4. Совет о возлагаемой должности настоятельницы

Приимите новое послушание как иго, которое тянуть надо вседневно, а не как крылья для возношения.

Если у вас искреннее имеется желание иметь монастырское начальство как долг всех сестер управлять в Царствие Небесное, то чем меньше их, тем лучше.

Владыка вам сказал, что рано поступили вы в монастырь, надо бы еще пожить в мире. Я думаю, что он сказал это в той мысли, что надо бы побольше житейской вам мудрости, так как она необходима настоятельницам в управлении внешнего быта обители (3, с. 215).

5. Мудрость житейская и духовная (внимание к Богу)

В монастырь никогда не рано поступить. Мало ли святых жен, которые в монастырь поступили еще детьми (3, с. 215)?

Всякий раз вы рассеиваетесь, когда бываете в К... Но как вы опять скоро благоустраиваетесь, то берите от сего себе науку, как управлять собою при натиске впечатлений совне... Вы и предлагаете вопрос —

научить вас, как опаснее блюсти душу свою. Это дар Божий. *Просите и дастся вам.* Однако же и сами не сидите сложа руки, но *ищите и обряцете**. И все доброе наше от Бога приходит, но только когда ищем. Потрудитесь приобрести навык внимать сердцу и не давать ходу никаким ни мыслям, ни чувствам, ни позывам, когда они не в духе, Богу угодном, а тотчас отсекайте их. Тогда придет уменье и Богу внимать, и всякому делу делаемому или словам. И все будет в порядке: и дело, и внутреннее Богу внимание. Основа же сему — чувство к Богу. Глава сему чувству — страх Божий. Когда он придет в силу, все благоустроится (3, с. 215).

Внешнее свое передайте на Божию волю и принимайте с покорностью и удовольствием все, что Он пошлет (3, с. 216).

6. О посещении мирян

Жалуетесь на посещение в праздники мирян. Что делать? Так уже у нас поставлены обители.

Но старайтесь устранять от этого мирские виды и, сколько можно, мирские пусторечия; о духовном говорить не навязывайтесь, но, когда случай, не отказывайтесь, будто мимоходом.

Визиты ответные два раза в год делать достаточно (3, с. 218).

7. Совет игуменье о воздействии на прочих сестер

Недоумеваете, правильно ли смотрите вы на окружающих, а смотри-

те вы на них как на равнодушных ко всему духовному, несмотря на вашу заботу согреть их любовью к Богу. И решаетесь заключаться в себя и сестрам говорить только при случае. Равнодушием не ваша одна О. и не одна ваша сторона богата. Но не все кажущиеся равнодушными равнодушны. Много таких, которые не любят говорить о себе, а в себе хранят духовные помышления и духовное разумение. Когда вы, читая у себя в келии, встретите статью, пригодную для сестер, призовите читальщицу и велите ей прочесть то в церкви. Будут слушать и назидаться (3, с. 221).

Получив внушение [от Ангела. — *Изд.*], вы день, а иногда и больше бываете в отрешенном состоянии и настроении.

Другие не имеют этого и должны сами, как сумеют, восходить к такому состоянию, которое для всех обязательно. Сравните теперь, что выше: без труда полученное или трудом и потом достигнутое?.. И получите из сего побуждение к смирению себя пред всеми (3, с. 230).

Положите себе за правило говорить сестрам всегда с материнским сердцем и добротностью; строго — без деспотства, снисходительно — без поблажек. И пред тем как говорить, молитвенно к Богу обращайтесь о вразумлении и даровании сил слову (3, с. 233).

8. О сестре, подпавшей искушению

Что такое с N.N.? Очень жалею. Вы хорошо делаете, что матерински относитесь к ней и такую теплую являетесь о ней заботу. Да поможет ей

* Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете (Мф. 7, 7).

Господь. Пусть держит в мысли притчу о блудном сыне. Отец, увидев возвращающегося сына... выбежал к нему: ни брани, ни укора... обнял сына и возвратил ему свое отеческое благоговение. Раскаяние и твердое намерение стоять прочее добре всегда умиловливает Господа. Пусть твердит: согрешила, не буду. И благодушно вступает в путь свой.

Да избавит Господь впредь вашу обитель от таких потрясений. Сестрам тут хороший урок, чтоб не бросались без разбору в мирские соотношения (3, с. 234–235).

9. Об отношении к падшей сестре

К Н. вы отнеслись хорошо, как раз как мать. И доведите дело до конца и поставьте ее на ноги, чтобы потом прямо шла и смело шагала (3, с. 235).

10. Отзыв по делу управления монастырем

Сестрам вы все же напоминаете о делах духовных, несмотря на их холодность к сему. Так и следует: какие-либо не внимают, а какие с усердием слушают и в сердце добрые намерения полагают (3, с. 238–239).

С сестрами хоть строго вы поступили, но справедливо (3, с. 239)!

11. Об отношении к провинившимся сестрам

Вы хорошо сделали, что мирно себя держите к сестрам, коих пришлось устранить из монастыря, — и молитесь о них. Враг их попутал, а Ангел Господень остепенит и исправит. Да даст им сие Господь по неизреченной милости Своей (3, с. 240).

12. Совет о непрестанном и усердном воздействии для преуспеяния всех сестер обители

Столько забот у вас о сестрах! Не может быть, чтобы одна из них не входила в то, что вы предлагаете. Иные в своей им мере и усвоят то. Но вы все же не оставляйте действовать на них по мере возможности, молясь непрестанно, чтобы Господь, Коего они суть дочери, присещал их и просвещал их мысль и сердца (3, с. 243).

13. Совет монахине, подверженной опасной слабости

О слабости своего нрава надо объявить матушке игумении и объяснить ей откровенно, в какой опасности находитесь.

Если не обратит на то внимания, надо исполнить ее волю. Сестры будут молиться за вас. И Бог избавит от беды (3, с. 246).

Однако ж и самой надо блюсти себя. Страхом Божиим вооружитесь, что Бог все видит и есть везде. Привлеките и память смертную. И с сими двумя не расставайтесь (3, с. 246).

14. Меры для соблюдения чистоты слова и мыслей относительно мужского пола

Мужчин всячески отвращаться надо, беседы с ними не заводить, а если случится говорить, говорить с некоторою грубостью или, по крайней мере, холодностью и несимпатичностью (3, с. 246–247).

Когда будет, впрочем, ревность сохранить себя чистою не только от дела, но и от слова и мыслей, то сама

душа найдет, как это устроить при Божией помощи (3, с. 247)!

15. Ответ на вопрос о тайном постриге

И принять можно тайный постриг, и без этого можно спастись. Как тебе лучше, я не могу сказать; сама смотри. Я только вслед за твоим решением прискажу: если пострижешься, благослови тебя, Господи; и если не пострижешься, благослови тебя, Господи.

Душу позаботиться постричь отречением от всего и самоотвержением, человеколюбием и боголюбием (3, с. 247).

16. Успокоение обиженной лишением обещанной мантии

Думали облечь вас в мантию и раздумали. Конечно, это скорбно: лучше бы и не задумывали этого. А то вышло публичное осуждение.

Но что же делать-то? Дело сделано. Надо терпеть. Господь послал на очищение. Покоритесь смиренно Его святой воле. Когда благодушно покоритесь, Он пошлет вам другого рода милость — внутреннюю вместо внешней (3, с. 247–248).

17. Душевный покой приобретается строгим исполнением обетов монашества

Монастырь — тихое пристанище. Отчего же душа ваша не имеет покоя? Посмотрите, не оттого ли, что вы не все, требуемое монашеством, исполняете как следует и совесть ваша укоряет вас за это, а вы по самоугодию не имеете столько к

себе строгости, чтоб стать монахицею в строгом смысле.

Сам Бог возбуждает в вас непокойность, желая, чтобы вы осмотрелись и положили вести дела исправно. Если послушаете гласа Божия, найдете покой; а не послушаете — покоя не будет. Разве только вот что будет: Бог перестанет возбуждать в вас беспокойство, видя, что вы не слушаете Его, т.е. бросит вас на ваше ленивое произволение. И тут будет покой, только смертный.

Так извольте осмотреться и исправить все. Вот что надо: страх Божий водрузить в сердце, с памятью о Боге и о смерти... и ходить в присутствии Божиим.

К сестрам всем иметь искреннюю любовь, никого не презирать, не осуждать и не обижать (3, с. 249).

В церкви Божией на службах и дома на правиле блюсти самое строгое и благоговейное внимание к Богу и мысли и чувства свои держать в строе.

Телу ни в чем не поблажать... ни в пище, ни в сне, ни в отдыхе.

Праздной минуты не иметь.

Почаще класть поклоны, сколько душе угодно. Непрестанно молитву Иисусову творить, со вниманием к Господу присутствующему.

Помнить, что самоугодливая жизнь совсем противна христианству, и тем паче монашеству. Надо, чтобы все было с нуждицею и себе отказом и поперечением.

Мыслям не давать блуждать, а держать их на единой памяти Божией — смертной.

Ну вот. Извольте так настроиться — и будете покойны (3, с. 250).

18. О борьбе со страстями в уединении и общении с другими

Вам говорят: «Более заслуги подвизаться в молве житейской, чем спасаться в уединении». И вы не отрицайте этого. Те, которые истинно подвизаются, не имеют в виду заслуги, а о том лишь заботятся, чтоб очистить себя от страстей и страстных чувств и помыслов.

Для этой цели жизнь в общении с другими пригожей, потому что она представляет действительные опыты борения со страстями и преодоления их. Эти победы бьют страсти в грудь и в голову, а повторение их скоро убивает страсти наповал. В уединении же борьба бывает только мысленная, которая так же бывает слабодейственна, как удар крыла мухи. Оттого умерщвление страстей в уединении долже тянется. И мало того, оно бывает всегда почти не умерщвлением собственно, а замиранием, замиранием на время, до случая встречи с предметами страсти... Причем бывает, что страсть вдруг воспламеняется, как молния. И бывает, что иной, долгое время имевший в уединении покой от страстей, вдруг падает. А того, кто дошел до покоя от страстей чрез борьбу не мысленную, а действительную, нечаянное нападение их не поколеблет.

Вот на каком основании мужи опытные в духовной жизни заповедуют преодолеть страсти действительным с ними борением в общении с другими, а после этого уже уединяться (4, с. 12–13).

19. Порвавшей все прежние связи — наставление об уединенной жизни

Вы теперь уже порядочно обсиделись в своем уединении, и слова ваши очень веско определяют его преимущества. Пока это у вас еще только теория, но, думаю, не замедлит и практика вступить в свои права. Теория — придворная особа, а практика — медведь из леса. Начнет ломать... только держись. Помогай вам, Господи! Было бы усердие и решимость твердо идти к предположенному, и все пойдет добре, только не как по чугунке, а как богомольцы — пешочком с костыльком (4, с. 22).

Воображаю себе вашу келию. Три стены, образа... Сколько видите вы очей, устремленных на вас! Чего желают они? Увидеть в вас то, что по духу их... т.е. по духу Господню, по образу Коего вы возродились и теперь вступили в подвиг, чтобы достигнуть и подобия Ему. Святые — пример тому, указатели, как и помощники молитвенные... Это все крылья вам подвязывают. Летите же — Бог вам в помощь!

Сколько сокровищ набрали вы во время летнего своего странствия по обителям! Читаешь и восхищаешься вместе с вами...

Сколько надавали вам сотов духовных. Вот вы сидите теперь и повторяйте вкушение их. Дай, Господи, на здоровье (4, с. 23)!

Если верно, что вы знаете только церковь да келью, то вам не мудрено к сему приложить, а из кельи на Небо будет преблаженное движение (4, с. 23).

20. Поступая в монастырь, нужно душу свою единому Господу предать, все земные желания и надежды отбросивши. Успех монастырского жития зависит от инока: Божия помощь всегда готова

Желание поступить в монастырь есть доброе желание. Исполнить его не будет Богу противно; только, идя в монастырь, полагай с сердцем завет: всю душу свою единому Господу предать, все земные желания и надежды отбросивши (1, с. 38).

Хорошо ли проводить будешь монашескую жизнь, это от тебя зависит. Божия помощь готова; но она приходит тому, кто сам усердствует. Будешь всею душою заботиться о том, чтоб делать одно Богу угодное — Божия помощь всегда будет с тобою и во всем Бог подаст тебе успех. А опустишь руки и разленишься — и Бог отступит от тебя. Тогда, конечно, ни во что будет монашество твое. На дело Божие надо предать себя до смерти, то есть хоть умереть, а не отступать от доброго (1, с. 38).

21. Твердое желание и решение есть признак призвания Божия

Как у сестры вашей, несмотря на предложения и подходящего жениха, желание не вязать себя замужеством остается в силе преобладающей, то ей надо поступить по указанию апостола и сотворить лучшее сие. Ее желание явный имеет признак призвания Божия. Потому ей лучше остаться девою и поступить в монастырь (1, с. 43).

22. Послушание есть дело, порученное от Бога

Кончите возложенное на вас послушание (сбор по книгам на устройство церкви приходской), тогда и подумаете, как быть. Дело сборщиц (для келейниц сельских) тяжелое, все знают. Но для доброго дела и потяготиться можно и должно. И тяжело, и неприятности бывают, и соблазны встречаются; но как все это терпите за добрым делом, то помощь Божия сопутствует вам и неведомо для вас защищает и покрывает вас. Бог видит труд ваш и готовит вам воздаяние: или внутреннее только, или и внешнее. Воодушевитесь сею надеждою необманчивою. Когда кончите это дело, тогда вольны делать что хотите. И в монастырь поступать можете, и келию построить, где поединеннее будет. И то можно, и другое. Только теперь терпите и не бегайте от дела, Богом вам порученного. Если бросите, будете как солдат, бежавший с поля брани. Стыд и срам! И еще достанется за это на Суде (1, с. 43–44).

23. Устройство домашнего жития по-монастырски

Милость Божия буди с вами! В монастырь или так жить? Да ведь у вас теперь почти монастырь. Думаете ли, что в монастыре вам будет лучше жить, чем теперь? Вам там не дадут жить в покое; тотчас навяжут вам дел и по монастырю, и по сношению со внешними, потому что по женским монастырям мало способных... Заняться духовным чем вам

и некогда будет. Если бы вы доселе жили в мирской житейской суете, лучше всего было бы вам идти в монастырь... Пусть бы и надавали вам дел, но так как они хоть хлопотливы, но все же не мирские, то среди их вы понемножку отвыкли бы от житейской жизни, а потом и устроились бы попокойнее как. А из теперешней жизни вам в монастырь идти то же, что из покоя на суету. Мне и думается, что вам нечего тянуться в монастырь, потому что там вы не найдете того, чего ищете (1, с. 108–109).

Так как же быть? — Живите так, как есть. Начальница заведения пусть будет для вас игуменья, а ваша должность — монастырское послушание. И исполняйте ее как Божию заповедь — и будете все время, как бываете на сем послушании, как на службе у Господа; позаботьтесь только труд сей посвящать Господу... и в начале каждого дня, и в продолжение его, и в конце... благодаря Его, что дал послужить Ему еще денек. Затем свободное время уже все ваше... и посвящайте его то на отдых, то на чтение, то на молитву, то, может быть, на рукоделие. Как вы пресекали внешние сношения, то вас никто и ничто не потревожит... Как с должностью быть? Продолжайте ее, пока охота. Она, кажется, не мешает вашим духовным занятиям. Когда же оставите ее, живите в своем доме, как благочестивая мирянка или как живут чернички... Будет у вас тогда церковь да дом, а в доме покойные духовные занятия (1, с. 109).

Что руководства не будет — что делать?! Вы и в монастыре его не

найдете. Как же быть? — Брать руководство в Слове Божиим и в писаниях отеческих. Общие заповеди кому неизвестны, а на частные случаи найдете указания через письменное с кем-либо сношение. Вот, по моему, вам пригодная дорога (1, с. 109)!

24. Монастырь и постриг возбуждают к благочестию помышлениями

Монастырь и постриг сильно возбуждают, но не сами по себе, а теми помышлениями, какие при сем неизбежны... Для иных и то и другое никакого следа не оставляет (1, с. 112).

25. Бессемейному удобнее угодить Богу

Апостол Павел решил, что, кто хочет спастись, пусть не женится и не связывается семейными делами. Потому что бессемейному удобнее угодить Богу. А бессемейному в мире есть много соблазнов. Ты и хорошо сделаешь, если укроешься в монастырь (1, с. 203).

26. Монастырские дела надо исполнять как бы лично посланные от Бога, посвящая их Господу

Монастырские порядки все исполняй добросовестно, почитая всякое дело, которое предлежит тебе, делать по сим порядкам, как бы лично тебе посланным от Самого Бога, и труд дел монастырских посвящай Господу, как бы Он Сам стоял пред тобою и смотрел на тебя (2, с. 55).

27. Душу надо сделать схимницею, а внешняя схима породит одно самозанятие

Схима как схима ничего не даст; душу надо сделать схимницею.

А внешняя схема одно породит самомнение (2, с. 59).

28. Об уставе скитском. Ответ на разные вопросы об устройстве скитского жития

Вы прислали мне просмотреть устав скита и сделать заметки. Вы спрашиваете у слепого. Я не видел и общей монастырской жизни, а не только скитской и по опыту не знаю ни той, ни другой. Скажу, однако ж, слово-другое по соображению (2, с. 66–67).

Полный устав сразу составить едва ли можно, поэтому в конце оговориться: «Если впоследствии окажется что нужным прибавить к сему уставу или что отменить и ограничить, сие можно делать с совета настоятелей и старших братий пустыни и скита».

В первом пункте указывается цель скита — преуспевание во внутренней жизни. В уставе потому должно быть все направлено к сей цели неотложно. В вашем же уставе допущено нечто, не сообразное с сим. Таков крестный ход из пустыни в скит и в самом скиту. Тут шуму не обещаться. Сотрясение скитников будет на неделю. Еще: при чтении денно-ночной Псалтири на каждой славе излишне поминание многочисленное. Поминание сие пусть делается на правиле при совершении помянника, прибавить туда свое — и довольно. Или, если желательно, поминать в конце кафизмы или при смене чтеца. В келии — молитва, чтение и рукоделье. Так Ангел определил. Рукоделье надо обозначить и не допускать хлопот-

ливых, к числу коих относится пчеловодство и садоводство. Лучше те, кои можно совершать, не выходя из келий. Кроме вязанья, не знаю другого у нас, древние плели корзинки и рогожи. Живопись тоже хлопотлива и увлекательна. Довольно плетенья. Оно разнообразно...

Открытие помыслов ежедневное многоплодно, и надо сделать его неотложным.

Мужчина может приходить, сколько придется. Зачем? Общая служба в пустыни (монастыре) есть, и литургия там всегда. За чем же? За советом?! Кто советник? Если один кто, ему тяжело, если не один, скит будет походить на базар. Не лучше ли и для мужчин запереть ворота?! Или, если уж это нежелательно, построить приемную для ищущих совета, особую, за воротами при привратницкой. Для назидательного чтения не назначить ли определенный час? Все присутствуют, и настоятель тут. Он же избирает, что читать и кому читать. В конце чтения положить решение вопросов и недоумений, и это все слушают. И братия, знающие, участвуют в решении.

Библиотеку и свою завести, понемногу исключительно аскетическими книгами наполняйте ее. И образ пользования ею определить.

Позволение приходить мужчинам кто хочет ничему доброму установиться не даст. А общение братии — скитников и пустынников — не следует ли также определить уставом?!

Может быть, и еще что требует определения, это вам должно быть виднее... Потрудитесь отклонить

все, могущее отвлекать братию от внутренней жизни (2, с. 67–68).

Хорошо, что вы привязали N.N. Он в скиту. Гож он для скита? На время идет. Немножко ответеся мирской дух... Но потом, мне думается, надо бы его провести по всем послушаниям, начиная с низших... для ознакомления с ними, чтобы знал, каково каждое, какие искушения в каждом и какие способы к лучшему. Главное, думаю, это нужно ему для стяжания смирения... Если пройдет все, будет обожженный кирпич, а если не пройдет, будет сырцовый... Приношу благодарность за присланное вами... Да поможет вам Господь в трудах ваших по просвещению меньшей братии (2, с. 68–69).

Буду исходить от мысли, что скит назначается для преуспевания тем инокам, кои дошли после обычных подвигов внутренних и внешних до того, что чувствуют сильное влечение внутрь, чтобы быть там с единым Господом.

1. О саде. На что запускать его, но так поставить дело садоводства, чтобы оно не занимало скитников. Пусть управляется с ним садовник.

2. Скитян не занимать садоводством. В саду устроенном редко бывает нужда во многих рабочих руках. Тогда присылать послушников из пустыни... От скитских корпусов, домов или келий сад отделяется особою стеною, за которою не видны и не слышны работы.

3. Келия садовника пусть стоит где-либо в уголку, в саду особо. Он сам и с своими занятиями ничем не может мешать скитянам. Хата при

кирпичном заводе... пусть будет вне ограды сада скитского, подальше. Ограда сада соединяется с оградой скита... Здания же скитские отделяются от сада особою стеною... с калитками...

4. В келии садовника жить будет садовник, какой найдется... Пустынный, скитник и даже мирянин... знающий дело... а хата кирпичная... кто гош на дело... может быть и совсем чуждый и скиту... и пустыни...

5. Пасека удобовижна. Отдалите ее как можно дальше от скита, чтобы и помышления о ней не было...

6. «Не лучше ли оставить все как есть?» Тогда это будет то же, что пустынь, только в меньшем размере... и хлопотать о ней не из чего... Скитники преимущественно должны быть послушники... и уже в летах... Кухня проста... понедельник, среда и пятница — сухоядение: ломоть хлеба и кружка воды в 3 часа... В прочие дни щи и каша. Или одни щи, а каша только в субботу и воскресенье. Для такого стола довольно двух-трех послушников. Из самих скитников... можно учредить для сего череду.

Хлебопекоев и просфорников не нужно. Будут привозить из пустыни. Просфоры потребуются только для литургии. Подавать на проскомидию некому. Внутри скита никого не впускать никогда. В скиту все старцы и нет нужды строить особых келий... на особом дворе...

7. Как не требуется двор особый, нечего определять, рядом или поодаль.

8. Это все одно, потому что одно у всех дело... Потому и келий отдельных нет нужды строить.

9. Внутренние стены, думаю, устроят, как обычно делаются в монастырях. Надо только, чтоб внутри могло быть довольно воздуха на одного... Разве тоненькие капитальные простенки... сложить...

10. Вскиту все послушники... Иеродиаконов и иеромонахов не больше двух — по два... В келии каждый один скитник живет и сам себе послушник. Для определения в скит требуется, чтобы поступающий был терт и перетерт в пустыни, а главное... имел тяготение внутрь. Скитники все службы церковные, пение и чтение справляют сами... голосовито это или безгласно.

11. Для поступления в скит. Желание поступить — стороннее дело. Главное, чтоб имел позыв и тяготение к внутрипробыванию. Это настоятель пустыни должен узнать не со слов желающего, а собственным испытанием. Настоятель же определяет, стоит ли нужду монастыря предпочесть или подчинить желания желающего поступить в скит.

12. Боримый страстями не может иметь сказанного тяготенья... и ему лучше излечиваться среди братства.

13. На безмолвие можно допустить всякого, у кого образовалось сказанное тяготение. Но оно бывает по утишении страстей, следовательно, сомнительно в юных.

14. Келейные занятия безмолвников (Ангел Божий показал св. Антонию): молитва, чтение и рукоделие. Как что из этого совершать можно, предоставить всякому скитнику самому.

Все, что я написал, прямо исходит из той мысли, что скит есть обита-

лице живущих исключительно внутреннюю жизнь. Скитник, как перевалился чрез ограду внутрь скита, пусть считает себя похороненным. Келия его — окно на Небо... туда только пусть и смотрит и там свои помышления держит. На свете только и есть, что он, да Бог, да братья по Богу... Я думаю, что у них волос дыбом станет, просмотрев мои строки. Но таким и доступа не будет в скит... Туда попадут только те, которые давно уже свыклись с внутрипробыванием и, вступая в скит, в свою область вступят.

Внутрь никого не надо пускать стороннего... и ворота всегда запорты большим запором. Кому что нужно по духовной части, иди в пустынь. Со временем, когда внутри скита образуются старцы высокого разума и понимания немощности и здравия душевного, тогда можно их отряжать на выслушивание нужд духовных и удовлетворение их словом. Для сего тогда построить близ привратничкой особую приемную. Но надо дождать, чтобы образовались старцы зрелые.

Когда это будет, тогда можно сделать приспособление.

Вам может показаться диким, что я пишу. Но я уже сказал вам вначале, что ничего разумно или опытно не знаю... Но пишу с ветру... и едва ли что из сего окажется гожим.

Говорить так заставляет меня мысль, что если не так устроится скит, то это будет та же пустынь общежительная, только маленькая. И не будет видно, чего ради хлопотать об устройении его (2, с. 69–73).

29. О должном прохождении обязанности благочинного и о блюденнии в себе монашеских обетов

Благослови, Господи, добре проходить вам должность благочинного. Надо действовать не борзясь, потихоньку. Пылить нечего. Главное — возлюбить надо братию, и большую, и малую, и в духе любви действовать. Кто чем немощнее, тем более надо возыметь к нему любовь. Если будете так действовать, любовь научит вас всему. Как огня бойтесь действовать по страсти. Где хотя малая тень страсти есть, там не жди проку. Тут прячется враг и все перепутает. Когда взыскивать приходится, избегайте того движения сердца, по коему благочинный известное нечиние считал бы оскорблением лично себе. Как он смел, когда я велел? Как он смел у меня на глазах так поступать? Надо «я» во всех его видах отбросить.

Благочинный не настоятель и должен действовать в подчинении набольшему. Хорош будет благочинный, если он первый своим непослушанием или невниманием к настоятелю чинить будет бесчинье (2, с. 171–172).

Благочинный пусть не заглушает монаха. То чин случайный, а монах по обету и умрет монахом. Так монаха паче надо блюсти. Благочиние можно сбросить, а монаха куда сбросить (2, с. 172)?

Надо думать много и каждый вечер суд над собою творить, суд без милости... и таким образом учиться и благочинствовать, и монахом быть. Благослови вас, Господи! Со всякою

нуждою ко Господу обращайтесь. Господь близ и готов с помощью. Теперь больше надо иметь страха и смирения (2, с. 172).

30. Разные советы и разъяснения благочинному по исправлению должности и очищению сердца

Движения ярости по случаю неприятностей надо прогонять молитвою и размышлением всякий раз до совершенного их исчезновения. И вреда не будет, а иначе будет (2, с. 172).

Когда о. А. спрашивает о ком начальника, надо говорить откровенно, как есть дело; это долг ваш. Смущаться этим не должно, ибо иначе поступать нехорошо. Откуда же настоятелю узнать (2, с. 172)?!

О всем, что бывает вследствие исповедания других, надо сказывать своему духовнику и делать, как он велит. И, не получивши от него разрешения, не приступать к служению. На исповедание не напрашиваться, но и не отказываться, когда велят и когда нужда видна (2, с. 173).

Осквернения тоже всякий раз пусть решает духовный отец. Не спать трудно. Служба будет никуда не гожа. Попробовать можно. Если пойдет, можно продолжать. Всяко надо трудить себя из-за сего (чтоб не было осквернений во сне). Воздержание прибавить: на ночь не есть и пить меньше — чай слабенький (2, с. 173).

Письмоводительство хуже благочинничества: надо бы устраниваться от него. Но как не знаю, что у вас

там сделано по сему, то ничего не говорю (2, с. 173).

Относительно перемены вообще держаться правила не двигаться самому, на предложение отвечать ни да, ни нет, и передвинут куда — идти не морщась, будто по Божьему повелению (2, с. 173).

Терпеть надо и терпеть все без исключения, принимая то как от руки Божией. Не следует ожидать, что как только дал приказ, все пойдет как желательно, а напротив, во всем ожидать противления и готовиться сретить его без смущения, с разумно придуманными в противодействие средствами (2, с. 173).

Надо все делать со всем усердием, успех же дела предать в руки Божии. Почему, когда нет успеха, не ярять, а укорять себя, что худо придумал, и новое средство придумать. Не все, однако ж, об этом думать, а и своею душою неотступно заниматься. Молитва да будет в сердце неотлучно. Вечером надо душу вычищать от всего и упразднять, чтобы она осталась свободною, с одним Господом (2, с. 173).

31. Повторение главных качеств, приличествующих благочинному

Я думаю, что вы теперь уже привыкли к делам вашего послушания... Даруй, Господи, чтоб все шло лучше и лучше. Мудрость невелика! Не пылить, терпеть, исподволь понемножку, все подвигать вперед. Господь того хочет и всегда в этих делах есть всеильный пособник. Только не надобно никогда допускать «я хочу», а — «порядки того требуют, я же слуга ваш» (2, с. 174).

32. Схима есть образ умертвия всему земному

Схиму принять... можно и без этого. Когда оздоровеете и постареете... и умрут все земные чувства, тогда и схиму. Она есть образ умертвия всему земному, *живу не ктому аз, но живет во мне Христос** (Гал. 2, 20) (2, с. 190).

33. Спасение зависит не от места и внешней обстановки, а от христианской жизни. Но в монастыре спастись лучше

Спастися везде можно, и спасение — не от места и не от внешней обстановки, а от внутреннего настроения. Если вера жива, если нет грехов, разлучающих с Богом и благодать Божию погашающих, если общение с святой Церковью и исполнение всего церковного прочны, и верны, и усердны, то состояние ваше спасенное, остается вам только блюстись и хранить себя в сем чине жизни, пребывая в памяти о Боге и смерти и держа в душе всегда сокрушенное и смиренное чувство. С таким настроением и в монастыре, и без монастыря спасетесь (3, с. 8–9).

В монастыре спастись лучше; но лучше ли сие для вас, это другой кто мог бы вам сказать, я же не могу. Приложите молитву, чтоб Господь определенно указал вам, как поступить. Господь близ, всех любит и всем хочет спастись. Не презрит и вашей молитвы. Только молитесь от всего сердца. От монашества не

* ...уже не я живу, но живет во мне Христос.

отрицайтесь. Говорите, что вас приглашают, смотря на вашу монашескую жизнь (среди мира). Следовательно, поступивши в монастырь на монашество, вы не новое что воспримете, а обычное уже вам. Прибавка одна, что все должно уже быть не по своей воле. Но это, хоть и тяжело вато иной раз, то имеет преимущество, что все делаемое по сему благоприятнее Богу и на нравственный строй влиятельнее. Господь да устроит путь ваш, как Ему благоугодно и для вас спасительно. Предайте себя в руки Его — и Он сотворит... Божие приходит незаметно (3, с. 9).

34. Поступающей в монастырь благословение и одобрение

Очень рад, что вам открывается место. Бог благословит! Сам Он вам его дает... Так с Богом! Мужественно вступайте в дело. Трудов не бойтесь и затруднений не страшитесь. Терпение во всяком деле и во всяком служении требуется, и без него нигде ни в чем успеха не бывает (3, с. 9–10).

Бог благословит и монашескую одежду (рясофор) принять. И старайтесь с этого же раза явить в себе настоящую монахиню (3, с. 10).

35. Служение учительницы в монастырской школе — частичка апостольского служения

Готовьтесь проходить свое служение (учительницы в монастырской школе) со всем вниманием, усердием и страхом, как дело, лично Самим Господом на вас наложенное. Да будет оно первым предметом ваших молитв и ваших желаний. Все

поставьте позади него, потому что в исполнении его ваше спасение. Это дело есть частичка апостольского служения и продолжение их труда проповеди к детям (3, с. 10).

36. Основные правила для монахов

Что спрашивает иерусалимская подвижница у вышенского лежебока, на то скажу: 1) главное монашеское правило есть — быть неотлучно умом и сердцем в Боге, или непрестанно молиться; 2) для подогревания сего подвига положены определенные молитвословия — круг дневных служб, которые в церкви совершаются, и некоторые келейные молитвования; 3) поелику иерусалимская подвижница дневные службы сама исправляет, то ей более никаких молитвословий можно не читать, а вместо чтения обычных молитв класть поклоны с молитвою Иисусовою или к Богородице и Ангелу Хранителю, к соименной святой, к святым дня. Сколько молитв и сколько поклонов, сама пусть определит, применительно к тому, как о сем написано в следованной Псалтири, там, где расписано, что в каждый день читать готовящимся ко Святому Причащению. Только пусть не обременяет себя. Лучше поменьше, оставляя себе на свободу иногда и прибавить (3, с. 76–77).

Но главное да ведает, что сила вся в непрестанном к Богу чувстве, которое и пусть возгревает как умеет. Се закон! Коль скоро чувство то есть, то все правила им одним заменяются, а коль скоро его нет, то его никакие читательные труды заменить не могут. Молитвословия на-

значены для того, чтобы питать сие чувство, и коль скоро не питают, то они попусту. Только труд, а проку нет. Это внешняя одежда, для которой или под которой нет тела, или тело, в котором нет души (3, с. 77).

37. О принятии предлагаемого пострига

Если б вы сами искали пострига, я, может быть, сказал бы вам: не ищите, предоставьте м. игумении самой это сделать. А когда мать игуменя предлагает, то вам надо согласиться. Были опыты, что иные отказывались, а потом — скорбь и тоска. Лучше этой беды не навлекать на себя (3, с. 168).

38. Расположение к молитве — корень монашества

У вас есть расположения к молитве... В этом корень монашества...

И извольте удовлетворять себя по силам и сверх силы... и в церкви, и в келии. Желали бы вы научиться молитве... Молитесь чаще и усердней — и научитесь. Иного ничего и не требуется. Если потрудитесь терпеливо, то со временем у вас породится непрестанная молитва... Поставьте себе сие целию искания и ищите. Господь близ. Имейте память Божию и всегда старайтесь зреть пред собою Господа и держать себя в благоговействе пред Ним (3, с. 168).

39. Подробное, убедительное и ясное разъяснение возражений против монастырской жизни, представляемых чувствующей призвание Божие со стороны ее родственников

Есть у вас книжка «Что есть духовная жизнь и как в ней устано-

виться»? В ней добре объяснено, что у человека есть три жизни — духовная, душевная и телесная. Первая обращена к Богу и Небу, вторая — к устройению земного быта, третья заботится о жизни тела. Редко бывает, чтоб все сии жизни раскрывались в одинаковой силе, но у одного преобладает одна, у другого другая, у третьего — третья. Выше всех — духовная, потому что дух выше души и тела и потому что через нее человек ставится ближе к своей цели, т. е. к Небу и Богу. Избираются ли такие жизни? — Не видно. Они сами течением жизни раскрываются и потом нудят человека жить по той или другой жизни... Духовной жизни потребность Бог раскрывает и зовет к ней. Так это у вас. Бога же слушать подобает паче, нежели людей... вам — родных (3, с. 195–196).

Вас смущают суждения родных. Но в этих суждениях нет основательности. Вот смотрите. «Что особенно можете вы сделать в монастыре, чего не могли бы сделать в мире? (3, с. 196).

Дела — не главное в жизни; главное — настроение сердца, к Богу обращенное. Где это удобнее соблюсти — в мире живя или устранившись от мира? Апостол пишет: *Ктому не аз живу, но живет во мне Христос**; *живот наш сокровен есть со Христом в Боге. Сыне, даждь Ми сердце. Непрестанно молитесь***. Не о чимже пецтытеся... И множество есть таких указаний,

* ...не я живу, но живет во мне Христос (Гал. 2, 20).

** Непрестанно молитесь (1 Фес. 5, 17).

в коих возвещается превосходство жизни, когда, подобно Марии, избирают единое на потребу (3, с. 196).

Обратите вопрос и скажите: «Что есть в житейской жизни, чего я не могла бы сделать, живя в монастыре?» Все, что можете делать для ближних, пребывая в сожительстве с мирянами, касается 5, 10, редко 15 человек. А в монастыре всегда есть больше 100... а есть до 1000. Таким образом, для ближних в монастыре в 10 и 100 раз больше можно делать, чем в мирянской жизни; и то, что духовная жизнь там раскрывается в недостижимой для мирян жизни, есть придаток новый, незаменимый. «Спаситель никогда не расторгал семейные отношения, напротив, проповедовал любовь к ближним и мир». — Не расторгал?! А это что: *иже любит отца или мать паче Меня, несть Мене достойн**? И даже сильнее: *иже не возненавидит отца, мать***... и пр. — Общее заключение из слов Господа таково, что по нему семейные отношения должны быть подчиняемы духовным потребностям. Марфа о семейных отношениях хлопотала, когда просила Господа: *Рцы ей... Мариш... да ми поможет*. А Господь что? — *Печешися о мнозе, Мария же благую часть избра****...

* Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня (Мф. 10, 37).

** ...кто... не возненавидит отца своего и матери... (Лк. 14, 26).

*** ...скажи ей, чтобы помогла мне... Ты заботишься и суетишься о многом... Мария же избрала благую часть (Лк. 10, 40–42).

И вообще, тон учений Господа совсем не благоприятен семейным и житейским отношениям... А что любовь проповедовал и мир, то из предыдущих моих слов видно, что упражнению сих добродетелей больше простора в монастыре, чем в мире. «Не по силам будто вам монастырская жизнь, потому что вы слабы здоровьем». Но ведь вы же слабы, живя в мирянской жизни, — стало быть, мирянская жизнь не дает крепкого здоровья. А отсюда скорее вот что следует: так как ты, мирянская жизнь, не даешь мне крепкого здоровья, то я бросаю тебя как негодную для укрепления моего здоровья (3, с. 196–197).

Возьмите еще во внимание и то, что здоровье не от одной пищи зависит, а наиболее от душевного спокойствия. Жизнь в Боге, отрешая от волн мирянских, миром осеняет сердце, а чрез то и в теле держит все в здоровом строе. И из яств не одна мясная благоприятна здоровью. Постная бывает более благоприятна для сего (3, с. 197).

«Не препятствуют молиться» — т.е. терпят, что вы ходите в церковь и дома исполняете положенные молитвословия. Но ведь молитва — не это одно. Это чин молитвенный, а молитва есть ума и сердца возношение к Богу по духовным потребам. Этому же способствуют ли родные? Не только не способствуют, но главною тому бывают помехою через возбуждаемые ими мысли... А Спаситель сказал, что если рука или нога или глаз соблазняют, т.е. мешают доброму строю, надо их отсесть... разумеются тут и родные.

«Уходя из мира, все же буду жить среди людей». Конечно, и там, в обители, — люди, да не такие, совсем другого духа... тут житейские или мирянские, а там отрешенные от себя и всего земного для Господа и Неба. И в монастырях бывают также мирянские... но есть и не такие же... Надо в их круг вступить... и дело будет совсем другое.

«В мире свои, а в монастыре чужие». Напротив, для вас там свои, а здесь чужие. Вы и теперь другого духа от своих и, следовательно, чужие им наполовину... А там совсем отчуждитесь. «Порок сердца у сестры от вашего будто намерения поступить в монастырь». — Какие басни! Он бывает от органических состояний; душевные чувства только косвенно влиять могут, и то не всегда. К тому же с пороком сердца живут по сто лет. Будто умрет сестра... когда вы уйдете... тоже пустая тревога... умереть... да и вы, и она каждое мгновение можете умереть. Если это иметь во внимании, то никакого движения не придется сделать. О. Амвросий хорошо советует поспешить. Потому что Господь зовет-зовет, да и замолчит, и от этого не только желание в монастырь погаснет, но само желание душу спасать испарится — и будете миряночкой до мозга костей (3, с. 201–202).

Чья это премудрость — влечение к пьянству поставили на одну линию с вашим влечением к монашеству?.. Ваше влечение явно есть от Господа... Видно сие из его постоянства и из того, что вы и покоя не видите от неудовлетворения его и не будете иметь его. И удовлетворив,

вы можете встретить трудности. Но это уж неразлучно со всяким добром (3, с. 202–203).

И вступив в монастырь, не ищите, что будете поживать. Таков путь сей, путь тесноты и борений... и это будет настоящий путь. А покойный — не настоящий. Припомните, что сказал Господь о пути широком и узком... Господь избирает вас... и если встретите кругости... то они будут от Господа во благо вам (3, с. 203).

40. Проект внемонастырского монашества

В вашем письме будущая мать Анна приписала и о себе, что у нее все не клеится монашество. Но монашество ведь всегда можно устроить и без монастыря. Пусть вообразит, как следовало ей жить, если бы сейчас она вступила в обитель, и по сему построит для себя правило жизни — и внешней, и внутренней. Потом вы просмотрите... Если угодно, и я просмотрю. И из всех сих трудов составитя устав монашеский для одиноко живущей и желающей спастись N.N. Если она примет сей устав и согласится делом исполнять правила, вы потрудитесь взять на себя долг настоятельницы в отношении к ней. Если удастся опыт, тогда можно и другим тоже предлагать, а из иных и общество такое устроить. И выйдет — немонастырные монахини или внемонастырское подвижничество (4, с. 53).

41. О мире и мирских привязанностях

N.N., красавице, один советует оставить мир, бежать от мирской

любви, а другой советует ей выйти замуж. На чем основывается первый совет — не видно, а второй стоит на общем понятии, что мир миру рознь: от одного бежать надо, а от другого можно не бежать: «есть мирские привязанности греховные, и есть — святые» (4, с. 59).

Любовь супружеская есть любовь, Богом благословенная. Зачем же *отвлекать от нее*? Надо различать мир и мир. То Писание говорит: *не любите мира**, то оно же говорит: *Бог возлюбил мир*. Что Бог возлюбил, то и человек должен любить. Надо во всем поступать с рассуждением! Спрашиваете моего мнения о сем совете?

Вот... в словах: *не любите мира*, мир совсем не то значит, что в словах: *тако возлюби Бог мир***. В последнем под миром разумеется род человеческий погибавший, который был, между тем, любезен Богу. Бог вследствие сего и положил спасти его, дав за него Единородного Сына Своего. А в первом разумеется та часть рода человеческого, которая Бога звать не хочет и об угождении Ему не заботится; вся забота — об угождении себе удовлетворением страстей своих; о смерти не помнит и о будущей жизни не помышляет. К сему миру не благоволит Бог и отворачивается от него, не любит его — и людям заповедует *не любить его*. Таким образом, из слова *тако возлюби Бог мир* не следует, что и мы должны любить мир без всяких ограниче-

ний, а надобно прибавлять: «исключая того мира, которого не любит Бог и от которого велит нам бежать, или которого и нам велит не любить». Ибо любя сей мир, Бога нельзя любить — и нельзя души своей спасти.

Сию речь я веду все по поводу заключения, что поелику Бог возлюбил мир, то и нам *надо* любить его (4, с. 59–60).

42. О преимуществе девства

Теперь обращаюсь к разногласию тех лиц, о коих в начале речь. Там речь совсем не о людях, а о том, выходить ли замуж или нет. Обычно этот вопрос предлагается теми, кои ревнуют о спасении души и желают учредить для себя такой образ жизни, который более способствует делу спасения. Вопрос сей... он зародился еще во время апостолов: девицы, пришедшие в возраст и чувствовавшие в себе влечение быть с единым Господом, изъявляли нехотение выходить замуж. Отцы, не умея решить сего дела сами, писали к св. Павлу (из Коринфа в Ефес): как быть им со своими дочерьми? Ответ содержится в 7-й гл. Первого Послания к Коринфянам. Сущность его в следующем: не грех выходить замуж, но лучше не выходить, потому что в последнем случае имеется полная свобода благоугождать Богу, тогда как в первом много к тому препятствий. Он указывает препятствия, неизбежные по семейству, — но существенное тут то, что, обязавшись семейною жизнью, почти невозможно избегнуть соприкосно-

* 1 Ин. 2, 15.

** ...так возлюбил Бог мир (Ин. 3, 16).

вения с делами мира, которого ненавидит Бог и которого велел нам не любить. В этом скрывается пагуба... почему те, которые отвлекают от замужества девушек (если они вмещают сей род жизни), оказывают им благодетельнейшую услугу (4, с. 60–61).

43. Наставление монашествующим: желающей поступить в монастырь

Намерение ваше поступить в монастырь есть доброе намерение. И не оставляйте его, а паче возгревайте. Но когда и как поступить — это надо на волю Божию отдать и ждать терпеливо указаний Божиих. Когда придет Богом определенный срок, тогда, как на салазках под гору, скатитесь в какую-либо обитель. До того же времени живите пока, сколько позволяют ваши домашние порядки, в подвигах монашеских. Подвиги сии суть: молитва, пост, добротворение (4, с. 67).

Молитесь утром и вечером. Выучите на память утренние и вечерние молитвы — и их читайте всегда будто нараспев, чтоб мысль могла следить за словом и сердце отвечать мысли чувством. После всякой молитвы хорошо класть по несколько поклонов с молитвою к Господу, а в конце всех и сотенку можно положить. Все неспешно, со вниманием. Затем и днем, сколько можно, держать внимание к Богу вездесущему и всевидящему. Вот и все... Несложно. Но если будете со вниманием исполнять, молитва разовьется в силе (4, с. 67).

Пост — не есть досыта, а немножко голодною себя оставлять, чтоб ни мысль, ни сердце не были отягчены (4, с. 67–68).

Добротворение... Сему и в семье много случаев, а если можно за ворота заглянуть, то там и не успеешь всего поделать. Главнейший же подвиг есть хранение сердца от страстных движений и ума — от таких же помыслов. Надо в сердце смотреть и все неправоe оттуда гнать. Делая все прописанное, вы будете почти что монахиня, а то и совсем монахиня (4, с. 68).

Можно и вне монастыря быть монахиною, живя по-монашески, и в монастыре можно быть мирянкою (4, с. 68).

Монастырь вам кажется раем. А ведь он бывает и каторгою. Это надо иметь в мысли. Недавно писала ко мне одна, что бежала из монастыря, как из полымя. Так ее пробрали. А между тем она и постница, и молитвенница, и добро всякое делает и готова делать. Имейте сие в мысли наперед.

Уповайте на Господа. Он блюдет тех, которые Ему себя посвящают (4, с. 68).

44. О встрече монашествующей с мужчинами

Что случилось увлечение, об этом скорблю вместе с вами. Но уж прошло, слава Богу! Теперь запасайтесь предостережениями на будущее. Извольте так делать: как только предвидится встреча с красавцем, загоните сердце подальше в угол... и не давайте ему исхода. И особенно

держите чувства и сочувствие (4, с. 73).

Чувство мужчины к женщине и женщины к мужчине — естественно. Но его всегда можно держать в пределах таких, в которых оно не будет колебать добрых решений воли. Если будете готовиться к таким встречам заблаговременно... то никаких излишеств в этом чувстве не будет. Упражнение в этом даст вам прийти до того, что вы будете встречать каждого мужчину, будь он раскрасавец, так, как бы он не был мужчиной... Ибо, по апостолу, в Господе Спасителе *нет мужеск пол, ни женск**. Молитесь и трудитесь над этим, и Бог благословит труд ваш (4, с. 73).

45. Совет делиться с младшими духовным опытом

Юную N. благослови, Господи! Что знаете, говорите не смущаясь, когда она спрашивает. Думаю, что ее вопросы не слишком мудрены и не заходят далее того, что вы испытывали и добре понимаете. Бог ведь дал вам знать то, что знаете. Не надо оставлять сие знание без движения. Где-то у апостола есть: кто знает что и не рассказывает вопрошающему — грешит (4, с. 80–81).

46. Можно и без монастыря вести жизнь монашескую

Поездить вам по обителям очень хорошо, но надо найти товарку. Когда устроится поездка, тогда молиться надо, чтобы Господь указал вам пристанище благодетельное. Где при-

ляжет сердце, там и будет хорошо. Можно ведь и без монастыря вести жизнь монашескую, и без монашеской одежды. Как Бог устроит (4, с. 86)!

47. Ходячая монастырка

N. что завидовать?!. Ведь у вас и дома монастырь. Остается только уединиться внутрь груди и сердца. Попекитесь о сем. И будете ходячая монастырка, т.е. уединенница (4, с. 86–87).

48. Наставление по случаю неудавшейся поездки в монастырь

Расстроилась поездка? В свое время Бог устроит ее по милости Своей. На Вознесенье, если угодно Господу устроить исполнение вашего желания, мыслию и чувством вознесетесь горе — туда, где Господь одесную Бога сидит. И вкусите сладость пребывания с Господом. Побывать в монастыре, как вы думаете, точно хорошо. Но когда есть помеха, потерпите. Устраивайте в сердце монастырь, ибо это главное. Господь же всюду близ есть (4, с. 87).

49. Практическое наставление собирающейся в монастырь

Побывать в Сарове, Дивееве и в Понетаеве — благая мысль. Да устроит сие вам Господь! Когда вступите в обитель, то в самом начале надо сделать взнос, какой положат (N. должна взнести 1000 р., это не вдруг). Это и вам придется сделать. Затем все остающееся после сего взноса оставьте в своих руках. Монастырским содержанием не проживете. Надо кое-что прибавлять свое, и это не для угоды плоти, а по прямой необходимости. Если затем еще что-либо бу-

* нет мужеского пола, ни женского (Гал. 3, 28)

дет оставаться, помогайте из того бедным сестрам. Увидите, какую нужду там терпят некоторые (4, с. 93–94).

50. По совершении богомолья стремящейся в монастырь

Помоги вам, Господи, отрясти налипшую во время странствия пыль. Начнете обычные благочестивые занятия, и душа воротится к прежнему настроению.

Понравилась вам А... обитель?! Что ж, и собирайтесь туда. Что строгенько, это не должно вас ужасать. Терпят же тамошние?! Сможете и вы перетерпеть. Ко всему можно привыкнуть. И что вначале бывает тяжело, после слюбится и станет легко. Думайте, думайте об этом. А все же Бога молитесь устроить для вас дело сие... и оно само собою устроится, как и для вашей родственницы. А теперь пока свои дела справляйте. Ведь вы тоже и дома состоите на послушании (4, с. 131–132).

51. Предупреждение посетительницы монастырей об особенностях жизни монашеской

Ведь в монастырях... не все небо... Встречается земля — и очень недобрая. Небо в монастырях спрятано. Надо уметь его увидеть. Напоминаю вам о сем на случай... чтобы вы, когда придется вам побыть в монастырях... не заключали от того, что сразу увидите, к общему характеру обители. Щепки всегда сверху плавают; а что потяжелей — опускается на дно и не видно (4, с. 134).

52. Об устройении пустыни в сердце

Учитесь в пустыни устроить пустынь в сердце... чтобы была только

чистая атмосфера и светлое солнце, т.е. сердце чисто и память Божия. А под ногами земля твердая... крепкая решимость спастись и благоугождать Господу (4, с. 136).

53. Душеспасительность зависит не от места, а от строя сердечного

Все дело, впрочем, тут не от места, а от строя сердечного. Не впускайте в сердце ничего вяжущего и старайтесь быть птичкой, не в клетке, а на воле живущей и всегда без помехи могущей парить в высоту. Господь да блюдет вас в таком строе. Но в мире живя, при всех осторожностях, глядишь: там репей, там репей. И стой, срывая их и отбрасывая.

Вы всегда были внимательны к себе и к стезям своим. И впредь блюдите, как опасно ходите (4, с. 141).

54. О поступлении в монастырь

Вас уговаривают поступить в монастырь. Если Богу угодно и Он судит то необходимым для вас, то это придет само собою. Тогда упирать ногами не станете, а потечете, как елень на источники водные. Монастырская жизнь не так трудна, как вам кажется. Не труды там тяжелы, а неимение своей воли: делать, что прикажут, и сестрам, и начальницам, и распорядительницам надо покорствоваться... За это в награду Бог дает внутренний мир, покоящийся в лоне смирения. Самая основательная у вас причина не поступать теперь в монастырь — это пристроенье сына... Пока он не воспитан вполне... и не пристроен, вам покоя иметь нельзя (4, с. 151–152).

55. О тайном постриге

Вы поминали о тайном постриге... и что вам очень этого желается. Это можно. Постриг этот вашему пути не помешает; напротив, придаст вам энергии... так примите. Бог благословит!

Но попекитесь хранить сие в тайне (4, с. 153).

56. Ответ на вопрос о далекой поездке за постригом

Собираетесь на Кавказ или на Кавказский Афон... А потом пишете: очень люблю уединение, и ничего мне так не желательно, как сидеть одной и с Господом пребывать.

Как же выжусь оба эти ваши желания? Поездка, если вы на нее решитесь, так вас растрясет и рассеет, что вы после в год не соберетесь и забудете совсем про любезное уединение. Просите ответа и совета. — В том, что я уже сказал, уже есть ответ вам... Если хотите рассеяться и вступить на опасный путь, поезжайте на Кавказ, а если хотите еще более усилить свое желание быть с единым Господом, сидите в своей хате... всячески отбиваясь от сообщества с не сущими одного с вами духа (4, с. 156).

57. Благословение на дорогу и постриг

Ну, поезжайте, коли так... Бог благословит!

И постриг... И постриг да благословит Господь. С пострижением волос да отрежуются и все земные помышления, чувства и движения... И домой воротитесь совсем новая по внутреннему строю (4, с. 157).

58. Наставление по принятию тайного пострига

Вы описали все чувства и расположения, с какими готовились к принятию пострига, приняли и изготовились к понесению его. Прибавлю только: все знаете; потрудитесь же так и держать себя и внешне, а паче — внутренно (4, с. 157).

Внутрипробывание и сердечное уединение вы держите... Дай, Господи, и всегда хранить его вам. Тут главное дело. Когда сознание внутри в сердце, а там и Господь, тогда они сочетаются и дело спасения идет успешно. Ни помыслам неправым нет хода тогда, ни тем паче чувствам и расположениям. Единое имя Господа разгоняет все чуждое и привлекает все сродное...

Что имеете вы, это само учит вас теперь. Внимайте и поостерегитесь оскорбить каким-либо противлением сего сокровенного учителя (4, с. 158).

Если есть у вас там доверенное лицо духовное, лучше всего духовник, то поверяйте ему все, в вас происходящее, или все изменения в сознании и сердце, чтоб не прокрался враг, одевшись в светлую призрачную одежду. Чужой ум лучше рассудит... и укажет, куда метит враг... и избавит от беды... а свой может увлечься и ступить на неправую стезю (4, с. 158).

Внутренних помышлений, кажущихся добрыми, бездна... Они так и парят около доброго настроения. Беда еще невелика, если взглянуть на них, но лучше не взглядывать; лучше, имея единое на потребу, которое вообразилось в сердце и стоит в глу-

би его, им одним и занимать сознание, отвевая все прочее без рассуждения (4, с. 158).

Чего вам больше всего опасаться должно? — Самодовольства, самоцена, сомнения — и великого другого *само...*

Со страхом и трепетом свое спасение содевайте... Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно возгревайте и держите.

Держите мысль и чаяние смертно-го часа... и словами почасту говорите: *вот-вот идет...* Кто? — Ангел смерти... схватит душу и унесет туда, откуда нет возврата.

Бойтесь *сытости...* Но, как нищая, голодная, раздетая и разутая, взывайте: Боже, милостив буди!.. мытаревым гласом (4, с. 158–159).

59. Нужда в старице-руководительнице

Да как это вы остаетесь совершенно одни? Ни с кем ни слова. Предлагают вам, чтоб обращались с духовными нуждами, а вы пишете: «Но этого, верно, никогда не сделаю». Что же это вы: совершенными уж себя видите и ни в чем же лишенными?!! Полагаю, что это у вас сорвалось с языка, но так никак нельзя. Как будете, когда придут смутительные помыслы по разным обстоятельствам жизни монастырской? Ведь они душу вашу изложут, пока не переговорите о них с кем-нибудь. А страстные помыслы придут: самозношения, презорства, осуждения, недовольства, сердчания, подозрения и другие — что вы будете с ними делать? Их надо сказать кому-либо, иначе они засядут внутри и бу-

дут там расти и стареть. Нет-нет. Подите переговорите с матушкою-игумениею — и или ей самой себя отдайте в ближайшее руководство, или попросите ее, чтоб она указала старицу, к которой вы могли бы в подобных случаях обращаться и переговаривать с нею по временам. Это вам закон. Сделайте и известите тотчас. Чтоб сие дело вернее шло, помолитесь и попросите Владычицу, чтоб послала вам старицу. Когда пошлет, с нею тогда пересмотрите всякий шаг свой и всякое дело свое — келейное и церковное, как бы что криво не пошло. Боже, избави (4, с. 162–163)!

60. Об обращении с сестрами (монастырскими)

Боже вас сохрани чем-нибудь вознестись над сестрами и как-нибудь показать то. Когда какая сестра обращается к вам с словом, обращайтесь и вы к ней со всем вниманием, как к посланнице Божией. Бог послал ее изведать вашу любовь и внимание к сестрам и ваше пред ними смирение (4, с. 167).

61. О внешнем и внутреннем подвиге в монашеской жизни

Всегда в молитвах моих поминаю вас, прося Господа, да благопоспешит вам без остановок и уклонений ровно довести до конца начатое. Труд немалый! Тот труд, которым привыкают к внешним порядкам монашеской жизни и ко всем ее приемам, еще не так тяжел. Большой труд в приведении в порядок внутренней жизни. Строго внимайте себе и строго судите свои помышления и чувства (4, с. 183–184).

62. Об отношении с сестрами в обители

«Относительно всех сестер держите один закон, чтоб иметь совесть свою чистою пред ними; а о том, как они в отношении к вам, не хлопчите. Пусть себе как хотят, и замечать того не старайтесь. И если заметите что, браните себя, что ничего не стоящая претензии заявляет на внимание других. Не должно услаждаться тем, когда оказывают внимание, ни оскорбляться, когда видится недостаток его. Божие внимание дорого, ибо оно отражает истину, а людское — что есть?!» (4, с. 186)

63. Об отношении к игуменье

Матушку игуменью любите и почитайте, и казначею, и всякую власть монастырскую. Они от Бога поставлены, хоть чрез посредство людей. Всех надо слушать и всех за все благодарить. И не их одних, а и всех сестер надо чтить и ставить куда как выше себя. Вы так на них смотрите, что они будто ходят по горе или кровле, а вы внизу — низко-низко. И если душа станет какую сестру видеть ниже себя, крепко тогда надо укорять себя и поспешить у Господа испросить прощения (4, с. 187–188).

64. Празднословие с мирянами по причине ослабления страха Божия. Как принимать гостей-мирян

Научитесь быть радушными, приветливыми, сговорчивыми, без потери страха Божия и внимания. Никого не принимать нельзя. Надо принимать, но без вреда себе. Учить-

ся сему надо загодя — наедине. Сядьте и сообразите все, как принять, как приветить и как вести речь, так чтоб вместе себе внимать и о Господе помнить. Потом, когда кто придет, прилагайте к делу придуманное, а когда отойдет, пересмотрите, как вы поступали, и рассудите, хорошо ли так. Раз-два так — и научитесь (4, с. 191–192).

65. Осуждать ли разговаривающих в церкви

Смущается, что сестры на клиросе иногда говорят и усмеваются. Говорить им иногда нужно по делу пения и чтения, а тут ошибается какая — вот и усмешка невольная. Если нарочно заводят разговоры и смехи — дурно, но этого вы сказать не можете. К тому же они находятся в таком положении, что враг легче подбивает их на разговоры и смехи. Рассудите. Ради вас ведь они поют и читают; стало, из-за вас и раны от врага принимают. Молитесь же за них, а не досадуйте. Всякий раз, как будет что подобное, жалость о них спешите возбудить в себе, а от жалости переходите к молитве. Осуждать же — не осуждайте... Стало, вы сами — в другом настроении. Спешите же себя исправить; а других оставьте. Своему Господу стоят и падают (Рим. 14, 4). Ведь они поболтают и замолчат — и совесть их мучит, а вы стоите да осуждаете. Кто лучше пред Богом — те, кающиеся, или вы — осуждающая? Не в церкви, так дома они вздохнут и покаются, и Бог простит их; осуждение же трудно прощается, потому

что трудно чувствуется его грешность (4, с. 192–193).

66. Готовящейся к постригу в рясофор

Смотрите, одевшись в рясофор, не подумайте, что уж все кончено и можно сложить иные оружия. Нет. Тут-то, может быть, и начнется буря. Теперь враг вас еще не совсем различает; а когда оденетесь, виднее станете и ему удобнее намечать на вас стрелы. Со страхом убо приступайте (4, с. 197).

67. О вечерней проверке своего поведения

Что вы делаете вечером — очень хорошо. Построже разбирайте, что, отчего и как, и придумывайте способы, как избежать неправостей и перехитрить лукавого, обращая все в свою пользу. Побить себя четками или другое какое налагать наказание — не мешает. А можно и так оставлять себя должницею, всякий день умножающе долги свои. И почувствовать себя такою понудьте. Это поможет поддержать *сердце сокрушенное и смиренное*, которое *Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19). Гонитесь за смирением, всегда отбегающим. Оно есть след Христов, благоухание Христово, одеяние Христово! Ради него все простит Бог и все недостатки подвигов не взыщет, а без него никакие строгости не помогут (4, с. 199).

68. Как благоустроить духовную жизнь

Займитесь же собою хорошенько. Сколько неправых помышлений

прошло чрез душу вашу! Покайтесь и испросите разрешение, вперед же *блюдите, како опасно ходите** (Еф. 5, 15) (4, с. 199).

«Дел у вас немного — в церкви, в келии, иногда в сношениях с другими. Во всех сих случаях определите себе сообразный с заповедями образ действий ко всякому делу, потом приложите побуждение — все творить во славу Божию и благо ближних — сестер, с самоотвержением и самопожертвованием, — и затем не отступайте ни от чего. И будет у вас правая во всем деятельность (4, с. 199).

Что останется еще? — Душа, за которую и возьмитесь построже. Вся жизнь наша слагается из дел да помышлений. Дела устройте, беритесь устроить помышления — дело самое нужное. Господь да умудрит вас во всем этом (4, с. 200).

Книжка есть? — Читайте, рассуждайте и к себе прилагайте. К себе прилагать есть цель и плод чтения. Если читать без сего приложения к себе, толку не будет, а еще — зло. Только теории собираются в голове и учат не себя направлять на добро, а других осуждать. Возьмите уши и послушайте сего (4, с. 200).

Если есть уже у вас Добротолубие, найдите и прочитайте Исихия о трезвении. Тут прописано самое руководство к управлению и устройению мыслей. Внимательнее прочитайте, посердечнее усвойте и потом действуйте по тамошнему указанию (4, с. 200).

* ...смотрите, поступайте осторожно.

69. Опасность путешествий для духовного делания

Вы собираетесь в путь и ждете его как особенного утешения, а я боюсь из-за него. Приходит опасение, как бы вы не рассеялись. Рассеетесь, охладаете и после не совладаете с собою. Вот это меня и страшит. Охлаждение и дома может произойти. Господь попускает его то для испытания, верна ли душа, то для наказания, что есть человек без благодатного осенения. Это ничего. Тотчас его заметить можно и озаботиться собою. А в дороге-то и не заметишь, как окостенеешь. Сколько предметов налезет в голову?! И вы порешите: ну хоть кое-как, трудилась ведь прежде как следует. И пойдет одна форма без силы и жизни. Не лучше ли вам отказаться от странствования?» (4, с. 203–204).

70. Отклонение от путешествий на богомолье

Опять в Киев и даже в Иерусалим! — Когда в прошлый раз путешествовали в Киев, говорили: «Ворочусь, сяду — и уж никуда, разве в Саров». Давно ли были в Сарове? Теперь опять позыв идти, и так далеко. Нет. Тут не дело Божие (4, с. 205).

Сидите и откажитесь от всяких выходов и путешествий. Сие вам спасительно, а то разорительно. Пришел срок. Идти на поклонение теперь вам — значит пятиться назад. То, чем особенно угодно Господу поклонение святым местам, можете вы совершать дома. Вы писали, что имеете обычай мысленно посещать все места, освященные стопами Господа, и воздавать Ему на них

благоговейное поклонение. Вот это и есть то, чего ради посещение святых мест угодно Господу! Делайте так — и Господь будет считать вас ежедневно бывающею в Иерусалиме (или в Киеве) на святых местах. Кто не нашел еще дороги внутрь себя, тому такие путешествия помощны, а кто нашел, тому они разорительны: выводят из середики наружу. Вы теперь усовершенствуйтесь во внутрипробывании, а то — внешнее — оставьте. Теперь вы так себе положите: за город ни ногою, и за монастырь-то — разве какая крайняя нужда. А то келия да церковь, келия да церковь. Этот подвиг выше даже поста. В посте послабьте себе, а в том, чтоб сидеть дома уединяясь, построже свяжите себя (4, с. 205–206).

Но припомнилось, что Господь говорил апостолам: вот враг хочет сеять вас, как пшеницу (См. Лк. 22, 31), т.е. всячески ухитряется, как бы разбить мысли ваши, рассеять внимание ваше и, ввергнув во тьму помышлений, охладить душу и сердце, отчуждить от Господа; припомнилось это и страх навело на вас. Почему решаю: откажитесь и сидите дома. Имея в мысли указываемую Господом беду, можете вы сказать, что перехитрите врага и целою и невредимою возвратитесь в келию свою? Помните, как в басне: голубок полетел на волю и воротился оципаный, с переломленною ногою, с вывихнутым крылом. Можете сказать, что с душою вашею ничего подобного не будет? Не можете? Так не ввергайтесь в опасность, не имея ручательства верного, что она минует вас. Приятельница ваша найдет

другую попутчицу. Благослови их, Господи! А вы откажитесь. За это Господь утешит вас, как не чаете (4, с. 212).

71. Мысленное путешествие по святым местам

И шататься вам по свету не следует. Сидение в келии ценнее странствований. Святые места и святыи мощи чествуются внутренне лучше, чем внешне. Путешествие ко святым местам, как я уже писал, вначале было вам пригоже, а теперь оно вам не на пользу. Отчего вы этому не внимаете? — Оттого, что только своему уму верите и своей воле последуете. Своя во всем волюшка — закон у вас. Куда это поведет (4, с. 208)?

Соглашаетесь на некоторые уступки. А без прекословий все же нельзя было. Надо было поумничать. Как же? Чему и учились? На то и наука, чтоб прекословить, наперекор апостолу, который заповедал: *не словопретися, ни на куюже потребу** (2 Тим. 2, 14) (4, с. 208–209).

Св. Григорий Нисский, брат св. Василия Великого, как восставал против путешественниц! То же делал и Григорий Двоеслов, коего Преждеосвященную литургию имеем. И из подвижников сколько было не благоволивших к сему?! А вы все свое. Сидите в монастыре да в келии: се величайший подвиг. Места же святыи обходите мысленно, как и делаете, и поклоняйтесь умно Господу, явившему на них знамения Своего к нам благоволения. Это лучше

телесного поклонения. И все умное, сердечное, духовное несравненно выше видимого. Даже видимое явление Ангела ниже ангельского невидимого руководительного внушения. Утверждайтесь же в келейном сидении и невыхождении из обители. Тут настоящая наука иночества. Молитва, чтение и рукоделие в келии да послушание в церкви — и все тут. Как просто и несложно! А в дороге чего не наберетесь? Чего не навидитесь и не наслушаетесь (4, с. 209)?

Моя мысль та, что вам надо все помышления о путешествиях бросить и завет положить не выходить даже за ворота монастыря без крайнейшей нужды. Вы хорошо сделали, что не пошли, не ради того только, что тут был для вас подвиг послушания, но и того ради, что сидеть дома для вас полезнее. За то, что вы поскорбели, Господь да воздаст вам утешениями духовными. Мысленно поклоняйтесь святым мощам и святым местам. Св. Тихон и св. Митрофан, верно, приняли ваше сердечное им поклонение, как бы вы были урак их мощей (4, с. 210).

72. О рясофоре

Ждете и не дождетесь рясофора. Придет. Но ведь это еще помолвка: до подвенечия далеко. Надо и к сему устремлять желания как к главному, и по требованию того все устроить в себе и около себя. Разумею не внешнее, а внутреннее (4, с. 211).

73. Что есть монах

Приятельница ваша боится монашества? В самом деле, ведь мы, монахи, страшное дело берем на

* ...не вступать в словопрения, что немало не служит к пользе.

себя. Разберите-ка, что есть монах? Того не надо, другого не надо, и конца нет — всего не надо. Один Бог да душа — вот монах. Как дойти до этого? Как хочешь, а доходи; ибо коль скоро не таков кто, то и не монах. Но как это ни трудно, приходит дух ревности и разгоняет все страхи. Этот дух неустойчив. Он находит, принимается сердцем и производит великие внутри повороты. Таково происхождение всех истинных монахов! Стало, прямее сказать, что монахи не сами себя делают монахами. Но есть тихие натуры, которые не гожи на крутые подвиги самоотвержения. Им сроднее жить смиренно, в простоте сердца, благотворя и помогая всякому нуждающемуся (4, с. 213).

74. Принимать ли странниц

Вы принимали странниц и угощали. Как же это? Ведь одну прими — другой жаль. Один день сделай это — и в другой такой же случай откроется. А там и отворяй келию; и все порядки ваши надо будет переменить. Нет, это не туда поведет, и вам лучше не брать на себя этого дела. Так чем-нибудь нуждающимся помогайте, а хлопоты угощения тяжелы и заведут далеко. Взялись навывкат уединению — не мешайте ходу сего навыка и держите себя строже, вдали от всего, что может развлекать (4, с. 213–214).

75. Малый постриг и схима

Постриг придет в свое время. Он есть знак. И, конечно, гораздо лучше принять его тогда, когда в душе твердо установится все им означаемое. Малый постриг не есть еще настоя-

щий постриг. Есть ангельский образ — схима: она идет к тем, кои совсем уже умерли миру и живут будто воскресшие для будущей жизни. Ниже сего — обыкновенный наш постриг монашеский, что у вас называется «сделаться манатейною»: это означает достигших известной меры чистоты, искусных в борьбе со страстями, никогда не поддающихся искушениям и препобеждающих все наветы врага. Первоначальный же чин — рясофорие — есть не более как пометка на овце, что она нашего стада, а что из нее выйдет — кто знает. Тут только начало борьбы и успехов в ней (4, с. 224).

76. С новой игуменьей

Какая у вас новость? Новая матушка-игуменья. Поздравляю. Даруй вам, Господи, все во благо. Конечно, надо ожидать чего-либо нового. Не думаю, однако ж, чтоб сие новое расстроило старые ваши порядки. Не беспокойтесь: ваше уединенное житие не будет нарушено. Но вот чего скорее побойтесь! Скажут ей старицы: вот-де у нас какая подвижница! Она ведь не знает, что сия подвижница грошовая, и ласкать станет. Грошовая подвижница тогда станет дешевле полушечной. Опасаясь сего, лучше пожелать, чтоб новая матушка была немного посуровее к вам и поменьше обращала на вас внимания. А лучше всего предаться в волю Божию, имея во всяком случае одно старание — так содержать свое внутреннее, чтоб оно было Господу угодно. Видите, как душа ваша подвижна на помыслы. От одних предположений, совер-

шенно неосновательных, как она всколыхнулась! Мало упражнения в борьбе: случаев нет. Вот новая матушка задаст вам задачи — будете стоять в непрестанном борении с собою. Стойте тогда и держите свое. И хорошо будет. Навыкнете такой неподвижности в мыслях, что уж ничто вас смутить не возможно: станьте как камень, не колеблемый волнами, а их разбивающий. Чего вам очень усердно желаю (4, с. 224–225).

77. Наставление о принятии рясофория

Благослови вас, Господи, в новой одежде, но не слишком высоко ставьте дело сие. Рясофорие что есть? — Вы все почти тоже белышка в черном платье. Настоящий постриг — когда мантию дадут. Пасхального агнца за 3–4 дня выбирали и намечали на жертву и пасхальную вечерю. Но все он еще не был жертва, до самого времени заклания. Вот и вас только наметили на жертву, а заклания ждите, когда придет. Когда придет, тогда и дело будет; а что теперь сделано — мало что стоит. Может быть, не годитесь на жертву — и вас опять выбросят в простое стадо. Смотрите и страшитесь (4, с. 225–226).

78. Высокое послушание — алтарницы

Как так скоро дано вам послушание в алтарь? Стоите вы того? — Мели бы да мели церковь. Но уж делать нечего. Не наша воля. Несите благо-разумно сие послушание. Знаете, конечно, что все можно обратить в пагубу себе. Иуда и апостольство в пагубу обратил. Помните это. Дан-

ное вам послушание очень освячительно, но и обжечься можно. Просите мудрости у Подающего ее всем (Иак. 1, 5). Бойтесь привыкнуть к святине и потом смотреть на нее как на обычные вещи келейные. Молите Бога, чтоб не попустил Он отступить страху Его от души вашей во все время служения сего. Понимаете ведь, что там совершается? Всегда содержите то в мысли и соответственные тому возгревайте чувства. Это всякий раз, как приступаете к служению сему, думайте, что только в первый раз начинаете служить, и поспешите воспроизвести свежесть чувств, какие были у вас на душе, когда приступали к сему в первый раз. Мыслям вашим много будет поводов к развлечению; но это не извинит вас, если позволите себе развлекаться. Потрудитесь; и навыкните хранить мысль неразвлеченною. Когда служите, что бы вы по сему ни делали, самое движение, — думайте, что вы то делаете самому Господу, Который и воистину принимать будет сие служение от вас. Молитесь, и Господь все направит во благо вам (4, с. 226).

79. Жаждающей уединения

Жаждете решительного уединения. Подождите. Уединение внешнее придет само, когда установится внутреннее. Бог устроит. Примите, впрочем, к сведению, что можно быть уединенну среди шума мирского и можно быть как в суматохе мирской в келии уединенной. Вы будете обладать лучшим, чем уединение внешнее, если так уединитесь в себе, что никакая сумятица внешняя

развлечь вас не сможет. О сем молитесь. Теперь вам труднее. Послушание ваше развлекает вас. Но оно же да будет вам наукою, как держать себя внутри, несмотря на внешнее к тому неудобство (4, с. 227).

80. Монашеское щегольство

Помоги вам, Господи! Помните, куда это вы забрались, — и смиряйтесь.

Вы теперь на виду. Не надо ли рясочку с шиком, четочки видненькие, и воротнички, и рукавички беленькие, гладенькие? Да, чай, и корсет надо!!! — И пойдут загадки все мудреней да мудреней. Смотрите (4, с. 227)!

81. Рясофорные должны держать себя как полные монахи

Что на пострижение свое малое вы так строго смотрите, как на большее, — это хорошо для вас. Извлекайте из сего строгость обязательств, а не повод к возносливым мыслям. Дело обета пред Господом уже совершено, в сердце изречено и решимостию скреплено. Надо точно так себя держать, как полной постриженнице. Что я писал, писал, чтоб указать постепенность постригов и чтоб вы не стали высокоумничать. Благослови вас, Господи, потрудиться во славу Божию, с трезвенною душою, без саможаления (4, с. 227).

82. Приказание игумении надо принимать как повеление Божие

Вы прописали, что не хотите оскорблять матушки игумении отказом (переписывать ведомости). Да разве вам можно отказываться?!

Когда попали в послушницы, да еще рясофорные, и еще такие, которые в совести ставят рясофорие за полный постриг, то как могла вам прийти в голову мысль отказываться от послушания? Нет, матушка, уж теперь конец своей волюшке. Что ни прикажут, то и делайте без поперечия внутри, со всею охотою, как *повеление Божие*. Положите себе поглубже в сердце сие подчеркнутое слово и действуйте так, как оно внушает (4, с. 229).

Всякое приказание принимайте как непосредственно от Самого Бога идущее слово и исполняйте его как дело Божие, как пред Богом, со всем усердием и вниманием, не яко человеком работая, но Богу всевидящему, страшась суда, изреченного на творящих дело Божие с небрежением (См. Иер. 48, 10). Затвердите, пожалуйста, это потверже (4, с. 229).

83. Труды послушания должно соединять с непрестанной молитвой

Вникните теперь в изменение Божия о вас смотрения и не допустите поступить не по намерению Божию. Что было прежде? — В церкви стояли особо, уютно, только молились и согревались в молитве; в келии тоже — главное была молитва и молитва. Теперь в церкви дело, и дома дело. Думаете, это даром? — Нет. Второй шаг предлагает вам сделать Господь. Прежде были в теплой молитве без дел послушания, теперь учитесь пребывать в такой же молитве при делах. Сего желает от вас Господь. Ухитряйтесь. И прежде был труд, а теперь побольше. Надо и дело делать, и умом от Бога не отсту-

пать, т.е. быть так, как бы стояли на молитве. Это закон: руками дело делать, а умом и сердцем с Богом быть. Пишите, а умом от Бога не отступайте и теплоте не позволяйте умалаться и трезвенности ослабевать. То же и когда прислуживаете в церкви. Как в этом успеть — дело научит. И вот приобретете опытность новую — и еще более окрепнете во внутрипробывании. В назначении вам послушаний видите милость Божию. Кто все в тепле да в тепле, слаб бывает здоровьем. Мало-мало ветерок — смотришь, и захиреет. А кто бывает на всякой погоде, тот более безопасен: привык и окреп. Вот и вас вывел Господь на небольшой ветерок. Привыкайте и здесь быть одинаковыми. Навыкши делу на этом небольшом, и когда встретите что большее, устоите, не изменяясь. В таком смысле примите свои послушания. Благослови вас, Господи (4, с. 229–230)!

84. Замечание за опущение правила во время письменного послушания

Кончив письменное послушание, говорите: теперь опять начну келейный труд и молитвование. А разве вы прекращали или сокращали свое молитвенное правило? Этого не следовало делать. На исполнение послушания следовало отрядить то время, в которое у вас назначено было рукоделие; пожалуй, и часть того, в которое читали. Молитвенное правило надлежало исполнять неопустительно. Верно, уж усердие слишком одолело, или увлекла новость дела, или отделаться скорее хотели, чтоб опять свободною быть дома. По крайней мере ту молитву, что в серд-

це, вы не прекращали? Нет, чай, и тут допущена у вас утрата, ибо когда бы вы умом Богу предстояли и в сердце смиренно Богу припадали, то не почувствовали бы прекращения молитвенного дела (4, с. 230).

Заключаю, что вы рассеялись. Увлеклись делом, и оно выбило у вас из головы все прочее, даже самонужнейшее. Стало, дурно вы справили свое послушание. Следовало исполнять его, не осуечаясь внутренно, и, усердно работая, сердце держать поодаль, свободным и внимание не отрывать от главного своего дела. Ну, уж делать нечего. Вперед будьте осторожны. По церкви хоть окажитесь поисправнее. Главное — не осуечайтесь, не торопитесь и делайте все в свое время без сумятицы. При этом никакой труд не рассеет и ума от Бога не отклонит. Учитесь. Теперь у вас другое дело, чем было прежде. То все одни себе были, а теперь и среди дел надо все же делать свое главное дело неопустительно. Помогите вам, Господи (4, с. 230–231)!

85. Разоренный завет

Вам казалось, что когда не было у вас письменного послушания, было лучше. Тут обман. Беспрекословное послушание в противность вкусам нашим дороже всех подвигов, и разорительно оно может быть только при неискусном выполнении его, как было у вас, и то большею частью только на вид. На деле же и труд самоотвержения Господь всегда вознаграждает (4, с. 231).

Вы легко смотрите на ваше упирание ногами по делу послушания. Вчера давали обет, что во всем будете

слушать игумению, а ныне отказываетесь несть послушание легкое, вам сподручное. Так-то разве обеты исполняют (4, с. 231–232)?

Слово о послушании есть вам завет с обителю и основа рясофория вашего. Разорен теперь этот завет, и вы сами себя извергли из чина, в который одною ногою вступили было. Каяться надо и плакать о сем. Ведь чрез это внутренний строй ваш должен разориться и, может быть, разорился уже, хоть по наружности он будто создается. Надо штраф на вас наложить. Извольте класть по три поклона земных, со слезами прося Господа простить ослушницу и обманщицу, которая на словах одно обещает, на деле другое делает. На духу покайтесь: это грех не мысленный, а фактический. И Бога молитесь, чтоб Он вложил кому следует опять дать это вам послушание, и, когда будет дано или оставлено за вами, тогда и поклоны прекратите. Но матушке об этом не сказывайте» (4, с. 232).

86. О чувстве оставления всеми

Что у вас было чувство оставления всеми — это хорошее чувство. Его бы надо приурочить. Враг хочет чрез него свергнуть вас в уныние, а вы учитесь из него быть странницею среди своих, как будто всем чужая. Куда как это хорошо! Думать, что о нас другие думают и нами заняты, — дурное думание. Лучше думать, что все на вас, а не за вас. Это еще более укрепит чувство странничества и опасливого жития (4, с. 236).

87. Ответ желающему поступить в монастырь

Да что монах?! Кто пребывает един с Господом, тот и монах... тут и монастырь в сердце. Вот что?! Устройтесь так — и добре будет... В монастыре без послушания нельзя быть... а дадут послушание — вот и житейская суета. Так все одно... оставайтесь как есть. Не шутя сие пишу (7, с. 16).

88. О значении монастырей

Повидали теперь монастыри — и видите, что на них есть еще благодать Господня. Да, есть и много-много у нас настоящих обителей, где под добрым надзором зреют чада Божии. А плода сколько от них на окрестность?! Ведь кричат все те, которые не видали монахов... только сборщиков и сборщиц, что в Питере и Москве. При всем том, однако ж, надо сознаться, что если бьют нас, монахов, то потому, что мы сами подставляем бока (7, с. 22).

89. Как дома жить по-монастырски

Какой вам монастырь! Извольте маяться в этом порядке жизни. Когда не будете в силах уж мышей топтать, тогда сам собою устроится и монастырь, будете вы в ограде монастырской или нет (7, с. 53).

90. Враг устремляется главным образом на монахов

Враг мирян не искушает. Против них мир за него ратует. А мироотречников некому искушать. Вот он тут и является своею персоною. И,

конечно, выходит по мастеру и мастерство (7, с. 59).

91. Мысли о применении древних монашеских Уставов

Кончил я Устав св. Пахомия — берусь за свт. Василия Великого Устав, и тот, и другой строгоньки... Сказать Прокурору, чтоб не вооружался против монастырей, а настаивал бы только, чтоб строго были исполняемы древние Уставы. Половина монахов разбежится. Но вместе думаю, что в пять раз более прибавится новых ревнителей; ибо многие нейдут в монастырь, потому что слабенько в них. Когда же станет строгонько, жизнь понравится и монахов прибавит (7, с. 59–60).

92. Могут ли монахини читать поучения в церкви

Насчет чтения поучений в церкви — печатных — никакой нет помехи читать их сестрам... Иереи не правы... а какие еще книги поучительнее этих?! — Слова апостола относятся к поучениям своим, кои позволяли себе коринфянки... уча мужей (7, с. 242).

93. Наставление для стремящихся к монастырской жизни. Разные виды подвига безбрачной жизни. Терпеливое ожидание и домашнее приготовление к монастырской жизни

Пишете: «О, когда бы поскорее! Сейчас бы улетела куда-нибудь в пустыню, чтобы ничего не видеть и не слышать». Нет-нет. Спешить никак нельзя. Где спешность и этакое рвение — поскорее да поскорее, там не

Божие дело. Смятенные желания и добрые не добры и не ведут к добру. Божие идет тихонько, незаметно, но прочно.

Молитесь и с терпением ждите, высматривая, не откроется ли дверь к выходу. Господь так устроит, что и сами не догадаетесь, как все устроится. Обручиться с Господом — обручитесь теперь сами в себе пред Ним Единым. А когда поступить в хор невест Его — это предоставьте решить Ему. Предайтесь всецело в руки Его.

Вы избираете монастырь. Но монастырь — не единственное место для тех, которые не хотят связываться семейными узами. Сначала и совсем не было монастырей. Которые решались работать Господу, не связываясь житейскими хлопотами, в своем же доме устраивали себе уединенную каютку и в ней жили отчужденно от всего, в постах, молитвах и поучении в Божественном Писании. Потом уже, довольно спустя, когда стало неудобно жить в домах, иные стали выходить за города и села и жили там: кто в натуральной пещере, кто в гробницах, кто в нарочно устроенной келии вроде шалаша. А после них уже завелись и монастыри, чтобы жить сообща и общими силами содержать себя, и вести дело спасения в нарочитых подвигах. Но и при них иные, решаясь посвятить Господу жизнь в безбрачии, не вступали в монастырь, а обрекали себя на служение братьям и сестрам в больницах, богадельнях и странноприимницах. Все эти роды жизни, образовавшиеся в самом

начале в Христовой Церкви, уже не пресекались, а пребывали всегда и доселе пребывают. И теперь из безбрачных иные дома спасаются, а иные идут в монастырь, а иные берутся ходить за больными в сестрах милосердия.

И вам можно избрать любой из этих родов жизни. А какой именно — надо пождать и посмотреть, какой Бог укажет. Вы правильно сказали, что в монастыре удобнее спасаться. Там скорее можно достигнуть очищения сердца и того состояния, которое есть радость о Дусе Святе. Все там к этому приспособлено. Мне думается, что и по состоянию вашего здоровья монастырь есть самое пригодное для вас место. Потому и не бросайте мысли попасть туда в свое время. Время Господь укажет. А до того потерпеть надо. До того подвижайтесь первым родом — т.е. дома живя. Имейте свою комнату, имейте ее как келию монастырскую и ведите там жизнь, будто в монастыре. Пусть папа и мама будут для вас вместо игумении, свои все — вместо сестер монастырских, а вы — послушница для всех несменная.

Вы спешите в монастырь, будто на свободу и в рай. Точно, там полная свобода для духа, но не для тела и внешних дел. В этом отношении там полная связа [связанность. — *Изд.*], закон неотложный не иметь своей воли. И рай там есть, но его находят, не всегда по цветистой шествуя дороге. Он воистину там находится, но загорожен терновиками и колючками, сквозь которые надо до него добираться. Этого, не исколовшись и не исцарапавшись, никто не

достигает. Сие и имейте в виду — и исправьте чаяния свободы и рая от монастыря.

Ждите же терпеливо. Помните гувернантку*! Она семь лет ждала, испытывая прочность своего намерения. Зато и вышла огневая монахиня (9, с. 261–263).

Что спешить? Монастыри не уйдут. Успеете попасть в какой-нибудь. Между тем вы и в намерении укрепитесь, и телом поукрепнете. У вас дома все порядки благочестные. И родители ваши, и родные — люди богобоязненные. Ничего вы не можете терпеть такого, что бы было противно вашему решению Господу себя посвятить, и зрите среди такой атмосферы и в таком рассаднике.

Так решено: ждите. Жизнь же и навыки свои понемногу подлаживайте под монастырские (9, с. 263).

94. Покорность родителям как приготовление к монашескому послушанию

Не умею понять, как можете вы расходиться с родителями в чем-либо? Если это касается суждений о чем-либо, то почему вам не уступать в этом всякий раз со смирением? Они постарше вас и поопытнее. Ошибку в суждении скорее вам следует за собою признать, чем предполагать ее у них. Так и полагайте: верно, я плохо вижу, — и соглашайтесь с их мнением. Если это касается каких-либо распоряжений по дому — опять сделать по-ихнему, и конец. Если не можете чего сделать, объясните, что не можете, — и тоже конец. Если, не

* См. письмо XXVIII (9, с. 263).

смотря на то, они будут настаивать, сделайте как можете. И не могу я придумать ни в чем у вас такого разлада, чтобы его нельзя было сладить. Все враг из мухи слона строит. Да уж вы не хотите ли, чтобы все шло, как вам хочется? Вот гордячка! Не только это незаконно в отношении чего-либо по дому, но даже и в отношении вас самих. Извольте же отрешить себя на совершенную покорность родителям и все делайте в угодность им, чтобы успокоивать дух их. Это и будет предварительным приготовлением к будущему монастырскому послушанию или исполнительности в общине сестер милосердия. Вот апостол для всех положил законом повиноваться друг другу в страхе Божии (см. Еф. 5, 21). А вы родителям поперечить беретесь и расходитесь с ними, Бога не боясь. На что это похоже? В чьей школе научились вы такой мудрости?!

Блюдите же, повторяю вам еще, како опасно ходите (9, с. 271–272)!

95. В сердце монастырь — Бог да душа

Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила. Внутренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть. Во сне и Сампсона связали, и остригли, и силы лишили. Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь — все равно. В сердце монастырь вот что: *Бог да душа*. Однако ж, когда Бог приведет в монастырь, надобно идти. Только опять не гадайте о том, что вы там встретите. Вы и вообразить того не можете.

Каждый там встречает то, что нужно именно ему. У одного все не походит на другого. Лучше в волю Божию предаться и все принимать, как от руки Его (11, с. 5).

96. О монастырском уединении

Кто-то когда-то сказал: сделай, чтоб мысли твои не заходили за стены монастыря, и скоро обрящешь сладкий покой монастырского уединения. Это блаженнейшая часть Марии — устроиться так, чтоб и в мысли ничего не было, кроме церкви и келии. Куда как хорошо! Я думаю, что блаженство этого состояния и описать нельзя. Соприкосновение с миром крепко пятнает душу нашу. Сиди да счищай! — се весь труд! А тут смерть! И не оглянешься, как пожалует. Будем по крайней мере трудиться, сколько можем. Покаяния отверзсты двери. Потрудитесь сплакнуть пред Господом, да так — поглубже-поглубже. А другое что дадим? Если и слез нет, скажем: «Ничего нет, Господи, имижже веси судьбами, спаси, только спаси».

Для чтения вам св. Исаак... Хорошо, что вы его взяли, там все есть. Только внимайте! Собирайте, собирайте. Это вам запасец. Ведь вы в гостях у Матери Божией. А Она гостеприимна — очень, очень. Как хорошо, что вы упрятались! Помогите вам, Господи, во всем. Всех благ вам от Господа (11, с. 65–66)!

Да благословит Господь ваше пребывание в обители. Матерь Божия да согреет вас и отреет все, навеянное толкотным порядком жизни мира. Отдохнете, успокоитесь, соберетесь в себя — и потом с новыми

силами, на новый подвиг или новую растрату сил. Но, Бог вещь, может быть, откроется возможность и новому порядку. Как хорошо будет. Мир в себе и покой совне — две ограды по-таенному в сердце человеку. Теперь у вас все тербят его, и он не имеет сил установиться. Господь буди вам помощник во всем. Не вдруг, с терпением сеется, терпеливо ожидается прозябение, возрастание и плодоносие — терпением и хранится все. В этом и мудрость (11, с. 66).

Хорошо, что взяли с собой приятелей ваших — писания св. подвижников. Под влиянием монастырской тишины и молитвенного настроения наставления их поближе будут к сердцу и яснее сознаны будут. Вот и собирайте, как пчелка, медок с цветов. Будущее даст место и случаи приложить все к делу. Запасец не мешает. Есть пословица: береги денежку про черный день. В жизни много расходов. Собирайте же, не утомляясь. Все пригодится (11, с. 66).

В начале вами деле попятиться назад весьма пагубно. Это начинается с самых невинных будто мелочей, льгот, на какие предъявляет права душа, немного потрудившаяся. Уповал и уповаю, что Матерь Божия всегда оградит вас.

В терпении вашем стяжите душу вашу. Не смущайтесь безуспешностью. Наше дело — трудиться, искать и гнаться; а когда дело придет, про то один Господь знает. Один старец афонский (о нем есть в Добротолубии) два года докучал Матери Божией — даровать ему огонь в сердце и был услышан. Не назначайте сро-

ков — а делайте и просите, чтоб Давящий молитву молящемуся даровал и вам ее. Ищите и обряцете. Видите сами, что некое действие есть. И слава Богу! Но дело еще далеко! Не изнемогайте. Вот побудете в монастыре, поуспокойтесь. Только хорошо бы вам более уединяться, сколько найдете возможности (11, с. 67).

97. Об одиночестве в монастыре

Уж когда в монастырь, то на одиночество. Плохо жить в монастыре тому, кто в общении со многими хочет жить там, как бы в обществе. И там одного только знать надо — настоятеля или духовного отца и старца; а относительно прочих должно быть так расположенным, как будто их нет. Тогда все пойдет хорошо; а без сего сумятица такая, что хуже петербургских балов. Образование, полубразование для желающих вступить в монастырь суть вещи сторонние. Главное — середка, т.е. доброе настроение сердца и благая цель. Светлые о всем понятия придут после сами собою, придет и благородство сердца и даже благородство приемов, как это показал не один пример. Правда, что жизнь монастырская нынешняя, как говорят, не походит на старинную, но когда Бог устроит путь, то приведет туда, где будет хорошо и спасительно. Веруйте сему (11, с. 68–69).

98. О применении мирянами правил спасения, писанных для монахов

Все статьи, присланные вами, содержат наставления почти исключительно монашеские. К мирянам

они нейдут. Передаю вам мнение лиц, которым мне приходилось прочитывать некоторые из сих статей».

Напрасно так думают. По-моему, наставления те могут идти ко всякому ревнующему о спасении. Сия ревность научит их, как воспользоваться всем, как даже прямо монашеские правила применить к себе. А у кого нет сей заботы, к тому никакое назидательное писание нейдет. Говорят: сердце сердцу весть подает. Те, кои давали наставления, давали их от души, так как они сложились у них в сердце собственным рассуждением и опытом. Это отзвук их сердечного настроения. Общий же дух, воодушевлявший их и все расположения их, был дух ревности о спасении себя и всякого человека. Тот же дух отражается и в слове их и проникает всякое их писание. Теперь всякий ревнующий о спасении, читая их наставления, сквозь внешнюю букву пройдет до духа их и по духу ревности, его снедающей, войдет в подобнастроение с писавшими их и в сочувствие ко всем расположениям, которые исполняли сердце их, от него проникли в писания их и составляют главное почти содержание их. Расположения же ищущих спасения или те расположения, с коими неизбежно освоиться на пути ко спасению, одинаковы у всех, монах ли кто или не монах. Разница только во внешних делах, коими выражаются сии расположения. Вот почему полагаю, что всякое наставление, составленное отшельником и для отшельников, есть сладостное духовное брашно и для всякого рев-

нителя о спасении. Там найдет он нужное себе и сумеет приложить то к своему быту, если назначены для выражения его дела, не совместные с порядком его жизни.

Монахи-то ведь христиане, и вступающие в монашество не о другом чем заботятся и поднимают труды, как о том, чтобы быть истинными христианами. И миряне тоже христиане и должны ревновать о том, чтобы быть истинными христианами. Стало быть, монахи с мирянами сходятся в главном деле. Как же теперь наставления монахам могут не идти к мирянам? Есть часть у монахов, не идущая к мирянам, но она касается только внешнего порядка жизни и отношений, а не внутренних расположений и духа. Последние должны быть одинаковы у всех, ибо *един Господь, едина вера, едино крещение** (Еф. 4, 5). И вот почему добрые миряне, ревнующие о спасении души, читать не начитаются аскетических отеческих писаний Макария Великого, Исаака Сирианина, Лествичника, св. Дорофея, Ефрема Сирианина, Добротолюбия и пр. А о тех, кои чуждаются наставлений, что в статейках, сами видите, что надо сказать: «Духа Христова не имеют». Жестоко слово сие, да что делать-то! Пусть сами рассудят... О чем пишется в тех статьях? О том, как победить страсти, как очищать сердце, как насаждать в нем добрые расположения, как молиться и преуспевать в молитве, как благоустроить

* ...один Господь, одна вера, одно крещение.

свои мысли и хранить постоянно внимание свое нерассеянным и пр. А это разве не должно быть предметом заботы всякого христианина? Разве не даны о всем этом заповеди Господом и святыми апостолами? Так Господь говорит: *бдите и молитесь** (Мф. 26, 41); *бдите, на всяко время молящеся*** (Лк. 21, 36). Это заповедь о внимании к себе, одном из главных подвигов духовных, который иначе именуется также трезвением, со слов апостола, который говорит: *трезвитесь и бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8). Но чтоб кто не подумал, что это обязательно только для одних апостолов или только для христиан совершенных, подобно им, Господь присовокупил: *а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите**** (Мк. 13, 37). По какому же это праву все наставления о внимании, трезвении и бодрствовании духовном, преимущественный предмет писаний аскетических и статей, вам пересланных, будем мы почитать относящимися только к монахам, а и не к мирянам! По сему судите и о прочем. Так, когда говорится, что *узкия врата и тесный путь введут в живот***** (Мф. 7, 14), то дается знать, что они узки и тесны не для одних монахов, а для всех вообще, заботящихся о том, чтоб внити в живот, и что, следовательно, широко живущим не будет

там места, монахи ли они или миряне. Пишется также, что подвижающийся от *всех воздержится** (1 Кор. 9, 25), *что надо умертвить уды, сущие на земли*** (Кол. 3, 5), *надо вышних искать, горняя мудрствовать, а не земная**** (Кол. 3, 1–2), *непрестанно молиться* (1 Фес. 5, 17) и сделать, чтоб *живот наш сокровен был со Христом в Боге***** (Кол. 3, 3), — и тем вменяется в обязанность всем без изъятия подвижничество, умерщвление плоти, отрешение от всего земного, непрестанная молитва, исчезновение в Боге. Но об этом только и говорится в монашеских статьях!

Вот сейчас и слышится: к сим кто доволен? Кто про то не знает и кто того не говорит? Но не о том у нас речь. Ведь не закон Божий надо подклонять под наши склонности, именуемые обычно немощами, а нашу выю под иго святого и неизменного закона Божия! Неведомо разве, что Господь щедрый и милостивый: как ига не налагает выше сил, так и поблажки никакой не допускает? Так что об этом и говорить! Разве не принадлежат ли ваши возражатели к числу тех, кои обычно говорят: «Разве я духовный, разве я монах?» или «Ведь я мирянин», отговариваясь тем от строгого исполнения евангельских заповедей? Но понимают ли они как следует, что гово-

* ...бодрствуйте и молитесь.

** ...бодрствуйте на всякое время и молитесь.

*** А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.

**** ...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь.

* ...воздерживаются от всего.

** ...умертвите земные члены ваши.

*** ...ищите горнего... о горнем помышляйте, а не о земном.

**** ...жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.

рят? Отговариваясь не только исполнять некоторые правила, но и слушать об них, по своему качеству мирян, не причисляют ли они себя к области мира, противоположного Евангелию? А это страшно. Мир есть область пагубы. О христианах говорит Господь в лице апостолов: *Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; но якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир** (Ин. 15, 19). Так, истинные христиане, хотя и миряне, не принадлежат к этой страшной области христоненавистного и Богом отверженного мира и не считают для себя чуждым ни единого слова, исшедшего из уст Господа Иисуса Христа и святых Его апостолов, не чуждаются никакого учения, содержимого Святого Православного Церковию, не брезгают им и не уклоняются от него (11, с. 115–118).

99. Общее наставление пути спасения для монашенки

Путь спасения, конечно, ведом вам. Покаявшись и положив намерение жить исправно, надо уже без всяких уступок приносить плоды покаяния в посте, молитвах и помощи другим. Надо полкubitь уединение, молчание и труд, чтобы меньше мысли рассеивались. Блуждание мыслей расслабляет благое намерение. К службам ходить неопустительно и дома утруждать себя поклонами. Читать душеспаситель-

* Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, поэтому ненавидит вас мир.

ное — хорошо, но не много. Немного прочитанное запоминать надо, чтобы не попусту читать. Начальству монастырскому всякое послушание оказывать. С сестрами быть в мире со всеми, а дружб особенных не заводить. Какой можно чем помочь — хорошо, а нет — так и быть. В гости не ходить и к себе не звать. С Господом Спасителем вести непрестанную беседу. Знай всякая свой угол и Господа — и больше ничего (8, с. 170–171).

100. Наставление перед постригом. Церковное послушание

Постриг! — Благослови, Господи! Вы, конечно, понимаете, что это. Потому приступите со страхом и трепетом, не упадая, однако ж, духом пред великостию дела, но воодушевляясь упованием на скорую помощь Божию тем, которые взывают к еe у Него от всего сердца. Не прегрешат все уповающие на Господа.

Первый постриг в обители! Позаботьтесь же быть первою инокинею, только не превозношением помирскому, а смирением пред всеми, по слову Господа, Который заповедал первым быть для всех рабами...

Послушание ваше церковное очень хорошо, и вы хорошо понимаете, чего оно требует. Церковь — дом Божий, и все там Божие... Обходитесь же со всякою там вещию как с Божиею и поступайте с нею так, как бы вы от Самого Господа получили на то повеление с памятованием при том, что и Сам Господь тут же и смотрит, как вы действуете, и или утешается тем, или оскорбляется» (8, с. 171–172).

101. Ответ на вопрос о поступлении в монашество

По всему ходу жизни вашей видно, что Господь зовет вас в путь покаяния. И я полагаю, что вы не найдете покоя, если не вступите на него. Вы хорошо делаете, что возгреваете в себе сие желание. Но теперь ли исполнить его или по времени — это решить мне неудобно. И теперь можно, и можно по окончании курса в университете. Первая моя мысль была предложить вам закончить курс, если надеетесь, что нынешние дурные учения не повлияют на вас. Потом приходило на мысль, не перейти ли вам в Академию и тут доучиться и поступить в монашество. И то, и другое можно. И будет полезно для вас.

Рассудите с своим духовным отцом — и Бог благословит поступить так, как найдете более гожим. Я не против того, чтоб и теперь поступить в обитель.

А привычки-то ваши, а увлечения?! Думаете, что стены монастыря от них укроют? О нет! Извольте готовиться на борьбу тяжчайшую!

Издали очень трудно дать решительный вам совет. Сами смотрите. Родительское же благословение как? Все пересудите с своим духовным отцом (8, с. 173–174).

102. Наставление о том, как править обителью

Вы просите у меня совета, как править обителью. Править обителью есть мудрость, превышающая мой ум. Я ничего в этом деле не понимаю, и, что бы ни сказал Вам, все то будет книжное, а не деловое.

Присматривайтесь и всякое дело обсуждайте и по обсуждении делайте. Если хорошо пойдет, пусть идет; а если нехорошо, обсудите, как переменить.

Так — всему учитесь делом, а не из книг. Год, другой пройдет, всю настоятельскую подноготную будете знать подробно. Наперед же нечего строить теории. Что за беда, что иногда ошибетесь. Ошибками и учитесь.

Экономия ведь не так еще важное дело, как вести братий как следует и куда следует. В этом держитесь той веры, что всякий вступивший в обитель желает спастись. За этот поводок берите и водите. Вести и всех собора, и каждого по частям. То общее-то немудрено. Держать строго чин монастырский и везде самому быть — в церкви, в столовой, и по келиям иногда пройти. Каждого вести очень мудрено. Узнать надо характер и соответственно этому действовать.

Надо строго быть и ничего не спускать; но при строгости и милость чтобы была. И строгость одна никуда не гожа, и милость одна никуда не гожа. То и другое надо (8, с. 177–178).

103. При каких условиях допускается перемена обители

Не умею сказать, как вам лучше — жить в этом монастыре, в коем живете, или перейти. Но думаю, что лучше не переменять места, когда искушения, о коих вы поминаете, суть обычные искушения, которые встречаются во всяком монастыре и месте. Преодолевайте их — и будете герой подвижнический...

Если же искушения у вас такие, что они только у вас там и водятся и вы не видите в себе сил преодолевать их, то, конечно, следует вам удалиться от зла (8, с. 181).

104. Когда переходить на безмолвие

Слышал ты, что лучше безмолвие... Но и желаешь его. Ищи и найдешь. Но наперед надо пройти курс послушничества, чтобы душа стерлась в порошок и стала мягка... Тогда и безмолвие... До того старайся безмолвствовать в сердце... Проси, и Господь даст (8, с. 182).

105. Книги, полезные монахам

Читай книги и по ним учись жить, если старца не найдешь... Читай авву Дорофея, Ответ великих старцев Варсонудия и Иоанна, Лествицу, Макария Великого, Исаака Сириянина, Ефрема Сириянина и Добротолюбие... Василия Великого (8, с. 182).

106. Разные ответы и наставления монастырскому благочинному

Беспокойного N.N. можно просить о. архимандрита взять в свой монастырь, а на место его определить другого, если требуется. Смущаться совести тут нечем. Делается для пользы того и для блага обители.

Движения ярости по случаю неприятностей надо прогонять молитвою и размышлением всякий раз до совершенного их исчезновения. И вреда не будет; а иначе — будет. О другом послушании не следует думать, ибо все же тут своя воля...

Вечером надо душу вычищать от всего и упразднить, чтоб она осталась пустою с одним Господом. И так отходить ко сну. Без этого же не отходить, а потрудиться над собою (8, с. 192–194).

Я думаю, что вы теперь уже привыкли к делам вашего послушания и самые дела текут у вас сносно. Даруй, Господи, чтобы все шло лучше и лучше.

Мудрость невелика! Не пылить, терпеть, исподоволь понемножку все подвигать вперед. Господь этого хочет и всегда в этих делах есть все-сильный пособник. Только не надобно никогда допускать «я хочу», а — «порядки того требуют; я же слуга ваш (8, с. 194)!

107. На вопрос живущего в монастыре о поступлении во священники

Видите — как?! То вам светло монастырство, то священство. Теперь вам светло священство, потому что вы в монастыре, а когда перейдете в священство, станет вам светло монашество. Видите, как у вас и любовь к прихожанам, и внимание прихожан, и прочее все идет как по маслицу. А семью, детей и всю житейскую обстановку, столь сложную и докучливую, и забыли. Да и по приходу-то не все встретите гибкие веточки. Я и подозреваю, что в этом светлом, вам рисующемся, есть нечто очень похожее на — *красно еже видети* — куда как красно кажет?!

А свободу ту приобрести все же не мешает. Только и после не спешить. Или как устроится. Семейные

обстоятельства ваши — большой резон. Но, пока жив отец, дело терпит-ся (8, с. 223–224).

108. По поводу размышления, не посвятить ли свою жизнь Богу

Чувствуете позыв посвятить всю жизнь свою Господу, а решиться на то боитесь. Посвятить жизнь свою Господу — не оставлено на выборе, а есть неотложный долг христианский. И когда говорится «посвятить жизнь Господу», то разумеется не часть какая, а все: все проявления жизни душевной и телесной, и самая легкая мысль, и самое простое движение телом. Когда крестимся, то *отрицаемся сатаны и всех дел его...* т.е. всего, что не угодно Богу; и *сочетаваемся Христу* верою и обетом угодить Ему строгим исполнением всех Его заповедей. Это и есть посвятить жизнь свою Господу. Следовательно, вам нечего уже теперь выбирать или раздумывать решением на это. Решение уже сделано от вашего лица. А вам предлежит не выбор, а исполнение» (6, с. 8–9).

Потрудитесь просмотреть следующие места Писания: 1 Кор. 6, 19, 20. *Вы не свои*, пишет апостол, *ибо вы куплены дорогою ценою*. И вот вывод из сих слов: *посему прославляйте Бога в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божи*, т.е. силы души и тела должны быть посвящены Богу... Ни себе, ни миру никакой уступки не допускается. В другом месте это выражается так: *едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию* (1 Кор. 10, 31). Свидетельствуя о том,

как это у самого апостола совершалось, говорит он: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Так видите как? А вы раздумываете и упираете ногами. Вы — раба, купленная бесценною Кровию. Зачем? *Чтобы живя не себе жить, а умершему* за вас и воскресшему Господу (2 Кор. 5, 15). Ни одной маленькой жилочки не осталось у вас своей. А вы всю свою особою распорядиться хотите (6, с. 9).

Вы чувствуете позыв посвятить себя Господу... Это значит, что все ваше внутреннее настроение жаждет произнести: отрицаюсь сатаны... и сочетаваюсь Христу. Жаждет душа ваша исполнить то, что так долго ожидал от вас Господь, за что доселе Он так обильно изливал на вас благодать Свою, к чему направлялось все, все, что было в вас доселе, это плод всего предшествовавшего.

Вы, конечно, давно сознали себя христианкою и полюбили христианство и жили в сей любви; но то было полусамостоятельно... течением жизни наваянное... *без борьбы*. А теперь вам предлежит это сделать вполне самостоятельно, *с борьбою*, с отвержением того, что с другой стороны *предлагает вам* мир и князь его... Сознаете ли, что князь мира предлагает вам: все сие дам тебе, если, падши, поклонись мне... Если сознаете, то вместе сознайте, что к вам подступил момент жизни самый решительный... это быть или не быть вам настоящей христианкою. Не извольте же легко отнестись к сему моменту. Войдите в рассмотрение дела, чтобы поступить как разумная

христианка, а не как бабочка, порхающая по цветам, — балы, театры (6, с. 11–12).

109. По вопросу о принятии схимы

Заметили ли вы, что *оба* владыки сквозь зубы изъявили свое согласие на ваше посхимление? Мне это очень бросилось в глаза. Приняв схиму, вы *представите им опыт, по которому они должны будут эту нерешительность свою не оправдывать*. Вы и у меня подметили эту нерешительность. И вы не правы. Я уже писал, что, обще рассуждая, не нахожу нужною схиму, но это рассуждение основывалось не на чем-либо с вашей стороны, а вообще на действии схимлений — внешнем. Когда о. Кассиан удостоверил, *что время и должно*, я со всею охотою согласился с ним и писал вам об этом, и теперь то же говорю: благослови, Господи, ваше схимление и дай вам силу явить в себе настоящую схимницу — распятую, ибо на Востоке *схима* ставрофория — крестоношение (6, с. 106–107).

Откуда вы взяли, что я насмехаюсь над вашею схимою?! Ворона в павлиньих перьях и капрал в генеральском мундире — не насмешка, а урок вам или спасительное напоминание не фанфаронить схимою, а, напротив, себя ею судить и осуждать, что вот-де перья павлиньи, а сама ворона или: мундир генеральский, а сам капрал... Вы хорошо сделаете, если сделаете, как я писал... напишете на бумаге большими буквами и будете почитать (6, с. 107).

Схима — не подтверждение обетов Крещения, а на них новых наложение... Схимник — мертвый; не стремящийся к умертвлению... а мертвый (6, с. 107).

Схима-схима! Да, пора нам кончить толки. Со всею охотою и желанием — благословляю вас. И да поможет вам Бог быть настоящею схимницею. От схимницы нет особых требований: они те же, что и от всякого монаха, но только такие, чтоб они были уже укоренены, тогда как монах простой еще ищет их (6, с. 110).

Цель трудов монаха — стяжание подвижнических добродетелей: и внешних, и внутренних, и телесных, и духовных; цель стремления схимы — достижение или построение того, что на основании подвижнических добродетелей может быть достигнуто духовного или построено. Сознание схимницы должно вступить в иную область духовную... а монах еще борется и бьется в обычной среде... Вот все такое и подобное составляет разницу... но не в существе духа, а в степени (6, с. 110–111).

О *схиме* спрашиваете, что значит: *без приятия даров*. — Думаю, без подкупа... не за деньги, а по уверенности в достоинстве. Это ныне и не имеется в виду...

Ваша схима будет, точно, во всей силе, но только нравственно. Другие не могут признавать ее. Что носите рясу, это не может быть вами основываемо на посхимлении, а на том, что она наложена как следует, а не самовольно. О посхимлении вам и заикнуться *нигде и ни пред кем* не следует. Все в духе (6, с. 112).

110. Наставление схимнице

Вы были в райском состоянии. Желая, чтоб оно не пресекалось, а пребывало и крепло паче и паче. Оно не от одежды, а от внутреннего настроения, суть которого есть предание себя Господу, по вере в любви с надеждою. Все сии духовные элементы, источники и деятели под сению благодати в области нашего произведения суть. Произволением же, если внимаем себе, с Божиею помощию всегда можно управлять...

Молчание очень приспособленное к сему делу. Помогите вам, Господи! Если нужен запрет, запрещаю вам говорить все ненужное и из нужного только что к созиданию.

Но есть внутреннее слово. Ему запрет полагает трезвенное внимание

себе, а сему опора — непрестанная молитва, или молитвенное настроение, которое состоит в памяти Божией со страхом благоговейным и решимостию мыслить, чувствовать и желать одного угодного Господу. Да будет у вас Господь пред лицом, позади — смерть, по бокам — Ангел Хранитель и св. Варвара...

Вы теперь, верно, уже возвратились в свою келию... Вам надо при уединении больше держаться. Келия — могила. Из сей могилы мысленно постройте лестницу на Небо... и ходите по ней, восхождение в сердце своем полагая; а около обведите ограду толстую-толстую и столь высокую, чтоб она заходила за область воздушную и не давала духам злобы перелезть чрез нее к вам (6, с. 118–119).

НАЧАЛЬСТВО

1. О начальствовании

Спрашиваете, не погрешаете ли, продолжая нести иго начальствования? — Нет. Вы обязаны нести его, пока начальство не скажет: довольно. Как оно не только не сказывает этого, а, напротив, налагает на вас новое дело, зная ваши немощи телесные, то вам совсем не след и на ум принимать вопроса: не следует ли оставить труды (1, с. 5)?

2. Одобрение к прохождению должности настоятеля. Искание вразумления в отеческих книгах. Воспитание смирения. Всем служить, чтобы все спаслись и достигли того, чего искать вошли в обитель

В душе только надо позаботиться не выситься и преобладать, а всем служить, чтобы все спаслись и достигли того, чего искать вошли в обитель.

Делайте расчет всякий день с душою своею вечером. И хорошенько-таки потомите ее, пока не вступит из начальниц в последние послушницы — чтоб и заснуть с сею мыслию, чая вскоре предстать и Божию Суду.

Вразумлений всяких ищите в отеческих книгах и в молитве... Есть Ангел Хранитель. Господь повелит ему потолковать душе, что подобает (1, с. 16).

3. Запрягли? — Везите, Бог повелел
Ну что, запрягли вас?! Везите-везите. Пусть пот градом! Надо везти. Бог повелел (1, с. 16).

4. Заботам не вдаваться, полагая упование на Господа

Заботам можно не вдаваться, возлагая все упование на Бога и в меру напрягая свои старания (1, с. 16).

Позаботьтесь засыпать без забот, молитвою вечернею все отряспи и себя, и обитель Богу в руки вложивши (1, с. 16).

НАУКА

1. О развлечениях и занятиях химиею по отношению к делу спасения

Занятия ваши по химии совсем не задувающего свойства, а только дующего... зачем же бросать это занятие? Оно может заменить рукоделия... не вижу тут ничего противного духовной жизни. Только увлечение разорительно; но его, кажется, можно остепенять. А мирное занятие химией ничего худого принести не может, особенно если разные тут процедуры перетолковать в духовном смысле или видеть в них отражение проявлений духовной жизни (2, с. 101).

2. Протоиерей Заркевич: сборник «Материализм, Наука, Христианство»

У нас ведь издается ряд сочинений, истину защищающих. Кто-то дал на это сумму. Протоиерей Заркевич редактирует. Надпись сборника: *Материализм, Наука, Христианство*. Сборник сочинений современных писателей (2, с. 104–105).

3. Наука и научники. Материя и сила. Рассуждение о явлениях и силах природы, приводящее к вере в Бога Вседержителя. Вечно ли зло? Мудрование лжеименного разума о вечных мучениях

Учуяли, что есть наука? Одна по себе она есть душевное дело, душевное же не понимает духовного и теснит его. Наоборот, и духовное теснит душевность. Чтобы этого не было, надо душевное одухотворить: пропустить сквозь него элементы духовные и сделать его слугою духовных интересов. И извольте это сделать с наукою, которая в ваших руках. Наука не самостоятельная госпожа. В моду вошло выставлять науку как царственную некую особу. Особа эта — мечта. Ни одной у нас науки нет, которая установилась бы прочно в своих началах. Кое-что добыто по всем наукам. Но все это не таково, чтоб давать право ссылаться на науку как на авторитет решающий. Науки нет, а есть научники, которые вертят наукою как хотят. Есть, следовательно, только догадки и наведения научников. Это то же, что прежде говорилось: разум того требует. Как разум плохо себя зарекомендовал в истории человеческих

мудрований, то бросили так выражаться, а стали ставить вместо его науку — нечто безличное.

Пред женщинами ныне преклоняются. И науку выставили как какую-то красавицу, делают перед нею книксен. Из сего можете вывести, что и ваша наука — тоже ваши соображения. И вы можете господственно относиться к ней и выдрессировать ее, как вашей душе угодно.

Есть в ней кое-что установившееся; но то — внешние формы, суть же дела не дается. Тут ваша свобода и вместе сторона, куда может быть введен религиозный элемент: и законно, и в интересах самой науки. Извольте так настроить свою науку — и будет добре (2, с. 111–112).

Вы предлагаете мне посмотреть, что построите вы относительно решения занимающего вас вопроса об единстве материи и сил на основании химических законов с целью объяснить все посредством движения. Очень рад просмотреть... Хотя я и не силен в естественных науках, в особенности в химии, но общее можно увидеть — идет ли оно или нет с точки зрения христианской. И наперед можно сказать, что коль скоро у вас дело пойдет на самообразование мира (тяп-ляп, вышел корабль), то, конечно, это незаконно. Даже и то незаконно, если вы ограничитесь только силами и законами, не показав, откуда взялись силы и кто преемник и блюститель законов. Ибо и это есть молчаливая теория самообразования мира. Я где-то встречал толки о единстве материи и сил и о выводе или объяснении всего из движения. Мне показалось там

все мечтательным и произвольным. Что есть материя, мы не знаем. Знаем только элементы или стихии неразложимые. Они слагаются и разлагаются, вследствие чего являются вещи разные. Сложение и разложение — химический процесс. Видимая сторона процесса — движение. Материя — *iners* — недвижима. Для ее движения совершенно законное требование силы. Таким образом, вы забираете все, что неизбежно представляется в вещественном мире. Но смотрите, что может повести вас к сути дела. Движение — совершенно внешнее дело. Оно ни к чему не может привести. И я не понимаю, как выставляют его как деятеля, когда оно есть действие? Спрашивал некто: «Объясни мне, как мы ходим?» И получил в ответ: сам не знает!.. Переступаем с ноги на ногу и ходим. Тут вся суть движения выражена, то есть что оно не дает ничего, кроме видимой стороны производства вещей. Не в движении сила, а в движущем. Направление движения — сложение и разложение — химический процесс. Это и в минеральном, и в растительном, и в животном царстве. Но сложение и разложение — тоже внешняя форма. Скажите: кто слагает и разлагает?.. И как? И почему так?.. Это даст настоящее знание формы сложения и разложения. Химия подвела под законы и величается: знай-де нас, вот до чего мы дошли!.. На деле же ни до чего не дошли. Это тоже: переступаем с ноги на ногу и ходим. То, что говорят: вот это с этим сродно и соединяется, а это с этим не сродно и не соединяется, то же есть, только

в другой форме выражение. И так, химическое разложение и сложение само тоже ничего не объясняет, а требует объяснения. Сверх того, кроме составления материальных вещей, вся начальная часть физических явлений выходит из владений химии. То объясняется другими поговорками, больше всего законами тяготения. Но и это не все. Есть еще часть невесомых... для коей другое требуется.

Как же теперь все объяснить на основании химических процессов?! Разве и вопрос так поставить: в своей области, то есть в составлении вещей... материальных. Это будет дело. Но и тут самостоятелен ли, независим химический процесс? Химический процесс сам по себе везде одинаков. Как же бывает, что в одном случае из него выходит мертвая вещь, в другом — растительная, в третьем — животная? Химия внушает, что химический процесс состоит в сторонней высшей его власти, которая что повелит ему, то он и делает. В образовании вещей мертвой природы химический процесс состоит под одной властью, в растительном царстве — под другою, в животном — под третьею. Следовательно, вам предлежит взойти до сих властей. Иначе у вас все останется по-старому неясным (2, с. 112–114).

Кто эти власти? Невещественные силы душевного свойства, с инстинктом производить то и то, по норме, в них вложенной Богом, сопровождаемым неким темным чутьем. Это Лейбницева монады. Всякой такой силе подчинены свет, тяжесть, теплота, электричество,

магнитность и ваш химизм, посредством которого она приводит в удобное ей движение стихии и строит вещь, которой норму носит в себе. Вот смотрите. На одном дюйме земли: трава, ландыш, будылка какая-либо... Воздух, земля с элементами и прочее все одинаково. Каким же образом выходит, что из них, одинаковых, по одинаковому химическому процессу выделяются разные растения и еще козявочки тут же разные? — Не объясните этого, не допустив означенных им сил душевного свойства. Всяко ограничиваясь одним химическим процессом и еще не определенными указаниями на законы естества, вы ничего не объясните.

Недавно какой-то немец в основе явлений всех положил волю. А кто Волящий, не указал. И осталась его теория на воздухе. Воля, точно, повсюду видна, и воля смыслящая и свое дело хорошо понимающая. Но не указывая, кто Волящий, мы указываем только факт, не объясняя его. И то, что я сказал, тоже предполагает волю. Но тут же есть и волящий — невидимая, невещественная сила душевного свойства. Но и эта теория, если ее принять, не доводит дела до конца. Откуда эта сила? — Бог создал. Их бесчисленное множество. Как всякий человек имеет свою душу, так всякая вещь — свою невещественную силу, которая ее образует и держит, как ей положено Богом при создании ее. Что во всякой вещи в растении, животном есть такая невещественная сила, владеющая естественными силами и стихиями и посредством их строя-

щая вещи и их держащая до положенного термина, это осязательно видно!.. Кто эта сила? Или фатум, или Бог, или Богом созданная сила? Фатум — преглупая вещь. У материалистов она царит; ибо у них на вопрос: отчего то и то, так и так? — всегда один ответ: «*так-таки*»... Выражается это фразой: законы-с такие... Если Бог все — пантеизм, не меньше нелепый. Остается последнее. И это есть моя теория. Этих сил много. Как они не самобытны, то им необходима подставка — субстрат, на коем держаться. Необходим еще и общий направитель. То и другое может быть отнесено к Богу так: держатся сии силы волею Божию, хочет Бог — и они существуют и действуют по норме, в них вложенной. Тою же волею и направляются; ибо имея способность инстинктуального чутья, они могут воспринимать мановения всеправящей воли Божией и исполнять ее (2, с. 114–116).

Но, мне думается, гораздо удобнее субстрат им положить душу мира, тоже невещественную, душевного свойства. Она заведывает теми малыми силами и направляет их по вложенной в нее норме. Привходит сюда и Бог непосредственно, когда по Его планам сие нужно. И се чудо! Без чуда миру нельзя стоять. Се также закон Промышления. Все идет по предначертанному и под действием созданных Богом сил. Но все держит Бог-Вседержитель и всюду входит, когда нужно, своими действиями и направлением сил (2, с. 116).

Верующие имеют полное право втесняться с духовным в область вещественного, когда материалисты

лезут с своею материею без зазрения совести в область духовного. И на нашей стороне разумность, а на их — бестолковость... Материальное не может быть ни силою, ни целью. То и другое вне его. Оно лишь средство и поприще для духовных сил, по действиям духовного начала (Творца) всяческих (2, с. 117).

Вечно ли зло или оно будет побеждено? — Читайте, что пишется в Евангелии. Придет Второе пришествие. Господь и сотворит Суд: праведных введет в вечное блаженство, а грешных выгонит в ад, на муку вечную. Добро восторжествует, но зло не превратится в добро и примет должное воздаяние (2, с. 117).

Вопиют: как так, вечные муки для временно согрешивших? Они хотят быть филантропнее Самого Бога, пострадавшего и умершего на Кресте за грешников. Если б мы, люди, изобрели такое учение, уместно было бы возражать. Но, когда так положил Сам Бог, умерший за грешников, надо покорно принять то и веровать, как бы умишко наш тут ни ершился. Свободе дана воля делать и добро, и зло. Решите, может ли сия свобода ожесточиться на зло до того, что ни за что не согласится отстать от него и зная, что в этом ее пагуба? Что может, пример вам — сатана... Подрешите еще, может ли осатаниться человеческая свобода? Сколько примеров нераскаявшихся грешников?! Что же теперь сделать с этими осатаненными? В рай злых принять нельзя, а измениться они не хотят. Остается или переделать их творчески, или уничтожить.

Переделывать нужды нет. И без них много святых. К тому же и материал совершенно испорчен. Остается уничтожить. Но дарования Божии несокрушимы. Не умеет Он уничтожать. Прибавлю еще, что Ангел сказал св. Антонию Великому: «Антоний! Себе внимай, а это дело Божие!» (2, с. 117–118).

4. Как заниматься химией, чтоб не погасить в себе духовной жизни

Немало жалею, что ваши занятия отвлекают вас от молитвенного настроения. Этим погашается духовная жизнь, но она-то и есть настоящая жизнь. Вы добре делаете, что боретесь с сим удобообстоятельным (обстоятельствами навязываемым) грехом. И продолжайте. И болезнование сердца о том изъявляйте Господу в молитве, прося Его, чтоб и занятия шли своим чередом, и молитвенный дух не отходил. Поможет Господь. Но надо и самим приложить некий труд в этом роде. Потрудитесь узреть следы Божии в тех явлениях, кои изучаете, и, узревши, исповедуйте то Господу и мысленно к Нему возноситесь в продолжение самого труда вашего. Тогда занятия ваши будут походить немного на чтение духовной книги. Еще вот что: приобретите навык трудить научными занятиями голову только в определенные часы; по окончании же их — все из головы вон и оставяйтесь с одним Господом, землям же, солям и кислотам не позволяйте лезть в голову... Навык такой придет, но надо потрудиться умно.

Это же пойдет и к недопущению до расстройства здоровья. Для

последнего дела каждый день неотложно гуляйте на свежем воздухе: или у себя в саду, или за городом. Извольте послушание оказать прописанному и увидите, как добре будет... Только не поблажайте и прогоните — нельзя (2, с. 121–122)!

5. О занятиях хозяйством и наукой

Поздравляю с переменою порядков жизни вашей. Что тут стало лучше, тому радуюсь вместе с вами, а что хуже — жалею. Но уповайте, что Господь поможет все поправить и стать в прежнюю колею. Что вы опять все в своих руках имеете, это крепко хорошо. Труд и терпение, терпение и труд... и все пойдет добре. Только не борзитесь и зараз все поставить на ноги, как по команде, не помышляйте. «Не знаете, что делать». Как не знать? Хозяйничать. Вот и все. Уж все увидели! Ну так исправное делайте более исправным, неисправное исправляйте. Как это сделать, думаю, вам нечего ломать голову. Только не всю, однако ж, душу в одно это влагать. А на первый раз половину, а там и четверть достаточно.

Прочее же все Богу посвящайте. Ухитритесь определить известную частицу дня, когда бы вы, отрезав все, с одним Богом беседовали или молитвою, или размышлением, или чтением, или то тем, то другим, то третьим в разные моменты дня.

«Научное бросаете». Распрекрасно. Для духовного дела оно как вода для огня. И еще лучше будет, если никогда к нему, никогда более не будете ворочаться (2, с. 123–124).

6. Наука холодит. Как поддерживать молитвенное настроение

Научность всякая есть холодило. Не исключается из сего даже и богословская наука, хотя тут предмет, холодя образом трактования предмета, самым предметом может иной раз и невзначай падать на сердце. Научность душевного свойства, а молитва — духовного. Потому они не в ладах. А про житейские дела и говорить нечего, особенно у кого, по несчастью, заботливый нрав (2, с. 130).

Не можете ли вы определить хоть по полчаса утром и вечером на отрешенное богомыслие и молитву?.. Силою себя заставлять стоять пред Богом неразвлеченно, хоть не читая молитв, а с одним воплем: «Господи, Милостивый, пощади душу мою!» И поклоны хорошо класть. Господь да умудрит вас (2, с. 130)!

7. Наставление о занятии наукою без повреждения духовного благонастроения

Ваши ученые занятия, говорите, и отвлекают от молитвы, и охлаждают ее. Это в порядке вещей. Все душевные занятия такого рода и предприятия деловые всех родов, и научная кропотня, и художнические работы — все такого же свойства. А о тех, кои еще ниже, о них и говорить нечего. Есть один способ избегать сего — это заниматься всем от лица Божия, по началам открытых Им истин, не позволяя себе никаких наведений, противных им, а, напротив, все обращая в подтверждение их. Попробуйте приходить в свою *Лабораторию* с мыслию о Боге,

что идете дело рук Его рассмотреть подробнее, чтобы, увидев дело, прославить премудрость Его. В этом настроении будьте во все время занятый. Может быть, в таком случае, думаю, не так много охладится душа (2, с. 135–136).

8. Ученая забота едучей рака

Едуча забота житейская... Но забота ученая — едучей самого рака. Истинно так. Медицина, верно, об этом и не думает (7, с. 20).

9. Программа христианской психологии

Вот, по-моему, какова должна быть программа этой психологии.

Изобразить состав естества человеческого: дух, душа и тело — и представить систематический перечень всех способностей и отправления каждой части и затем описать состояние и частей естества, и способностей:

- 1) в естественном состоянии,
- 2) в состоянии под грехом и
- 3) в состоянии под благодатию.

Маленький опыт такой психологии представлен мною в Письмах о христианской жизни — выпуск *третий*, письма XXI–XXV, и в прибавлениях С. 381–609.

В порядке уроков по Нравственному богословию это шло под рубрикою «*Следствия* доброй и худой жизни», а в письмах — будто по желанию того лица, к которому писались письма (7, с. 215–216).

10. Области нашего знания и науки

Когда вы обдумываете, то тут нет еще определенной мысли. Мысль

определенная устанавливается, когда найдете решение какого-либо из вопросов. Рассудок ваш все роется, ища, что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и прочее. Когда же найдете сами такое решение или, выслушав его от других, согласитесь с ним, обыкновенно говорите: «Теперь понимаю, толковать больше нечего, дело решенное». Это решение дает покой вашей мыслительности относительно занимавшего вас предмета. Тогда рассудок ваш обращается к другим предметам, а сложившаяся мысль сдается в архив душевный — память, откуда по требованию нужды берется как пособие к решению других вопросов, как средство к слаганию других мыслей. Совокупность всех сложившихся таким образом понятий составляет образ ваших мыслей, который вы и обнаруживаете при всяком случае в речах своих. Это есть область вашего *знания*, добытого вами трудом мысленным. Чем больше у вас решено вопросов, тем больше определенных мыслей или понятий о вещах; чем больше таких понятий, тем шире круг вашего знания. Таким образом, как видите, выше памяти и воображения у вас стоит рассудок, который своим *мыслительным трудом* добывает для вас определенные о вещах *понятия* или *познания*.

Не на всякий вопрос удастся нам добыть определенный ответ. Большая часть их остается нерешенными. Думают-думают — и ничего определенного не придумают. Почему говорят: может быть, так, а может быть, этак. Это дает *мнения* и

предположения, которых в общей сложности у нас не больше ли, чем сколько есть определившихся познаний. Когда кто, обсуждая известный класс предметов, добудет сам и от других позаимствует так много определенных о них мыслей и понятий, а нерешенное в них успеет дополнить такими удачными мнениями и предположениями, что может счесть этот круг предметов достаточно познанным и уясненным, тогда приводит все добытое в порядок, излагает в связи и последовательности и дает нам *науку* о тех предметах. Наука — венец мыслительной работы рассудка.

Все это я рассказываю вам затем, чтоб яснее вам было, в чем должна бы состоять естественная законная деятельность нашей мыслительной силы. Ей следовало бы трудолюбиво обсуждать не знакомое еще, чтобы познать то. Научниками быть дано очень немногим, не всем можно и проходить науки, но обсуждать окружающие нас вещи, чтоб добыть определенные о них понятия, всем и можно, и должно. Вот этим и следовало быть у всех занято мыслительной силой. Сколько она добудет — это судя по своей крепости, но она должна быть всегда занята серьезным делом обдумывания и обсуждения действительностей (9, с. 20–21).

11. Чтение и изучение наук

Читайте больше духовные книги. Это есть область серьезнейших предметов, и главное — самонужнейших. В этой области все ново и никогда не стареется. Чем больше

будете узнавать, тем больше будете узреть не познанных еще предметов. И охота узнавать сии предметы, и приносивленность к познанию их бывает только тогда, когда кто делом вступит на путь духовной жизни. С момента, как вы решились угождать Господу, я считаю вас не чуждою сего пути. Извольте же читать и книги о том — и умудряться (9, с. 231–232).

12. О назначении и цели произведений искусства

Вы выразили желание пропитаться мыслию, что вы — гражданка Небесного Царства... Помочь в этом вам и всем того желающим лучше всего могут искусства, очам, слуху и воображению представляя и напоминая небесное...

Все произведения искусства, кои не исполняют сего, и тем паче, кои возбуждают противные тому мысли и чувства, не должны быть почитаемы дельными (6, с. 53).

13. О сохранении здоровья при научных трудах

Трудиться — трудитесь, дело святое. Но и здоровье надо беречь. Здоровье что лошадка. Загонишь — ехать не на чем. Всякий день быть с час на свежем воздухе да сна доволь, есть и поменьше можно, винопития совсем не касаться; когда не пишете, больше ходить по хате, чем сидеть. И труд не оставит разорительного следа. Если же можно прибавить к сему и телесное упражнение — точить, пилить, строгать, рубить, то этим можно сделаться совсем недоступным для немощей (8, с. 187).

14. Об изучении и преподавании гражданской истории

История в кадетских корпусах... вероятно, преподается не так широко. Однако ж начала исторические и там должны входить в преподавание. Кто ведет человечество и куда? Христианин решает это иначе, чем ученые башибузуки. Бог ведет человечество к последней цели его, сие сознать и указать должен историк (8, с. 183–184).

Жаль, что преосвященный Макарий не окончил (русскую) Историю.

Есть История Русской Церкви преосвященного Филарета Черниговского. Она, конечно, есть в вашей семинарской библиотеке. Если, случайно как, нет ее там... пишите скорей, я пришлю. У него целая книжка этого периода (т.е. синодального)... хоть она невеличка.

Пожалуйста, поменьше хитромумия и немецкого мудрования... По-православному же сколько хотите мудруйте... т.е. *всегда так было* и так быть должно (8, с. 184).

Относительно всеобщей — лучший источник История Флери... Это сборник древних сказаний о событиях церковных... Самый худший — Неандер. Этот проклятый жиденок всю историю перепортил своими мудрованиями. У него все устроилось борьбой противоположных сторон и партий. И он следит только за этим и нередко на одном слове строит целую систему и даже целую школу... Таким образом, у него нет места апостольскому Преданию... непрерывно хранимому Святой Церковью... Таков же пошиб мудрования и у всех его последователей...

Извольте сие зарубить в памяти... и так умствовать, что все шло по апостольскому Преданию... споры поднимали не одна партия против другой в Церкви, а поднимались суетудры против апостольского Предания... Святая Церковь, хранительница его, стояла за него и поражала суетудрых... и из Церкви их изгнала (8, с. 185).

Ну что же? Историю — так историю*. Как блюстительница Преданий апостольских, она стоит наряду с Писанием как основной источник и *охрана Православия*. Вот для вас и идея церковной истории (8, с. 185–186).

15. Влияние науки на духовную жизнь христианина

Благослови вас, Господи! Надеюсь, хорошо, что чрез отдание своего хозяйства на аренду вы избавитесь от хлопот. Больше имеете времени Богу посвящать думы свои... Помолитесь, почитаете. Далее что? Надо делать что-нибудь. Лучшее дело — благотворение. Если есть что у вас заведенное в этом роде, занимайтесь тем каждый день, Господа ради, а не фанфаронства или знай наших. Если еще остается время, рукоделие можно какое-либо придумать не развлекающее. Вы занимаетесь химиею. Не хлопотно ли? Как вы привыкли уже, то, может быть, это занятие сручнее вам. Но, думается, оно должно слишком развлекать.

* Письмо писано через год после предыдущего, когда К-ву предписано преподавать общую церковную историю в Семинарии (8, с. 186).

Испытайте это занятие сею пробою, т.е. не развлекает ли слишком? Если да, а между тем нужды в нем не имеется, то можно другое что избрать. Это сами смотрите (2, с. 86).

Москва, говорите, немного развлекает. Да, надо остерегаться. Впрочем, сие ведайте, что все, по нужде делаемое, без сочувствия, не вредит духу. Беречь сердце надо, чтоб не прилегало к сластям мирским. Вкушение сих сластей гасит огонь духа, тогда как участие в чем-либо без сего вкушения только дует на тот огонь, а не гасит (2, с. 100–101).

И мне пришло на мысль сказать вам: зачем же бросать это занятие? Оно может заменить рукоделия. Я, помнится, иначе писал, не так понимая ваше занятие (2, с. 101).

А мирное занятие химией ничего худого принести не может, особенно если разные тут процедуры перетолковать в духовном смысле или видеть в них отражение проявлений духовной жизни. И химия есть часть книги Божией — в природе. И тут нельзя не видеть Бога, Премудрейшего... и Непостижимейшего (2, с. 101).

ОБ ОСУЖДЕНИИ

1. Вразумление привыкшему осуждать

Осуждать решительно надо прекратить. Извольте покаяться духовнику и просить епитимии. И отойдет. Это враг досаждает. От осудителя милость Божия отходит. Осудитель выходит сам себе враг (8, с. 224).

2. Осуждение — трудноотвыкаемая привычка

Осуждение, точно, есть трудноотвыкаемая привычка. Сознавши вину, всякий раз себя осуждайте и кайтесь пред Господом; о грешащих же жалеть навывкайте и Богу о них молитесь; Бог даст — и привыкнете не осуждать (2 с. 147).

3. Наставление о борьбе со страстью осуждения и прочими страстями

Говоря о себе, сознаете, что дух ревности об угождении Господу жив, но что прорывающиеся акты осуждения часто разоряют весь строй внутренних. Что дух ревности жив — слава Богу! А что осуждение прорывается — увьи! и ах!.. Очень не любит этого Господь. Осуждение от самодовольства рождается и самодовольство питает. То и другое показывает, что самость жива и жирна... Ухит-

ритесь истощить их все. Попробуйте так делать... когда согрешите осуждением и совесть вас мучит, просмотрите, как дошли до этого, и вперед старайтесь не ходить тою стезею. Если опять этот грех прорвется, опять то же сделайте и всегда, определяя себе так и так себя держать, чтоб не дойти до пересудов. Стоит вам однажды, дважды удержаться, потом пойдет уже легко. Обыкновенно случается это, когда посещаете тараторок. Попавши к ним, и сами делаетесь тараторкою. Но вы, как только приближаетесь к ним, заготовляйте не поддаваться влиянию их злоречия, а для того страх Божий оживите в себе и память о присутствии Господа, Коему угождать ревность имеете (4, с. 11–12).

4. Осуждение — плод самомнения

Что же это вы? Осудили и еще наставления стали читать особе, которая в два раза старше вас. На что это похоже? Вот плод самомнения, а вы того и не замечаете. Та заплакала, а вы надмились. Там старческое смирение, а у вас юное самодовольство, которое ясно видит чужие дела, понимает их цену нравственную, проносит о них решительный суд и врачевства прописывает. Хуже всего то, что вы и не сознали, что этот

поступок неправ, и рассказали о нем как о деле должном. Плакать бы надо, а вы хвалитесь. Надобно поправить это дело. И вот, когда увидите еще с тою особою, непременно извинитесь, что вы худо о ней подумали и еще решились читать ей наставления. Попросите ее, чтоб помолилась Господу, да избавит вас от заносчивости и тщеславия. Сделайте так и донесите. В этом будет пригодное врачевство против сей страсти (4, с. 184).

5. Урок по случаю прорвавшегося внутреннего осуждения

Страх Божий отошел, а за ним отошло и внимание; и попались вы в осуждение. Правду вы говорите, что уж вы согрешили внутренно. Поскорее кайтесь, и вымолите себе прощение у Господа. Наказание бывает за это, и внутреннее же. Осуждение не словом только совершается, но и внутренним движением сердца. Оно уже есть, коль скоро неблаговоительно о ком помыслит душа. Что же делать? Прорвалось — вперед остерегайтесь (4, с. 217).

6. Суждение и осуждение

Пересуды — женская слабость, конечно, похвалы не достойная. Надо, однако ж, различать осуждение от осуждения. Грех начинается, когда в сердце зарождается презорство к кому ради какой-нибудь худобы. Осудить можно просто без всякого приговора судимому. Если же при этом в сердце сожаление будет о лице оплошавшем, желание ему исправления и молитва о том, то тут не будет греха осуждения, а совершит-

ся дело любви, возможное при такой встрече. Грех осуждения больше в сердце, чем на языке. Речь об одном и том же может быть и грехом, и не грехом, судя по чувству, с коим произносится. Чувство дает и тон речи. Но лучше всячески воздерживаться и от суждений, чтоб не попасть в осуждение; т.е. не ходить около огня и сажи, чтоб не ожечься и не очерниться. Скорее переходить надо на осуждение и укорение себя (4, с. 218–219).

7. О борьбе с осуждением и самохвалением

Вот вы начинаете учиться ловить мух. Хорошо. Разумею осуждение. Только мало сказать, надо пожалеть, сокрушиться и со страхом, как на суде, исповедать Господу греховный помысл. Так и во всяком случае. В сем непрестанное раскаяние, которое есть главное дело внимающих себе (11, с. 43).

Самохваление и осуждение — две самые обычные у нас вещи. Лукавое сердце само дрянь дрянью, а все трубит: несмы якоже прочии. И сколько оттенков этого, что перечислить нельзя. Трудитесь усерднее над укреплением себя во внимании ума, и увидите, что за сокровище наше сердце (11, с. 43–44).

Вы пишете о N.N. Ну что же это у ней за душа, что она речами своими наводит примрачную тень на всех и на все. На всех степенях бывают грешники, и милость Божия покрывает их, ожидая обращения. Частностей обобщать нельзя, т.е. от одного случая заключать к характеру человека и от одного человека к це-

лomu классу людей. Пора бы перестать верить ей, шуткою покрывая все. Да и всегда при речах осуждающих держите правило: не верить. Один старец, когда к нему пришел кто-то и начал говорить худо о другом, спросил его: «Откуда знаешь о том?» Тот сказал: «Один добрый человек рассказывал». «Ну нет, не добрый, — отвечал ему старец. — Если бы был добрый, не стал бы худо говорить о другом». Так и нам надо. От видения дел да избавит Господь, а слуху не верить, и будет душа чиста. А с грехом-то осуждения как быть? Ведь, коль скоро суждение о поступках других соединяется с презорством к ним, а не со скорбью о них братскою и с сохранением чести лица их, это будет осуждение — грех великий! Внимайте же себе (11, с. 83)!

ОТЧАЯНИЕ

1. Воспитывая смирение, нужно избегать отчаяния

Беда, когда душа придет в дерзость «ничего не боюсь»... это начало падения и всякой пагубы. Но при этом добром расположении надо предохранять себя от излишества, меру надо знать и этому, а то в уныние впадешь, а далее — в отчаяние. При всех слабостях веруем, что Господь не хочет смерти грешника и что, следовательно, когда самоохотно не отдадимся немощам, Он не попустит нам пасть. Ветер сильный иное дерево до самой земли наклонит, но дерево все остается на корне и, лишь стихнет буря, — выпрямляется. Так

бывает от страстей... Пусть бушуют, но корню только устаивать надо. Корень — решение не поддаваться греху склонением на него, хотя бы смерть (1, с. 21).

ОХЛАЖДЕНИЕ

1. Охлаждение — опасное состояние души. Причины и средства к возвращению согревания от Господа

Хранится ли прежнее ваше теплое состояние? Хранить надо. Ему основа — смирение. Как только умалится смирение, так и холодность пойдет. Ибо, когда душа начинает считать себя чем-либо, тотчас Господь отступает, и она, оставшись одна, сама с собою, хладеет. Не языком говорить «я ничто», а в сердце чувствовать свое ничтожество надо. И тут всегда будет Господь, из ничего все сотворивший и творящий. Теплоту Господь подаст, но и самим надо труд приложить.

Труд сей есть, как сейчас сказано, смирение да внимание и внутри сердца болезненное к Богу припадание, неотступное при всяком деле и слове, при движении и сидении, дома и в церкви. Да умудрит вас Господь! Читайте святыя книги и, все полезное размышлением усвоя себе, прилагайте к своей жизни и к своей душе (4, с. 190).

2. Состояние бесчувствия как наказание за поползновение в грех и как обучение смирению

Главное — охлаждение. Это горькое и опасное состояние. У Господа оно стоит в числе руководительных,

вразумительных и исправительных средств. Но бывает оно и вроде наказания. Причина сего — явный грех, но как у вас его не видно, то причины надо искать во внутренних чувствах и расположениях. Не вкралось ли самомнение, что вы не то, что другие? Не загадываете ли сами шагать по пути спасительному и восходить горé одними своими средствами? Не успокоиваетесь ли на том порядке жизни, какой заведен... и расположились спать в мысли, что больше заботиться не о чем?..

Такие и подобные мысли приводят в беспечность, а беспечность есть первый шаг к охлаждению. Потому потрудитесь собрать мыслей поболее, что вы еще не начинали дела; что казалось прежде духовным, то имело значение только призвания к труду, а не плода. Приложите убеждение, что, хотя бы вы достигли высоких степеней, не безопасны от падений... путь к которым врагу пролагает беспечность и нерадение — спутницы охлаждения. Собирая же таковые возбудительные помышления, не думайте, что сами себя согреете... Согреет Господь, когда время придет. Ваше же дело — труд и труд. К сему труду мысленному прилагайте молитву к Господу именно об избавлении от сей язвы. Все другие предметы оставьте, держите одну эту молитву против охлаждения. Стоите ли на молитве, читаете ли, в церкви ли стоите, дело ли какое справляете, — все одно имейте в уме: «Господи, избави меня от сего охлаждения». И не давайте себе покоя, пока не согреетесь. Согреянность

есть Господа прикосновение к сердцу, а непрестанная теплота есть Господа вселение в сердце (1, с. 110–111).

3. Причины охлаждения: обучение, наказание

«Нападает тупое бесчувствие, бываешь как автомат: ни мысли, ни чувства».

Такие состояния бывают иногда как *наказание* за поползновение на что-либо недоброе мыслию и сочувствием; а иногда — как *обучение*: преимущественно как научение смирению, чтобы человек навык ничего не ожидать от своих сил, а все от одного Бога. Несколько таких опытов отсекают доверие себе, избавление же от тяготы указывает, откуда помощь и на кого надо во всем полагаться. Состояние это тяжело, но надо переносить его с мыслию, что лучшего не стоим, что оно заслужено (1, с. 216).

4. Охлаждение есть Божия епитимия. Средства избавления: терпение и молитвы

Только оно появится, прибегайте к смирению, говоря: «По делам; не стою благодати, но пощади». Понаблюдайте; может быть, найдете, что пред наступлением такого состояния бывают гордостные мысли и чувства; и кайтесь в них скорее. Дел же обычных — ни молитвословий, ни чтений, и другого, что есть, — не оставляйте... Охлаждение есть Божия епитимия (1, с. 226–227).

5. О причинах и средствах борьбы с бесчувствием. Свидетельство святых отцов

Некто говорит: «Поставь себя в состояние умирающего»... Другой прибавляет: «Еще лучше, поставь себя в момент Суда над тобою, когда готово изыти из уст Божиих последнее о тебе решение...» Нельзя не согласиться, что такие приемы действительно сильны размягчить каменное сердце (1, с. 232).

Терпеть. Возможно, что Бог Сам посылает это для *обучения* не полагаться на себя. Иной раз много берем на себя и многого ожидаем от своих усилий, приемов и трудов. Вот Господь и берет благодать, и оставляет одного, как бы говоря: «Вот попробуй, насколько у тебя есть сил».

Чем больше имеется дарований естественных, тем такое обучение нужнее. Сознав это, будем терпеть.

Посылается это и в *наказание* — за вспышки страстей, допущенные и не осужденные и не покрытые покаянием. Вспышки эти то же для души, что для тела — пища дурная... которая отягчает, или расслабляет, или отупляет... Надо, выходит, при сухостях осмотреться, не было ли чего такого в душе... и покаяться пред Господом и положить вперед остерегаться.

Больше всего достается это за гнев, неправду, досаждение, осуждение, возгордение и подобное Врачевство — возвращение опять благодатного состояния. Как благодать в воле Божией, то нам остается молиться... об избавлении от сей самой сухости... и от окамененного нечувствия.

Встречаются такие уроки: обычного молитвенного правила при сем не оставлять, но все его точно исполнять, стараясь всячески, чтобы мысль сопровождала слова молитвы, напрягаясь и чувство расшевелить... Пусть чувство — камень, но мысль будет, хоть половинная, но все же это молитва будет, ибо полная молитва с мыслию и чувством должна быть.

При охлаждении и бесчувствии мысль трудно будет удерживать при словах молитвы, но все же возможно. Делать надо наперекор себе... Это преутруждение себя и будет средством преклонить Господа на милость и возратить благодать. А бросать молитву никак не должно... Св. Макарий говорит: увидит Господь, как искренно желаем блага этого... и пошлет. Молитву же против охлаждения воссылать своим словом пред правилом и после правила... и в продолжение его к Господу взывать, как бы преднося пред лице Его мертвую душу: «Видишь, Господи, какова она! Но рцы слово и исцелее». С этим же словом и в продолжение дня почасту обращаться к Господу (1, с. 230–231).

Я полагал, что у вас постоянное охлаждение... или сухость и нечувствие. Но этого у вас нет, а есть то, что со всеми по временам бывает. Об этом все почти писавшие о духовной жизни поминают. Св. Марк Подвижник трех такого рода врагов выставляет:

- неведение с забвением,
- разленение с нерадением
- и окамененное нечувствие.

«Какое-то параличное состояние всех сил душевных». В кратких молитовках не забыл их и свт. Златоуст: «Избави мя от неведения, забвения, уныния (это разлечение с нерадением) и окамененного нечувствия». Средства указываются не многосложные: терпеть и молиться (1, с. 230).

6. Опасность охлаждения

Нужды и заботы действительно разорительны для духовного строя, но сию разрушительную их силу можно подсесть преданием себя в волю Божию. Это не то значит, что сложив руки сиди и жди, что Бог даст, но придумывай способы и употребляй их в дело, успех же всего представь Божию устроению, не предрешая и не строя воздушных замков, и стоя в готовности принять благодушно, что Богу угодно будет послать. Попечение иметь должно, а кручиниться и томить сердце до раздражения его — грех, ибо тут нет веры, и упования, и покорности Богу (1, с. 244–245).

7. Охлаждение и бесчувствие не составляют коренного настроения — побеждаются только терпением и молитвою

Что постоянно должно быть — это решимость благоугождать и ревность о том живая и деятельная (1, с. 247).

8. Охлаждение и бесчувствие — прямое следствие самовозношения и самодовольства

Что попали в бесчувствие и охлаждение — это прямое следствие

самовозношения и самодовольства. Следствие сие есть как наказание, как у пьяного головная боль поутру (1, с. 252).

9. Охлаждение начинается забвением

Надо бегать всячески охлаждения. Охлаждение бывает вот как: начинается *забвением*... Забываются благодеяния Божии, и Сам Бог, и свое в Нем спасение, опасность быть без Бога, и память смертная отходит — словом, закрывается вся духовная область. Это и от врага бывает, и от рассеяния мыслей делами, заботами, многим обращением с людьми. Когда все это забыто бывает, охлаждается сердце и сочувствие его к духовному пресекается... вот и нечувствие. А когда оно бывает, вместе с ним происходят и движение нерадения и беспечности...

Вследствие сего духовные занятия отлагаются на время, а там и совсем оставляются. И пошла старая — и беспечная, и нерадивая жизнь, в богозабвении, в собственное лишь угождение. Хотя при этом безалаберного и ничего не будет, но и Божиего не ищи. Пустая жизнь!

Если не хотите в сию попасть пропасть, то берегитесь первого шага — забвения. Потому ходите всегда в памятях Божиих, то есть о Боге и Божиих вещах. Это будет поддерживать сочувствие к ним, а от того и другого постоянно будет теплиться ревнование. И се жизнь (2, с. 85–86)!

10. Причины охлаждения

Вы испытываете охлаждения... И видите причины его. Эти причины

действительно таковы, что могут охлаждать. Они все от вашего произволения зависят — и вы можете отклонять их, как только захотите. Поблажаете же им ни с того ни с сего — по невниманию, бесстрашию и по фанфаронству...

Чего же это ради?! Охлаждение разве легкая беда? — Нелегкая. Подскочит враг и ну мутить, и не оглянетесь, как свернет вам голову... Так извольте встрепенуться и бодро смотреть за собою: уж нагляделись, натешились в *то время*. Теперь пора и поостроже себя держать.

Забыли слова апостола: *Со страхом и трепетом свое спасение содевайте**, — а у вас и простой осторожности не стало (3, с. 171).

11. Холод и теплота сердечная

«Охлаждению предшествует сердца к чему-либо прилепление, озабоченность чем, сердчанье и осуждение... недовольство и какое-нибудь угодые плоти, сибаритство... и мыслей рассеяние! Блюдитесь от сего, и охлаждений будет поменьше (4, с. 79).

12. Ослабление смирения приводит к охлаждению теплоты сердечной

Когда ослабляется теплота духа, надо всяко хлопотать о восстановлении ее, со страхом и трепетом припадая к Богу. Все от Него. Уныние, скука, тягота духа и тела придут иногда, может быть, надолго. Не робеть надо и твердо стоять на своем, усердно исполняя принятые прави-

* ...со страхом и трепетом совершайте свое спасение (Флп. 2, 12).

ла, и не ожидайте, чтоб на душе не было уже никакого вкуса. Вы и не ожидайте, чтоб на душе было всегда одинаково тепло и сладко. Так не бывает. Напротив, постоянно ждите нечаянных изменений. Когда придет вялость и отяжеление, думайте, что это вы — настоящая, как есть; сладость же духовную принимайте как незаслуженную милость (4, с. 186).

13. Умаление сердечной теплоты — признак, что половина пути к отступлению от Бога пройдена

Усердно исполняя правило, трезвость ума и теплоту сердца храните. Последнюю, когда начнет умаляться, возгревать спешите, твердо ведая, что, коль скоро ее не станет, это значит, что большая половина пути к отступлению от Бога пройдена. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смирение нужно, и терпение, и верность правилам, и паче всего трезвение. Внимайте себе, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтоб не заснуть или, задремавши, пробудиться (4, с. 214).

14. Причины охлаждения и связь его с рассеянностью

Чувствуете рассеяние мыслей — поберегитесь. Это очень опасно. Враг хочет загнать вас в какую-нибудь трущобу и там убить. Мысли блуждать начинают от умаления страха и охлаждения сердца. Охлаждение же сердца много имеет причин. Главная из них — самодовольство и самомнение. Вам эти очень сродни. Поостерегитесь и поспешите страх Божий восставить и душу разогреть.

А то пойдет расти рассеяние и охлаждение. Враг же тут и есть и начнет подбрасывать камушки и набросает. Рассеянный походит на дом с раскрытыми окнами без хозяина. Кто хочет, бросает туда камни и всякий сор. Возвратится хозяин и поражается множеством всякой дряни набросанной, так что жить нельзя, не очистивши всего. Так и душа, из рассеяния возвратившись к себе, находит в себе иногда много дряни от приразившихся помыслов, оставивших следы и на сердце. Сиди и очистись. Но хорошо, как охота возьмет, а то и так все останется. Вот и беда! Спаси вас, Господи, и помилуй (4, с. 221).

15. Разные причины охлаждения в духовной жизни. Как вести себя при появляющихся охлаждениях

Это что за философия: однообразие рождает равнодушие и холодность? Мир свое переносит и на Божие. В вещах тварных однообразие, точно, надокучивает, потому что они конечны. Стакан воды сладкий, хоть понемногу пей, все же выпьешь; так всякое удовольствие мирское. Сердце выпьет из него все сладкое — и конец... далее непитательно и скука.

В отношении к Богу совсем не то. Он есть благо бесконечное, достаточное для всех и на все века. В будущей жизни все приготовившие себя будут вкушать сие единое благо; и сами будут довольны, и его не исчерпают, а все более и более будут жаждать и расширяться в жаждании и во вкушении. Спросите, отчего это о. Серафиму, о. Парфению не наску-

чила такая однообразная и даже однообразнейшая жизнь? Церковь да келия... а то еще и затвор... Господи, помилуй! Как можно убивать себя? А они и не думали мучить себя... а, напротив, блаженствовали (11, с. 16).

У нас есть своя причина потери вкуса и охлаждения. Она неизбежна по ходу преуспевания. Походит на поговорку: от одного берега отстал, а к другому не пристал. Состояние как бы раздумья — не первоначального, а после, в дороге уже... временно набегает... Сердце еще не совсем отстало от чувственного и не совсем внедрилось в духовное. Позывы оттуда и отсюда закружат и отуманят на время... вот и равнодушие и безвкусице... Потерпеть немного — и пойдет... Так вот что! Будемте-ка понемногу трудиться с терпением и преданием себя Господу. Немного осталось. Час настанет, станем пред Господом и что скажем? Что умеем танцевать, говорить по-французски, хорошо ценим театральные пьесы? — Ой беда! ой горе! Тогда будем метаться туда и сюда, да уж поздно... Дай, Господи, минуточку, дай минуточку... покаемся... и не дастся оттого, что молитву возбуждали балами да театрами (11, с. 17).

Вы боитесь: ну как до конца не доведете, хоть и усердно начнете. Да, этого надобно бояться, ибо мы часто сами пред собою и против себя бываем изменчивы. Уж на себя нечего полагаться. Вся надежда на Господа. Страха же того не оставляйте, а поддерживайте его то опасением оскорбить Господа возлюбленного, то боязнию, что, ослабевши, опять уже

не взойдешь к такому воодушевлению, а тут ныне-завтра смерть. После страх сей пройдет и заменится верным упованием спасения, но теперь не оставляйте его: он будет поджигать ревность и прогонять позы к послаблениям, которые очень пагубны. Вследствие того у вас в сердце будет постоянное взывание: «О, Господи, спаси же! О, Господи, благопоспеши же!» и «Имиже веси судьбами, спаси мя, недостойную!» Это я всегда называю болезненным в сердце к Господу припадением. Враги сильны; и совне и свнутри, не знаешь как, подымутся бури и собьют с толку. Падешь — и пропал. Вот и вопий: «О, Господи, спаси!» Это и есть сердце сокрушенное и смиренное, о коем кающийся пророк Давид говорит, что его Господь не уничижает, не презирает, а внимает ему. Примите сие в мысль. Как вы уже увидели эту опасность, то вам немного стоит положить: всегда чувствовать ее и взывать о помощи. Это чувство болезненного Господу припадания из сознания окружающих опасностей, могущих прекратить течение духовной жизни и заглушить ее, должно быть постоянным чувством. Заметьте сие. Кто имеет его, тот, значит, идет и идет прямым путем. Это самый решительный тому признак!

Вы пишете: «Бог дал бы, чтобы теперешняя готовность на начинаемое дело подольше не ослабевала». Не подольше, а никогда не должно ей ослабевать. Заметьте, что эта готовность, иначе — усердие работать Господу, или ревность о Богоугождении, или решимость посвятить себя на служение Господу точным испол-

нением Его заповедей (что все одно и то же; слова разны, а дело одно), — составляет жизнь духовную. Когда есть эта готовность, жизнь духовная есть, а когда нет ее, нет и жизни духовной. Когда ее не станет, это то же, что дыхание духовное прекратится и сердце духовное перестанет биться — дух или умирает, или замирает. Потому-то первая забота вступающего на Божий путь и должна быть о том, чтобы всячески поддерживать и подогревать эту готовность, ревность и усердие. Можно этим одним и все последующие правила ограничить, т.е. береги только эту ревность и готовность, она сама научит и постоянно будет научать, что как сделать и как когда поступить. Заметьте это!

Это вместе с предыдущим болезненным припадением к Господу есть корень духовной жизни, охрана и ограждение ее. Врага этому коренному расположению и, следовательно, врага главного вы хорошо определили — *охлаждение*.

О, горькая и прегорькая вещь! Но ведайте, что не всякое умаление жара ревности есть пагубное охлаждение. Бывает оно и вследствие излишнего напряжения душевных сил, бывает и вследствие упадка сил телесных или нездоровья. То и другое — ничего, пройдет. Бедственно охлаждение вследствие произвольного уклонения от воли Божией, с сознанием и наперекор совести, вразумлявшей и останавливавшей, с пристрастием к чему-либо не Божескому.

Это убивает дух и пресекает жизнь духовную. И вот сего-то паче всего

бойтесь, бойтесь как огня, как смерти. Оно бывает вследствие потери внимания к себе и страха Божия. Их и блюдите, чтобы избежать того страшного зла. Что касается до невольных случайных охлаждений вследствие истощения сил и нездоровья, то для них один закон: перетерпеть, ни в чем не нарушая заведенных благочестивых порядков, хотя они будут исполняемы без всякого вкуса. Кто терпеливо переносит это, от того скоро и отходит охлаждение и возвращается обычная ревность, теплая, сердечная. Извольте и это принять во внимание и отселе положить, во-первых, никак не допускать произвольно охладиться ревности, во-вторых, в случае слу-

чайных охлаждений — тянуть и тянуть заведенные порядки, в той уверенности, что это сухое исполнение дел скоро возвратит живность и теплоту усердия (9, с. 147–149).

Когда станете работать над собою, увидите, что все внешние руководства и указания суть только пособия. Что же именно бывает нужно душе или как лучше поступить в том или другом случае, это всякая душа должна решить сама, при помощи Божией благодати, невидимо руководящей ею.

Искренно желающий угождать Господу и себя Ему всецело предавший всегда попадет в настоящее дело, но берет он смирением (9, с. 150).

ПАСТЫРЬ-ПРОПОВЕДНИК

1. Заветное слово пастыря Церкви. Увещание к неленостному проповеданию слова Божия

На сей раз из сокровищницы творений святителя учительного заимствуется краткое и весьма спасительное *Заветное его слово пастыря* церковным (2, с. 74).

«Господь Иисус Христос сказал: *Благовестити Ми подобает Царствие Божие, яко на се послан есмь** (Лк. 4, 43). Это — *яко на се послан есмь — священству* нашему надобно принять себе в *непреложный закон*.

И апостол заповедал им в лице св. Тимофея: *Проповедуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением*** (2 Тим. 4, 2).

Истину на землю принес Господь и Дух Святой, исполнивший апостолов в день Пятидесятницы, и ходит она по земле. Проводники ее — уста иереев Божиих.

* ...благовестовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан.

** ...проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием.

Кто из них затворяет уста свои, забывая о долге благовестования и ожидающем горе за неблаговетие (См. 1 Кор. 9, 16), тот преграждает путь истине, просящейся в души верующих (См. Лк. 11, 52). От того и души верующих томятся, не получая истины, и сами иереи должны ощущать томление от истины, которая, не получая исхода, тяготит их. Облегчись же, *иерей Божий*, от сей тяготы, испусти потоки Божеских словес (См. Ин. 7, 38) в отраду себе и в оживление вверенных тебе душ. Когда же увидишь, что и у тебя самого нет истины, возьми ее: она в святых писаниях (См. Ин. 5, 39), и, исполняясь ею, препровождай ее к детям твоим духовным, только не молчи. Проповедуй, ибо на это ты призван. (См. Мысли на каждый день года по церковн. чтен. из Слова Божия, понедельник. 18-й недели по Пятид. с. 318–319) (2, с. 74–75).

Господи Иисусе, *Свете мира* (см. Ин. 8, 12), *Истина* (Ин. 14, 6) небесная, воссияй свет Твоего Богоразумия в умах и сердцах *учеников Твоих, делателей на жатве Твоей* (см. Лк. 10, 2), да будут они умным *светом мира, творцами и учителями словес Твоих, учащими пасомых ими блюсти вся, елика заповедал Ты им* (см. Мф. 5, 14–19; 28, 20). *Отверзи умы*

разумети писания (см. Лк. 24, 45) благовестникам, пастырям и учителям церковным (см. Еф. 4, 11); сотвори их всех пресвитерами, добре прилежащими своему званию и делу, тружениками в слове и учении (см. 1 Тим. 5, 17), добрыми служителями Твоими, питаемыми словесы веры и добрым учением (см. 1 Тим. 4, 6), обучающими себе и пасомых ко благочестию (см. 1 Тим. 7), всяким писаниям богодухновенным и полезным к учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде, да совершени будут Божии человеки, на всяко дело благое уготовани* (см. 2 Тим. 3, 16–17), могущие научить спасению и пасомых. Слово Твое Божие, Господи, живое и действенное, острейшее паче всякого меча обоюдоостра и проходящее до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительное помышлениям и мыслям сердечным, пред которым — вся нага и объявлена** (см. Евр. 4, 12, 13), да будет им зеркалом духовным, светильником ногам их и светом стезям их (см. Пс. 118, 105), поучаясь в коем день и ночь (см. Пс. 1, 2) и творя повеления Господни, да спасутся сами и слушающие их (см. 1 Тим. 4, 16)» (2, с. 75–76).

* Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.

** Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные... все обнажено и открыто перед очами Его.

2. Чрез пастырей Бог открывает волю Свою пасомым

В числе православных верований есть и то, что чрез пастырей своих Бог открывает волю Свою о пасомых (3, с. 191).

3. Скорби — принадлежность пастырей

Вы скорбите... Это в порядке вещей. Господь в Гефсиманском саду — это первосвященник, страждущий за грехи всего мира. Сей скорби и туги делается причастным и священник, принимая грехи своего прихода и сторонних, приходящих к нему. Таково уж его назначение (4, с. 252–253).

4. О перемене священника

Перемена священника, хоть не всегда приятна, но беда от этого не слишком велика. Господь правит Церковию и всем, что в ней. Священники — орудия Его.

Что для кого нужно, то подаст Господь чрез священника, каков бы он ни был, коль скоро ищущий ищет с полною верою и усердно (8, с. 134).

5. О жребии пастырства

Выбор ваш — пастырства — хорош. Нет выше служения, как души спасать. Трудов нечего бояться: они все выполнимы удобно. Самое же дело спасания душ есть дело Божие. Только не мешать делу благодати... Иметь сильную веру, доброе поведение, молитвенный дух и благоразумие во внешних отношениях. И все Бог устроит. Паче всего заготавливайтесь к проповеданию.

Найдите писания святых о пасхырстве и прочитайте. Также книгу о должностях приходских священников (8, с. 219).

ПАСХА

1. Нужно войти в чувство страдания Господа ради нас, и Пасха покажется более светлою

Вот Пасха на дворе. Но прежде светлости пасхальной надо пройти темноту Страстной недели, когда воспоминается омрачение солнца в час распятия Спасителя нашего. Желая вам войти в чувство страданий Господа ради нас... и вместе с Ним поскорбеть о нас же самих. Если это даст вам Господь, то Пасха покажется вам более светлою (1, с. 65).

2. Умудритесь всегда быть с Господом — и будете всегда Пасху светлую праздновать

Умудритесь всегда быть с Господом — и будете всегда Пасху светлую праздновать. Вы сами видите, что для сего требуется. Остается и сделать, что требуется. Но никогда не позволяйте допускать себя до того, чтобы кричать: просто беда!

Внимание — самопротивление — к Господу Спасителю обращение... Вот вам все оружие! Ни один враг не устоит (4, с. 142)!

3. Пасхальное поздравление

Поздравляю и вас с Светлым Христовым Воскресением. Даруй вам, Господи, побольше всех радостей — и земных, и небесных (8, с. 33).

Благодарствую за поздравление. Шлю и свои вам благожелания, чтобы в светлости воскресения проходили дни вашей жизни — в светлости, которой причастными сделало нас святое Крещение. Благослови вас, Господи!..

Приветствую и вас сим общехристианским приветствием и молю Господа: да дарует Он вам вкушать сердцем радости воскресения и тем усладить все горечи ваши (8, с. 50–51).

Взаимно и вас поздравляю с праздником Светлого Христова Воскресения. Желая вам всяких радостей, паче тех, кои о Господе Спасителе (8, с. 67).

Благодатный праздник еще продолжается. Даруй вам, Господи, вкушать непрерывно и празднественные радости.

Хорошо вы сделали, что переселили себя на праздник, чтоб встретить его вместе со всеми в храме. Это ведь глава и корень всех праздников (8, с. 71).

ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ

1. Священное Писание у нас еще не тронуту (не растолковано)

Трудитесь: Священное Писание у нас совсем не тронуту. Иностранцы толковники, как они есть, негожи. Надо самим обдумывать и переделывать. Я и хотел бы заниматься этим предметом и занимаюсь... Но, увы! как тяжело... То не так, другое не так, и бросишь. Опять возьмешься и опять бросишь. И плохо... Но (1, с. 129).

2. О переводе Библии с еврейского

О еврейском тексте вам криво-толок говорят. Другое дело — справиться ученому или переводчику, а другое дело — весь текст издать с еврейского.

Ради нескольких текстов творить ее не следует. Настоящий перевод еще не издан — а ненастоящий уже печатается... Печатаемый читается, читаемый усваивается... Синод после издает свой... С еврейского ему издать никак нельзя — и выйдет разница... В книгах разница еще ничего, а в головах разница — великое дело. Ведь раскол будет и еще более... Куда они там смотрят (7, с. 20)?

3. Уподобление Слова Божия зеркалу

Слово Божие уподобляется зеркалу. Как, смотрясь в зеркало, всякий видит, где какое пятно или порошок на лице или на платье, так и душа, читая Слово Божие и там исчисленные заповеди рассматривая, не может не видеть, исправна ли она в тех заповедях или не исправна; совесть, просвещена будучи при сем словом живого Бога, тотчас скажет это ей нелицемерно (9, с. 127–128).

4. Совет о преподавании Закона Божия

Ветхий Завет надо передать прежде, а потом Новый. Ветхий — приготовление к Новому. Что не заставляете заучивать, не худо. Пусть рассказывает, но надо чаще заставлять повторять рассказ, чтобы утвердился в памяти.

Надо и память упражнять. Пусть заучивает какие-либо изречения Пи-

сания. Тут лучше из Нового Завета. Псалмы, какие попроще, можно заставить учить. Пусть выучит молитвы утренние и на сон. Рассказывайте, как Бог виден в природе (8, с. 26–27).

ПОДВИГ

1. Следование за Господом — иго. Противиться себе в худом и нудить на добро

Поднимаете труды «не всегда по влечению, а больше по принуждению». Таков уж закон — противиться себе в худом и нудить себя на добро. Сие и означают слова Господа, что Царствие Божие нудится и нуждницы восхищают его*. От этого и следование за Господом есть иго. Когда бы все делалось по влечению, какое бы было в сем иго? — В конце, впрочем, приходит, что все делается охотно и легко (1, с. 216).

2. Поблажки и уступки своим желаниям увеличивают период очищения от страстей

Вы думаете: для уничтожения зла, причиненного 47-летней разгульностью, надо столько же потрудиться в добрых порядках жизни... Нет, это совсем не так. Вычищается все запачканное отвращением от него и безжалостным к себе противодействием ему, с верою, упованием и любовью к Господу. Бывают сии расположения в такой силе, что в од-

* Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11, 12).

но мгновение все вычищают. Так было с разбойником на кресте. *Днесь со Мною будещи в рай**, — обетовал ему Господь. А в рай не войдет ничто нечистое.

Для иных, впрочем, очищение сие тянется долго — более всего от по блажки себе и уступок своим желаниям (1, с. 220–221).

3. Подвиг должен быть постоянным

Вы положили говеть во все посты. Прекрасно. Дай, Господи, вам выполнить это как следует. Смотрите не слушайте врага, который начнет отговаривать, выставлять резоны лукавые... важно устояние на своем против нашептываний вражеских. У древних отцов всегда бывало правилом — иметь какое-либо дело, требующее труда, для того, чтобы упражнять свои силы и делать опыты борьбы (1, с. 225–226).

4. В деле спасения главное не дела, а расположение сердца

К делу спасения нужны не дела главное, а расположения сердечные. Когда сердце наполняют добрые расположения, тогда и без дел стоит богоугодная деятельность. Блюдайте сердце и не давайте проникать туда ничему нечистому, ничему неправому, ничему нелюбовному. В ином храме, куда ни глянь, свечи горят: так, когда сердце питает добрые расположения, оно полно бывает ярко горящих свечей, и с Неба видных, и привлекающих Божеское благоволение (1, с. 258).

* ...ныне же будещь со Мною в рай (Лк. 23, 43).

5. О необходимости внешнего подвига — трудоделания

Без занятий или дел, телом совершаемых, нельзя пробыть. Только надобно обращать их во славу Божию. Мысленная сторона занята чтением, сердце — сочувствием читаемому и молитвою... а деятельная чем? Оставьте ее ни при чем — будет пустота, разлечение и расслабление первых двух. Египтяне не оставляли никогда рукоделия, даже когда приходил кто, они беседовать — беседовали, а работы не прекращали... Труд — превеликое дело. Когда химия мешает, бросьте ее. Возьмите другое что. Отчего вам не заняться переводом каких-либо добрых книг? Есть много хороших книг и на французском, и на немецком, и на английском. Переводили бы да издавали. У меня есть библиотека апологетов на французском, да и другое многое можно найти (2, с. 98).

6. Духовные делания требуют непрерывного и напряженнейшего труда

Самая большая опасность от неустанных хлопот есть подавление религиозных чувств. Кажется, вы это испытываете. И очень жаль: совсем охладеть, как вы боитесь, очень можно.

Но это не от природы житейских дел, а от нашей оплошности, по которой попускаем себе погрязнуть и мыслями, и чувствами, и желаниями, и заботами в одно житейское. А ведь этого может и не быть. Начинайте все с молитвою, продолжайте с упованием, кончайте благодарением. Всякое дело и будет окутано Божеским одеянием, а не выбьет Бога

из души... Затем, переходя от дела к делу, на переходе выгоняйте из души все житейское и будьте с Богом вниманием и чувством или повторяйте какой-либо стихок из псалмов. Заглохнутые молитвы — очень прискорбное дело... Всякий раз, как оно ощущается, не оставляйте сего без внимания. Берите книгу о молитве и читайте, углубляясь. Понемножку и оживет молитвенное к Богу восхождение. Заботу о сем помните и Господа молитесь, чтобы Он не лишил вас молитвенных утешений. Ничего в человеческих делах без труда не достигается. Духовные же делания требуют напряженнейшего труда, и притом непрерывного (2, с. 128).

7. Телесный труд смиряет и промежулки наполняет

Труд телесный смиряет, промежулки наполняет, а мыслям бродить не дает. Заменить его поклонами хорошо — это лучший труд. Но всегда ли это можно? Египетские старцы с утра до вечера за работою сиживали, в молитве умной и богомыслии. Правило молитвенное справляли ночью. А св. Исаак Сирианин не благоволил к труду: отклоняет, говорит, от Бога. Это правда, когда мудреный труд, а простенький — ничего (2, с. 147).

8. Жизнь деятельная и созерцательная

Деятельная и созерцательная жизнь так идут: устанавливаются в делах и деланиях и вырабатывают в себе созерцание. Но деятельность и после сего не прекращается, только уступает первенство созерцанию. В вашем положении, кажется, то и другое. И пусть идет. Когда устрои-

те детей, тогда дадите полную волю созерцанию. Созерцание выше, ибо оно есть предначатие будущего блаженства, а мы и живем здесь для того, чтобы приготовиться к будущей жизни (2, с. 147).

9. Пища, сон

Много спите и много кушаете. Да как мерять это много? Не часами и весом, а так: чтоб пища не обременяла и сон не расслаблял. Да пристрастия к ним не иметь, да не угождать плоти, а нужды ее удовлетворять... Плоть, сию рабу, чем-нибудь да надо бить, хоть понемногу, а все бить (2, с. 147–148).

10. Тело надо держать постоянно в струнку, как солдат на параде

Тело надо держать постоянно в струнку, как солдат на параде, никак не позволяя себе распускать членов не только при хождении и сидении, но и при стоянии и лежании (2, с. 176).

11. Дела делать так, как бы око Божие смотрело, как что делается

Всякого приходящего или всякого встречаемого надо принимать как посланца Божия. Первый вопрос да будет у себя внутри: что хочет Господь, чтобы я сделал сим или для сего лица? Всех принимать как образ Божий, с почтением и желать сделать добро ему (2, с. 176–177).

12. О слезах

Вам дал Бог слезы. Это добре. Но временные слезы не все еще. Надо, чтоб постоянные были. Есть слезы в сердце, которые лучше текущих из глаз. Из глаз текущие питают червь

тщеславия, а те, сердечные, Богу Единому ведомы. На людях лучше удерживать слезы, оставаясь с сердечным сокращением (2, с. 177).

13. Без умеренности в сне и пище не будет духовной жизни (сравнение с электрической машиной)

«Много сплю, ем много». Сибаритство выходит, магометанство. Видали вы электрическую машину? Подле колеса у ней есть медный цилиндр, в который из колеса чрез трение переходит электричество и набирается в нем в такой силе, что убить может, если коснуться неосторожно. Но если из этого цилиндра пустить в землю цепочку, то в нем и знаку не будет электричества, потому что оно в то же время, как входит в цилиндр, переходит в цепочку и уходит в землю. В таком точно положении вы с своим сном и ястием. Что ни успеете вы собрать духовного, все то, что чрез них рассеивается, уходит, и вы пусты. Нет уж, тело надо стеснить малоспанием и малоястием и претруждением. Кто из отцов наших имел успех без стеснения плоти? Я, кажется, вам писал, что тело надо держать в струнку... как солдата во фрунте. Вот это и есть, что теперь говорю. Пока будете покоить тело, не ждите ничего доброго (2, с. 181–182).

14. О воздержании от оскорбительных чувств и речей при встрече с другими

Смирения побольше надо. Речи или порывы слова, озорчивые для других, не от барства ли? Сознание барства и есть гордость, вещь очень Богу неугодная и в нравственной жизни самая зловерная. Вник-

ните и вырвите этот *корень горести, выспись прозябаяй*, если он окажется (2, с. 204).

15. О воздержании в пище

В принятии пищи немного оскудить питание; равно и у сна отнимать кое-что. Как что — сами смотрите. Не нужно вязать себя, а свободно действовать, иногда так, иногда иначе, одно имея в виду — плоти угождать не творить и ни в чем не самоугождать. И спать или бодрствовать тоже разумно можно, имея одну меру — не засыпаться крепко (2, с. 177).

16. Строгие подвиги без духа жизни для нравственного строя приносят расстройство и пагубу

Никто к ветхой одежде не представляет заплатки из небеленой ткани... не вливают вина молодого в мехи ветхие... Что этим сравнением хочет показать Спаситель? Сими сравнениями Господь показал, что строгие подвиги без духа жизни истинной... не пользу приносят для нравственного строя, а расстройство и пагубу. Кающемся и дается благодать, которая образует в нем решимость угождать Господу не щадя живота. У кого есть такая решимость, тому все подвиги впрок идут... А у кого нет, тот, когда иной раз возьмется, например, за строгий пост, потянет-потянет и бросит... И жизнь у него после сего еще хуже бывает (2, с. 227).

17. Главная цель подвигов христианских — очищение сердца от страстей

Главная цель всей жизни христиан... всех трудов и подвигов и

куда потому должно направлять сии подвиги... именно очищение сердца *от страстей*... У кого очистится сердце, того не задержат на мытарствах... Спасайтесь (3, с. 131)!

18. Сколько можно скрываете свои дела по жизни духовной

Если можете, сколько можно скрываете свои дела по жизни духовной и ни во взоре, ни в разговорах, ни в других отношениях не обнаруживайте, но действуйте просто... только пустоболтанья избегайте (3, с. 156).

19. Ответы на вопросы об употреблении вина и масла

Кушайте все предлагаемое в трапезе, ничтоже сумняся, но с воздержанием и утруждением себя. Наше масло пред восточным деревянным в пять раз слабее. Напротив, вино, в Уставе положенное, есть виноградное — слабое. Наша водка в десять раз сильнее (3, с. 181).

20. О борьбе с сонливостью

Что вас сон берет, дело это натуральное, и ничего тут грешного нет. Жаление об этом, конечно, не худое дело. Но что же сделаешь?!

Попробуйте, когда читают вам, не садиться, а ходить. Может быть, сон и не заберет. Если трудно ходить по причине утомления предшествовавшего, то лучше прямо и сесть затем, чтобы соснуть. Соснете немного, а потом читать заставляйте. Разрешаю вам после служб или ранней соснуть часика два или больше. А потом слушать чтение. Если и это неудобно, то ничего не остается, как бороться по силе. Заснете — побра-

ните себя и только. Кажется, ведь уж вы к старости подошли (3, с. 187–188).

Когда читают вам, может быть, вам лучше не все сидеть, а посидеть и пройтись немного. Сон и будет рассеиваться (3, с. 190).

21. Одоление сна есть дар Божий

Одоление сна есть дар Божий. Если б нужно было для вас избавленными быть от сей немочи, Господь давно бы отнял сон. Не отнимает? Верно, потому, что сие бесполезно вам. Однако ж и не для того, чтоб вы спали, а чтоб имели с чем бороться. Это вам для упражнения нравственных сил (3, с. 190).

22. Мера сна и пищи

Все чрезмерности не ведут к добру. Не успевает враг, чтобы вы в чем-либо поблажали себе, тогда внушает безмерные строгости и после этого на то же наводит. Без пищи и сна нельзя обойтись. Истомившись до бессилия, необходимо делать нужные дела, необходимо вернуться к пище и сну. И вот тут-то враг и берет свое, вводя и в многоястие, и многоспание (3, с. 209).

Извольте себе избрать мерное правило в пище и питии, как делали все святые. Пусть будет у вас варево, яичко, икорки клочок и другое, что полегче. Ничего ради плотоугодия, а только для здоровья и никогда не есть досыта: сытость у монахов — то же, что пресыщение у мирян (3, с. 209).

23. Меры против рассеянности

Чтоб не рассеиваться, вы придумали с боем часов память смертную

обновлять, не забудьте всякий час восстанавливать усердие свое и внимание к Господу. Это добрый труд (3, с. 212)!

24. Отдых при утомлении телесном

Бывают изнеможения не от лености. Я думаю, это можно видеть. Тогда давайте себе отдых небольшой. Где его вставить, сами смотрите. Где удобнее. После всенощной посидеть немножко можно, потому что если ляжете, и разлежитесь. Чаю можно выпить, но не обращайтесь в закон, а принимайте по усмотрению, чтобы в деле сем не была госпожою плоть, а усмотрение совестное. После обедни тоже отдохнуть можно... и опять в том же духе (3, с. 219).

25. Не должно допускать и малых действий, обличаемых совестью

Вы писали, что допускаете некоторые действия не крупных разрядов, за которые потом обличает совесть. Этого, сколько сил есть, надо не допускать. Покой совести есть первое условие мирных отношений к Богу, а эти последние составляют условия преуспевания духовного во внутренней жизни. Побеждать свои хотения, зная, что лучше им отказать, нежели их послушаться, есть Богу приятная жертва, за которую Он воздаст внутренним утешением. А опускать эти случаи к победе над собою — значит Богоугождение ставить ниже самоугождения. Когда враг вперед скажет вам: «Сделай такое и такое распоряжение», не слушайте его, а отогнавши его неприязнью к нему и его урокам, про-

должайте свою молитву не прерываясь (3, с. 231).

26. Одобрение на доброе провождение Четырехдесятницы

Вот уже за половину Четырехдесятницы. Как благословил вас милостивый Господь управляться с пощениями, и телесными, и душевными? Верно, это идет у вас как подобает. Не ослабевайте. Подкрепившись под влиянием Крестопоклонения в прошлую неделю, вы, не ослабевая, доживете до Страстной седмицы; а там Страстная, живописуя перед вами живописные страсти Христовы, расположит и вас к страданию Христову и воодушевит на такие делания, которые в другое время и на мысль не приходят. Господь всячески да умудряет вас в деле содевания спасения (3, с. 239–240).

27. О борьбе с нерадением

О себе пишете: «Сердце мое холодно, я нерадива и неисправна во всем». Господь да согреет вас! Он огонь есть и, приближаясь к сердцу, греет и пламенит его. Прибегайте к Господу и молитвою согревайтесь! Поклоны хороши. Нерадение кажущееся... Потому бывает, что память Божия отходит. Навыкайте все дела делать как прямо от Бога повеленные, и делать для Бога и пред Богом. Нерадению места не будет, а также и неисправности (4, с. 29).

28. О вреде праздности и борьбе с ней

Уединение, вас ожидающее, — великое благотворное положение. Потрудитесь же с первых дней завести

порядок дел и занятий, направленных к одному и так прочно одно к другому прилежащих, чтобы и на минуту не оставалось праздного времени. Праздное время в заговоре со всеми духами против бедной души... духом налетят и начнут терзать душу: один одно, другой другое предлагая... все же об одном заботясь, как бы от Бога оторвать внимание и обратить его сначала на пустое, а там на что-нибудь и не совсем доброе (4, с. 37–38).

29. О трудах самоисправления

Хорошее дело вы вздумали: приучать себя к монастырской жизни опытами самоотверженья и отреченья от своей воли... Бог благословит! Но не страшитесь неудач и не смущайтесь ими... Промахнетесь?! Побраните себя и в другой раз старайтесь не промахнуться. Еще промахнетесь... и еще то же сделайте. Дойдете до того, что не станете промахиваться.

Отречение от своей воли можно на каждом шагу делать... Это внутреннее дело. Положите не поступать по требованию тела... в угоду ему, а не по нужде... и найдете опыты отречения от своей воли в каждую минуту... Только опять не смущайтесь неудачами... Пусть они есть... только не отлагайте постоянного намерения идти наперекор телу и в большом, и в малом (4, с. 69–70).

30. Всякая победа дает нам венец

Главное — не допускайте сочувствия и тем паче соизволенья или со sloженья... Сочувствие вырывается

и невольно, надо отбить его... и заменить отвращеньем. Не переставайте видеть врага злого в сих восстаньях — и раздражайте гнев против них. Рук не опускайте, а все боритесь... Попавший в воду болтается и руками, и ногами и таким образом не дает себе погрузиться в воду. Господь буди вам помощник! Без боренья с этим никто не обходится. И надо было ожидать... Но пройти может, если мужественно вооружитесь. Ибо всякая победа над сим дает венец. Как врагу невыгодно доставлять венцы, то он и удаляется и не нападает. Останутся одни естественные движенья, но они тогда вялы и бессильны и скоро прекращаются суровым обращеньем с телом. Спасайтесь (4, с. 97)!

31. О постоянстве в подвиге

Добре, добре! Воюйте... Но оружий бранных никогда не снимайте. Будьте всегда как воин на страже, осматриваясь непрестанно кругом, из опасения, как бы не прокрался враг и не обманул чем. Я, кажется, уже не раз писал вам, как надо встречать вражеские нападки. Как только заметите что подходящее недоброе, тотчас поражайте то неприязнию, ненавистию и гневом. Это то же, что подать в грудь нападающему. Затем вопиите к Господу, к Матери Божией и Ангелу Хранителю о помощи. И не переставайте вопить, пока все не пройдет. И пройдет. Вдруг никогда не проходит, а немного погодя. И все дело внутренней жизни в этом: заметить врага, подать ему в грудь и вопить к Господу (4, с. 97–98).

32. Испытания добрым воителям уготовляют венцы

Мужайтесь! Что враг нападает и борет, в этом нет греха, и в том нет греха, что эти нападки колеблют душу и смущают. То и другое есть дело злости врага и обращается на главу его. Вам же уготовляет венцы.

Всякий раз, как вы отражаете нападение, одерживаете победу, как мужественной воительнице, вам не осуждение изрекается Господом, а назначается георгиевская лента (4, с. 100–101).

33. Через умерщвление плоти умерщвляются страсти

Вот лето... можете иногда молоко употреблять и даже бульон, тоже яйца... ездить за город, ибо в городе нет чистого воздуха. Всегда в нем примесь есть... Старцы древние писали, что они сурово относились к телу, не его убить имея в виду, а чрез умерщвление плоти умертвить страсти (4, с. 154).

34. Об излишней строгости к телу

Мне показалось, что, заведши у себя порядок келейных занятий и уставив правило о пище и сне, вы этим так довольны: лучшего, чай, ничего и быть не может. Но смотрите, как бы вам не вознестись прямо на небо и не стать свысока смотреть на всех других, блуждающих по земле, отягченных пищею и сном и мятущихся в суетных делах. По крайней мере излишняя строгость к телу всегда ведет к подобным мечтам. У вас 4 часа сна — и пищи так мало. Тело ведь не может вынести этого. И оно всегда возьмет свое. И спать заставит вас

целые дни, пока отоспится, и есть заставит, пока удовлетворится. Не раз уж это было. И придется вам нарушить свое правило, т.е. попятиться назад со стыдом. А если этого не случится, не диво, что здоровье расстроится. Не лучше ли потому не забирать слишком круто? И что еще может быть? Визионерство откроется. Враг придет в виде ангела светлого, и не знать, что может сделать с вами. Вот на какую дорогу вы себя поставили! Изнурением тела врагу себя открыли, а под руками никого не имеете, с кем бы переговорить. Долго ли до беды?! Добро бы нужда какая была в такой строгости! Никакой нет. Внутренность свою надо распалить прежде любовь к Господу, а там внешние подвиги сами собою устроятся. Так согласитесь немного умягчить свою строгость (4, с. 163–164).

Берите в сутки 6 или 7 часов сна и каждый день готовьте варево, какое вздумаете, в воскресенье же и праздники можно и прибавить что. В полдень варево кушайте и вечером, если потребует, хлеб с водою. Как вследствие сего переладить прочие ваши занятия, дело покажет. Что чай не пьете, хорошее дело. Это бестолковая привычка. Поправьте же, пожалуйста, эту часть вашего устава и не поперечьте (4, с. 164).

Если вы согласитесь в полдень кушать варево, то после сего очень благовременно соснуть полчаса или час. Так делал и святитель Тихон. Затем, помолвившись полчаса, рукодельничайте до вечерни. То, что вы в полночь не спите, очень разорительно для здоровья. Спите лучше в это

время, т.е. в самую полночь и предшествующие и последующие часы, именно — 11, 12, 1, 2. Если прибавите 10 и 3, то этого будет предостаточно для удовлетворения требований телесной натуральной экономии, особенно если приложите полчаса или час после обеда. Не убивать тело призваны, а только *не творить плоти угодия в похоти** (см. Рим. 13, 14). Закон — разумное содержание тела без поправок (4, с. 165).

35. Подвиг должен быть тайным

Всякого рода подвиги надо так нести, чтоб про них в монастыре никто не знал. Коль скоро узнают о чем, уж это дурно. Не подумайте, что *спрятанность* (чтоб не видали и не знали) не строго необходима. Нет: строго-настрога. Подвиг, о коем звонят, есть пустой, гроша не стоит (4, с. 167).

Один старец-постник жил подле села. Стали его хвалить. Он взял пошел по селу и ел. Другой старец, когда хвалили ему кого-то из живших подле села и не входивших в него, сказал: «Я бы нарочно проходил иногда по селу, чтоб не было этой пустой молвы». Вот как старались всё прятать от других. Так и вам надо, чтоб все видели, что вы как все, ничего особенного не имеете. Надо прятать всё. Ухитряйтесь. И в речи, и в походке, и в приемах всё должно быть, как обычно у всех (4, с. 173).

* ...попечения о плоти не превращайте в похоти.

36. Внешние труды и подвиги — только средства к достижению цели. Главное — в чувствах и расположениях

Внешние труды и подвиги суть средства: они ценны только тогда, как приводят к цели и ею требуются. И мысли на них не останавливайте, как бы они что значили. Главное — в чувствах и расположениях. На них и обратите все внимание, если уже установились во внешнем порядке жизни (4, с. 169).

37. Внешние подвиги — подмости, посреди которых строится здание

Со страхом и трепетом надо проходить путь свой. Внимание свое меньше всего останавливайте на внешних подвигах. Хоть они необходимы, но они суть подмости. Здание строится посреди их, но они не здание. Здание — в сердце. На сердечные делания и обратите все свое внимание (4, с. 172).

38. Хитрый прием врага — ослабить подвиг

Как это вы подумали, что уж успокоились и враг вас не так много будет тревожить? Выбросьте из головы такое помышление. Оно от врага, который хочет расслабить ваше внимание (4, с. 179).

39. Необходимость постепенного совершенствования в телесных подвигах

Мое правило — меру во всем иметь. Особенно в телесных подвигах мера нужна, чтоб плоть вытерпела. Святые отцы держали большие строгости относительно тела или, как они говорили, проходили жестокое

житие. Но до сего доходили они постепенно. Начинали не слишком строго, а потом все стороже и строже поступали с собою. Припомните, как святой авва Дорофей поступил с св. Досифеем. По сему правилу надо и нам жительствоваыть. И еще была у святых отцов мудрость — не вымышлять строгостей, а брать их на себя по какому-либо случаю, больше по нуждам внутренней жизни. Так и вам надо бы (4, с. 187).

40. Трудный подвиг

Труд сей есть... смирение да внимание и внутри сердца болезненное к Богу припадание — неотступное, при всяком деле и слове, при движении и сидении, дома и в церкви. Да умудрит вас Господь (4, с. 190)!

Молитвенное правило держите как есть, только в механизм обратит поостерегитесь. Форма пустая что есть? Надо душу в нее влагать. И богомыслия не забывайте, и чтения, и телесного труда. Да и ничего не надо забывать. Труженический путь есть. Внимать надо, трезвиться и бодрствовать. Помогите вам, Господи, во всем (4, с. 202).

41. Бескровный мученик

Соскорблю скорби вашей о брате. Упокой, Господи, душу его. Из-за трудов по службе умер. Слава Богу! Тут есть часть мученичества. За такую смерть благодарите Господа (4, с. 209).

42. Опасность уклонения на кривую дорожку

Господа ради, внутрь себя смотрите и тамошний строй хранить за-

ботьтесь. Внешнее нужно, но оно подставка. Боюсь, очень боюсь, как бы вы не остановились на внешнем порядке. В нем застынете, и пойдет все вверх дном. Так, пожалуйста, на этот пунктик все внимание устремите, да не посрамит вас враг, столкнувши на кривые дороги (4, с. 215).

43. Только при постоянном подвиге можно ожидать Божия посещения

Устройте себе почаще говение со всеми его принадлежностями: прекращением житейских дел или, в крайности, и без того, пощением, делами благотворения, хождением в церковь, домашними молитвами, благочестивыми размышлениями, чтением и беседами, особенно же умною молитвою. Но и промежуточное между говениями время надобно так проводить, чтоб не далеко отходить от порядков, соблюдаемых при говении. При таком только постоянстве самопринуждения и можно ожидать Божия посещения, по началу, часто повторяемому св. Макарием: «Увидит Бог, что ты усердно желаешь и нудишь себя на то, — и даст» (10, с. 110, сноска 1).

44. О труде и самопринуждении

Помогите вам, Господи, сильно укрепиться духом Его, а заботу о том иметь надобно и болеть, если нет внутри собранности, и в болезни к Господу припадать. Самодельно сие не добывается, но и без труда не дается. Оттуда и отсюда — надо, надо. Сначала Бог сотворил свет, а после собрал его в светила. Так и с нами. Есть добро, но рассеяно или разлито. Надобно свести все воедино.

И, кажется, душа просится на это... да не догадается. А главное — *саможаление* есть. Господи, помилуй нас! Без труда и самопринуждения ни в чем не успеем. Хоть чуточку, да надобно понудить себя, хоть на волосок. Когда есть усердие и ревность, то все пойдет хорошо. Но истинная ревность безжалостна к себе. Есть ли, сверх того, и хороши ли фундамент? Фундамент вот: глубокое чувство грешности и безответности пред Богом. Вся надежда тогда — Спаситель; а отсюда непрерывное: *Господи, помилуй* (11, с. 3)!

45. Постоянство в подвиге — необходимое условие в духовной жизни

Запомните, пожалуйста, что кто не начинал порядка жизни духовной, для того разорение внутреннее, нехождение по нем непоколебительно. Но кто начал и бросает, для того это очень пагубно. Зерно, не прозябшее на морозе, не гибнет: сила жизни хранится в нем; но подмерзший цветок, семя жизни раскрывшееся, гибнет или повреждается по мере мороза. Так и здесь. У кого уже жизнь начала являться, весьма пагубно бросать. Заметьте сие. После каждого бросания силы все будет слабее и слабее, совсем наконец расслабнут, останется одно имя, внешний порядок жизни без внутреннего соответствия ему. Боже, избави от сего... Избави вас, Господи, легкомысленно обходиться с вещами духовными. Начали? — Не бросайте! Хоть понемногу, а все надо. И вот что значат слова аввы

Дорофея, выписанные вами. Они имеют в виду внутреннее разорение. И притча Спасителя то же значит... в нечистом доме один бес... а в очищенный, но оставленный по нерадению возвращаются уже семь бесов. Тот же вывод, что у вас, неверен, ибо, делая что хорошее, не благодарение оказываем Богу, а свой долг исполняем (11, с. 41).

46. Внешний подвиг и внимание

Кто же делает одни внешние подвиги, а себе не внимает, тот как раз попадет в эгоизм. Положит сколько-нибудь поклонов, сидит и мечтает: ну, ныне мы потрудились. Видите, одолжили Бога. Или не поест досыта — и думает: так и все святые, т.е... хоть в святцы пиши... и прочее сему подобное.

Существенно необходимы внешние подвиги, но останавливаться на них одних — беда! Встречали ли вы у святых отцов выражение *деяние и разум*, в которых они совмещают весь труд о спасении души? Это то же, что сказать: *подвиг и внимание* (11, с. 56).

47. Тесный путь ведет в Царствие Небесное

Тесный путь никому не нравится. Придут утеснения совне? Ропот. А самим себя утеснить не хочется. Приволья ищем. Сколько Господь страдал, и что осталось в Нем нестраждущим, и что не предано ради нас, весь истощен, — любовь неудержима... *так подобаше*. Вот точность сообразности с волею Триипостасного Божества. И нам запо-

ведь, делом данная. На все надо говорить: так подобает...

Сказано: *отвергнись себя**, так и подобает. Сказано: *Бога бойся*** — так и подобает. Сказано: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге**** — так и подобает. Сказано: *препояшьте чресла помышлений* (см. 1 Пет. 1, 13), *трезвитесь, бодрствуйте* (см. 1 Пет. 5, 8) — так и подобает. А главное что подобает? Уж братья за дело так братья, а урывочками ничего не будет. Когда запрашивают пруд, как делают? Вдруг спешат завалить проход. А если положить ком земли и бросить дело, то вода разнесет его. Опять положить ком и оставить — опять вода разнесет. И так труд без конца, а пруда все-таки не состроим (11, с. 60–61).

Примените это к душе. Ток помышлений, как река, быстро льется из головы и сердца. Вдруг надобно зажать проходы — и уж не отпускать. А если немного подержать и отпустить — ничего проку не будет. Это то же, что строить да разорять. Припомните, что, кажется, я уже писал вам: что коль скоро заметите что-нибудь такое, что разоряет ваше доброе начинание, никак не позволяйте себе поддаваться тому. Таков закон. Господа ради, преодолевайте себя во многом. Многоглаголения, слышания шуток и смехов бегайте: в них самое большое зло. Вы сами сие видите. Разве можно смеяться

и пустословить пред лицом Господа? Забыли, что вы пред Ним, и пошло все не так. У ног Господа повергаться — самое существенное дело. Храните сие доброе чувство или делание души. Верую, что ради сего Господь не оставит вас вляяться всяким ветром помышлений и испустит из Себя силу в вас — и станет ток помыслов. А тогда и свет узрится. Ясно станет, как в Светлое Христово Воскресение. Ибо то и есть воскресение души или зародыш сего воскресения (11, с. 60–61).

Всюду нужно терпение. Ибо без него что сделаем? Всякая малость требует его. Но и Господь многомилостивый терпеливому и постоянно добросовестному труду благословение дает, а от лености и нерадения отвращает очи Свои. Напряжение сил, даже малое, во славу Божию производимое, плодovито; по крайней мере, следы навыка полагает, а навык в добром — великое дело. Передам вам как бы слова Господа со Креста. Он говорит: «Я так истощаю Себя, а вы спите». Да возьмет же и нас утробоязвительная ревность (11, с. 61).

48. О борьбе с ленью к духовному

Ваша лень заразительна. Вот и я целый месяц проленился написать вам ответ. А следовало бы давно похвалить вас, если что окажется достойным похвалы.

Первым строкам, впрочем, не приходится украситься похвалами вам. Пишете: «Молюсь плохо, псалмы учу лениво, почти совсем бросила». Ну! Прогресс!! Нечего сказать! —

* (Мф. 16, 24; Мк. 8, 34; Лк. 9, 23)

** (Еккл. 5, 6)

*** жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге (Кол. 3, 3)

Однако ж это может иметь недобрые последствия: небрежность о делах Божиих может обратиться в навик и тогда прости, благочестие. Надо это предотвратить.

...Утро просыпаете... потому или совсем не молитесь, или молитесь на ковыль-костыль... Это очень дурно. Молитесь не много, но как должно, по всему чину молитвенному. Если вы три минуты просрочите прийти туда, куда спешите, ведь это немного! — Вот и положите три минуты непременно помолиться утром. И в таком случае нечего уж вам братья читать молитвы по молитвеннику или на память... молитесь своею мыслию и своим словом.

— Поставьте себя в присутствие Божие...

Бог близ — и в вас; но вы можете быть далеки от Него мыслию и чувствами: приблизьтесь к Нему тем и другим...

— Возблагодарите Его за сохранение вас во время сна и дарование вам снова узреть свет Божий и еще пожить... ибо многие ложатся спать, но не встают.

— Испросите у Него благословения и помощи на дела дня — с указанием вам добрых дел и отклонением от злых...

— Призовите Матерь Божию, Ангела Хранителя, вашу святую и всех святых...

— Помолитесь о матери, брате, родных и всех знаемых... помяните и усопших... и затем, предав себя в волю Божию, идите на дела свои... всячески стараясь не забывать, что пред лицом Божиим ходите...

Все это сделайте с мыслию обдуманною и чувством нелетучим... И это будет настоящая молитва... и совесть никогда не упрекнет вас, что не молились или плохо молились. И этого довольно...

Нудить себя надо. Так Господь сказал, уверяя, что только нудящие себя восхищают Царствие Божие. Желаете Царствия... нудьте себя, т.е. одолевайте себя и насильно тяните в Царствие Божие (6, с. 39–41).

Вот и возьмите в закон: как только нападет леность на духовное, восставлять ощущение блага от него и переходить на его сторону произволением, решительным, безжалостным к себе, в том убеждении, что иначе в Царствие и не попадешь.

Требуется маленькая борьба, но к ней всякий способен, и вы больше многих... Так не извольте вилать: дух бодр, плоть немощна... Бросьте плоть и идите к бодрому духу... И все пойдет добро (6, с. 43).

49. Восхождение со ступени на ступень

Вы не правы в желании все *зараз* возыметь. Это то же, что желать на лестнице с первой ступени прямо шагнуть на верхнюю... *Неизбежно переходить со ступени на ступень* и идти шаг за шагом. Оттого основной характер жизни — терпение, терпение труда делания и преодоления трудностей (6, с. 69).

50. Как поступать при падениях

Как только увидите неправость мысли, чувства или слова, тотчас и кайтесь. Хорошо так, как делаете. Прибавьте к этому осматривание,

как идет падение, и из этого осматривания извлекайте себе урок, как себя одолевать при подобных встречах. Опыты воздержания дадут опытность в самообладании, и падения будут реже и реже. Бог поможет (8, с. 10).

51. О вреде многоядения и многоспания для духовной жизни

«Много сплю, ем много». — Сибаритство выходит, магометанство... Пока будете покоить тело, не ждите ничего доброго.

Казнение себя произволением требуется, но от этого, вами желаемого, толку не будет. Что св. Мелетий сказал Симеону Столпнику, когда он, еще юный, приковал себя к камню? — То же и вам идет. Не мешает, однако ж, иметь в руках четки поглубже, и, как только тело желает себе блажи — или поесть, или поспать, или развалиться на креслах и диване, — угощайте его такими четками по плечам, пока отрезвится (8, с. 202–203).

52. Как оправляться от наносимых врагом ударов и духовного охлаждения

Очень грустное состояние у вас произошло. Но кнут не мука, а вперед наука. Произошло это от *само-мнения*, что-де мы хватили высоко, не то, что те невегласы. Вот и хватили! Самомнение шло вместе с *тщеславием*. Вдвоем они родили *леность*. Леность говорит: что нам? Нам можно и вольку себе дать... и пошла волька... А тут враг подослал книжку... и по поводу ее на-сеял...

Весь этот путь у вас прописан. «Леность одолела, так что ни на что смотреть не хочется». Уж коли хватили выше облак, то какая нужда себя нудить? «Тщеславие, служить ли стану, молиться ли или читать поучения, одолевает». Как нам с вами не тщеславиться? Молитву умную знаем... И ну ходить команем. То мы с вами на диване развалились, как миллионер духовный (леность), то с колокольни на всех смотреть стали, как на мелюзгу грошовую (тщеславие с гордостью). А тут, как только показался враг, мы в кусты... или и того хуже: на, бери, и пальцем не пошевелинули. И извольте теперь видеть, какой вы богатырь духовный и богач! Затем и попустил Господь это охлаждение, чтобы вы осязательно увидели, сколь ничтожны силы ваши и ваша твердость в добре. Вы называете это несчастием. Истинно так: это похоже на пролом стены. Когда неприятель пробьет где-либо стену, город защищающую, тогда, хоть горожане заделают ее, место то нельзя почитать прочным, потому что заделка только прилеплена к стене и не глубоко с нею сцеплена бывает. Пробоина заделана. Но эта заделка свежая непрочна. Враг сбоку стоит и высматривает. Как только увидит такую оплошность, опять шарахнет из своих бомб. Таково ваше положение. Но пусть его шарахает. Можно сделать все покушения его бесплодными. Пробоину в стене, чтоб она опять не слетела, подпирают сзади устоями, к месту тому побольше нагоняют солдатиков. Враг тогда, видя это, и совсем не покушается снова тут пробивать

стену, а отходит в другое место. Вот и вам то же надо сделать.

Подпорки сделать надо: это усиление стеснения плоти лишением сна, пищи, трудом, особенно каким-либо уничижительным (вон — снег разбрасывать и подобное). А солдатиков нагнать — это побольше благих, отрезвляющих мыслей набрать в голову и их перебирать вниманием. Команду же над всем этим поручить надо ревности о спасении с преданностью Богу, от Коего вся спасительная сила, с решимостью не поддаваться более такой блажи, хоть умереть. Извольте это непременно устроить. Молите Господа не лишит прежней милости и помощи. И не лишит (8, с. 203–205).

53. В борьбе с врагом не следует слагать оружия

Дух хулы и сомнения притаился, но не думайте, что он так скоро оставит вас. Привыкши находить доступ к вам, он все будет подступать, не удастся ли как-нибудь посильнее смутить. Это все испытывают. Потому пишут, что в борьбе с врагом не надо никогда слагать оружия и всегда быть наготове — противостоять ему. Пишут старцы, что когда нападет искушение, надо отбивать его от сердца неприязненностью к нему и затем или вместе с тем обратиться к Господу с молитвою. Неприязненность — то же, что *подать врага* в грудь. Это сильное и неприятное врагу средство. К нему надо готовиться в мирном состоянии. Надо настоящую возбудить в себе ненависть против врага и порождений его (8, с. 220).

54. О свободе

Как ни будь сильны возбуждения, все решение дела принадлежит лицу действующему, и всякий сознает момент, когда он внутри произносит: так и так надо сделать. В этом и есть существо свободы. И этого никакая сила исторгнуть у души не может (8, с. 221).

ПОКЛОНЫ

1. Акафисты можно заменить поклонами

Акафисты все обратите в поклоны... не читайте по книжке, а мысленно обращаясь к тем, кому у вас положено... и кладите поклоны... За то, что не будете читать слова, прибавьте по поклончику (1, с. 72).

2. О правиле для поклонов

Относительно поклонов можете действовать свободно, как Бог по сердцу положит. Правила о сем не могут идти в сравнение с правилом о посте (2, с. 225).

3. За дурное наказывайте себя поклонами

За дурное наказывать себя поклонами хорошо... Сколькими? Смотря по делу... двумя... пятью, десятью... Только со страхом и верою... да чтобы никто не видал (3, с. 158).

4. Поклоны похваляют все молитвенники

Вам поклоны сладки... И вкушайте сей сладости, как только возможность иметь будете. Их похваляют

все молитвенники. Погрузитесь во смирение (3, с. 228)!

5. О поклонах на Пасху

Спрашиваете о поклонах... Так положено, как вы говорите. Но то церковный чин для церкви — в честь возвышенья и прославленья нашего естества в Воскресении Господа... Но в своей частной молитве можно класть и земные поклоны, если почувствуется потребность... Жены святые, сретив Господа воскресшего, поклонились Ему до земли (4, с. 95).

ПОМЫСЛЫ

1. О хульных помыслах

Относительно хульных помыслов надобно жалеть и каяться пред Господом, но не падать духом и не думать, что от этого пагуба. Как вы не хотите таких помыслов, отвращаетесь от них, то Бог не гневается на вас. Помыслы не от вас, а враг всевает. И вина на нем. Читайте у св. Дмитрия Ростовского об этом статью в первом томе его творений. Богу молитесь на врага, чтоб отогнал. Почаще сказывайте духовнику. И враг отбежит. Он пристаёт с такими докуками, когда увидит, что душа робеет. А когда увидит, что душа мужественна и понимает его козни, тотчас отстает (1, с. 46).

2. Худые помыслы нужно гнать без всяких рассуждений

Относительно мыслей всяких держите такое правило: как только заметите, гоните прочь без всяких

рассуждений и оставайтесь с мыслию об одном Господе Спасителе, бездесущем и все видящем... Они и не будут смущать (1, с. 145).

Смущающие помышления, какие будут приходить, гоните прочь без разговоров с ними. Теперь уже можете видеть осязательно, что все это вражьи внушения. А с врагом какая стать длить время? Без замедления надо гнать его (1, с. 155).

3. О борьбе с духом хулы и сомнения

Что вы не понимаете в приеме, каким следует истину проводить в сердце, — поймете, когда испытаете. Вот как делать надо! — Берите истину какую-либо и полнее уясните ее в сознании, как она исповедуется, и затем молитесь Господу, да напишет Он ее в сердце, как она исповедуется. Это дело простое! Молитвы из истины составляются тоже не мудрено. Молитвы наши все и исходят из догматов. Пришел Господь на землю ради нашего спасения. Исповедуя сию истину, молитесь: «Господи! Как тогда, ходя по земле, исцелял Ты всякие недуги, прокаженных очищал, слепым давал прозрение, прииди теперь и ко мне и просвети очи ума моего, и прокажу греховними с меня». Так в отношении ко всякой истине. Когда все истины войдут в сердце, тогда всем сомнениям конец. Они сами будут отскакивать, как стрелы от того, кто покрыт латами.

Средство это иными словами есть вкусить истину — радоваться ею, с утешением и сладостию вспоминать об ней и с теплотою сердечною вращать ее в уме (1, с. 151–152).

Считайте себя таким лицом, как то, которое испытывает внушения на какое-либо греховное дело или похоть злую. И научайтесь так же действовать в отношении к сомнениям, как тот действует в отношении к похотениям.

Первый прием для испытывающего злые влечения есть не считать внушения своими, а всеянным, положить разделение между собою и этим всеянным и, признав его чуждым, отнестись к нему не как к своему детищу, а как к вражескому порождению. Отсюда тотчас в душе не ослабляется только, но совсем отходит от нее понуждение делать по внушению испытываемому. Обычно полагают: своя природа требует — как не удовлетворять? Но кто сразу признал в родившемся положении чуждое детище, тому не это положение приходит на ум, а совсем другое. С вопросами обращается он к желанию и подвергает его анализу и критике. Этот самый простой прием рассеивать искушение: оно, как дым от ветра, исчезнет. Вот это именно следует и вам делать при каждом сомнении. При каждом его порождении не слагайтесь с ним в уме, как будто так уже и на деле есть, как оно внушает, а останавливайте его при самом входе, как непрошеного гостя, и подвергайте осмотру. Как в пожеланиях не слагаться с ним сердцем есть первое, так в сомнениях не слагаться с ним умом есть первое. Скажете, что оно вдруг обнимает и охватывает весь ум. Это ничего. И в желаниях то же бывает, что они вдруг обнимают все

сердце. Но это не значит, что они уж и одолели, а означает только бесстыдность нападающего. Если кто бросится на вас невзначай и охватит руками, вы не отдаетесь в его власть, а отталкиваете: так и здесь. Пусть сомнение охватило весь ум, напрягитесь оттолкнуть его, чтобы оно стало вне и можно было вести дело с ним, как с другим, чуждым лицом.

Если станете так действовать, многие сомнения тотчас будут исчезать, как только вы оторгнете от ума и потребуете к суду. Если будут упорно оставаться, начинайте гнать (1, с. 156–157).

В отношении к пожеланиям, по сознанию вражеского в них к нам подступа, у всех святых полагается вторым приемом вместо своеличной с ними борьбы обращаться к Господу Спасителю, и они исчезают (1, с. 157).

Вы слышали, конечно, что у всякого есть как Ангел Хранитель, так и враг-искуситель. Есть воистину. Враг непрестанно подсовывает то мысли, то желания по роду своему. Не стань внимать себе и блюстись — пропадешь. Он затуманит и окружит голову. У всякого особый враг: у иного похотный, у иного корыстный, у иного гордостный — с разными оттенками. У вас — дух хулы и сомнений.

Есть враг около не затем, чтобы ему покорствоваться, а чтобы с ним бороться и борьбою вырабатывать в себе противоположное добро: вместо похотности — целомудрие, вместо гордости — смирение... у вас вмес-

то сомнений — веру искреннюю, твердую и разумную. В этом задача вашей жизни. Извольте ее выполнить (1, с. 158–159).

Но есть способ, как дойти до того, чтобы сомнения совсем не рождались. Мне рассказывал один, как его кто-то научил, как до сего достигнуть. Вообрази, говорит, истину и молись о ней, или ее во время молитвы вращай в уме и молитвы составляй из нее же. Придет момент, когда истина сия войдет в сердце и обьмет все существо души, питая ее и обвеселяя. Это есть сроднение души с истиною; и после сего сомнения уже не могут колебать ее. Они могут в памяти проходить, но бывают далеко от души, как говор или шепот за стеною. Так, говорит, меня научил некто. Я стал так делать — и по милости Божией, хоть и грешен есмь, но ум мой плавает в области истины спокойно и утешается ею (1, с. 159).

Веровать в Бога и быть с Ним в общении — се человек. И кто отступает от сего, тот не по-человечески думает и настроен (1, с. 161).

У животных есть душа, но животная. А у человека душа человеческая, высшая, как и сам человек. Животным свой чин, а человеку — свой. Творения Божии так расположены, что всякий высший класс совмещает в себе силы низших классов и кроме них имеет свои силы, его классу присвоенные и его характеризующие. В мире или его составе надо различать, кроме стихий, еще систему сил, расположенных лестницею, от низших к выс-

шим идущую. Низшая сила есть та, которая действует в мертвой природе и которой высшие изделия суть явления химических сочетаний и кристаллизации (например, снежинки — разводы на окнах зимою и подробное). Выше этой стоит сила растительности, которая в своей власти держит и кристаллизующую силу, и силу химических сочетаний. Выше растительной силы стоит животная, которая в своей власти держит и растительную силу, и кристаллизующую, и силу химических сочетаний. Выше животной-душевной силы — силы человеческого естества, которое содержит все силы, низшие его, в своей власти и ими действует. Что же дивного, что в нас есть нечто схожее с животными? Есть схожее и с растениями, ибо питание и ращение тела есть растительное дело; но что же из этого вывести? Ничего нельзя, кроме что всякому свой чин» (1, с. 162).

В человеке надо различать душу и дух. Дух содержит чувство Божества — совесть и ничем неудовлетворимость. Оно есть та сила, которая вдохнута в лице человека при сотворении. Душа — низшая сила или часть той же силы, назначенной на ведение дел земной жизни. Она такая сила, как душа животных, но возвышенная ради сочетания с нею духа (1, с. 162–163).

Когда человек в своем чине держится, то он живет духом, то есть страхом Божиим водится, и совесть слушает, и горнего ищет. А когда он поддается влечениям души

дольней, то выходит из своего чина и то, чего хочет дух, думает достать среди тварей. Этому ему не удастся, и он томится и крушится. Дух тут как пленник в узах: находится в услужении у варваров — страстей похотных. Сам он не удовлетворяется и страсти делает неудовлетворяемыми, сообщая им безграничный разлив. Отчего животные потребности у животных все в своей мере, а у человека, когда он предается чувственности, чувственные потребности предела и меры не имеют? Эту безмерность сообщает им дух, попавшийся в плен к ним, а дух сею безмерностью чаёт затушить свою жажду бесконечного, по образу коего создан и в коем едином благо его.

Так вот видите, что и животные у нас отправления есть и в самом их движении проявляется нечто, совсем животным несвойственное. О чем ни стать рассуждать, всегда придешь к тому заключению, что человек обладает духом, которого истинная жизнь есть жизнь в Боге. Там только он находит покой, там его рай и обетованная земля (1, с. 163).

Бог предвидит, потому что видит свободные решения ваши. Эти решения составляют предмет всеведения, и составляют его в том виде, в каком являются, именно как свободные решения. Не все, что предвидит Бог, то и определяет. Богословы различают в Боге определение и поущение. Что определяет Бог, то так и бывает, как Он определяет, а что поущает, то может и не

быть так, как бывает, хотя Бог и предвидит бываемое что.

Таково падение прародителей и духов. Они свободно пали, хотя Бог предвидел то. Со стороны Божией все сделано, чтобы не пали. Ясно сказано прародителям: не ешьте. И последствия указал. Подобное сему надо предполагать и у духов падших (1, с. 165).

Зачем попустил Бог? — Затем, что иначе надлежало отнять свободу или уничтожить в мире свободную тварь. Но без этого мир был бы гораздо ниже, чем теперь есть. И попустил Бог пасть, устроив образ восстания от падения. Мы идем к восстанию путем борьбы с противоположностями. Таков закон! И все, которые следуют ему, венчаются успехом.

Что у духов, не знаем. Но поелику свобода их свободна, то до решения Суда и их восстание возможно, как возможно падение светлых сил. Будет ли оно или не будет — не нам решать. Но возможности сего отвергать нельзя (1, с. 165).

4. Бес — производитель хульных помыслов. Способы борьбы с ним

Надо молитвенные воззвания делать сколько можно чаще, до непрестанности. Выберите себе из псалмов стишки, которые берут за сердце, заучите их и часто повторяйте то тот, то другой... Заучите коротенькие молитовки свт. Златоуста — 12 дневных и 12 на ночь; и тоже повторяйте часто. Обычное же повторяется молитва Иисусова: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Труд самопри-

нуждения все преодолевает (1, с. 212).

Слыхали вы, что есть непрестанная молитва? Возжелайте и взыщите. Станете искать и обряцете. Зародиши ее есть уже у вас: это чувство к Богу, по временам бывающее. У вас оно было в силе, но вы допустили охладеть ему. И оно приходит по временам. Вот это чувство старайтесь сделать постоянным — и это будет непрестанная молитва. Любили вы когда-либо кого-нибудь сильно? Припомните, как любимое лицо не отходило от сердца и чувство все было в нем, и мысль не отходила, и все, что вы делали, думали, что то лицо видит, и старались сделать, что делали, хорошо, чтобы не заслужить неодобрения от того лица. Непрестанная молитва похожа на это, только место имеет в другой области. Помогите вам, Господи, найти такое к Нему чувство. Тогда всем оплошностям, вялостям и разлечениям — конец!!! (1, с. 212).

Бес... производитель их. Делает он это для того, чтобы смущать вас и лишить вас дерзновения к молитве. И то имеет он в виду, не согласитесь ли вы на какую-либо хулу, чтоб ввергнуть вас в грех хулы, а потом — в отчаяние. Против сего беса первое... не смущаться и отнюдь не думать, что это ваши мысли, но прямо относить их к бесу. Затем — против мыслей и слов мыслить и говорить противное. Он внушает худое о святом, а вы говорите: «Врешь, лукавец, он вот каков...» Так против всего, и все говорите, пока не отойдут. Заключите так: «Буди проклят,

хульник, и слова хулы да обратятся на главу твою...» К Господу обратитесь с такою молитвою: «Душу мою открываю пред Тобою, Господи! Видишь, что я не хочу таких мыслей и не благоволю к ним. Все всевает враг. Отгони его от меня». Св. Нифонт четыре года мучим был сим духом, который жужжал ему в уши: нет Бога, нет Христа и пр... Он же говорил: «И Бог есть, и Христос... и я поклоняюсь Им и служу всею душою». Бог избавил наконец его (1, с. 212–213).

Шлю вам книгу. В ней увидите себя, как были в отрочестве, как испортились — и как исправились, и что предлежит... Она писана больше 40 лет назад, но не устарела* (1, с. 213).

5. Неурядица в помыслах и чувствах побеждается памятью Божию и памятью смертную

А неурядицы в помыслах и чувствах, какие испытываете, все улягутся со временем, если, несмотря на них, не перестанете всею ревностью ревновать об одном том, что угодно Богу. К этому же один верный способ — память Божию иметь и память смертную. Они водрузят страх Божий, который будет и возбудителем на все Богоугодное, и отвратителем от всего, Бога прогневающего, и хранителем добрых внутри стяжаний, и истребителем всего залегшего там недоброго.

* При этом письме была прислана книга «Путь ко спасению» епископа Феофана (1, с. 213).

Память Божия зрит Господа пред собою и в себе и тотчас замечать дает недобрые возникновения из сердца и подавляет их. А в этом ведь и есть все дело (1, с. 237).

Конечно, установиться в памяти Божией требует труда. И беритесь за него. На первый раз будет, что только 10 раз в день вспомните о Господе; а под конец — что только десять моментов позабудете о Нем; и наконец Солнце правды, Христос Господь, воссияет на душевной тверди вашей и будет там сиять, не померкая ни на одно мгновение. Ищите и обрящете (1, с. 237–238).

6. Средства борьбы и очищения сердца от греховных помыслов

Помыслы надо гнать, не удерживать их произвольно. Сочувствие или сласть, как только покажется, подавлять надо всеми силами... Тут главный пункт внутренней брани...

Вопрос «как?» решается следующим образом: сойди вниманием в сердце, стань там перед Господом и не допускай туда ничего греховного. В этом все дело внутренней брани. Больше этого не буду писать (3, с. 119–120).

7. Наука о борьбе с помыслами преподана Исихием Иерусалимским

Помыслы докучали?! Как вы к ним относились, так и всегда делайте...

Науку о сем, то есть о брани с помыслами, добре преподавал Исихий Иерусалимский. Приобретите книжку его и изучите (3, с. 120–121).

8. Падение обычно начинается с принятия греховных помыслов. Должное отношение к ним

Вдруг падение редко бывает, обыкновенно же оно с мала начинается — с помыслов, легких сочувствий и медления в помыслах... большего и большего... до вожделения греха... после которого грехопадение не замедляет. У святых отцов этот ход падения подробно описан... Возьмите книжку Исихия Иерусалимского о трезвении... Там все увидите, и потому, как там прописано, действуйте. Главное тут — не оставлять никогда следа не только сочувствия, произведенного помыслами, но и самого помысла, чтоб в душе оставалось отвращение и омерзение грехом (3, с. 123–124).

9. О борьбе с помыслами во время молитвы

Исправность молитвы вашей нарушают мысли. Заметили?! Теперь старайтесь это исправить. Первый шаг к сему есть, приступая к молитве, возбуждать в себе страх Божий и благоговейство; затем стать вниманием в сердце и оттуда взывать к Господу.

И мысли сторонние будут лезть; как заметите, отгоняйте. Опять полезут — опять гоните... И все так. Не допускайте, чтоб язык молитву читал, а мысли не знать где шатались... всегда прогоните их и молитесь.

Трудиться надо и Господа молить, чтоб помог сладить с мыслями. Есть ли у вас сборник отеческих уроков о молитве? Читайте и

вникайте, к себе прилагайте. Непрестанно трудитесь над сим... и Бог, видя труд ваш, подаст вам искомое вами (3, с. 155–156).

10. Трезвение — подвиг борьбы с помыслами. Когда сердце в религиозном чувстве, помыслы не беспокоят

При молитве мысли лезут — отгонять надо, опять полезут — опять отгонять... и все так. Только не поблажать, а, как заметите, гоните. Это и есть подвиг трезвения. Трудитесь над тем, чтоб сердце ваше было в каком-либо религиозном чувстве... когда сердце в чувстве, помыслы не беспокоят и все ходят вокруг чувств (3, с. 159).

11. Погашение страстных помыслов и движений до совершенного их исчезновения — цель подвижничества

Главное же — сердце сделать чистым. Нечисто оно от самолюбия, в коем живут и действуют все страсти... Погашение страстных помыслов и движений... и есть цель подвижничества. Потому, что бы страстного вы ни замечали, вооружайтесь против того без жалости к себе (3, с. 160).

12. О вреде от рассеяния мыслей для молитвы и духовной жизни

Паче всего блюдитесь развлечення мыслей и разбивания их и страстных движений. Рассеяние мыслей и какое-либо плотоугодие или упокоение пищею и сном — первые враги, а с ними в содружестве всегда и раздражение. Самого легкого движения неудовольствия бегайте (3, с. 207).

13. Руководство, как управляться с помыслами

От себя скажу: старайтесь всегда быть в чувстве к Богу (это урок Лествичника). Сие чувство будет держать внимание у сердца. Внимание же такое тотчас будет уловлять чужой помысл и сказывать о нем вам, а вы, с Божиею помощию, именем Господа будете прогонять его (3, с. 212).

14. О страстных помыслах, чувствах и желаниях и борьбе с ними

Поставьте себе законом всякий раз, как приключится беда, т.е. нападение вражье в виде худого помысла или чувства, не довольствоваться одним отражением и несогласием, но присоединять к сему молитву до образования в душе противоположных чувств и мыслей. И всегда этим завершайте свою брань с грехом. Это похоже на вынутие занозы... Благо и то, что замечаете худое... и не желаете его. Усиливайте нежелание и неблаговоление к страстям... Это будет держать вас всегда готовою встретить врага как врага, что есть начало брани успешной (4, с. 77–78).

15. О пресечении греховных помыслов

Главное — помыслов пресечение. Когда помыслы улеглись... прочее теряет силу. Как только появится движение дурное, сейчас мысли установите на какой-либо священный предмет из евангельских событий — Преображение, страдание Господа, распятие, Воскресение,

Вознесение и другие. Этим все дурное отбросится назад. Или... приведите на мысль, как и делаете... смерть, Суд и следствия того. Вслед за сим, установив мысль на присутствии Господа, воззывайте к Нему, как говорите с кем-либо лицом к лицу, и поверьте Ему утешение, говоря: «Видишь, Господи, что у меня... Ничего подобного не хочу я... помощи и отвей приражения сии...» и подобное, и начинайте творить молитву Иисусову... повторяя ее с верою... И ею одною ограничив все содержание головы и сердца (4, с. 96).

16. Искусительные помыслы побеждаются умной молитвой

И о том позаботьтесь, чтоб было меньше образов в душе, а больше мыслей и чувств. Образы суть дело воображения — низшей чернорабочей силы, и всегда раздражают мечтательность. Последняя не укротится, пока воображение в силе и роит образы. Способ к пресечению тока образов есть начатая вами умная молитва. Трудитесь. Придет момент, когда восчувствуете, что *ста ток* сей, как ток крови у кровоточивой (см. Лк. 8, 44) (4, с. 172).

17. О различии помыслов

Первый искусительный помысл, который начнет бить вас, будет самодовольство; за ним придет внутреннее самовозношение, или трубление пред собою; а далее — кичение пред другими. Уразумевайте пути сии. Читайте Макария Великого, и особенно Лествицу, где много сказа-

но о различении помыслов. Одно и то же дело бывает и приятно, и неприятно Богу, судя по помыслам. Учитесь (4, с. 173).

18. О борьбе с помыслами греховными

Остается одна борьба с помыслами, которые то и дело будут жужжать, как комары безотвязные. Учитесь сами, как с ними управляться. Опыт — наука. Одно скажу. Обычно помыслы кружатся в голове. Это пустые. Но вы смотрите за теми, которые как стрелю пронизывают сердце и оставляют там след, как царапину. Тотчас возьмитесь и изгладьте след сей молитвою, восстановив на место его противоположное чувство. Когда хранится теплота, эти случаи редки и слабы (4, с. 177).

19. Изучение помыслов, выходящих из сердца, приводит к самопознанию

Ока своего умного не сводите с сердца и все, исходящее оттуда, тотчас схватывайте и разбирайте: хорошо — пусть живет; не хорошо — тотчас убить его надо. Из сего учитесь узнавать себя. Какой помысл почаше выходит, значит, та страсть посильнее; против той и действовать посильнее начинайте. Но все на себя несколько не полагайтесь и не надейтесь сделать что своими трудами. Целительные врачевства и средства посылает Господь. Ему себя и предавайте — и это на всякий час. Трудиться — трудитесь, но всего доброго ожи-

дайте от единого Господа» (4, с. 179).

20. О рассеянии мыслей

Чувствуете рассеяние мыслей — поберегитесь. Это очень опасно. Враг хочет загнать вас в какую-нибудь трущобу и там убить. Мысли блуждать начинают от умаления страха и охлаждения сердца (4, с. 221).

21. О смущаемой хульными помыслами

Второй вопрос — о смущаемой хульными помыслами. Как ей быть?! Дайте ей прочесть св. Димитрия Ростовского об этом предмете. Потом сами с нею прочитайте сию статью. Напирать надо паче на то, что это вражьи помыслы и не вменяются, когда не приемлются. Довести ее до воодушевления не принимать, а с гневом отвергать, бросая их обратно в лицо врагу... и плевать можно с бранными словами врагу... на его голову слагая те помыслы... К Господу же всегда говорить: не хочу, не хочу, не хочу этих помыслов... Извольте хорошенько ей разъяснить, что помыслы не вменяются, пока не приемлются, и что она тут не виновата. Пусть она потрудится над этим — и поймет черту разделения между вменением и невменением помыслов. Больше этого не умею что сказать. Это в придаток к тому, что вы ей говорите... «терпи». Терпи и Богу молись, и сама не плошай. Так вся жизнь! Вот вам и решения не решающие (4, с. 247–248).

22. Как избежать блуждания мыслей при чтении и молитве

Что мысли разбегаются во время чтения и молитвы — что делать? От этого никто не свободен. Но тут греха нет, а есть неуместность. Грехом это бывает, когда кто самоохотно развивает в себе сторонние мысли, а когда невольно отбегают, какая вина? Вина бывает и тогда, когда кто, заметив блуждание мыслей, будет продолжать блуждать ими. А надо так: как только замечено отбегание мысли, тотчас ворочать ее на свое место.

Чтобы во время молитвы меньше было блуждания мыслей, надо напругаться молиться с теплым чувством; и для этого наперед — пред молитвою — подогреть надо душу размышлением и поклонами. Навыкайте молиться своею молитвою. Так, например, существо вечерней молитвы есть благодарить Бога за день и за все, что встречено в продолжение его, и приятного, и неприятного; что худого сделано, в том каяться и просить прощения, обещая быть исправною на следующий день, и молить Бога об охране и во время сна. Все сие и изреките к Богу от своей мысли и от своего сердца. Существо утренней молитвы — благодарить Бога за сон и укрепление и молить Его, чтобы помог весь день делать дела во славу Его. И это изреките к Нему свою мысль и от своего сердца. При этом и поутру, и вечером изъясняйте Господу свои кровные нужды, паче душевные, а то и внешние, говоря Ему детски: «Видишь, Господи, болезнь

и немощь! Помогите и врачуйте!» Все это и подобное можно изрекать пред Богом своими словами, не прибегая к молитвеннику. И, может быть, это лучше будет. Попробуйте; если пойдет, можно оставить молитвенник совсем, а если не пойдет, надо с молитвенником молиться, ибо иначе можно остаться и совсем без молитвы (9, с. 116–117).

23. О парении ума

Ум наш по природе жив. Суета отяжеляет его. Когда мало-помалу спадет с него это ярмо, он начинает парить всюду, обходит и небо, и землю, все видит, все понимает, и легко ему. Ничего тут нет худого, но и проку мало. Эту пташку-ум надобно засадить в клетку и сказать ему: вот тут-то сядь и пой вот что, а летать туда-сюда не смей: ястреб поймает (11, с. 12).

24. Греховные помыслы и борьба с ними

Когда нападают недобрые помыслы, надобно отвращать от них око ума и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их. Но когда помысл пошевелит сердце и сие лукавое мало-мало усладится им, тогда надобно бранить себя и умолять Господа о помиловании, и бить себя до тех пор, пока в сердце родится противоположное чувство: например, вместо осуждения — возвеличение другого или, по крайней мере, сердечное чувство почтения к нему (11, с. 43).

Трудитесь усерднее над укреплением себя во внимании ума и увидите, что за сокровище наше сердце.

Делайте так: с утра поглубже утвердитесь в помышлении о Господе, станьте пред Ним умом во время молитвы; и потом весь день напрягайтесь не отступать от Него, взявши в пособие сладчайшее имя Его. Делайте ли что, говорите с кем, идете, сидите, кушаете — ум все с Господом да будет. Забудетесь — и опять воротитесь ко Господу и себя побраните с сокрушением... и все так... в этом подвиг внимания. Тогда, при свете Господа, ни один помысл не укроется и оценка им будет верная, разлетятся все благовидности.

А между тем душа будет все крепче и крепче прилепляться к невидимому и становиться сильнее (11, с. 43–45).

Говорят святые старцы: что скоро приобретается, то скоро и теряется. Чего достигнете с трудом, потом и с частыми лишениями, то будете дорого ценить и усерднее беречь. Только не робейте, а все свое да свое. Будут мысли приходиться разного рода. Не принимайте их, гоните именем Господа. Вот так, как делали, к Господу обращаясь детски. Не останавливайтесь на них и не желайте беседовать с ними. Кажется, у Исихия все объяснено: *прилог* — это помысл, первая ступень; затем *внимание*, вторая ступень — держание помысла в душе и разговор с ним. Это уже плохо, ибо тут есть разговор и с тем, кто подсовывает помысл. Далее *услаждение* помыслом. Это еще хуже. Далее *сложение* или *склонение воли*: тут недалеко уже и до дела, которым решается падение. Кто отсечет помысл, всему конец положит, а

кто займется им, есть опасность, что все далее и далее пойдет (11, с. 61–62).

25. Об упорядочивании мыслей

Неурядица внутри всегда от беспорядочности помышлений. Держите их на привязи, а чтобы успеть в этом... блюдите память Божию и память о смерти. Бог всюду есть и все видит... и видит все внутреннее ваше. Сходите с сею мыслию в сердце и блюдите движения, там бывающие, — и одни принимайте, другие отрезывайте (6, с. 80).

26. О приходящих нелепых мыслях

Черничка относительно нелепых мыслей пусть держит себя так: как покажутся, встречать их ненавистию и презрением и бранью проклятого врага, ибо это его работа. Затем тотчас пусть обращается с молитвою к Господу, прося Его прогнать мысли и жалуюсь Ему на козни врага. И будут проходить (8, с. 44).

27. О борьбе с недобрыми помыслами

Относительно недобрых помыслов известно ведь, что коль скоро замечен такой недобрый помысл и отвергнут решительно, то, как он ни будь худ, это не вменяется тому, кто его испытывает. Держите сие в мысли и будьте покойны (8, с. 180–181).

Смуцающие помыслы, какие будут приходить, гоните прочь без разговоров с ними. Теперь уже можете видеть осязательно, что все это вражии внушения. А с врагами какая стать длить время? Без замедления надо гнать его (8, с. 216).

ПОСТ

1. Пост в среду и пяток — достаточно. Больше стремиться к упорядочению мыслей и чувств

Пост в среду и пяток — достаточно. Прибавлять к сему еще что-либо не настоят нужды. Налегайте больше на упорядочение мыслей и чувств. Тело достаточно держать в воздержании (1, с. 73).

2. Пощение детей, если не позволяет здоровье, не обязательно

Пощение детей, если здоровье не позволяет, не обязательно. Но очень жаль, что, привыкши с малства, потом уж они не наладят на пост (1, с. 73–74).

3. Благодетельное значение поста

Еще поздравляю с началом поста душеспасительного. Великое благо — время сие. Бог чрез Святую Церковь благотворно учредил его для нас, немощных, не могущих и не умеющих добре постничествовать все время жизни своей, хотя сознаем, что она вся, ни мгновения не исключая, должна принадлежать Господу и обращена быть в славу Его. Это и по самому сотворению нас, а тем паче по искуплению, в коем мы имеемся купленными ценою бесценною, почему и не должны себе принадлежать, а купившему нас, Который в силу сего стал нашим Господином, законно требующим, чтоб мы Ему себя предавали и иных господ не накликали на себя, которым, по оплошности нашей, нет числа (2, с. 211).

4. Желаящий встретить Господа достигнуть этого может только по-стническими трудами

Се начались приготовительные к посту недели и в самом начале — *Сре-тение*, которое очень знаменательно указывает, что желающие сретить Господа могут достигнуть сего не иначе, как постническими трудами, мытаревым смиренномудрием, искренним раскаянием по указанию блудного, памятию о Страшном Суде, плачем о падении во Адаме и о своих собственных грехах и воплями: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Извольте стать в начале сего пути, просмотреть его весь вдаль... и затем положить по мере сил своих пройти его, как того желает Господь (2, с. 217–218).

5. Поздравление с Четыредесятницей. Отношение к службам и о причащении в течение поста

Поздравляю и вас с святой Четыредесятницею. Помогите вам, Господи, провести ее в добром здравии и во спасение души. Можно дома поклонами отбывать все службы... а в субботу и в воскресенье сходить к обедне (3, с. 65).

6. О поведении во время поста

Можно и дома отмаливаться, не ходя в церковь. При говении хорошо понудить себя. А в прочие недели можно и дома молиться, на Преждеосвященные только ходить. И дома то читать последования, как положено, а то и одними поклонами можно отделяться (3, с. 76).

7. Мысли перед постом

С преддверием поста!.. Слышали: покаяния отверзи ми двери!.. Всеми-лостивый Господь опять стоит у открытых дверей Своих с распростертыми объятиями. Падем в объятия Его и восплачемся пред Господом, сотворшим нас и всячески спасение наше устрояющим Своими промыслительными о нас действиями (3, с. 82).

8. Пост во время лечения

Относительно пищи во время лечения: можно принимать ее по предписанию докторов, не в угодие плоти, а как пособие к скорейшему излечению, имея в виду по излечении построже относиться к сему делу, к пище т.е. Можно сию строгость соблюдать и при принятии скоромной пищи, именно принимать ее в меньшем количестве. Но хотя так можно, впрочем, которые воздерживаются и в посты держат постный стол, хотя слабый, *лучше* делают, что и вам советую... От операции отказались, и вышло лучше; лучше выйдет, если и здесь откажетесь, по страху Божию. Пища всякая полезна, лишь бы была не попорченная, а свежая и здоровая... Как старцы Божии живали более ста лет, питаясь одним хлебом и водою (3, с. 124).

9. Воздержание от страстей — лучше всех медикаментов

Воздержание от страстей лучше всех медикаментов, и оно дает долголетие (3, с. 124).

10. Здоровье зависит не от пищи, а от благоволения Божия

Не от одной пищи живот... или здоровье, но от Божия благословения, которое всегда осеняет предающего себя в волю Божию при подъятии тягот на пути исполнения заповедей Божиих (3, с. 125).

11. Значение поста в духовной жизни

Вы поздравляли меня с Новым годом, а я вас поздравляю с постом. Слова разные, но дело одно, ибо кто совершит все, что делается во святой пост как должно, тот вступит воистину в новый год жизни. Вот сего-то и желаю вам. Вы, конечно, давно новы; но наша новость такова, что требует нередко поновления. Течем путем жизни среди ветошей, кои и под ногами, и по бокам, и спереди, и сзади, и сверху, и снизу, и изнутри, и извне охватывают нас и теснят, и очень трудно или и невозможно, чтобы какая из них не прилипла и не осталась на нас и в нас, как нельзя идущему по большой дороге не запылиться. Вот милостивый Господь и устроил нам пост, который есть, с одной стороны, *смотр*, или осмотр, где какие есть пылинки-ветоши, с другой — *баня* для омытия всего ветхого, невзрачного, грязноватого, чтобы, прошедши то и другое, мы являлись новенькими, чистенькими и Богу и людям приятными, как деревцо в весну, вновь покрывшееся листьями и цветами. Всего сего от души желаю вам (4, с. 24–25).

12. О посте духовном и телесном

Где же это нашли такой устав о посте? Где говорится о посте духов-

ном, там не помянуто, что о телесном нечего хлопотать, можно и без него обойтись, и напоминает только, чтоб не ограничиваться постом телесным одним. Великий пост и Успенский значительны, но из этого нельзя заключить, что прочие посты можно превращать в не посты. Надо быть исправными в церковном уставе вполне, без оговорок (4, с. 58).

13. Пост — не есть досыта, чтоб ни мысль, ни сердце не были отягчены

Пост — не есть досыта, а немножко голодную себя оставлять, чтоб ни мысль, ни сердце не были отягчены (4, с. 67–68).

14. Утешение после поста

Потрудившись постом, утешение себе даете. Это в порядке вещей. Только плотского утешенья поменьше, а больше духовного. И плотское одуховлять подобает благодарением, мерною мерностью и духовным осмыслением. Вы, кажется, так и делаете. В общем течении жизни вашей вы видите себя окруженною милостями Божиими паче других — и благодарите Господа. Добре! Благодарение сие есть укрепление обладания сими милостями. Переходите от радостного к ожиданию прискорбного — и тоже готовьтесь благодарить, ибо от Господа все ко благу нашему вечному (4, с. 121).

15. Пост и постническая жизнь — лучшее средство к сохранению здоровья

Род пищи в восстановлении сил — побочное дело... Главное — пища свежая (непорченная), воздух

чистый... и больше всего спокойствие духа. Непокой духа и страсти портят кровь — и существенно вредят здоровью. Пост и вообще постническая жизнь — лучшее средство к хранению здоровья и процветанию его (4, с. 153–154).

16. Наставление при наступлении поста

С постом! Помогите вам, Господи, провести его душеспасительно. Не слишком налагайте. Сил недостатнет послушание исполнять и правило совершать. Все в меру. На внутреннее больше обращайтесь внимание и построже разбирайте все, там бывающее, при свете слова Божия с отеческими указаниями. Малая кривость там большою угрожает бедою (4, с. 203).

17. Строгой постнице наставление об умалении поста

Нигде не писано без особой нужды брать на себя слишком большой пост. Пост — внешнее дело. Его надо предпринимать по требованию внутренней жизни. Для вас какая нужда в таком чрезмерном пощении? И так понемногу кушаете. Ту меру, которую установили уже, можно бы и в пост держать. И то у вас постоянно великий пост. А тут еще целые дни проводить без пищи?! Можно бы и это, в ту неделю, когда готовились причащаться Святых Таин. Весь-то пост так себя томить для чего? И положили бы каждый день кушать понемногу. Мысль ваша всегда считала бы вас ядцею и пийцею, а теперь, верно, величает вас — и бороться надо. Подчас прорвется и услажде-

ние своим подвигом, а за это наказание Божие следует, обнаруживающееся обычно умалением теплоты и собранности. Ввиду сего зла пощение ваше не могу назвать добрым. Приведите его в меру. В текущую Пятидесятницу держите стол по уставу или применительно к нему. И на все последующее время облегчите пост. Вам такой совершенно не нужен. Мне вас очень жаль; но говорю так о посте не из жалости, а по уверенности, что вам от него пользы особенной нет, а самопрельщение близко — беда великая и превеликая (4, с. 205)!

Своеумная самочинница и упорная во всем поперечница! Ни в чем не хотите слушать. Ну, живите как хотите. Этот постишка ваш дрянной не приведет к добру. Вот уж и начатки самопрельщения есть, а вы того и не видите. Смотрите-ка, что вы пишете: «Я уж теперь не то, что прежде». Это называется сомнением. Говорите далее: «А уж против поездки в Воронеж и Задонск хоть не говорите — не послушаю». Это называется своеволие. Наконец, о молитве, что «вам лучше так и так молиться». Это означает следование своим вкусам. Из этих трех: своекусия, своеволия и сомнения — слагается пагубный дух прелести. Он у вас в начатках; но если не постережетесь и все будете действовать в том же чине — он вырастет и сгубит вас. А все виноват постишка! Торчит он у вас — совсем не на месте (4, с. 206–207).

Кто против поста? Пост — одно из первых дел монаха и христианина. Но против поста неумеренного нельзя не восставать. Этот пагубен. Только пустую молву возбуждает

вне и тщеславие внутрь. Старицы ваши верно брюзжат: вот у нас подвижница-то, одну просфору кушает, огня не разводит. А вы-то еще сильней и сильней. Те по пустякам болтают, а у вас зарождают червя тщеславия и высокого о себе мнения: «Я уж теперь не то». Язык ваш иногда говорит смиренные речи, а на сердце лежит, что уж высоко взошли и, чай, всех превзошли. Всегда так и бывает. Стань ударять на внешние подвиги, тотчас в гордыню духовную попадешь. А врагу-то и нагодь. Ну, матушка, подбавь, подбавь. И матушка из всех сил! Думает, что Богу угождает, а на деле врага потешает и чирей тщеславия раздувает и расширяет. Пишу вам все сие несладкое ради опасности, в коей находитесь. Осмотритесь и, пока время есть, поправьте дело.

Вам кажется, что я откормить вас хочу. Совсем нет. Хочу направить на умеренный пост, который бы держал вас в смиренных чувствах. А то вы не знаете куда залетите. Об этом с кем хотите потолкуйте, все то же скажут. Покривить свое внутреннее неразумным внешним не долго, а опять его наладить как следует — не вдруг наладишь. Начнет у вас углубляться это дурное чувство, что вы уж не то, что прежде; станет умаляться теплота, умиление и сокрушение. Когда же охладает сердце, тогда что? Сего опасайтесь. Путь смиренного, умеренного делания есть самый надежный (4, с. 207).

Опять повторяю: кто против поста? Но пост посту розь, а другой хоть брось. Таков и есть ваш. И таким считаю его не ради его самого, а

ради того, что он вводит вас в сомнение, каким исполнено было все ваше прошедшее письмо. Вот и нельзя не восставать на него как на причину такого опасного настроения духа. Само же пощение благословенно. Меньше есть да меньше спать — хорошее дело. Все же в меру надо. И к тому же душу должно ограждать глубоким смирением. Пиша так, как писал, имел в виду одно — возбудить в вас опасливость и зоркое смотрение за внушениями вражьими, с коими он умеет так искусно подходить, что и не заметишь. С тоненького помышления начнет и доведет до больших дел по роду своему. Смотрите же, Господа ради, позорче за собою. Господь да поможет вам глубже утвердиться в чувствах самоуничтожения и смирения (4, с. 208)!

Со святым постом поздравляю. Благослови вас, Господи, провесть его душеспасительно. Да смотрите, здоровья не расстройте. Не покормишь лошадку — не повезет. Конечно, надо желать, чтоб начатое вами никогда не изменялось и обратилось в закон жизни. Подвиги телесные тем сподручны нам, что тело ко всему может привыкнуть. Пока не привыкнет, кричит, а когда привыкнет, замолчит. Вот и предел трудов над телом. Тело — раба послушная, но надо его вышколить. Ну школьте, только в меру. Труд же над душою конца не имеет (4, с. 223).

18. О цели поста и вольном постничестве

Относительно поста действуйте с полною свободою, применяя все к главной цели. Когда приутяжелить,

когда приоблегчить можно, смотря по нужде. Пост не цель, а средство. Лучше не связывать себя в сем отношении неизменным постановлением, как бы узами, а когда так, когда иначе, только без льгот и саможаления, но и без жестокости, доводящей до изнеможения (4, с. 228).

19. В какой степени важно пощение

Вы все возитесь со своим пощением грошовым. Ну, делайте так, как задумали: только не считайте сего важным. Важно внимание к движениям сердца и очищение их покаянием всякую минуту. Сие паче творите. При сем Господа зреть и в памяти смертной быть — се важные дела (4, с. 233)!

20. Разумная свобода в отношении поста

О том, что пришлось прибавить нечто из пищи, не жалеите. Не должно привязываться даже к святым правилам, а держать себя в отношении к ним с полною свободою, распоряжаясь ими разумно. Не беда, если и еще что прибавите, только не в угоду плоти, а по нужде (4, с. 234).

21. О провозждении поста

Но вот и пост: *постимся, братие, постом приятным*. Горе, когда пост ни нам, ни Богу не приятен. Коль немощны стали мы!.. А все оттого, что праведны... Грешник не станет себя жалеть и, когда восчувствует греховность — тогда держись, грешная плоть (11, с. 20)!

22. Необходимость и важность поста

Как много толков о посте, как встают на него и говорят: «Почему же пост и такой строгий, когда Господь Сам говорит, что не входящее в человека сквернит, но исходящее из сердца, и апостол учит: *не ядый ядуцаго да не осуждает**» (Рим. 14, 3), и свт. Златоуст в день Святой Пасхи призывает к веселию всех, и постившихся, и не постившихся?» (11, с. 124).

Бедный пост! Сколько он терпит укоров, наветов, гонений! Но вот все, по милости Божией, стоит. Да и как иначе-то? Подпора крепка! Господь постился, апостолы постились, и притом — немало, но, как говорит о себе ап. Павел, в *пощениих многащи*, и все святые Божии держали строгий пост, так что, если б дано было нам обзреть обители райские, мы не нашли бы там ни одного, кто бы чуждался поста. Так и следует. Нарушением поста потерян рай — подъятие строгого поста должно стоять в числе средств к возвращению потерянного рая. Мать наша, Святая Церковь сердобольная, разве мачеха нам? Стала ли бы она налагать на нас такое бремя тяжкое и ненужное? А вот налагает! Верно, нельзя иначе. Поколимся же... Да и все, хотящие спастися, покоряются... Посмотрите вокруг. Мало-мальски у кого западет забота о душе — сейчас начинает поститься и, чем сильнее у него забота, тем строже он постится. Отчего бы это? — Оттого, что при посте успешнее идет дело и легче совладать с душою. Кто

* ...кто не ест, не осуждай того, кто ест.

же отговаривается от поста, верно, тому не дорого спасение. Уж где чрево пишет законы, там бог — чрево. Кому бог — чрево, тот враг Креста Христова. Кто враг Креста, тот враг Христа, Спасителя нашего и Бога. Вы вот как вперед поступайте: когда кто станет восставать на какое-нибудь подвижническое установление Божие, начинайте его спрашивать, какое же принимает он кроме этого отвергаемого? Например, кто пост отвергает, спросите: «Ну, а в церковь нужно ли ходить? Нужно ли домашнее держать молитвенное правило? Нужно ли исповедаться?» и пр... и уж наверно найдете, что он откажется от всего. И ясно будет вам, что не о посте у него толк, а о всякой вообще тесноте... Ему хочется жить широко... Ну и пусть живет! Только уже непременно прочитайте ему определение Суда Божия на широкий путь! Это долг всякого, ведущего сие определение! Ведь, когда все расспросите, окажется, что такого рода мудрец совсем другой будто веры. И скажите ему то; скажите, что у тебя, брат, другой бог, другие законы, другие надежды!.. А у нас Бог — Господь Иисус Христос постившийся, мать у нас — Святая Церковь, уставами требующая поста, споручники наши — святые апостолы, пастыри и учителя вселенныя — все постники и законоположники поста! Так нам иначе нельзя. А ты себе иди своею дорогою. Не думаете ли вы убедить таких?.. Куда нам! Лоб у них медян и выяз железа! Что вы с ними сделаете? Не думайте, что у них есть резоны какие основательные. Нет.

У них только упорство сильно. Вот те кривотолкования, что вы слышали, верно, считаются у них высокими идеями. А посмотрите, что тут есть? Говорят: не входящее в уста сквернит... Кто против этого спорит? Разве постящиеся воздерживаются от пищи потому, что боятся оскверниться ею? Помилуй Бог! Никто так не думает. А это хитрецы мирские сплетают ложь, чтоб как-нибудь прикрыть себя благовидностью. Нарушающие пост сквернят себя, только не пищею, а нарушением заповеди Божией, непокоривостию и упорством. И те, кои постятся, а не хранят сердца своего чистым, не считаются чистыми. Надобно то и другое: и пост телесный, и пост душевный. Так в поучениях говорится, так и в Церкви поется. Кто не исполняет сего — не пост виноват! Зачем же от поста отказываться под сим предлогом? Спросить бы тех, кои не хотят поститься, хранят ли они свое сердце чистым? Дело невероятное! Если при посте и других подвигах едва-едва можно управляться с нашим любезным сердцем, то без поста — уж и говорить нечего. Помните, как один старец встретил молодого монаха, вышедшего из харчевни, и сказал ему: «Э, брат! Не доброе дело сюда ходить!» Тот отвечал ему: «Поди! Лишь бы сердце было чисто...» Тогда старец с изумлением сказал: «Сколько лет живу в пустыне и поцусь, и молюсь, и редко куда выхожу, но еще не приобрел чистого сердца; а ты, юный, ходя по харчевням, успел приобрести чистое сердце. Диво!» Вот то же надо сказать и всякому,

отказывающемуся от поста! А то, что там дальше говорится: «не ядый ядущаго да не осуждает», ни к чему не ведет. Ведь это наставление! Поставляя себя в число постящихся, поблагодарим за совет или напоминание. Но непостящийся чрез это не высвобождается от обязанности поститься и от ответственности за непощение. Кто осуждает непостящегося, тот грешит, но непостящийся чрез это не становится праведным. И не будем осуждать. Пусть всякий себе как знает. А за правило или закон поста стоять надо и не давать вольникам коварно сплетать ложь. Наконец, снисхождение Златоуста к непостившимся означает только доброту его сердца и желание, чтоб в Светлое Христово Воскресенье все радовались и не было печального лица ни одного. Таково желание святого отца, а сбывается ли оно на деле — Бог весть! Говорите больному: будь здоров, будь здоров... Поздоровится ли ему от сего? То же и там. Всех приглашают радоваться, а все ли истинно радуются? Совесть-то куда девать? Шум да гам не есть радость. Радость бывает на сердце, которое не всегда радуется при внешних увеселениях (11, с. 124–127).

23. О провозждении поста

Помоги вам, Господи, провести пост во спасение, поговеть и причаститься Святых Христовых Таин достоительно.

И собою займитесь, и дела приведите в порядок, и миром Божиим насладитесь — благодатию Господа Спасителя нашего, когда приискрен-

нее сподобитесь принять Его в себя (8, с. 27).

ПРИЧАЩЕНИЕ

1. Священникам можно причащаться келейно запасными Дарами, по потребности во время болезни

Ваше желание чаще причащаться удобоисполнимо. Имейте у себя запасные Святые Дары: частицы Тела, пропитанного Кровию... и причащайтесь, когда потребность или как положите... В монастыре много дарохранилищ свободных. Попросите и употребляйте. Дома держите дарохранилищницу со Святыми Таинами на почетнейшем месте, среди святых икон (1, с. 36).

2. Таинство Тела и Крови совершается Господом. Служащий есть только орудие

Таинство Тела и Крови совершается Господом чрез действие всей Церкви. Служащий есть только орудие. Коль скоро на нем нет неразрешенного греха, он с дерзновенным упованием может и совершить Таинство, и причащаться (1, с. 71).

3. Исповедь и Святое Причастие необходимы: одна возочищает, другая — баня, пластырь и пища

Исповедь и Святое Причастие неизбежно необходимы: одна возочищает, другая — баня, пластырь и пища (1, с. 206).

4. Святое Причастие силу свою являет не от нашего достоинства, а по благодати Божией. Готовность к При-

чащению — исповедание грехов с крепкой решимостью не грешить

Святое Причастие силу свою являет не от нашего достоинства, а по благодати Божией. Готовность же к достойному Причастию — исповедание грехов с крепкою решимостью не уступать греху и не опускаться ничего хорошего, подлежащего к деланию. Эта решимость и ревность есть корень жизни и основа. Когда это есть, дом для Господа готов (1, с. 227).

5. Последование к Святому Причащению совершать лучше в один раз, только не на службе

Последование ко Святому Причащению, думаю, не погрешительно совершать и не в один раз, но, кажется, за один раз лучше. Но вычитывать его в церкви — нехорошая привычка... церковная служба своего требует внимания (2, с. 59).

6. Как приступать ко Святому Причащению

Чтобы не было в грех (Святое Причащение), надо грехи очистить покаянием и, приступая, приступать с верою и страхом, в сокрушении сердца, без мечтаний о каких-либо преимуществах пред другими, не причащающимися, а всегда со смиренными и самоуниженными чувствами. Главное — иметь желание и ревность угождать Богу, а не себе. Ибо, и добро делая, можно себе угождать (2, с. 212).

7. Разъяснение о Причащении в двенадцатые праздники

Я не вижу, что высокопреосвящ. Иосиф наложил на вас Причащение

Святых Таин в двенадцатые праздники как неотложное правило. Он дал вам только совет и благословил на это, и вы хорошо поступили, если будете исполнять это, когда нет препятствий, с должным всегда приготовлением и очищенною совестью. Слушайтесь в сем советов иерея Божия о. Иоанна N (3, с. 3).

8. О полезности частого Причащения для духовной жизни

Что причащались дважды в пост — добре. Благослови, Господи! Можно почаще причащаться, как вздумаете. Священник каждый день приглашает причащаться православных — только никто не откликается. Если найдете возможным почаще причащаться, не будет худо (3, с. 78).

9. Причащаться можно, как только душа потребует

Вы уже поговели... И еще поговейте и причаститесь. Говеть можно непрестанно и причащаться почаще, как дух потребует. Благослови вас, Господи! (3, с. 93).

10. Козни врага во время говения

Что бывает с вами во время говения... страх, волнение... полагать надо, исходит от врага. Он, верно, около вас разжигается чем-нибудь. Исповедь же и Причащение опаляют его и прогоняют. Вот он, предвидя сие, и поднимает тревогу. Потрудитесь не отходить от памяти Божией и памяти смертной... Они не только во время говения, но и во всякое гонят его и опаляют, и приступа к вам не дадут. Сами видите, как

душеспасительно для вас говение... и можете сами же себе повелеть почаще говеть (3, с. 118).

11. Об усовершенствовании дела говения

Положив говеть в настоящий пост, вы прописали, что недовольны бываете своим говением, хотя любите говеть и желали бы чаще совершать это дело благочестия христианского. Как вы не указали, в чем недовольны своим говением, то ничего про это не скажу... только приложу: старайтесь довести свое говение до того, чтобы удовлетворяло вас. Можете у духовника спросить, как поправить свое говение. Что касается до *чаще*, то не надо учащать, потому что частость эта отнимет немалую часть благоговения к сему величайшему делу... разумею говение и Причащение (3, с. 177).

Я, кажется, уже писал вам, что довольно поговеть и причаститься в каждый большой пост из 4. А в посты пред Пасхою и Рождеством — по два раза. И больше не ищите. Старайтесь более свое внутреннее упорядочивать и приводить в совершенство (3, с. 177).

12. Как часто можно причащаться?

Как часто говеть? Так часто, как сможете.

Но наперед положите все посты говеть и из них большие, Великий и Рождественский, раза по два или по три. Спрашивайте своего духовного отца (4, с. 10).

13. Причащение — самая крепкая поддержка духовной жизни от общения с Господом

Говели три раза. Добре! Самая крепкая поддержка духовной жизни — общение с Господом, ибо без Него что мы (4, с. 18)?

14. О смущениях перед Причащением

К Таинству же Причащения приступайте ничтоже сумняся. Если приступаете с верою в Господа, присутствующего в Таинах, с благоговением и готовностью все силы свои посвятить на служение Ему единому, то нечего колебаться недостойнством. Достойным вполне причастником никто почесть себя не может. Все упокоиваются на милости Божией. И вы так делайте. Господь любит причащающихся и милостиво снисходит недостаткам в должном настроении души. Потом само Причащение мало-помалу и исправит сии недостатки (4, с. 83).

15. Причащаясь Святых Таин, мы принимаем Господа

Благослови, Господи, ваше Святое Причащение! Прияли вы Господа: Он один да исполняет сердце ваше так, чтобы там уже не оставалось места ни для какой твари. Господь близ! Если будете к Нему воздыхать, то никакой нужды духовной не встретите непреодолимой и неудовлетворимой (4, с. 88–89).

Относительно Святого Причастия... хульные посмыслы или неверие... прямо от врага. Гоните и молитесь. Сам Господь дал сие Таинство... го-

воря: *Сие есть тело Мое, сия есть Кровь Моя...* и заповедал: *Сие творите в Мое воспоминание**. Апостолы и начали делать сие... и с того времени сие делание в Церкви Святой не прекращалось и не прекратится до скончания века... Совершитель Таинства есть Сам Господь. Священниковы только уста, произносящие освятительную молитву, и рука, благословляющая Дары... Действующая же сила от Господа исходит. Господь везде есть. И в один момент по всей земле может повторить Тайную вечерю (4, с. 103).

Молитесь Господу и просите приложить веру. Кладите во время утренней и вечерней молитвы поклона по три со словами: «Господи, приложи мне веру... ибо враг смущает меня, всевая помыслы неверия»... И даст Господь. Только не переставайте с усердием молиться... И всякую свою нужду духовную всеусердно Господу открывайте, и Он поможет. Всеусердно желаю, чтобы Господь всегда являл вас победительницею (4, с. 103–104).

16. По Причащению

Благие мысли у вас по Святое Причащению. Клеть внутри... Если будете там, Господу не скучно будет у вас. Потрудитесь занять Его молитвенною беседою — и Он будет внимать не отходя.

Там и брачный чертог у вас будет... и предивное сочетание... А за ним блаженство нескончаемое (4, с. 119).

* (см. Лк. 22, 19; Мф. 26, 26–28)

17. На вопрос о Причащении с малым приготовлением

Причаститься можно вам... Недостаток пощения ныне вознаградите пощением потом, наипаче же внутренними чувствами сокрушения и возжелания Господа.

Это краткое внутреннее и внешнее утруждение себя даст вам, по вере вашей в милосердие Господа, с дерзновением приступить к Святым Таинам. Впрочем, если будет недостатать дерзновения по вере, а, напротив, будет слышаться внутри некое прещение, то лучше отложить сие святое дело. Скоро ведь можете сподобиться сего и дома. Делаю заметку сию на случай. Но лучше, если своею верою и возжеланием Господа окрылитесь к дерзновению... Обще говоря, мы ведь никогда не сможем вполне достойно приступить к Таинам. Всегда покрываемся упованием на безмерное милосердие Господне (4, с. 126).

18. Наставление готовящейся к Причастию

Благо намерение ваше исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин. Потрудитесь хорошенько определить, что следует пресечь и отбросить, и, дав обет на сие, решение засвидетельствуйте строго исполнить. И мир Божий водворится... и особенно — несмущенное воззрение на Господа во время молитвы (4, с. 129).

19. Нападки врага перед говением

Что испытываете нападки, и особенно когда поговорь решаетесь, это

вражья уловка. Он силится сам или отклонить от говенья, или испортить его. Но когда сопротивлялись и не уступали... то это знак победы, а не поражения и не только не мешает приступлению к Таинствам, напротив, служит лучшим украшением сего дела Божия, т.е. Причащения. Вы хорошо делали, что с самого первого появления нападения восстали и воспротивились. И всегда так делайте... как только покажется — тотчас сопротивление, отвержение, ненависть и молитва. Если тайный голос говорит, что было допущено соизволение на помыслы... покаянием надо сие очистить и сокрушением с твердою решимостию не уступать более. Что нападки — это не беда... это к венцам приглашение... Беда в уступках. Господь да вооружит вас! Молитва Иисусова — первое орудие и всемогущее... Не выпускайте его из рук (4, с. 140)!

20. Частое Причащение может привести к равнодушию

Святых Таин причащайтесь почаще, как дух[овный] отец разрешит... только старайтесь всегда приступать и с должным приготовлением, и паче — со страхом и трепетом, чтоб, привыкнув, не стать приступать равнодушно. По привычке нам солнце нипочем — а от него всякая жизнь. Так и к Святым Таинам привыкнуть можно и стать к тому равнодушной, что очень неодобрительно (4, с. 150).

О частом Причащении ничего нельзя сказать неодобрительного... Но мера в месяц однажды или два раза — самая мерная (4, с. 254–255).

21. О Причащении в двенадцатые праздники

Уж коли положили причащаться в двенадцатые праздники, и надо бы так вести. Но и то правда, что иногда сии праздники идут скоро один за другим, так что их на один месяц приходится два, тогда как на другой — ни одного. В таком случае, точно, лучше в один какой праздник опустить Святое Причащение и перенести его в другой месяц, приурочив к какому-нибудь дню. Сами устройте это, как лучше (4, с. 234).

22. Можно ли давать запасные частицы в путь шествующим

В даянии запасных частиц в путь шествующей тоже ничего не вижу грешного. Бывало прежде в употреблении и теперь может быть. Отменено не по неуместности дела, а по неким злоупотреблениям. Когда не предполагаются злоупотребления, можно дать место древнему обычаю (4, с. 255).

23. Советы перед Причащением

Приступая к Святым Таинам, приступайте в простоте сердца, с полною верою, что Господа приемлете в себя, и с соответственным тому благоговеинством. Чему быть на душе после сего, предоставьте сделать то Самому Господу. Многие наперед вожделевают получить от Святого Причастия то и то, а потом, не видя того, смущаются и даже в вере в силу Таинства колеблются. А вина — не в Таинстве, а в этих излишних догадках. Ничего себе не обещайте, а все предоставьте Господу, прося у Него одной милости — укрепить вас

на всякое добро в угодность Ему. Плод Причащения чаще всего отзывается в сердце сладким миром, иногда приносит оно просвещение в мыслях и воодушевление в преданности Господу, иногда ничего почти не видно, но после в делах обнаруживается большая крепость и стойкость в обещанной исправности. Замечу и здесь, что плодов от Святого Причастия осязательных не видим мы оттого, что редко причащаемся. Положите себе как можно чаще причащаться, и увидите плоды от сего Таинства утешительные (9, с. 153–154).

24. Поздравление и благожелание причастившемуся Святых Христовых Таин

Теперь, наверное, вы уж исповедались и причастились. Поздравляю! Даруй, Господи, чтобы сие было вам в окрыление духа, в прилепление сердца к Господу, в льготу и отраду на пути жизни, в нравственную крепость на дела богоугодные.

Но паче же всего желаю вам ощутить радость спасения в Господе. Ибо Господь в вас, а где Господь, там и спасение. Один языческий царь, когда буря застала его на море и корабельники в страхе не знали что делать, по свойственной ему заносчивости, сказал: «Чего боитесь? Вы везете такого царя». — То была пустая речь. Но Господь, когда однажды буря ветреная подвергала опасности корабль, на котором Он плыл с учениками чрез озеро Генисаретское, и последние, не зная что делать, воззвали к Нему: *Господи, спаси ны, погибаем!* — прежде запретил ветру и волнению водному и, когда

уже улеглись волны и бысть тишина, сказал: *Где вера ваша?* (см. Лк. 8, 23–25). Таким образом, только в отношении ко Господу можно поистине говорить: «Чего боитесь? Господь с вами». Сие и говорю вам: ни внутренних, ни внешних волн не бойтесь, ибо Господь с вами. Не теряйте живой веры в сие, и сердце ваше будет исповедать: *аще пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси** (Пс. 22, 4). И всем причастникам прилично петь: *Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковль* (Пс. 45, 8) (9, с. 154–155).

25. Святые Таины прообразованы манною

Заняло меня состояние вашего сердца после причастия Святых Таин. Ведь Святые Таины прообразованы манною. Она принимала вкус по нуждам каждого. Вот и причастие Святых Таин дало вам вкусить, что вам нужно. Теперь знает сердце ваше, что значит быть с Господом и что без Него (11, с. 10).

26. О Причащении Святых Христовых Таин

Вы спрашивали о Святом Причащении. Нисколько не помешает часто причащаться с приготовлением истинным. Хорошо бы — каждый пост, а в Великий и предРождественский и по дважды. Впрочем, как Господь по сердцу положит; только хорошо причащаться (11, с. 70).

Кто же это так нелепо говорил о Таинстве Тела и Крови Христовой?

* ...если я пойду среди тени смертной, не убоюсь зла, ибо Ты со мною.

Мысль эта кальвинская. А по-православному вот как надо верить: «Кто не вкусит тела Господня и не пьет Крови Его, живота не иметь в себе». Кто в Господе пребывает? — Ядый Плоть Его и пий Кровь Его. Тут нет ничего неясного и никакого иносказания. Так веровали все спасшиеся о Господе, так верить подобает и нам. Мало ли чего не наговорят не понимающие и не хотящие вникнуть! И еще толкуют про какое-то утешение! Откуда же оно пойдет к ним? Господь не взойдет в сердце неверующее, хоть стоит у дверей и толчет, а вне Господа какие утешения (11, с. 80)?

27. О сохранении плодов Причащения

Жалеете, что благонастроение, приобретаемое говением, исповедью и Причащением скоро ослабевает. Это и достойно сожаления, и тем достойнее, что избежать сего в нашей власти... *Не* надо предавать себя на жертву внешних впечатлений: они уносят внимание из сердца и заставляют его блуждать на стороне, далеко от себя. *Не* надо допускать вкушать сласти душевно-телесные. У нас два вкуса: один духовный, другой душевно-телесный. Они прогоняют друг друга. Когда есть вкушение духовного, все прочее — трава; а когда придется вкусить душевно-телесного, тогда уменьшается вкус к духовному. Из сего сами видите, что подобает делать, чтобы сохранить вкушение духовных благ (6, с. 48–49).

28. О частом причащении

Поздравляю с принятием Святых Христовых Таин. Буди во спасение!

И во второй раз причаститься хорошо будет. Чем чаще, тем лучше (8, с. 16)!

Вот и добре, что с таким убеждением причастились. Причащение — великое благо. И вы хорошо бы сделали, если бы устроили почаще причащаться — не только в посты, но и между постами (8, с. 45).

29. Домашнее говение и епитимия

Неудобно выехать из дома — дома поститесь. Дело говения можете совершить дома, а потом исповедаться и причаститься в церкви.

Неприятности же и все, что приходится переживать скорбного, переносите благодушно, и милостивый Господь вменит то в епитимии, какие всем следует нести за грехи свои по чину Церкви (8, с. 40).

30. Причащаться всегда можно

Когда неудобно было говеть на первой — поговейте, как предполагается. Чаша Господня всегда открыта, и все на всякий день приглашаются к ней. Потому никогда нельзя говорить, что время безвозвратно пропущено. Ныне пропущено — завтра готово (8, с. 68).

31. Отчего иногда не чувствуется действие Таинств

Слава Богу, что причастились. Что в чувстве не засвидетельствовалось благотворное действие сего Таинства, это надо приписывать нездоровью и вследствие того, может быть, недостатку духовного напряжения. Но действие Таинств не всегда отражаются в чувстве, а действуют сокровенно, что, конечно, имело

место и у вас, как обыкновенно (8, с. 123).

СВ. ПРЕДАНИЕ

1. Об апостольском Предании

Под словом *Предание* не разумеется неопределенная молва, не знать как начавшаяся и распространившаяся, а разумеется апостольское учение, устно преподаемое, или правила и законоположения, в Церкви введенные делом. Апостолы вполне организовали Церковь Христову, по всем сторонам духовной и церковной спасительной жизни. Но как организовали, этого вполне не изложено в писаниях их, а самым делом сделано и введено в жизнь христианскую лично апостолами, введено и укоренено чрез многократные посещения основанных ими христианских обществ и неоднократные исправления неисправного — все личным своим действом и словом.

И образ христианского ведения, и правила жизни, и взаимные отношения христиан, и освячительные таинственные священнодействия, и правила для церковных собраний... все лично словом установлено и закреплено личным наблюдением...

И пошли христиане так умствовать, так жить, так действовать во взаимных отношениях, так управляться, так освящаться, так Богу служить, как завели апостолы...

Вновь обращающиеся перенимали у них и по их образу устроились. Вновь нарождающееся поколение все образовывалось по тому устроению общества христианского, какое оставили апостолы...

И потом так из рода в род... и до нас дошло. Вот это все благоустроенное общества христианского по всем частям и есть *Предание апостольское*, следовать которому неотложный есть долг всякого, желающего стоять в правде христианина.

К слову *Предание* прибавляйте всегда *апостольское*.

Слово апостольское писаное пришло после. Церкви уже всюду были организованы, а писаний апостольских еще ни строки не было. Первое писание св. Павла было в 54–55 году, спустя 20 лет по Вознесении. И Евангелие появилось много лет спустя по Вознесении. Все же писания апостольские и с Евангелием в одну книгу собраны уже в конце первого века... вероятно, под руководством св. Иоанна Евангелиста.

И появились писания апостольские не для изложения христианского учения, а для устранения недоразумений и беспорядков, возникавших в частных общинах христианских.

И, следовательно, содержат только частные предметы, а не все вообще христианское. Они писали уже к христианам настоящим, вполне христиански образованным... И хотя касались христианских начал, то настолько лишь, сколько это требовалось предметом, о коем была речь. В писаниях апостольских все христианское видно, но ничего не раскрыто вполне и систематически. На все есть указания и намеки, но полного изложения нет, кроме тех предметов, относительно коих возникали недоумения.

От того и ереси все. Написано что-либо неполно. Суемудрые начнут

пополнять по-своему и напутают. Собираются православные... и обличают их. Чем? Общими верованиями. Собравшись, дознают: у вас как? а у вас как?... Отвечают: у нас так... и у нас так... и все так. Так мы приняли, и так у нас исстари... Вот это и есть главное начало Православия: так всегда, так исстари... от апостолов...

Так вот что есть Предание (6, с. 18–19)!

2. Приемство апостольского Предания и верность ему Православной Церкви

Я писал только об апостолах как установителях порядков веры, жизни, управления, Таинств и всего, что есть в Церкви. Апостолы вполне организовали Церковь во всех частях церковной спасительной жизни. И все это введено ими в жизнь христиан и как жизнь и дело передавалось из рода в род.

Пастыри и учителя после апостолов суть только блюстители апостольских Преданий и учреждений. У каждого апостола было по несколько ближайших учеников, с ними неразлучно бывших и усвоивших во всех частях апостольскую премудрость. Эти их ближайшие ученики были их преемниками в управлении Церковью и в блюдении всего, апостолами преданного. В церквах палестинских, в Антиохии, в Тарсе, в Ефесе, Смирне, в Колоссах, в Филиппах, в Солуни, в Коринфе, в Афинах, в Александрии, в Риме и во всех прочих местах, где были апостолы, после них остались пастырями их ближайшие ученики.

Это мужи апостольские.

Никому в голову не придет подумать, чтобы кто-нибудь из сих учеников позволил себе отступить от апостольских постановлений. Они и на деле оказывались верны им.

Мужи апостольские, по примеру и заповеди апостольской, правя Церковью, в то же время воспитывали при себе таких мужей, которые бы после них могли занять место их и продолжать блюсти апостольские учения и порядки. Эти вторичные преемники в свою очередь воспитывали третичных и так далее.

Все апостольское, таким образом, переходило из рода в род жизнью и делом. Апостолы все, что предали, ввели в жизнь — умственную, нравственную, семейную... и во все виды жизни. Жизнь от жизни загоралась... и жизнь, апостолами заведенная, блюлась...

Вот вам образчик... Св. Поликарп Смирнский был ученик св. Иоанна Богослова, св. Ириной — ученик Поликарпа. Св. Поликарп мученически скончался около 60 годов второго столетия. Св. Ириной прожил до начала третьего столетия. Это не единственный, конечно, пример. И можем положить, что вторичные преемники перенесли сохранно апостольское Предание до III века... А третичные — до половины и конца его.

Сим путем апостольское Предание сохранилось бы, если бы никто не писал из сих преемников. Но писатели скоро начались и, когда писали, преимущественно писали, как предано было. Оттого, читая писания святых отцов второго века, видим

апостольские слова и обороты речи, апостольские на всё воззрения, а цитат почти нет.

Отчего? — Оттого, что все они были блюстители Предания... И умствовали, и писали, как преда́ли апостолы каждой Церкви.

Апостольские писания собраны в книгу в конце первого века, при св. Иоанне Богослове. А списки их распространились к концу второго века. Оба эти века христиане питались преимущественно преданиями.

Вы понимаете Предание как передавание из уст в уста... А оно было передание из жизни в жизнь, из дела в дело (6, с. 95–96).

Таким образом третий век чрез третичных преемников мог передать апостольское Предание четвертому веку... В четвертом веке мы видим вполне все, что мы теперь имеем, в писаниях отцов, хотя все оно по частям есть в III и во II веках.

Извольте теперь общее иметь наведение: Греческая Церковь верно соблюла апостольское Предание и передала его нам. Это апостольское наследие — у нас (6, с. 97).

ПРОПОВЕДИ

1. Отзыв о книге проповедей и о проповедничестве

Проповедничество с церковной кафедры — особый дар. Рассуждающих добре и пишущих добрые рассуждения много. Но в проповеде рассуждение занимает служебное место, а пишет и говорит авторски иной деятель... и тут чем

меньше рассуждения, тем лучше. Самая хорошая проповедь та, которая сама склеивается и выливается (1, с. 134).

2. О навыкновении писать проповеди

Дивятся только... С самого приезда доселе еще ни одной службы не было без проповеди... и слушают (3, с. 54).

У нас вся беда от сборов писать. Помните, сначала я мало говорил... именно оттого, что думалось, проповедь писать... то же, что книгу сочинить. Так мы все думаем. Преосвящ. Серафим тогда и говорит мне: «Да что долго думать?.. Сел да и написал за один присест». Я никак не верил, чтобы можно было так. Потом как-то самому стало досадно, что не говорю проповедей... Пришел от Всенощной и ну писать, что напишется... Кажется, это была проповедь о любви к Богу. За обеднею с робостью начал говорить... Ничего... сошла с рук. Потом и в другой раз, то же и в третий, и пошло так. И все проповеди, что «Слова к Тамбовской пастве», исключая 3–4, такого происхождения. Вечером после всенощной писаны... Это я затем рассказываю, что пока не придет Преосвященный к мысли писать за один присест — не ждите проповедей. Столкните его на эту колею. Увидите, как пойдет. Проповедничество всякое удовольствие доставляет (3, с. 55).

3. О проповедничестве

Уж прислушались к проповедям, и у меня что-то охота отпадает.

Опять замолчу... или помощи, Господи... Ибо горе... аще не благовествую (3, с. 56).

4. Как святитель Феофан писал проповеди

Особенность моих проповедей — и этих, и всех других — та, что они не сочиняемы. Обычно, бывало, вечером, после всенощной, выпью стакан чая, прочитаю Евангелие завтрашнее, потом Апостол... и какая мысль впадет и займет внимание и сердце, ту беру в тему... и проповедь там внутри уж сама собой строится. Час, полтора, много — два... и проповедь готова... утром читаешь, немножко подладишь. Иногда тему дают внешние обстоятельства, как бывало при посещениях монастырей... но производство все то же. Это писанные экспромты; как они не из головы шли, то и представляют подслащенное нечто. Вот посмотрим, как-то вам покажутся другие подобные же брошюры. Их будет шесть-семь, две-три в два раза больше этой (4, с. 50–51).

5. Проповедь, излившаяся от души, — великое дело

К проповедям многие не благоволят. Напрасно. Проповедь, излившаяся из души, — великое дело (11, с. 100–101).

6. О цели проповеди

Всего с церковной кафедры не проговоришь. И то надо сказать, что и потребности слушающих разнообразны. Одному нужно рассуждение, другому — одно живописное изображение предмета — всякому свое, но

цель говорящего и слушающих одна, проникнитесь ею и читайте, воодушевляясь исполнять делом читаемое (11, с. 144).

ПСАЛТИРЬ

1. Заучить псалмы, которые ближе к сердцу, и читать на молитве

«Из Псалтири тоже выберите, какие псалмы понятны и ближе к сердцу, и заучите... И их тоже читайте на молитве на память порядку. Их читайте и так идя куда и делая что (1, с. 72).

2. Благодарение Богу за то, что открылись сокровища Псалтири. Толкование Псалтири преподобного Палладия

Благодарение Богу, что вам открылись сокровища Псалтири. Есть толкование Псалтири прп. Палладия. Имейте его под руками для просмотра, в случае нужды получше уразуметь какой-либо стих (1, с. 144).

3. О заучивании псалмов

Заучиваете шестопсалмие... Добре. Читайте псалмы в Псалтири, и какой псалом понятен и падает на сердце, тот заучивайте... Когда прогуливаетесь или идете куда, мысли разбредутся не зная куда... Берите лучше какой-нибудь псалом и читайте его с размышлением и вопросами... что то значит, что это (6, с. 14–15).

Вы заучили шестопсалмие... и прибавляете, особенно нравятся последние два... Это подает мне мысль предложить вам: как только встре-

тите нравящийся псалом, так заучивайте его... Потом и употребляйте их... то во время молитвенного Богу предстояния утром и вечером и в видах возгреяния молитвенного духа или между делами... когда идете, или засыпаете, или просыпаетесь... всякое время бездельное наполняйте сим чтением. Посмотрите: второй псалом третьего часа — и 3-й шестого... Они схожи с *Возведох очи мои в горы* (6, с. 48).

4. Чтение псалмов вместо утренних молитв

Вы вместо положенных утренних и вечерних молитв беретесь читать псалмы... хорошо и так, коль скоро сим способом душа охотнее восходит к Богу. Ибо не в словах сила, а в этом восхождении. Можете принимать разные правила внешне: то

псалмы читая, то положенные молитвы, то коротенькие молитовки, и ныне одни и спустя немного — другие (6, с. 69).

5. О заучивании псалмов

Псалмы заучивать на память хорошо. Выбирать, какие больше к себе, и заучить. Потом, ходя, читать их с размышлением. Из Евангелий хорошо заучивать слова Господа на память слово в слово, а прочее так помнить (8, с. 200).

Псалмы учить — добре. Заучите и читайте, когда идете... или делать нечего, или засыпаете. Непонятное пусть и остается так. Но с ним всегда можно соединять мысль, какая пригожее по ходу речи, не давая ей только того значения, что она непременно есть настоящая (8, с. 225).

РАДОСТЬ ДУХОВНАЯ

1. О радости в праздник Воскресения Христова

Взаимно приветствую и я вас со светлым праздником Воскресения Христова. Буди вам в обрадование духовное, которое, однако ж, зависит не от слов и не от желаний.

Вкусившие силы воскресения прежде оногo воскресения, только они радуются настоящим образом Воскресению Христову. У них плоть умерла, и живут они духом. Нам же, плотяным, как радоваться истинною радостью (3, с. 63)?

2. О промыслительном отнятии духовных утешений

Господь иногда испытывает искренность служения Ему, отъемля духовные утешения, сопровождающие упражнения духовные. И когда увидит, что душа, лишенная сих утешений, не жалея себя, служит Ему усердно, возвращает ей утешения те. Старцы говорят, что не надобно пристращаться к сим утешениям или считать их достоянием своих трудов неотъемлемым, а предать их в волю Божию — принимать, когда подает Господь, и терпеть лишение их, когда отнимает» (6, с. 109).

3. Откуда радости и печали в сердце

Сердцем распоряжаться никто не властен. Оно живет особою жизнью. Само по себе радуется, само по себе печалится. И тут с ним ничего не поделаешь. Только Владыка всяческих, все содержащий в деснице Своей, властен входить в него и владеть в него чувства, не соображаясь с натуральным течением его изменений (8, с. 11).

РЕВНОСТЬ О СПАСЕНИИ — ДУХОВНАЯ

1. Ревность оживляется сознанием бесплодности в духовной жизни

Вы нарисовали себя так, что в самом деле выходит, что вы бесплодная смоковница. Что ж? Ведь такого рода сознание очень полезно при ревности о спасении, потому что естественно поджигает сию ревность, как скоро она начинает потухать или охлаждаться. Вы уж и испытали это, как пишете. К этому можно приписать: если оживляется сим путем ревность, то потрудитесь почаще возводить себя в такое сознание бесплодности — и она не даст вам остаться без плода, когда он в вашей власти (1, с. 119–120).

2. Для спасения необходима ревность

Желаете слышать слово о спасении. Будто не слышали?! Кто не знает дела спасения?! Дело не за этим, а за тем, что усердия нет трудиться над делом спасения. Хотеть спастись лежа на боку, желать, чтобы спасение пришло само собою как-нибудь. Если и вы больны таким недугом, то излечитесь от него, восприяв ревность к содеванию спасения — живую, крепкую, себя не жалеющую... и дело спасения пойдет успешно.

Чтобы раздражить ревность, разъясните себе крайность положения, в каком находитесь. Каждую секунду может схватить смерть, затем — Суд и решение «*прииди*» или «*отыди*». Если это может случиться сию секунду, то нечего дремать, надо встать и приступить к делу... и делать сие, не пропуская ни одной терции. Что же именно делать? — Держа веру в Господа Спасителя и святую Его Церковь, уклоняться от зла и творить благо словом, делом и помышлением (1, с. 144–145).

3. Ревность укрепляется богомыслием

Поспешите поджечь ревность — тогда все опять пойдет добре. Как? — Как оживляют онемелый член тела? — Трением. Начинайте же тереть душу. Чем? — Всем, чем обычно упражняют себя люди благочестивые: богомыслием, усилением самоумерщвления или строгостию к себе, к плоти своей, наипаче же молитвою. Извольте пройти весь ряд Божественных истин с предвечного бытия Бога

до конца и остановитесь на сем последнем, именно на своей смерти и последующем за тем решении, неизменном на вечные веки. Но остановитесь не голою мыслию, а с полным чувством и так, как бы все то самым делом совершилось над вами (1, с. 209).

Вот вы слегли на одр смертный — приходят Ангелы взять душу... Что скажут они? Подступят и бесы... и что будут вопить? Чем кончится их взаимное пререкание? Начнется путь к Престолу Судии — Бога. Надо пройти мытарства (1, с. 209).

А там суд. Что скажем в оправдание или хоть в легкое извинение? Что будет, когда услышим: виновен... свяжите... и низриньте? Извольте это поглубже вселить в сердце и почаще припоминать... Если так будет, если есть вероятность, что вынесется приговор «виновен», то как беспечничать и предаваться послаблениям (1, с. 209–210)?

4. Об отношении ревности к действующей благодати

Вы прописали некоторые неисправности в делании дела спасения. Присмотритесь, еще больше найдете. Извольте встрепенуться, ибо дело идет о жизни и смерти (1, с. 207–208).

Главные производители жизни о Христе Иисусе суть: *ревность*, горячая, энергичная, безжалостная к себе, яростно-сердитая на свою дурную сторону во всех ее проявлениях, без всякого снисхождения, и Божественная *благодать*, привлекаемая и призываемая ревностию и всегда

помогающая, когда ревность действует как следует (1, с. 208).

5. Ревность укрепляют память Божия и память смертная

Неурядицы в помыслах и чувствах, какие испытываете, все улягутся со временем, если, несмотря на них, не перестанете всею ревностью ревновать об одном том, что угодно Богу. К этому же один верный способ — память Божию иметь и память смертную. Они водрузят страх Божий, который будет и возбuditелем на все Богоугодное, и отвратителем от всего, Бога прогневающего, и хранителем добрых внутри стяжаний, и истребителем всего залегшего там недоброго (1, с. 237).

6. Ревность о спасении — признак духовной жизни и плод благодати

Ревность о спасении у вас есть. Она знаменуется заботою, вами выражаемою. Это значит, что жизнь духовная в вас теплится. Следует вам ее поддерживать, поддерживая ревность и разжигая ее.

Когда будет ревнование, будет жизнь, а жизнь никогда не стоит на одном, следовательно, будет и преуспевание. Но замечать его нельзя, как не замечается рост детей, кои всегда на глазах (2, с. 85).

7. Для духовной жизни необходима постоянная ревность, укрепляемая благодатью

Кающемуся и дается благодать, которая образует в нем решимость угождать Господу не щадя живота (2, с. 227).

8. Происхождение, плоды и способы поддержания ревности духовной

Ревность — дело благодати и свидетельство, что сия благодать неотступно в вас есть и производит благодатную жизнь... Пока есть ревность, присуща и благодать Святого Духа. Она — огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова духовные — молитва... Как благодать коснется сердца, тотчас порождается обращение ума и сердца к Богу — семя молитвы. Затем идет *богомыслие* (3, с. 24–25).

9. Разные ответы и наставления для поддержания ревности о духовной жизни

Бывает, что чтение нейдет и молитва тоже: тут рукоделие с молитвою краткой — вещь, очень мощная... Положите себе правилом все промежутки времени между занятиями наполнять *молитвою Иисусовою*. Назначьте в продолжение дня иметь стоянки с *молитвою Иисусовою* две, три, минут по пяти, по три (3, с. 121).

Молитва ослабела... Это от сухости и охлаждения. Против этого — краткие молитовки, *особенно молитва Иисусова*. Заучите наизусть 24 молитовки Златоустого, что находятся на ряду молитв на *сон*... И читайте, когда бывает *сухость*. Приложите размышления о смерти, Суде, рае, о свойствах Божиих, о блаженствах евангельских... о событиях и деяниях Господа Спасителя... Может быть, в церкви невнимательно стоите, и тогда... и сухость — наказание за то (3, с. 121).

Что бывает, будто служба скоро отошла или свое правило совершенно незаметно будто... Это плод внимательного стояния в церкви и домашнего правила исполнения — со вниманием и чувством (3, с. 121–122).

10. О блюдении ревности. Не умаляйте ревности, ибо в ней жизнь

Очень утешительно, что милует вас Господь Бог, в силе поддерживает ревность вашу. Стойте крепко и не умаляйте сей ревности, ибо в ней жизнь.

Не внимайте припадкам лености, которая исходит от плотоугодия, противопоставляйте сему желание или даже жажду самоумучения. И Господу о сем молитесь и Матери Божией, чтобы воодушевление вам подавали. Ревность — огонь. Что может устоять против нее? Она всепожирительна (3, с. 219).

11. Необходимость ревности для духовной жизни

Решимость сию надо возвесть на такую степень, чтоб она была неуступчива до положения живота. Пока она не такова, все будет хромание на обе плесни: делание легонького и бегание от тяжеловатого (это и еще черта кислого благочестия). Я гадаю, что это именно у вас и есть... и ваши слова «ревность жива» не выражают вашего состояния. Ревность деятельна, а у вас только желание действовать. Присмотритесь Господа ради... хорошенько и возьмитесь за дело живо, трезвенно и действительно. Иначе неизбежно попадете в чин

тех, кои ни горячи, ни холодны, о коих Господь изрек нечто страшное (4, с. 13–14).

12. Возбуждение охладевшей ревности

Добре, что идет борьба. Горе будет, если прекратится. А кажется, к тому идет, ибо если ревность ослабела, а к поддержанию ее ничего не предпринимается, то она совсем погаснет, как гаснет лампада, когда не подливают масла. Хорошо, что это вы предвидите сами и боитесь сего. Если боитесь, нельзя сидеть, сложивши руки. Соберитесь в себя и собирайте воедино все известные вам возбудительные истины христианские, начиная с творения и кончая Страшным Судом и тем, чем все закончится на вечную неизменность — или благу, или ужасную. Вместе же с сим молитесь к Господу вседущему, да своими благодатными воздействиями пробудит душу от опасного засыпанья и дремоты (4, с. 137).

Благодарствую! Вы много меня утешили, извещая, что немного разбудили спящую душу. Еще и еще тербите ее и мучьте. Образ представления положения души, как значит-ся у Исаия-отшельника, держите в мысли и извлекайте из него воодушевление. Во всем худом нашем участвует враг, лъстя, грозя и обманывая обещаниями. Все это проходит в мыслях наших... Воображайте так: направо — Господь с истинными дарами, налево — враг, лъстящий со злым намерением поглотить вас. Или так: справа — рай сладостей

истинных, слева — ад, вечно мучащий... И определяйте свои склонения воли (4, с. 138)!

13. Ревность о спасении — основа духовной жизни

Господь да раздувает искру ревности о спасении души, которая в вас. Сию хранить *яко зеницу ока* подобает. Ибо когда ее не станет, тогда и толковать не о чем и не для чего (4, с. 159).

14. Ревность к Богоугождению освежается страхом Божиим

Обновляйтесь непрестанно ревностию к Богоугождению, освежая ее каждый день и час страхом Божиим. Как-нибудь надо устроиться так, чтоб страх Божий не отходил. С умалением его — тотчас и уклонения в распутия, а когда он есть, то напечатлевает в мысли, как в каком случае поступить должно. Отошел страх — внимание рассеялось. Вот вы и ну пустословить с мирянками, кои были в гостях. Вы дали себе право на льготу в сем случае. Стало, вы в сердце сочли себя властною и строго себя держать, и распущенно, без всякого ответа. Строгое держание себя у вас — заслуга, а распущенность — право льготы, за которую взыску не будет. На деле не так: строгое держание себя есть долг сознанного рабства Богу, а распущенность — худое дело, суду и наказанию подлежащее. Спутались у вас понятия, и спутались оттого, что страх Божий отошел. Где страх, там душа держит себя в струнку, никакой вольности себе не позволяет (4, с. 191).

15. Значение ревности в духовной жизни

Если бывает у вас нескладность в жизни, то она всегда почти происходит не столько от худоумия и худосердечия, сколько от недостатка ретивости и ревности к достодолжному (9, с. 4).

16. Ревность о спасении как первое условие к достижению его

Если б не требовалось наше произволение, Бог всех в одно мгновение сделал бы спасенными, ибо всем хочет спастися. Да тогда и совсем не было бы погибающих. А произволение наше не всегда разумно бывает, упорничает и Самому Богу не внимает. Вот и гибнем.

Так извольте заметить сей момент. Он всегда во всяком духе должен быть присущ, когда кто стоит на стороне спасаемых. Слагается он из следующих действий: после того как благодать возбудит чувство крайности положения, а благовестие укажет исход из него, к чувству беды приложить надо сознание, что сам во всем виноват, и раскаяться в том, уверовать в действенность предлагаемого образа спасения, возжелать сим именно образом спастися и благонадежие в том возыметь, изъявить полную готовность всеусердно делать все, что указано будет, как условие спасения. Когда все сие произойдет в духе нашем, останется только к Таинствам приступить — и Богообщение совершится. Сведем итог: раскаялся, возжелал спасения в Господе и благонадежие в том возымел; эти действия суть действия покоящиеся, внутри про-

исходящие и тамошним проявлением довольствующиеся. А последнее действие — готовность делать все, что потребуется — есть настоящая деятельная сила во спасение, поелику оно от нас зависит, источник спасительной деятельности и жизни спасенной. Эта готовность, пока нами одними изъясняется, слаба бывает; а когда благодать Божия внутрь вселится, тогда становится всеисильною, не знающую препон, все преодолевающую. Она есть ненасытимая ревность о Богоугождении и всеусердном исполнении воли Божией, при всей вере в Господа и благонадежии спасения в Нем Едином. Она исполняет предвечное определение Божие — *быти нам святым и непорочным пред Ним в любви** (Еф. 1, 4), для чего и делает нас Господь *ревнителями добрых дел* (9, с. 84–85).

Я нарочно останавливаю внимание ваше на сей ревности, чтоб вы возревновали о ней. Ибо когда она есть с нашей стороны, то благодать Божия со своей стороны не пропустит делать все с преизбытком, так что, когда есть ревность сия в области веры и искания спасения, тогда все есть, и содевание нашего спасения, несомненно, бывает в ходу и идет к своему концу; а когда нет ее, то и ничего уже нет: не ревнующий о спасении не причастен спасения (9, с. 85).

* ...чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви.

17. Признаки истинной духовной ревности в отличие от ревности душевной

Ревность действенная, живая, горящая, неутомимая и есть признак, что дух наш восстановлен в своей силе и правах чрез воссоединение с Богом благодатию и действием Святого Духа. Вспышки ревности бывают у нас и свои, но вспыхнет — и погасла. Ревность же всегда горящая, постоянная и неутомимая бывает только по облагодатствованию духа нашего Святым Духом (9, с. 85–86).

Не смешайте ревность с ревностью. Ревность духовная вся истощается на угождение Богу и спасение души; она преисполнена страхом Божиим и непрестанное хранит внимание к Богу, всячески заботясь ничего не допустить ни в мыслях, ни в чувствах, ни в словах, ни в делах, что бы не было угодно Богу, как указывает ей совесть, которую она хранит чистою, как зеркало; сердце свое она блюдет от всяких прилеплений к чему-либо, кроме Бога и вещей Божественных, и надеждами своими переселяется в иной мир, отсекая все земные надежды. Она не чуждается и того, что нужно для временной жизни, но все сюда относящееся есть для нее придаток, а дело одно — Богоугождение и спасение (9, с. 86).

Бывает ревность и душевная, и ревность сильная. Но она вся обращена на устроение временного быта. Кто о научности ревнует, не спя; кто о художественности, мир весь обегая; кто о промышленности и торговле, сил не жалея; кто о другом чем, житейском или гражданском.

Все это было бы ничего, но то беда, что когда какая-либо из сих ревностей завладеет вниманием и силами человека, то она погашает ревность духовную. Душевная ревность в лучших своих проявлениях, какие указаны, холодна к духовному и отбивает всякую охоту заниматься тем, что удовлетворяет ревность духовную. А о других ревностях и говорить нечего, как они противны духовной (9, с. 86–87).

Есть еще ревность суетная (о нарядях и подобном) и есть ревность злая — порочная и грешная, обращенная на удовлетворение страстям. Эти последние не охлаждают только ревность духовную, но совсем враждебны ей и, как в себе самих подавляют ее, если она как-либо зашевелится в совести, так и в других гонят ее и преследуют (9, с. 87).

Духовная ревность не гонит душевной (научности, художественности, житейскости, гражданственности), а только умеряет ее и упорядочивает, направляя ее к своим видам, не позволяя ей ревновать о чем-либо таком, что противно ей самой. Она прогоняет только суетную и страстную и показаться им не допускает в круге жизни человека, которым сама завладела. В одном только случае она и душевной ревности не дает хода — именно когда видит, что дела и занятия по удовлетворению сей ревности: науки, художества, мастерства, жизнь семейная, гражданские службы и должности — не дают простора ей самой, теснят ее, охлаждают и гасят. Тогда она человека, коим завладела, совсем исторгает из тех порядков жизни, ко-

ими заведывает ревность душевная, и уводит его туда, где тем только и занимаются, чтобы удовлетворять ее — духовную ревность. Вы догадываетесь, о чем здесь речь?!

Отгораживаю вам настоящую духовную ревность от всего стороннего, чтобы вы определенно видели, что она есть, и возревновали о ней.

Она есть тот огонь, который Господь пришел воврещи на земле и который, падши на земле естества нашего, поедает там все непотребное, а все потребное переплавляет и перечищает. Ее разумел апостол, когда писал к солунянам: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19)*. Ибо хотя Дух сей есть Дух благодатный, но присутствие Его в нас свидетельствуется горением духовной ревности, и погашается Он, когда гаснет сия ревность. Ее же разумел он, когда поучал римлян: (будьте) тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающее** (Рим. 12, 11).

Тщание и неленность есть самая ревность; горение духом есть свидетельство ее присутствия и деятельности: работание Господеви есть направление и дух сей ревности.

Направляя такую ревность, тот же апостол заповедует филиппийцам: *елика истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика достох-*

* Имеются в виду фессалоникийцы и Первое Послание апостола Павла к Фессалоникийцам. — *Изд.*

** ...в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите.

*вальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте. И Бог мира будет с вами** (Флп. 4, 8–9). Вот о чем ревнует дух оживший, с Богом сочтаный и вследствие такой ревности сохраняющий такое сочетание. За то Бог мира пребывает с ним — благо, выше которого нет другого.

Должное также направление ревности определяя, пишет он к римлянам: *молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богу, словесное служение ваше. И не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная*** (Рим. 12, 1–2). Обновление ума есть обновление духа нашего благодатию. Оживши, он отрешается от дел века сего и ревнует только о Богоугождении, всего себя принося Богу в жертву живу и святу, а потому и благоугодну Богу.

Так вот вам, что есть ревность, какова сила ее и каковы направления ее (9, с. 87–89)!

18. Что делает в нас ревность духовная

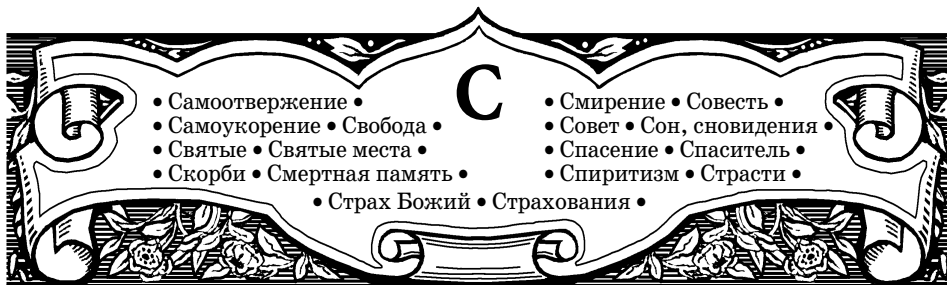
Она и резак, и нож, который весьма хорошо действует, когда отточен благодатию и направляется по ее же внушениям. Она и безжалостна бывает, когда вселится в сердце, и режет, не слушая криков режемого. Зато и дело при ней идет спешно и скоро приходит к концу, ибо не все — резанье. Когда все поотрежется, тогда ревность не ножом уже бывает, а стражем и всю лютость свою обращает на врагов спасения, от докучливости которых никто не свободен и бесстыдство которых никогда не оставляет покойным никого» (9, с. 91).

19. Колеблющаяся ревность дразнит врага

Что Черничка стала Беличкой — это значит, что решение прежде было неглубоко: наиграно... и в сердце не вошло. Она только врага раздрадила, и он за это сильнее наляжет на нее как [на] изменницу. Но если в прежнем решении было что Божие, то врагу не одолеть Господа. Он все же вырвет у него Свою избранницу (8, с. 39).

* ...что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте... И Бог мира будет с вами.

** ...умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.

САМООТВЕРЖЕНИЕ

1. *Весь день должен состоять из цепи актов самоотвержения*

Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну все время должно так вести дела, чтоб весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все Господа ради, пред лицом Его, во славу Его.

Акты самоотвержения не огромные что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякою мелочью. Отличительная их черта есть — не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе. Я не умею вам по вашему быту пояснить это примерами. Сами извольте это устроить. Садитесь, например, на диван, приходит желание развалиться и посибаритничать — откажите и приведите члены в напряжение, в струнку.

Подобно этому и во всем. Мелочь это, но из полушек рубль составляет. К концу дня увидите, как совесть вам скажет, что вы добре стояли на страже. И утешение. А главное, навыкши этому на мелочах, и на большом тем охотнее будете также делать (1, с. 121).

2. *О тесном пути самоотвержения*

Потом у вас идет речь о своих неисправностях, кои все происходят от того, что у вас недостает решимости отказывать себе в чем-либо... и что в вас царит *самоугодие*. А между тем на словах выражаете желание спасения и совета спрашиваете, как вести жизнь, чтоб спастись... Сами видите, что вам для своего спасения надо победить *самоугодие*, как и Спаситель повелел: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себя**... Когда вы это сделаете, тогда и вопроса не будет у вас, как жить, чтоб спастись! Ибо ясно будет и сознано, что спастись вам нельзя иначе, как идти путем самоотвержения... Это и есть тесный путь, ведущий в живот (3, с. 4).

3. *Об отношении к своему «я»*

Вопрос ваш — как быть с «я»? — очень естествен в душе, вступившей в путь к самопознанию. Как быть? Тереть его и стереть в порошок... Камень взять... тот, что, отторгшись от горы, стер в порошок истуканы. Вся жизнь на это назначается... Прием к сему прост: не слушать «я» и идти ему наперекор. Дела его: своему уму

* ...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя (Мф. 16, 24).

верить, своей воле следовать, своему чувству сочувствовать. Самое осязательное обнаружение его жизни есть саможаление... Отречение от всяких проявлений «я» и делание наперекор ему есть его стирание... Заповедь о сем слышали из уст Самого Господа: *да отвержется себе*. Начните наблюдать над собою... и замечайте проявление своего «я»... и затем — идите против... во всем — и в большом, и малом (6, с. 66).

4. О самоугодии и саможалении

А саможаление, на которое вы жалуетесь, уже опасно и пагубно. Если поблажать себе придется по болезни, то это ничего. А если под предлогом болезни, то это худо. Тут видно *лукавство пред собою самим* — самое злое из всех лукавств.

Вы на саможаление, как видится, смотрите очень легко... почитая случаи уступки ему неважными действиями. Тут у вас большая ошибка. Случаи саможаления, точно, бывают ничтожные, но не ничтожно присутствие в душе сего саможаления. Ибо что оно значит? Значит, что самоугодие у нас с вами сильнее Богоугождения. Положили мы то и то делать, сознав то нужным в деле устройства спасительной жизни и угодным потому Богу, а потом отказываемся от этого не почему другому, как потому, что этот отказ приятнее нам, телу или душе. Значит, в этот раз мы переходим от Богоугождения к самоугодию. Совесть видит нашу неправость — и беспокоит. Она права. Не следовало себя связывать: то и то буду делать в видах подвижничества, когда не было

уверенности одолевать себя всякий раз (8, с. 188–189).

САМОУКОРЕНИЕ

1. Самоукорение при появлении немощей

Что до ваших немощей, как вы их называете, то, как я уже писал, я не умею составить против них рецепта. Терпите, боритесь и укоряйте себя, когда не устаиваете, и все тут (1, с. 9).

2. Самообличение и сокрушение сердечное должно иметь меру

Сокрушение сердечное и самообличение безжалостное всегда нам к лицу, однако ж и меры не надо забывать. Вы заходите за черту должного, когда употребляете такие речи: «Безнадежная тоска томит от греховности... чувствуешь невозможность спастись...» и подобные. Чувство бессилия *самому* спастись в порядке вещей, но нечаяние спасения должно выбросить из словаря христианского... Ибо имеем Господа Спасителя, о нашем спасении пекущегося и нас к тому всячески располагающего и укрепляющего. Не надо так говорить... враг подслушает и начнет строить на этих пунктах свои батареи. Поди отстреливайся тогда (1, с. 249–250).

3. О пользе самоукорения

Вы укоряете себя в самолюбии. Добре-дobre. Подкарауливайте проявления его и тотчас посекайте. Самолюбие для себя все хочет делать, а вы делайте все во славу Божию и

благо других, не имея себя в виду, не жалея себя. Ведь и самолюбивые внешне те же, большею частью, делают дела, что и несамолюбивые, только другое им дают направление и другие при них имеют намерения. Наше дело — выправить сии намерения из самолюбивых на самоотверженные, а потом и дело направлять по тому же. И этому надо учиться. Учитесь, учитесь. Благослови, Господи (9, с. 118)!

СВОБОДА

1. Человек имеет дар свободы

Вы атаковываете свободу: будто все строится так, что хочешь — не хочешь, а делай. Стоит только повнимательнее просмотреть дела свои, хоть в один день или в полдня, и увидишь, что все мы сами делаем, и делаем потому, что так хотим. Кто вас привел на Вышу? Связанным приволок кто или сами решились и приехали? То, что вы называете понуждением, есть побуждение, без которого свободными дела не делаются. Но побуждение не есть необходимость делать, а предложенные дела.

Дело предлагается, душа обсуждает, сделать ли, и решает, делать или нет. Этого решения у души вынудить никто не может. Сама решает. Сюда и Божеская сила не заходит и никаким мановением свободы души не связывает.

Прародители пали. Почему? Нашли, что лучше будто не исполнять заповедь, и нарушили ее. Змий предлагал. Ева рассуждала и нашла, что он не худо предлагает, и по этому

своемумышлению решила сорвать плод и вкусить. Решения этого никто не вынуждал.

Тоже и духи пали; конечно, вследствие рассуждения и своеличного решения, что лучше не слушать Бога, а жить по своемумышлению. Рассудили так и отпали от Бога. Решения этого никто не вынуждал.

Так и всякая душа действует. Побуждений может быть много — и самых сильных, и понудительных, а решение всегда от воли души зависит. Она может решить и наперекор всем понудительным побуждениям (1, с. 163–164).

Сознавши, таким образом, что свободное решение — всегда от нас, вы должны положить, что всеведение Божие не имеет на него определяющего влияния (1, с. 165).

Таково падение прародителей и духов. Они свободно пали, хотя Бог предвидел то. Со стороны Божией все сделано, чтобы не пали. Ясно сказано прародителям: «Не ешьте». И впоследствии указал (1, с. 165).

СВЯТЫЕ

1. Они составляют единое тело и молятся все вместе о нас

Я верую, что святые все на Небе единое тело составляют. Они все вместе молятся о нас, хотя мы простираем молитвы то к тому, то к другому. И Божия Матерь со всеми предстоит о нас Богу. Когда просите, чтоб святые присоединили свое предстательство пред Господом к молитве Божией Матери, ничего особенного не делаете. На Небе так всегда и есть (1, с. 7).

2. Разъяснение того, что моление святым не есть идолопоклонство

Вас смущает, как вы пишете, моление к святым, и вы боитесь, как бы не подвергнуться осуждению в идолопоклонстве. Нет, наше моление святым и их чествование не имеет ничего идолопоклоннического. Было бы идолопоклонство, если бы мы почитали их богами, но мы чтим их как слуг Божиих и ходатаев о нас пред Богом. Внутреннее чувство должно говорить вам, что вы не почитаете их Богом и не считаете их первою причиною просимых благ, а только орудием подавания их. Взывая к святому, мы говорим: «Святый Божий, помолись о нас, умоли Господа дать нам то и то». Возьмите во внимание и вот что: мы, живущие здесь, на земле, чада Церкви, просим друг друга молиться о нас... Все это делают. И никто не думает, чтобы тут было что-либо идолопоклонническое. Вы пишете же ко мне: «Помолитесь о том-то и о том-то». Опасаетесь ли при этом провиниться в идолопоклонстве? Я думаю, что никого еще в свете не было, кто бы так думал. Как же это у вас в голове держится мысль, что, когда святые были здесь на земле, можно было безопасно просить их о молитве, а когда они перешли туда, в Царство Небесное, стало нельзя? Отошедшие отцы и братья наши, несмотря на сие отшествие, пребывают в Церкви Божией так же, как и мы, оставшиеся здесь (3, с. 127).

Существо идолопоклонства в том, что твари присвояют Божеские свойства и в силу сего чтут их... Мы же святым Божиим никаких Божеских

свойств не присвояем... а чтим их как совершеннейших из людей, в меру возраста исполнения Христова достигших... а через то приблизившихся к Богу, преискреннее других. Войдите внутрь себя и рассмотрите: считаете ли вы святых богами... Чувство должно сказать вам это. Если окажется, что вы считаете их такими, то перестаньте считать, а если не считаете, нечего и смущать себя помыслом, не попасть бы в идолопоклонницы (3, с. 127–128).

3. Живое общение с Ангелами и святыми

Я уже писал вам, что внутренние внушения — от Ангела Хранителя и святых Божиих, к коим молитесь или чествование воздаете.

Так всегда бывает, что как наши сердечные молитвы тотчас слышатся святыми, так и их слово к нам тотчас отзывается в душе нашей, как бывает на телеграфах. Общение мира нашего с горним всегда есть и есть живое.

Попекитесь всегда блюсти святое настроение — и всегда будете в общении живом со святыми Божиими.

Они видят нас и или радуются, когда сердца наши в добром порядке, или печалются и скорбят, когда там худо (3, с. 218).

4. Общение с небесными

Обратите взор к небесным. Вообразите, что верх вашего жилья принят, открыто видите Небо и небесное. Тамошние вас видят, и вы их видите. Вы говорите к ним, а они к вам могут духом сойти... а вам дозволено только мысленно посещать

их... Тогда не пожелаете видеть ни петербургских, ни московских и никаких. А ведь, в самом деле, возможно вступить в общение с небесными ощущаемое (4, с. 21).

5. Небесная помощница

В момент воззвания вашего рука Божия отбросила злодея от вас — и, пока он приходил в себя, вам дана была свобода выбежать в коридор и созвать помогающих. И св. Варвара великомученица тут же была. За минуту до отсечения главы она молилась, чтоб Бог избавил от нечаянной смерти всех, которые прибегать будут к ней в молитвах. Но у вас ведь постоянная к ней молитва. Вот и помощь (8, с. 243)!

6. Как святые слышат наши молитвы

Вам, вероятно, приходилось слышать вопрос, как святые слышат молитвы наши, или, может быть, и сами вы задавали его себе. В ответ на него толкуют-толкуют, а вопрос все остается вопросом.

По-моему же, при предположении той стихии выходит: как святые могут не слышать наших молитв?

Вы знаете, как действует электрический телеграф? В Петербурге, например, заводят известный аппарат — в то же мгновение то действие петербургское отражается в Москве в подобном же аппарате и в том же значении, в каком там происходит движение. Почему так бывает? Потому, что и аппараты те однородны, и соединяющая их проволока к ним же подложена. Так, что действие такого телеграфа — то наша молитва.

Мы и святые — как бы два аппарата однородные, а среда, в которой святые и коею окружены души наши, — это проволока. Когда истинная молитва — сердечная — подвигнется в душе, тогда она, по той стихии воздействуя на нее, как лучом света пролетает до святых и сказывает им, чего мы хотим и о чем молимся. Между нашею молитвою и услышанием нет промежутка, только надобно, чтоб молитва шла из сердца. Оно у нас и есть телеграфный для Неба снаряд. Те же молитвы, кои не из сердца, а из головы только и с языка идут, не дают луча, восходящего на Небо, и не бывают слышны там. Да это и не молитва, а только приемы молитвенные (9, с. 55).

7. Общение с миром невидимым

Верующий состоит в живом общении со всем невидимым миром. В чем выражается сие общение? Кроме многого, и в том, в чем общение сие состояло на земле, — в молитве. Апостолы о себе просили молиться и всем заповедали молиться друг за друга. Это же должно быть соблюдаемо и в отношении к отшедшим православным и вообще ко всему невидимому миру, с коим союз так же действителен, как и с видимым. Вот мы и просим святых Божиих молиться за нас... а о ком не уверены, что они сильны у Бога, о тех молимся сами... Во всем этом, как видите, мы действуем не по духу только, но и по букве учения апостольского, а не в угодность самоделиям иерархов. Так ли? От сего и о прочем разумевайте (11, с. 138).

8. *Ходатайство за нас всех святых*

Если Бог благоизволил, чтобы мы призывали святых в молитвах, чтобы они молили о нас, то сим самым изъявил, что будет слушать их молитвы о нас. Потому ничего противного Ему нет в словах: «Молитвами святых»... это значит: Ты благоизволил, чтобы мы просили святых молиться о нас. Вот молимся, их убо молитвами спаси нас (6, с. 4).

9. *О разных наименованиях святых*

Спрашиваете, что значат разные наименования святых? Это имена, какие присвоятся им по их состоянию, званию и подвигу на земле, а не тому, какая степень блаженства присвоена им на Небе. Там все определяется внутренним совершенством сердца. Некоторые из этих имен вы сами определили добре.

Святитель — это епископ, угодивший Богу и прославленный. Иной раз так называют и живых архиереев, заслуживших уважение.

Мученик — всякий христианин, страдавший за веру и до смерти замученный. Замученные архиереи и священники называются *священномучениками*, монахи и монахини — *преподобномучениками* и *преподобномученицами*. Кто страдал за веру, но не до смерти замучен, называется *исповедником*. Мученики, чрезмерно много страдавшие, с проявлением над ними и особенного покрова Божия, суть *великомученики* и *великомученицы*.

Преподобный(-ная) — святые из монахов и монахинь.

Бессребреники — христианские врачи, безмездно врачевавшие с поведением веры.

Христа ради юродивые — принимавшие на себя вид бессмысленных и все терпеливо переносившие, что доставалось за несмыслие.

Архистратиг — Михаил Архангел — первый Ангел по падении сатаны...

Бесплотные силы — все Ангелы; но святые так не называются, ибо имеют воспринять плоть, а Ангелы — нет (6, с. 16–17).

СВЯТЫЕ МЕСТА

1. *О путешествии по святым местам. В душе надо Афон устроить. В пути больше искушений*

Благослови, Господи, путь ваш. Но если бы вы прежде спросили, я бы сказал: «Сидите дома». От сего путешествия проку большого ждать нельзя, а беда может быть под боком... Искушения здесь поодиночке нападают, дорогою будут нападать десятками, а в Иерусалиме — сотнями (1, с. 11).

На Афоне оставаться поопаситесь. Сразу-то оно будто любо там... Но потом нападёт дух уныния и тоски по родине и родных — невыносимые. Как угорелые мечутся туда и сюда... Я видел иных. П... остался там, купил келию, а теперь и келию готов за полцены продать, лишь бы домой поскорее... У нас свои есть *Афоны*: *Валаам*, *Соловки*... Да и так, в душе надо Афон устроить (1, с. 12).

2. Бог везде доступен. И Сам Он не ближе к Афону, чем к Елатье

На Афоне побывать не худо, если нет помехи домашней. А если есть, то можно и дома просидеть. Бог везде доступен. И Сам Он не ближе к Афону, чем к Елатье (1, с. 200).

3. Бог везде один: и на Афоне, и на всяком месте

Что келью имеешь — се добре! Но уж и порядки надо завести келейные. Порядки же сии требуют беспопечения. А у тебя хлопоты по сборам. Келейное уединение есть дело Марии, а хлопоты по сборам есть дело Марфино. Эти дела одно с другим вместе жить не могут. Сборы надо бросить. Толкуй всем, что в подобных приношениях не важно место, куда приносятся, а то, кому и в каком духе приносятся.

Бог везде один: и на Афоне, и во всяком месте (1, с. 200–201).

Отдохните теперь, наслаждаясь воспоминаниями о святынях виденных. Видите, какая благодать на Руси святой?! Как же можно, чтоб погибла она?! Вот Господь и открывает все понемногу. И есть надежда, что наконец все войдет в свою мерку. Даруй, Господи! Что Новгород?! Ничего почти не пишут о нем. Если что откроется, кроме газетного, поделитесь с нами (7, с. 12).

4. Наставления богомольцам

Собираетесь в Сергиев! Хорошо. Бог благословит. И еще пешком! В два и три раза хорошо! Чтобы не болтали другие, можно как-нибудь припрятать. А нельзя — пусть говорят. Но вы напрасно полагаете, что это будет приятная прогулка. Верст

пятьдесят, может быть, пройдете не без приятности, а потом начнете чувствовать не то, что ожидаете. В два дня дойдете. На первом ночлеге узнаете, что значит пешеходство, если не знали его прежде. Не забудьте взять пузырчик водки с солью, на ночь натрете ею ноги. К вечеру-то они будут уж не свои. Натрете — к утру они немного отойдут. Утром уж не так пойдете, как из Москвы, но разойдетесь. Обрато можно и по чугунке, а то едва ли сдюжаете еще два дня пройти.

Но делайте так, как имеете предложение в сердце. Для Господа труд, Он даст и силу. И после что-нибудь даст — заметно или незаметно. И преподобный Сергий что-нибудь даст. Святым Бог дает способность видеть, что делают для них верующие, и слышать, о чем они их просят. Только бы все шло из сердца. Как телеграф в одно мгновение дает знать из Москвы в С.-Петербург и далее, так что в сердце зарождается в одно мгновение дает о себе знать тому, к кому обращено. Преподобный Сергий, как только вы загадали сходить к нему, уж посматривает на вас; когда начнете путь, тем больше будет смотреть, и еще больше, когда к нему в обитель придете, перенесши благодушно и с радостью труды путешествия. Так благослови, Господи! Только приятностей не ждите, а утомления, мозолей, ломоты в костях. Жертву готовьтесь принести, а не удовольствие снискать.

Идя дорогою, твердите непрестанно коротенькую молитовку, о коей я вам писал, а то мысли не знают куда занесут вас на просторе. Они могут

занести вас и к тому, что и вообще не пристало думать, и тем паче шествующим на богомолье. Когда уморитесь твердить такую молитовку, берите какой-либо псалом и читайте его на память с размышлением. Читайте: *Помилуй мя, Боже*, или: *Боже, в помощь мою вонми*, или другой, какой знаете. Да не о том заботьтесь, чтобы прочесть его с начала до конца, а чтобы обдумывать и почувствовать содержание его. В каждое слово вникайте, оставив его вопросами, зачем оно сказано и к чему ведет вас. Углубляясь так, вы и не заметите, как будут верста за верстою миновать вас. Читать псалмы на память с размышлением во время пути есть правило первых великих отцов Антония и Пахомия. У них было законом, чтобы, кто поступает к ним в ученики, непременно заучивал несколько псалмов на память. Кто не умел читать, тот прежде, чем выучивался читать, псалмы заучивал со слов другого. Выучив несколько псалмов, он должен был потом читать их и сидя за работою, и особенно идя куда-либо. Извольте сделать опыт подражания древним.

Не забудьте в обители исповедаться и причаститься Христовых Таин. Труд путешествия будет вместо трудов говения. Исповедаться теперь вам нетрудно после прошлой, так обстоятельно сделанной Исповеди. Ничего не скрывайте, чего не одобряет совесть, малое то или большое. Не упустите главного — слезку сокрушения. Одна слезка — и будете как выкупавшись или в бане помывшись (9, с. 237–239).

5. *Есть путешествие до сердца, которое многотруднее и ценнее пред очами Божиими, чем по святым местам*

Не надо думать, что Господь ближе к Киеву или Москве, Афону или Иерусалиму, нежели к другому месту. Место Его — сердце наше! И когда внидет и возвечеряет... вот и Иерусалим, и паче Иерусалима. О сем восхлопочем. Сердце в нас, но есть путешествие до сердца, и иногда оно длинно-длинно. Сие путешествие и многотруднее, и ценнее пред очами Господа, и многоплоднее. Кто его совершит, не захочет странствовать, а возлюбит сидеть дома один-одинехонек. Ни видеть, ни слышать, ни говорить, ни двигаться не хочет... Есть в нем видение дивное и предивное, которое поглощает все его внимание, всю любовь, всю заботу (11, с. 28–29).

6. *Возвратившемуся из путешествия к русским святыням*

С благополучным возвращением! Свой уголок — точно рай после отлучки. Так все испытывают. Так же бывает, когда кто после рассеяния возвращается ко вниманию и внутренней жизни. Когда мы в сердце, тогда дома, когда не в сердце, нет нас дома. И вот о чем паче всего подobaет нам иметь заботу (8, с. 49)!

СКОРБИ

1. *У Бога все дети. Все тяжелые случайности и состояния на добро нам посылаются*

Бог никого не оставляет. У Него все дети. Нет пасынков. И тяжелые

случайности и состояния — все на добро нам направляется. Если бы мы могли узреть это, не было бы ни в чем тяготы (1, с. 30).

2. Утешение в скорби — в обетованиях веры

Что горько, то горько... Об этом нечего... И опять скажу вам: горюйте в меру. Пройдите сердцем обетования нашей светлой веры, и сколько вы почерпнете из нее созерцаний в утешение скорби вашей (1, с. 78)?!

Вы уткнули свое внимание все на горестную сторону дела... и не узреваете Божией в том о вас попечительности?! А она действительно есть... Не осязаете ее?! Она такова и есть. Не осязаема в настоящем... а узреваема после. Воскресите же веру... и как река польются оттуда утешения (1, с. 78).

3. Неприятности — молотки для очищения сердца. Содействие скорбей делу спасения

Прочитавши вами сообщенное, не мог я удержаться, чтобы не сказать: какая прекрасная у вас обстановка! Разумею — в отношении к делу спасения. И вот вам мое решение.

Не только все предайте в руки Господа, но еще благодушествуйте, радуйтесь, благодарите. Верно, есть что из вас выбить, и вот Господь направил на вас столько молотков, которые и колотят вас со всех сторон. Не мешайте же им своим сердчанием, противлением, недовольством. Дайте им свободу, пусть, не стесняясь ничем, совершают над вами и в вас дело Божие, к которому Господом приставлены для спасения вашего. Господь любит вас и взял вас в

руки, чтобы вытеснить из вас все негоднее. Как прачка мнет, трет и колотит белье, чтобы убелить его, так Господь трет, мнет и колотит вас, чтобы убелить вас и приготовить к наследию Царствия Своего, куда не войдет ничто нечистое. Так взирайте на свое положение, и утвердитесь в нем, и Господу молитесь, чтобы Он утвердил в вас такое воззрение и углубил (1, с. 116).

С радостью принимайте всякую неприятность как врачевство, подносимое Самим Господом. На окружающих вас смотрите как на орудия Божия во благо вам и за ними всегда зрите руку Божию, вам благодеющую. И за все говорите: «Слава Тебе, Господи!» Но старайтесь, чтобы это было не на языке только и в мысли, а и в чувстве. Молитесь, чтобы Господь и чувствовать так дал.

И даст (1, с. 117).

Положите законом:

1) всякую минуту ждать неприятность и, когда придет, встречать ее какжданную гостью;

2) когда деется что, воле противное, готовое огорчить и раздражить, скорее бегите вниманием к сердцу и, сколько можете, напрягайтесь не допускать возродиться тем чувствам, напрягайтесь и молитесь. Если не допустите породиться тем чувствам, всему конец, ибо все от чувств; если же породится, хоть маленькое, положите, если можно, ничего не говорить и не делать, пока не выгнали те чувства; если же нельзя не говорить и не делать, старайтесь говорить и делать не по тем чувствам, а по заповеди, как Бог велит — кротко и тихо, будто ничего не было;

3) всякое ожидание прекращения такого порядка выбросьте из головы, а определите себя на неприятности до конца жизни. Не забудьте! Это очень важно. Если не будет этого, терпение установиться не может;

4) ко всем молоткам сим приложите: держать любовный взор, любовный тон речи, любовное обращение и, главное, всевозможно избегайте чем-либо напомнить им о их несправедливостях. Действуйте так, как бы ничего от них не было...

Всего просите у Господа с полною Ему покорностию. Навыкайте *намять Божию хранить неотходно* (1, с. 117–118).

4. Терпение скорбей приравнивается к мученичеству

Полагаю, что вы избрали наилучший путь покориться насилию и терпеть. Благодушные безропотные сделают вас причастником мученичества. В этом немалое утешение (1, с. 135).

5. Потерей дорогих лиц Господь хотел отрешить вас от всех

Потерею дорогих лиц Господь хотел отрезать вас от всех... Вы поняли сие не ложно. Со многими так делал и делает Господь (1, с. 143).

6. В стеснительных обстоятельствах жизни проявляется любовь Бога к нам

Обычно узкий путь нам не нравится... Подавай нам широту и простор. Не слышит разве Господь воплей сих? Слышит, но переменить домостроительства жизни нашей не хочет, потому что это было бы не к

добру нам. Так устроилось положение наше, что только теснота держит нас в настоящем строе... Как только вступим в широту, расплываемся и гибнем. Вот и царит на земле теснота как наилучшая для нас обстановка. Апостольский ум видит вообще в тесноте и в особых стеснительных случаях отеческую к нам любовь Божию и о тех, кои в тесноте, судит как о близких к Богу сынах (1, с. 214).

7. Нужно приобрести умение в великих земных скорбях найти способ к избежанию вечных, нескончаемых

Что делать, когда на земле живем, которой обречено всегда быть в трауре и местом, траур носящим (2, с. 3).

8. Господь есть Отец утехи

Господь да утешит вас! Господь есть Отец утехи. И как Он везде есть, то везде, стало быть, утешенье готово от Него. Дело за приемлющими, а не за Дающим. Правда, чтоб и принять, от Него же научиться надо. Но Он всем готов и это сообщить. Близ Господь сокрушенным сердцем. Дитя все плачет, пока не найдет сосцов матери. Как только найдет, тотчас и замолчит. Дай нам, Господи, найти — и замолчать (2, с. 10)!

9. Скорби посылаются от Бога во благо нам

Много у вас скорбного. Жалею, что так есть. Но помочь этому нечем, кроме терпения с упованием на милость Божию. Все от Бога: и приятное, и неприятное. Благодарить же за все надо. Ибо и неприятное посылается во благо: для очищения, для

смирения, для укрепления доброго нрава и упования на Бога. Роптать же не надо. Перетерпите это время, наступят светлые дни. Благодушествуйте (3, с. 12).

10. Скорбями Бог поминает

У вас горе за горем... Знаете, что это значит? Что Бог помянул вас. Необычно так думать, но так есть. И помянул не в гневе, а в милости. Вам видны только лишения и потери, а милость, сокрытая под сим и в сем, не видна.

Извольте ухитриться увидеть это, утешиться и Бога возблагодарить от всего сердца (3, с. 107).

11. О покорном перенесении скорбей

Соскорблю вам в ваших скорбях. Вы все, кажется, перепробовали, и все тяготы ваши на вас остаются. Да дарует вам Господь благодушное терпение, если не благоволит устранить неприятное вам. Поелику Он всегда и ко всем благ, то надо заключать, что, не устраняя от вас того, что тяготит вас, Он находит, что это спасительно для вас и для дочери вашей, и для зятя. Надо потому смиренно покориться воле Божией и терпеть, а когда терпения недостает, просить Господа, чтобы послал его и укрепил вас. Нечего вам говорить, что не в том цель нашей жизни, чтобы счастливо прожить на земле, а в том, чтобы, счастливы мы или несчастны, тем и другим приготовиться достойно к получению вечного блаженства в другой жизни. Так и старайтесь относиться к вашему положению, чтобы не выступать из

круга намерений Божиих, с какими Он устроит быт каждого на земле (3, с. 112–113).

Горестей на земле более, чем радостей. То и другое посылает Бог то для возбуждения от нравственного усыпления, то для пресечения неправостей и грехов, то для покаянного их очищения, то для возвышения покорности Богу, все устрояющему, для подания повода явить мужество и терпение во славу Божию и другие высокие добродетели. Какое-либо из таковых намерений Божиих и к вам приложимо. Внимайте убо себе и, положив не отступать от того, что судил Бог, успокоиться на воле Божией, всегда премудрой и благой (3, с. 113).

12. Терпение скорбей — колесница к Небу

Прискорбности вас не оставляют. Даром разве это Бог устроит? Чего ради? Того ради, что любит вас... Любит и чистит, чтобы были чисты и горели, как алмаз на солнце. И путь в Царствие вам углаждает, ибо колесница, на коей туда достигают, есть терпение. А терпеть как, когда нет прискорбностей? Вот они и посылаются (4, с. 9).

13. Скорбями Господь дорогу в Царствие Свое пролагает

Спаситель постановляет, что многими скорбями подобает внити в Царствие Божие. И извольте держать в мысли, когда находят скорби, что это вам Господь дорогу в Царствие Свое пролагает или даже более — берет за руку и ведет. Потому не упирайте ногами и не кричите, а благо-

душно и с благодарностью переносите скорби (4, с. 30).

14. Об успокоении от прискорбностей

Потрудитесь находить успокоение непосредственное именно в себе самой, саму же себя держать не одинокою, а с Богом. От Него будет приходить сила, дающая возможность мириться с настоящим положением дел (4, с. 42).

15. Божья епитимия

Вот и вы вкушаете от общей участи человеческой — в поте лица снедать хлеб свой. Это Божия епитимия! Исполняйте ее по-Божьему, как Господом вам определенное дело и так, чтобы это понравилось Господу, и добре будет, потому что в таком случае дело ваше не будет отдалять мыслей ваших от Господа, а, напротив, к Нему обращать и привлекать. Помогите вам, Господи, так устроиться. Забвение Господа — самое опасное дело. С этим неразлучно пустомыслие... а в среду пустомыслия всегда прокрадывается и худомыслие (4, с. 81).

16. Цели Промысла — в наведении испытаний

Милостивый Господь все еще учит вас терпению. Что не прекращает уроков, это потому, что в вашем терпении есть что-либо недостающее. Когда сие недостающее испразднится, тогда и укажет конец. Но, верно, терпение ни у кого не достигает своего последнего предела, иначе не сказал бы Господь: «Претерпевый до конца».

Что отходят к Господу ваши друзья и приятели, это, может быть, делается по причинам с их стороны, а не с вашей. С вашей можно только предположить, что Господь отнимает от вас человеческие опоры, чтобы у вас осталась наконец одна опора — сам Господь. Он хочет возвести вас в состояние или на высоту пустынных. Куда ни обратись, неоткуда ожидать помощи, отчего у них непрестанною молитвою было: «Боже, в помощь мою вонми» (7, с. 237).

17. Испытания со стороны несправедливости и напраслины от посторонних

Опять?! Несправедливости, напраслины! Это уж, верно, откуда-нибудь совне. Но откуда бы они ни были, скажу вам: не мужайтесь только и крепитесь, но и радуйтесь. Значит, ваше дело душевное идет хорошо. Господь ведет вас к очищению, а враг встречает в вас сильную соперницу. Стойте же крепко на своем. Несправедливостями и напраслинами нечего смущаться. Кто их причиняет, тому судит Бог, а кому их причиняют, тому должно терпеть их благодушно и Бога благодарить. Не забывайте, что есть другая жизнь, в которой отзовется все здешнее, в похвалу или в укор. Перенесете несправедливость? Похвала будет. Не перенесете? Укор. Там не скажете: да ведь несправедливо. Справедливо или нет, не твое дело, скажут, судить. Ты почему не терпела?!

Несправедливости от Бога никакие не происходят, но попускаются они Богом — во благо тем, на кого попускаются. Истинно во благо! Это

не простая фраза, а настоящее дело. Привожу вам в пример мучеников. Уж как их не тиранили? А Господь что? Он тут же был, видимо являлся им, утешал их, облегчал страдания, но все же оставлял их в муках — терпеть до конца, чтобы увенчаться полным венцом. Так и всякая неправда и всякая напраслина венец готовит. Но тому, на кого они падают, перетерпеть их надо. Вот эта надобность теперь и вас сретила. И извольте благодушно терпеть, что бы у вас там ни было. Того хочет от вас Бог для вашего же блага.

Вы говорите: страшно отдать себя неправдам на целый век. Конечно, страшно. Затем и говорится тому, кто идет вслед Господа: «Мужайся и да крепится сердце твое!» Впереди крест. Выходит, что ничего не остается более, как отдать себя скорбям, лишениям и напраслинам. В этом *отдании*, скажу вам, *начало истинного пути*. Отдадите себя на это? В самую ту минуту, когда отдадите, вступите вслед Господа. Извольте все это обсудить и решить по-Божиему. От должного решения этого пункта весь успех (9, с. 272–273).

А вы рванулись было из дома родителей, да еще и не зная куда, чувствуя будто какое-то стеснение со стороны их. Долг родителей — блюсти вас; они и блюдут, я думаю, как зеницу ока. Если это идет в ином наперекор вашим желаниям, надо покоряться. Несправедливо видеть в них при этом одно желание поставить на своем, а естественнее видеть здесь желание охранить вас и обезопасить от всего. А это есть плод любви. Уверенностью в этом и услаж-

дайте горечь покорности, если она чувствуется в вас по причине вашей непокорливости.

Этот покорностию вы должны оплачивать за то, что получаете в семье. Пища, одежда, кров — это хоть и немалое, но не главное. Главное есть обезопасение от неприятностей вовне. Орлиные крылья покрывают вас. Клюв орла и когти его готовы на поражение всякого, кто покусится причинить вам оскорбление или неприятность. Это благо ничем не заменимо. Как только орла, покрывающего вас, не станет, так заклюют вас. Теперь приступа никому нет, а тогда все набросятся. Сколько велик ужас незащитности, вы вообразить не можете, ибо не испытали. И не дай Бог испытать его. Есть защита? Берегите ее или не порывайтесь из-под нее.

Из-под нее вам надо перейти тоже опять под защиту — или в стенах обители, или в общине сестер милосердия. А одной вступать в борьбу — нет, нет, нет. Заклюют, и места не найдете.

Что значит так сильно у вас вырвавшийся порыв к свободе? Это из дурных дурной порыв. Ваша дорога уже определена. Куда же рваться-то? Да определили ли вы, чего хотите, так желая себе свободы? Внутренней свободы нечего искать, ибо она есть уже, так как есть неотъемлемая принадлежность духа. Ее никто отнять не может. Выходит, вам желательна внешняя свобода. Но извольте рассудить, в какой мере допустима и достижима такая свобода? Куда ни киньтесь, всюду вы будете окружены такими же свободами,

как и ваша, равноправными вашей свободе. Чтобы мы ни задумали делать, всегда должны соотносить свои действия с действиями других людей и ими ограничивать себя и, следовательно, стеснять свою свободу. Что ни шаг, то пресечение свободы, и притом законное, против которого возражать нельзя, по собственному сознанию. Если это так, то порыв на свободу есть бегание за радугой, и еще хуже — желание схватить призрак. Так вообще, у вас же в тысячу крат это бессмысленнее.

Извольте же укротить свои порывы. Дети да слушают своих родителей и их советом да устроят дела свои и жизнь свою, подчиняясь им добровольно. Вот вам закон свободы! А вы что загадываете? Рвануться туда, рвануться сюда, и говорить никто не смеет. Настоящая эманципация! Да посмотрите, не болеете ли вы гордостью? Все эманципации — гордячки.

Рвануться куда-либо — что мудреного? Непрестанно видим порывающихся — только счастливыми никого из них не видим. Какой же смысл в таких порывах? Никакого, только одно фанфаронство... «Сторонись! Я так хочу! Кто мне указ?» И стремятся сии безумные без оглядки и под ноги не смотря, пока бухнутся в пропасть, из которой нет вылазу. Извольте принять сие во внимание при порывах: я то сделаю, я на то рещусь (9, с. 273–275).

18. О перенесении скорбей по-христиански

Поскорбеть не мешает, человеки бо есмы; а скорбеть до изнеможения не следует. Не поможет сия скорбь,

а тихое молитвенное упование милость Божию привлекает. Ведь не вырвешь ничего из рук Божиих силою... а слезами — все можно. Поддай, Господи, поддай, Господи! Докупать надобно!.. А права нет... все милость! Есть загородки, Богом поставленные, которых никто не сломит. Усиленную молитвою надо ударять в них. Господь, сжалясь, примет их... и тогда радость спасения!.. Но упование мягкое, сокрушенное и смиренное да будет. Прав нет на милости Божии (11, с. 29).

19. О тесном и прискорбном пути в жизни сей

Да, вот что еще беспрестанно говорят у нас: «По падении хотя человек и был изгнан из рая, но способность наслаждаться и способы к наслаждениям оставлены ему: цветы — услада обоняния, плоды — вкуса, звездное небо и вода — зренья, пение птиц — слуха; далее, по сим мотивам, человек изобрел музыку. Да и все в природе говорит о благодати Мироздателя! Но являются люди, которые вопреки благой воле Его все хотят стеснить и всему положить преграды. Они насилуют природу и представляют Бога не тем, что Он есть!»

Так вот оно куда пошло! А я, написавши вам прошлый раз о том, что не следует отказываться от строгостей монашеских и мирянам, если они хотят быть настоящими христианами, думал, что всех уже убедил и все недоумения порешил. Какая тут путаница понятий! Да вы-то что ж стали в тупик, будто уж на их стороне и правда! Сказали бы им: «Ну и

гуляйте, други! Отворяйте настежь все ворота утех и наслаждений! И ликуйте на пиру жизненном... Никто вас не отесняет и никаких преград вам не полагает! Живите как хотите. Вам только говорят словом Господним, что есть два пути, коими ходят сыны человеческие: путь тесный и путь широкий, и что первый ведет в живот, а последний ведет в пагубу. Не угодно ли самим прочесть, как сказано о сем в Евангелии: *внидите узкими вратами*, говорит Господь, *яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им; что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его!** (Мф. 7, 13, 14) Хотите послушать — послушайте, а не хотите — как хотите... Ведь это не человеческая выдумка, а заповедь Господня. Да еще как! *Подвизайтесь внити сквозе тесная врата*, говорит Господь в другой раз, *яко мнози, глаголю вам, възыщут внити, и не возмогут*** (Лк. 13, 24). Подвизайтесь... т.е. спешите как бы наперегонки, споря с другими за сей путь тесный и узкие врата, добываясь их наперекор другим, отбивая его у других: пустите меня, пустите меня! Как бы опасаясь, чтобы не затворились и эти двери... А почему это так, не наше дело рассуждать! Так Господь повелел, вот и все!.. Да

* Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

** ...подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут.

и какой Господь?! Такой, Который для спасения нашего Сам впереди нас прошел по сему тесному пути и, после всесторонних страданий, со Креста предал дух Свой Господу, сказав распятому же разбойнику: *днесь со Мною будеши в Раю**. Ведь Он — Спаситель наш!.. И все хотящие быть спасенными должны идти вслед Его... Идти же вслед Его иначе нельзя, как со крестом: *иже хоцет по Мне ити, да отвержется себе, и възмет крест свой и по Мне грядет*** (Мк. 8, 34). И вот все возжелавшие спасения потекли вслед Его тесным и прискорбным путем: апостолы, мученики, святители, преподобные и все спасенные, населяющие теперь град Божий, Иерусалим небесный. Ну что ж делать-то! Верно, нельзя спастись иначе, когда между спасенными нет ни одного, который бы достиг места вечного упокоения не тесным путем. Не лучше ли покориться сей необходимости, хоть она и не так сладка? Вечно-то мучиться ведь хуже. Уж как-нибудь пусть понутят себя желающие спасения, не отговариваясь. Трудно, да что ж делать! Затем ведь жизнь такая и называется подвигом, как говорит о себе апостол: *подвигом добрым подвизахся*. А те, кои не хотят, как хотят... Только пусть ведают, что разные стеснения не суть выдумка человеческая, а заповедь Божия».

Можно бы приложить какое-нибудь пояснение, почему то или дру-

* ...ныне же будешь со мною в раю (Лк. 23, 43).

** ...кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.

гое стеснение нужно... почему, например, нужен пост, уединение, молитвенный труд и пр. Но оставляю сие... Идущие путем спасительным знают, как сие и другое все необходимо, а удаляющимся от него хоть не говори! Что до прописанных вами кривотолкований, то, чай, я вам об этом уж писал. В раю, точно, много было предметов, могущих доставлять удовольствие человеку, но оные составляли прикрасу жизни райской внешней, стороннюю, а не цель человека. Цель была другая: пребывание в общении с Богом чрез свободное исполнение воли Божией.

Если б рай остался навсегда жилищем человека, то все люди, точно, наслаждались бы и внешне, но никто и думать бы не думал и заботы никакой не имел бы о том: это была бы неизбежная тень Богоугодной жизни. Так видите, и в раю не толковали бы и не хлопотали бы об удовольствиях; а у нас, потерявши рай, хотят поставить наслаждение главной целью жизни. Ведь если б наслаждения законно могли быть уделом падшего человечества, не стал бы Господь изгонять из рая падших прародителей. А когда изгнал, то тем показал, что утешная жизнь не к лицу падшему. Ведь падением изменился весь порядок! К жизни человека прибавлен краткий срок настоящей жизни, полной скорбей и бед, с целью вразумлять, исправлять и очищать человека, чтоб соделывать его достойным наслаждаться вечно в другом, вечном раю. Истинная жизнь человека — за гробом, или, вернее, по воскресении, а насто-

ящая жизнь есть только преддверие ее или приготовление к ней.

В порядок ее и вложены Господом разные скорби и беды внешние, и предписаны для нее разные стеснительные правила как меры очищения. Мучеников когтями железными строгают и тем готовят их в рай. Это образ настоящей жизни человека, в коей всякий очистительными теснотами, как бы строганиями, готовится к блаженной вечности! Отсюда вот что следует: дайте человеку хорошо понять и приложить к сердцу мысль, как коротка настоящая жизнь и как много плода от ее теснот и узкостей для жизни будущей нескончаемой, и он не только не станет чуждаться их, напротив, будет просить их и домогаться, как какого блага. Так и делают все, надлежащим образом понимающие значение настоящей жизни (11, с. 120–122).

Из того, что и по изгнании из рая оставлены еще некоторые приятные предметы, коими можно наслаждаться, не следует, что уж какое стеснение не уместно в порядке настоящей жизни.

В объяснение на это припомнились мне слова дорогого нашего наставника Я.К. Амфитеатрова. Случилось мне ходить с ним по роще. Я будто мимоходом спросил: «Зачем это есть такие неровности между предметами природы и воздушными явлениями, и неровности неприятные. Вот приятный цвет, а сбоку — крапива или дурман... и на небе — то светло, то пасмурно?» — «Экой ты чудак! — отвечал он. —

Эти неровности — великое дело в экономии промысления Божия о нашем спасении. Милосердый Бог говорит тебе сим: следовало бы, чтобы пот никогда не стирался с лица твоего, изможденного и утомленного, но Я даю тебе иногда вкусить радость жизни, позволяю просветлиться очам твоим, открыту быть челу твоему и являться улыбке на устах твоих, чтоб не потерял ты надежды и не пал в отчаяние; следовало бы, чтоб земля только терния и волчцы произращала тебе, но вот Я повелеваю иногда земле давать тебе все обильно в наслаждение, чтоб ты не потерял уверенности, что есть еще возможность возвратить потерянное блаженство; следовало бы в воздухе над главою твоею и вокруг тебя быть только бурям с громами и молниями, но вот ты нередко видишь ясное солнце с приятною прохладой утра и с восхитительною тишиною вечера, чтоб ты помнил, что Небо не совсем заключено для тебя, что объятия Мои простерты к тебе и Я готов принять тебя в небесные обители». Так вот зачем оставлены и вне рая некоторые приятности в природе, а не затем, чтоб из сих крупиц составлять веселый пир на всю жизнь или из сих обломков строить на земле храм счастья! А наши утешники и удовольственники иначе все это понимают. По их мнению, всякое стеснение и всякая преграда утехам есть насилие природе человека и противно воле Божией.

Что воле Божией оно не противно, я сказал вначале, ибо Господь заповедал идти тесным путем (11, с. 122–123).

Когда человек пал, то не только стал ниже своего назначения, но и принял в себя некоторые чуждые его природе начала, как бы семена всякого исходящего зла. Стало быть, в человеке падшем надо различать то, что свойственно его природе, от того, что не свойственно ей, хотя тоже есть в человеке. Все стеснительные правила и меры, предписываемые и устрояемые Господом, направляются исключительно против сих пришлых злых семян, чтоб подавить их, заглушить и тем дать свободу истинной человеческой природе.

Так, стеснения — не насилие природы, а благодетельное пособие ей. Они то же, что операция для отрезания вредного члена или пластырь, вытягивающий вредную материю.

Природа наша в плену. Господь стеснением пленивших хочет высвободить ее, а мы кричим: не трогай, не тесни! — и таким образом вместо того, чтоб за себя стоять, наветуем на себя.

Утешники-то — ведь жалкие люди пропащие! Не то, чтоб уж никакое утешение не было уместно в жизни; да приемлем все со благодарением от руки Господней; но то, что гоняться за ними не следует, тем менее поставлять их главною целию жизни и еще менее восставать против всякого стеснительного предписания, и знать не хотя того, что оно предписано Самим Господом.

В последнем, кроме непонимания дела, видно даже Богоборство. Вот оно куда зашло, дело-то! А они все легко думают. Да теперь пока еще ничего. Что на том свете будет?! Будет же там теснота и, против воли,

теснота горькая и безотрадная, ибо бесполезная! Господи, помилуй и спаси нас (11, с. 123–124)!

**20. Наставление о терпении на-
праслин**

*Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное. Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех** (Мф. 5, 10–12).

*Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира быте были, мир убо свое любил бы. Якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Поминайте слово, еже Аз рех вам: несть раб болий господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас изженут*** (Ин. 15, 18 и далее).

*В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир**** (Ин. 16, 33).

*Не дивитесь еже в вас раждежению, ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся. Но понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтесь, яко да и в явлении славы Его возрадуетесь веселящееся***** (1 Пет. 4, 12 и далее).

* Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

** Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел... Если Меня гнали, будут гнать и вас.

*** В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.

****...огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь,

*Егоже бо любит Господь, наказует: бьет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретаетеся вам Бог** (Евр. 12, 6-7)...

Прибавьте и еще подобных мест побольше... и перечитывайте их... Они очистят око сердца вашего и научат, как смотреть на скорби, утеснения, поношения.

Утвердитесь в убеждении, что все от Бога... до малейших случаев... и принимайте все как лично от Него, на вас налагаемое. И благодумствуйте и благодарите. Ибо все ко благу вам, видимо ли то или невидимо. Знаете, как закаливают железные изделия? Окончив все в совершенстве, разжигают добела... и в холодную воду.

Именно это совершается теперь с вами... Все это для вас не новость и уже практикуется вами...

Тесноты от Бога... терпим и благодарим... Но если под руками есть способы устранить их — и это от Бога, и никакого нет греха воспользоваться ими и высвободиться из-под теснот (6, с. 162–164).

«Утеснения не гонят ли Ж. в монастырь?» — Не думаю. Это больше ничего, как вражеские уловки смутить... А вы превращайте все в показание терпения и благодушия... И паче всего избегайте

как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете.

* Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами.

чувств нелюбви к виновнице... Молитесь о ней... Господь да умягчит ее сердце и умалит ее враждебное к вам отношение (6, с. 165).

21. Можно ли бежать от креста и искушений

Вы в скиту. Добре! И мне приходило в голову, что лучше вам не двигаться с места по той причине, что это значит бежать от креста. Но потом пришло на ум, что главное для вас — не бежать от святителя Тихона, скит же его есть. Потому, переходя туда, вы не отходите от него. Я и поддал мысль, что лучше удалиться от зла. К тому же Господом разрешено: бегайте в другой град. И теперь слагаюсь более на то, чтоб перейти... От искушений же никуда не убежите: по пятам идут (6, с. 181).

22. Скорби — врачевства Божии

Терпеть все тяжело, что ни случится терпеть, но тяжесть чувствуется только во время напраслины или беды. После же все сглаживается. Сгладится и то, что вы теперь терпите. Воодушевляйтесь. Все пройдет.

Между тем сильнее восставляйте веру, что все от Господа. Не беда только крупная, но и всякая встреча — от Него. А Он единое имеет в намерении — спасение наше. Принимайте же все как живительное врачевство, хоть и горькое, но полезное.

Когда бьет Господь, не праведно ли подумать, что, верно, есть за что. Итак, посмотрите, что такое есть, за что бьют, и исправьте то. Для испытания скорби посылаются праведным, а нам — скорее, в наказание и

в призывание к покаянию. Если верите, что Господь есть врач и такой врач, который не станет тратить лекарств попусту, то, когда отвратится неисправное не в делах, а в чувствах и мыслях, тогда прекратятся и скорби (8, с. 9–10).

23. Скорби и радость чередуются в жизни

На то и жизнь земная назначена, чтобы в ней скорбное отрывало от привязанностей неуместных, а утешительное питало надежду на чаемое лучшее. Вот они и чередуются почти каждодневно (8, с. 28).

24. Жизненные скорби — Божия епитимия

Неприятности же и все, что приходится перечувствовать скорбного, переносите благодушно, и милостивый Господь вменит то в епитимии, какие всем следует нести за грехи свои по чину Церкви (8, с. 40).

25. Самопроизвольные печали

Опять и опять плач и сетование! Будет ли конец когда-нибудь?! Я все уже сказал, что может послужить к утешению вашему. Теперь извольте сами ухитряться разводить свою скорбь, как сумеете. Есть немощь человеческая, по которой иные сами себя произвольно раздраживают. Печаль имеет некую и приятную сторону, хоть в том, что представляет разнообразие в установившейся однажды неизменной жизни. Вот и ну раздражать себя. Благо, что есть чем. Ну извольте в сем упражняться, коли охота (8, с. 40–41).

26. Скорби — лекарства Божии

У вас все прискорбности и прискорбности! Это спасительные Божии врачевства и свидетельство Божия к вам внимания. Благодарите Господа и врачуйтесь или не мешайте врачебному действию сих лекарств какою-либо ропотливостью (8, с. 72–73).

27. Как молиться об облегчении скорби

О нелюбии мужа молитесь, да укротит его Господь. Что вы плакали, а он смеялся... тяжело, конечно. Но возьмите отсюда урок вперед прятать сии драгоценности — слезы, никому не показывая их, подражая св. Давиду, который ночью омочал постель свою слезами.

И о детях молитесь. Господь силен исправить их. Говорить же им, как видите, — лучше не говорить, коли они такие стали. Разве когда заметите их готовность послушать (8, с. 81).

28. О пользе скорбей

Говорите: «Слава Богу о всем!» Слава Богу, что посылает что потерпеть, ибо это то же, что доставлять случай к заслужению Царствия Божия, которое обетовано терпящим и в терпении благодушествующим. Терпеть — терпите, но приложите и благодушие... То от Бога, а это от вас; и будет у вас точка соприкосновения с Господом (8, с. 81).

29. Душевный мир гонит внешние скорби

Когда на душе хорошо, внешние нехорошества проходят, будто их не было. Уповайте на Господа и всегда просите Его заступления, и все

у вас будет сходить с рук легко (8, с. 83).

СМЕРТНАЯ ПАМЯТЬ**1. Смерти надо ожидать всегда, оставаясь на своем посту**

Нам надо поминутно чаять смерти и поминутно готовиться к ней, а не годами отдалять ее от себя. Вставая, говорите: «Это последний мой день, другого не видать мне». Ложась спать, опять говорите: «Лягу и не встану, не видать мне света Божия». Так и всякий день. И не будете ужасаться смерти. В монастырь зачем? Умирать надо на своем посту. Ваш пост — в семействе. Тут и умирать вам. Свои дела справляйте как следует — вот и все (2, с. 79–80)!

2. Болезнь прямо приводит к памяти смертной

Болезнь прямо приводит к памяти смертной, но можно и без того ухитриться — прививать к мысли память о смерти (2, с. 81).

3. Страх смерти должен растворяться надеждой

Страх смерти — спасительный страх, но у вас спасительность сия уничтожается отсутствием упования спасения. Надежда на Господа Спасителя, не уничтожая страха смерти, уничтожает убийственную его болезненность, растворяя отрезвляющее его действие на душу, преданность в волю Божию. Думайте чаще о смерти и о всем, что сопутствует ей и что следует за нею, и, от всего заимствуя себе уроки, питайте свою сердечную

преданность в волю Божию. При сем всячески старайтесь, чтобы у вас в течение ваших дел были всегда дела по заповедям... сознательно посвящаемые Богу. От сего будете чувствовать, что вы раба Божия и своя Богу... Как Бог никогда не оставляет своих... то отсюда родится уверенность, что и вас Он не оставит (3, с. 29).

4. О памяти смертной

Да-да... Время течет... И не заметишь, как смерть придет. У вас там указали мне во мне знаки смерти... Хоть очень сомнительного значения, всяко, однако ж, поставив себя в состояние обреченного на смерть, которая может вот-вот прийти и захлебнуть, я чувствовал, как горько быть в таком состоянии... И только несомненная надежда на милость Божию может усладить его... Коль великая и неописанная милость Божия — Крест Господень. В нем вся наша надежда (3, с. 65).

5. О памятовании смерти

Научите себя думать и ожидать, что вот-вот смерть. Прицепите такую думу к чему-нибудь. Один старец приучил себя к такому думанию тем, что все посматривал на дверь, ожидая, что сию минуту отворится — и смерть предстанет... И тем всегда поддерживал в себе страх Божий и осторожное смотрение за собою (4, с. 142–143).

6. Гробики и картинки для памяти смертной

Гробик можно иметь, а можно и без него утвердиться в памяти смертной. И это лучше. Если заведете гробик, устройте так, чтоб другие его не

видали. Покойней будет на душе и к делу ближе. Узнают — трубить начнут. А в этом какой толк? Тогда лучше бросить его или сжечь. Картинки смерти грешника и праведника достать, как я говорил, и прибить на глазах: удобнее будет и впечатлительнее. Не рассудите ли этим заменить гробик (4, с. 187)?

7. О памяти смерти

Болезнь! Что делать? Терпите и Бога благодарите, говоря в себе: «Эта болезнь грех ради моих, великих и неисчетных. Господь отнимает силы, чтоб хоть этим остепенить меня. Он уж не знает, как меня исправить. И милости, и скорбные посещения — все переиспытано, и все не впрок. Час же смерти близится, и, когда придет, что делать тогда моему окаянству? Господи, Боже мой! Пощади немощное создание Свое!»

В болезни-то, хоть и легкой, все смерть придет на память, чтоб дать душе самым делом испытать, сколь верно слово Премудрого: *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши** (Сир. 7, 39). Я уже, чай, поминал вам, что хорошо достать картинки — смерть грешника и смерть праведника, прибавить бы Страшный Суд и мытарства и прибить все это у себя где-нибудь прямо против глаз, чтоб чаще встречались и напоминали об исходе. Какая от них премудрая и неумолчноглаголивая проповедь! Да отверзет только Господь уши сердца внимать тому, что вещается в ней (4, с. 200–201)!

* ...помни о конце твоём, и во веки не согрешишь.

Что о смерти помните, хорошо. Помышление спасительное, трезвосте придающее. Оно отсекает лишние затеи и слезам учит и их поддерживает (4, с. 232).

8. Средство установиться в памяти смертной

Вы собираетесь в путь без возврата. А мне он ближе. Того и гляди, что свалишься. Около нас холера. Но и без нее можно умереть. А коли можно, надо готовиться. И всегда надо готовиться, и не готовиться только, но и совсем быть готову. Но то наша великая беда, что жив живое гадает и живое сие прогоняет память о предстоящей смерти. И забывается, что смерть за плечами. Оттого иные гроб делали и ставили на глазах, но, думается, и к нему можно привыкнуть. Иные заставляли спрашивать себя, прикажут ли доделать гроб или дорыть могилу. Один старец имел обычай почасту посматривать за дверь, не идет ли (т.е. Ангел смерти). Все сие показывает, что, как ни несомненно, что умрем, память о смерти надо ухитриться привить и укоренить в душе. Берегите сие спасительное помышление, чтоб не отходило. С утра, как проснетесь, так и переходите мыслию к последней минуте и к тому, что тотчас за нею следует — Божию решению. Станьте в сем помышлении и ходите так весь день. Посмотрите, что пообещает ваша душа: *вниди в радость*, — или: *связавше, вверзите во тьму**

* ...войди в радость... связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте в тьму внешнюю.

(Мф. 25, 21; 22, 13). Должно же быть еще отседе некоторое предуказание имеющего быть тогда. Но лучше вопить: «Пощади Твое создание, Владыко!» (4, с. 219–220).

9. Непрестанное памятование о Боге и смерти

Приложите к памятованию о Боге память о смерти и вечности — блаженной или прегорькой. Эти два памятования будут отклонять вас от всего дурного даже в мыслях и направлять ко всему доброму, не напоказ, а искренно. Напрасно думают, будто память смертная отравляет жизнь. Не отравляет, а научает быть осторожным и воздерживаться от всего, отравляющего жизнь. Если бы побольше помнили о смерти, меньше было бы беспорядков в жизни, и частной, и общей (9, с. 118).

10. Память смертная рождает страх Божий

Неурядица внутри всегда от беспорядочности помышлений. Держите их на привязи, а чтобы успеть в этом... блюдите память Божию и память о смерти. Бог всюду есть и все видит... и видит все внутреннее ваше. Сходите с сею мыслию в сердце и блюдите движения, там бывающие, и одни принимайте, другие отрезывайте...

Смерть тоже всегда должно видеть стоящею за плечами, ибо кто властен в жизни?.. Еще минута — и дух вон. Держите сие в мысли. От сих двух памятей страх Божий оживает... А где он, там стража внутри самая сильная, и все стоит в струнку,

как солдаты на смотре. Делайте так. Только одно нерадение о спасении может отбивать от сего (6, с. 80–81).

СМИРЕНИЕ

1. Говорить и чувствовать, что никуда не гожд, — дело хорошее

И говорить, и чувствовать, что никуда не гожд, — дело хорошее. Стало, у вас эта сторона в порядке. Что хлопоты есть, так как же без них-то?

...Надо позаботиться, чтоб все это меньше осуечало... при всех хлопотах держать душу не суетящейся (1, с. 19–20).

Немощи свои видеть, жалеть об них и к Богу, по причине их, прибегать — се есть начало доброго пути. Когда это есть, поддерживайте сии расположения: повсюдные опасения за себя, боязнь падений и острагательность (1, с. 21).

Но при этом добром расположении надо предохранять себя от излишества, меру надо знать и этому, а то в уныние впадешь, а далее — в отчаяние. При всех слабостях веруем, что Господь не хочет смерти грешника и что, следовательно, когда самоохотно не отдадимся немощам, Он не попустит нам пасть (1, с. 21).

2. Помнить о своей грешности и почитать себя достойной наказания полезно для души

На свою часть берете, что болезнь мужа за ваши грехи. И сие добре! Добре и то, что помните о грешности и почитаете себя достойною наказания за нее. И апостол Павел во всю жизнь не забывал, что был гонитель

Церкви, хоть трудами своими для Церкви мог загладить грехи десяти гонителей (1, с. 122).

Вам пригоже при чувстве грешности и чувство великой милости Божией. Судьбу свою вы предали в руки Божии. Добре, добре! Самое безопасное дело! Пусть будет так, как св. воле Божией угодно! В сем и стойте (1, с. 123).

3. Преуспеяние в смирении — верное свидетельство стояния на добром пути

Очень утешительно видеть, как преуспеваете вы в смиренных чувствах ваших. Тут верное свидетельство стояния на добром пути. Благослови вас, Господи, паче и паче смиряться (2, с. 6)!

4. Смирение — основа всего, без него сердце замкнется и все доброе в нем задохнется

Смирение — основа всего! Как отойдет смирение, сердце замкнется и все доброе в нем задохнется. Да будет всегда сердце сокрушенно и смиренно. У вас есть это. Не теряйте, а паче и паче развивайте сие чувство (2, с. 88).

5. Нормальное отношение к Богу — болезненное сокрушенное припадание: «Имиже веси судьбами, спаси мя!»

Нормальное к Богу наше отношение есть болезненное с сокрушением Ему припадание в сердце с воззваниями: «Имиже веси судьбами, спаси мя!» В руки Господни надо положить себя, да творит в нас и с нами, что Его святой воле угодно, только бы спас (2, с. 88).

6. Смирение и дух сокрушенный должны составлять фон нашей жизни

Смирение и дух сокрушенный должны составлять фон вашей жизни, как и всякого в истинном духе Христовом живущего (3, с. 230).

7. Напоминание о смирении

Готовясь к Святому Причастию, вы все повторяли один стишок хороший и спрашиваете, можно ли так продолжать? — Можно. Коротенькие молитовки, как скоро какая падет на сердце, заучивайте и чаще повторяйте, сколько бы их ни собралось. Из них составитя многострунная псалтирь, и бряцайте, услаждая слух духовный. Что вы стараетесь не давать себе никакой поблажки, доброе дело. Надо держать себя в струнку, как солдат в строю... Да не склонитесь на самомнение и самоцен. Боже, упаси! Слыша иногда вразумления свыше, вы, натурально, можете подумать, что вы особа, из ряду выдающаяся, а между тем это скорее есть свидетельство немощности вашей, а не силы. Смиряйте себя сим помышлением... и чаще напоминайте себе о своих оплошностях, которых немало у всех нас бывает. Да хранит вас Господь в смирении. Вы хорошо делаете, что нередко ходите в общую трапезу, куда как хорошо! Сестры роптать не будут и к порядку причутся. И вам самим это полезно, меньше шириться будете (3, с. 236–237).

8. Смирение и терпение — правители жизни духовной

Терпение и смирение — правители жизни духовной. Первое держит

земные порядки, второе властвует над небесными... и держит их, или они держатся сами в нем, по любви своей к нему (3, с. 244).

9. Глубокое чувство смирения — признак правильной духовной жизни

Как восхитителен ваш аттестат: «Я такая скверная, такая нетерпеливая, смею роптать... Ничего не делаю, чтоб быть близкою Господу. Хуже меня не было никого и не будет». Особенно последнее многоценно. Если где-нибудь на свете ставят 100 баллов, то и вам следует поставить эту отметку.

Такие приговоры были бы очень бедственны, если б не было прописано: «Как бы хотелось сделаться хоть на чуточку получше».

Се наше дело — стремиться вперед к лучшему, а назад ничего не видеть достойного одобрения. И извольте по сей норме усовершенствовать свою нравственность. Будет успех непременно (4, с. 5).

10. Смирение и терпение — путь к преуспеянию в делах и степенях по службе

Кто шествует путем смирения и терпения, тот не бывает в ущербе... Они путь к прочному преуспеянию и в делах, и в степенях по службе (4, с. 66).

11. Сокрушение и смирение сердца

Трудитесь над собой всеусильно, и Бог поможет вам преусилить. Целью имейте дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно. Когда они есть, это значит, что вы в должном настроении. Сии чувства должны

быть постоянно присущими в сердце. И тогда — покров Божий и во всем духовном благопоспешество и успех. Тогда внимание к Богу стоит прочно и память Божия неотходна (4, с. 136–137).

12. Смирение — главное оружие в духовной брани

Нечего вам повторять, что несокрушимое оружие против врагов есть *смирение*. Смирение трудно достается. Можно считать себя смиренным, не имея и тени смирения. Одним размышлением не усмиришь себя. Лучший или единственный верный путь к смирению есть *послушание и отречение от своей воли*. Без сего можно развить в себе сатанинскую гордыню, смиренничая в слове и положении тела. Остановитесь, пожалуйста, на этом пункте и со всем страхом разберите порядки жизни вашей. Есть ли в ней послушание и отречение от своей воли? Из всего, что вы делаете, что делаете вы не по своей воле, не по своему разуму и смышлению? Делаете ли что-либо нехотя, потому только, что приказано, из одного послушания? Рассмотрите, пожалуйста, и скажите. Если ничего нет такого, то порядки жизни вашей не приведут вас к смирению. Как ни смиряйте себя в мыслях, без смирительных дел не придет смирение. И надобно подумать хорошенько, как это устроить (4, с. 162).

13. Значение смирения в деле спасения

Смирение паче всего блюдите и молитесь о нем, да подано будет, и

сами себя почаще теребите, наклоня на самоуничужение. Как только проснетесь, поскорее позаботьтесь восчувствовать себя негожею, а там и весь день такую же быть старайтесь. На молитву становясь и к Господу приступая, паче уничижайтесь. Кто и к Кому дерзает обращаться и беседовать человеческою речью?! Радуйтесь, когда встретится уничижение внешнее, невольное. Принимайте его как особую милость Божию. Мерию себе поставьте, что когда вы стоите в полном недовольстве собою, то вы в добром чине; коль же скоро хоть малое чувство самодовольства придет и начнете вы цену себе давать, знайте, что вы не в своем виде, и начинайте тогда теребить себя. Господа ради не забывайте сего пунктика. Все другое ничто, когда сего нет. Были люди, которые одним смирением без подвигов спаслись, а без смирения никто не спасался и не спасется (4, с. 169).

14. Мера преуспевания — сознание своей негодности

Преуспевание в духовной жизни означает все большим и большим сознанием своей негодности в полном значении сего слова, без всяких ограничений, так что, коль скоро дается себе цена, в каком бы то ни было отношении, дело пошло криво. И опасно. Подсядет враг и начнет отводить глаза, а тут камушек подбросит, споткнуться можно. Душа, дающая себе цену, точь-в-точь ворона, уронившая сыр. Помогите вам, Господи, усовершениться в сем невидении своих дел и трудов (4, с. 172).

15. Как испытать свое смирение

Называете себя худшее всех сестер. Слава Богу, если это не один язык говорит. Но если какая сестра придет и разберит вас, да еще понапрасну, что с вами будет? Если почувствуете, что этого мало, удешевить следует, — это будет значить, что вы и в чувстве грешница, а если не будет сего, сердце, значит, полно чувства праведности. Много есть добрых чувств, но чувство негожества есть основное, так что, коль скоро нет его, все не впрок. Заучите сие хорошенько (4, с. 180).

16. Смирение есть след Христова, благоухание Христова, одяние Христова

Гонитесь за смирением, всегда отбегающим. Оно есть след Христова, благоухание Христова, одяние Христова! Ради него все простит Бог и все недостатки подвигов не взыщет, а без него никакие строгости не помогут (4, с. 199).

17. Смирение — паспорт в рай

Со смирением и без больших подвигов в рай попасть можно, а без него, как без паспорта, не пустят в рай Божий, который весь исполнен смиренниками (4, с. 211).

18. Вразумление о мнимом и истинном смирении

Слава Богу, что вы трудитесь и смирать себя не забываете. Смирение себя еще не смирение, а желание и искание его. Помогите вам, Господи, достигнуть его. Есть дух прелести, который не знает как обходит душу лукавством своим и запутывает ее

помышления так, что она думает, будто смиренна, а внутри скрывает гордое самомнение. Вот и надобно пристально смотреть в сердце. Лучше всего пригоди тут смирительные внешние отношения. Но как их нет, то сами над собою трудитесь, привыкая смотреть на всех как из-под горы на гору, а не как с горы под гору (4, с. 215).

19. Смиранные о себе мысли и чувства — ангельские чувства

Ваши смиренные о себе мысли и чувства суть ангельские чувства. Как совершенны и как светлы Ангелы?! А они все смиренны, смиреннее всех людей. Смирренная душа всегда светла. Омрачение души начинается, когда она станет много о себе думать, ибо это дело темных сил (9, с. 57).

20. Чувство благодарения за внутреннее добро есть проявление смирения

Чувство благодарения за внутреннее добро с помощью Божиею есть тоже проявление смирения, как самоуничужение — за свое худо. От благодарения за Божие содействие в добре должно прийти чувство вседействия Божия в нас о Христе Иисусе, каким полна была душа св. Павла: *Не аз, но благодать*... живет во мне Христос**... вся могу о укрепляющем...* Вас смиряет всеосвершенство Божие, которое поставлено нам в образец: *Якоже Отец ваш* (6, с. 64–65).

* не я... а благодать (1 Кор. 15, 10)

** (Гал. 2, 20)

21. Смирительные поущения

Благодарение Господу за все сие... После хорошества вы испытываете, что враг нападает. Это Господь попускает, чтобы закрыть доброе испытанное, чтоб, засмотревшись на него, душа не надмилась.

У врага же одно побуждение — мщение и зависть... Чаёт он: авось собьёт с толку... Господь же обращает это в средство к смирению испытывающего сие... Но ненадолго попускает, ибо, как только воззовет кто, тотчас помощь от Господа и враг отходит (6, с. 65).

22. Смирение — самый надежный путь к наследию Царствия Небесного

Самый надежный путь к наследию Царствия есть смирение. Оно, когда укоренится в душе, принесет и упование спасения (8, с. 16).

23. О смирении и любви

«Смирения и любви нет». Пока их не будет — и ничего духовного не будет. Духовное зарождается и растет вместе с их зарождением и возрастанием. Они то же для души, что стеснение плоти для тела... Смирение приобретается делами смирения, любовь — делами любви. Извольте так делать (8, с. 203).

СОВЕСТЬ

1. В совести Сам Бог говорит. Ничего не делать против совести

Вы написали, что часто совесть вас тревожит после разговоров с приходящими. Тут будто источник вашей раздражительности. Очень не удивно, что так есть. Да ведь закон

есть неотложный — ничего не допускать, против чего восстает совесть, и извольте так делать. В совести Сам Бог говорит. Следовательно, ее надо слушать паче всего (1, с. 120).

2. Надо не допускать и малых действий, обличаемых совестью

Вы писали, что допускаете некоторые действия не крупных разрядов, за которые потом обличает совесть. Это, сколько сил есть, надо не допускать. Покой совести есть первое условие мирных отношений к Богу, а эти последние составляют условия преуспевания духовного во внутренней жизни. Побеждать свои хотения, зная, что лучше им отказать, нежели их послушаться, есть Богу приятная жертва, за которую Он воздаст внутренним утешением. А опускать эти случаи к победе над собою — значит Богоугождение ставить ниже самоугождения. Когда враг вперед скажет вам: «Сделай такое и такое распоряжение», не слушайте его, а, отгнавши его неприязнию к нему и его урокам, продолжайте свою молитву не прерываясь (3, с. 231).

СОВЕТ

1. Что спрашивают — беды нет. Сказывайте, что знаете, а чего не знаете, говорите: «не знаю»

Касательно того, что обращаются за советами, что же тут? Сказывайте, что знаете, а что не знаете, говорите: «не знаю». Что спрашивают — беды нет. А мечтать о себе из-за этого дурно... Вот это гнать надо. Да надо разбираться, что язык говорит и что прячется в сердце за языком (1, с. 20).

Я не совсем вижу, какие это дела, относительно которых приходят к вам за советом... житейские или духовные? Какого бы рода, впрочем, они ни были, мера ведения вашего да будет для вас мерою ваших советовательных речей... и не стыдитесь говорить «не могу сказать», когда не ведаете ясно дела. И о духовных вещах можете давать советы в отношении к тому, что сами испытали... Путь падения вам ведом и путь покаяния и восстания от падения тоже ведом, и вторичное падение, и вторичное восстание... и состояние на добром пути ведомо. Во всем этом можете предлагать советы о всем, что знаете. Чего же не испытали, говорите: «не знаю» не стыдясь (3, с. 126).

СОН, СНОВИДЕНИЯ

1. Сон для удовлетворения потребностей

И относительно сна лучше вам так действовать: когда не станет сил, лечь и заснуть, не в угоду плоти, а в удовлетворение потребности, чтоб потом бодрее действовать (1, с. 7).

2. Сознание вседеприсутствия Божия прогоняет сон

Бог везде есть. Если живо сознать сие, то сну не будет места, как нельзя ему быть: «Царь стоит пред глазами (1, с. 10).

3. Сон прогоняется, когда молитва Иисусова внедряется в сердце

В книгах пишется, что когда молитва Иисусова возьмет силу и внед-

рится в сердце, тогда она придает бодренности и сон прогоняет. Попробуйте этот рецепт (1, с. 9–10).

4. Утешительный сон

А что видевший сон сей принят в дом Божий — это очевидно. Если бы не был принят, то от ворот бы отогнали слуги. И так милость Божия сретает вас и обнимает. Извольте благодушно стоять в истине и по ее указанию простираться вперед... Что сказала вам Матерь Божия, это верх утешения и воодушевления. Она ведь Мать всех нас, христиан. И как Господу, за нас умершему, мы все дороги, так и Ей. Вращайте почаще в уме сии утешительные извещения свыше (1, с. 152).

5. Сон о преосвященном Игнатии (Брянчанинове)

Сон о преосвящ. Игнатии — мудреный. Что Преосвящ. угодил Богу, в этом нет сомнения. Но сон-то сей от Бога ли? Лукавый может привиться сюда. Особенно то сомнительно, что советует сочинения свои читать, а там ложь есть. Спириты письмо от него пустили в ход. И это недобре. У спиритов бесенята действуют. Недаром рекомендуют они писания сии (2, с. 54).

6. Истолкование сна

Ваш сон! Принимаю осанку Псомисофаниха и толкую. Пчелы — добрые мысли... Мальчишки — бесенята, покушающиеся разогнать их. Стража — внимание. Только пальчиком грозить мало. Надо построже припугнуть, призыванием имени Господа (3, с. 41).

7. Отзыв святителя на замечательный сон адресатки

Сон ваш, точно, очень хорош. Это ваш Ангел Хранитель что-то сказал. Только не знаю, как это ему вздумалось взять мою образину? Ведь они видят не наружу, а нутро (3, с. 85).

8. Снам лучше не верить

В письме великопостном вы спрашиваете: можно ли верить снам? Лучше не верить, потому что враг и наяву много пустяков навевает в голову, а во сне это ему еще удобнее. Если какие сны сбываются, то по событиям благодарите Господа за милость. И за приятные и назидательные сны благодарите. От снов соблазнительных скорее очищайте по пробуждении душу свою и память. Самое хорошее к тому средство — молитва и приведение на память добрых событий, особенно из евангельской истории. Печатлейте тогда посильнее эти события в голове и глаз умственных с них не спускайте. Держите на них все внимание. Дурные мысли тотчас начнут ослабевать и уйдут (3, с. 116).

9. Благодатные сны и внушения должно считать понуждением к усовершенствованию

Сны ваши и невидимые внушения, в сердце отзывающиеся, все хорошего происхождения и означают одно: что путь ваш хорош и приведет к доброму концу, если не соступите с него и будете, не жалея себя, продолжать его все в одном и том же чине. Чтобы вы не разленились, не покусились на льготы, подумав в самопрельщении, что вы уже много про-

шли и высоко взошли, милостивый Господь и устроляет вам понукания, как бы говоря: «Не засматривайся на себя, смотри под ноги и не зевай по сторонам, а все иди и иди, будто не начинал, ибо путь еще долог...» Так всегда и понимайте сии внушения, что они не награда за прошедшее, а понуждение спешить вперед и вперед. Что значит по частям каждый сон и каждое внушение, это трудно разгадать и не нужно... Нужно общее, а оно видно... и то, что всегда последь хорошая, все сваливается с души, и она вводится в иную область отрешенную (3, с. 234).

10. Сны и происходящая от них опасность для подвижницы

Сны!! — Неужто они занимают вас и держатся в голове? Откровение что ли? Пустошь — сны. Да смотрите еще, как бы враг не успел чрез них как-нибудь обмануть. Покажет сны благовидные, а потом начнет трубить в уши: «Это тебе Бог послал извещение за труды твои» и проч. Раз, два, три — глядишь, душа-то погнется на эту сторону. Но только поверь она хоть на волос, что это от Бога, тотчас пойдет самочувствие, самоценение — помышления сокровенные, при всех смиренничаниях уместные. Врагу только это успеть бы набить в душу, а там уж у него все пойдет гладко. Так вот и посмотрите попристальнее. Если было что подобное, то тут есть вражье нечто. Господа ради всячески смиряйте себя. Вам особенно надобно озаботиться укоренением сего чувства. Пост ваш и молитвенное правило имеют вид особенности. Тут врагу простор.

Подойдет и начнет величать: «Ты молитвенница, ты постница, не то, что те ленивицы, ядцы и пийцы» и пр. На деле же что молитва? Даст Бог — есть, а нет — мыслей не соберешь. Что пост? Совершенное ничто. Лукавый сам никогда не ест. Не поостережетесь — и беда. Да смотрите, как бы еще он не пришел в каком светлом виде! Того и гляди. Посмотрите, если есть в душе хоть мимолетное помышление, что сны ваши были нечто особенное, то быть беде. Держите ухо остро. Вам самим все виднее. Станьте пред Господом и при свете лица Его определите себя. Если есть что, изгладить надо до корня, чтоб и следа малого не оставалось (4, с. 221–222).

11. О сновидениях

«О сновидениях не имею что сказать. Исторически уж подтверждается, что бывают сновидения от Бога, бывают свои, бывают от врага. Как разузнать — ума не приложить. Глазок смотрок. Решительно только можно сказать, что сны, противные православному христианству, должно отвергать. Еще: никакого нет греха не следовать снам, когда недостает уверенности. Божии сны, кои исполнять должно, повторительно были посылаемы (7, с. 178).

12. Утешительный сон

Сон о вашей дочери почившей очень отраден. Видите, что ей хорошо. Чего же скорбеть-то? Уж после такого уведомления и малая скорбь — грех, а не только большая. Извольте радоваться и Бога всячески благодарить, что взял дочь к Себе пораньше (8, с. 44).

Сон ваш очень утешителен. Он указывает вам престолы, с означением и добродетелей, за которые они даются. То, что это вам показано, да-ет разуметь, что престолы сии вам предназначаются, если преуспеете в тех добродетелях. Если бы зародыша этих добродетелей не было у вас, это не было бы вам показано. Показано же, чтоб вы те добродетели, коих зародыш есть, доводили до совершенства (8, с. 88).

Явившийся вам во сне был ваш Ангел Хранитель. Видя в этом милость Божию к вам, не смею быть и сам немилостивым. Посылаю с сей почтою книгу проповедей о покаянии и исправлении жизни. Не годится ли она вам (8, с. 170)?

13. О виденных снах

Сны. Крест рассыпался... Это указание, что у вас терпения нет... Примитесь за терпение, и крест опять соизждется в вас...

Ваш сон не умею понять. Но не видно никакого указания грозного. Видно, что святитель не против вас, когда дал себя лобызать... Не умалилась ли ваша вера и величание его (6, с. 198)?!

14. Несбывшийся сон

Я поминал вам о похоронах по поводу вашего сна, который пророчил мне смерть в первых числах августа. Но вот, по милости Божией, первые числа уже миновали, а смерть забыла о своих угрозах. Верно, это не относится к нынешнему году. Однако ж все в руках Божиих. Повелит — и жизни конец (8, с. 35)!

15. *Истолкование сна*

Ваши сны очень утешительны. Они означают, что Господь блюдет вас и ведет дело к тому, чтобы отогнать от вас врага. Что дальше не пропустили — это или означает степень, какой кто удостоивается, ибо не все одинаковы. Или дано сие видеть в побуждение, что не надобно останавливаться на полдороге, а следует искать и искать или, как апостол, все гнать вперед. А что видевший сон сей принят в дом Божий, это очевидно. Если б не был принят, то от ворот бы отогнали слуги. Итак, милость Божия сретаает вас и обнимает. Извольте благодушно стоять в истине и по ее указанию простираться вперед. Благослови вас, Господи. Что сказала вам Матерь Божия, это верх утешения и воодушевления! Она ведь Мать всех нас, христиан. И как Господу, за нас умершему, мы все дороги, так и Ей. Вращайте почаще в уме сии утешительные извещения свыше (8, с. 221).

СПАСЕНИЕ

1. *Дела монахов и мирян имеют единый христианский идеал*

Посылаю вам три книжки «Напоминание инокиням об иноческих делах, но они ведь все же христианские суть, и что говорится инокиням, то в своем виде может быть приложимо и не к монахам... Когда говорится, например, о молитве, редко что из говоримого неприложимо и ко всем христианам. Молитва как молитва везде одна... То же о

терпении, о хождении в церковь и должном стоянии в храме, о самоотвержении, о смирении и пр. и пр. (1, с. 67).

2. *Нужно из всего и отовсюду собирать себе уроки во спасение*

Умудряйтесь во спасение, из всего и отовсюду собирайте себе уроки (1, с. 67).

3. *Спасение души — главное. Но спасает души Спаситель, а не мы*

Спасение души — главное. Но спасает души Спаситель, а не мы. Мы только веру свою, свою Ему преданность свидетельствуем, и Он уже, по мере нашего к Нему прилепления, подает нам все нужное ко спасению. Не думайте трудами что заслужить; заслуживайте вы верою, сокрушением и преданностию себя Богу. Делайте побольше добра, помогайте нуждающимся (1, с. 74).

4. *Многие пути к спасению, нужно держаться одного*

Москва одна, а дорог к ней много, и всякая в нее приводит. Но если кто, направляясь по одной дороге, например, Петербургской, потом услышав, что есть Смоленская туда дорога, бросит свою... и перейдет на эту, а с этой на Калужскую, а с Калужской на Владимирскую, с Владимирской на Ярославскую, все потому, что знающие люди говорят о тех дорогах, то он никогда не доедет до Москвы. Так и в духовной жизни есть град пресветлый, куда все стремятся, и дороги в него разные... и всем в него доходить можно. Но стань переменять дороги, хоть по указа-

нию и знающих, очень недивно, что и не доберешься до того града (1, с. 126).

5. *Господь все устрояет и во внутренней, и во внешней жизни*

И обще углубите убеждение и чувство, что Господь все устрояет и во внешней, и во внутренней жизни.

Ничто существенно доброе не укореняется в нас без Него. Если так, то предать Ему себя следует. Не прекращать, однако, и своих трудов и усилий, только упования на них не полагать и ничего от них не ожидать, если Бог не благословит их (1, с. 128).

6. *Ободрение чувств при греховном бессилии в деле спасения. Нечаяние спасения должно выбросить из словаря христианского*

Чувство бессилия *самому* спастись в порядке вещей, но нечаяние спасения должно выбросить из словаря христианского... Ибо имеем Господа Спасителя, о нашем спасении пекущегося и нас к тому всячески располагающего и укрепляющего (1, с. 249–250).

7. *Пока есть дыхание в ноздрах, упование спасения имеет место и может увенчаться успехом*

Вашему приятелю N... доложите, что пока есть дыхание в ноздрах, упование спасения имеет место и может увенчаться успехом. Стоит только прийти к Спасителю. А Он грядущего к Нему никогда не ижденет. Сколько бы ни было грехов и как бы велики они ни были, все простит Господь кающемуся и искренно поло-

жившему не полагать более себе, а, напротив, стоять добре, хоть бы из-за того угрожала смерть. Если недостает такого упования на Спасителя, молиться надо Ему же — и подаст (1, с. 253).

8. *Отсуживание замужней поступать в монастырь и наставление ей об отношениях к светскому обществу*

И вы в монастырь... Вам теперь нет дороги туда. Дома устройте монастырь. Вам это очень можно. Ведь и супруг ваш с монашескими задатками. Теперь его поглощают соли, кислоты, газы и пр... Эта часть ничего не дает: слишком земна. Но беспредельная Премудрость Божия, все мерою, весом и числом устроившая, тут осязательнее для очей, даже телесных. Он себе пусть в стихиях с Богом беседует, а вы — в молитве и благотворениях пребывайте. И добре будет течь жизнь ваша...

Только общество — из всяких личностей мудреных... Делать нечего. Терпеть надобно. Поминайте Лота... Кругом Содом, а он своим чередом... Он мучился душою, но это не мешало спасению. Бегайте осуждения, думая о других, нескладных, что это они только на время дали себе льготу и простор. Но вот-вот оступятся и пойдут добре ко Господу.

От обычаев светских, я думаю, можно от многих безобидно отказываться, уступая по временам только неизбежнейшим (2, с. 120–121).

9. *Хозяйство может не препятствовать духовному делу*

Мужу вашему поклон. Желаю ему преуспевать в хозяйственных

делах, без ущерба, однако ж, духовному делу. Какой хозяин был Авраам... Иов, другие патриархи. А представляются образцами веры, терпения и всех добродетелей (2, с. 126).

10. Свобода от городской суеты способствует духовной жизни

Бог дал вам нынешнюю зиму быть свободною от городской суетности и пользоваться уединением. Хотя житейская забота всюду сопровождает житейских людей, но и уединение, когда между всем этим улучшить свободную минуту и удобный досуг, даст свое, ввязывая в душе сочувствие к себе, а чрез него, как чрез отверстие уста, влагая в жаждущую душу сродные ему блага (2, с. 126–127).

11. Хлопоты по хозяйству — всеобщая епитимия. Как поступать, чтобы они не заглушали духовной жизни

Жалуетесь на хлопоты по хозяйству, что это отбивает от других любимых занятий... Что же делать? Таково уже дело хозяйское. Ничего тут не остается, как терпение... На то и обречена настоящая жизнь, чтобы работать в поте лица, а не философствовать. Это наша всеобщая епитимия. Но умудряйтесь как-нибудь облегчать эту тяготу... Чем? Когда умовыми занятиями, когда эстетическими удовольствиями, когда утешениями взаимнообщения братского с другими... Наиболее же удовлетворением религиозных потребностей и стремлений.

Прибавьте к сему навык занимать душу хозяйством, когда какое хозяйское дело на глазах. А когда его

нет на глазах, занимайте душу другим чем, паче же чем-либо, к Богу относящимся. Если употребить небольшое усилие, то, кажется, навык такой приобрести можно (2, с. 127–128).

12. О памятовании Бога при житейских хлопотах

Вы жалуетесь на хлопоты, развлекающие и не дающие помнить о Господе. Попробуйте так понять все дела свои по хозяйству и по другим отношениям, как бы они прямо от Самого Господа были вам назначаемы; не вообще только, а особенно всякое дело таковым понять. Тогда, приступая к делу и совершая его, можно содержать в мысли и то, что вам следует исполнить его, как было бы приятно Господу... Чрез это при делании мысль будет с Господом. Если в конце, сознав помощь Божию, возблагодарите Господа, то вот и в конце Господь. Если затем в том же порядке исполните второе, третье и так далее до конца дня, то вот вы весь день с мыслию о Господе. А это ведь и есть то, что требуется, то есть ходить в присутствии Божиим. Отсюда будет чувство к Господу, чувство страха, благоговейства, преданности, благодарения. Чувства и есть молитвы без слов (2, с. 131–132).

13. Благословение на удаление от молвы житейской

Вы находите лучшим удалиться от среды молвы житейской. Бог благословит! Есть крепкие души, которые и дела свои житейские добре ведут, и в том, что ко спасению нужно, не отстают от других. Но это

не для всех. Господь да умудрит вас в устроении своей жизни.

Благослови вас, Господи, и все семейство ваше, и все житейские дела ваши (2, с. 138).

14. Как совмещать необходимые житейские заботы с евангельской беспопечительностью

Пишете, что вас тяготит забота житейская до того, что и молиться не дает. Это вражье наваждение. Как нам нужны кров, одежда, пища и др. вещи, то нужно и добывать их, нужно потому и думать об этом, и стараться. И в этом ничего нет грешного. Так Бог благоволил устроить нашу жизнь. Но к этому безгрешному враг, подкравшись, прививает грешное — непрестанную заботу, которою и голову тяготит, и сердце гложет. Против этой болезни направлены все наставления Спасителя о непопечении: *Не пецѣйтесь на утрѣй: утрений бо собою печется** и т.д. (Мф. 6, 34). Не то сие значит, чтоб ничего не делать, а то, чтоб, всё делая, не томились излишнею заботою, которая ничего не придает, а только томит...

Многозаботливость грешна тем, что все *хочет сама* устроить и добыть без Бога, тем, что после того научает опираться *надеждою* на добытое и на прочие *способы свои* исключительно, без Божия промысления, а чрез то и другое настраивает *житейские блага* почитать *главною целию* и настоящую *жизнь* конечною, не простирая помышлений о будущей жизни.

* ...не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем.

Видите, какой дух богоборный движется в этой многозаботливости!.. Возьмите же из сего побуждение к тому, чтоб бороться с сим злом, как вы боролись бы, если б враг, подоспедши, внушал вам душегубство. Если не станете бороться, забота совсем вас съест, а станете бороться — она отойдет, как и всякая другая немочь душевная, когда с нею борются.

Как бороться? Начинайте — и научитесь... Начните прежде всего молитву очищать от сей заботы, а потом очистите и все дела свои, так что и дела будут у вас идти своим чередом, и заботы притом не будет (2, с. 139–140).

15. Желаящему спасения необходимо обращаться к Господу с верой и полной Ему преданностью, ибо спасение от Господа

Благослови вас, Господи, на пути, которым идете. Господь всюду есть и все видит, что кто для Него собственно делает. Он же всегда готов и с помощью ко всякому, кто прибегает к Нему за нею. Таким образом, если положите в сердце внимать всегда Господу, присущему вам и в вас, и все направлять на угождение Ему Единому, а затем со всяким недоумением, со всякою духовною нуждою к Нему обращаться, с верою и полною Ему преданностию, то будьте уверены, что все дела ваши, и внутренние, и внешние, пойдут самым благоуспешным образом. Велико дело сознать, что без Него ничего не можем, а еще более велико — с верою к Нему только прибегать, ожидать несомненно помощи (2, с. 199–200).

16. Спасение живущему в семье — от семейных добродетелей

Кто в семье живет, тому и спасение от семейных добродетелей. Но ведь дело не в том, чтобы все представить в отличном виде, а чтобы сделать все зависящее. Коль скоро все сделано, нечего себя мучить. Конечно, и спустя рукава не следует действовать, но и томить себя не след, предоставляя все Господу (2, с. 200).

17. О житии в мире по-евангельски

Что с миром нельзя помирить Евангелия, это знал Господь, давая заповеди, но нигде не сказал, что можно было делать уступки миру. Уступки — измена Господу.

Надобно только различать явную заповедь от того, что не определено заповедью, а оставлено нам на свободу. В последнем случае меру уступки определяет благоразумие, которое иногда и требует сего.

Борьбы же прекращать не следует, а следует только изворачиваться в средствах. Одно не берет — другое придумать, паче же молиться Господу, чтоб и вразумлял, и силу давал.

Благослови вас, Господи (2, с. 202)!

18. Христианин должен восстановить образ Божий в себе

Бог благоволил отпечатлеть в нас Свой лик, создав нас по образу Своему. Всматривайтесь в сей лик и восстанавливайте его в себе при свете Божиим, ибо он засорен и черты его помутились и попортились. Чтоб не вкралась ошибка в сем, имейте под-

линнейший лик Божий в Господе Спасителе. С Него снимите и в себе носите, ибо Он есть образ ипостаси Отчей. Хотя и не хотя, мы принимаем образ как итог жизни. Избави нас, Господи, от такого горького случая, чтоб Господь, когда предстанем Ему по смерти, сказал: «Чей это образ?!» Ибо это однозначно с «связавше его, свергните» (2, с. 226).

19. Спасение во всяком положении можно совершать

Спасение во всяком положении можно совершать. Главное — в благонастроении сердца. А по нему прилаживайте и телесную, и внешнюю жизнь. Господь да вразумит вас (3, с. 6).

Спастися везде можно, и спасение не от места и не от внешней обстановки, а от внутреннего настроения. Если вера жива, если нет грехов, разлучающих с Богом и общение с Святой Церковью и исполнение всего церковного прочны, и верны, и усердны, то состояние ваше спасенное; остается вам только блюстись и хранить себя в сем чине жизни, пребывая в памяти о Боге и смерти и держа в душе всегда сокрушенное и смиренное чувство. С таким настроением и в монастыре, и без монастыря спасетесь (3, с. 8–9).

20. Доброе настроение учит из всего извлекать пользу

Я не мастер писать увлекательно, но, полагаю, доброе ваше настроение, или случайное, или всегдашнее, дало вам возможность и в простом

слове найти нечто благопотребное для вас. Даруй вам, Господи, всегда быть в добром настроении, тогда из всего будете почерпать себе назидание и поддержку. Учитесь сему в книгах святителя Тихона — «Сокровище, от мира собираемое»... какое обилие там духовной мудрости (3, с. 21)!

21. Нужно всегда иметь упование спасения

Помышляя о себе, сокрушаетесь о прежнем и боитесь за свое бессилие, прилагайте к сему всегда и упование спасения. Ибо имеем Господа Спасителя, Который только и делает, что печется об устройении спасения каждого верующего... того спасения, основание которому положил Сам Он. Сам положил Он основание спасения всех, Сам и прилагает его к каждому. Веруйте и всю себя предайте Господу (3, с. 22).

22. Вразумление для борьбы с маловерием и безнадежием и для укрепления веры и упования на получение спасения

Грехи ваши велики и очень велики. Но нет греха, побеждающего милосердие Божие. Прощение грехов дается не по нашим заслугам, а по милости человеколюбивого Бога, всегда готового прощать, как только кто обратится к Нему с раскаянием. И делает недостойным прощения не великость и множество грехов, а одна нераскаянность. Как только вы сокрушились и раскаялись, прощение уже присуждается вам на Небе, а в момент Исповедания сие небесное решение объявляется вам. Руко-

писание всех грехов всех людей Господь Спаситель вознес на теле Своем на Крест и там разодрал его. Приложение к каждому сего действия беспредельного милосердия Божия совершается в Таинстве Покаяния и бывает действительно. Получивший разрешение от духовного отца обвиненным состоит пред лицом правды Божией (3, с. 132).

Слабость веры и скудость упования помилования производится врагом нашим. Грехи наши без его внушения не бывают. Из них он устраивает между нами и Богом преграду. Раскаяние и Исповедь разоряют эту преграду. Зная силу сего Таинства, что оно уничтожает все его труды и хлопоты о погибели грешащих, он всячески старается пресекать плодотворность его и или совсем от него отклоняет, или наводит неверие в силу его и безнадежие получить прощение чрез него. Ваше маловерие и безнадежие — его кознь. Вооружитесь против сего и прогоните врага и его внушения (3, с. 133).

Господь хочет всем спастись, следовательно, и вам. По устройении нашего спасения чрез воплощенное домостроительство у Господа теперь одно попечение — всех привлекать к Себе для дарования им спасения. И Он действительно влечет. Ни один грешник не бывает без сего, и вас влечет и зовет. Теперешняя ваша забота о спасении души что означает?

Означает зов Господа: «Приди ко Мне, обремененный, и Я упокою тебя!» Забота сия ваше ли дело? Нет! Это Господь всеял ее. Если же Он всеял, то можно ли сомневаться, что Он и даст вам спасение? Он побуждает

вас искать прощения грехов у Него Самого, конечно, готов будучи и даровать сие прощение. Идите же к Нему с полною верою и не давайте врагу разорять вашу веру и упование спасения.

Святитель Тихон уверяет, что враг, когда склоняет на грех, внушает: «Не бойся, Бог милосерд», а когда доведет до греха, тогда мутит и крушит душу: «Нет тебе спасения» (3, с. 133).

Таковыми мыслями и другими подобными трудитесь восставлять свою веру и упование спасения. Чаше приводите на мысль блудного сына. Не ждал отец, пока блудный сын дойдет до него, но вышел сам навстречу ему и, не дожидаясь слова его, заключил его в объятия свои. Только, выходит, у Бога и есть, что желание спасения всех, сюда направляются все попечения Божии (3, с. 133–134).

Отец Небесный уверяет: «Не хочу смерти грешника». Сын Божий одесную Отца что делает? Выну ходатайствует о нас. А Дух Святой? И Он тоже ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными... Так вот как дело есть на Небе. А враг хочет уверить вас, что вам нет помилования и спасения у Бога, прогневанного вами. И вы верите ему, этой лжи его. Ибо у Бога и помышления нет о немилости, а есть одна мысль и одно желание — миловать и миловать... приходи всякий (3, с. 134).

Вы сказали, что вы уже отстали от грехов и, вероятно, исповедались и разрешение получили. Враг мучит вас только маловерием и слабонадежием. Рассуждайте и молитесь и возбуждайте свою веру и надежду...

Надежду и веру нельзя иметь крепкими без дел и трудов по делу спасения. Извольте приложить сии деятельные труды, и вера с надеждой тотчас начнут оживать. Какие дела и труды?

1) Отвращение возыметь ко всем грехам — не делам только, но и к мыслям и сочувствиям к ним; 2) определить себя на дела, противоположные им. Это вы сами для себя должны найти и установить; 3) главное — плоти угодия бегать... ее надо строго наказывать — умертвить; 4) молитвенный чин установить, домашний и церковный... 5) внешние сношения упорядочить и бегать случаев, могущих возбуждать движения страстей (3, с. 134).

23. Основные правила для содействия спасения

Страх Божий — главное. Когда он приходит, то, как добрый хозяин, все по-своему устроит в душе. Есть он у вас? Если есть, благодарите Бога и храните его, а если нет, разбудите его, ибо он в духе нашем содержится, и если не проявляется, то по нашему невниманию.

От страха Божия — первое чадо — *дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно*. Чувство сокрушения да не отходит от сердца!

Для поддержания страха Божия надо держать неотходную память о смерти и Суде.

Как только проснетесь, так призывайте сию память и весь день будьте в содружестве с нею, как первою советницею своею.

К сему присоедините *сознание присутствия Господа* близ вас и в

вас, так что Он все видит и самое сокровенное. Сие сознание — с памятью смертною неразлучным имеют страх Божий.

Когда сия троица поселится в сердце вашем, тогда пойдет у вас *молитва из сердца с непрестанными взываниями* к Господу Спасителю. Вот и все!

Если это есть в вас в какой-либо степени, то дело спасения вашего в ходу, а если нет, надо все поднять в сердце. Ибо если сего нет, все другое ничто (3, с. 251–252).

Вы теперь вступили в обитель — удобнейшее для подвизающихся место. Не подумайте, что теперь можно умалить бдительность над собою и сократить труды. Нет. Тут-то и предложит паче изощрять внимание и присмотр за собою. В миру свои искушения, в монастыре — свои, и последние, верно, будут покруче. Будьте готовы встретить. Говорите, что там, где вы жили, часто вас рассерживали дети и прислуга. Как вы теперь живете одни, то с этой стороны безопасны. Но враг найдет, как поднять улегающуюся страсть. Смотрите и приучайтесь не одолевать только, но и предотвращать восстания (4, с. 175).

24. Наставление о содевании со страхом своего спасения и готовности встречать искушения

Велика милость Божия к нам, грешным! Позвал вас Господь. Хорошо, что послушались и пошли. Пошли — так не озирайтесь вспять и не ленитесь работать. Первым нашим послушаниям положено начало, а конец впереди. Вы сели на лод-

ку и поплыли. Со страхом и трепетом молитесь Господа, да поможет вам преплыть море свое и достигнуть пристани. Бездна под нами. Долго ли до беды? Опрокинется лодочка — и пошли ко дну. А берег-то, кто знает, близко ли? Берег — гроб. До последнего издыхания нельзя оставлять опасности от ожидания крушений. Содержа сие в мысли, никогда не поддавайтесь беспечности или какому послаблению, в той мысли, что вы будто вне опасности. Ведайте, что, что бы вы ни наделали и что бы вам явлено ни было, все ничто, пока вы не в пристани. Пишу сие не затем, чтоб вас обескураживать, но затем, чтоб вы ухо держали остро. Господь вам помощник, Господь всесильный и многомилостивый. Не должно потому предаваться отчаянию, а идти бодро в надежде, хотя и со страхом. Но Господь — помощник ретивым, трудящимся (4, с. 174–175).

25. Вклады в небесную сокровищницу

Эту жизнь Бог нам дал, чтоб мы имели время приготовиться к той. Эта коротенькая, а та конца не имеет. Но хоть она коротенькая, а в продолжение ее можно заготовить провианту на целую вечность. Всякое доброе дело туда отходит, как вклад небольшой; из всех таких вкладов составится общий капитал, проценты с которого и будут определять содержание вкладчика во всю вечность. Кто больше пошлет туда вкладов, того содержание будет богаче; кто меньше, того и содержание будет менее богато. Господь всякому воздаст по делам его.

Вот об этом и должна быть теперь у нас вся забота: чтоб побольше переслать туда вкладов. И забота эта не мудрена и не тяжела, как удостоверяет Сам Господь, говоря: *иго Мое благо и бремя Мое легко* (Мф. 11, 30) (9, с. 61–62).

26. Участие человека в деле спасения

Не все совершает один Дух Божий. Требуется нечто и от нас, и это нечто немаловажно. Дух Божий возбуждает, благовестие указывает, за что взяться. Сие от Бога. Но, сделав сие, Бог останавливается — и ждет нашего произволения. Первыми действиями своими Бог как бы спрашивает: хочешь выйти из беды? Вот что делай. Момент сей самый важный. Склонится кто на указание — открывает вход дальнейшим действиям благодати, которая и вводит его потом в область спасенных. Не склонится — пресекает дальнейшие действия благодати и таковой остается в среде погибающих.

Апостол Павел проповедует в Ареопаге. После проповеди св. Дионисий и еще кто-то идут вслед его и крестятся; а из прочих кто говорит: «Чему это учит суесловивый сей?» — а кто: «Приходи в другой раз, послушаем тебя». Бог никого не неволит спастись, а предлагает на выбор и только того, кто избереет спасение, спасает» (9, с. 83–84).

27. Разрешение недоумения о спасении одною верою

Таинства Господь учредил... И тут нам нечего философствовать. Об условиях спасения вы говорите:

«Ап. Павел сказал: «Веруй в Господа и спасешься»». Что значит верить в Господа? Брось идолопоклонство, прими веру христианскую, следовательно, все, что содержит христианство: и веру, и заповеди, и Таинства, и все порядки.

Св. Павел так сказал, а Господь сказал на такой вопрос: *Соблюдай заповеди, аще хочещи внити в живот**. Св. Марк пишет: *Иже веру имет и крестится, спасен будет***.

И другие еще есть места. Когда соберем все воедино, будет, что и верование, и жизнь по заповедям, и освящение Таинствами, и руководство Богом учрежденных пастырей, и союз с истинною Церковию совершенно необходимы для получения спасения.

Потрудитесь замечать, когда придется прочитывать об условиях спасения, и записывать такие места... увидите, какая полная система выйдет, но уж никак не одна вера. Пожалуй, и вера христианская, т.е. все христианское устройство (6, с. 7).

28. Представленные и непредставленные

Спрашиваете, как так: представленные уверовали?.. стало быть, которые не уверовали, не представлены. Чем же они виноваты? Недоумение ваше стоит на мысли, что одни веруют, потому что представлены, а другие не веруют, потому что не представлены. Мысль невер-

* Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди (Мф. 19, 17).

** Кто будет верить и креститься, спасен будет (Мк. 16, 16).

на, ибо дело бывает наоборот: предугадывание от уверования, а непредугадывание от неуверования. Видит Бог наперед жизнь человека в целом... и решает: сему быть в числе верующих и спасенных, а сему не быть. Определение Божие есть вывод из всей жизни человека; сама же жизнь течет и по склонениям произволения, и по воздействию на нее Божеского Промышления и внутри, и вовне... Бог все делает, чтоб вразумить человека. Если после всех попечений о нем видит его не желающим исправляться, то оставляет его, как бы говоря: «Ну, делать нечего, оставься». Бог не хочет смерти грешника, но и произволения не насилует и только все делает для склонения произволения на добро. Все такое Он предвидит о каждом и как предвидит, так и определяет. Таким же образом решается и то, как Бог уши закрывает, чтобы не слышали... и еще как ожесточает... Бог все употребляет, чтобы образумить человека: одно не смиряет его — другое делает для него, другое безуспешно — третье употребляет, так до конца. Кто покоряется, тот спасается; и кто не слушается, начиная с первого вразумления до последнего, тот все более и более ожесточает и наконец делается никуда не гожим и неисправимым. Вот этот итог и означает словами: уши закрыл Бог или ожесточил... Это образ Божия определения такого: больше нечего Мне для тебя сделать, чтоб ты услышал, не услышишь больше ничего, оставься, как глухой... То же и об ожесточении (6, с. 60–61).

29. *Общее наставление, как спасти душу*

Ищите спасительных уроков или ответа, как душу спасти.

Спасителю предлагали такой вопрос, и Он ответил: *Аще хоцещи спасен быти, соблюди заповеди*. Это же и я вам предлагаю.

Каковы заповеди? — Все. Читайте Евангелие, читайте Апостол... и замечайте, что там относится к вам... берите то для себя в правило; а как без Божией помощи ни в чем успеха иметь нельзя, то паче всего молитесь.

Если вам свободно ходить в церковь, ходите, как только возможно. А если всякий день возможно, всякий день ходите. Милостыню подавайте...

Будьте смиренны, кротки, ко всем уважительны, не спорьте и не бранитесь, никого не осуждайте.

Будьте уступчивы... Дух сокрушен, сердце сокрушено и смиренно имейте (8, с. 167).

30. *В чем спасение*

Бога бойтесь и заповеди Его исполняйте... Ибо в этом спасение. Церковь Божию любите. Со всеми в ладах будьте... милостыню по силам не забывайте... Терпите, что пошлет Бог потерпеть (8, с. 169).

31. *Искать спасения — значит искать Господа*

Ищешь спасения — доброго дела ищешь, душа дороже всего мира. Но ничего нет легче, как найти спасение, ибо имеем Спасителя — премудрого, всеблагого и всемогущего, Который ничего так не желает, как

спасения каждого из нас. К Нему и обращайся, Его единого проси и моли, и Он доведет тебя до спасения, имиже весть судьбами. Спасения искать есть то же, что Господа искать. А Господь везде есть, и где бы ни был ищущий Его, тут и Он есть... и готов дать Себя тому, кто ищет Его... Отвори Ему дверь сердца — и Он войдет... Вот и обретение Господа и с Ним спасения... Ведай сие... и сего възщи. Господь Сам научит тебя всему. Бог в помощь! Не дремли (8, с. 181–182)!

СПАСИТЕЛЬ

1. Души спасает Спаситель, а не мы

Но спасает души Спаситель, а не мы. Мы только веру свою, свою Ему преданность свидетельствуем, и Он уже по мере нашего к Нему прилепления подает нам все нужное ко спасению (1, с. 74).

2. Сын Божий, соединив Божество с человечеством, дал нам возможность соединиться через Него с Богом

Сын Божий и Бог пришел на землю и воплотился и в Своем лице соединил человечество с Божеством и чрез то всем нам дал возможность соединиться чрез Него с Богом. Те, которые веруют, крестятся и другие принимают Таинства, соединяются живо со Спасителем, а чрез Него и с Богом. И в этом спасение! Цель наша — жизнь в Боге, но к Богу нам

нет иного пути, как Господь Иисус Христос (1, с. 74).

3. Имеем Спасителя, о нашем спасении пекущегося и нас к добру всячески располагающего

Ибо имеем Господа Спасителя, о нашем спасении пекущегося и нас к тому всячески располагающего и укрепляющего (1, с. 250).

4. Имеем Спасителя, у Которого только и попечения, что о спасении нашем

Имеем Спасителя, у Которого только и попечения, что о спасении нашем. Взывайте... услышит! И скажет: «Хочу, очистися» (1, с. 253).

Помышляя о себе, сокрушаетесь о прежнем и боитесь за свое бессилие; прилагайте к сему всегда и упование спасения. Ибо имеем Господа Спасителя, Который только и делает, что печется об устройении спасения каждого верующего... того спасения, основание которому положил Сам Он. Сам положил Он основание спасения всех, Сам и прилагает его к каждому. Веруйте и всю себя предайте Господу (3, с. 22).

5. О пребывании с Господом и о внутреннем очищении

Чего скучать? Господь близ. С Ним быть — все одно, хоть в этом, хоть на том свете. Только бы благоволил Он удерживать от всего несредного Ему и внутри, как вовне. Вовне легче быть исправным. Стыд пред людьми помогает. А внутри — авось, небось. И идут своим чередом

недобротные помышления и желания. И беречься-то никак не уберешься. Боже, милостив буди нам, грешным (3, с. 74)!

6. Спаситель всем хочет спастись. Хотение Его есть и дело, если не встречает препон со стороны нашего произволения

Имеем Господа Спасителя, всем хотящего спастися. Поелику хотение Его есть и дело, как скоро не встречает препон со стороны нашего произволения, то сами видите, что мешает родиться уверенности во спасении. Именно это есть неправое настроение произволения. Смотрите, как идет молитва — барометр духовной жизни (4, с. 5).

7. Спаситель — солнце в духовном мире

Планеты обращены к Солнцу и им правятся в движении. И весь духовный мир: Ангелы и святые на Небе, и люди, духовно живущие на земле, — обращены к Господу Спасителю и Им хороводятся. Он — центр, вокруг которого все вращается, возглавитель всяческих, яже на небеси и на земли (см. Еф. 1, 10) (10, с. 111–112, примечание 3).

8. Необходимость воссоединения с Богом для спасения. Сам человек не в силах сделать этого. Дух Божий совершает его в нас ради искупления, принесенного Сыном Божиим

Как скатились мы под гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Как зашла болезнь, противоположно тому действуя, можно

изгнать ее. Отпали от Бога — надобно воссоединиться с Ним. Отпали, усомнившись в слове Бога, — надо восставить полную веру сему слову. Потеряв веру Богу и в Бога, приняли мы пагубное решение: *так я сам*, — надо уничтожить это *я сам*. Когда образовалось это пагубное *я сам*, дух наш потерял свойственную ему силу властвовать над душою и телом и, напротив, сам подпал под иго рабства им; надо восстановить сию власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности души и тела разбрелись в разные стороны и в желаниях наших произошло смятение; надо все эти потребности опять привести к единству и установить в их чине взаимоподчинение. Вместе с пагубным *я сам* втеснилась в круг жизни нашей стая страстей, подобно диким зверям терзающих нас; надо изгнать сии страсти (9, с. 76–77).

Особенно же нельзя надеяться самим уладить это главнейшее наше дело, потому что первый пункт в нем, не установив которого за другие и братья нечего, именно — воссоединение с Богом, никак не может состоять в нашей власти. Мы можем желать его и искать, но устроить его — дело не наших рук. Кто может втесниться в область Божию или сам проложить дорогу к Нему? Кто силен взять у Бога, что желает, тем паче понудить Бога быть в нас, чтоб и мы были в Нем, и особенно после того, как все это было уже дано нам, но презрено, и лице Божие умалено недоверием, и власть Его поправа самоволием? Говоришь: покаюсь и каюсь. Но не твое дело поставлять

условия. Может и покаяние идти в дело, но когда Сам Бог его постановит и согласится принимать. А само по себе что оно?! Ушибся и больно: что тут?!

Так, воссоединение с Богом не в нашей власти: и условия его, и образ совершения его, и все сюда относящееся не в наших руках. Между тем вот как оно важно, что совершишь воссоединение — все прочее поедет уже само собою. Тотчас возьмет силу дух, подчинит себе душу и тело, упорядочит потребности и желания и выгонит страсти. Но ему-то самому как состояться? Речь эту я веду к тому, чтоб дать вам разуместь, что нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок сего воссоединения, поспеши принять его полною верою и воспользоваться им с теплою благодарностию. И благодарение человеколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.

Не буду излагать вам, как все сие совершено; скажу главное. Для восстановления духа нашего и воссоединения его с Богом необходимо, чтобы Дух Божий нисходил в него и оживлял его. Чтобы открыть путь нисхождению Духа Божия, снизшел, воплотился, пострадал, умер на Кресте, воскрес и вознесся Единородный Сын Божий. В таком отношении поставляет дело свое к Святому Духу Сам Сын Божий, когда, объявив ученикам Своим о Своем отхождении ко Отцу и возбудив

тем в них скорбь, говорил в утешение им: *Аз истину вам глаголю: унесть вам, да Аз иду. Аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам** (Ин. 16, 7). И еще прежде св. евангелист Иоанн Богослов, объясняя слова Господа: *веруй в Мя... реки от чрева его истекнут воды живы*, присовокупил: *сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его: не у бо бе Дух Святыи, яко Иисус не у бе прославлен*** (Ин. 7, 38–39). Надлежало прославиться Сыну Божию, смирившему Себя в воплощении и страдании, чтобы пришел и пребыл с верующими в Него Дух Святой. Он пришел и стал пребывать, и пребывание Его в верующих так неотложно, что другой апостол с изумлением вопрошал у них: *не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас**** (1 Кор. 3, 16).

Так вот вам и все дело. Сын Божий воплотился, пострадал плотию, умер на Кресте, воскрес, вознесся на Небеса и послал от Отца Духа Святого, Который, приемлем бывая верующими в Сына, исполняет в них то, о чем молился сей Сын: *якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут***** (Ин. 17, 21).

* Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам.

** Кто верует в Меня, у того... из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен.

*** Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

**** как Ты, Отче, во мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино.

Как же Он совершает сие? Сочетается с духом тех, кои веруют в Сына Божия и, оживляя его, воссоединяет его с Богом. Сие именуется новым рождением от Бога, которое верующих делает чадами Божиими по благодати, как говорит св. Иоанн Евангелист: *елицы прияша Его, даде им область чадами Божиим быти, верующим во имя Его: иже не от крови... но от Бога родишася** (Ин. 1, 12–13). И стало законом духовной жизни о Христе Иисусе: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие, ибо только рожденное от Духа дух есть*** (Ин. 3, 5–6).

Не извольте пытаться, почему нужно все сие для восстановления в нас истинной жизни, и примите и содержите то с простотою и искренностию детской веры. Станете пытаться — подойдет враг и, как некогда Еве, нашепчет вам соблазны и поколеблет веру, а чрез то лишит и плодов веры. Как тогда не понятно было, как от вкушения плода могли произойти такие следствия, однако ж они произошли именно от сего вкушения, так теперь не понятно, чего ради надлежало Сыну Божию воплотиться и пострадать и потом, вознесшись, ниспослать Духа для восстановления нас, — и, однако ж, от искренней веры именно в такое устройство зависит наше восстанов-

ление, и все, которые принимали и принимают его с верою, восстанавливаются. Так не пытайте Божия устройства (9, с. 77–80).

9. Участие Пресвятой Троицы в нашем спасении

И прошу вас такую всегда держать мысль, что когда говорится, что одно сделал и делает Сын Божий, другое — Дух Святой, то не следует при сем разделять между Ними восстановительное Их в нас действие. Оно идет нераздельно от Бога, в Троице поклоняемого. Почему св. Петр, изъявляя свое благожелательное приветствие тем, к кому писал послание, говорит: *по прозрению Бога Отца, во святыхни Духа, в послушание и кропление крове Иисус Христовы — благодать вам** — и пр. (1 Пет. 1, 2); а св. Павел заключает свое Второе Послание к Коринфянам подобным же благожеланием: *благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. 13, 13).

Восстановительное действие в нас Бога, в Троице поклоняемого, есть общение Его с духом нашим. И сие общение не от единого лица бывает, но от нераздельного в трех лицах Бога. Почему говорится, что и Сын, и Дух Святой, и Отец входят в общение с нами. Господь Спаситель, хотя сидит одесную Бога Отца, но, по обетованию Своему, *с нами есть во вся*

* А тем, которые приняли его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови... но от Бога родились.

** ...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие... рожденное от Духа есть дух.

* ...по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению кровию Иисуса Христа: благодать вам.

дни (Мф. 28, 20), и это не внешне, а внутренне, ибо говорит: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим** (Ин. 14, 23).

Вот Бог Отец и Бог Сын вселяются в нас и живут чрез веру и любовь, выражаемую исполнением заповедей (9, с. 80–81).

Но производство Богообщения совершается благодатию Святого Духа. Он изготовляет в нас обитель и вместе с Богом Отцом и Богом Сыном вселяется в нас. Как же изготовляется сия обитель?

Дух Божий сокровенно действует на дух наш и приводит его в движение. Пришедший в движение дух наш восставляет в себе естественное свое Боговедение, что Бог есть, все содержит и мздовоздаятель есть. Сознание сего восставляет чувство всесторонней зависимости от Бога и оживляет страх Божий (9, с. 81–82).

10. Господь Спаситель — Ходатай к Богу Отцу

Так и в отношении к ходатайству. Одно ходатайство есть, и без него никакое другое ходатайство не сильно... Ходатайство Господа Спасителя. А побочных ходатаев может быть много, проводников того ходатайства... размножителей... Тут и Божия Матерь Ходатаица, действующая в силу ходатайства Сына Ее...

К тому же Господь Спаситель — Ходатай к Богу Отцу. А если Самого

* кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.

Спасителя прогневали, кто пред Ним походатайствует? Но прогневаем, ибо грехами кровь Его попираем (6, с. 3).

11. Спаситель — совершитель воплощенного домостроительства спасения, примиритель человечества с Божеством

Христос Господь — Ходатай источный как примиритель человечества с Божеством. Он Своєю смертию примирил нас с Богом и открыл чрез то доступ к нам всех милостей Божиих. Он есть совершитель воплощенного домостроительства спасения. Божия Матерь есть Ходатаица спасения как молитвенница. И Ангелы, и святые в этом отношении ходатаи, ибо молятся о нас. Но ни Божия Матерь, ни Ангелы, ни святые не суть производители и дарователи спасения. Они только ходатайствуют, чтобы образ спасения, Господом Спасителем для всех данный, был и к нам приложен и мы таким образом в силу его спаслись... Господь — Спаситель, все прочие — пособники дарования нам спасения (6, с. 5–6).

12. Спаситель как начало создания *Почему Спаситель назван началом создания?* Назван так и как Творец, ибо вся Тем быша, и особенно как воссоздатель падшего рода человеческого. Он по человечеству новый родоначальник наш... Он явил в Себе человека восстановленного. По образцу Его и силою Его восстанавлиются потом все люди. Он глава и начало (6, с. 50).

СПИРИТИЗМ

1. У спиритов бесенята действуют

Сон о преосв. Игнатии — мудреный. Что преосв. угодил Богу, в этом нет сомнения. Но сон-то сей от Бога ли? Лукавый может привиться сюда. Особенно то сомнительно, что советует сочинения свои читать, а там ложь есть. Спириты письмо от него пустили в ход. И это недобре. У спиритов бесенята действуют. Недаром рекомендуют они писания сии. Но чтобы смерть скоро для видевшей, не следует, ибо прибавлено: тысяча лет... Готовься умирать — это ко всякому идет (2, с. 54)

2. Борьба со спиритами

Меня занимал Бюхнер. Теперь занимается спиритизм: противоположности... Но тот и другой — злые враги Божии, губители человечества слепотствующего!

Нарочно выписываю все книги спиритов, чтоб ознакомиться с ними покороче. Трудно судить по отзывам других.

Между тем с материализмом тоже боремся (7, с. 18).

3. Спиритство есть бесовщина

В газетах печатали, что какие-то мблодцы просят разрешить существование некоего идеалистического общества... Знаете, что это есть? Это спиритское общество. И коноводы — отъявленные спириты. Спиритство есть бесовщина. Следовательно, это общество бесовское, или беспоклонническое.

В обществе этом ничего научно-го нет и быть не может. Это религи-

озный скоп, по наставлению духов лестчих устроенный (7, с. 135–136).

СТРАСТИ

1. Когда бушуют страсти, надо сохранить корень (дерева) — решение не поддаваться греху склонением на него, хотя бы смерть

При всех слабостях веруем, что Господь не хочет смерти грешника и что, следовательно, когда самоохотно не отдадимся немощам, Он не попустит нам пасть. Ветер сильный иное дерево до самой земли наклонит, но дерево все остается на корне и, лишь стихнет буря, выпрямляется. Так бывает от страстей... Пусть бушуют, но корню только устаивать надо... корень — решение не поддаваться греху склонением на него, хотя бы смерть (1, с. 21).

2. В борьбе с похотью: терпение, самоостерегание, блюдение сердца, борьба и молитва

Грех начинается от во еже похотети. А этой вещи можно всегда избежать. Конечно, лучше бы не видеть и не разговаривать, да возможности нет. Следовательно, терпения потреба, самоостерегания, блюдения сердца и борения с собою. Господь близ!.. Прп. Иоанн Колов говорит: «Когда подходит зверь, взлезаю на дерево». К Господу надо прибегать (1, с. 21–22).

3. Об искоренении дурных качеств

Серчание, осуждение, неснисходительность, взыскательность к

прислуге... — все это, конечно, не добродетели и умаляют общую добротность вашего нрава. Потому подлежат исключению из списка ваших качеств. Как сделать это? Ищите и обрящете, просите и дастся вам.

Первое: не давать ходу сим движениям, а как покажутся, так их посекать и подавлять, чтобы где зародились, там и оставались, не выходя наружу.

Второе: после всякого обнаружения сих движений кайтесь пред Господом и очищайте сердце.

Третье: всякий такой случай обсудируйте и выводите для себя урок, как бы в следующий подобный раз избегать сердчания. А паче всего, трудясь так, молитесь, ибо без Господа ничего тут не поделаете (1, с. 115–116).

4. Борьба со страстями продолжается всю жизнь

Борьба со страстями обща всем... и длится всю жизнь. Самая жаркая борьба занимает середину жизни духовной. Начинается вместе с обращением души к Богу и разгорается... Потом стихает (1, с. 142).

Цель — Царствие Небесное, но, чтобы достойно быть внития в Царствие, надо очиститься от страстей и от всего худого. Как без сего очищения дверь в Царствие не отворится, то оно должно быть для вас ближайшею целию. К нему и направляйте теперь все. Программа тут проста: уясните себе все страстное и греховное, сущее в вас, и ведите против того войну (1, с. 204).

5. Проявление страстей и главные приемы борьбы

Время... как свободно... *Добродетель*... Заповеди — норма; практика — подлежащие случаи: лучше не придумывать дел, а делать, какие представляются. Представляется одно сделать, а другого не сделать. То и другое редко обходится без борьбы с тем, что восстает внутри и что встречается вовне. Большая ошибка — препоны или противления деланию считать невозможностью. *Не могу* не должно исходить из уст ревнителя. Ведение дел — великая премудрость, дар Божий. О сем молиться надо. *Исповедь и Святое Причастие* неизбежно необходимы: одна возочищает, другая — баня, пластырь и пища (1, с. 206).

Сторона дурная сама собою будет слабеть, если добрая добре питается. Но то наша беда, что дурная сторона не дает добре совершать то, чем питается добрая; она всюду встречается и предъявляет свои претензии; и бывает, что то, чем питается добрая сторона, или не делается, или делается не как следует, от чего она или голодает, или питается испорченною пищею... Чтобы ничего такого не было, то есть ни помех к питанию доброй стороны, ни порчи того, чем она питается, ревнителю спасения предлежит непрерывная борьба с дурною своею стороною. Борьба по форме очень проста: как только заметишь подходы, требования и нападки дурной своей стороны, поднимайся, бери оружие и гони врага, и гони, пока и следа его не останется. В чем дурная сторона, всякий знает. Это эгоизм, самость, самоугодие, са-

можаление — все делать для себя, в свое удовольствие, в свою выгоду и в свою честь. Действиям, в каких это совершается, сметы нет. И нужды в том, в смете-то, нет. Решившийся жить как следует тотчас узнает дурное, в каком бы виде оно ни проявлялось... Проявляется же иногда только помышлением о дурном, когда представляется уму предмет дурной, иногда чувством дурным, иногда позывом на дурное, иногда вместе и влечением к нему более или менее сильным. Иногда все это проявляется рядом: появляется предмет дурной, вызывает чувство, от чувства рождается позыв, а там и влечение... Все это для души — нечистое, но еще не грешное. Грешность начинается согласием на дурное, которое переходит в решение сделать дурное, это внутреннее дело; после чего придумываются способы, время, место... Затем следует дело грешное, от коего рабство греху и смерть душевная. Но в каком бы виде ни проявлялось дурное, как только оно замечено, надо вставать и бороться. Вот главные приемы борьбы: сознать врага в появившейся дурноте, рассерчать на него и напрячься гнать его, призвав Господа Спасителя на помощь; и затем повторять сии акты, пока не исчезнет дурное и душа не успокоится. С этими тремя актами всякую дурноту можно прогнать и преодолеть. Требуется энергия, мужество и терпение. Этого сказанного достаточно в руководство общее на все случаи. И все сие, конечно, вами практиковалось и практикуется. Но пересмотрите себя еще понежнее... и недостающее восполните, неправое

поправьте, несовершенное усовершенствуйте (1, с. 206–207)

6. Ослабнет плоть — чувство духовное оживет

Плоть — на пагубу, дух — на спасение. Я думаю, что в вашем охлаждении небезвинна плоть. Не предполагаю излишества, но доволь. Но и эта доволь отупляет чувство духовное и расслабляет энергию. Потрудитесь подтянуть сию рабу неключимую, чтоб не лезла в госпожи. Как?.. Я думаю, вам ведомо! Касается же сие и пищи, и сна, и других льгот. Сделайте, чтоб плоть чувствовала, что на ней — тяжелая рука. Как только ослабнет плоть, чувство духовное оживет. Очень много в сем отношении значит не давать разваливаться, держать в струнку все члены чрез внутреннее напряжение мускулов. Это сильно поддерживает бодрность духа и помогает душе стоять в трезвенном настроении (1, с. 210).

7. О борьбе с плотью

О пище... Положите законом выходить из-за стола немного голодным. Злая раба — плоть будет чувствовать, что над нею есть властная рука... И что винопитие пресечено, прекрасно. Это самое лучшее пособие к тому, чтобы было тело всегда бодро, трезвенно и свежо. Великое есть сие дело (1, с. 220)!

8. Страсть ослепляет, и враг туману подпускает

Лев влюбился, любовь оказалась безнадежною, и он мучится. Ну уж — Лев!! Да еще не простой лев, а

офицерский?! Другим командует «напра-во!» — а сам налево тянется. Себе бы скомандовал «напра-во»... и «марш-марш»... Какой в этом толк? Если бы была надежда, можно бы разумно подождать, а то ждать того, чего не дождешь... и несомненно не дождешь, толку нет! Это не любовь, а болезнь сердца злая, к которой подседает враг и раздувает. Страсть ослепляет, а враг туману подпускает. И мучится человек, и то диво, что ему хочется мучиться и не хочется отстать от мучения. И это бестолковщина. Но как же быть? Никак. Скомандовать себе: «Не пискни, голову размножу...» и затем перестать думать об оной, забросить подальше все напоминающее, поискать пятен на сем солнце — и на них больше смотреть. Это довольно холодная водица на прохлаждение сердца, особенно если безнадежность от ней зависит. Пройдет; будет налетать, но не жгуче (1, с. 259).

9. Всякая страсть имеет своего беса

Не употребить ли отчитывание? Ведь все страстные суть бесноватые. Всякая страсть имеет своего беса, который чрез человека питает свою страсть, или себя. Выгнать его — и опор страсти опадет. Тогда с тем, что естественно, например привычка... очень легко можно справиться (2, с. 3).

10. О борьбе с серчанием

С серчанием ладьте понемногу. Сколько сил хватает, боритесь... Авось Господь смилуется и отберет сии немощи. А оставит за вами — и за это благодарите: к смирению ведет. Нехорошо, конечно, серчать, но

когда это следствие темперамента, то виновность тут только ту часть обнимает, в которой сознание равнодушно относится к сим порывам. Воздыхайте и кайтесь всякий раз. Это один из повседневных грехов (2, с. 81–82).

11. Очищение душевно-телесности от страстей

Коли вы знаете, что есть духовное, то все другое или душевно, или телесно.

Есть естественная душевность и телесность и есть неестественная. Последняя вся выражается в страстях. Погашая и искореняя страсти, будете очищать душевно-телесность и возвращать ее в естественный чин. Она тогда одухотворится. Все сие строит Божья благодать при усилиях и наших. Главное — себя не жалеть... И пойдет все понемногу перочищаться (2, с. 148).

12. Воцариться над страстями — цель жизни во Христе. Совершается Господом это при содействии нашего произволения

Припоминаю одного старца из древних, который однажды возгласил в своем кругу: «Радуйтесь мною, я ныне царь!» Как так? Воцарился над страстями. Хоть так смело не всякий может возгласить, но такое состояние в христианстве в порядке вещей. Та и цель жизни во Христе. Почему и пишется: *Аще Сын вы свободит, воистину свободни будете**... Он это и совершает всякий раз, как увидит кого подготовленным.

* если Сын освободит вас, то истинно свободны будете (Ин. 8, 36)

В сей подготовке хоть Сам Он главный действитель, но властно действует только там, где встречает всецелое Ему предание себя в рабы скоропослушливые. То радость наша, что Он не презирает самых малых начатков такого предания, а как только подвигнется на то душа, тут и Он (2, с.168–169).

13. Наставление о борьбе с блудной страстью

Блудную страсть старайся всячески одолевать и никогда не услаждайся ею... а гони, как только покажется. Гони молитвою Иисусовою... Когда борет страсть, ешь поменьше, спи мало и хруско... Клади поклонов больше... а иной раз кнутом или веревкою по плечам отдуй себя (2, с. 236).

14. О курении

О чем писали — добре бросить курение. Оно не только пусто, но и подтачивает понемногу здоровье, портя кровь и засоряя легкие. *Это есть постепенное* себя оядотворение. Но совета на это никакого нет и не бывает, кроме *решиться покрепче*. Иного способа нет.

Что с вами было, есть вражье посмеяние. Курить или не курить есть дело безразличное, по крайней мере наша и общая совесть считает это таким. Но когда некурение связывается обещанием, тогда оно вступает в нравственный порядок и становится делом совести, неисполнение которого не может не мутить ее.

Вот вам враг и подсоллил. Верно, вы хорошо поговели. Враг надумил вас положить решение, а потом сбил к

нарушению данного слова. Вот и вся история! Извольте учиться и впредь смотреть в оба. На что вязать себя обетом? Говорить надо: «Постой, дай-ка попробую бросить, Бог даст, слажу». Встречали вы у святых старцев совет не вязать себя обетом? Вот таких именно дел это касается (2, с. 240).

15. О борьбе с ленью

Пишете, что лень одолевает. Как же быть-то? Ухитритесь взбодровать себя. Эта немощь с кем не случается! Надо поломать себя, а потом, видя, что ничто не берет, перетерпеть это состояние. Даст Господь утешение и движение, и оживет душа. Попробуйте какое дело сделать доброе, которое требовало бы труда и жертвы... и, может быть, заиграет душа. А то — терпеть, делать нечего. Временно ведь это. Иногда от телесной немощи, иногда от того, что заждешься (3, с. 36–37).

16. О борьбе с неприязнью и похотью

Есть две вещи, которые наводят на нас гнев Божий, тяготящий и теснящий: неприязнь к другим и похоть, а первой бывает большой простор. Извольте потрудиться всё, чем обнаруживала себя она в вас, выяснить и положить пресечь без раздумываний, как бы это благовидно ни казалось. Неприязнь вместо людей обратите теперь на то, чем она в вас обнаруживалась, и извергните то вон. Случалось вам читать или слышать слова апостола: «Сердце мое распространилось к вам»? Так и распространите и вы свое сердце, и за

то получите искомое и желаемое (3, с. 150–151).

17. О борьбе со вспыльчивостью

Ваше намерение все внимание и усилие обратить на погашение вспыльчивости потрудитесь привести в исполнение... Не смущайтесь неудачами или непокорностью сердца, которое сейчас тихо — и тотчас вспылит... Ломайте себя и Господа просите сломать (3, с. 160).

С вспыльчивостью кто же вам поможет управиться? Сами ухитряйтесь. Вспышка бывает, когда кто позволяет себе сделать что-либо против вашей воли... желания... или повеления. Пока жива у вас *барыня*, до тех пор не сладите вы со вспыльчивостью... Это она все командует. Выбросьте ее за дверь и ворота и накажите, чтобы не смела показываться вам на глаза (3, с. 162).

18. Цель подвижничества — погашение страстных помыслов и движений до совершенного их исчезновения. Зависть в житейском худа, а в духовном еще хуже

Главное же — сердце сделать чистым. Нечисто оно от самолюбия, в коем живут и действуют все страсти... Погашение страстных помыслов и движений до совершенного их исчезновения... и есть цель подвижничества. Потому — что бы страстного вы ни замечали, вооружайтесь против того без жалости к себе. Исправить внешнее поведение, конечно, хорошо, но это только проходная комната... где и калоши и пальто терпимы... но в гостиную надо уж

все прочь и входить в чинном наряде (3, с. 160).

19. Кто мужественно борется со страстями, тот по мере чистоты сердца сближается с Господом

Кто мужественно борется со страстями, строго исполняя заповеди Господа, тот по мере успехов очищается сердцем и по мере чистоты сердца сближается с Господом, Который обетовал таковым: *К нему придем и обитель у него сотворим** (3, с. 165).

20. О духовном воздвижении креста (в сердце)

А ныне Креста Господня воздвижение. Тогда воздвизали крест на возвышение, чтобы весь народ увидел и воздал ему честь. В воспоминание о сем ныне в храмах воздвигается крест в монастырях. Но все это внешнее. Есть духовное воздвижение креста в сердце. Бывает оно, когда кто твердо решается на самораспятие или страстей своих умерщвление, которое столь существенно в христианах, что, по апостолу, те только и Христовы суть, кои распяли плоть свою со страстями и похотями. Воздвигнув в себе крест сей, христиане и держат его воздвигенным всю жизнь свою. Так ли это, да спросит себя всякая душа христианская и да внемлет, какой ответ даст совесть ее в сердце. О, не буди нам услышать: «Вы только плоти угодие творите в похоти, крест у вас не воздвигнут, сброшен в яму страстей и там гниет в небрежении и презрении!» Когда

* Ин. 14, 23

Господа сняли со Креста, Крест остался на Голгофе, а потом его сбросили в бывшую там яму, куда бросали сии орудия казни вместе со всяким другим сором. Скоро Иерусалим был разорен и все здания его сравнены с землею. Засыпанною оказалась и яма, где брошен Крест Господень. Когда город восстановили язычники (иудеям запрещено было и приближаться к месту, где он был), случилось так, что на том месте, где скрыт был Крест Господень, они поставили идола Венеры, языческой богини блуда и всяких похотей. Враг так внушил им. Так же бывает и с внутренним нашим крестом. Когда враг разорит духовный строй в душе, сей наш мысленный Иерусалим, тогда и крест духовный сбрасывается с высоты Голгофы сердечной и заваливается хламом сластей и похотей, и похотное самоугодие, как башня, возвышается над всем внутренним миром нашим, и все в нас поклоняется ему и его мановениям последует, пока не озарит благодать, не воодушевит свергнуть сего идола и воздвигнуть крест самораспятия (3, с. 165–166).

21. О средствах борьбы со страстями плотскими: с какою страстью бороться прежде

Желали бы знать, какая главная у вас страсть... На это припомню вам сказание об одном подвижнике, который предложил старцу своему подобный вопрос, именно: «С какою страстию прежде бороться?» Старец ответил: «Борись с тою, которая сейчас тебя борет, и некогда будет доискиваться, какая главная у тебя...» (3, с. 175–176).

22. Зависти в духовном роде не должно быть — в духовной области все доступно

И зависть!!! Как ей быть в духовном роде действия?! — Потому что в духовных порядках все всем доступно... Увидел кого превосходящим тебя в духовном отношении? Приложи труд, и ты то же получить можешь. А в житейском быту не все всем доступно. Вот и берут завидки (3, с. 176).

23. О женских очищениях и бываемых при этом страстных мечтаниях

Что вы говорите про месячные кровотечения... отчего не спросить вам это у своего духовного отца. Я не знаком с этим делом, но обще сужу так: сии кровотечения не суть душевная нечистота, духовная, а нечистота вещественная — телесная... Довольно после них омываться до чиста, чтобы никакого следа не оставалось, и белье переменить, и руки вымыть... И потом делайте со спокойной совестью все, что вы пропи-сали, спрашивая, можно ли! Мечтания страстные во сне пред кровотечением не вменяются в грех, потому что сии мечтания произвольны... Но сокрушаться о них и скорбеть надо... Зачем исходят они из души? Если согласие во сне дано... и это не беда, но более отяжеляет совесть... потому, если можно, хорошо открывать о сем духовнику... Совесть покойнее будет. Что вы во сне раскаялись, зачем... это хорошо. Сим очищается, что есть тут нечистого. Молитесь о всем Богу, да избавит вас от сих случаев (3, с. 178).

24. Рассеяние мыслей, плотоугодие и упокоение пищей или сном — враги молитвы и духовной жизни

Паче всего блюдитесь развлеченных мыслей и разбивания их, и страстных движений. Рассеяние мыслей и какое-либо плотоугодие или упокоение пищею и сном — первые враги, а с ними в содружестве всегда и раздражение. Самого легкого движения неудовольствия бегайте (3, с. 207).

25. О борьбе с саможалением и угождением плоти

Жалуетесь на саможаление, и нельзя на него не жаловаться. Это самый лстивый друг, который не зол, но по слепоте своей предлагает советы всегда худые, кажущиеся, однако же, такими приятными, что идти против них сил недостает. Оттого у нас самоугодие, за самоугодием самость тучнеет и расширяет круг свой все более и более. Вы полагаете намерение взяться за отречение угодия плоти. Благослови, Господи. Но, чувствуя бессилие свое, вы за силою обращаетесь не туда, куда следует. Обратитесь туда, где черпает силу св. Павел, исповедавший: *Вся могу о укрепляющем мя Господе** (Флп. 4, 13). Со своей стороны потрудитесь водрузить в себе лютую злобу на плоть и жажду умучивать ее и умерщвлять, в уверенности, что в этом живот. И пойдет у вас сия часть добре (3, с. 220–221).

* Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе.

26. Не должно бояться зависти других

На ту, которая вам завидует, не сердчайте. Ее враг смущает, а она не видит, молитесь о ней. А что переманивает сестер, это должно быть радостно, ибо значит сестры ваши так хороши, что их желают иметь у себя. Пусть идут. Вам Бог пошлет лучших (3, с. 227).

27. Доброе рассуждение и вредное языкоболие

Всякие случаи, из ряду выходящие, сильно раздражают чувства и поднимают бурю помыслов; к сему принадлежат и новости... Ведь это незаметно?! Так, как только заметите, отодвиньте или сдвиньте с сердца все мятущее и потом рассуждением определите, стоит ли и в какой мере стоит толковать об этом, а затем так поступите, не поблажая языкоболию. Говорить об этом иной раз заставляет тщеславие — высказать свое премудрое о случае суждение. Тут лучше совсем не говорить (3, с. 232).

28. Об удержании себя от гневных слов и мыслей

Не произносить гневного слова есть великое совершенство. Да поможет вам старец Иларион. В основе сего лежит отсутствие раздражительности сердца, а она, как искры, заливается преданием себя в волю Божию, при сознании, что неприятности Бог попускает для испытания и нам самим показания, насколько прочно наше доброе внутреннее направление... что и обязывает нас держать себя в таких случаях бла-

годушно, веруя, что Сам Бог смотрит на нас в эту минуту. И та ваша мысль, что делающие нам неприятность бывают орудиями врага, верна. Почему, когда кто причиняет вам неприятности, всегда полагайте, что позади них стоит враг, разжигающий их и обидные фразы и дела им внушающий (3, с. 245).

29. Внушение бороться со страстями и благодушно сносить клевету

И помыслы страстные, а не только страстные движения должно отгонять и подавлять; о делах же таких и говорить нечего.

Страсти у нас — одни *похотные*, а другие *неприятные*. Те и другие — у вас, и гоните их, отнюдь не поддаваясь им... В этом главное дело монашества.

«Оклеветали вас»... хоть вы не виноваты. Надо благодушно потерпеть. И пойдет это вместо епитимии за то, в чем сами себя считаете виноватыми... Клевета потому для вас — милость Божия... Надо непременно умиротвориться с оклеветавшими, как это ни трудно.

С неприятными чувствами спастись нельзя, как и с похотными.

Надо стать твердою ногою в самоотвержении и противлении своим недобрым чувствам.

Тогда и скорби не будет. А пока поблажаете, скорбь не престанет (3, с. 250–251).

30. Дурные приживалки

Вы отдыхали на даче. Очень желал, чтоб вы укрепились и освежились. Когда бы исполнилось мое желание?! Ваших компаньонов, или

приживалок (мало терпения и безропотности, гордость, раздражительность, суетность, празднословие, злословие, невоздержание в словах и в пище, паче всего леность к молитве), конечно, нельзя похвалить, но то хорошо, что они замечаются и не только замечаются, но и выставляются напоказ, чего сии сударыни терпеть не могут. Вы всякий вечер доносите на них Господу, когда, пересмотрев все прорвавшееся в продолжение дня, скажете: «Господи! Ты все видишь! Прости и дай мне уменье не поскользаться в сем».

Если будете так делать, то они одна за другой забудут и двери ваши. Только одну из них сейчас же уколтите, сожгите и прах по ветру развеите... Это леность к молитве. Разозлитесь на нее и сейчас же уничтожьте, чтоб дух ее не пах.

Если она прорывается, но бывает всякий раз прогоняема, то это ничего, и говорить про это нет нужды. А если поблажка ей делается, то тут хозяйшкa кругом виновата... что не жалеет добра своего... От частых поблажек молитва совсем ослабеет, и молитвенное правило обратится в безжизненную форму, и духовная жизнь замрет (4, с. 3).

31. Тщеславие надо вырвать внутренним образом, а не внешним. Попадает тщеславие огонь Божия присутствия

Взываете, как при таком образе действия вырвать с корнем тщеславие? Тщеславие надо вырвать внутренним образом, а не внешним. Без этого вырвите яму глубокую до самого центра земли и спрячьтесь —

тщеславие и там найдет себе пищу. Надо страх Божий усилить и утвердить хождение пред Богом. Огонь Божия присутствия будет попалять тщеславие (4, с. 16).

32. Как избежать серчания

Первый прием против серчания — молчание уст. Не говорите, когда душа беспокойна, но наперед успокойтесь и тогда потолкуйте, указывая, как следует что делать. Устраните мысль, будто прислуга нарочно плохо делает или не хочет делать вам угодное, а думайте, что и хочет, и старается, но что уменья не достает, то не намеренно ошибка или упущение проскользает.

Положите не всякий раз взыскивать, а на третьем или пятом разе... А другое дело вот что: духовное врачевство не механично... а все от произволения, от определений личных и напряжения своих сил. Установившись в таком убеждении, не будете инуды ждать избавления, а все от себя с Божьей помощью и от напряжения своих усилий, и напрягайтесь не серчать, хоть бы что. Благослови вас, Господи, на труд сей. Несерчанье — свидетельство о великом усмирении самости и о силе смирения (4, с. 28).

33. О борьбе с похотью и гневом

Похоть и гнев — принадлежности не естества, а следствия испорченности его. Побеждающий их не естество побеждает, а порчу естества уничтожает и возводит его в свой естественный чин.

На деле порча сия является в разных степенях: у иных похоти и гнева

совсем почти нет, милость Божия; а у других они свирепее всех зверей. Последние, если победят их, мученический венец получают, а первые за безгневие и непохотливость ничего не получают. Вот и извольте побеждать свою гневливость, прозревая впереди венец мученический (4, с. 30).

34. О серчании

А серчать все-таки серчаете. Вижу, что причина этого в том, что вам не хочется пожертвовать чем-либо из заведенной аккуратности... Это болячка ваша. Прогоните ее, негодную, и покойнее будете. Явить сим самоотвержение, ибо тут вся самость и с руками, и с ногами (4, с. 41–42).

35. Гнев и пресыщение

Вас гнев одолевает и пресыщение. Гнев к лицу вашему высокоблагородию и совсем не к лицу черничке. А пресыщение как попало? Это совсем не барское дело... Отсюда лишние соки... и так далее... дорога прямая. Блюдитесь!

Читайте св. Григория Паламу... и все в этом томе идет к вам! Вникайте и прилагайте к себе (4, с. 100)!

36. Как зачинается и созревает грех

Скажу вам, когда начинается грешность. Вот как идет искушение. 1. Представляется в мыслях худое, или глаз увидит что, и виденное пробуждает мысли недобрые! Это есть *прилог* или *приражение*. Тут нет грешного, ибо и то, и другое невольно нападает. Если вы тотчас, как только сознаете, что это худое, воспротивитесь ему и к Господу обратитесь,

вы сделаете должное — подвиг духовный. Но если вы не воспротивитесь, а станете думать и думать, не сопротивляясь и не ненавидя, не отвращаясь, то это уж не добре. Душа пошатнулась. Тут нет еще греха, но шаг ко греху сделан. Бывают помыслы худые неотвязчивые. Пусть их — уж это вражье дело... Но коль скоро вы ни малого благоволения к ним не оказываете, а тотчас отвращаетесь и стоите в сем отвращении, то вы в добром положении. Итак, первое — пришли мысли дурные? — гнать, опять пришли — опять гнать, и так не переставая, пока не отойдут. Когда отойдут, это значит: враг обратился в бегство. Но он опять подступит... Тогда опять то же делать... Так и определили отцы-подвижники, что коль скоро кто прогонит первый худой помысл — прилог, приражение, то тем пресекает брань (4, с. 101–102).

37. Слово при продолжении плотской брани

Главное — не допускать сочувствия и ни на одну йоту не допускать соуслаждение сласти... Затем следовать должна неприязненность к сей сласти... Когда это есть, чистота не нарушается и тени нет нечистоты... Даруй вам, Господи, всегда быть на этой степени. Завершать же надо всегда молитвою ко Господу (4, с. 104).

38. Одобрение борющейся с плотской страстью

Тело надо дисциплине предать, строгой, солдатской... Я об этом писал вам вначале... Не переставайте не только не жалеть тела, но и тира-

нить его... пищи ему не давать, всегда переставая есть, когда еще чувствуется голод... и сна умалить... Какой-нибудь телесный труд до утомления был бы хорош... Коль скоро тело немного повысохнет и поохладится... тогда тревоги те совсем прекратятся... Тревоги от соков, а соки от пищи... Когда прекратится сей источник... и дела не будет (4, с. 105–106).

39. Гибельность для христиан плотской сласти

Радость не совне, а из всего строя нравственно-религиозного. Для нас, христиан, она *зарождается* исповеданием великих благ от рождения Сына Божия плотию, с принятием нашего естества, а *растет и крепнет* пребыванием в порядках сыновства Богу, чрез облечение во Христа Господа таинственно в Крещении или Покаянии и действенно в жизни... Господь приял плоть нашу из девственных кровей. Как мы в силу воплощенного домостроительства едино бываем с Господом, то отличительною чертою характера нашего христианского стала девственность — девственность в мыслях и чувствах и в состоянии плоти. Слать плотская стала отрицанием христианства внутри нас. И ничто так не подавляет радости духовной ныне... как сия сласть. А враг нашептывает, будто это ничего (4, с. 106).

40. О борьбе с плотскими искушениями

Что до внутреннего вашего — очень рад, что боретесь... Не допускайте до сочувствия, а тем паче до

согласия... Всегда с первого движения преследуйте неприязню полною... как встречаете змию. Если теперь углубите свою неприязнь к сему, то скоро успокоитесь... и всю жизнь будете безопасны. Возвращайте всякий раз мысленно к Господу... говоря: «Господи! Видишь, что во мне и что я не хочу сего... Помогите мне и утиши...» (4, с. 107).

41. Точка опоры в борьбе с плотскими искушениями

Вы несказанно обрадовали меня тем, что нашли наконец точку опоры в войне вашей. Держитесь всегда этого приема... первое возникновение преследовать. В предотвращение же самого возникновения держите тело в струнку, и стоя, и сидя, и лежа... отнюдь не распушайтесь членов... В душе же держите память Божию... со страхом. Как в присутствии Бога допускать то?... Это и будет холодом обдавать весь организм (4, с. 108).

42. О борьбе с плотью

Какие убеждения вынесли вы из искушений, держите их и блюдите себя, яко зеницу ока... Вражду и неприязнь непримиримую к плоти имейте... и преследуйте ее своеволие... Не давайте ей покоя ни в чем (4, с. 111).

Очень рад, что вы обрываете покой. Теперь видели уловки вражь и на что он больше метит... Знаете и что противопоставлять надо... Вы хорошо заметили, что соизволения и соуслаждения не должно быть и что наискорейше надо поднять гнев... Об этом молить надо Господа! Что ста-

раетесь скрывать, что делаете в борьбе, это очень хорошо... И тут часть успеха и сила трудов... Сами уж вы решили бдеть и молиться... И делайте так всего более (4, с. 108–109).

43. Поблажка страсти и обличения за это

Сочувствие, оставляемое непронятым, означает согласие на нечистоту. Согласие — внутренний грех, очищаемый Исповедью. И извольте это сделать. Затем блюдитесь. Что требуется — знаете. Делать отпор с гневом и молитвою. Свяжите толстые четки... и по плечам — до боли порядочной.

Поблажка ваша равняется тому, как если б невеста после обручения поцеловала парня — не жениха. Что бы жених сделал с такою невестою, то с душою, Господу себя обещавшею, делает Господь за такую поблажку. Совесть выражает Его чувство к вам. Поопаситесь! Одним из недостатков пяти дев юродивых была и эта поблажка. Этою поблажкою шутить нельзя... Она кажется легкой и ничтожною, но в ней вся пагуба... Извольте совсем отучить себя от этого... И при первом появлении помысла гнать немилосердно... до отрезвления (4, с. 125–126).

44. Тщеславие — многоглавый змий

Вы говорите, что дух тщеславия нападает. Берегитесь же. Это многоглавый змий. Иногда преобразуется в самое смирение. Прочитайте повнимательнее у Лествичника о смирении и тщеславии и все у себя по тому разберите, и из средств, какие там указаны, выберите себе пригодные и

исполняйте их. Тщеславие тонко, но душу всегда огрубляет. И Господь у тех, кои поблажают тщеславным помыслам, скоро отнимает благодать и попускает им падать. Долго ли до беды? Внимайте же себе (4, с. 184).

45. Тщеславие есть домашний вор. Примеры борьбы с ним

Не присядьтесь в церкви — хорошо. А придет тщеславие, нарочно присядьте, чтоб сказать помыслу, когда станет тщеславиться: «Сидела ведь и сама». Один отец, когда пришел помысл тщеславия, что много постится, вышел рано туда, где много народу бывает, сел и начал есть хлеб. В Киеве кто-то много постился и уединенно себя держал. Пришел помысл тщеславия, а за ним следом и другие искушения. Сказал он об этом покойному старцу Парфению. Тот дал ему денег и послал на базар. «Купи, — говорит, — печенку и съешь ее там при всех». Он сделал так, и все искушения прошли. Вот как отцы боялись и бегали тщеславия. Почасту и вы себя критикуйте с этой стороны. Беда немалая! Это, говорят, домашний вор, который в заговоре с ворами наружными. Он отворяет им окна и двери, те входят и совершают великое внутри опустошение. Кто знает? Может быть, и то омрачение, что с вами было и прошло тотчас, как помолились, есть вражья хитрость, чтоб породить горделивые мысли: вот-де молитвенница какая! Как помолилась, все бесы разбежались. Припомните: если были после тщеславия помыслы, то знайте, что это враг хочет надмать вас. Смотрите, как бы враг и того не

обратил во вред, что не читаете молитв, а поклонное совершаете правильно. Вон уж и сласти пошли духовные! Все это — прелесть (4, с. 195–196).

46. Полянка на пути в духовной жизни

Меряйте себя не подвигами, а замиранием страстей. Замрет какая — это шаг вперед. А когда всех не станет, тогда скажите: «Слава Богу! Выбралась на полянку, теперь попокойнее побреду, а то вся изодралась, идя среди терния по колючкам (4, с. 214–215).

47. О борьбе с раздражительностью

С раздражительностию бороться надо. Первый шаг — не поддаваться... стиснуть зубы и отойти... Всякий раз молиться до слез... можно жгутом по плечам. Смилуется Бог и исцелит. Такая раздражительность темпераменту принадлежит и уничтожиться может лишь претворением, а это Божие дело. Но Бог не станет делать, пока не увидит болезненного труда собственно нашего (4, с. 249–250).

48. Страсти как препятствие духу возгореться любовью к Богу. Они должны быть изгнаны

Когда сердце ваше затеплится теплотою Божиею, с того времени начнется собственно внутренняя ваша переделка. Огонек тот все в вас пережжет и переплавит, иначе сказать, все одухотворять начнет, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное.

Стало быть, теперь все дело — достать огонька. И извольте на сие направить весь труд.

Но сие ведайте, что огонек не покажется, пока страсти в силе, хоть им и не поблажают. Страсти то же, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и по мере просушивания зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обымет пламенем и все дрова положенные.

Дрова наши суть — все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не вникает человек себе, пропитаны сыростию — страстями и, пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному. Помните, изображая вам, что есть в нас, я писал, что есть в нас какая-то беспорядочная, бурливая область, в коей беспорядочно мнутся мысли, желания и чувства, как прах возмещается страстями. Я помещаю сию область между душою и телом, означая тем, что страсти к естеству не принадлежат, а пришлые суть. Но они не остаются тут в промежутках, а проходят и в душу, и в тело, забирают и самый дух — сознание и свободу — в свою власть и таким образом господствуют над всем человеком. Как они в стачке с бесами, то чрез них и бесы господствуют над человеком, мечтающим, однако ж, что он сам себе господин.

Вырывается из сих уз прежде всего дух. Благодать Божия исторгает. Дух, преисполняясь под действием благодати страхом Божиим, разры-

вает всякую связь со страстями и, раскаявшись в прошедшем, полагает твердое намерение угождать прочее Единому Богу и для Него Единого жить, ходя в заповедех Его. Стоя в этой решимости, дух с помощью благодати Божией изгоняет потом страсти из души и тела и все в себе одухотворяет. Вот и в вас дух исторгся из державших его уз. Сознанием и произволением вы стоите на стороне Божией. Богу хотите принадлежать и Ему Единому угождать. Это точка опоры для вашей деятельности в духе. Но тогда как дух ваш восстановлен в своих правах, душа и тело остаются еще под действием страстей и терпят от них насилие. Вам остается теперь вооружиться против страстей и побить их — изгнать из души и тела. Борьба со страстями неизбежна. Они не уступят сами собою своих владений, хотя незаконных (9, с. 189–191).

Перед этим я все толковал вам о памяти Божией, о пребывании с Богом и хождении пред Ним. И вы удивились: что все об одном толкую? Память Божия — жизнь духа. Она и ревность к Богоугождению поджигает, и вашу решимость быть Божиею делает непоколебимою. Се, повторю опять, точка опоры для жизни в духе и, прибавлю, базис стратегических операций ваших против страстей.

Спросите: да как же это так? Когда я вниманием и желанием своим обратилась к Богу, какое место тут страстям? Но что спрашивать-то? Посмотрите, ведь они есть еще в вас? Недавно вы писали, что крепко рассерчали. Не страсть это? Но она одна

не бывает, тут есть и гордость, и своя воля, и презорство. А перед тем поминали, что отказали в чем-то просящему. Это что? Не скупость? Еще: вы поминали, что какого-то лица терпеть не можете. Это не страсть? А что спать любите — это не страсть телолюбия? И это все еще мимоходом открылось, а поройтесь в себе поллучше — чего-чего там не найдете.

Так нечего спрашивать. Знаете наверно, что страсти в вас и что их надо изгнать, потому что их пребывание незаконно и вредно, так как они мешают дальнейшему преуспеянию в духовной жизни. И вооружитесь против них. Не робейте. Дело это очень просто: два-три приема — и все тут (9, с. 191–192).

49. О борьбе со страстями

Страсти в нас, но самостоятельности в нас не имеют. Разум, например, есть существенная часть души, и его никак отнять нельзя, не уничтожив души. А страсти не таковы. Они привзошли в естество наше и выгнаны из него быть могут, не мешая человеку быть человеком, а, напротив, быв изгнаны, оставляют человека настоящим человеком, тогда как присутствием своим портят его и делают из него лицо, во многих случаях худшее животных. Когда они владеют человеком и человек любит их, то они так сродняются с естеством человеческим, что, когда действует по ним человек, кажется, будто он действует от своего естества. Кажется так потому, что человек, подчинившись им, действует по ним самоохотно и даже убежден бывает, что иначе нельзя: природа.

Все они (страсти) исходят из самоугодия, самости, самолюбия и на них держатся.

Коль же скоро, отвергнувшись себя, человек воодушевляется решимостью Единому Богу угождать, то в этом самом акте духовном страсти все теряют свою опору, становятся вне сознания и произволения, которыми прежде владели. Потеряв же опору, они уже лишаются прежней определяющей силы, по коей человек влекся вслед их, как ослик на обрывочке за хозяином. Прежде, как только покажется страстное побуждение, тотчас человек всеми силами своими устремлялся на удовлетворение его, а теперь уже не то. Показываться они и теперь показываются, но вместо того, чтобы бросаться поскорее угодить им, человек дает им отпор и прогоняет с глаз своих.

Вот что теперь и в вас есть после того, как вы с таким жаром положили работать Господу, не жалея себя. Страсти, правда, не успели еще дотолле разрастись в вас и окрепнуть; но все они были, и вы действовали по ним, не сознавая, что идете против себя, и даже величаясь подчас своим, например, благородным негодованием или своею благородною гордостью, тогда как и в благородном виде они так же неблагородны, как и во всяком другом. Были они прежде и без вашего почти сознания овладевали иногда вами, будут они и теперь показываться, но овладевать вами не должны. Я бы сказал: не будут, потому что теперь тою решимостью вашею всякая власть их пресечена — пресечена вместе с тем, как вы положили *не жалеть себя* для

Бога. Но не знаю, как пойдет у вас дело сие, ибо не положить только надо, но и исполнять — исполнять постоянно, без уступки. Самосожаление так льстиво, страсти принимают иногда такую благовидность, что очень недивно, если вы опять по-старому будете работать страстям, хоть и не так ясно сознавая сие и замечая.

Видите из сего, что, несмотря на то, что вы уже решились Богу Единому угождать и уяснили себе достаточно, чего требует от вас воля Божия, святая и совершенная, вам предлежит строго держаться следующих правил: *блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри; искупующе время, яко дни лукави суть** (Еф. 5, 15–16). Эти дни лукавые суть лукавое время, лукавое состояние и положение, в коем находимся по причине лукавующих в нас страстей. *Трезвитесь и бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8), *блюдите, и молитесь* (Мк. 13, 33).

Над чем же это бдеть и чего блюстись? Зорко смотрите, чтобы не подкралась какая-нибудь страсть, и блюдитесь, как бы она не обманула вас и не заставила сделать что-либо в угоду ей — большое или маленькое. Хоть вы и незаметно пойдете на страстное и не нарочно сделаете что по нему, но все это будет дело дурное, в угоду врагу сделанное, а не Богу.

Надо так устроиться, чтобы враг ничем не поживился около вас, даже самомалейшим. А для сего бдеть, бодрствовать, трезвиться и блюсти.

* смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы.

Все эти действия означают одно: смотреть, как бы не подкрался враг. Бдеть и бодрствовать — значит не спать, не предаваться нерадению, но держать и душу, и тело в напряжении. Трезвиться — значит не прилагать сердца своего ни к чему, кроме Бога. Это прилепление делает душу пьяною, и она начинает делать не знать что. Блюсти — значит строго смотреть, чтобы в сердце не показалось что-либо недоброе. Когда будете вы, держа силы свои в напряжении и не прилагая ни к чему сердца, зорко смотреть за всем происходящим внутри, то вы будете настоящим образом исполнять приведенные выше Господние и апостольские предписания — будете стоять на страже.

Это первое в борьбе со страстями. Коль скоро просмотрен и пропущен враг, то уж тут жди или раны, или совсем поражения. Враг же замеченный не страшен. Только пригрози — и побежит. Такова уж уловка наших духовных врагов, что, как только увидят, что они открыты, сейчас утекают, хоть это, конечно, не всегда бывает. Есть и тут озорники такие, что, ни на что несмотря, все лезут и лезут (9, с. 192–195).

Положим, что вы сторожите за своим сердцем. Усторожите ли?

Во-первых, скажу, что вы имеете возможность усторожить. Когда темно, и большой вещи не заметишь, а когда светло, то и маленькая сама собою бросается в глаза. В душе темно, пока она не обращается к Богу, а живет в самоугодии; когда же обратится к Богу, то в нее входит свет, и мысль о Боге, как солнышко,

все в ней освещает. Кто живет в самоугодии, тому нечего и говорить: смотри, как бы не прокралась какая-либо страсть, потому что самоугодие есть притон всех страстей: оно и принимает их, и прикрывает, и оправдывает, и угодное им творит без поперечения. А кто к Богу обратился и, отвергшись себя, Богу угождать положил, тот уже по сему самому видит, что не угодно Богу, и тотчас замечает это. Не угодно же Богу все страстное, потому что страсти все противны заповедям Божиим, которые одни угодны Богу, яко волю Его выражающие. Вот и вы положили, не жалея себя, угождать Богу, и тем разогнали тьму душевную и восприяли освещение в духе. Если исполняете то, что вам писано о памяти Божией, то в вас и солнце духовное светит. Стало, вам очень возможно усмотреть, если что подойдет к вам страстное.

Во-вторых, скажу, что вы и приготовились к тому. Когда пред Исповедью вы пересматривали себя и уясняли достодолжный для вас образ действия на будущее, то в этом действии вы наметили и чего избегать должно. Чего избегать должно — это и есть область страстей, всегда противящихся тому, что делать должно. Надо смиренным быть, а страсть научает гордости и тщеславию; надо кротким быть, а страсть заставляет сердчать и гневаться; надо радоваться благополучию других, а страсть возбуждает зависть; надо прощать обиду, а страсть возжигает месть. Так и всему достодолжному противится свое страстное чувство и движение. Все это вами уяснено для

себя и скреплено решимостию и обетом должное одно делать, а недолжное, т.е. страстное, все отвергать. Я и говорю, что по сему самому вы готовы не сторожить только за собою, но и усторожить — заметить всякую подкрадывающуюся страсть (9, с. 195–196).

Разве только вот почему неудачно будет ваше сторожение за собою, что страсть не всегда подходит в грубом своем виде, а нередко представляется в такой благовидности, что и не догадаешься, что это страсть, а подумаешь, что это нечто доброе. Гнев, например, когда воспламенится, всякому видно, что это страсть. Но он не всегда является в своем грубом виде, а нередко приходит и в виде благородного негодования. Так и всякая страсть имеет обычай облекаться в благовидность и рисоваться, яко благородною. Вы — благородная и очень удобно можете быть уловляемы на эту удочку. Смотрите же! Надо отвергать все страстное в сама-лейших его проявлениях и в тончайших его чертах. Отвергать?! Следовательно, замечать и не пропускать внутрь.

Но как же быть-то? Ведь прокрадется под прикрытием такой благовидности! Во-первых, если вы вседушно обратились к Богу и всецело Ему себя предали, то Он никогда не оставит вас без вразумления. Ангел Его — Хранитель ваш всегда вложит вам мысль предостерегательную. Внимайте себе и прислушивайтесь к гласу, обличающему недолжное.

Во-вторых, когда начнете борьбу со страстями, — да вы уже и начали ее, — то начнет у вас или уже и

начала образовываться опытность духовная — умение сразу отличать правое от неправого. Положите только отнюдь не пропускать ничего, сознанного страстным, в каком бы малом и располагающем к снисхождению виде оно ни являлось. Если будете так поступать без жалости, то опытность ваша скоро возрастет. Св. Павел поминает в одном месте *о чувствах, обученных в рассуждении добра же и зла* (см. Евр. 5, 14). Вот это и у вас образуется. Как вкус различает яства, так сердце, обученное чувством своим, будет сказывать, что хорошо и что нехорошо. Скажете: пока-то обучишься, а тут страстное все будет проскользнуть да проскользнуть. Правда, что так бывает, — и с вами будет. Но ведь вы уж, конечно, никакой страсти не допустите в ее грубом виде. На этом и стойте крепко. А если что страстное прокрадется воровски, за то Бог не взыщет. Он взыскивает только за то, что из страстного сознательно пропускается, а что проскользает незаметно, за то не взыскивает. Что страстное незаметно пропущено, а потом сознано, что сему не следовало быть, очищайте то покаянием пред Господом и вместе рассматривайте, как оно прокралось, и принимайте меры на будущее. И чрез это будете научиться, как управляться с страстями и со всем страстным.

Но есть один прием, которого если держаться со всем вниманием, то редко что страстное проскользнет незамеченным, именно: обсуждать свои мысли и чувства, к чему они клонят, к угождению ли Богу или к самоугодию. Это определять совсем

не трудно. Только внимайте себе. Ведайте, что коль скоро вы делаете что наперекор самоугодию, то тут ошибки нет. Один старец говорил своему ученику: «Смотри не держи у себя изменника». «Кто такой изменник?» — спросил ученик. «Самоудие», — отвечал старец. И точно. Оно всем бедам вина. Если разберете, то увидите, что все допущенное худое от него произошло. Следовательно, если пойдете наперекор ему с решительностью неуступчивою, то, наверно, ничего недолжного не допустите (9, с. 195–198).

50. Должно изгонять и малейшее движение страстей

Выгоды вашего положения в отношении к страстям.

Вы мало жили и не успели еще глубоко остраститься. Страсти хоть все есть в вас, но они еще как малолетние дети: слабы и разве только докучливы. В этом большая для вас выгода; потому что для вас во многих-многих случаях достаточно только заметить страстное, чтобы отвернуться от него или прогнать его. Не так, как у тех, которые долго жили и много удовлетворяли страстям. Там они рыкают, как львы, и бросаются на восстающего против них с ожесточением. Но есть в этом и немалая невыгода — именно та, что ради легкости страстных помыслов, чувств и движений вы можете равнодушно к ним относиться, думая: не великое дело, пройдет само собою, за всякою мелочью не нагоняешься! Это помышление, столь у вас естественное, опасно. Так действовать — значит оставлять страстные чувства

и движения на их волю расти и крепнуть. Они будут крепнуть и из маленьких сделаются большими. Тогда они уж не станут обращаться вспяť от одного неблаговолительного взора вашего (9, с. 198–199).

Отсюда извольте вывести такое заключение, что в каком бы малом и слабом виде ни показывалось страстное, к нему должно относиться как к самому большому и сильному. Когда пьете воду, то вынимаете и малейшую попавшую туда мушку; когда занозите палец, то, будь заноза едва видна по малости, вы спешите избавиться от беспокойства, ею причиняемого; когда попадет в глаз порошок самонаименьшая и мутит глаз, вы поднимаете большие хлопоты, чтобы поскорее очистить от нее глаз. Так положите себе законом действовать и в отношении к страстям: в каком бы маленьком виде они ни появились, спешите выгонять их, и так безжалостно, чтобы и следа их не оставалось.

Как выгонять? Неприязненным к ним движением гнева, или рассерчением на них. Как только заметите страстное, поскорее постарайтесь возбудить в себе серчанье на него. Сие серчанье есть решительное отвержение страстного. Страстное не может иначе держаться, как сочувствием к нему; а серчаньем истребляется всякое сочувствие страстного и отходит или отпадает при первом его появлении. И вот только где позволителен и благопотребен гнев. У всех святых отцов нахожу, что гнев на то и дан, чтобы им вооружаться на страстные и грешные движения сердца и прогонять их им. Сюда же

относят они слова пророка Давида: *гневайтесь и не согрешайте* (Пс. 4, 5), повторенные потом и святым апостолом Павлом (см. Еф. 4, 26). Гневайтесь на страсть и не будете согрешать, потому что, когда гневом прогнана страсть, всякий повод ко греху сим пресекается.

Вооружитесь же так на страсти. Гнев на страсти у вас должен быть вкоренен с той минуты, как вы положили всеусердно работать Господу, творя благоугодное пред Ним. Тут у вас заключен союз с Богом на вечные веки. Сущность же союза такова: твои друзья — мои друзья, твои враги — мои враги. А страсти что суть Богу? Враги. Во всем Слове Божиим объявляется полное к ним неблаговоление Божие. Гордым Бог противится; сребролюбие — идолослужение; человекоугодников *рассыла кости Бог* и пр. и пр. Потому апостол и предписал христианам о страстях: *ниже да именуются в вас** (Еф. 5, 3). Так вот, по порядку, гневу на страсти следует воспламениться в вас, как только они покажутся. Но по причине нашего повреждения не всегда бывает так. Почему гнев на страсти требует особого свободного, намеренно на них направленного, неприязненного действия, усилия, напряжения.

Чтобы успеть в этом, надлежит вслед за тем, как замечено в себе страстное, поспешить сознать и признать в нем врага себе и Богу. Почему поспешить нужно? Потому что с первого раза появление страстного всегда вызывает к нему сочувствие.

* не должны даже именоваться у вас.

Ибо самоугодие долго еще скрытно живет в нас и после того, как мы явно отвергли себя и Богу себя предали и не хотим ни на йоту нарушать сего решения. Этим скрытным самоугодием, или самостию, всегда благосклонно встречаемо бывает страстное, каковая благосклонность и выражается большим или меньшим сочувствием к нему. Так вот и надобно сочувствие это отбить и гнев возбудить. То и другое посредствуется и способствуется сознанием и признанием врага в показавшемся в страстном помысле или движении, как бы они льстивы ни были. Коль скоро вражество страсти сознано, рассерчать на нее уж несколько не мудрено. Рассерчение это возникает само собою.

Для сознания в страстном врага не требуется большая головоломная работа. Довольно восстановить убеждение, что ко всему страстному не благоволит Бог; не благоволит потому и ко всем, которые принимают и лелеют в себе страстное. Стало быть, страстное Бога против нас восставляет и нас от Него отбивает. А в этом конечная пагуба наша. Помышления сии и убеждения в одно мгновение у внимательного воссиявают в сознании и тотчас отзываются в сердце неприязню к страстному, серчанием и гневом на него. А барахтаться со страстным, придумывая разные против него обвинительные пункты, не барахтайтесь. Успех от этого очень сомнителен. Между тем пока вы переберете все обвинительные пункты, подсудимый — страсть — сидит тут же, хоть на скамье подсудимых, и все еще держит-

ся за своего адвоката — сочувствие. А это значит держать в себе произвольно нечистоту, что опасно. Нет уж, положите без всяких рассуждений: как только заметите в себе что страстное, тотчас сознать в нем врага и рассерчать на него (9, с. 199–202).

51. Разные степени развития страсти: страстные мысли, чувства, желания и действия. Борьба с ними

Что страстное показывается в нас, в этом еще не неизбежная беда. Это означает, что мы нечисты, но не делает нас виновными. Виновность наша начинается с того, как мы благосклонно отнесемся к замеченному страстному, т.е. не поспешим сознать в нем врага и не вооружимся против него гневом, а, напротив, примем его и станем любоваться им, услаждаясь тем движением, в котором оно явилось. Это будет показывать уже, что мы не прочь быть приятелями страстному — и, следовательно, неприятелями Богу. Ибо всякое *мудрование плотское* — страстное — *вражда на Бога есть** (Рим. 8, 7).

Где начинается произвол, там начинается и виновность, которая и растет по мере углубления в страстное (9, с. 202).

Обычное наше состояние таково: мысли блуждают туда и сюда, чувства и желания хоть и колышутся, но без определенного направления. Так бывает сплошь и рядом. Иногда целые дни проходят так. Мысли эти

* плотские помышления суть вражда против Бога.

бывают большею частью суетные, прикрепляющиеся к текущим житейским делам и подручным занятиям. Между ними часто проторгается пустомыслие или мечтание не знать о чем. И пустые и суетные мысли толпятся большею частью на поверхности души. Как укрощать и упорядочивать эту смятенность мыслей, мешающую памятовать о Боге и вещах Божеских, не раз уже вам толковано (9, с. 202–203).

Но вот смотрите: один предмет особенным неким образом стал между другими и требует внимания. Заметьте этот моментик: стал и требует внимания. И никогда не пропускайте его без внимания. Сейчас делайте допрос: кто он, откуда и чего хочет? Ответы на это вы сами тотчас же найдете, взглянув только на то, что представилось. Положим, это лицо человека, вас когда-то оскорбившего. Очевидно, что кто-то желает, заняв ваше внимание этим лицом и делом его, довести вас до негодования, рассерчения и даже желания отмстить. Так это и будет, если не примете должных мер. Какие меры принять, чтоб прогнать это представление? К чему оно хочет довести вас — есть худое состояние. Следовательно, он ваш враг. Относитесь же к нему и вы вражески, т.е. проводите его не с честью — тем приемом, о котором было говорено прошлый раз, именно — гневным отвержением.

Если вы это сделаете, то тем совершенно расстроите уловку или сеть врага. Но если вы остановите внимание на представившемся лице, то оно, сначала голое и единичное, окружится множеством других мыс-

лей и образов, которые нарисуют в вашем воображении очень яркую картину, как это лицо оскорбило вас, со всеми соприкосновенностями того случая. Вместе с этим восстанет в сердце и прежнее чувство оскорбления, негодования и рассерчения. Страстный предмет или помысл о нем породил страстное чувство. Страстное вошло глубже. Если опомнитесь и сознаете, что делаете худо, позволяя себе разгораться страстию, то, конечно, и в этом увидите врага и отнесетесь к тому вражески, изгнав дурное чувство из сердца и прогнав из мыслей самый предмет, породивший его. Смятение пройдет, и мир душевный восстановится (9, с. 203–204).

Но если вы этого не сделаете, то к восставшему уже страстному чувству подойдут и другие и растравят его. Начнут вам толковать: да как он смел? И что он за великая персона? Я сама не хуже его. Нет, этого нельзя так оставить. И не знаю, как я тогда пропустила. Если этак всем спускать, то и жить нельзя. Надо непременно ему доказать, что так поступать он не может безнаказанно. И се желание отмстить, большим или маленьким мщением, — все одно — у вас готово. Страстное вошло еще глубже. Это уже третья стадия. Если опомнитесь и здесь, можете отогнать и желание. Ибо желание еще не означает решимости. Оно в одну минуту пришло, а в другую может отойти. Поступите так — добре сделаете; не поступите — остращение ваше пойдет дальше.

Заметьте: мысль породила чувство, мысль с чувством породили

желание. Душа полна страстию. Но все это еще мысленные нечистоты и грешности. До дела еще далеко. Между желанием и делом всегда стоит решимость на дело с обдумыванием, как его произвести. Как обдумывается решимость, не всегда видно. Она в слабом виде есть уже в желании; потом растет вместе с обдумыванием дела, т.е. подбором средств и установлением способов и обстоятельств. Когда все обдумано, завершается и решимость. Тогда дело внутри уже совершено. Пред лицом Бога и совести грех уже сделан: заповеди презрены, совесть попрана. От пожелания до решимости с обдумыванием дела иногда проходит немало времени. Находит страх Божий, припоминаются и заповеди, и совесть не молчит. Но все их спасительные внушения отвергаются с презорством. Потому в решимости есть уже преступление и грех. Мысль, чувство и желание, хоть всю душу уже заняли, но как будто все еще происходит на поверхности души. Склона к греху еще нет, а есть только позыв на него. Склон начинается с того момента, как душа начнет обдумывать, можно ли и как сделать удовлетворение страсти. Тут душа вступает уже на путь греха.

Когда образовалась решимость, свобода связана, душа чувствует себя будто в необходимости непременно сделать задуманное. Но необходимости на это нет никакой. Это какой-то самообман внутренний происходит. Решенное может остаться неисполненным по внезапно встреченным препятствиям. Может быть оставлено и потому, что совершить его раз-

думает человек сам по каким-либо соображениям или по совести и страху Божию, если им придется восстать во всеоружии силы своей.

Наконец, все уладилось — и дело сделано. Вы отместили, как задумали. Страсть удовлетворена, грех окончательно сделан. Что же тут прибавилось к созревшей прежде решимости? Будто ничего, ибо тут только выполнялся обдуманый уже план. Так кажется; но, в существе дела, преступность тут возрастает до последней степени.

Первое. Страх Божий и совесть доселе были только отклоняемы и неуважаемы, а теперь они поправлены. Доселе дело походило на то, как мать уговаривает сына не делать худо, а он отводит ее рукою или сам убегает от нее, а теперь похоже на то, как сын на уговоры матери бьет ее в грудь или в лицо.

Второе. Теперь дело внутреннее введено в течение внешних событий и должно сопровождаться своими последствиями, тоже внешними — бытовыми. Его не вычеркнешь пером или отрицательным словом из круга событий. Оно тут останется навсегда и будет всегда прикреплено к сделавшему его лицу, заставляя его вкушать и плоды свои.

Третье. Отходит благодать Божия, и человек из области Божией вступает в область врага Божия и своего. Он поник долу, обременен, чувствует себя подавляемым некоею тяжестью. Над ним исполняется притча: возвращается бес с седмью другими. Мрак, беспокойство, тягота — се награда удовлетворенной страсти — всякой. И се диво! Пока

делом не удовлетворена страсть, от удовлетворения ее чается рай: *будете яко божи**. Но как только удовлетворяется, прелесть спадет с очей, призрак рассеивается и оставляет одну пустоту, тугу, расстройство и тяготу: видит, что наг. Отмстил врагу — радоваться бы, как чаялось, а выходит совсем другое.

Видите, какая дорога остращения себя какою-либо страстию и падения в грех вследствие того (9, с. 204–206).

Мысль, чувство и пожелание страстные иногда в одно мгновение пробегают по душе, не давая опомниться. В этом случае они не делают нас виновными, коль скоро, опомнившись при возникновении хоть уже пожелания, прогоним их неприязненным рассерчением на них. Виновность наша и в помысле, и в чувстве, и в пожелании зависит от нашего промедления на них, после того как заметим их и не прогоним, а остановимся на них. Прогони мысль — чувства или сочувствия не будет. Прогони чувство с помыслом — желания не будет. Прогони желание — не будет опасности начать и склон на страстное. Если, заметив страстный помысл, вы остановитесь на нем произвольно вниманием, вы виновны: зачем занялись тем, о ком знаете, что он враг Божий и вам? Но если внимание невольно прикуется к помыслу, вы не виновны, если тотчас же начнете внимание от него отклонять и его прогонять. Если, вследствие произвольного вашего внимания к страстному помыслу, породится в вас страстное чувство, то виновность ва-

ша увеличивается немного. Но если, заметив порождение чувства страстного, вы будете продолжать заниматься страстным помыслом и, следовательно, произвольно раздувать чувство, то вина ваша увеличится в два раза против прежнего. Если, заметив страстное чувство, вы вострепнетесь и отгоните его вместе с помыслом, то вы виноваты только в том будете, что занялись произвольно страстным помыслом, в чувстве же не виновны, ибо они невольно рождаются под действием помыслов. Если под действием страстного помысла и чувства, произвольно допущенных, родится в вас пожелание страстного дела (например, отмстить), то этим тоже виновность ваша немного увеличивается, ибо от мысли и чувства невольно порождается пожелание. Вина на вас остается прежняя: зачем занялись страстным предметом и, когда оттого родилось чувство страстное, зачем позволили длиться в вас чувству и породившему его помыслу, т.е. вина двойная. Но если вы, заметив страстное пожелание, позволите ему медлить в себе, а не вооружитесь тотчас против него, то ваша виновность возрастает и еще на одну степень — будет тройная (9, с. 206–208).

На чем застанете в себе движение страстного, оттоле и гоните его. Законом положите: ни помыслу, ни чувству, ни пожеланию страстному произвольно не поблажать, а гнать их полною ненавистию тотчас, как только заметите. И будете вы всегда невинны и пред Богом, и пред своею совестью. Будет в вас нечистота страстей, но и невинность.

* будете, как боги (Быт. 3, 5)

Вы будете исполнять дело белильничье (прачечное), трудясь усердно над убелением души своей (9, с. 208).

52. Выдержка из преподобного Исихия о борьбе со страстями

«Подвизающийся внутренно всякую минуту должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву.

Смирение: поелику сопротивники его в брани суть гордые демоны, ибо Господь ненавидит гордых.

Внимание: чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался.

Противоречие: дабы, как скоро усмотрит пришедший (помысл), тотчас с гневом отразить лукавого.

Молитву: дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу воздыханием неизглаголаным. И тогда сей подвижник увидит врага связанного или гонимого поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром, или как дым исчезающего с мечтанием своим» (п. 20) (9, с. 214).

«В мысленной брани должно действовать так, как действуют на (обыкновенной) войне.

Во-первых, потребно внимание; во-вторых, когда заметим, что враг придвинул помысл, должно поразить его проклятием с гневом в сердце; в-третьих, надобно помолиться против него, призывая в сердце Иисуса Христа, дабы демонский призрак тотчас исчез, чтобы ум не пошел за мечтанием, как дитя, прельщаемое каким-нибудь искусником (фокусником, фигляром)» (п. 105).

«Если ты в сердце своем всегда обращаешься со смиренномудрием, с памятованием о смерти, с самоосуждением, с противоречием помыслам и с призыванием имени Иисуса Христа и с сими орудиями ежедневно продолжаешь трезвенно узкий, радостотворный и приятный путь мысленный, то войдешь во святые созерцания святых и просветишься глубокими тайнами от Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения, в Котором обитает вся полнота Божества телесно (Кол. 2, 3, 9). Ибо ты ощутишь во Иисусе, что на душу твою низшел Дух Святой, Который светит уму, чтобы он мог смотреть откровенным лицом. *Никто*, говорит апостол, *не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Конечно, сим он утверждает таинственно ищущего» (п. 29)» (9, с. 215).

«Великий законодатель Моисей или, лучше, Дух Святой устами его, говорит: “Внимай себе, да не будет в сердце твоём тайного слова незаконного”^{*} (Втор. 15, 9). Тайным словом называет он одно мысленное представление чего-нибудь худого (страстного), ненавидимого Богом, что также отцы называют прилогом, наводимым на сердце от диавола, за которым, коль скоро он является уму, тотчас устремляются наши мысли и страстно с ним сообщаются» (п. 2).

«Внимание есть непрестанное сердечное от всякого помысла безмол-

^{*} берегись, чтобы не вошла в сердце твое незаконная мысль.

вие, в котором душа Единым Иисусом Христом Сыном Божиим и Богом всегда непрерывно и непрестанно дышит и Его призывает; мужественно с Ним ополчается на врагов; Ему, имеющему власть отпущать грехи, исповедуется; часто тайным призыванием объемлет Христа, Единого ведающего сердца» (п. 5).

«Трезвение есть твердое водружение помысла и его стояние у дверей сердца, так что он видит подкрадывающиеся помыслы и уразумевает, какой образ покушаются начертать и напечатлеть в уме демоны, чтоб прельстить им чрез воображение» (п. 6).

«Мысль, стоящая (в сердце) и призывающая Христа на врагов, и прибегающая к Нему, подобна некоему зверю, окруженному множеством псов и защищающемуся в твердыне. Она издали умственно усматривает умственные засады невидимых врагов и, непрестанно моля против них миротворца Иисуса, пребывает невреждимою от них» (п. 8).

«Не имеющий молитвы, чистой от помыслов, не имеет оружия на брань. Молитву разумею я непрестанно совершаемую во внутренности души, дабы скрытно ратующий враг призыванием Христа был поражаем и опаляем. Ибо ты должен и острым и напряженным оком ума смотреть, чтобы узнавать входящих, узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия и в то же время со стенанием взывать ко Христу: тогда опытом дознаешь Божию невидимую помощь; тогда ясно увидишь правое состояние сердца» (п. 21, 22).

«Итак, да дерзает душа о Христе, да призывает Его и да не страшится нисколько: она не одна воюет, но вместе с страшным Царем, Иисусом Христом, Творцом всего сущего, телесного и бестелесного, видимого и невидимого» (п. 40).

...Эти выписки сделал я для того, чтобы обновить в вашей памяти, что уже так давно толкую вам о памяти Божией и внутренней брани со страстями. Ведайте, что в этом вся суть труда над содеянием спасения (9, с. 216–217).

Прочитав это, не скажите в себе: да что же я, пустыница, чтобы мне соблюдать такие правила?! Не вы одни, а очень и очень многие так говорят, только не из числа тех, которые как должно принялись за труд содеяния своего спасения. Взявшись за сей труд не могут так говорить. Так и вы, если хотите жить в духе, в чем и состоит содеяние спасения, должны неотложно поступать так, как прописано. А если хотите жить спустя рукава, то, конечно, все это к вам не подходит. Я и начал писать об этом, поверив, что ваше решение Господу принадлежать было искренне. Ибо у кого такое решение искренне, тому не миновать прописанного пути. Он может много трудиться и делать разные обходы, но, пока не упадет на эту тропу, толку не будет. Я и указываю вам ее прямо, чтобы вам не плутать по сторонам. Беритесь усерднее — и скоро увидите успех. Но все труд надо; без труда ничего не бывает.

Не допускайте же такого суемудрия. В пустыне кто живет или в монастыре или в миру содевает свое

спасение — всякому неотложный закон очистить сердце свое от страстей; очистить же он его иначе не может, как описанным способом. Не отказывайтесь же и не упирайтесь ногами (9, с. 217–218).

53. Как поступать, если и при борьбе со страстями проторгаются в нас страстные мысли и желания. Очищение сердца

Полагаю, что вы взяли за дело как должно и усердно напрягаетесь памятовать всегда о Господе, внимать сердцу своему и всякое неpravое в нем движение преследуете неприязненным отвержением, обращаясь в то же время молитвенно к Господу о помощи. Но вместе с сим никак не могу полагать, что как только взяли — тут и успех полный: и мысли у вас все чисты, и чувства, и желания святы. Потому что так ни у кого не бывает. Будут умиротворяться помыслы, будут все более и более редкими становиться страстные движения чувств и пожеланий. Но все же они будут прорываться — и иногда с большою силою.

Прорвались — выгоните; опять прорвутся — опять выгоните. Но это уж положено. Теперь я хочу только сказать вам, как должно вам отнестись к сим проторжениям по суду совести. Отнестись ли равнодушно или поскорбеть о том, что так бывает, и каяться в том Господу? Нельзя равнодушно относиться к сим проторжениям, а по прогнании их всякий раз надо поболеть и покаяться пред Господом, что так было. Даже и тогда как мысли, чувства, желания страстные проторгаются вдруг, без

всякого участия произволения все же они означают, что сердце нечисто и из него исходят помышления злые (см. Мф. 15, 19). А вы обязаны иметь сердце чистое. Вот и жалейте, что сердце нечисто, и кайтесь Господу в сей нечистоте, обещая трудиться над очищением его и моля Его о помощи в сем. Но ведь на деле редко не примешивается сюда и произволение. Вы по невниманию дали страстному помыслу место, и он успел породить страстное чувство: виноваты, зачем не внимали? По тому же невниманию, а то и по сласти чувства, вы не поспешили вооружиться против него и прогнать — и оно успело породить страстное пожелание: вы виноваты, зачем тотчас не вооружились, а допустили соуслаждение греховным и страстным? Чтобы пожеланию вы пустили породить склонение на дело, я этого в вас не допускаю, но всяко вы можете допустить длительность пожелания и не тотчас вооружиться против него. А это и еще более делает вас виновною. Таким образом, дурной помысл попущен — вина; допущено породиться от него дурному чувству — другая; из дурного чувства попущено родиться дурному пожеланию — третья; дурному пожеланию дозволено промедлить — четвертая. Вот сколько виновностей!

И не извольте себя замаскировывать, прикрываясь листвию смоковничным, и укрываться в кусты от Господа, подходящего к вам в совести и обличающего. Вините себя скорее кругом и просите прощения, не слагая вины ни на кого. Рассерчали, например, на горничную — и

тем паче, если наговорили ей и острых слов, — не слагайте вины на горничную. Пусть горничная сплочвала, но тут не об ней дело, а о том, зачем вы рассерчали. Разве нельзя было без сердчания поправить ошибку? Да хоть бы и нельзя было поправить — все вообще можно улаживать без сердчания. Тут сердчание проторглось, там — осуждение, там — завистование, там — тщеславие. На все это, конечно, были поводы совне. Но не поводы виноваты, а виноваты вы, зачем допустили такие дурные чувства. И извольте, не прикрываясь, прямо винить себя пред Господом и просить прощения. Это делайте всякий раз, как, заметив дурноту, прогоните ее. Покаянием этим и сокрушением помиритесь с Господом и совестью — и будете покойно опять воззреть ко Господу. А если не покаетесь, воззреть так не можете — это же будет для вас тяжело и опасно.

До вечера не оставляйте не очищенными покаянием таких проторжений страстных, а тотчас очищайте их, как только прогоните, именем Господа. Целый день и пройдет у вас — все в покаянии, потому что проторжения эти вначале будут у вас нередки. А вечером, пред тем как молиться, своим чередом опять пересмотрите все страстные проторжения, опять пожалейте о том с сокрушением и покайтесь. В сем дело повседневного покаяния.

Вот вам на это опять урок преподобного Исихия. «Ежедневные наши дела мы должны ежечасно взвешивать внимательно и, сколько можно, облегчать непременно тяжесть их ве-

чером чрез покаяние, если хотим с помощью Иисуса преодолеть страсти. Надобно также смотреть, по воле ли Божией, пред Богом ли и для одного ли Бога совершаем все наши видимые дела, дабы чувства (страстные) не окрадывали вас, как неразумных» (п. 124) (9, с. 218–221).

Если будете действовать по прописанному с безжалостною к себе решительностию, скоро увидите плод: умиротворится сердце ваше и воссияет в нем радость о Господе. Отчего бывает немирно сердце? Оттого, что его гложут страсти. Побейте страсти — и оно восприимет покой. Один из отцов уподобляет сердце норе, полной змей. Змеи эти — страсти. Когда показывается что страстное из сердца, это то же, что змея голову высовывает из норы. Бей ее по голове именем Господа, и она спрячется. Другая покажется — бей и ее. И всякую бей. Раз десяток придется так нанести удар такой змее — страсти, забудет высовываться, а то и совсем околеет. Всяко, если завалить нору или не давать пищи змеям, они перемрут. Так и страсти замрут, если не давать им пищи сочувствием к их внушениям, а, напротив, с гневом отрывать их, как только появятся.

Се вам кратчайший путь к очищению сердца от страстей. Если возлюбили вы чистоту сию, теките к ней сим путем, ибо другого нет. Не согласитесь так действовать — страсти останутся в сердце. Вы можете исправить свое поведение и сделать его безукоризненным и без этого, но сердце останется страстным и не даст вам узреть Господа. Не забывайте юродивых дев (9, с. 221)!

54. Блюдение слуха и зрения. Как уничтожить худые впечатления видимого и слышимого

Страстные мысли, а за ними чувства и пожелания такие же иногда сами собою, не зная как возникают в душе. Но большею частью они порождаются под действием внешних впечатлений. Встречаемые вещи, лица и события, по роду своему, возбуждают и мысли во встречающем. От добрых рождаются добрые мысли, от худых — худые. Но может случиться и наоборот: при добрых породятся худые мысли, а при худых — добрые. Все зависит от постоянного или случайного настроения встречающего. Следовательно, и ответ лежит весь на нем. Как же быть?

Первое. Не давать воли своим чувствам, особенно глазам и ушам. Не позволяйте без разбора все видеть, все слышать и всего касаться. Чувства наши похожи на окна или двери, а более на черпало. Кто отворяет окна и впускает дурной воздух, худо делает. Кто отворяет двери и позволяет входить в свое жилие всякой скотине, не может быть свободен от укора. Но что бы вы сказали о том, кто, взяв черпало, чашку или кружку ходил бы по грязным и нечистым лужам, черпал в них и себя тем обдавал? Бестолковее этого что можно придумать? Но не это ли самое делает тот, кто с любопытством останавливается пред нехорошим и слушает недобрые речи?! Нахватается чрез это недобрых помыслов; от них перейдет к недобрым чувствам и пожеланиям — и ходит весь остраченный, как в каком тумане. Итак, благоразумие и долг самоохранения

(внутреннего покоя) требуют не на все смотреть, не все слушать и не всего касаться из невольно встречаемого. Мало-мало покажется что могущим расшевелить страсти надо отвращать от того очи, затыкать пред тем уши или видя не видать и слыша не слышать.

Второе. Случилось, что от чего-либо произойдет худое впечатление и породит худые мысли. Надо тотчас спешить изгладить впечатление и пресечь мысли способом, показанным прежде, — конечно, прекратив наперед приток впечатлений. Оставаться под дурным впечатлением или оставлять изглаживание его и восстановление душевного мира до другого времени неразумно. Оставаясь под впечатлением, самоохотно будем способствовать расположению худых мыслей и чувств; а оставляя надолго в себе сие дурное, даем ему возможность глубже укорениться и потом долгие сопротивляться изгнанию и очищению, если не совсем завладеть душою.

Третье. Однажды испытавши дурное от чего-либо впечатление, не надо произвольно позволять себе встречаться опять с предметами, произведшими его. Это будет означать, что поступающий так любит услаждаться дурным и, следовательно, нечист до глубины сердца. Если же нужда какая заставит повстречаться с ним, надо наперед вооружиться и подготовить сердце свое устоять против дурного впечатления и не допустить его до себя. Внимание, усиленное самопротивление и молитва дадут к тому возможность.

Четвертое. Я писал уже вам о том, чтобы вы все встречаемое вами и могущее вам встретиться перетолковывали в духовном смысле. Это надобно сделать и в отношении к предметам недоброго значения. После сего, встречая их, вы будете воспринимать не худые, а добрые мысли; подобно тому, как св. Ефрем Сирианин, встретив разряженную красавицу нескромную, сказал ученикам: «Видите, как она заботится украшать тело свое, которое скоро будет прах, как же нам не заботиться об украшении души бессмертной?» (9, с. 222–224).

55. Наставление о деятельной борьбе со страстями

Но есть и деятельная с ними борьба, состоящая в том, чтобы намеренно предпринимать и совершать дела, прямо им противоположные. Например, чтобы подавить скупость, надо начать щедродательность; против гордости надо избрать уничижительные занятия; против страсти веселиться — домоседство и т.д. То правда, что один такой образ действия не прямо приводит к цели, потому что, терпя стеснение совне, страсть может проторгаться внутрь, или сама, или уступая место другой. Но когда с этою деятельною борьбою соединяется и внутренняя, мысленная, то они вдвоем скоро побивают всякую страсть, против которой направляются.

И вот какой я прилагаю вам совет. Постарайтесь найти свою главную страсть и против нее направьте не мысленную только, но и деятельную борьбу. Я не могу определить, что

именно у вас главное. Может быть, оно еще не определилось, но всяко, если станете поосторожнее следить за движениями сердца, оно скажется вашему вниманию. Тогда, если вам угодно будет доверить мне, вместе положим, как поскорее управиться с главною вашею немочию. Напомню еще, что есть крутые приемы этой деятельной борьбы со страстями. Обычный у нас — мироотречная жизнь в ее отрешенном виде, когда, решительно все оставив и на Господа возложив все упование, вступают в обитель, чтобы жить в послушании безропотном, в пощении строгом, в молитве трудолюбивой и трезвении бодренном. Тут ничегонеимение, своей воли отсечение и себя нежаление скоро вымолачивают из души все страстное. Затем водворяется мирное устройство сердца и чистота сердца — последняя цель мироотречной жизни. Я не гоню вас из мира. Спасетесь и в нем, если будете держать себя в отношении к нему как не суцая в нем. Я только напоминаю об этом как о порядке жизни, приспособленнейшем к делу очищения сердца от страстей (9, с. 225–226).

Еще прибавлю, что один из законов Божественного о нас Промысла есть так устроить жизнь каждого и течение случайностей в ней, чтобы он, пользуясь ими разумно, мог наискорейшим и наудобнейшим образом очистить себя от страстей. Об этом напоминаю вам потому, что когда-то вы спрашивали, зачем разны участи у людей и зачем они изменчивы, и я, кажется, не ответил вам. Так вот отвечаю, зачем. Затем, что так, как устроит Господь, удобнее

людям очищаться от страстей, или затем, что Он хочет сим образом стереть в порошок нашу каляную самость, наш упорный эгоизм, на коих держатся страсти, губящие человека.

И еще единое приложу. Страсти бейте и изнутри, и совне, а добрые стороны воспитывайте, давая им простор и упражнение. Главное тут — молитва. Об ней уже была речь. За нею следует труд добродетеля. И об этом была речь, когда вы замыслили о каких-то широких целях жизни. А вместе с сим должны идти душеспасительные чтения и беседы, и исполнение чинов церковных, и подвиги самоумерщвления — отказывать себе, когда нужно, понемногу в пище, в сне, в увеселениях и во всяких утехах самоугодия и держать себя в постоянном самопротивлении и самоприуждении. И об этом была речь.

Вот и весь курс очищения себя от страстей (9, с. 226–227).

56. О раздвоении грешного человека

Вы видели в себе раздвоение и дивитесь, как оно возможно. Оно должно быть. Сначала человек был единичен в себе. По падении пришел другой человек, противоположный первому совершенно. До обращения человека на путь правды страстный — весь составленный из страстей — человек одолевает, заглушает бесстрастного, чистого человека, но не уничтожает. Когда с помощью Божиею пробудится человек от усыпления, то начнет бороться, вырываться из когтей страстно-

го человека или вырывать себя по частям; один стоит на одной стороне, другой — на другой, и страшная у них пальба. Но сознание у человека одно, хотя внутренние движения раздвоены. Вот и непонятно, что такое: из одного сердца два противоположные голоса. Внимайте себе. И злое отрезайте, а к доброму прилегайте. Посмотрите (да вы, чай, читали) у Макария Египетского прекрасно изображено сие раздвоение. Прочитайте и еще... Что писано у ап. Павла: *вижду ин закон во удах моих, противовоющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным** (Рим. 7, 23), это и есть наше двоесоставие. Человек, сознанием и сердцем сущий на стороне страстного, страстен весь и Богу противен. Человек, сущий на стороне бесстрастного, хотя в нем есть и борют его страсти, не противен Богу ради нелюбления страстей и желания делать не по ним, а по воле Божией. Этим благим предложением сердца и решимости угождать Богу он считается невиновным в тех страстях, кои искушают его, ибо он не хочет их. Пока смолкнут, к Богу вопиять сильно нужно. На помочах ходим, а под ногами вулкан готов взорваться (11, с. 45–46).

57. О самолюбии и тщеслави

Вас хвалят. Что ж тут дивного? На безрыбье и рак рыба, как говари-

* в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного.

вал батюшка о. Парфений. Это, однако ж, очень рекомендует наше общество, что в нем есть сочувствие даже к тени добра... Между тем для вас это очень невыгодно. Капля пробивает камень частым падением. По частичке от каждой похвалы падает на червяка самолюбия и тщеславия и питает его; он растет незаметно для вас, позволяет быть и смиренным чувствам, пока не окреп. А когда созреет, все подьест зараз. Опасно! И еще что? Похвала щекочет сердце, останавливает ревность и расслабляет. Это то же, что бегущему подставить ногу. Остановка в духовной жизни есть уже движение назад. И это худо! Что же делать? Смиряться сами себя и подавляйте возношение мысли и сердца всякими смиренными о себе чувствами. Тогда же, как в уши бьют камнями сладких речей, сходите в сердце и унижайте себя всячески пред Господом и святыми Его. Какие подъяли они подвиги, чтобы угодить Господу! А у нас что? Сходим однажды в церковь, положим дома пять поклонов, прочитаем страницу спасительной книжки — и попали в святые. Куда как верно! Униженный труд телесный много помогает. Слуги — также хорошие учителя смирения. Желайте оскорблений и паче неправых; по крайней мере, встречайте их как спасительный пластырь, Господом прилагаемый на рану тщеславия. Но не думайте сами собою что-нибудь сделать. Прибегайте к Господу, смирившему Себя до рабья зрака. Он научит. Не нерадите только о сем состоянии. Похвалы замо-

розят вас, и выйдет из вас мраморное изваяние, не некрасивое наружно, но безжизненное. Избави вас, Матерь Божия, от сего! Лучше валяться в грязи и быть попираему всеми, нежели быть так (11, с. 72–73).

58. Причины появления гнева и средства борьбы с ним

Вы больны; а я понимал состояние ваше иначе, потому собирался грянуть на вас самую грозную, укорною речью за вспышку великой самости в серчании на N.N. и еще в чем-то, забыл, уж прошлое дело. Теперь вижу, что все сие есть следствие раздражительности нервов от болезни! Да укрепит вас Матерь Божия! К сведению только примите, что подобные вспышки — вещь довольно недобродетельная. Вот воистину сатана в виде Ангела светлого. По виду, кроме чувства правды, тут ничего нет. Сердце так и кипит — и готово на нож за правду, на языке только и речи, что правда, забытая, нарушенная другим. А уж этот другой, дерзнувший нарушить ее, куда как нелепым представляется нам и даже злонамеренным. И такой суд в очах наших так прав, что, если бы весь свет был присущ при нем, непременно одобрил бы его. Видите, как все светло и законно! Но так ли в существе дела? В существе дела всегда оказывается, что в основе подобного чувства нарушенной правды всегда лежит чувство оскорбленного самолюбия, унижение нашего достоинства или неотдание ему должного почтения или должной цены. Жар

ревности по правде совсем не оттого, что дорогá правда, а оттого, что кто-нибудь дерзнул нарушить сию правду в отношении к нам. Будь это в отношении к другим, еще бы сносно, т.е., может быть, сквозь зубы сказали бы: да, это неловко, — и конец; а пожалуй, извинили бы. Замечаете ли, что крик за правду только снаружи, а в середине — война за себя?! Ну, вот и видно, кто это в ангельской-то одежде! Все сие напомнил я вам про всякий случай! Душа наша — вещь мудреная. В хорошем ли она состоянии или в худом — это свидетельствуется миром или смятением. Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит. В ту пору ее надоумливает сатана и уж, конечно, не во спасение ей; а она-то, бедная, из всех сил рвется. *Гнев мужа правды Божией не соделовает** (Иак. 1, 20). Божие же все мирно, тихо, сладостно и в душе сию сладость оставляет, и вокруг разливает ее обильно, несмотря на то что иногда и бранится будто. И в этом случае есть теплота и даже жар, только совсем другого рода: умиленный, нетрескучий. Разобрал ли теперь (11, с. 91–92)?

Ваше серчание на N.N. плохой означает прогресс! Ведь и без сердца можно сказать дело. Прямо судя, вещи на свете нет, за которую следовало бы сердиться. Что дороже души и покоя ее? А серчание отнимает сей покой. Тут себе наветником бывает человек. И сам еще раздувает, уве-

личивая в душе неправды другого. Все оттого, что внимания нет к себе — вот и прорвется. В сердце глубоко лежит присвоение себе прав судить и наказывать за грехи других вместо себя. Тут все... Когда бы себя грешником видел человек с чувством всех последствий греха, не стал бы серчать. Хорошо, что от гнева вы перешли к мысли о смерти. Это дело. И не выходите мыслию из гроба. Стойте там и умоляйте Господа о помиловании (11, с. 132–133).

59. О лукавстве, скрываемом в развращенной воле человека

У вас написано: «Иной сам собою начинает отсекаать пороки, но продолжает несколько труд сей и оставляет его опять. Это исправление самодельное, без внутреннего духа жизни (с. 189). Как же это? Ужели неправда у Бога? Все же человек желал и трудился. Зачем же оставляется без поддержки?»

Не беспокойтесь! Господь никого не обидит. Стакан воды не забывается, а не только большой труд. Лишь бы то, что делается, делаемо было для Него и Ему посвящаемо сердцем. А то часто бывает так, что на вид делается будто дело Божие, а в существе это совсем другое. Сколько лукавства скрывается в развращенной воле человека! И кто в силах разгадать все его уклонения и распутия! Расскажу вам один случай, бывший в Москве в 1812 году, как мне рассказывали. Был в Москве один благочестивый человек, постник, богомолец, милостивец. Все его чтили, и все были уверены в твердости его добродетели. Но когда русские остави-

* гнев человека не творит правды Божией.

ли Москву и по вступлении в нее французов все наши порядки там расстроились и всякому было возможно жить, как хочет, то сей человек, оставшийся в Москве по каким-то причинам, предался пьянству и нечистой жизни с такою неудержимостью и бесстыдством, какие редко встречали у постоянных грешников. Единому Господу известно, что сие значит! Но я не в осуждение сему человеку (ибо многи козни у врага и велики немощи наши), а только в пояснение той мысли, какую намерен предложить вам, вот что думаю. Могло случиться, что в сердце он всегда имел позыв на такие дела и никогда сердцем не отрицался от них. Внешняя обстановка, в какой он находился прежде, удерживала его в исправном поведении. Но когда сей преграды не стало, тогда скрывавшиеся в сердце расположения выступили наружу и явили себя в соответственных делах. Сколько, может быть, есть на свете такого рода лиц! До времени все исправно, а потом все падает и является никуда не гожим. Почему? Потому что все делалось по внешним причинам, и с устранением их прекратились самые дела. У кого есть такой порядок жизни, сего никто, кроме Господа, не ведает. Всякий сам про себя разумеет, не на таком ли непрочном основании строится его исправное поведение. Но если у кого есть такого рода исправность и она потом падет, какой урон от сего благодати, когда здесь ничего не было сделано для Господа, и какая вина на пути спасенном, когда он совсем не имелся при сем в виду (11, с. 108–110)?

60. О борьбе с осуждением и дурными привычками

Не удерживаетесь от осуждения... Старайтесь навыкнуть, и навыкнете так, что будете видеть смешное и не надсмеетесь... Есть же ведь такие, которые этого не делают... люди светские. Но тут нужно различать пусторечье, или празднословие, от греха *осуждения*, в коем кроется злорадство и зложелание... Это последнее есть собственно осуждение...

«Трудно бороться с дурными привычками». Трудность не есть невозможность... Начинайте бороться и боритесь... прорвется — осудите себя и полагайте не поддаваться... Понемножку и отвыкнете. Только беритесь за дело не шутя (6, с. 13–14).

61. Сердечное намерение и внутреннее раздвоение

Спрашиваете: «Что надо делать, когда внутри раздвоение?» Во-первых, ведайте, что это не худое что, а обычный оборот духовной жизни. Когда дух наш по действию благодати пробуждается, тогда он устремляется к Богу и все туда устремляет. Эгоистический же нрав и после сего все еще остается и выставляет права свои, влеча по старому обычаю к себе и чувство, и волю. Оттого все испытывают, как и апостол: *Хотящу ми творити доброе, вижу, что мне злое прилежит**. Вот и раздвоение. Что тут сделать? Всегда принимать сторону духа, а требования эгоистического, плотского человека отгонять,

* когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. (Рим. 5, 21).

подавлять. В сем духовная брань. Она коротка (6, с. 58).

62. Анализ греховных состояний

Спрашиваете: что же есть падение? Падение есть делом совершение худого, богопротивного при сознании худости и богопротивности того и при прещении совести.

Падение причиняет *акт* греховный. Акт бывает греховен, когда есть произвольное *соизволение* на дурное. Грешны мысли, когда произвольно дают им место в душе. Но когда мысли лезут сами, душа же их не хочет и противиться им, тут нет греха, а борьба добрая.

Чувство грешно, когда соизволяют на него, удерживают и разжигают его, а когда оно невольно врывается в душу, душа не хочет его и напрягается вытеснить его, тут нет греха, а есть борьба добрая. Бывает, что вместе с чувством возникает и сочувствие вдруг; душа же, как только заметит, вооружается против него — тут нет греха. Грешно сочувствие, когда попускается ему царить в душе, зная, что оно дурно.

Грешное дело так идет: мысль, чувство и сочувствие, соизволение, решение или избрание — и дело. Кто прогонит мысль, чист остается. С чувства и сочувствия начинается грешность по мере соизволения. Где нет соизволения, там нет греха (6, с. 85–86).

Нехорошие движения в теле, пока нет соуслаждения и соизволения, безгрешны. Соуслаждение и соизволение делают их грешными. Неустойка против страстей разумеется, когда не отбивают их, а позволяют

им войти в сердце и буйство там производить.

По сим признакам осуждайте или обезвняйте свои: гнев, злобу, самонение, резкие сердитые речи, осуждение других, превозношение, нерадение о Боге и равнодушие к духовному, эгоизм — все это большие грешные акты, но грешными бывают от соизволения на них (6, с. 86).

63. Причина охлаждения

В моих словах «охлаждение» — понятно что есть? Оно бывает невольно... но бывает и от произвольных дел... от внешних развлечений, беспорядочных разговоров, сытости, излишнего сна... и многого другого... Тут есть виновность (6, с. 86).

64. О борьбе со свойственными юности движениями

Что вы написали о свойственной юности возбужденности внутренних движений, неопределенных, мутящих, однако ж, и томящих, то сколько они ни естественны, но для вас, столько доселе передумавших, столько верно познавших о духовном внутреннем чине и столь много делом испытавших, не извинительно, если они проявляются в вас с такою силою, что вы с ними не сладите. Без снисходительного на них воззрения, без произвольного допущения их и поблажки им они не могли взять над вами такую силу. Сядьте и обдумайте все — и воспримите бразды самоуправления и грозно держите скипетр свой, не позволяя ничему втесняться в вашу область и возмущать ваше правление. Поступайте с ними как с нахалами, вторгающимися в

дом ваш против вашего желания. Этим вы указываете дверь и с теми так же обращайтесь. Как только заметите, гоните вон без саможаления. Опять придут — опять гоните. Еще придут — и еще гоните... Отстанут... только саможаления не держите... Без противления саможалению нельзя быть доброму самоуправлению.

Вред от поблажки им тот особенно, что в толпу этих мыслей и образов протискивается враг и в сумятице засеменяет худые сочувствия, желания и даже намерения. Несколькочасовое повторение этого образует недобрый самоугодливый строй внутри, который потом заводит и соответственную тому деятельность вовне, которая мало-помалу вытеснит расположение к прежним чистым, братолюбивым и Боголюбивым деяниям. В этом источник нечувствия, нерадения и забвения — сих гигантов вражьего стана, голиафов.

Как прогонять? — Общим для сего порядком (просмотрите книжку «Что есть духовная жизнь»): 1) восстановить неприязнь к ним, 2) оттолкнуть ненавистью и гневом, как врагов, и 3) поразить молитвою к Господу, Ангелу Хранителю и Владычице Богородице, и к святой Софии, имя коей носите. Все это вы неоднократно читали, и писаное, и печатное. Господа ради, припомните хорошенько и действуйте так.

Вы назвали состояние такое переходным.

Тем больше внимания к нему требуется, потому что из него выходит последующее течение жизни — или

доброе, или недоброе, или смешанное.

Второе средство против этих бурлений вы сами употребили: говение, Исповедь и Святое Причащение. Видите, какая в них сила?!

Спешите же к ним всякий раз, как потребна бывает помощь их (6, с. 87–89).

Вот что делайте, когда будут приходиться смущающие вас внутренние недобрые движения: тотчас сходите вниманием в сердце и стойте там, отталкивая нападающие дурные движения и напряжением воли, и паче молитвою ко Господу. Что бывают нападки, в этом нет вины, но когда вы не оттолкнете их и займетесь ими и сочувствие допустите, то тут ваша вина. Сердце от этого нечистым делается и теряет дерзновение пред Господом. Блюдайте сердце (6, с. 90).

Обращайтесь с собою, как злая мачеха с падчерицею. Рабу свою; плоть, которая лезет в госпожи, смирите в пище, в сне, в труде телесном и наказанием телесным (6, с. 90).

65. Вспыльчивые речи

Смирения побольше надо. Речи или порывы слова, огорчительные для других, не от барства ли? Сознание барства и есть гордость, вещь очень Богу неугодная и в нравственной жизни самая зловредная. Вникните и вырвите этот корень горести выпры прозябая, если он окажется (8, с. 10).

66. О курении табака

Курение — дело бестолковое; нравственного тут настолько,

насколько есть пустого пристрастия и вреда сознаваемого. Последние две черты трудно сознавать самим курящим и трудно разъяснить их некурящим. Крепко неприлично, но приличие и неприличие то же, что люди, — изменяются. Потерпите дурную привычку, но в грех ее не возводите. Помолитесь, чтобы дочь ваша отвыкла, — хорошее дело. Но этого нет нужды облекать в особую форму. При всяком молитвословии взывайте к Богу. И Он устроит, как Его святой воле угодно (8, с. 12).

67. Вред вина. Об игре в карты

Что зять ваш бросил пить и положил не пить — это хорошее решение.

Не пивши ничего, будет всегда свеж и долее проживет. Питье и малое жизнь подъедает и есть дело, немного похожее на медленное самоубийство (8, с. 34).

Игра в карты — безделье и от безделья. Беда большая, что молодежь наша не учится работать. Когда б знали одну, другую работу, она привлекала бы их и занимала. Скука не имела бы места (8, с. 34).

СТРАХ БОЖИЙ

1. Страх за будущее полезен

Страх за будущее полезен тем, что поддерживает бодренное блюдение себя. У отцов есть: думай, что идешь по жердочке над пропастью, готовый каждую минуту пошатнуться. Об этом в просительной ектении: прочее время живота в мире и покаянии скончати... Но упования не следует терять, ибо болий есть,

Иже в нас (Господь), нежели иже в мире (враг) (1, с. 228).

2. Страх Божий является возбудителем на все Богоугодное и хранителем добрых внутри стяжаний

А неурядицы в помыслах и чувствах, какие испытываете, все улягутся со временем, если, несмотря на них, не перестанете всею ревностью ревновать об одном том, что угодно Богу. К этому же один верный способ — память Божию иметь и память смертную. Они водрузят страх Божий, который будет и возбудителем на все богоугодное, и отвратителем от всего, Бога прогневающего, и хранителем добрых внутри стяжаний, и истребителем всего залегшего там недоброго.

Память Божия зрит Господа пред собою и в себе и тотчас замечать дает недобрые возникновения из сердца и подавляет их. А в этом ведь и есть все дело (1, с. 237).

3. Страх Божий — от памятования о Боге. Страх Божий, укрепившись, образует благоговейный нрав

Привыкнете к строгой степенности в речах и движениях. Страх Божий от памятования о Боге научит (1, с. 244).

Когда внимание в Боге, тогда неизбежно и все дела пойдут по-Божью. С вниманием к Богу в тесной связи страх Божий, который есть источник всего хорошего и отгнатель всего нехорошего. Укрепившись, он образует благоговейный нрав. Берегите сей нрав — и все добре будет идти. Когда это даст Бог, а даст, когда усердно взыщете, тогда не будете

жаловаться, что иной стишок не договорен или поклон не положен, ибо тогда будете иметь то, что ищется трудами молитвенными (1, с. 259).

4. Страх Божий поддерживает память о Страшном Суде

Страх Божий ничто столько сильно не поддержит, как память о Страшном Суде (3, с. 38).

Не забыли ль вы о страхе Божиим отрезвляющем? Если он отходит от вас, привлекайте его снова поскорее (4, с. 216).

5. Страх Божий образует решимость ни в чем себе не полагать

Не раз поминаете об отсутствии страха Божия! Это источник всякой худости. Попекитесь водрузить сие знамя победное в сердце... И внутреннее ваше будет всегда в добром строе. Под страхом Божиим образуется решимость ни в чем себе не полагать, а, напротив, умучивать себя наперекор своим хотениям. Держите нож в руках и, мало-мало что неправо, режьте себя без жалости и будете жрица, себя жрущая в жертву Господу (4, с. 18).

6. Страх Божий — корень всего доброго

Теперь паче держите страх Божий — корень всего доброго. И на минуту да не отходит он от сердца вашего. Как свеча, пусть горит и освещает все помыслы и все внутренние изгибы сердца вашего. Он научит вас ходить осторожно, держать себя всегда так, как обычно держат себя в присутствии царя, всякое дело делать, как дело Божие, со всем вниманием, и ходить так, как хо-

дят, неся стакан с водою и боясь расплескать его или взболтать. Когда образуется такой строй внутри, тогда замечаться будет всякое неправо движение ума и сердца и тотчас пред лицом Бога осуждаться и раскаянием очищаться, с искренним, внутри изрекаемым обетом быть осторожну и не позволять подобного послабления. Вот о каком настроении попекитесь, а если оно есть хоть в зародыше, всячески развить его и укрепить озаботьтесь. В этом существо дела. Все прочее — обстановка, благоприятная, вспомогательная, нужная, но не составляющая существа дела (4, с. 189–190).

7. Умаление страха Божия является причиной празднословия

Обновляйтесь непрестанно ревностию к Богоугождению, освежая ее каждый день и час страхом Божиим. Как-нибудь надо устроиться так, чтоб страх Божий не отходил. С умалением его — тотчас и уклонения в распутия, а когда он есть, то напечатлевают в мысли, как в каком случае поступить должно. Отошел страх — внимание рассеялось. Вот вы и ну пустословить с мирянками, кои были в гостях. Вы дали себе право на льготу в сем случае. Стало, вы в сердце сочли себя властною и строго себя держать, и распущенно, без всякого ответа. Строгое держание себя у вас — заслуга, а распущенность — право льготы, за которую взыску не будет. На деле не так: строгое держание себя есть долг сознанный рабства Богу, а распущенность — худое дело, суду и наказанию подлежащее. Спутались у вас

понятия и спутались оттого, что страх Божий отошел. Где страх, там душа держит себя в струнку, никакой вольности себе не позволяет (4, с. 191).

8. Страх Божий — корень всякой науки и всякого доброго делания

Всяко страх Божий надо иметь. Он корень всякой науки и всякого доброго делания. Когда он властвует в душе, все тогда идет хорошо и внутри, и вне. Его возгревать прежде всего старайтесь всякое утро. Потом он уж пойдет всем ворочать, как рычаг какой (4, с. 200).

9. Страх и любовь к Богу

Очень утешительно, что у вас внутри все обстоит хорошо. Любовь к Господу — главное дело. Слава Богу, что она есть. Но и страх есть, которого не изгоняет любовь. О сем и писал. Он не мучит, а отрезвляет; и хотя все естество потрясает, но приятно и сладостно потрясает. Он делит труд над нами с любовью. То сия, то тот берут верх, но оба всегда действуют в душе. Даже у Ангелов так должно быть (4, с. 202).

10. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты

Усердно исполняя правило, трезвость ума и теплоту сердца храните. Последнюю, когда начнет умаляться, возгревать спешите, твердо ведая, что, коль скоро ее не станет, это значит, что большая половина пути к отступлению от Бога пройдена. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смирение нужно, и терпение, и верность правилам, и паче всего трез-

вение. Внимайте себе, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтоб не заснуть или, задремавши, пробудиться (4, с. 214).

11. Страх Божий отрезвляющий

Не забыли ль вы о страхе Божиим отрезвляющем? Если он отходит от вас, привлекайте его снова поскорее. Так приучайте себя держать и дома наедине, как бы вы были на виду всех, и еще прямее, как бы вы находились в присутствии царя. Пусть и мороз подирает немного. С робостью надо жить, как бы опасаясь чего. Опасаться же есть чего. Господь да оградит вас кровом Своим и Матерь Его Пречистая (4, с. 216).

12. Страх Божий никогда не должен отходить от сердца

Трудно нам сознать умом, а тем паче ощутить сердцем, что такое мы одни. Целую жизнь сему учиться следует, и это главная наука. Успех в ней идет об руку со смирением и самоуничижением. Без сего не поймем даже, как натурально смирение самое глубокое у святых. И страх-то Божий настоящий тем же путем приходит. Страх Божий никогда не должен отходить от сердца. Любовь изгоняет один вид его, а другой рождает. И небесные силы предстоят Богу со страхом и трепетом. В нем нет мучения и боязни, а есть прохладение сладкое, но все же это страх, иногда кости сокрушающий. Так надо! И молиться следует: *страх Твой всади в сердце мое* (11, с. 11).

Слава Богу! — Вот вы начали понимать, что нужен страх — верная ограда. Молитесь Господу и Пречистой Владычице, чтобы он пришел и

преисполнил сердце. В нем нет ничего болезненного, а благоговейное, трезвенное, и отрезвляющее, и освежающее чувство — как утренний ветерок, он не отнимает теплоты, а дает ей истинную температуру. Одна любовь смягчит и разблажает (11, с. 47).

13. Страх Божий — основной дар благодати Божией — есть и начало, и продолжение, и завершение пути спасенного

И страх Божий возгрейте в себе. Ведайте, что когда есть страх Божий, то значит дух ваш жив и благодать Божия действует в вас. Первое дело духа нашего — ведение Бога и страх Божий, и основной дар благодати Божией есть дух страха Божия. Он — и начало, и продолжение, и завершение пути спасенного. Кто имеет страх Божий, живой и действенный, тот имеет в себе неистощимую силу, движущую на все благоугодное, и вместе — бодренного стража, охраняющего от вражеских нападений и от своих уклонений на распутья. Помогите вам, Господи, возгреть и потом всегда хранить в силе сей дух страха Божия (9, с. 115)!

14. Страх Божий — источник всего хорошего, огонь, потребляющий все дурное

Страх же Божий есть настоящий источник всего хорошего и огонь есть, потребляющий все дурное (6, с. 65).

15. Страх Божий рождается от памяти смертной

Неурядица внутри — всегда от беспорядочности помышлений. Дер-

жите их на привязи, а чтобы успеть в этом... блюдите память Божию и память о смерти. Бог всюду есть и все видит... и видит все внутреннее ваше. Сходите с сею мыслию в сердце и блюдите движения, там бывающие, и одни принимайте, другие отревайте...

Смерть тоже всегда должно видеть стоящею за плечами, ибо кто властен в жизни?... Еще минута — и дух вон. Держите сие в мысли. От сих двух памятей страх Божий оживает (6, с. 80).

СТРАХОВАНИЯ

1. Врачевство против страха вражьего — уверенность в правоте дела и сообразности его с волей Божией

«Что скажут?» — Вражий страх, там, где нет страха. Врачевство против сего — уверенность в правоте дела и его сообразности с волею Божиею... и наипаче предание себя и всего своего в руки Божии. Без сего предания едва ли возможно умирение внутри (1, с. 226).

2. Люди приводятся в колебание непостоянными помыслами боязни, страха, всякого смущения: князь мира сего волнует всякую душу, не рожденную от Бога

Еще Макарий Великий вот как изображал увиденную вами сумятицу и гоньбу за чем-то: «Чада века сего уподобляются пшенице, всыпанной в решето земли сей, и просеваются среди непостоянных помыслов мира сего, при непрестанном волнении земных дел, пожеланий и

многосплетенных вещественных понятий. Сатана сотрясает души и решетом, то есть земными делами, просеивает весь грешный род человеческий. Со времени падения, как преступил Адам заповедь и подчинился лукавому князю, взявшему над ним власть, непрерывными оболстительными и мятущимися помыслами всех сынов века сего просеивает и приводит он в столкновение в решете земли. Как пшеница в решете у просеивающего бьется и, взбрасываемая непрерывно, в нем переворачивается, так князь лукавства земными делами занимает всех людей, колеблет, приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, нечистым пожеланиям, земным и мирским связям, непрерывно пленяя весь грешный род Адамов. И Господь предсказал апостолам будущее на них восстание лукавого: *сатана просит вас, дабы*

*сеял, яко пшеницу. Аз же молихся Отцу Моему, да не оскудеет вера ваша** (Лк. 22, 31). Ибо сие слово и определение, изреченное Создателем Кайну явно: *стенья и трясыйся*, в тревоге, *будеши* на земле (см. Быт 4, 12), служит втайне образом и подобием для всех грешников; потому что род Адамов, преступив заповедь и соделавшись грешным, принял на себя втайне сие подобие. Люди приводятся в колебание непостоянными помыслами боязни, страха, всякого смущения, пожеланиями, многообразными всякого рода удовольствиями. Князь мира сего волнует всякую душу, не рожденную от Бога, и подобно пшенице, непрерывно вращающейся в решете, разнообразно волнует человеческие помыслы, всех приводя в колебания и уловляя мирскими оболщениями, плотскими удовольствиями, страхованиями, смущениями» (Бесед. 5; § 1, 2) (9, с. 11).

* сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя.

ТВОРЕНИЯ СВЯТЫХ ОТЦОВ

1. Совет искать вразумлений в отеческих книгах

Вразумлений всяких ищите в отеческих книгах и в молитве... Есть Ангел Хранитель. Господь повелит ему потолковать душе, что подобает (1, с. 16).

Из журналов подходят к вам «Душеполезное чтение», «Творения святых отцов», «Странник». Прочие журналы слишком вдались в ученость (1, с. 27).

2. Добротолюбие (2 т.) содержит все необходимое для исправления и очищения сердца

Посылаю вам второй том Добротолюбия. Все, в чем имеет нужду всякий возревновавший и возжелавший исправить свое сердце, найдет здесь в разнообразных писаниях отеческих. Желаю вам насладиться чтением, читать и не дремать (1, с. 48).

Посылаю вам последний, 5-й том Добротолюбия. Это самый высокий; а 4-й том — самый подручный и пригожий для живущих обществом (1, с. 59).

3. «Древние монашеские уставы» — указ на жизнь древних иноков

Посылаю вам книгу «Древние монашеские уставы». Хотя они писаны

не для житейских людей, но просмотреть их и вам не мешает. Увидите, как тогда вначале жили и как теперь живут монахи. В общем — сходно, но по частям есть и разности. Впрочем, кто из монахов и ныне возьмется с ревностью за дело... в конце выходит не хуже древних ревнителей богоугождения в иноческом чине (1, с. 66).

4. Рекомендуемые творения святых отцов

Отеческих книг соберите побольше... Ефрема Сир[ина], Исаака Сир[ина], авву Дорофея, св. Варсонофия и Иоанна, Лествицу, Макария Египет[ского], Лавсаик, Лимонарь, историю Боголюбцев, Достопамятные сказания, Патерик из «Душеполезного чтения»... и Добротолюбие... Симеона Нового Богослова, Кассиана Рим[лянина], Иноческие древние уставы... Василия Великого аскетические писания... Марка Подвижника, Исаии Подвижника... не все вдруг, а понемногу (1, с. 143).

5. При чтении сердце держать ничем не занятым, открытым для истины и, обнимая читаемое пониманием, влагать то в сердце. Читать лучше немного, но с усвоением и чувством

При чтении сердце держать ничем не занятым, открытым для

истины и, обнимая читаемое пониманием, влагать то в сердце; при этом то один, то другой стихок затронет сердце, а иной и очень. Замечайте сии стишки затрагивающие и днем почаще припоминайте их, особенно тот, который побольше затронул. Это будет поновлять оживление сердца, дело сие очень плодотворно. Читать лучше немного, но с усвоением и чувством, чем много и без этого: без этого чтение будет сеятва при дороге (1, с. 205).

6. Отличие чтения для знания и для назидания

Относительно *чтения*. Читать для знания — одно дело, а читать для назидания — другое. При первом много читается, а при втором не надо много читать, а как только из читаемого что-либо попадет на сердце, останавливайтесь и думайте, стараясь и разъяснить, а более углубить в сердце сию мысль. Это то же, что превратить сие в предмет богомыслия. Так питать будете душу и растить, а не насыпать ее, как мешок (1, с. 220).

7. Полное наставление о молитве имеется в «Невидимой брани»

Полное наставление о молитве вообще и об Иисусовой молитве найдете в книге «Невидимая брань»... Там и прочитайте (1, с. 224–225).

8. 5-й и 4-й тома Добротолюбия могут заменить все книги подвижнические

Посылаю вам 5-й т. Добротолюбия — конечный. Этот том с четвертым могут заменить все книги по-

движнические. Извольте умудриться с помощью Божиею (1, с. 238).

9. Жития святых воодушевительны и располагают к подражанию, но по мере сил

Жития святых воодушевительны... и располагают к подражанию, но по мере сил... Хорошо, однако ж, заимствовать от сего себя осуждение и смирение (1, с. 250).

10. Журнал «Душеполезный собеседник»

Афонские иноки в Москве издают под заглавием «Душеполезный собеседник» в год 12 выпусков, каждый по два листа... там найдется, чем занять общество (1, с. 251).

11. О «Невидимой брани»

«Посылаю вам «Невидимую брань». Себе возьмите, дайте Семену Афанасьевичу и Ольге Васильевне Ушинской. Еще две — про кого-то вы говорили в Лавре, я забыл. Так это им. Эта тарелочка ушицы не всем, быть может, покажется по вкусу. Но будут и такие, которые скушают ее, присмакуючи. И на здоровье.

Эта книжка давно известна в русском переводе, еще из времен Голицына*. Но там она не так ясна. Афонский старец несколько пояснил, а теперь и на Выше немножко пообчистил ее. И будто она стала казаться пригожей. Но, конечно, у всякого свой вкус (2, с. 28–29).

* Бывший обер-прокурор Святейшего Синода, в начале настоящего [XIX. — Изд.] столетия (2, с. 29).

12. Книги, руководствующие к жизни по Богу

Есть ли у вас Исаак Сирианин? Если нет, поспешите приобрести, хорошо и Лествицу. Эти две книги все вам разъяснят. Да и других книг много. Ефрем Сирианин, авва Дорофей, Варсануфий и Иоанн — ответы. Достопамятные сказания. Думаю, у вас есть они. А если нет, достаньте...

Поищите прп. Исихия о трезвении и молитве. Афонцы издали его в русском переводе из Добротолюбия особую книжкою (2, с. 94–95).

Псылаю вам «Невидимую брань». Хоть это заглавие пахнет монашеством, но вы встретите здесь все почти так представленным, что от советов сих никому отказываться не следует. Желая вам назидания от духа Афонской святой горы, движущегося в книге сей (2, с. 138).

13. О необходимости нового перевода богослужебных книг

Нужда была и есть сказать одно слово по случаю предполагаемого юбилея (900-летия Крещения Руси) в следующем году или не его самого, а того, что готовят для ознаменования его. Такой большой юбилей, и что же в ознаменование его готовится? Жизнь св. Владимира и акафист ему с картинками. И то, и другое хорошо, только не соответствует великости торжества.

Тут надо что-нибудь на всю церковную жизнь влияющее сделать. И есть вещь такого именно свойства, и вещь крайне нужная. Разумею новый, упрощенный и уясненный пе-

ревод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеютя.

Вследствие чего *новый перевод книг богослужебных неотложно необходим*.

Ныне-завтра надо же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин, склонивших православных к штунде... есть именно непонятность церковных песнопений.

Немчура-пастор, заведший штунду, выбрал несколько песнопений и спрашивает православных, будто из любопытства, что говорят сии песни? Те отозвались непониманием. Он сказал: «Сходите, спросите у священника». Но и священник не мог указать смысла. Это очень поколебало православных...

И тот немчура потом легко уже сбил их с толку. Подобное же нечто рассказывает некто из своих разговоров с молоканами... которые говорили: «Что мы там будем делать в вашей церкви? Дьячок бормочет,

ничего не разберешь, да хоть бы и разобрали, ничего не поймешь». И вы видите, что ни у молокан, ни у штундистов ни одной церковной песни нет, а все новые... часто с пустым содержанием. Отчего? Оттого, что понятны.

Так вот было бы достойное ознаменование юбилея, если б решили к тому времени положить начало новому переводу богослужебных книг. Положат пусть, теперь же положат перевести все книги заново, а к юбилею приготовят одну какую книгу, например Осмигласник, Октоих. Перевести не на русский, а на славянский язык. Опыты уже деланы были. В «Душеполезном чтении» несколько служб, так переведенных, уже напечатано. И благоговейно, и понятно. Так пусть и всю книгу каковую-либо переведут.

Передайте, пожалуйста, эти мысли N.N... и убедите его... Нет, что убеждать. Умолите непременно сейчас же начать хлопоты — испросить разрешение у Святейшего Синода устроить перевод и отпечатать его.

Вот было бы с его стороны ознаменование и своего заведования типографией... А жизнь св. Владимира с акафистом пошла бы как десерт и конфеты, трапеза же праздничная была бы книга (2, с. 142–144).

Богослужебные книги могут быть не только поновляемы переводом, но изменяемы и в содержании. Греки так и делают. В С[иноде] завалены делами и им некогда думать о богослужебных книгах; это надо подсказать им со стороны...

А там уже дело пойдет само собою (2, с. 145).

14. В 5-м томе Добротолюбия указаны пути к Богу

Посылаю вам 5-й том Добротолюбия. Если потрудитесь прочитать, увидите не только то, что бывает на последних степенях христианского строгого жития, но и то, как того достигнуть. Тут есть изображения всего пути к Богу, написанные лицами и ранга высокого, и жизни отрешенной и совершенной. Что из сего к вам при житейских порядках приложимо, сами увидите.

Только не думайте, что ничего нет приложимого. Ибо цель у всех христиан одна — быть в живом единении с Богом. И все такие единое составляют тело, и вне сего тела нет людей, живых духом. И всем один труд сей: победить страсти и стать чистыми, житейски ли кто живет или удалившись от житейских порядков (2, с. 152).

15. О ежедневном чтении Священного Писания

За пресечение чтений из Святого Писания вам следует *епитимию*. Но ее можно отложить, принимая во внимание ваше желание исправиться. Ведь не нужно много читать... Довольно (для вас) прочитывать то, что положено в святой Церкви, т.е. *Евангелие* и *Апостол* на каждый день. Чтение этого возьмет не более пяти минут. Столько же возьмет, если пожелаете обдумать что-либо из прочитанного или заучить какой текст (2, с. 155–156).

16. «Древние иноческие уставы» о внутренней жизни полезны и для мирян

Посылаю вам с супругом вашим книгу «Древние иноческие уставы».

Тут и мирянам можно многим пользоваться... именно там, где идет дело о внутренней жизни, которая везде одинакова, несмотря на разность внешних порядков жизни. Но и то, что неприложимо к житейским людям, небесполезно просмотреть, удостоверюсь, что в общем и наша иноческая жизнь такая же, как была заведена и введена издревле... А этого и довольно для успокоения при виде некоторых в иных местах отступлений от древнего в частности. Теория ведь и везде выше исполнения ее на деле (2, с. 162).

17. Отзыв о книге преподобных Варсонуфия и Иоанна

Читайте прп. Варсонуфия и Иоанна. Там определены все случайности и можно находить указание на все, в чем ни окажется нужда (2, с. 177).

18. Библиографический отзыв святителя о «Письмах о христианской жизни», «Пути ко спасению» и прочих своих книгах

И вы, и подруга ваша уверяете, что вам много помогли мои книги «Письма о христианской жизни» и «Путь ко спасению». Сами по себе книги эти не имеют ученого достоинства и суть простое изложение жизни христианской, какую она должна быть по учению Господа, святых апостолов и святых пастырей и учителей Церкви. Может быть, простота сия и дала истине Божией войти в сердце, и она, вошедши в сердце, завладела им и произвела в нем переворот (3, с. 19).

В «Письмах о христианской жизни» и «Пути ко спасению» христи-

анство деятельное изображено *довольно полно*. На свет произошли они в сороковых годах, а напечатаны в шестидесятых. Для меня они теперь будто чужие: от давности все перезабыл. Но истина в них содержится чистая. Я был тогда, как писал, наставником в С.-Петербургской Духовной Академии по Нравственному богословию. В «Письмах» содержатся эти уроки. К сим письмам подошли потом — «Письма о том, что есть духовная жизнь и как в ней установиться»; «*Письма о духовной жизни*» по поводу писем Сперанского о том же предмете; «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни христианской»; «Мысли на каждый день года по церковным чтениям» и подобные *краткие мысли*, порождавшиеся сами собою при размышлении о жизни христианской. И еще кое-что есть... И печатание, и распространение сих книг взяли на себя афонские старцы (Афонская часовня на Никольской ул. в Москве) (3, с. 19–20).

Замечу еще, что «Письма о христианской жизни» были изданы сначала в четырех выпусках, в четырех книжках. Но недавно изданы они в другом виде: выпуски третий и четвертый составляют книгу «Начертание хр[и]стианского] правоучения». Выпуски первый и второй составляют книгу собственно «Письма о христианской жизни» с прежним прибавлением. Прежнее прибавление ко второму выпуску — аскетические уроки, извлеченные из (списков) отечников обители св. Саввы, что близ Иерусалима, изданы особою книжкой с сим заглавием.

В «Начертании» есть нечто новое против того, что содержится в прежних выпусках — 3 и 4 (3, с. 20).

19. О книгах Ф.В. Фаррара и протоиерея Павла Матвеевского «Жизнь Христа Спасителя»

Забыл написать вам про Фаррара. «Жизнь Христа Спасителя», им составленная, небольшого достоинства. Самый большой ее недостаток в том, что учение Господне у него поминается очень кратко и не с должным рассмотрением.

Есть у нас «Жизнь Христа Господа» *превосходная*. Это СПб. о. протоиерея Матвеевского. В ней все полно изображается: и деяния Господни, и учение с толкованием и приложением к жизни каждого. Книга большая-большая (3, с. 117).

20. О книгах преподобных Варсонофия и Иоанна. «Ответы» — лучшая руководительная книга

Для умножения ведения вашего о духовных делах читайте Варсонофия и Иоанна «Ответы»... Это лучшая руководительная книга (3, с. 126).

21. О пользе чтения житий святых в Четьих-Минеях

Жития святых в Четьих-Минеях хорошо читать, хоть мы так не можем жить, но обязаны подражать им в возможном и даже через силу. В каждом житии предлагается общий очерк жизни святого дня... Из общего обзора сих очерков увидите, что у всех святых общее было, и из сего сделайте заключение: стало быть, то или другое необходимо (3, с. 154).

22. Читать нужно столько раз, чтоб запомнить все

Но вы не довольствуйтесь однократным прочтением, а читайте столько раз, чтоб запомнить все, ибо в книгах все нужное написано (3, с. 157).

23. В 118 псалме и «Молитве о трезвении» сокращенно содержится все учение о духовной жизни

У вас только две книги мои... Но они все содержат требуемое духовною жизнью. В 118-м псалме... мои мысли, а в книге «О молитве и трезвении» — все соотеческое. Тут сокращенно все отцы... и все учение о духовной жизни. Советую вам хорошенько их изучить... а тогда сами увидите, что другие книги и не требуются (3, с. 161–162).

24. Не полезно набирать много книг

О книгах я держусь того, что написал, что вам не полезно набирать много книг. Изучите прежде «Сборник о трезвении и молитве». 118-й псалом, если труден, отложите до последующего времени... а теперь сидите над книгою «О трезвении». Книгомания — тоже страсть не полезная. А четки — суеверие. Теперь вижу, что их совсем не следует вам присылать, и не пришлю (3, с. 163–164).

25. «Душеполезное чтение» лучше всех журналов духовных

Муж ваш сделал вам подарок не наилучший... Лучше всех журналов духовных «Душеполезное чтение» и дешевле всех (3, с. 164).

26. Читать с той целью, чтобы освежить и напитать душу

Много зараз не читайте... Не читайте затем, чтобы только прочитать, а чтобы освежить и попитать душу. Питается же она тем, что чрез внимание пройдет в сердце и его займет... Если при чтении и размышлении какая-либо мысль исторгнет вас из среды тварей и перенесет пред лице Господа... закрывайте книгу и оставайтесь с сею мыслию... хоть целый день... и более... Такая мысль есть один из поворотов *ключа*, который вручен вам во сне. *Другой* поворот — дух сокрушен; *третий* — движения любви к Господу; *четвертый* — порывы самоотвержения или готовности все претерпеть, все перестрадать, только бы угодить Господу и спастися. Есть много и других поворотов *ключа* сего (3, с. 173).

27. Высылаю 4-й том Добротолюбия. У Феодора Студита общинники, не по своей воле живущие, выше уединенников

Пославши вам 5-й том Добротолюбия без 4-го, я думал, что 4-й был уже послан. Виноват! Ошибся. Теперь посылаю 4-й том: прямо к общинникам речь ведет. Вот увидите, как подбодрит сестер. Это все поучения Феодора Студита. У него общинники, не по своей воле живущие, выше уединенников (3, с. 222).

28. Похвала Симеону Новому Богослову

Симеон Богослов — сокровище неоцененное. Сильнее всех он внушает ревность о внутренней бла-

годатной жизни. И пишет просто (3, с. 223).

29. Чтение Симеона Нового Богослова освежает и оживляет внутреннее

Вам по сердцу пришелся Симеон Новый Богослов. Читайте же его чаще. Это будет освежать и оживлять ваше внутреннее (3, с. 227).

30. Верный вывод из Добротолюбия

Вам вывод из всего Добротолюбия: *всякий вздох посвящать чистой молитве и зорко смотреть, откуда враг направляет свои стрелы, и соответственно тому действовать... Сей вывод настоящий...* Извольте быть так. У Анастасия Синайского это составляет первый пункт его аскетических наставлений (3, с. 238).

31. В 4-м томе Добротолюбия предлагаются наставления общежительникам на все случаи

В 4-м томе Добротолюбия содержатся поучения св. Феодора Студита, где премного наставлений предлагается общежительникам на все случаи, представляющиеся неизбежными в сем роде подвижничества. Есть и для работающих в поле (3, с. 243).

32. Читать нужно немного, для возгревания духа

Говорите: «Нет времени почитать, чтоб возгреть дух»... Если навькнете делать дела свои как должно, то самое делание их будет возгревать и разжигать дух. Читать же для возгревания духа много не надо. Надо только прочитанное доводить

до чувства. Как только этого достигнете — и парение духа тотчас начнется (4, с. 17).

33. О книге «О трезвении и молитве»

Всеуильно заботьтесь утром хорошо помолиться — не развлеченно, а с теплотой. У вас есть книга «О трезвении и молитве» — сборник? Читайте ее понемногу. Она способна настроить на внимание к единому Господу, вездесущему и всевидящему (4, с. 40).

Вы любите молиться внутренней молитвой и желаете научиться ей. Молитесь усерднее — и научитесь. Читайте книги о молитве. Есть сборник «О трезвении и молитве». Тут собраны великие учителя, как молиться. И себе перенимайте. Вы говорите, что стараетесь всегда готовить о Господе и все для Него делать... Это прекрасное преддверие успеха в молитве. Пекитесь о сем всячески (4, с. 148–149).

34. О руководстве Симеона Нового Богослова

Читайте Симеона Нового Богослова. Я перечитываю теперь для означения опечаток, его Слова, в первом выпуске заключающиеся. Как тут настойчиво излагает он суть дела жизни христианской... производя ее во всем пространстве от Господа Спасителя исключительно. И все у него так ясно излагается, что беспреколословно покоряет ум и требует повиновения. Когда бы Господь помог хоть немножко попасть на ту колею, по которой он ведет хотящего спаситься. «Немножко», — только гово-

рится так, а быть сему нельзя... по колею нельзя немножко ехать, но как въедешь, уже совсем въедешь. Можно только ехать тише или шибче (4, с. 47).

35. О применении читаемого в жизни

Читайте, читайте! Но не оставляйте прочитанного лишь в памяти, а тотчас и к делу прилагайте. Это закрепляет то — в течении жизни, а не в мыслях только (4, с. 90).

36. О 5-м томе Добротолюбия

Книга Добротолюбия 5-я вся обращена на внутреннюю жизнь. И хоть преимущественно имеет в виду отшельников, но к ним собственно относятся только внешние порядки; внутренняя же жизнь, там изображенная, ко всем вообще пригодна (4, с. 119).

37. Об Уставах святого Венедикта и Василия Великого

Я и забыл попросить вас при пересылке рукописи спросить мать Л... по какому случаю Устав св. Венедикта занял внимание ее. Спросите, когда будете писать. Св. Венедикт написал Устав для западных. Для нас Устав Василия Великого. Он давно переведен вместе с другими писаниями сего отца. Не мешало бы вам иметь его под руками. Он очень духовен и воодушевителен. И вводит в самую средину подвижнических деланий (4, с. 123).

38. Отзыв о творениях святого Симеона, а также святителя Васи-

лия Великого и святителя Иоанна Златоустого

Хорошо вы сделали, что взялись снова прочитать св. Симеона. Это самый отрезвительный отец (4, с. 124).

Добре, добре! Читайте и перечитывайте. Эта книжка свт. Василия — самая для вас нужная. Но у него и все другие премудры и высоконазидательны. Вот увидите! У него умозрение преобладает. У свт. Златоуста более сердечности и убеждения при простоте речи. Вы хорошо сделали, что выписываете все части творений св. Василия (4, с. 124).

39. Отзыв о «Письмах к разным лицам»

Обратите внимание на «Письма к разным лицам». Они начаты так, а потом пошли все к одному лицу... и пришлось говорить много такого, что и для всех пригоже, может быть, и для вас пригоже что найдется (4, с. 148).

40. В Добротолюбии главный магазин духовных поучений

Читайте и замечайте признаки, в каких являются страсти... Потом по сим указаниям себя обсуждайте и исправляйте (4, с. 155).

41. О чтении житий святых

Читайте житие святых. Приобретите Четьи-Минеи, которые на славянском и в синодальных лавках продаются. А русские не берите (4, с. 157).

42. Совет инокине о частной библиотеке. Наименование необходимых книг

Для библиотеки вашей пригожи могут быть следующие книги:

Исаак Сирианин, Лествичник, Достапамятные сказания о подвижничестве святых, Добротолюбие, Ефрем Сирианин, Макарий Великий, авва Дорофей, Варсонофия и Иоанна ответы, Марк Подвижник, Максима Исповедника о любви, Нила Синайского, Четьи-Минеи, Лимонарь, Лавсаик, История боголюбцев, Училище благочестия.

Первые четыре достанут на целую жизнь и на все случаи. Затем и прочие понемногу приобретайте (4, с. 170).

43. Прочитанное нужно применять в своей жизни, чтоб приобрести практическую мудрость. Цель и плод чтения

Только борьба с помыслами конца не имеет. Смотрите за собою и больше с сердцем имейте дело. Для разобранья сердечных движений читайте с размышлением и к себе приложением Лествицу, Исаака Сирианова, Варсонофия и Иоанна, в Добротолюбии — Диадокха, Филофея, Исаию, Евагрия, Кассиана, Нила. Когда читаете, не оставляйте общим положением прочитанного, а всегда обращайтесь то себе в правило — частное, к вам приложимое, причем общее всегда терпит некоторые оттенки изменений. Так пойдет расти ваша практическая мудрость (4, с. 181).

44. У преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, содержится руководство к управлению и устроению мыслей

Если есть уже у вас Добротолюбие, найдите и прочитайте Исихия о

трезвении. Тут прописано самое руководство к управлению и устройению мыслей. Внимательнее прочитайте, посердечнее усвойте и потом действуйте по тамошнему указанию (4, с. 200).

45. Добротолюбие — книга, собранная с целью научить сокрушению и вниманию сердечному не имеющих этого, а имеющим — указать способы к усовершению и укреплению

Достали Добротолюбие! Книга вся собрана с целью научить сокрушению и вниманию сердечному не имеющих сего, а имеющим — указать способы к усовершению и укреплению. Очень жаль, что она не везде ясна в древнем переводе. Но полагаю, будет очень достаточно того, что понятно (4, с. 201).

46. Понятие о Добротолюбии. Его происхождение и значение для читателей

Предлагая любителям духовного чтения известное всем Добротолюбие в русском переводе с прибавлениями к оному, долгом считаем сказать несколько слов о том, что такое есть Добротолюбие. Оно содержит в себе истолкование сокровенной в Господе Иисусе Христе жизни (7, с. 3).

Сокровенная в Господе Иисусе Христе истинно христианская жизнь зачинается, раскрывается и к совершенству восходит в своей для каждого мере, по благоволению Бога Отца, действием присущей в христианах благодати Пресвятого Духа, под водительством самого Христа Господа, обетовавшего быть с нами во вся дни неотлучно.

Благодать Божия призывает всех к такой жизни, и для всех она не только возможна, но и обязательна, потому что в ней существо христианства. Причастниками же ее являются не все призванные, и действительные ее причастники не все причащаются ей в одинаковой мере. Избранники глубоко в нее входят и по степеням ее высоко восходят.

Проявления ее, равно как и богатства области, в которой она раскрывается, не менее обильны и разнообразны, как и явления обычной жизни. И если б могло быть ясно понято и понятно изображено все бывающее там — вражеские нападения и искушения, борьбы и одоления, падения и восстания, зарождения и укрепления разных проявлений духовной жизни, степени общего преуспеяния и свойственное каждой состояние ума и сердца, взаимодействие во всем свободы и благодати, ощущения близости и отдаления Божия, чувства Промыслительного вседержительства и положения себя, окончательное и безвозвратное, в десницу Господню, с отложением всех своих способов действия, при непрестанном напряженном действовании, — если бы все сие и многое другое, неразлучное с истинной в Господе жизнью, могло быть ясно и удобопонятно изображено, то представило бы картину, сколько привлекательную, столь же и поучительную, — картину, похожую на всемирное путешествие.

Путешественники пишут путевые заметки о всем, что встречают достойным внимания на пути своем. Писали свои заметки и избранники

Божии, в разных направлениях проследившие все тропы духовной жизни, о всем, что встречали и испытывали в сем многотрудном шествовании своем, но участь и значение тех и других заметок не одинакова.

Не имеющие способов путешествовать могут, и не двигаясь с места, составить себе довольно приблизительные понятия и представления о чужих странах посредством чтения путевых заметок других путешественников, потому что формы жизни всех тварей больше или меньше походят одни на другие, в каких бы странах они ни проявлялись. Не то бывает в отношении к опытам духовной жизни. Понимать могут только шествующие путем сей жизни. Для не вступавших на него это совершенно неведомая страна. Но и вступившие на него не все вдруг понимать могут. Их понятия и представления уясняются по мере шествия и углубления в страну духа. По мере умножения собственных опытов жизни духовной становятся ясными и понятными указания опытов, замеченных святыми отцами в писаниях своих.

При всем том, однако ж, изображение разных проявлений духовной жизни, даемое нам в святоотеческих писаниях, не есть дар напрасный и для всех вообще христиан. Оно дает всякому понять, что если он не испытал еще того, о чем говорится в сем описании, то значит, что установившийся для него образ жизни, несмотря на то, что с ним мирится его христианская совесть, не есть законченное совершенство, лучше которого нечего желать и дальше которого некуда идти. Давая же это понять,

оно не может не раздражить ревности к преуспеянию, не может не минуть вперед, указывая там нечто лучшее, нежели чем обладает он.

Для тех, которые вступили на путь к лучшему и совершеннейшему, оно дает нужные указания в сомнительных и недоуменных случаях, когда нет наличного опытного руководства или когда это само встречает неразрешимости, не позволяющие давать окончательные решения, которые устраняли бы всякое колебание в шествующем.

Очень важно бывает знать, как и куда ступить ногою в известном случае, чтобы не сделать ошибки. И вот здесь какое-нибудь в нескольких словах изречение отеческое разгоняет тьму, воссияв подобно лучу молнии среди ночи.

Вообще же это теплица духовная, в которую верящий, прочитывая указания о явлениях духовной жизни, входит сознанием и сердцем и, подлежа там ощутительным влияниям возбужденных созерцаний, чувствует, что он витает в сии минуты в иной некоей атмосфере, светоносной и живоносной. Это отрадные моменты, и в продолжение их-то обычно зарождаются и зреют разные отпрыски на древе духовной жизни. И потому нет ничего дивного, что испытанный это, как только улучшает свободную минуту, спешит к опытным описаниям духовной жизни, как любящий прибыль спешит к местам, прибыль обещающим, и любящий удовольствия — к местам утех... Он чаёт при этом подышать оживляющим и ободряющим воздухом духовным. И, однако ж, это не

есть праздное дилетантство. Нет, это есть дело существенной необходимости для преуспеяния и благостояния нашего духа.

Вот почему между истинными христианами всегда была и есть потребность иметь под руками свято-отеческие писания о духовной жизни. Но сколько похвально чувство такой потребности, столько же обязательно удовлетворение ее от лица тех, кои имеют долг к тому и силы на то. Она и была всегда удовлетворяема как изданиями сих писаний в полном их составе, например, св. Макария, Исаака и Ефрема Сириан, Лествичника и других многих, так не менее того — изборниками из них. К числу таких-то изборников принадлежит и известное всем Добротолюбие как наилучший из них.

Понятно теперь, что есть Добротолюбие. Оно дает нам, как значится в заглавии, слова и главизны священного трезвения, т.е. и полные рассуждения, и краткие изречения о внутренней духовной жизни со всеми свойственными ей проявлениями и деланиями. Это книга, составленная в удовлетворение духовных потребностей в ревнителях о духовном преуспеянии. Читающие ее знают, какие сокрыты в ней сокровища духовной мудрости: читают и услаждаются. Но, услаждаясь и назидаясь чтением ее, они не скрывают скорбного сожаления, что многое в ней остается непонятным не по высоте и глубине содержания, а по устарелости перевода. Очевидна поэтому потребность нового перевода сей книги (7, с. 3–7).

47. Различия теоретического и жизненного усвоения Божественных истин

По раскрытии в нас Царствия, точно, происходит нечто похожее на откровения, только не чего-либо нового, а того же, что уже открыто и что уже известно было нам по уму, а не по опыту. Тут дается сердцем ощутить все Божественные истины: и теоретические, и практические, составляющие существо христианства или нашего богообщения в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа. И прежде они были ведомы, но совсем не так, так что не знавшим их теперь думается, что они получают нечто новое. Это похоже на то, как, читая путешествие, напрягаешься вообразить все по описанию и думаешь, что все знаешь; а когда придется взглянуть на все своими глазами, то находишь все совершенно новым, словно прежде ничего о том и не воображалось. Возьмем одну главную мысль.

Христианство, то есть вера в Господа Иисуса Христа и общение с Ним, есть спасение, или избавление нас от решительных зол, ничем другим не отвратимых. Все это исповедуют, но только исповедание это до времени есть умовое верование; когда же вступит кто в то состояние, о котором речь идет, тогда он начинает носить в себе чувство спасения и избавления. Он не только верует быть спасенным, но чувствует себя спасенным: все одно как утопал бы кто — и принят был на спасательную лодку.

Когда придет это чувство, тогда самая истина спасения явится в новом

свете и в новой силе. Как эта истина переходит в чувство, так и все другие, и большие, и малые все входят в сердце и обращаются в существо нашего ума и духа. И всякое такое восприятие сердцем истины отзывается в сознании новым откровением, словно тут только она и узнана. Припомните, как игумен Парфений до обращения своего из раскола сто раз, как говорит сам, читал в книге о вере, что Греческая Церковь и под турецким игом сохранила чистоту веры, и все не в догадку, что это за истина. Но однажды она вошла в его сердце и все осветила и мгновенно произвела в нем внутренний переворот. Я думаю, и всякий испытывал, как иногда вещь какая-нибудь лежит перед глазами и все не видится; а потом вдруг как бы входит в глаз — глядишь и недоумеваешь, откуда она взялась. То же совершается и в духовной жизни: ныне одна, завтра другая истина домостроительства нашего спасения вводится в сердце и начинает быть чувствуема в ее истинном виде, но никаких новых откровений не бывает.

Вот это именно, а не другое что начинается и древнее обетование, что *все будут научены Богом* (Ис. 54, 13, ср. Ин. 6, 45) (10, с. 71–73).

48. Чтение и размышление

Чтение и размышление идут вместе; могут подготовить к молитве и оставаться праздными. Но сами они не молитва и заменить ее не могут. Чтению предел тот, чтоб дойти до предмета, который бы *оковал внимание* и остановил на себе одном. То

же — размышлению. И тут переход к молитве или даже к молитвенному состоянию надолго. Хорошо утром после молитвы добиваться до сего чтением. Читать понемногу... Чтение с теплотою еще не то... Там, в молитвенном состоянии, прекращается чтение, и ум станет и не колыхнется, и хорошо ему бывает. Понудьте себя читать молитвы, кои показал священник.

Они дверь. Как войдешь внутрь, не отворивши двери? Одолейте скуку. Их немного. Помышляйте, что, читая их, вы Господу говорите слово, которое Он слышит. Можно заучить сии молитвы и читать на память, внятно сердцу и Господу. Только надобно одолеть себя. Господь вам помощник (11, с. 7)!

Много не надо читать... Прочитавши что-нибудь, жуйте то, пока дойдет до сердца. И довольно. Вот вам признак полезного чтения!

Когда какое место так займет, что все мысли и внимание сосредоточатся в нем, это хорошо. Всякое другое чтение есть праздное.

По вечеру или после обеда хорошо читать жития святых дневных. Для того под руками имейте Четь-Минею (11, с. 35).

49. В Четьх-Минях вся почти церковная история

Вот вы читали повествование о мытарствах. Где найдете что подобное? И сладостно, и назидательно. В Четьх-Минях вся почти церковная история и вся она такого свойства. Отрезвляет, умиляет и к Богу обращает (11, с. 81).

50. О пытливости ума

Что у вас там за чтения? И что из сего читаемого вы находите полезным и приложимым к жизни? Последний признак должен быть пробою доброты исследования писаний. Но есть и другое исследование, никуда не годнее, — бесплодная пытливость ума. Вот как разбирайте! Если, слушая, видите, что все мысли, как мыльные пузыри, хоть и красны, да пусты и скоро от легкого движения воздуха здравого рассуждения трескаются, — знайте, что слышанное есть дело пытливости праздною. А если, слушая, найдете, что слышанное садится на сердце и втесняется в него и давит его, сокрушая, или расширяет, возвеселяя неземными надеждами, то знайте, что слышанное не есть дело праздною пытливости, а есть опытом дознанная истина. Для иных испытание писаний может быть великим искушением. Вы подивитесь? А так есть. Помните, как авва Серида прибил Досифея за то, что сей последний начал без всякой нужды пытаться, что то значит и что это, отчего так написано, а не иначе? Вот и другой пример. В Филиппах (см. Деян. 16) была отроковица, имевшая дух пытлив, и апостол Павел изгнал его. Посмотрите еще у Филофея или у Диадокха (в Добротолубии). Там недобрым делом сочтено, когда от внимания и молитвы отвлекает желание или позыв побогословствовать. Да и много найдете подобных советов относительно пытания писаний. Разбирали ли вы, как произошли еретики? Все до единого от пытания писаний.

Так выходит — это меч обоюдоострый! И, стало быть, надо с ним осторожно обходиться (11, с. 88–89).

Вот что скажу вам для распознавания духа истинного от духа лестча в сем отношении.

Православный христианин читает Слово Божие; истины, прямо в нем содержимые, печатлеет в своем сердце, не двигая своей мысли за пределы содержимого и не возвышая над ним господственно и самоуправно своего ума, а ему смиренно подчиняя его. Например, *повинуйтесь наставником вашим**... *всяка душа властем предержащим да повинуется*** . Дело ясное! Тут нечего и толковать. Печатлей только на сердце, да и все тут... Если встретится что неудобопонятное, православный ищет разрешения не в своем уме, не в своих догадках, а в общей хранильнице всякой истины — Церкви, т.е... ищет решения готового, всеми признаваемого и всем предлагаемого в Церкви; например *ты еси Петр и на сем камени**** и пр. Непонятно, как Церковь может быть основана на Петре, когда основание ее есть Господь, и притом так, что другого основания быть не может.

Не мудрствуя для решения сего недоумения, обратитесь к Церкви и возьмите существующее решение, что здесь слово *Петр* не означает лица апостола Петра, а означает твердое исповедание веры в Господа нашего Иисуса Христа.

* Евр. 13, 17.

** Всякая душа да будет покорна высшим властям (Рим. 13, 1).

*** Мф. 16, 18.

Эта твердость каждого и мученика делала камнем. Колотят, колотят и не расколотят. А вот католики стали искать решения в своей голове и попали на папу. Как ни нелепо, а вот и доселе упорствуют (11, с. 89–90).

Если какое-либо место Писания расшевелит мысль и сия начнет делать выводы, неотразимо теснящиеся в голову, — ничего: православный и от сего не прочь, только обходится с сими выводами, порождениями своими, не как с родными чадами, а как с пасынками, подвергает их немилосердной пытке, именно: вставляет их во всю совокупность истин святой веры (это все истины, в катехизисе содержащиеся) и смотрит, вьжуются ли они с ними и, если не вьжуются или противоречат им, гонит вон из головы как незаконнорожденных чад! Если не сможет сделать сие сличение сам, то снова обращается к живым или прежним учителям и их вопрошает. Вот все, как творит православный и как подобает творить (11, с. 90).

Неправославный не так делает. Родятся у него в голове какие-нибудь думы (хорошие или худые — ему нужды нет, лишь бы нравились) — он и начинает рыться в Писании и искать им подтверждения. При таком настроении, конечно, каждая строка и даже речения, чуть-чуть указывающие на мечты искателя, берутся как доказательство.

Вот собрано несколько текстов, к ним приданы произвольные толкования, и затем сделан вывод, то есть та мысль, какая родилась в голове прежде чтения Писания, а наконец и возглас: «Так учит все Писание».

Так образовались все ереси, так протестантство, так папство, с тою разницею от первых, что сии еще роются у святых отцов и их насилуют (11, с. 90–91).

51. О поучениях святого Иоанна Златоуста

Господа ради не забывайте прочитывать свт. Златоустого, какая бы книжка его к вам ни попала. Он писал просто, без приготовлений, так, как вещи зрелись его духом и мысли о том слагались в сердце. Многое у него с первого раза кажется ничтожным, но продолжайте далее — и найдете сокровище, которому нет цены. Иные говорят, что свт. Златоуст изображал порядок общей жизни христианской. Большею частию это верно, но не вообще. В каждой почти беседе найдутся изречения, изображающие сокровеннейшую жизнь духа. Сии и изучайте и держите то в сердце на случай беды и нужды (11, с. 101).

52. Отзыв о сочинениях преподобного Исаака Сириянина и преподобного Макария

Святой Макарий есть преддверие святого Исаака Сириянина. Когда мысль несобранная потеряет все пути вхождения во внутреннее святилище, развертывайте сию книгу и читайте. Как по ступеням, поведет она вас в царское жилище и представит светлому лику Царя.

Есть искусство различать помыслы. Ему научитесь здесь в тонко-частном распределении их по родам и по взаимном подчинении. Есть высшая сокровенная область духа. Здесь

начато изображение ее в выразительных картинах. Хотите ли узнать корни греха, лстивые изменения страстей? — здесь узнаете (11, с. 101).

53. Значение утреннего чтения и молитвы

Что вы утречком несколько времени посвящаете на чтение духовных книг, это очень добре...

Сколько я знаю, все благочестивые и богобоязненные люди так делают.

... Чтение вместе с предшествующею молитвою душу скрепляет и дает ей силу на целый день. Лекаря говорят: натоцак не выходи наружу. В отношении к душе это исполняется утреннею молитвою и чтением (9, с. 115–116).

54. О чтении духовных и светских книг

В духовной жизни книги — только руководство. Само познание приобретается делом. Даже то, что познано бывает из чтения будто ясно и обстоятельно, когда испытано бывает делом, представляется совсем в другом свете. Жизнь духовная — особый мир, в который не проникает мудрость человеческая. Вы сами это испытаете или уже испытываете. Трудитесь над собою и внимайте себе. Понемножку-понемножку и вы дойдете до того, что начнете вести премудрые речи, которые — садись да записывай (9, с. 249–250).

Пишете: «Много читаю, не худо ли это?» Бывает и худо, и хорошо, судя по тому, что читаете и как читаете.

Читайте с рассуждением и читаемое поверяйте неложною истинною нашего исповедания. Что согласно с ним — то принимайте, а что несогласно — тотчас отвергайте как богопротивную мысль и книгу ту, в которой излагаются такие мысли, бросайте. Вы взялись изучать духовную жизнь. Это предмет и многообъятный, и возвышенный, и сладостный для сердца, которое не может не видеть в ней последнего своего блага. Взялись за это и изучайте — и из книг, и паче делом (9, с. 250).

«Если серьезно желаете вступить на эту стезю, то вам некогда будет обращаться к изучению других предметов. Учились и общие понятия о всем имеете — и довольно с вас.

Скажете: «Да этак отсталою выйдешь?» Что же за беда! Отсталою в одном, а преуспевающею в другом — и в другом гораздо высшем. Если бы, отставая в человеческих мудрованиях, вы не преуспевали в премудрости Божией, был бы ущерб. Но как преуспевать в последней вы несомненно будете, если возьметесь за дело как следует, то не ущерб потерпите, а большее преимущество приобретете. Ибо с мудростию духовною человеческое мудрование в сравнение идти не может (9, с. 250).

Говоря так, я не то хочу сказать, чтобы другого ничего нельзя уж было и почитать, а только то, что и без него можно обойтись без ущерба, тогда как, склонясь на него, можно понесть ущерб в своем главном. За двумя погонитесь — ни в одном не успеете (9, с. 251).

Но вопрос все еще остается нерешенным: так как же — можно читать иное что, кроме духовного?

Сквозь зубы говорю вам, чуть слышно: пожалуй, можно, только немного и не без разбора. Положите такую приметку: когда, находясь в добром духовном настроении, станете читать с человеческими мудростями книгу и то доброе настроение начнет отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщий для вас закон (9, с. 251).

Но и книги с человеческими мудростями могут питать дух. Это те, которые в природе и в истории указывают нам следы премудрости, благости, правды и многопопечительного о нас Промышления Божия. Такие книги читайте. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет в них читать (9, с. 253).

Сказать «читайте такие книги» легко; но где их взять? Этого я вам указать не могу. Ныне более выходит книг по предметам естествознания. Но почти все они с дурным направлением, именно: покушаются объяснить происхождение мира без Бога и все нравственно-религиозные и другие проявления духовной в нас жизни — без духа и души. И в руки их не берите.

Есть книги по предметам естествознания без таких мудрований. Те можно читать. Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющейся. Великая во всем этом премудрость Божия! Неисследимая! Какие именно есть такого рода книжки, спросите у того,

кто увлекательно говорит о предметах веры (9, с. 251–252).

А повести и романы?! Есть и между ними хорошие. Но чтобы узнать, хороши ли они, надо их прочитать, а прочитавши, наберетесь таких историй и образов, что — Боже упаси! Занавозите свою чистенькую головку. После поди вычищай.

Какая же статья накликать на себя такой труд?! Потому, думаю, лучше не читать их. Когда кто из прочитавших благонамеренных людей порекомендует какую повесть, можете прочитать.

Есть хорошие землеописания. И их можно почитать. Но все понемногу и как бы только для разнообразия. Свое дело держите — и от него внимания не отвлекайте (9, с. 252).

55. Читательнице «Невидимой брани»

Ваши недоумения о мыслях «Невидимой брани» зависят от того, что вы смотрите на тамошние уроки не с той точки зрения... В «Невидимой брани» имеется в виду человек, борющийся со страстями и напрягающийся все худое из себя изгнать и все доброе укрепить... Когда он установится в добре и крепок станет, тогда многие из правил или иной вид примут, или отложатся. В период борения закон: ...все, что может приводить в движение кроющееся в нас зло, мало ли то или велико, должно быть устраняемо от внимания и тем паче от чувства... равным образом должно поступать и с тем, что ослабляет делания, способствующие укреплению добра. Просмотрите с сею мыслию ваши заметки —

и сами увидите, с какой стороны они несостоятельны... То, что пишется в сей книге, не для одних монахов идет, а ко всем относится, кто хочет очистить свое сердце. В виду имеется не внешнее положение, а душа (6, с. 56–57).

В «Невидимой брани» многие главы переделаны. Та книга католикам писана, а католики об умной молитве... и иных вещах подвижнических иначе от нас судят. Старец Никодим поправил, но не все. Я докончил поправку (6, с. 117).

56. Книги для руководства в духовной жизни

Беретесь перечитывать книгу «*Что есть духовная жизнь*». Добре. Там и ответ есть на ваш первый вопрос...

Подобные этой книги еще: «*Путь ко спасению*», «*Письма о дух[овной] жизни по поводу писем Сперанского*», 118-й псалом. Все они у вас есть. Извольте их держать особо, на виду и почитать. К ним же принадлежат и «*Письма к разным лицам*» (6, с. 30).

57. О творениях святого Феодора Студита

Я делаю выборку наставлений монахам из поучений св. Феодора Студита. Премудрый отец! Нежного сердца и пресмиранный! В наставлениях берет сторону не высшую, а самую низшую... видимую деятельность монастырскую и ее одуховляет... В добром исполнении всех послушаний видит путь ко спасению, научая, как эти простые превращать в Божии и Богу угодные...

Это единственные монастырские поучения... Для внутренней жизни много разъяснений, а для внешней — почти нет (6, с. 155).

58. Как читать книги с пользою

Читать Евангелие и Псалтирь — доброе дело. Не оставляйте книжки, пока не почерпнете себе какого урока или правила для жизни (8, с. 4).

ТЕРПЕНИЕ

1. Терпение в искушениях

Что терпения мало... может быть, есть следствие некрепкого здоровья и впечатлительности. И это надо терпеть, т.е. то, что терпения мало. Но оно будет крепнуть от времени, только не надо поддаваться нетерпеливости (1, с. 21).

2. В тесноте лучше жить, чем в широте

В терпении вашем стяжите душу вашу». В тесноте лучше жить, чем в широте. Такая, как у вас, самая легкая. Плод же от ней не менее значителен и прочен, как и от других тяжелейших, и это есть великая милость и снисхождение Божие (1, с. 124).

3. Значение терпения в духовной жизни

Терпеть все тяжело, что ни случится терпеть. Но тяжесть чувствуется только во время напраслины или беды. После же всего сглаживается. Сгладится и то, что вы теперь терпите. Воодушевляйтесь. Все пройдет.

Между тем сильнее восставляйте веру, что все от Господа. Не беда только крупная, но и всякая встреча от Него. А Он единое имеет в намерении — спасение наше. Принимайте же все как живительное врачевство, хоть и горькое, но полезное.

Когда бьет Господь, не праведно ли подумать, что, верно, есть за что. Итак, посмотрите, что такое есть, за что бьет, и исправьте то. Для испытания скорби посылаются праведным, а нам, скорее, в наказание и призывание к покаянию. Если верите, что Господь есть врач и такой врач, который не станет тратить лекарств попусту, то, когда отвратится неисправное — не в делах, а в чувствах и мыслях, — тогда прекратятся и скорби (2, с. 203–204).

4. Против похотливости. Надо утешаться будущим счастьем

Что смущает вас в окружающем и чего вы не в силах отстранить, оставляйте то на волю Божию, смиряясь, как вы выписали из Петра Дамаскина, пред перстом Божиим, который ничего не допускает для нас такого, из чего бы мы не могли извлечь для себя пользы духовной. Стало быть, в таких случаях подобает только сесть и рассмотреть, что бы такое хотел Господь преподать мне ими, молясь вместе, чтоб Он не оставил просветить ум ваш и дать ему узреть осязательно намеренья Божии. Когда это достигнется, тогда само собою изыдет из сердца воззвание: «Слава Тебе, Господи!» А вместе с тем исчезнет и всякая горечь, залезшая в сердце.

Зачем то и то не позволяется и пр.? Затем, что Господь находит то для вас ненужным, бесполезным, а может быть, даже и вредным. Удостоверьтесь, что так есть. И успокойтесь.

Будущее счастье, коим стараетесь утешить себя, какое это? Здешнее или загробное? Коли здешнее, то, конечно, от этого нечего ожидать. А если будущее, то не понимаю, как оно может быть не утешительно (2, с. 207–208).

5. О совершенстве терпения

Терпение дело совершенно да имать, т.е. надо его выдерживать как следует, чтоб оно ни в чем не недостаточествовало. Совершенство терпения — благодушно терпеть, а паче с радостью, и благодарить Бога за обстоятельства, терпеть заставляющие, как за благо прямое и существенное. Восставьте веру, что, терпя напраслину, вы причастными становитесь чина мучеников, и радуйтесь тому. Ибо так есть воистину. А допущая скорбь и жалость к себе, будто заделанной, вы умаляете цену того, что вам дает Господь в руки (2, с. 213–214).

6. Претерпевый до конца спасен будет

Вы заключили свои строки: «А пока терпи». Да, терпи, казак, атаман будешь. Это обетование держите в мысли и сердце... только другими словами... терпением стяжайте душу, т.е. спасайте. Ибо претерпевый до конца спасен будет. А это кто такой? Кто, несмотря на

противление своим добрым намерениям со стороны житейской обстановки и всего внешнего течения жизни, держит путь неуклонно по тому, как решил, с единственной целью благоугодить Богу. Сие весте и, как пишете, творите. И слава Богу (4, с. 144)!

7. Замечание за недостаток терпения

Вы оскорбились. Оскорбитесь каким-нибудь невниманием — значит считать себя стоящею внимания и, следовательно, ценить себя высоко в сердце, иначе, высокосердою быть. Хорошо ли это? Терпеть, хоть быто напраслину, есть ли долг наш? Конечно. Когда же мы начнем его исполнять? Ведь когда дана заповедь терпеть, то надо всякий случай неприятный перетерпевать, не пропуская, и перетерпевать с радостью, без нарушения мирных отношений. А мы с вами ныне пропустим такой случай, да завтра пропустим. Скажете: это мелочь, что тут и терпеть? Но если мелочи такой не умели мы перетерпеть, куда же потерпеть нам больше? С маленького бы начинать хоть (4, с. 235).

8. Как исполнить заповедь об ударе в ланиту

Господь сказал: когда ударят в ланиту, подставь другую; а тут муха пролетела да крылом зацепила, и то мы на дыбы. Скажите, готовы ли вы исполнить эту заповедь Господа об ударе в ланиту? Верно, скажете: готова. Но ведь случай, о котором писали, представляет именно это. Ударение в ланиту не буквально только

надо понимать. Под этим должно разуметь всякий вообще поступок ближнего, которым, как нам кажется, не отдано нам должного внимания и почета, которым чувствуем себя униженными, от которого страдает, как говорят, гонор наш. Всякий такой поступок, хоть он самый маленький: взгляд, мина и пр. — есть ударение в ланиту; и его не только надо перенести, но быть готову еще на большее унижение, что и будет соответствовать подставлению другой ланиты. Что у вас было, было бы похоже на ударение в ланиту — легонько. Вы же что? Подставили другую? Нет, не только не подставили, напротив, сдачи дали. Ведь уж дали сдачи, ведь уж дали почувствовать, что имеете нечто. Стало быть, мы с вами — не тронь меня. И стало, куда же гожи? И как можем считаться ученицами Христовыми, когда заповедей не исполняем? Вы бы рассудили только: да стóите ли вы какого внимания? Если б в сердце было это чувство недостойности, никакой обиды не почувствовали бы вы. Этот маленький случай считаю довольно большим и для внутреннего, и для внешнего вашего. Извольте построже просмотреть — и удостоверитесь. И что еще может быть?! Благодать отступит. Тогда что мы будем делать? Тогда все подкрепительное отойдет, а пожелание и страсти, как голодные псы, с цепи сорвавшись, начнут грызть и терзать — только поворачивайся. Маленького не потерпели, надо будет это большое потерпеть. Сохрани вас, Господи! Ой! Смотрите! Улетит птичка; кто зна-

ет, дастся ли опять в руки (4, с. 235–236)?

9. Рецепт от нетерпения

Что такое сделалось с афонцами, что не шлют «Невидимую брань»? Верно, нечего делать, как прописать себе: «Терпения — столько-то, смирения — столько... уважения к делам других — столько-то... Столочь все в ступе благоразумия, всыпать в стакан слез... и принимать по чайной ложке, как только покажется ропотливость нетерпения... Вот и рецепт (6, с. 136).

10. Терпение — часть мученичества

Все, что вы потерпели в этих обстоятельствах и еще терпите, есть частичка мученичества ради того, что терпите напраслину. Не лишайте же себя чести сей и не тяготитесь. — Терпите ведь?! Бог даст терпение. Приложите же к Божью дару свое произволение и терпите охотно и радостно, *да терпение ваше дело совершенно имать* (6, с. 197).

11. Терпение в жизни — фон в картине

Терпение в жизни — что фон в картине: всюду оно требуется. Но настоящее терпение есть дар Божий и подается ищущим и, хоть через силу, напрягающимся удерживать его при смущениях, неурядицах и нападках. Дух истинного терпения — предание себя в волю Божию всецело, с готовностью все принимать как от руки Господней, при полной уверенности, что все то душеспасительно именно для нас, хотя как — и неви-

димо нам. Сии стихии терпения почаще надо поновлять в уме и сердце или во всякой молитве, терпение и будет всегда наготове, как ни требуется. И как только покажется что неблагоприятное, тотчас спешит стать на камень предания себя Богу (6, с. 207).

12. О терпении клеветы

Я немного знаю, как тяжело терпеть клевету. Она — грязь, но грязь целебная. Терпите; придет срок... Врач душ снимет эту горчицу. И Господа поносили... «ядца и пийца»... «друг мытарям и грешникам»... «беса имать»... Быть причастною поношений Господа — великая слава! Смиряться при сем — смиряйтесь, но не теряйте нравственной крепости духа и блюдите сознание, что, не будучи осуждены совестью, всегда смело можете воззреть к Господу или дерзновенно стоять пред лицом Его. Что сего дороже?..

Делайте свое; а как другие на вас смотрят, не считайте того важным. Ибо верен суд только Божий. Люди же и себя плохо знают, тем паче других (6, с. 212).

13. Совет о терпении

Со скорбями находящими — что другое делать, как не терпеть? Установитесь в мысли, что без Бога ничего не бывает и что потому все бывает во благо нам. От нас зависит только надлежащим образом воспользоваться всем, что случается. Но если и одно только терпение явим — и то доброе себя есть держание пред Богом (8, с. 17).

Со скорбными чувствами продолжайте управляться терпением, а паче преданием Господу всей своей участи, почерпая себе утешение из уверенности, что все бывает по Божией воле и все во благо нам — настоящее (8, с. 19–20).

Все надо благодушно терпеть, не унывая по той вере, что все исходит от Господа Всеблагого и все к нашему истинному благу (8, с. 23).

14. Значение терпения

Не напрасно сказал св. Павел: «Терпения имате потребу». И терпите. Терпением стяжевается ду-

ша — покупается будто с торгу (8, с. 19).

15. Терпение без воли не бывает

Когда перетерпеваете, значит — терпите. А что при этом больно, как же иначе-то? Если б не больно, нечего было бы и терпеть. Верно, сердце ваше очень впечатлительно и глубоко поражается случающимся. Это не от произвола, потому не ставится в вину. Вина пойдет от того, что бывает вследствие чувств. Если сердчаете, досаждаете, бранитесь, ропщете. Если же, хоть и больно, терпите без роптания, то иначе и нельзя, по вашему настроению (8, с. 37).

УНЫНИЕ

1. Тоску и скуку враг наводит

Пишете, что тоска и скука томит. Беды ведь внешней — видимой — никакой нет?! Так это вражье дело. Враг не любит покойных сердец... и вот он ухитряет каким-то образом сердце сжимать и сладкий покой из него изгонять. Молитесь к Господу и Божией Матери... и пройдет... Только не ропщите и не досадуйте на это, а говорите: по делам, по делам! И прибавляйте: прости, Господи, грехи мои, ведомые и неведомые. Враг томит без толку, а вы, обратив сие томление в томление о грехах, перехитрите его, сделав его орудием доброго душевного чувства (3, с. 93).

2. Появление уныния: а) при отсутствии благодатных влечений; б) при пресыщении от чтения и размышления

Сказав, что «Царствие Божие обнаруживается», Сперанский продолжает: «Тогда, когда все размышления, все рассуждения о предметах небесных становятся сухими, скучными, безвкусными...» Нет, не так: то влечение не есть следствие этого безвкусия, а безвкусие есть следствие того влечения. Надобно сказать так: когда то влечение обнаружится, тогда прекращается всякая своелич-

ная деятельность, умом ли или другими силами, и желания ее нет; разве только враг может подходить и на что-нибудь наводить, внушая, что то и то тебе надо сделать или обдумать, чтоб развить начинающееся доброе состояние. У Сперанского это выражено слишком сильно: «сухими, скучными, безвкусными», тогда как довольно было сказать: все прекращается и оставляется. Если эти слова Сперанского понять так, как они звучат, то они будут указывать на бывающие в духовной жизни остановки от сухости, безвкусия и скучности. Это припадки духа уныния, мучителя подвижников. Но тогда не бывает никаких благодатных влечений; напротив, отсутствие их и бывает причиной уныния. Тут место только молчаливому терпению. Бывает также нечто похожее на это, когда кто долго читает со вниманием и углубленно размышляет о читаемом; душа насыщается тогда и читать более не хочет, и требует утомленному вниманию отдыха в молитве. Само собою видно, что тут бывает влечение совсем не то, о котором идет речь: тут обычная потребность отдыха, обнаруживаемая утомленной душой, подобно тому, как обнаруживается она утомленным телом (10, с. 39–41).

УЕДИНЕНИЕ

1. Старайтесь уединиться в сердце и там установить свое сознание пред лицом Божиим — хождение пред Богом

Позыв на уединение и безмолвие... и даже порывы, вами испытываемые, не суть доброго качества. Потому лучше их прогонять, а на место их выставлять или производить в душе желание труда — претруждения себя. Вы по временам имеете уединение — и довольны. Во всякое другое время старайтесь уединиться в сердце и там установить свое сознание пред лицом Божиим, что есть хождение пред Богом (1, с. 248).

2. Значение уединения

Вы помянули о превосходстве уединения... Хорошо оно. Но ведь можно сидеть за стенами, а умом не знать где быть. Следовательно, само по себе оно ничтожная вещь (2, с. 201).

3. Домашняя пустынь

Вы теперь в своей пустынке — настоящая пустыница. В первое время так и жилали подвижницы. В доме, где-нибудь в уголку, устроили конурку и жужжали там незримо ни для кого. Не дивно, что скоро мы воротились к этому чину подвижничества при общем охлаждении к Церкви и монашеству паче (3, с. 53–54).

4. Совет и мечты об уединении

Приветливо ли, как всегда, смотрит на вас келия ваша?! Если при-

ветливо, то можно бы попробовать уединение на пост! Сейчас это у меня с мысли сошло. Всяко, как душа хочет. Уединение полное я разумею. Уж до самой Пасхи. И окошечко завесить... Э, любо! э! любо... Когда-то Господь даст, хоть бы недельку мне так побыть... Я совсем было в лес... да не приходится (3, с. 56).

5. Как заменять в уединении церковную молитву

Что в церкви не бываете, не беспокойтесь. Для Бога всякая молитва от сердца равноценна, где бы она ни возносилась. Тут разницу делает только одна привычка. И к бесцерковной молитве можно привыкнуть. Меньше читайте по молитвенникам. Больше молитесь так, от себя... и с одним «Господи, помилуй» можно обойтись... Переведите службы на поклоны и посредством их удовлетворяйтесь. Так делали все пустынники и уединенники. И это лучше гораздо, чем читать. Совсем не читать — не обойдешься. Но кое-что на память, без книжки. Благослови, Господи (3, с. 61)!

6. В сердце должно быть, как в келии, то есть Господь да вы

Вы уединились и одни с Господом. Благослови, Господи, так быть вам в сердце, как в келии, т.е. Господь да вы (3, с. 93).

7. Досада и серчанье на нарушающих безмолвие — плод самомнения

Досада и серчанье, когда кто нарушает ваше уединение, никуда не гоже... Это плод самомнения: не смей мешать мне. Тут и враг развивается около вас. Положите не под-

даваться сему чувству. Неприязнь и сержание дозволительны только тогда, когда предметом их — дурные помыслы и чувства (3, с. 121).

8. *Позыв к уединению указывает на хорошее сердечное настроение. Навыкнуть ходить пред Господом — самое лучшее уединение; удаление в глушь — неподходящее дело*

Позыв к уединению указывает на хорошее в вас сердечное настроение, но удовлетворять его можете каждый день. Как только имеете свободу от дел, уклоняйтесь в свою комнату... и старайтесь быть с Единым Господом, сходите умом в сердце и там стойте пред лицом Господа, славословя Его, благодаря и прося у Него благопотребных благ духовных. Делая так, навыкнете, будете ходить перед Господом... Вот и уединение, а что вы загадываете удалиться в глушь... это вам дело неподходящее (3, с. 159–160).

9. *Для уединения нужно ждать определенных указаний, сохраняя внутреннее безмолвие*

Господь одобряет ваше желание уединения, но времени не указывает. Надо ждать определенных указаний, а до того блюсти внутреннее безмолвие и продолжать усердно дела по благоустройству обители (3, с. 228).

10. *О борьбе со страстями в уединении и в общении с другими. Необходимость бороться со страстями в обществе пред уединением*

Вам говорят: «Более заслуги подвизаться в молве житейской, чем

спасаться в уединении». И вы не отрицайте этого. Те, которые истинно подвизаются, не имеют в виду заслуги, а о том лишь заботятся, чтоб очистить себя от страстей и страстных чувств и помыслов.

Для этой цели жизнь в общении с другими пригожей, потому что она представляет действительные опыты борения со страстями и преодоления их. Эти победы бьют страсти в грудь и в голову, а повторение их скоро убивает страсти наповал. В уединении же борьба бывает только мысленная, которая так же бывает слабодействительна, как удар крыла мухи. Оттого умерщвление страстей в уединении долже тянется. И мало того, оно бывает всегда почти не умерщвлением собственно, а замирианием, замирианием на время до случая встречи с предметами страсти... При чем бывает, что страсть вдруг воспламеняется, как молния. И бывает, что иной, долгое время имевший в уединении покой от страстей, вдруг падает. А того, кто дошел до покоя от страстей чрез борьбу не мысленную, а действительную, нечаянное нападение их не поколеблет. — Вот на каком основании мужи, опытные в духовной жизни, заповедуют преодолеть страсти действительным с ними борением в общении с другими, а после этого уже уединяться (4, с. 12–13).

11. *Для желающего уединения везде его можно устроить*

Я все думал, что у вас хлопоты не об уединении, а только о перемене места, что вам мешает спасаться... А если уединение требуется, то его везде устроить можно: затворите

двери, вот и одни. Если вы здесь не можете этого сделать, то и нигде. И причина — человекоугодие: боитесь укора. Оставаясь такою, куда бы вы ни уехали, все то же встретите и все те же уступки допускать будете (4, с. 14).

12. Порвавшей все прежние связи наставление об уединенной жизни

Вы теперь уже порядочно обсиделись в своем уединении, и слова ваши очень веско определяют его преимущества. Пока это у вас еще только теория, но, думаю, не замедлит и практика вступить в свои права. Теория — придворная особа, а практика — медведь из леса. Начнет ломать... только держись. Помогай вам, Господи! Было бы усердие и решимость твердо идти к предположенному, и все пойдет добре, только не как по чугунке, а как богомольцы — пешочком с костыльком (4, с. 22).

Воображаю себе вашу келию. Три стены, образа... Сколько видите вы очей, устремленных на вас! Чего желают они? Увидеть в вас то, что по духу их... т.е. по духу Господню, по образу Кюего вы возродились и теперь вступили в подвиг, чтобы достигнуть и подобия Ему. Святые — пример тому, указатели, как и помощники молитвенные... Это все крылья вам подвязывают. Летите же — Бог вам в помощь (4, с. 23)!

13. Уединение — великое благотворное положение

Уединение, вас ожидающее, — великое благотворное положение. По-

трудитесь же с первых дней завести порядок дел и занятий, направленных к одному и так прочно одно к другому прилежащих, чтобы и на минуту не оставалось праздного времени. Праздное время в заговоре со всеми духами против бедной души... духом налетят и начнут теревить душу, один — одно, другой — другое предлагая... все же об одном заботясь, как бы от Бога оторвать внимание и обратить его сначала на пустое, а там на что-нибудь и не совсем доброе (4, с. 37–38).

14. Уединение способствует ощутить сладость сердечной молитвы

Предполагаете, что отсутствие служб монастырских повлияет неблагоприятно на ваше внутреннее настроение? А мне думается, что, когда, уединившись в себя, даст вам Бог ощутить сладость и силу своей сердечной молитвы, тогда вы лучше такой молитвы не пожелаете (4, с. 49).

15. Поздравление с обретением пустыни в квартире

Поздравляю с обретением пустыни в своей квартире, не чая сего прежде. Даруй, Господи, устроиться вам в ней, чтобы в сем устроении дух ваш мог пребывать не отвлекаемым от Бога (4, с. 62).

16. И в Москве можно сохранить уединение

Жалуете об уединении деревенском. Надо бы жалеть, если бы переезжали в маленький городок; а в Москве удобнее сохранить уедине-

ние даже более, чем в деревне. Там всяк занят собою и до других дела нет. Улицы полны народа, но вы можете шествовать по ним, как по пустыне. Только сами не затрагивайте никого... Не ищите знакомства и развлечений. Душа тогда, не подвергаясь разнообразию впечатлений, будет сама с собою свои думки вести... пережевывать жвачку... Бог даст, со временем встретите единомысленную другиню... и ею загородите дверь от других. На все, однако ж, глазок смотрок. Себя держать везде следует, и везде это есть труд, требующий борьбы... Рвение к должному когда присуще, оно все уладит. Страх Божий и внимание — охрана и покой. Молитву Иисусову творите всегда-всегда, с верою и упованием (4, с. 130).

17. Сиди в келии — и она тебя всему научит

Любите сидеть дома. Прекрасно... Есть правило старцев: сиди в келии — и она всему тебя научит. В келии велят отцы молиться, читать, рукодельничать, переходя от одного к другому. Устройтесь так и будете жить, как в раю... госпожою над собою и над всеми делами своими... а далее мыслями и чувствами... Главное тут — навикнуть всегда быть в том, что есть едино на потребу (4, с. 149).

18. Об уединении среди шума мирского

Жаждете решительного уединения. Подождите. Уединение внешнее придет само, когда установится

внутреннее. Бог устроит. Примите, впрочем, к сведению, что можно быть уединенну среди шума мирского и можно быть, как в суматохе мирской, в келии уединенной. Вы будете обладать лучшим, чем уединение внешнее, если так уединитесь в себе, что никакая сумятица внешняя развлечет вас не сможет. О сем молитесь. Теперь вам труднее. Послушание ваше развлекает вас. Но оно же да будет вам наукою, как держать себя внутри, несмотря на внешнее к тому неудобство (4, с. 227).

19. Минуты уединения нужно использовать для неразлучного пребывания с Господом

Спешите воспользоваться выпавшими минутами уединения для неразвлеченного пребывания с Господом и сладостной беседы с Ним. Уединение в этом духе сладостно. Желая вам вкусить когда-нибудь сей сладости, чтобы желать его как рая на земле (9, с. 230).

20. Как пользоваться минутами уединения

Вот и одни, а скучаете! То скучаете, что много разволоки, а когда остались одни, не знаете, как время наполнить. Минутами уединения надо пользоваться, обращая их исключительно на дело Божие — молитву и богомыслие. Эти же занятия, коль скоро хоть немного исправно идут, не дадут скучать. Ибо от них исходит духовное утешение, которого не может дать ничто на земле. Я разумею то, когда при чтении, например,

Евангелия, рождаются вопросы и один успех раздражает на большее, когда по должном углублении душа а там приходит и навык к таким найдет им удовлетворительное решение. В этом много утешения души, быстролетна и многомысленна ховного. И тем это приятнее, что (8, с. 6–7).

СЛОВАРЬ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А

Авва — отец (обращение к Богу Отцу; настоятелю монастыря или монаху-старцу).

Алчба — чувство голода.

Ареопэг — афинское верховное судилище.

Артос — квасной хлеб, освящаемый в первый день Пасхи.

Аще — если; если бы; когда.

Б

Башибузук — разбойник, головорез.

Бе — (он, -а, -о) был, -а, -о; **бех** — (я) был.

Беличка — мирянка.

Блажить, блажничать, поблажать, разблажать — вести себя своеправно, потакать себе, дурить.

Бо — ведь, же; так как; потому что.

Боже, в помощь мою вонми (Пс. 69, 2) — Боже, поспеши на помощь мне.

Болий — больший.

Борзясь — спеша, торопясь.

Брашно — пища, еда.

Буди — будь, да будет!

Будылка — ствол крупного травянистого растения; срезанный, скошенный стебель.

Бысте — (вы) были; **бысть** — (он, -а, -о) был, -а, -о; **бысте были** — вы были бы; **быша** — (они) были.

В

Вверзите — ввергните, с силой бросьте, закиньте.

Вводяй (от вводити) — вводящий.

Велиар — дьявол.

Велия — большая.

Веруяй — верующий.

Весть (от ведати) — знает; **весте** — знаете; **веси** — знаешь.

Взыщу (от взыскати) — буду искать; **взыскай** — ищущий.

Влающийся — обуреваемый, подвергаемый непогоде.

Влаятися, влатися — быть застигнутым бурей в море, подвергаться ударам волн.

Влещи — тащить, вести, волочить; увлекать, привлекать.

Внити — войти, посетить.

Внитие — вход.

Возведох (от возвести) — (я) возвел.

Вовреци — ввергнуть, с силой бросить.

Во еже — чтобы.

Возвеселиша — возвеселили.

Возгрение, возгреание — возгревание.

Воздаждь (от воздати) — отдай, возврати по заслугам.

Волит (от волити) — хочет, желает.

Волцы (от волцец) — колючие сорные травы.

Вонми (от вняти) — послушай, услышь, прислушайся.

В онъже — в который; в него же.

Ворочать — возвращать.

Вретище — рубище, разодранная, грубая одежда; власяница.

В родех и родех — во множестве родов, из поколения в поколение.

Всади (от всадити) — посадил; заточил, заключил.

Вскую — ради чего, зачем?

Всуе — напрасно, тщетно, без причины.

Выметки — выдержки, выписки.

Выну (церковносл.) — всегда, во всякое время.

Высокосердый — гордый.

Выспрь — вверх; верху.

Выспрь прозябаяй (Евр. 12, 15) — прорастающий вверх.

Выя — шея.

Вящый — больший, лучший.

Г

Гад (церковносл.) — пресмыкающееся животное, например, змея или ползающее насекомое.

Глаголати — говорить; глаголаху — говорили.

Главизна — книга; начало; основание.

Голиаф — великан.

Горé (церковносл.) — вверх, ввысь, к Небу; верху.

Горний — вышний, небесный.

Горша — злее, хуже, более злые.

Греси; о гресех — грехи; о грехах.

Грядет — идет.

Д

Да — пусть; чтобы.

Даде (от дати) — дал; даждь — дай.

Двор языков — двор для народа.

Дверем затворенным — когда (в то время как) двери были закрыты.

Десный — правый, находящийся справа.

Дюйм — единица длины в русской системе мер, равна 2,54 см.

Днесь — сегодня; ныне.

Доволь — довольство, достаток, избыток.

Догматы — Богооткровенные истины, содержащие учение о Боге и Его домостроительстве, которые Церковь определяет и исповедует как неизменные и непререкаемые положения Православной веры.

Долже — дольше.

Долу — внизу.

Дондеже — пока не; до тех пор, как; доколе не.

Е

Е — его.

Еда (церковносл.) — ли, разве, неужели.

Едучий — едкий.

Еже — которое; чтобы.

Елик — какой, который.

Елика — какая; сколько.

Елицы — которые.

Емлется — берется.

Епитимия — духовно-нравственное делание, налагаемое Церковью на кающегося грешника для его врачевания.

Еси — ты есть; **есмь** — я есть; **есте** — вы есть.

Ж

Живот (церковносл.) — жизнь.

Жрущая (от жрети) — приносящая себя в жертву.

З

Завладен — захвачен, подчинен.

Зачало — одна из статей, на которые разделены Евангелие и Апостол для ежедневного чтения в церкви.

Здатель — строитель, зодчий.

Зде — здесь, в этом месте.

Зрети — видеть; **зря** (церковносл.) — видя.

И

Идеже — где.

Иже — который, -ые.

Ижденут, изженут — изгонят.

Иждивати — расходовать, растрачивать.

Избрах (от избрати) — (я) избрал, выбрал.

Изгнаша (от изгнати) — изгнали.

Имамы (от имети) — имеем; **имате** — имеете; **имать** — имеет; **имеяй** — имеющий.

Имиже (от иже) — которыми, какими.

Ин — иной, другой.

Инде — в ином месте.

Индийцы — американские индейцы; азиатские индийцы.

Инуды — с другой стороны, извне; в другом месте.

Ирвингийцы — секта последователей англиканского пастора Э. Ирвинга, имевшая в XIX веке в Петербурге особую общину.

Иский (от искати) — ищущий.

Искупоюще (время) — не трата попусту, а употребляя на дело спасения; дорожа временем.

Источный — главный; изначальный.

Исходище — источник.

К

Како — как.

«**Камень веры**» — книга митрополита Стефана Яворского против протестантизма в защиту Православного вероучения.

Камо — куда, в какое место.

Кая — какая.

Квас — закваска, дрожжи; кислое тесто, кислый хлеб.

Квакеры — члены протестантской мистической секты (в Англии, США), отвергающие все церковные учреждения и придерживающиеся учения о внутреннем озарении каждого верующего.

Квиетизм — религиозно-этическое учение, проповедующее мистически-созерцательное и безучастное отношение к миру.

Кийждо — каждый.

Книксен — приветствие в виде короткого приседания.

Команем (ходить) — конем.

Корпать, корпеть — ковырять; неотрывно сидеть за каким-либо за-

нятием; заниматься сидячей работой.

Л

Лавсаик — книга Палладия, епископа Еленопольского, содержащая жития святых и блаженных отцов и предназначенная для чтения во время Святой Четыредесятницы.

Ланита — щека.

Лжуще — злословя.

Лествица — лестница; книга преподобного Иоанна Лествичника, руководство к монашеской жизни.

Лестчий — обманчивый, обольстительный.

Лимонарь (с греч. — цветник) — книга святителя Софония, патриарха Иерусалимского, содержащая в себе собрание повестей о деяниях пустынножителей, просиявших свято-стию.

Любы — любовь.

Любоимание — корыстолюбие.

Любйяй (от любити) — любящий.

М

Мздовоздаятель — вознаградитель, уплатчик за труды.

Ми — мне.

Мистицизм — вера, что единственным источником познания Бога является внутреннее и непосредственное созерцание Его; мистический теизм, чуждый всех вероучитель-

ных догматов и стремящийся к слиянию с Божеством помимо Церкви; в России получил распространение в эпоху Александра I.

Мнас — древняя греческая монета в 100 драхм, мина.

Многащи — многократно.

Мнози; о мнозе — многие; о многом.

Мняще (от мнити) — думая.

Молихся (от молитися) — (я) помолился.

Молокане — русская рационалистическая секта, отделившаяся от духовоборов, основанная в 80-х годах XVIII века тамбовским крестьянином С.М. Уклеиным. Имеет еретическое учение о воплощении Сына Божия и воскрешении мертвых, отвергает Священное Предание, Таинства, храмовое богослужение, почитание Божией Матери, Ангелов и святых; не чтут креста, икон, святых мощей, отрицают иерархию, монашество, установленные посты, крестное знамение.

Молочничать — лечиться снятым молоком; соблюдать молочную диету.

Мя — меня.

Н

Наводяй (от наводити) — наводящий.

Наветовати — наговаривать, клеветать, возводить напраслину.

Нагодь (от нагодный) — пригодно, способно, на руку.

Надесно — направо.

Надмились — наполнились сесью, высокомерием, возгордились, вознеслись.

На духу — на исповеди.

Наипаче — более всего, особенно.

На ковыль-костыль — кое-как, как попало, плохо.

Настояти — наступать, приближаться, присутствовать, находиться.

Началовождя — началоводец, главный вождь, руководитель.

Начный (от начати) — начавший.

Невеглас — невежда, неученый, несведущий.

Неглижер (от неглижировать) — тот, кто пренебрегает чем-либо; относится к чему-либо небрежно, без внимания.

Неключимый — негодный, непотребный.

Не ктому — более не, уже не.

Не настоит нужды — нет необходимости.

Непщевати вины о гресех — выдумывать извинения грехам.

Несмь, не есмь — (я) не есть; несть — (он, -а, -о) не есть.

Нетопырь — крупная летучая мышь.

Нечаяние — отчаяние, лишение надежды.

Ниже — и не.

Низвращение — разрушение до основания.

Низринуть — сбросить вниз.

Ничесоже — ничего.

Ничтоже сумняся — не долго думая, не сомневаясь, не колеблясь.

Нудится (от нудитися) — дается, ищется трудами, с самопринуждением и напряжением сил.

Нуждницы — усиленные искатели; употребляющие усилия.

Ны — нас.

О

Обаче — впрочем, однако, но; подлинно.

Обдержажий — владеющий, обладающий.

Обдумание — обдумывание.

Обетовати — обещать.

Облецися — облечься.

Обряцете (от обрести) — найдете.

Обыдет (от обыти) — окружит.

Одесную — справа, по правую руку, на правой стороне.

Одухвление — одухотворение.

Ожестети — зачерстветь; пожухнуть, засохнуть, завянуть.

Октоих (Осьмогласник) — церковно-богослужбная книга, содержащая в себе недельные службы восьми гласов — напевов.

Он (церковносл.) — тот, оный.

Опасно (церковносл.) — осторожно, осмотрительно.

Остращенный — пребывающий в страстях, служащий страстям.

Осуечать — наполнять душу суетой, делать ее суетной.

Отверзи — открой.

Отложши — отложив.

Отпускается — отпускается.

Отревати — отталкивать, отвергать.

Отчи (от отчий) — отцовские.

Отщтит (от отщтити) — повредит, опустошит.

Ошуюю — слева, по левую сторону.

Оядотворение — отравление, приводящее к тому, что нечто само становится ядом.

П

Пад (от пасти) — упав.

Паки — опять, снова, еще.

Пантеизм — религиозное философское учение, отождествляющее Бога с природой.

Паремии (греч.) — чтения из Священного Писания Ветхого или Нового Завета, употребляемые в вечернем богослужении.

Патерик (с греч. — отечник) — книга, содержащая в себе жития святых отцов, которая по церковно-

му уставу читается между службами, за трапезою в монастырях.

Паче — более, выше, сверх; лучше.

Пашковцы — последователи отставного полковника гвардии В.А. Пашкова — деятельного проповедника ереси Г. Редстока в России в 70–80 годах XIX века (см. Редстоковщина).

Пияй (от пити) — пиющий.

Плевелы — сорные травы, растущие среди пшеницы.

Плесна — подошва, ступня.

Подобаше (от подобати) — подобало.

Понеже — потому что, так как; поэтому.

Перетростить — перевить, развить и свить снова.

Перси — грудь.

Персть — земной прах, пыль.

Пецытеся (от пецися) — заботьтесь, пекуйтесь; **печешися** — печешься, заботишьяся.

Пещь — печь.

Пийца — пьяница, любитель выпить.

Подвизахся (от подвизатися) — я подвизался, потрудился.

Подчегарый — поджарый, худощавый, сухой.

Пожершись (от пожретися) — принесши себя в жертву.

Поколику... потолику — поскольку... постольку.

Понеже — потому что.

Поречение — порицание, жалоба.

Посетисте (от посетити) — вы посетили, навестили.

Последь — последствия.

После скобели топором — от словицы: После скобели топором, после полотенчика онучей.

Посли (от послати) — пошли.

Потаракать — приятельски побеседовать, покалякать.

Поядаяй — поедающий.

Предзрети — видеть перед собой; **предзрех** — (я) видел перед собой.

Предлежать — предстоять.

Предустановленный — устроенный, установленный заранее, предназначенный.

Презорство — презрение, пренебрежение; непослушание, строптивость.

Привзойти — взойти извне, со стороны.

Придумание — придумывание.

Призор очес — порча от глаз, сглаз.

Прилежит (от прилежати) — находится при ком-либо неотступно.

Приражаться — подступать к кому-либо.

Приражение — нападение.

Приседети — сидеть рядом.

Присещати — посещать, навещать.

Присно — всегда, непрестанно, непрерывно.

Присная — постоянная, неизменная.

Прогоняние — прогнание.

Прозябати (церковносл.) — прорасти, произрасти, процветать; **прозябай** — прорастающий.

Прозябение — рост, развитие растения, пророст семени.

Пролог — церковная книга, в которой собраны краткие жития святых и поучительные слова Василия Великого, Иоанна Златоустого и др., расположенные в порядке месящеслова.

Пропагандер — пропагандист.

Проторгаться — прорываться, разрываться.

Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами.

Р

Раздежение — разжжение, воспламенение страсти, похоти.

Разве (церковносл.) — кроме.

Разволока — развлекающие хлопоты, занятия.

Разноухания — различные ароматы, благоухания.

Разумеваяй (от разумевати) — понимающий, постигающий.

Рамена — плечи.

Редстоковщина — сектантская община последователей протестантского проповедника лорда Г. Редстока, сложившаяся в России под его влиянием в 70-х годах XIX века среди высших слоев дворянского общества.

Рече (от речи) — (он) сказал; **рех** — (я) сказал.

Рцы — скажи.

С

Самоцен — греховное чувство собственной значимости.

Сата — мера сыпучих тел, равная почти половине ведра.

Сбытие — исполнение (пророчества или прообразования); исход, конец.

Святцы — перечень святых и праздников по порядку месящеслова.

Се — это; вот.

Седение (церковносл.) — пребывание.

Седмерицею — семикратно.

Седмица — семь дней недели.

Седмь — семь.

Сень — тень, мрак; шалаш, шатер, палатка; покров, покрывало.

Сибаритство — изнеженность, праздность.

Симфония — алфавитный указатель или свод мест Священного Писания или творений святых отцов, где упоминается одно и то же слово.

Скобель — плотницкий инструмент для очистки дерева от коры.

Скопцы — евнухи; секта, возникшая в России в XVIII веке, в своем учении и обрядности сходная с хлыстами, за исключением учения об оскотлении как «огненном крещении».

Скудельный — глиняный; непрочный, хрупкий; тленный, бранный.

Словопретися — препираться, спорить, беседовать с разномыслящими.

Совне — извне, с внешней стороны.

Соблюдаяй (от соблюдати) — соблюдающий.

Сокровен — сокрыт.

Соуз — связь, соединение, согласие.

Софизм — умышленно ложное умозаключение, построенное на неправильных посылах, однако формально кажущееся правильным.

Спятися — спеть, попеть.

Спиритизм — суеверное представление о возможности материального общения с душами умерших через посредство людей-медиумов.

Споручник — поручитель.

Спай (от спати) — спящий.

Сретение — встреча.

Сручнее (от сручный) — удобнее, сподручнее, ловчее.

Ста (от стати) — перестал.

Скляница — стеклянный сосуд; вообще сосуд, чаша.

Стеня и трясыйся — стеная и дрожа.

Студодаяние — постыдное дело; распутство, нечистая жизнь.

Стяжите — приобретите.

Субстракт, субстрат — общая основа многообразных явлений.

Суесловный — пустословный.

Сюду и сюду — туда и сюда; по ту и по другую сторону, по обе стороны.

Сый — сущий.

Т

Таинница — тайнослужительница, наставница в священных тайнах.

Так — так.

Талант (церковносл.) — слиток серебра или золота, служивший в древности вместо денег; дар Божий, данный человеку (см. Мф. 25, 14–29).

Татьба — воровство, кража.

Тварь (церковносл.) — создание, творение; весь род человеческий.

Творяй (от творити) — творящий.

Терние — терн, колючее растение и его иглы.

Терция — шестидесятая часть секунды.

Тещи — идти быстро, бежать; стремиться.

Токмо — только.

Толкашки — рой, столб комаров или мошек.

Толцет (от тлещи) — стучится, ударяет в дверь.

Точию — только.

Трансцендентальный — предшествующий опыту и обуславливающий его; изначально присущий рассудку.

Треокаянный — прежалкий.

Туга — тяжесть, печаль, забота, беда.

Туне — даром, без вины, без причины, напрасно, без платы, из милости.

У

У — еще.

Убо — ведь, именно, то; потому, итак, таким образом, впрочем.

Увесть (от уведети) — узнает.

Углебати — погрязнуть, вязнуть, тонуть.

Уды — члены.

Уканути — излиться, ниспасть, кашнуть.

Уколотить — убить.

Уне — лучше.

Унионисты — те, кто стремится к объединению, слиянию; объединение кальвинистов с лютеранами.

Успособить — облегчить.

Устроить — вооружать, поставлять в строй; исправлять; отстранять, отставляя, отводить.

Утешный — приятный.

Утолсте (от утолстети) — стал толстым, откормился.

Утрневати — вставать рано утром; бодрствовать в утренней молитве.

Утробы щедрот — благоутробие, милосердие.

Утрей — завтрашний день.

Уты (от утыти) — утучнел, растолстел.

Уч — ученый умник.

Ф

Фанфарон — бахвал, хвастун.

Филантропный — человеколюбивый, благотворящий.

Х

Хлысты — русская секта, созданная в XVII веке беглым солдатом крестьянином Данилой Филипповым (Филипповичем). Имеют кощунственное, богохульное и еретическое лжеучение. Отвергают ипостасность Божественных Лиц и учат о неоднократном их воплощении в нравственно-достойных людях. Почитают себя озаренными свыше, имеют лжехристов, лжепророков, лжебогородиц и т.д. Признают предсуществование и переселение душ. Имеют тайные собрания, существенными частями которых служат кружения, или радения, и говорение на «новых языках».

Холодило — то, что охлаждает.

Хотяху (от хотети) — хотели.

Храмина — дом, жилище, жилье.

Хруско — жестко, твердо.

Ч

Чаяти — ожидать, надеяться.

Черничка (от черница) — монашенка; девица, посвятившая себя Богу.

Четьи-Минеи, Четь-Минеи — Минеи, предназначенные для душеполезного чтения, где собраны жития всех святых по порядку месяце-слова.

Чим — чем.

Чресла — поясница.

Ш

Штунда, штундизм — первоначально протестантские «братства», сложившиеся в Германии в первой половине XVIII века для чтения Слова Божия в особые послеобеденные часы (от нем. *Stunde* — час). В Россию занесен немецкими колонистами в первой половине XIX века. Выделились в отдельную секту, приняв баптистское вероучение и устройство общины (штундобаптисты, или русские баптисты). Считают единственным источником Богопознания книги Священного Писания, отвергают Священное Предание, православные обряды и посты, Таинства, призывание Божией Матери, Ангелов и святых; не поминают умерших; не чтут креста, не поклоняются святым мощам и иконам.

Шуий — левый.

Шуйца — левая рука.

Экзегет (греч.) — богослов, истолкователь Священного Писания.

Экономия (греч.) — домостроительство, устройство, смотрение.

Я

Явися (от явится) — явился.

Ядый (от ясти) — едащий.

Ядца — любитель поест, сластолюбец.

Яже — которая, которые, которых.

Языкоболие — болтливость, зло-речие, хула.

Яко — как, что, потому что; около, приблизительно.

Якоже — как, подобно как, как только, когда, так как, потому что.

Contr', contra (лат.) — контр-, против.

Geschichte der Seele (нем.) — история души.

Iners (лат.) — бездеятельный, косный, инертный.

Suspension des facultés de l'âme (франц.) — буквально: прекращение способностей души.

Quod potui, feci, faciant meliora potentes (лат.) — Что мог, я сделал, кто может, пусть сделает лучше.

1. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 1. М., 1994.

2. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 2. М., 1994.

3. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 3. М., 1994.

4. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 4. М., 1994.

5. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 5. М., 1994.

6. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собра-

ние писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 6. М., 1994.

7. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 7. М., 1994.

8. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Вып. 8. М., 1994.

9. Епископ Феофан. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? 6-е изд. Л., 1991.

10. Святитель Феофан Затворник. Письма о духовной жизни. Издание Московского Богородице-Рождественского монастыря и издательства «Правило веры». М., 1996.

11. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Начертание христианского нравоучения. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и издательства «Паломник». Т. 1. М., 1994.

1. Крутиков И.А. Преосвященный Феофан Затворник, подвижник Вышенской пустыни. М., 1895.
2. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск третий. М., 1898.
3. Рыбинский В.П. Памяти преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского // Труды Киевской духовной академии, 1894, т. 1, март. — С. 421–425.
4. Хитров М.И., прот. Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский. 2-е изд. М., 1905.
5. Кондратов А. По святым обителям и богоспасаемым градам // Душеполезное чтение, 1895, ч. 3. — С. 417–429, 566–580.
6. Епископ Феофан. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике. 9-е изд. М., 1908.
7. Слова преосвященного Феофана к Тамбовской пастве в 1859–1860 годы, 1861.
8. Корсунский И.И. Преосвященный епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. М., 1895.
9. Клавдиан, архимандрит. Преосвященный Феофан, Вышенский Затворник // Журнал Московской Патриархии, 1959, январь. — С. 49–54.
10. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 26 июля 1863 года. Об увольнении Иустина, епископа Владимирского, от управления епархией и о перемещении на кафедру Владимирской епархии Феофана, епископа Тамбовского // Тамбовские епархиальные ведомости, 1863, №18. — С. 176.
11. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск пятый. М., 1899.
12. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск четвертый. М., 1899.
13. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск восьмой. М., 1902.
14. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск второй. М., 1898.
15. Дело «О возведении преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского, на степень доктора богословия». Российский Государственный Исторический Архив, ф. 796, оп. 171, ед. хр. 311. Л. 1–12.
16. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1939.
17. Сергей, архимандрит (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси). Православное учение о спасении. М., 1895.

18. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на Филаретовском вечере в Московской Духовной Академии // Журнал Московской Патриархии, 1964, №2. — С. 12–16.

19. *Епископ Феофан*. Мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев. 2-е изд. М., 1894.

20. Преосвященный Феофан как писатель-богослов // Церковный вестник, 1894, №4. — С. 51–53.

21. Сопроводительное слово митрополита Филарета, Патриаршего Экзарха Средней Европы // *Георгий (Тертышников), иеромонах*. На пути к Богу. Жизнь и учение старца Феофана. Лейпциг, 1978. — С. 3–4 (нем. яз.).

22. Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси, Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 г., М., 1988.

23. Религиозно-этическая энциклопедия, т. 6, Афины, 1965 (греч. яз.).

24. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Жизнь и деятельность святителя Феофана Затворника, епископа Владимирского и Суздальского. К 100-летию со дня преставления святителя Феофана Затворника. Издательство «Православный Пчельник», Фессалоники, Греция, 1994. С. 182.

25. *Прышмонт Ян, свят.* Епископ Феофан, русский православный писатель по нравственному богословию // Богословские труды, Варшава, 1978. — С. 211–229 (нем. яз.).

26. Русские писатели 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 1. Издательство «Энциклопедия», 1989. — С. 590–591.

27. Выступление митрополита Алексия // Журнал Московской Патриархии, 1989, №9. — С. 6.

28. Депутатская программа Святейшего Патриарха Пимена // Журнал Московской Патриархии, 1989, №7. — С. 5–6.

29. Предисловие митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира (ныне Киевского и всея Украины) // Из писем святителя Феофана. М., 1991. — С. 3–4.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ
МАГИСТРА БОГОСЛОВИЯ МДА, ДОЦЕНТА
АРХ. ГЕОРГИЯ (ТЕРТЫШНИКОВА)

1973

1. *Иеромонах Георгий (Тертышников)*. Памяти епископа Феофана. Библиографический очерк // Журнал Московской Патриархии [далее ЖМП], 1973, №3. — С. 62–67.

2. *Он же*. Гомилетический элемент в эпистолярном наследии епископа Феофана Затворника. Кандидатское сочинение. Машинопись. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1973. 252 с.

3. *Он же*. То же. Кандидатское сочинение. Приложение. Часть I. Письма епископа Феофана к разным лицам, не вошедшие в восемь изданий. Машинопись. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1973. 339 с.

4. *Он же*. То же. Кандидатское сочинение. Приложение. Часть II. Письма епископа Феофана, не вошедшие в восемь изданий. Письма духовных лиц к епископу Феофану. Машинопись. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1973. 253 с.

5. *Он же*. Значение подвига в жизни христианина (По творениям епископа Феофана Затворника) // ЖМП, 1973, №12. — С. 69–71.

1974

6. *Иеромонах Георгий (Тертышников)*. Церковно-исторический ма-

териал в трудах историка Н.М. Карамзина. Стипендиатский отчет. Машинопись. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1974. 138 с.

7. Отзыв преподавателя иеромонаха Георгия (Тертышникова) на кандидатское сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии диакона Владимира Кириянова по кафедре Канонического права на тему: «Византийские законоположения и их значение в истории Русской Церкви» // Журнал заседаний Совета Московской Духовной Академии [далее ЖЗС МДА], №7 от 11 июня 1974 года. — С. 143–145.

8. *Иеромонах Георгий (Тертышников)*. О воскресении Христовом // ЖМП, 1975, №5. — С. 37–38.

9. Отзыв иеромонаха Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение протоиерея Георгия Мулько по кафедре Патрологии на тему: «Блаженный Феодосий, епископ Кирский, как церковный писатель» // ЖЗС МДА, №6 от 13 июня 1975 года. — С. 21–25.

10. Отзыв его же на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии иеромонаха Петра (Горошко) по кафедре Пастырского богословия на тему: «Настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря схиигумен

Антоний (Путилов) и его эпистолярное наследие» // ЖЗС МДА, №6 от 13 июня 1975 года. — С. 246–250.

11. *Иеромонах Георгий (Тертышников)*. Необходимость подвига в духовной жизни // ЖМП, 1975, №11. — С. 39–40.

1976

12. *Он же*. Богословское наследие епископа Феофана // Богословские труды. Сб. 16. М., 1976. — С. 202–222.

13. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии иеродиакона Антония (Кузнецова) по кафедре Истории Русской Церкви на тему: «Подвижнический облик преподобного Максима Грека» // ЖЗС МДА, №6 от 11 июня 1976 года. — С. 121–126.

14. Отзыв его же на курсовое сочинение студента протоиерея Зиновия Пальжока по кафедре Истории Балканских Церквей на тему: «Исторические связи Русской Православной Церкви с Болгарской Церковью в XVI–XVIII веках» // ЖЗС МДА, №6 от 11 июня 1976 года. — С. 148–152.

15. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Изъяснение 118 псалма. (Из экзегетического наследия епископа Феофана Затворника) // ЖМП, 1976, №8. — С. 67–73.

16. *Он же*. Жизнь и деятельность Высокопреосвященного Амвросия (Ключарева), архиепископа Харьковского // Там же. — С. 74–77.

17. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Воскресения Христовы // Пра-

вославний вісник, [Київ], 1977, № 4. — С. 13–14.

18. *Он же*. Придбання Святого Духа // Там же, №6. — С. 12–13.

19. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии священника Стефана Жилы по кафедре Основного богословия на тему: «Естественное и сверхъестественное откровение и их значение в богопознании» // ЖЗС МДА, № 5 от 11 июня 1977 года. — С. 17–21.

20. *Игумен Георгий (Тертышников)*. В день памяти Преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца // ЖМП, 1977, №10. — С. 31–32.

1978

21. *Priestermunch Georgi Tertyschnikow*. Auf dem Wege zu Gott. Leben und Lehre des Starzen Theophan. Leipzig. 1978. 145 S.

22. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Помінання померлих — духовне милосердя // Православний вісник [Київ], 1978, №3. — С. 10–11.

23. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Predigt am Sonntag der Tyrophagie // Stimme der Orthodoxie, (weiter — SdO) [Berlin], 1978, №3. S. 37–38.

24. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Воскресения Христовы // Православний вісник [Київ], 1978, №4. — С. 17–18.

25. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Lehrer der künftigen Generation. Zum 100. Todestag von Professor P. S. Kasanski // SdO, 1978, №5. — S. 22–26.

26. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Епископ Феофан Затворник // Православний вісник [Київ], 1978, №5. — С. 22–24.

27. *Он же*. Богопізнання // Православний вісник [Київ], 1978, №6. — С. 21.

28. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии иеромонаха Венедикта (Князева) по кафедре Пастырского богословия на тему «Единство пастыря и паствы» // ЖЗС МДА, №7 от 13 июня 1978 года. — С. 126–132.

29. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Im Erwerb des Heiligen Geistes besteht das Zeil des menschlichen Lebens // SdO, 1978, №6. — S. 16–19.

30. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Церква — корабель спасения // Православний вісник [Київ], 1978, №8. — С. 30–32.

31. *Он же*. Епископ Феофан Затворник про християнські чесноти // Православний вісник [Київ], 1978, №9. — С. 30–32.

1979

32. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Der Weg zum Heil // SdO, 1979, №3. — S. 30–32.

33. *Ders.* Auferstehung Christi // SdO, 1979, №4. — S. 22–24.

34. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Подвиг духовний // Православний вісник [Київ], 1979, №5. — С. 14–15.

35. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента Московской Духовной Академии Сектора заоч-

ного обучения протоиерея Василия Вакулина по кафедре Общей церковной истории на тему: «Служение женщины в Православной Церкви (исторический обзор)» // ЖЗС МДА, №7 от 8 июня 1979 года. С. 51–54.

36. *Игумен Георгій (Тертышников)*. В день Преподобного Сергия Радонежского // ЖМП, 1979, №7. — С. 32.

37. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Слово на день пам'яті Преподобного Сергія, Ігумена Радонезького // Православний вісник [Київ], 1979, №7. — С.12–13.

38. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Gedenkstag des ehrw. Sergius von Radonesh // SdO, 1979, №7. — S. 32–35.

39. *Игумен Георгій (Тертышников)*, викладач Московської Духовної Семінарії. Повчання про таїнство Покаяння і Причащення Святих Христових Тайн у листуванні єпископа Феофана Затворника // Православний вісник [Київ], 1979, №8. — С. 30–32.

40. *Он же*. Епископ Феофан Затворник про духовне життя та його значення у справі спасення // Там же, №9. — С. 26–28.

41. *Он же*. Богомати — заступниця роду християнського // Там же, №11. — С. 12–13.

1980

42. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Светлой памяти профессора Московской Духовной Академии Василия Дмитриевича Сарычева (монаха Василия). Машинопись. Загорск, МДА, 1980. 14 с.

43. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Gottes kostbare Gabe: Zeit // SdO, 1980, №1. — S. 22–23.

44. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Час земного життя — дар Божий // Православний вісник [Київ], 1980, №3. — С. 20.

45. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента Московской Духовной Академии Иноземцева Николая по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «Дидахи, или Учение Двенадцати Апостолов» // ЖЗС МДА, №7 от 13 июня 1978 года. — С. 126–132.

46. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента Московской Духовной Академии профессорского стипендиата Шумова Георгия по кафедре Истории инославных (западных) исповеданий на тему: «Догматический спор о «Filioque», его происхождение и развитие до разделения Церквей 1054 года» // ЖЗС МДА, №4 от 23 мая 1980 года. — С. 37–47.

47. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Verteidigung der Magisterdissertation von Erzbischof Theodosi von Smolensk und Wjasma // SdO, 1980, №3. — S. 20–22. То же на русском языке: ЖМП, 1980, №10. — С. 10–11.

48. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Der he. Nikolaus — ein grosser Fürbitter für die Christenheit // SdO, 1980, №3. — S. 25–27.

49. *Ders.* Wort zum Mittfest zwischen Östern und Pfingsten // Ibidem, №5. — S. 37–38.

50. *Ders.* Wort zum Abschluss des Österfestes // Ibidem, №6. — S. 25–27.

51. *Ders.* Wort zum fünften Sonntag nach Pfingsten // Ibidem, №7. — S. 25–27.

52. *Иеромонах Георгій (Тертышников)*. На пути к Богу. Leipzig, 1978. То же на русском языке: ЖМП, 1980, №10. — С. 80.

53. *Игумен Георгій (Тертышников)*, викладач Московської Духовної Семінарії. Святі ангели Божі // Православний вісник [Київ], 1980, №11. — С. 22–23.

54. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Predigt zum 70. Geburtstag Seiner Heiligkeit Patriarch Pimen // SdO, 1980, №11. — S. 30–32.

55. *Ders.* Bischof Theophan, dem Klausner, zum Gedächtnis. Ein biographisch-bibliographischer Abriss // Ibidem, №12. — S. 48–56.

1980–1981

56. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Жизнь и деятельность Высокопреосвященного Амвросия (Ключарева), архиепископа Харьковского // Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата, №105–108, январь—декабрь, 1980–1981. — С. 247–257.

То же. — Отдельный оттиск: Париж. 10 с.

1981

57. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Karfreitagspredigt von dem heiligen Grablinen // SdO, 1981, №3. — S. 25–26.

58. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Повчання у Велику П'ятницю над святою Плащаницею // Православний вісник [Київ], 1981, №3. — С. 14–15.
59. *Он же*. Молитва за померлих (за творами епископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1981, №5. — С. 24–26.
60. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Ehrung eines grossen Schriftstellers. Festakt in der Moskauer Geistlichen Akademie. Zum 100. Todestag von F.M. Dostoevski // SdO, 1981, №5. — С. 21–22.
61. *Ders.* Festgefüßter Glaube verleiht der Personlichkeit Profil // Ibid., S. 25–27.
62. *Ders.* Der Dienst des Christen an der Gesellschaft. Nach Werken von Bischof Theophan dem Klausner // SdO, 1981, №6. — С. 53–54.
63. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии Бондаренко И. по кафедре Пастырского богословия на тему: «Пастырское учение в письмах и проповедях епископа Феофана Затворника» // ЖЗСМДА, №3 от 5 июня 1981 года. — С. 131–141.
64. *Иеромонах Георгий (Тертышников)*. Памяти великого писателя Ф.М. Достоевского // ЖМП, 1981, №6. — С. 24–25.
65. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Wort zum fünften Sonntag nach Pfingsten // SdO, 1981, №7. — С. 33–34.
66. *Ders.* Betrachtung zum Tage Mariä Heimgang // Ibid., №8. — С. 19–20.
67. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Der Christen Pflichten in der Familie. Nach Werken von Bischof Theophan dem Klausner // SdO, 1981, №8. — С. 62–64.
68. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Епископ Феофан Затворник, его жизнь и труды. Доклад, прочитанный в актовом зале Московской Духовной Академии 30 сентября 1981 года // Материалы Церковно-Археологического кабинета. Вып. 15. Машинопись. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1983. — С. 65–121.
69. *Игумен Георгій (Тертышников)*. Шанувания святих (за творами епископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1981, №10. — С. 25–27.
70. *Он же*. Окремий суд // Православний вісник [Київ], 1981, №11. — С. 29–30.
71. *Он же*. Шанувания святих. Богородиця (За творами епископа Феофана Затворника) (Закінчення) // Православний вісник [Київ], 1981, №12. — С. 26–27.
72. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Historiker und Schriftsteller von hohem Rang. Von 155 Jahren starb Nikolai M. Karamsin // SdO, 1981, №12. — С. 29–31.

1982

73. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Жизнь и деятельность епископа Игнатия (Брянчанинова). Доклад, прочитанный в актовом зале МДА 14 декабря 1982 года. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1982. Машинопись, 44 с.

74. *Ігумен Георгій (Тертишников)*. Християнські храми в справі Спасення людей. (За творами єпископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1982, №1. — С. 27–29.

75. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Bischof Theophan der Klausner in der Geschichte der he. Kirche // SdO, 1982, №1. — S. 49–53.

76. *Ігумен Георгій (Тертишников)*. Родинні обов'язки. (За творами єпископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1982, №2. — С. 25–27.

77. *Ігумен Георгій (Тертишников)*. Памяти архієпископа Симферопольського і Кримського Луки // ЖМД, 1982, №5. — С. 11–13.

78. *Ігумен Георгій (Тертишников)*. Єпископ Ігнатій (Брянчанинов) — подвижник і вчитель Руської Православної Церкви // Православний вісник [Київ], 1982, №5. — С. 21–25.

79. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Das Mönchtum nach Zeugnissen russischer Asketen und Heiliger // SdO, 1982, №5. — S. 49–62.

80. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии священника Дмитрия Сидора по кафедре Истории Древней Церкви на тему: «Церковно-исторические труды Сократа, Созомена и блаженного Феодорита» // ЖЗС МДА, №3 от 4 июня 1982 года. — С. 199–206.

81. *Ігумен Георгій (Тертишников)*. Проповідь на день пам'яті преподобного Сергія, Ігумена Радо-

незьського // Православний вісник [Київ], 1982, №7. — С. 12.

82. *Он же. Віра*. (За творами єпископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1982, №7. — С. 20–23.

83. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Unvergessen: Erzbischof Lukas von Simferopol und Krim // SdO, 1982, №7. — S. 30–32.

84. Приветственная речь игумена Георгия (Тертышникова) в Актовом зале Московской Духовной Академии, произнесенная 19 сентября 1981 года перед представителями Смешанной богословской комиссии православно-старокатолического диалога. Помещено в сокращении в статье: *И. Калогирю*. Четвертая ассамблея Смешанной богословской комиссии по диалогу между православными и старокатоликами // Екклісія, 1/15 апреля 1982 года, №7–8. — С. 191–192 (греч. яз.).

85. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Der Heilige Sergius als unser Fürsprecher bei Gott // SdO, 1982, №8. — S.17–18.

86. *Ders.* Der selige Hieronymus von Stridon // SdO, 1982, №10. — S. 59–60.

87. *Ігумен Георгій (Тертишников)*. Святе Письмо в житті християнина. (За творами єпископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1982, №11. — С. 26–27.

88. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Gottes Forschung behütet // SdO, 1982, №11. — S. 29–30.

89. *Ders.* Wegweiser zu christlicher Existenz in Labyrinth der Zeit.

Errinerungen an Bischof Jgnatii (Brjointschaninow) // SdO, 1982, №11. — S. 55–59; №12. — S. 41–55.

90. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Светильник Земли Русской. К 90-летию со дня кончины епископа Феофана Затворника. Доклад, прочитанный в Актовом зале Московской Духовной Академии 24 ноября 1983 года. Московская Духовная Академия, 1983. 87 с. Машинопись.

91. *Он же*. Учение епископа Феофана о пастырстве. Доклад, прочитанный в Актовом зале Московской Духовной Академии 8 декабря 1983 года. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1983. 36 с. Машинопись.

92. *Он же*. Учение о монашестве русских подвижников благочестия. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1983. 36 с. Машинопись.

93. *Он же*. Человек — участник Таинства святого Крещения // ЖМП, 1983. №3. — С. 76–77.

94. *Abt Georgi (Tertyschnikow)*. Leitung Segen des Kreuzes // SdO, 1983, №3. — S. 27–28.

95. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Памяти епископа Игнатия (Брянчанинова) // ЖМП, 1983. №4. — С. 18–23.

96. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии иеромонаха Гавриила (Прискоки), по кафедре Нравственного богословия на тему: «Учение епископа Феофана Затворника о молитве» //

ЖЗС МДА, №6 от 17 июня 1983 года. — С. 281–291.

1984

97. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Краткий очерк истории русского монашества. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1984. 51 с.

98. *Он же*. Памяти профессора Московской Духовной Академии П.С. Казанского (К 300-летию основания МДА). Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1984. 36 с. Машинопись.

99. *Он же*. Слова и речи на разные случаи. Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 1984. 147 с. Машинопись.

100. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Спасение христианина (за творами епископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1984, №2. — С. 26–28.

101. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Академический вечер в Московской Духовной Академии // ЖМП, 1984. №3. — С. 19.

102. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Повчання на Преполовнення П'ятидесятниці // Православний вісник [Київ], 1984, №5. — С. 11.

103. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение выпускника Московской Духовной Академии 1983 года Гукайло Василия по кафедре Истории и разбору западных исповеданий на тему: «Учение старших славянофилов о Церкви» // ЖЗС МДА, №5 от 12 июня 1984 года. — С. 28–37.

104. Отзыв преподавателя игумена Георгия (Тертышников) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии иеромонаха Алипия (Кастальского) по кафедре Догматического богословия на тему: «Богословское содержание Октоиха» // Там же. С. 43–55.

105. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Церква Православна (за творами епископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1984, №6. — С. 30–32.

106. *Он же*. Богодумність (за творами епископа Феофана Затворника) // Православний вісник [Київ], 1984, №8. — С. 20–22.

1985

107. *Игумен Георгий (Тертышников)*. Памяти профессора Московской Духовной Академии П.С. Казанского (к 175-летию со дня рождения) // ЖМП, 1985. №7. — С. 12–14.

1989

108. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Статья в буклете: Успенский кафедральный собор во Владимире (К 1000-летию Крещения Руси). М., 1989. — С. 1–7.

109. *Archimandrit Georgi (Tertyshnikow)*. Unterwegs in die Stadt Gottes. Leben und theologisches Werk profilierten Bischof Theophan den Klausner zu einem Lehrer der russische Kirche // SdO, 1989, №3. — S. 5–19.

110. *Архімандрит Георгій (Тертишников)*. Справжня мета християнського життя — надбання Свято-

го Духа. (Проповедь на свято Пятидесятниці) // Православний вісник [Київ], 1989, №6. — С. 14–15.

111. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*, преподаватель Московской Духовной Академии. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении. Магистерская диссертация по кафедре Пастырского богословия. Т. I. Часть 1. Жизнь и деятельность епископа Феофана Затворника. Троице-Сергиева Лавра, 1989. 320 с.

112. *Он же*. То же. Т. II. Части 2 и 3. Божественное домостроительство спасения людей; участие человека в деле спасения. Троице-Сергиева Лавра, 1989. 472 с.

113. *Он же*. То же. Приложение к магистерской диссертации. Т. I. Эпистолярное наследие преосвященного Феофана. Нравственно-назидательные труды святителя Феофана. Истолковательные сочинения епископа Феофана. Троице-Сергиева Лавра, 1989. 318 с.

114. *Он же*. То же. Приложение к магистерской диссертации. Т. II. Слова и речи епископа Феофана. Афоризмы. Троице-Сергиева Лавра, 1989. 404 с.

115. *Он же*. То же. Приложение к магистерской диссертации. Т. III. Переводы. Материалы к библиографии святителя Феофана. Литература о епископе Феофане. Троице-Сергиева Лавра, 1989. 354 с.

116. Отзыв преподавателя архимандрита Георгия (Тертышников) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии Каштанова Евгения по кафедре Пастырского богословия на тему:

«Пасторологическое наследие отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX веков» // ЖЗС МДА, №6 от 9 июня 1989 года. — С. 91–96.

1990

117. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Свительник Земли Русской. Жизнь и деятельность святителя Феофана Затворника // Богословские труды. Сб. 30. М., 1990. — С. 152–175.

118. *Он же*. Святитель Феофан Затворник, епископ Владимирский и Суздальский. Доклад, прочитанный на Церковно-исторической конференции для духовенства Владимирской епархии, посвященной 1000-летию Крещения Владимиро-Суздальской земли (990–1990), 18 июня 1990 года в г. Владимире. Библиотека МДА. 30 с. Машинопись.

1991

119. *Он же*. Таинство Святого Крещения (По творениям святителя Феофана Затворника) // Московские епархиальные ведомости, 1991, №1. — С. 55–58.

120. *Он же*. Учение святителя Феофана Затворника о влиянии злых духов на род человеческий // Троицкое слово [Свято-Троице-Сергиева Лавра], 1991, №7. — С. 15–24.

121. *Он же*. Святитель Феофан Затворник — новоявленный святой Русской Православной Церкви // Москва [Журнал русской культуры], 1991, №8. — С. 171–175.

1992

122. *Он же*. Житие схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, роди-

телей преподобного Сергия Радонежского // Хотьковский вестник [г. Хотьково Моск. обл.], 1992, 20 марта. — С. 1–3.

123. *Он же*. Проповедь в день обретения мощей преподобного Сергия, игумена Радонежского. (К 600-летию преставления преподобного Сергия Радонежского) // Русь [Ростов Великий. Литературно-исторический журнал писателей России], 1992, №3. — С. 139–140.

124. *Он же*. Житие схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей преподобного Сергия Радонежского // Там же, №4. — С. 149–155.

125. *Он же*. Царю Небесный // ЖМП, 1992, №6. — С. 2.

126. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Русское монашество в служении человеку. Доклад, прочитанный 29 сентября 1992 года в московском Доме культуры «Меридиан» на торжественном вечере «История и современная жизнь Троице-Сергиевой Лавры», посвященном 600-летию со дня блаженной кончины преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России Чудотворца. 20 с. Машинопись.

127. *Он же*. Духи злобы поднебесной. Учение святителя Феофана Затворника о влиянии злых духов на род человеческий // Литературный Иркутск [Газета Иркутской писательской организации], 1992, сентябрь. С. 4–5.

128. *Он же*. Святитель Игнатий (Брянчанинов) — возродитель духовной жизни в России // Москва, 1992, сентябрь—октябрь. С. 202–206.

129. *Он же*. Русский православный монастырь как центр духовной культуры. Доклад, прочитанный 6 декабря 1992 года в Колонном зале Дома Союзов в Воскресном лицее, организованном Славянским фондом России. 35 с. Машинопись.

130. *Он же*. Житие преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей преподобного Сергия Радонежского. К 600-летию со дня преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России Чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. 48 с.

131. *Он же*. Душепопечительная и литературная деятельность святителя Феодана (Говорова) в период затвора в Вышенской пустыни // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992. — С. 34–61.

1993

132. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Слово в Неделю сыропустную // ЖМП, 1993, №2. — С. 45–46.

133. *Он же*. «Не ходи за море...» Семейные обязанности последователя Христа (По творениям святителя Феодана Затворника) // Литературный Иркутск, 1993, апрель—май. — С. 10.

134. Отзыв преподавателя архимандрита Георгия (Тертышникова) на курсовое сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии Жаринаова Владимира по кафедре Нравственного богословия на тему: «Христианское духовно-нравственное совершенство в воззрениях преподобного Исаака Сирина» //

ЖЗС МДА от 3 июня 1993 года. — С. 105–120.

135. *Он же*. Служение христианина обществу. (По творениям святителя Феодана Затворника) // Православная Москва, 1993, №6, декабрь. — С. 4.

136. *Он же*. Цель жизни христианской // ЖМП, 1993, №9. — С. 68.

137. *Он же*. Митрополит Серафим (Чичагов) и его богословское наследие // Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля Твоя. Ищите Царства Божия. Ч. I. М.-СПб., 1993. — С. 7–18.

138. *Он же*. «Жизнь семейная Богом учреждена» (По творениям святителя Феодана Затворника) // Православная беседа [Журнал для семейного чтения. Издательство «Христианская литература», Москва], 1993, №5–6. — С. 6–7.

1994

139. *Он же*. Святитель Феодан как церковный писатель. Доклад, прочитанный на Чтениях памяти святителя Феодана, Затворника Вышенского, к 100-летию со дня преставления, состоявшихся 17 января 1994 года в г. Рязани, в Областной научной библиотеке имени М. Горького. 25 с. Машинопись.

140. *Он же*. Святитель Феодан Затворник, епископ Владимирский и Суздальский, как церковный мыслитель // ЖМП, 1994, №1. — С. 31–37.

141. *Он же*. Источники христианского вероучения (По творениям святителя Феодана Затворника) // Там же. — С. 38–44.

142. *Он же*. Богопознание (По творениям святителя Феофана Затворника) // Там же, — С. 44–50.

143. *Он же*. Святитель Феофан Затворник, его жизнь и труды (к 100-летию со дня преставления) // Русь Державная [Православная народная газета, Москва], 1994, №1. — С. 6.

144. *Он же*. «Яко светила в мире» (6 января — сто лет со дня преставления святителя Феофана Затворника) // Вперед [газета г. Химки Московской области], 1994, 6 января. — С. 3.

145. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Святитель Феофан Затворник // Просторы России [региональная газета, г. Орел], 1994, январь, №2. — С. 14.

146. *Он же*. Святитель Феофан Затворник: его жизнь и труды (К 100-летию со дня преставления) // Православная Москва [газета], 1994, февраль, №2. — С. 4.

147. *Он же*. Святитель Феофан Затворник и его богословские труды (К 100-летию со дня преставления). Доклад, прочитанный в актовом зале Московской Духовной Академии 11 февраля 1994 года. Библиотека МДА. 40 с. Машинопись.

148. *Он же*. Молитва по творениям святителя Феофана Затворника // Рязанский Церковный вестник [Издание Рязанской епархии, г. Рязань], 1994, №1–2. — С. 15–23.

149. *Он же*. Великий духовный просветитель. Святитель Феофан Затворник, епископ Владимирский и Суздальский, как церковный писатель (К 100-летию со дня преставления) // Русский Вестник [Москва], 1994, №2. — С. 6.

150. *Он же*. Жизнь и деятельность Феофана Затворника, епископа Владимирского и Суздальского. (К 100-летию со дня преставления святителя Феофана Затворника). Фессалоники, 1994. 182 с. [Издано в Греции на русском языке, издательство «Православный пчельник»].

151. *Он же*. Молитва (По творениям святителя Феофана Затворника) // Православная беседа, 1994, №4. — С. 2–4.

152. *Он же*. Вера — дверь в храм спасения (По творениям святителя Феофана Затворника) // Там же, №5. — С. 2–4.

153. *Он же*. Богословское наследие святителя Феофана Затворника. Доклад, прочитанный 27 июня 1994 года на Православных богословских чтениях в Богородице-Рождественском монастыре г. Владимира. Библиотека МДА, 80 с. Машинопись.

154. *Он же*. На пути в Небесные Обители. Земная жизнь как приготовление к вечности (По творениям святителя Феофана Затворника) // Православная беседа, 1994, №6. — С. 2–4.

155. *Он же*. Житие иеромонаха Варнавы (Меркулова), старца Гецсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре // ЖМП, 1994, №9–10. — С. 41–59.

156. *Он же*. Монашество и монастыри в России. Доклад, прочитанный 23 ноября 1994 года на Международной научной конференции в Институте российской истории Российской академии наук. Библиотека МДА, 20 с. Машинопись.

157. Отзыв доцента архимандрита Георгия (Тертышникова) на сборник

статей: «Как защититься от чародеев», составленный первым проректором, доцентом Московской Духовной Академии и семинарии архимандритом Макарием (Веретенниковым), 27 ноября 1994 года. 5 с. Машинопись.

158. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Житие иеромонаха Варнавы (Меркулова) // Православная Выкса [газета патриотического общества «Отчизна», г. Выкса Нижегородской области], 1994, ноябрь—декабрь, №2–3. — С. 3–4.

159. *Он же*. Житие иеромонаха Варнавы, старца Гефсиманского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре (1831–1906 года) // Православное слово [Нижний Новгород]. Специальный выпуск, 1994, декабрь. — С. 1–9.

160. *Он же*. Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Ставропольский и Кавказский — возродитель духовной жизни в России. Фессалоники, 1994. 31 с. [Издано в Греции на русском языке.]

1995

161. *Он же*. За Веру и Отечество. Страницы истории земли Владимирской // Русь [Литературно-исторический журнал, г. Ростов Великий], 1995, №1. — С. 9–16.

162. *Он же*. Житие иеромонаха Варнавы, старца Гефсиманского скита Свято-Троице-Сергиевой Лавры // Сеятель [Духовно-нравственный, религиозно-просветительский журнал, г. Нижний Новгород], 1995, №1–2. — С. 28–36; №3. — С. 34–43; №4–6. — С. 24–41.

163. Отзыв доцента архимандрита Георгия (Тертышникова) на сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии Жаринова Константина по кафедре Нравственного богословия: «Взгляды святителя Феофана Затворника на вопросы христианского воспитания», представленное на соискание ученой степени кандидата богословия // ЖЗС МДА, от 9 июня 1995 года. — С. 204–217.

164. Отзыв доцента архимандрита Георгия (Тертышникова) на сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии иеродиакона Тихона (Зайцева) по кафедре Патрологии: «Преподобный Феодор Студит — учитель иночества», представленное на соискание ученой степени кандидата богословия // Там же. — С. 223–233.

165. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*, *Магистр Богословия, доцент Московской Духовной Академии*. Русское монашество в служении человеку // Колокол [Еженедельник, г. Сергиев Посад], 1995, №4, 27 января. — С. 6; №6, 10 февраля. — С. 6; №7, 17 февраля. — С. 6.

166. *Он же*. Святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский. Фессалоники, 1995. 38 с. [Издано в Греции на русском языке].

167. *Он же*. Житие святителя Феофана Затворника // Русь [Литературно-исторический журнал, г. Ростов Великий], 1995, №2. — С. 13–19.

168. *Он же*. Апостол Японии — святитель Николай, архиепископ Японский // Православная Москва, август, №24. — С. 4–5.

169. *Архимандрит Георгий (Тертышников), Магистр богословия, доцент Московской Духовной Академии, член Комиссии Священного Синода по канонизации святых.* Почитаем вас с любовью. Почитание святых (По творениям святителя Феофана Затворника) // Православная беседа, 1995, №4. — С. 2–4.

170. *Он же.* Критерии канонизации местночтимых святых в Русской Православной Церкви // Там же. — С. 5–8.

171. *Он же.* Светильники вселенной. Во славу Божию. Отец Варнава — печальник семьи народной // Там же. — С. 27–35.

172. *Он же.* Пастыри Святой Православной Церкви. (По творениям святителя Феофана Затворника) // Путь Православия [Пастырский, богословский, церковно-общественный журнал. Издание Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, г. Москва], 1995, №4. — С. 13–28.

173. *Он же.* Значение скорбей в духовной жизни христианина. (По творениям святителя Феофана Затворника) // Москва, 1995, №7. — С. 198–199.

174. *Он же.* Святитель Феофан Затворник // Колокол [г. Сергиев Посад], 1995, №13, 8 декабря. — С. 6.

175. *Он же.* Житие преподобного иеромонаха Варнавы, старца Гефсиманского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Фессалоники, 1995. 64 с. [Издано в Греции на русском языке].

176. *Он же.* Житие иеромонаха Варнавы (Меркулова), старца Геф-

симанского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Выкса [Нижегородской области], 1995. 32 с.

177. *Он же.* Окончание учебного года в московских духовных школах // ЖМП, 1995, №6–8. — С. 44–46.

178. *Он же.* Житие преподобного Варнавы, старца Гефсиманского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 32 с.

1996

179. *Архимандрит Георгий (Тертышников), Магистр богословия, доцент Московской Духовной Академии.* Христианский храм в деле спасения человека // Благовест [Российская православная газета, г. Рязань], 1996, январь, №1. — С. 4.

180. *Он же.* Святитель Николай — Апостол Японии // Православная беседа, 1996, №1. — С. 25–29.

181. *Он же.* В лабиринтах духа // Вышенский паломник [Приложение к российской православной газете «Благовест», г. Рязань], 1996, 23 января. — С. 1–2.

182. *Он же.* Старец Гефсиманского скита // Колокол [г. Сергиев Посад], 1996, №3, 26 января. — С. 6.

183. Отзыв доцента архимандрита Георгия (Тертышникова) на сочинение студента IV курса Московской Духовной Академии Глазкина Александра по кафедре Пастырского богословия: «Жизнь и пастырское служение старца Гефсиманского скита иеромонаха Варнавы (Меркулова)» // ЖЗС МДА, 31 мая 1996 года. — С. 88–90.

184. *Он же.* Митрополит Серафим (Чичагов) и его богословское наследие // Лампада [газета, г. Москва], 1996, №2. — С. 6–7.
185. *Он же.* Старец Гефсиманского скита // Колокол [г. Сергиев Посад], 1996, №3, 26 января. — С. 6; №6, 15 февраля. — С. 6; №7, 23 февраля. — С. 6; №9, 8 марта. — С. 7; №10, 15 марта. — С. 6; №27, 19 июля. — С. 6.
186. *Он же.* Почитание святых в Русской Православной Церкви. Доклад, прочитанный 7 июня 1996 года в г. Можайске Московской области на Макарьевских чтениях «Почитание святых на Руси». 25 с. Машинопись.
187. *Он же.* Житие преподобного архимандрита Антония, наместника Свято-Троице-Сергиевой Лавры // Колокол [г. Сергиев Посад], 1996, №21, 7 июня. — С. 6; №23, 21 июня. — С. 6.
188. *Он же.* Жизнеописание наместника Свято-Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Антония // Православное слово [Нижний Новгород], 1996. [Без №] Специальный выпуск. С. 1–60.
189. *Он же.* Подвижники благочестия. Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 1996. 351 с.
190. *Он же.* Подвижники благочестия. Архимандрит Антоний (Медведев), наместник Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1996. 144 с.
191. *Он же.* Божественная благодать и свобода человека (По творениям святителя Феофана Затворника) // Богословские труды. Сб. 32. М., Издательство Московской Патриархии, 1996. — С. 15–23.
192. *Он же.* Христианский храм и спасение человека (По творениям святителя Феофана Затворника) // Колокол, 1996, №28, 26 июля. — С. 6.
193. *Он же.* Н.М. Карамзин — первый русский церковный историк // Колокол, 1996, №29, 2 августа. — С. 6.
194. *Он же.* Сокровище духовной мудрости (Наставления святителя Феофана Затворника об основах православной веры и духовной жизни) // Вышенский паломник [Журнал религиозного объединения — братства «Благодетель» во имя святителя Феофана, Затворника Вышенского, г. Рязань], 1996, июль. — С. 11–26; сентябрь—ноябрь. — С. 9–24.
195. *Он же.* Проповедь в пятую Неделю по Пятидесятнице // Вышенский паломник, 1996, июль. — С. 32.
196. *Он же.* Значение богопознания для человека // Там же. — С. 33.
197. *Он же.* Необходимость подвига в духовной жизни // Там же. — С. 34.
198. *Он же.* Путь к спасению // Там же. — С. 34–35.
199. *Он же.* Божественная благодать и свобода человека // Там же. — С. 47–51.
200. *Он же.* Пастыри Святой Православной Церкви. (По творениям святителя Феофана Затворника) // Там же. — С. 47–51.
201. *Он же.* Обычай древних христиан // Колокол, 1996, №32, 23 августа. — С. 6.

202. *Он же.* Житие преподобного Варнавы, старца Гефсиманского скита // Русь [Литературно-исторический журнал, г. Ростов Великий], 1996, №4. — С. 128–136.

203. *Он же.* Защита магистерской диссертации первого проректора Московской Духовной Академии архимандрита Макария (Веретенникова) // Альфа и Омега [Ученые записки общества по распространению Священного Писания в России, г. Москва], 1996, №2/3. — С. 409–412.

204. *Он же.* Святитель Феофан Затворник и его архипастырские труды в Тамбовской епархии. Доклад, прочитанный 30 октября 1996 года в г. Мичуринске Тамбовской области в Мичуринской государственной сельскохозяйственной академии на Пятиримвских духовно-образовательных чтениях. 25 с. Машинопись.

205. *Он же.* Житие преподобного Антония (Медведева), наместника Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1996. 64 с.

206. Мнение доцента архимандрита Георгия (Тертышникова) о магистерской диссертации первого проректора и доцента Московской Духовной Академии архимандрита Макария (Веретенникова): «Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси», произнесенное 14 марта 1996 года. 3 с. Машинопись.

207. *Он же.* Жизнеописание архимандрита Антония, наместника Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Нижний Новгород, Издательство братств

ва во имя святого Александра Невского, 1996. 60 с.

208. *Он же.* Учение о монашестве святых отцов и подвижников благочестия, в земле Российской просиявших // Вышенский паломник [г. Рязань], 1996, сентябрь—ноябрь. — С. 73–77.

1997

209. Отзыв доцента, архимандрита Георгия (Тертышникова) на сочинение Ефимова Михаила по кафедре Истории Русской Православной Церкви: «Ученая деятельность профессора протоиерея Александра Горского», посвященное 185-летию со дня рождения святителя Иннокентия, митрополита Московского, к 20-летию его прославления, представленное на соискание ученой степени кандидата богословия // ЖЗС МДА, от 9 июня 1997 года. — С. 29–34.

210. *Архимандрит Георгий (Тертышников).* Святитель Феофан Затворник и его богословское наследие // Вышенский паломник [г. Рязань], 1997, №2. — С. 3–14.

211. *Он же.* Сокровище духовной мудрости // Там же. — С. 15–32.

212. *Он же.* Поминование усопших — духовное милосердие // Там же. С. 50–52.

213. *Он же.* Назначение и служение Ангелов Божиих // Там же. — С. 52–53.

214. *Он же.* Богопознание // Там же. — С. 70–73.

215. *Он же.* Равноапостольный Николай, архиепископ Японии. Духовное наследие // Русь [Литературно-исторический журнал, г. Ярославль], №2. — С. 12–22.

216. Отзыв доцента Московской Духовной Академии архимандрита Георгия (Тертышникова) на труд иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. ТТ. I и II», представленный на соискание премии митрополита Москов-

ского и Коломенского Макария (Булгакова). Март 1997 года. 5 с. Машинопись.

217. *Он же*. О святости, Святой Руси и святых Свято-Троице-Сергиевой Лавры // Воскресная школа [г. Москва. Еженедельное приложение к газете «Первое Сентября»], 1997, июль, №4. — С. 10–11.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	3
ОБ АВТОРЕ	5
ЖИТИЕ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА И ЕГО БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ	22
СИМФОНИЯ ПО ТВОРЕНИЯМ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА, ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО	
АНГЕЛЫ	45
БЛАГОДАРЕНИЕ	49
БЛАГОДАТЬ	49
БОГОМЫСЛИЕ	70
БОЛЕЗНИ	79
ВЕРА	97
ВИДЕНИЯ (СНОВИДЕНИЯ)	100
ГОРДОСТЬ	102
ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ	111
ДОБРЫЕ МЫСЛИ	117
ДОБРОДЕЛАНИЕ. ДОБРОДЕТЕЛИ ХРИСТИАНСКИЕ	118
ДУХ И ДУША	122

ДУХОВЕНСТВО	126
ДУХОВНИК	126
ДУХОВНЫЙ ОБРАЗ СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА	130
ЕВАНГЕЛИЕ	153
ЖИЗНЬ ДУХОВНАЯ	155
ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ	256
ЖИЗНЬ СЕМЕЙНАЯ	263
ИНОВЕРЦЫ-СЕКТАНТЫ	272
ИСПОВЕДЬ-ПОКАЯНИЕ	291
КНИГИ БОГОСЛУЖЕБНЫЕ	311
МАТЕРЬ БОЖИЯ	313
МИР ДУХОВНЫЙ	314
МОЛИТВА	314
МЫТАРСТВА	371
НАСТАВЛЕНИЯ МОНАШЕСТВУЮЩИМ	372
НАЧАЛЬСТВО	415
НАУКА	415
ОБ ОСУЖДЕНИИ	425
ОТЧАЯНИЕ	427
ОХЛАЖДЕНИЕ	427
ПАСТЫРЬ-ПРОПОВЕДНИК	435
ПАСХА	437
ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ	437
ПОДВИГ	438

ПОКЛОНЫ	452
ПОМЫСЛЫ	453
ПОСТ	463
ПРИЧАЩЕНИЕ	470
СВЯТОЕ ПРЕДАНИЕ	477
ПРОПОВЕДИ	479
ПСАЛТИРЬ	480
РАДОСТЬ ДУХОВНАЯ	482
РЕВНОСТЬ О СПАСЕНИИ — ДУХОВНАЯ	482
САМООТВЕРЖЕНИЕ	490
САМОУКОРЕНИЕ	491
СВОБОДА	492
СВЯТЫЕ	492
СВЯТЫЕ МЕСТА	495
СКОРБИ	497
СМЕРТНАЯ ПАМЯТЬ	509
СМИРЕНИЕ	512
СОВЕСТЬ	516
СОВЕТ	516
СОН, СНОВИДЕНИЯ	517
СПАСЕНИЕ	520
СПАСИТЕЛЬ	530
СПИРИТИЗМ	535
СТРАСТИ	535
СТРАХ БОЖИЙ	570
СТРАХОВАНИЯ	573
ТВОРЕНИЯ СВЯТЫХ ОТЦОВ	575
ТЕРПЕНИЕ	592

УНЫНИЕ	597
УЕДИНЕНИЕ	598
СЛОВАРЬ.....	603
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	614
БИБЛИОГРАФИЯ.....	615
СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ	
Магистра Богословия Московской Духовной Академии, доцента, архимандрита Георгия (Тертышникова).....	617

**СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА,
ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО**

Составитель: *Архимандрит Георгий (Тертышников)*

Редактор *Т.Н. Терещенко*

Корректоры *Н.Н. Сергеева, А.А. Савенко*

Компьютерная верстка *С.В. Митриковой*

Оформление *С.В. Митриковой*

Издательство «Даръ»

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а

Тел.: (495) 780-39-11 (многоканальный)

Подписано в печать 21.05.2008. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная.

Усл.печ. л. 53,8. Уч.-изд. л. 41,0. Тираж 3000 экз.

Заказ №

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДАРЪ»

основано в январе 2005 г.

Издательство выпускает православную литературу,
русскую классику, книги по истории христианства и России.

Книги издательства, вышедшие в свет:

Серия «Духовное наследие»:

- Свт. Феофан Затворник. Путь ко спасению. 544 с.*
Прп. Никодим Святогорец. Невидимая брань. 464 с.
Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. 544 с.
Прп. Иоанн Лествичник. Лествица. (2-е, исправ. изд.) 528 с.
Свт. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. 320 с.
Откровенные рассказы странника. 448 с.
Прп. Ава Доротея. Душеполезные поучения. 416 с.
Блж. Августин. Исповедь. 544 с.
Прот. Валентин Свенцицкий. Диалоги. 416 с.
Христианская жизнь по Добротолочию. 384 с.
Свт. Игнатий (Брянчанинов). Жизнь и смерть. 352 с.
Отечник. 768 с.
Отечник. 2-е изд. 768 с.
Мир Ангелов и демонов и его влияние на мир людей. Православное учение о добрых и злых духах. 592 с.
Вениамин (Федченков), митр. Всемирный светильник. Житие прп. Серафима Саровского. 464 с.
Молитвы старца Силуана. Сборник мыслей, наставлений и молитв прп. Силуана Афонского. 480 с.
Цветник духовный. Сборник афоризмов и наставлений самых знаменитых христианских мыслителей и философов. 596 с.
Симфония по творениям свт. Феофана Затворника. 664 с.
Симфония по творениям старца Амвросия Оптинского. 344 с.
Святые пишут о святых. 880 с.

Серия «Азы Православия»:

- Свящ. Н. Антонов. Богослужение Православной Церкви. 496 с.*
Епископ Александр (Семенов Тянь-Шанский). Православный катехизис. 288 с.

Как создать православную семью. 256 с.
Как создать православную семью. 2-е изд. 256 с.
Как воспитать ребенка православным. 288 с.
Как воспитать ребенка православным. 2-е изд. 288 с.
Прот. Михаил Помазанский. Догматическое богословие. 464 с.
Богослужение Православной Церкви. 496 с.
Что нужно знать православному христианину. 320 с.
Ключ к познанию Библии. 528 с.
Епископ Виссарион (Нечаев). Объяснение Божественной литургии. 432 с.
Авдеев Д.А. Нервность: ее духовные причины и проявления. *Беседы с православным врачом.* 272 с.
Авдеев Д.А. Как сохранить душевное здоровье ребенка. 224 с.
Авдеев Д.А. Душевные болезни: православный взгляд. 288 с.
О. Александр Ельчанинов. Православие для многих. 352 с.
Библия и наука. Сборник. 304 с.
Православная Церковь о девстве и целомудрии. 352 с.
Таинство Венчания и православный брак. 256 с.
Православие от А до Я. *Справочник-словарь с илл.* 752 с.
Закон Божий для детей. *Новая редакция знаменитой книги прот. Серафима Слободского с новыми великолепными цветными иллюстрациями.* 500 с.

Серия «Русская культура»:

Пушкин А.С. История Пугачева. Капитанская дочка. 400 с.
Лесков Н.С. Соборяне. 576 с.
Ильин И.А. Кризис безбожия. 496 с.
Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. 464 с.
Лесков Н.С. Христианские легенды. 448 с.
Шмелев И.С. Солнце мертвых. 352 с.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. 496 с.
Лесков Н.С. Очарованный странник. 528 с.
Шмелев И.С. Пути небесные. 832 с.
Лосский Н.О. Характер русского народа. 336 с.
Федотов Г.П. Судьба и грехи России. 496 с.
Ильин И.А. Поощре сердце. Книга тихих созерцаний. 320 с.
Первые книги Святой Руси. 560 с.
Шмелев И.С. Солнце живых. 528 с.
Куприн А.И. Купол святого Исаакия Далматского. 464 с.
Куприн А.И. Молитва Господня. 432 с.
Домострой. 320 с.

Серия «Христианский мир»:

- Успенский Ф.И. История крестовых походов. 352 с.
Лебедев А.П. История разделения Церквей. 544 с.
Хомяков А.С. Церковь одна. 464 с.
Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие, Народность. 464 с.
Царь Иоанн Грозный: личность и судьба. Избранное из сочинений: Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева и самого царя Иоанна Грозного. 768 с.
Царский путь Императора. 464 с.
За что Лев Толстой был отлучен от Церкви. 592 с.
Патриарх Никон: трагедия русского раскола. *Сборник*. 656 с.
Дитерихс М.К., *ген.* Убийство Царской Семьи. 704 с.
Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. 800 с.
Православный ключ к «Коду да Винчи». 304 с.

Другие книги:

- Псалтирь учебная. 848 с.
Псалтирь учебная. 2-е изд. 848 с.
Новый завет. Псалтирь. 912 с.
Новый завет. Псалтирь. 2-е изд. 912 с.
Молитвослов подарочный. 416 с.
Молитвослов подарочный. 2-е изд. 448 с.
Библейская энциклопедия. 1087 с.
Настольная книга священнослужителя. *Сборник решений сложных вопросов из пастырской практики*. 416 с.

•

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДАРЪ»

можно приобрести по адресам (в Москве):

1. Ул. Верхняя Первомайская, д. 49а, кор. 10, стр. 2 (м. «Первомайская»).
2. Ул. Металлургов, д. 56/2 (м. «Новогиреево»)
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12, 916-55-95 (многоканальные).
3. Издательский Совет Русской Православной Церкви. Ул. Погодинская, д. 20, кор. 2.
Тел.: (495) 245-30-68, 246-52-08, 246-20-85

и во многих светских и церковных
книжных магазинах России